

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

B 860,724

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

Киреевскій, Петр Васильевич.

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢВСКИМЪ

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ

П. А. БЕЗСОНОВА.

ВЫПУСКЪ 9.

МОСКВА.

Въ типографіи Бахметева, на Срѣтенкѣ, д. Карлова и въ Университетской
(Каткова и К^о), на Страстномъ бульварѣ.

1872.

891.708

K58

v. 9

О томъ, чтобы изъ подлежащаго изданія и прочихъ подобныхъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ Обществу Л. Р. Сл., *не перепечатывать цѣликомъ образцовъ или памятниковъ народной словесности, хотя бы краткихъ, но составляющихъ—каждый—отдѣльное цѣлое, въ томъ видѣ, въ какомъ они, съ примѣчаніями и объясненіями, являются здѣсь свѣту впервые* повторяется вновь покорнѣйшая просьба и предупрежденіе.

Дозволено Цензурою. Москва, Октября 31-го, 1872 г.

61-107918

Выписка изъ протоколовъ Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1872 года, Мая 22-го, CCLXXXV засѣданіе, пунктъ 5.— Д. Чл. П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что, во исполненіе протокола отъ 24 Апрѣля 1870 года, въ предстоящіе лѣтніе мѣсяцы выйдетъ изъ печати **) издаваемый имъ по порученію Общества девятый выпускъ «Пѣсней, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», обнимающій народные пѣснотворческіе памятники за время отъ Петра I-го до XIX вѣка, при чемъ представилъ отпечатанные чистые листы и счета по изданію; а вмѣстѣ доложилъ Обществу, что въ черновыхъ матеріалахъ имъ приготовленъ къ изданію выпускъ 10-й и послѣдній, завершающій Пѣсни Былевыя-Историческія съ Александра I-го до нашихъ дней, съ дополненіями, вновь накопившимися къ выпускамъ предыдущимъ, предполагаемый къ печатанію немедленно въ слѣдъ за выпускомъ 9-мъ, а по объему съ цѣною 1 р. 50 коп. за экземпляръ.—По прежнимъ примѣрамъ, выразивъ вновь своему сочлену признательность за труды по изданію, приближающемуся къ успѣшному окончанію, Общество постановило: чрезъ г. казначея выдать по счетамъ—, а относительно выпуска 10-го утвердить предположенія издателя и предоставить ему немедленно при первой возможности приступить къ печатанію.

— Октября 5-го, CCLXXXVI засѣданіе, п. 2.—По представленію завѣдующаго изданіемъ, Д. Чл. П. А. Безсонова, цѣна 9-му выпуску «Пѣсней, собр. П. В. К—мъ», утверждена въ 1 р. 50 к. сер.

*) Печатались въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

**) По болѣзни издателя выходъ нѣсколько задержался.

Выпускъ 9.

Восемнадцатый вѣкъ

въ Русскихъ историческихъ дѣяніяхъ

послѣ Петра I-го.

I.

ПОСЛЬ ГОСУДАРЯ ПЕТРА АЛЕКСЪЕВИЧА.

Шереметевы и Долгорукиѣ.

Шереметьевъ дворъ.

1.

- Не вѣйте, не вѣйте, вѣтры буйныя,
Не раскачивайте звонки колоколы,
Не будите ¹⁾ у Василья жену,
Не будите у Владимірыча ¹⁾:
5. Вечоръ его жена во пиру была,
По утрѣ рано сына родила.
Бабушка была съ Шереметьева двора,
Куможъ былъ Долгоруковъ сынъ,
Кумою ²⁾ была Трубецкаго жена;
10. Его царь-государь много жаловалъ:
Тремя городами съ пригородками,
Тремя теремами съ притеремками ³⁾.

Эта распространенная пѣсня, которую г. Сахаровъ въ „Сказ. Р. нар.“ приводитъ, какъ записанную И. Т. Яковлевымъ, почему-то въ числѣ „Свадебныхъ“, важна не по историческимъ чертамъ, а по тому представленію народа, которое соединяетъ *Шереметьевъ дворъ, Долгорукиихъ и Трубецкихъ*,

¹⁾ Сахар. „Не разбудите у Вас. жену, Не разб. у Федюловича жену.“ —
²⁾ „Кума-то.“ — ³⁾ „За то его царь, За то его государь Много жаловалъ,
Тремя гор. Съ пригородочками, Съ притеремочками.“

согласно тогдашней дѣйствительности. — Старшій *Шереметьевъ* дворъ (и домъ) нужно отличать отъ болѣе поздняго, извѣстнаго подъ симъ именемъ на противоположной сторонѣ Никольской улицы (откуда названъ прилежащій Черкасскій переулокъ) и постуившаго къ Петру Борисовичу Шереметеву по жень. Варварѣ Алексѣевнѣ (Черкасской): старшій же родовой приобрѣтенъ въ слѣдъ за симъ для Синодальной Типографіи и, назначенный для храненія книжныхъ запасовъ, въ наше время и на нашикъ еще глазахъ представлялъ въ нетронутой внутренности замѣчательную красоту постройки, сводовъ, оконъ, нишей, слѣдовъ домашней церкви (съ воротами на улицу подъ всевидящимъ окомъ), старинной штукатурки, затвердѣвшей и лоснившейся мраморомъ, пока все это уступлено, было недавно въ аренду г. Порховщикову и совершенно передѣлано подъ разныя магазины или лавки, съ новымъ провѣдомъ къ стѣнѣ города. — Здѣсь же, какъ сохранило воспоминаніе слѣдующая пѣсня, происходила засѣданія суда.

*

2.

(Земля Войска Донскаго).

Ужь ты ягодка ты смородинка,
Ты когда взошла, когда выросла?
Я весною взошла, лѣтомъ выросла,
Зеленѣхунька позаломлена,

5. По три прѣтичка въ пучки вязана,
По дороженькѣ поразбрѣсана ⁴⁾.

На томъ-то было дворѣ Шереметьевомъ,
За столомъ-то сидятъ три генералушка.
Передъ столомъ-то стоитъ красная дѣвушка,

10. Красная дѣвушка проситъ генералушковъ;

«Раскуйте моего батюшку, раздѣрните ⁵⁾ мою матушку!»

⁴⁾ Все это начало принадлежитъ пѣснямъ „Петровскимъ“ и представляетъ здѣсь послѣдовательную связь съ ними: на оборотъ, пѣсни о кончинѣ Петра и послѣдующемъ горѣ „разбрасываютъ смородинку“ и счастье Руси, выраженное этимъ образомъ, „до того ли села *Шереметьева* (ср. у насъ вып. 8, стр. 278 и далѣе 338 и дал.)“ — Сопоставленіе это въ непосредственномъ народномъ позрѣніи говоритъ нашему отвлеченному выводу: какъ смерть Петра простерла утраты по всей Россіи и отозвалась (конечно по тѣсной связи) на Шереметѣвыхъ, такъ новое горе Шереметьева дома возводитъ память къ былой недавней, утраченной, порѣ Петровской. — ⁵⁾ Развяжите.

- «— Не плачь, Прасковьюшка, не тужи, не кручинься:
 «— Не можемъ мы, генералюшки, расковать твоего батеньку,
 «— Не можемъ мы развёрзнуть твоей матушки.
 15. «— Ты пойди къ самому царю Бѣлому ⁶⁾,
 «— Подойди тихохонько, попроси смирёхунько,
 «— (Попроси смирёхунько), поклонись низёхунько.—»

Идетъ Прасковьюшка къ самому царю Бѣлому:

На крыльцѣ-то сидитъ православный царь ⁷⁾.

20. Какъ возгворитъ рѣчь Прасковьюшка

Своимъ громкимъ голосомъ:

«Ты прости, православный царь,

«Моего батеньку и мою маменьку,

«Прикажи, царь, расковать моего батеньку,

25. «Прикажи развёрзнуть мою маменьку!»

Какъ возгворитъ въ отвѣтъ православный царь:

— Не прошу я, Прасковьюшка, твоего отца-матерю.

— А сошлю я его подъ Сибирь-городъ, а ее на фабрику ⁸⁾.—

(Ср. сборникъ г. Савельева, 1866 г.).

Пѣсня эта, по главнымъ чертамъ своимъ явно историческаго происхожденія, съ одной стороны тѣсно примкнувшая своими образами и выраженіями къ ближайшей передъ тѣмъ эпохѣ Петровской, а съ другой забѣжавшая нѣсколько впередъ изображеніемъ судилища, въ срединѣ между тѣмъ и другимъ выразительно сосредоточиваетъ описанное событіе на „дворѣ Шереметьевомъ“, или лучше, въ Шереметьевскомъ семействѣ, которое застигнуто здѣсь тяжкимъ горемъ и суровымъ приговоромъ, послѣдствіемъ чего была ссылка и разлука супруговъ. Такимъ дѣломъ, въ этомъ мѣстѣ и въ этомъ отрѣзкѣ времени, было только знаменитое дѣло, мгновеннымъ счастіемъ и такимъ же быстрымъ злополучіемъ соединившее Ше

⁶⁾ Подъ симъ именемъ, какъ мы знаемъ изъ выпуска 8-го, спеціально разумѣютъ пѣсни „царя Бѣлаго Петра Перваго“, хотя и перешло оно дальше на его преемниковъ (но было для народнаго слова перервано рядомъ „государынь“). Такимъ образомъ, и снова въ помянутомъ смыслѣ, пѣсня восходитъ къ ближайшему рубежу, только что покинутому, къ Петру Первому.—⁷⁾ Это изображеніе царя, положенія его и способовъ суда опять совершенно то же, какъ во многихъ пѣсняхъ о Петрѣ (см. вып. 8).—⁸⁾ Явное некаженіе (между прочимъ „фабрика“ поставлена здѣсь вмѣсто „заводовъ“, куда ссылались наши преступники и преступницы): въ немъ несомнѣнно только указаніе на ссылку, на Сибирь и на разлученіе супруговъ.

реметевыхъ и Долгорукихъ. Въ дѣйствительности исторической возможная, для народнаго творчества явилась дѣйствительною просьба съ ходатайствомъ за осужденныхъ и ссылаемыхъ: просьба или а) дочери за родителей, какъ здѣсь, то есть бывшей царской невѣсты Екатерины Алексѣевны и новобрачной невѣстки Натальи Борисовны (дочери Бориса Петровича) за осужденныхъ стариковъ Долгорукихъ, или, на оборотъ, б) просьба матери новобрачныхъ, старухи Долгорукой, за сына Ивана Алексѣевича и невѣстку. А соображая, что здѣсь помнится послѣдовавшее *разлученіе* супруговъ и что ходатаицею является *Прасковья*, склоняемся къ убѣжденію, что это выведена старуха Прасковья Юрьевна Долгорукая, урожденная Хилкова. Пѣсни Петровскія, изъ коихъ, по своимъ образамъ и выраженіямъ, истекла очевидно и эта, именно о казни, предстоявшей „князю, большому боярину, атаману стрѣльцкому,“ или „атаману козацкому, козаку“ и просто „молодцу,“ въ своихъ развѣтвленіяхъ (ср. вып. 8) выводятъ печалующихся за осужденнаго, то убѣждающихъ его искать помилованія, то надѣющихся на милость дарскую и прямо къ ней прибѣгающихъ: въ этой роли является или отецъ съ матерью, или жена осужденнаго, подруга его, даже сама царица предъ царемъ. На такомъ пути, а особенно при искаженіи образца и при далекомъ распространеніи пѣсни (она записана у Донцовъ), кромѣ того при страхѣ и тайнѣ, кои окружали опальныхъ, народному творчеству легко было, и почти неизбежно, переставить роли, тѣмъ больше, что обѣ были возможны и не встрѣчали противорѣчія въ творческой дѣйствительности: мать Прасковья Юрьевна, ходатайствующая за ссылаемыхъ дѣтей (а она не могла не ходатайствовать по народному взгляду, если уже событіе сдѣлалось ему извѣстно), претворена, при распространеніи пѣсни, въ дочь, просившую за родителей; ходатайствовать же, послѣ генеральскаго суда, опять не передъ кѣмъ, кромѣ царя; а такимъ царемъ, грознымъ и могущимъ миловать, представлялся свѣжій еще, живой еще образъ Петра; и точно, суда по всѣмъ чертамъ и выраженіямъ, выведенъ здѣсь Петръ. Представить его живымъ еще, и съ царицею, могло конечно то, что недавно скончавшійся и смертію своею виновникъ Шереметьевскаго горя былъ также *Петръ Алексѣевичъ*, а нареченная царица его, *Долгорукая* — именно героиня воспѣтаго событія. Удержать же крѣпко имя *Прасковья*, тогда какъ старуха Долгорукая была для сего недостаточно популярна, народному творчеству удобно было отъ того, что въ исторіи Шереметевыхъ, около которыхъ пѣсни вращаются, имя это памятно особенно по другой героинѣ, которую встрѣтимъ на концѣ XVIII столѣтія.

*

Слѣдующій образецъ, по тому же послѣдовательному пути еще болѣе искаженный, дѣлаетъ изъ молодаго князя—молодаго маіора (какъ это обычно, ср. на прим. вып. 5 и тотъ же 8), заставляетъ его самого просить о помилованіи, но за то и царя рисуетъ на крыльцѣ съ *царицею*, подобно Петровскому образцу (напр. стр. 100 и дал. въ 8 вып.):

3.

(Оттуда же).

Ужь ты ягодка ты смородинка,
 Ты когда взошла, когда выросла?
 Я весною взошла, лѣтомъ выросла,
 Зеленѣхунька позалошана,
 5. По три прутичка въ пучки вязана,
 По дороженькѣ поразбросана.

У крыльца у дворца государева.
 На крыльцѣ-то сидитъ православный царь,
 Православный царь со царицею.
 10. Передъ нимъ стоитъ молодой маіоръ,
 Молодой-то маіоръ со маіоршею:
 «Ты прости, прости, православный царь!»
 — Не прощу я тебя, молодой маіоръ,
 — А сошлю я тебя да во Грузію ¹⁾,
 15. — А маіоршу-то твою на фабрику.—

*

Когда, занятымъ изъ Петровскаго творческаго періода яркимъ образомъ, очерчена судьба, постигшая домъ Шереметьевъ съ Долгоруковскими, быстрый веходъ и мгновенный возрастъ его счастья, ранній разломъ, непрочность и расторженіе союза, участь молодыхъ, только что сочетавшихся, и вотъ уже „разбросанныхъ по дороженькѣ,“ и дороженькѣ дальней, въ ссылку; когда прямо съ этой ягодой-смородинкой сопоставлены молодые супруги (№ 3), обреченные на ссылку и разлуку (№ 2): тогда въ слѣдъ за симъ мы непременно должны отъ памятной Русской пѣсни ожидать прямого изображенія сихъ супруговъ, съ подробностями ихъ изгнанія, болѣе доступными для народнаго взора, съ именемъ кого либо изъ нихъ, съ описаніемъ казни и смерти супруга, однимъ словомъ ожидать

¹⁾ Слова „да во Грузію“ всего легче могли быть испорчены, по созвучію, изъ словъ „до Березова“ или „ко Березову,“ особенно на югѣ Россіи, гдѣ записана эта пѣсня и откуда Березовъ гораздо дальше, чѣмъ знакомая Грузія съ Кавказомъ.

пѣсни о князь Иванъ Алексѣевичъ и Натальѣ Борисовнѣ Долгорукихъ. Это и получаемъ въ слѣдующихъ трехъ образцахъ.

Чтобы уразумѣть ихъ, нужно опять вспомнить предварительно пѣсни Петровскія, о тогдашнихъ казняхъ, относительно которыхъ новыя были естественнымъ послѣдствіемъ и продолженіемъ. Тамъ, во первыхъ, кары и казни, вообще явленія „грозныя“ взяты пѣснями, въ известномъ готовомъ и выработанномъ образѣ, изъ временъ Грознаго царя и цѣликомъ почти, по крайности съ повтореніемъ главныхъ чертъ, перенесены въ эпоху Петровскую: въ этомъ экономія творчества народнаго; оно пользуется однажды законченнымъ своимъ созданіемъ, безъ нужды не творитъ вновь и не тратится напряженіемъ силъ, а примѣняетъ ихъ только къ тому, чтобы на основѣ матеріала прежняго *специализировать* область новую; многое изъ эпохи Ивановской повторено въ Петровской, но въ нѣмъ уже, новымъ и дальнѣйшемъ видѣ (см. вып. 8). Во вторыхъ, въ самыхъ пѣсняхъ Петровскихъ, частныя черты исторической дѣйствительности конечно собраны творчествомъ и сосредоточены въ нѣсколько опредѣленныхъ образовъ, тѣмъ болѣе выразительныхъ, чѣмъ ихъ менѣе числомъ, чѣмъ давить работаетъ надъ ихъ отдѣлкой творческій геній народа: таковы — „Молодецъ на прѣвѣжѣ“, „Донской козакъ“ — сперва „въ плѣну Турецкомъ“, потомъ „въ тюрьмѣ и на допросѣ предъ царемъ“, отчасти „князь стрѣлковскій“ и „князь Голицынъ“, на коего палъ гнѣвъ царскій, всего же болѣе „стрѣлецкій атаманушка, Иванъ Ивановичъ, большой бояринъ и князь“, веденный на казнь и казненный въ сопровожденіи *отца-матери, сестры* и особенно *молодой жены*. Въ третьихъ, что касается до мѣста, то въ 8-мъ выпускѣ нашемъ многократно замѣчено, какъ сцена дѣйствія постепенно переносилась съ Дона и Азова, съ Балтики и Украины въ Москву, отчасти же, позади, и въ Петербургъ. Творчество, по самой необходимости его, такъ любить опредѣленность рамки, что даже не рѣдко суживаетъ ее до послѣдней возможности: все переносится на Мясницкую изъ Кремля, Тверскую и Дмитровку (ср. кн. Волконскаго), а лучшимъ примѣромъ кн. В. В. Голицынъ, который, со всею цѣхотой, козаками и егерями, переведенъ изъ Крыма къ Москвѣ, воставленъ на дорогу къ Троицѣ, куда онъ ѣздилъ къ царю на грозныя очи, наконецъ весь умѣстился на узенькой Тверской, между Тверскими воротами, Казанскимъ Соборомъ и Кремлемъ. Вспомнимъ, какъ симъ же точно способомъ при Грозномъ Новгородскія и Целковскія событія съ казнями и лицами ихъ сведены творчествомъ въ Москву, гдѣ явилось даже и самое поле Куликово. Наконецъ, въ четвертыхъ, при постепенномъ искаженіи, крупныя историческія имена и лица замѣнены простыми „козаками, маіорами, сержантами, драгунами, молодцами безъименными.“ — Теперь, въ соотвѣтствіе сказанному, пѣсни о сылѣкѣ Долгорукихъ и казни главнаго героя, начинаясь непосредственно послѣ Петровскихъ, примыкаютъ къ симъ послѣднимъ, именно къ перечисленнымъ выше, съ тѣми же совершенно образами, чертами, даже оборотами и выраженіями: творчеству это легче было и потому уже, что здѣсь та же ссылка, боль-

шая дорожка изгнанныхъ, стража впереди и сзади, въ сопровожденіи дѣйствительно отецъ и мать (см. выше), сестра (бывшая царская невѣста), молодая жена, а въ концѣ концовъ казнь; кромѣ того главный герой также „бояринъ и князь.“ Какъ при Иванѣ и Петрѣ, такъ и здѣсь тѣмъ больше не возможно и не нужно было удерживать Берёзовъ, ни даже Новгородъ, историческое мѣсто казни: дѣло завершается „въ Москвѣ,“ „ведутъ по „Дмитровкѣ,“ и довольно уже, если уцѣлѣвшіе образцы замѣчаютъ, что ссылка совершается „въ Сибирь (см. выше)“ и ведутъ „по большой дорожкѣ (см. ниже).“ Но, сверхъ сихъ чертъ, все это съ избыткомъ обособляется (специализируется): отношеніемъ къ „двору Шереметьеву,“ застигнутому горемъ (см. выше); указами, которые постепенно обтравлялись сосланными черезъ нарочныхъ, а въ пѣсни выражены судомъ „генераловъ,“ которые отказываются сами рѣшить дѣло, ссылаясь на высшее распоряженіе царской власти; покушеніемъ просить о пощадѣ власть царскую, о чемъ сама Н. Б. Долгорукая говоритъ въ запискахъ („я крѣплюсь, не сдачу, а уговариваю свекра и мужа: какъ можно безъ вины и безъ суда сослать! Я имъ представляю: поѣзжайте сами къ государыни, оправдайтесь.“); яснымъ намекомъ, что сосланные молодые супруги были именно *разлучены* (см. выше); изображеніемъ не только царя (по памяти Петра I-го и недавней смерти Петра II-го), но и *царицы*, отъ коей въ дѣйствительности зависѣло рѣшеніе; особенно же и прямо именемъ *князя Долгорукаго*, притомъ *Вани, Ванюшки*. Если же здѣсь кромѣ того выведена сама Наталья Борисовна, исторически не бывшая при казни мужа: то это было совершенно необходимо въ пѣсни, и по связямъ съ другими образцами сего рода, о коихъ мы говорили, и, что то же, для оживленія подобной сцены, которая иначе и не могла представиться народному воображенію. Эта кажущаяся анти-историчность на самомъ дѣлѣ дала для пѣсни поводъ высказать такую черту и подробность, которую увидимъ сей часъ ниже и которая оказалась самою историческою изъ историческихъ, а вмѣстѣ окончательно обособила пѣсню за Долгорукими и Шереметьевыми, такъ что ее некому приписать больше кромѣ нихъ. Наконецъ, если вспомнимъ, что подвиги, обстоятельства, слава, пѣсни Борца Петровича и пѣсни о немъ, все это и столь недавно передъ печальнымъ событіемъ, пронеслось по всей Руси отъ Азова до моря Варяжскаго и отъ Пскова до Полтвы (см. вып. 8): то очевидно, что творчество народное настроено уже было сильно, какъ никогда, къ произведенію новому, лишь только настало въ самъ Шереметьевомъ дворѣ и домѣ новое событіе, и столь разительное. Съ другой стороны, въ концѣ той же первой половины XVIII вѣка, а еще больше во все его продолженіе, въ слѣдъ за женитьбой Петра Борисовича на В. А. Черкасской, для сложенія и для распространенія пѣсенъ о Шереметьевыхъ явилось не маленькое мѣсто и вмѣсталище: десятки тысячъ преданнаго и любящаго крестьянства по всей Россіи, крестьянства богатаго, болѣе досуаго, болѣе настроеннаго къ творчеству. Но, въ той же самой мѣрѣ, на такомъ пространствѣ, между столькими устами и въ теченіе 130

лѣтъ, пѣсни должна была принять на себя довольно искаженій, всякого рода округленій и безлидовокъ: отсюда мы видѣли выше вставленнаго уже маіора съ маіоршею. А тутъ, кромя того, въ самомъ началѣ, прибавилось обстоятельство неблагопріятное: объ опальныхъ, ссыльныхъ и казенныхъ, по крайности въ теченіе лѣтъ до государини Елизаветы, пѣть было и опасно, и просто невозможно пѣть громко, по крайности публично. Тому мы знаемъ рѣзкіе примѣры на пѣсняхъ о Ксеніи, Волконскомъ, отчасти о Разинѣ, особенно о Лопухиной, пѣсняхъ или документальнѣе запрещавшихся, или навлекавшихъ на поощаго бѣду, или, по тому самому, замѣтно сдержанныхъ, осторожныхъ, вынужденныхъ обобщать, округлять, безликовать, безыменовывать. Въ концѣ сего выпуска, и по поводу тѣхъ же Шереметевыхъ, мы увидимъ совершенно такое же явленіе, гдѣ событіе само по себѣ было прекрасно и отрадно, но по временнымъ обстоятельствамъ сдерживало певщихъ осторожность.—Послѣ этого, кажется, намъ совершенно ленимъ будутъ историческія пѣсни:

Князь Ваня Долгорукій

и

молодая жена его боярыня

(Наталья Борисовна).

Казнить князя Долгорукаго.

1.

(Тулской губ. и Тул. уѣзда).

По большой дорожкѣ ¹⁾
 Не купца ведутъ, не боярыня ²⁾,
 Самогó князя ³⁾ Долгорукаго.
 По бокамъ идутъ два полка солдатъ,
 5. Два полка солдатъ, два тысячныхъ;
 Наперѣдъ идетъ самъ грозной палачъ;

¹⁾ Этими, по забвеніи Новгорода, устраниена Москва и кромя того пошнтся дальняя ссылка „большой Владимірской дорогой (хотя собственно сначала Рязанской, а послѣ на Березовѣ).“ Разнорѣчіе: „По большой было по дорожкѣ.“—²⁾ Разнорѣчіе: „не простаго боярыня.“—³⁾ Это „самого“ то же, что знаменитаго, передоваго тогда: „первая персона въ нашемъ государствѣ,“ говоритъ Н. Борисовна.

Позаді идетъ боярыня ⁴⁾,
 Набѣлена, нарумянена ⁵⁾.

Она плачетъ, что рѣка льбѣтся,
 10. Слѣзы катются, что волна бѣѣтся.

«Ты не плачь, моя боярыня,

«Набѣлена, нарумянена!»

— Ужь какъ же мнѣ не плакати,

— Коль крестьянушекъ отписываютъ,

15. — Въ золотой казнѣ воли нѣту ⁶⁾?

— Только одинъ—золотой перстень мой ⁷⁾!—

«Давай перстень, палача дарить,

«Чтобы придалъ скорую смерть ⁸⁾!»

(Записано г-жею У—вой. Мною пѣсня слышана отъ лица въ Новгородской губерніи в Новгород. уездѣ, 1855 года; я не имѣлъ возможности записать, помнилъ на память, а послѣ перепыталъ и удержалъ только начало, съ двумя правдоподобными развѣтвіями. Но тогда же остановилъ вниманіе и очень обрадовался получивши послѣ нѣсколько образцовъ).

*

⁴⁾ Замѣчательно, что не «княгиня», указаніе на родъ Шереметевыхъ: ихъ, съ Бориса Петровича, народъ и его пѣсни привыкли называть «боярами, большими боярами (см. вып. 8).^{а—б)} По привычному образу и выраженію народа, это то же, что «красавица»: портреты Натальи Борисовны, невѣстой и монахиней, особенно въ рукахъ Шереметевыхъ, о томъ свидѣлствуютъ.—^{в)} То и другое, лишеніе имѣній и казны, совершилось постепенно надъ осужденными постепенио указано, на второмъ плачѣ, въ запискахъ Натальи Борисовны: не она, какъ извѣстно изъ исторіи и записокъ, не обращала большаго вниманія на эти внѣшнія утраты, намекая лишь то на воступки брата, на разобщенность съ семьей свекра въ дѣлѣ денежной по дорогѣ, то на ловкость семьи его, забравшей себя на дорогу. Въ словахъ пѣсни видна память о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя ставили уже въ сѣмьлѣ, не давая распоразаться собственной казною дорогихъ вещей, передъ казнью мужа, что и было отчасти поводомъ къ сей послѣдней (см. ниже). Во всякомъ случаѣ плачь, здѣсь выставленный, не зависитъ прямо отъ внѣшнихъ потерь; ходъ мыслей: какъ не плакать, не могу тебя откупить, въ золотой казнѣ нѣту воли (см. ниже сравненіе съ однородными пѣснями). — ⁷⁾ Изъ золотой казны остался монѣтъ, въ моемъ распоряженіи, только одинъ золотой перстень: см. о немъ въ концѣ.—⁸⁾ Казнь, какъ извѣстно, была жестокая, и потому выражена необходимостью ускорить смерть (подаркомъ палачу, издревле у насъ водившимся).—Краткость и отрывчатость всей пѣсни, особенно этихъ двухъ послѣднихъ строкъ, свидѣлствуютъ прямо объ ея основной подлинности: таковы же о Ксеніи, Скопинѣ, Лопухиной, Стрѣльцахъ и т. ц.

2.

(Задонскій уѣздъ).

Какъ на улицѣ да на Дмитровкѣ ¹⁾,
 Какъ на Дмитровкѣ, въ каменной Москвѣ,
 Тамъ вели князя Долгорукаго,
 Вели его казнить—вѣшати.

5. Наперёдъ идетъ грозёвъ палачъ,
 Въ рукахъ онъ держитъ свой булатный мечъ,
 Свой булатный мечъ—свой вострой топоръ,
 Наточёнъ—наострёнъ, какъ солнце блеснуть.
 Позади князя идетъ молодѣ жена:
 10. Она плачетъ, какъ рѣка льется.
 Какъ рѣка льется, Волга матушка.

«Ты не плачь, моя молодѣ жена ²⁾!..»
 — Какъ и нѣту со мной золотой казны:

¹⁾ Д. б. „на улицѣ, по Ди.“ Какъ скоро: „въ Москвѣ,“ и „на улицѣ,“ то въ нѣсни обычно Мясницкая, Тверская и особливо Дмитровка, соблазнительная затверженною былью о несчастіи князя Волконскаго и жены его.—

²⁾ Въ образцѣ нѣсни, начиная съ этихъ строкъ, означаются подъ рядъ и дальше, слова князя: но это явное искаженіе и неосторожность списавшаго, ибо какое же утѣшеніе плачущей женѣ, что у князя золотой казны нѣту, и какую же можно вообразить казну при узникѣ, идущемъ на казнь? И такъ, согласно съ дѣломъ и предшествующимъ образцомъ, дальнѣйшій отвѣтъ принадлежитъ князю. Но, если такъ, то послѣдніе три стиха снова принадлежатъ князю, ибо тутъ „меня“ и „мой плачъ мочитъ.“ Ходъ мыслей и первобытный составъ нѣсни въ подлинникѣ восстанавливаются образцами другихъ, сродныхъ и помнятыхъ нами, нѣслей: „Что ты плачешь,“ говорить осужденный подругѣ,

„Какъ чего же тебѣ хочется:
 „Иль помѣстій моихъ, или вотчины,
 „Иль имѣнія тебѣ—богатства,
 „Или злата, или серебра,
 „Иль моего тебѣ здоровьяца?“

- — Только и есть у меня — одинъ перстѣнь,
 15. — Золотой перстень, весь въ алмазикахъ,
 — Весь въ ямазикахъ, дорогихъ камняхъ.—
 «Какъ и тѣмъ перстнемъ надо палача дарить:
 «Чтобы снялъ онъ съ меня буйную головушку,
 «Не попортилъ бы моихъ могучихъ плечей³⁾»

(Ср. „Ворон. Бес.“, 1861).

*

Слѣдующій образецъ пострадалъ болѣе всѣхъ, но сохранилъ и другія любопытнѣйшія черты:

3.

(Самарскій край).

Добры молодцы всё на волюшкѣ живутъ:
 Одинъ Ванюшка въ побѣдушкѣ⁴⁾ сидитъ.

то есть, добиваешься ли ты, ждешь послѣ меня, наследства, или думаешь, какъ спасти меня? Иначе: жалѣешь ли о потерѣ, имѣствѣ со мною, имѣній и казны, или объ утратѣ жизни моей? Она отвѣчаетъ:

- Ничего-то мнѣ не хочется,
- Ни помѣстій твоихъ, ни вотчины,
- Ни имѣній твоихъ — богатства,
- Ни золота, ни серебра.
- Ужь какъ только мнѣ хочется
- Твоего; сударь, здоровьяца,

— чтобы ты былъ живъ и спасенъ: — послѣдній образъ согласенъ совершенно и съ типомъ Натальи Борисовны. — Но въ другихъ подобныхъ пѣсняхъ слѣдуетъ тотъ спеціальнѣйшій конецъ, что молодецъ отвергаетъ всякую надежду и помощь, ибо участь его рѣшена. — Въ третьихъ, „темничныхъ“ же, слѣдуетъ предложеніе молодца: Ну такъ скорѣе доставай казну, откунай меня; на это въ однихъ подруга, изъ мести или негодованія, отвѣчаетъ отказомъ, въ другихъ дѣйствительно откупаетъ. — Здѣсь-то и начинается неотъемлемая спеціальность пѣсни *Долгоруковской* — *Шереметьевской*: является на сцену *перстень*, о которомъ сей часъ скажемъ, и ему дается назначеніе *особое*. — Впрочемъ, перстень, кромѣ жены, явно допускается предлагающимъ образцомъ и на руки узника: и въ этомъ опять, какъ увидимъ, историческая черта. —³⁾ Или „могучихъ плечъ.“ — Новое примѣненіе подарка, болѣе испорченное, хотя и намекающее, можетъ статься, на четвертованіе княжескаго тѣла. — Весь образецъ, сравнительно съ первымъ, болѣе распространенъ, разведенъ и разбавленъ.

⁴⁾ Въ бѣдѣ, въ ожиданіи казни.

Въ каменнѣй, Ваня ⁵⁾, государевой Москвѣ,
 Въ земляной тюрьмѣ, за рѣшетками,
 8. За желѣзными дверями, за висячими замками ⁶⁾.

За утра Ваню къ наказаньицу вѣдуть,
 Къ наказаньицу вѣдуть, ко ременному кнуту,
 Къ столбу крашеному, дубовому:
 По праву руку отецъ съ матерью идутъ ⁷⁾;
 10. По лѣву руку молодѣ жена съ дѣтьми,
 Молода жена съ дѣтьми малыми ⁸⁾;
 Позади его православный весь народъ.

Какъ и сталъ Ваня говорить женѣ:
 «Ты сними съ меня шелковѣй поясъ,
 18. «Съ позолочеными на немъ ключиками ⁹⁾,
 «Отопри, жена, окованъ сундукъ,
 «Ужь ты вынь оттоль золотой казны,
 «Ты дари, жена, молодого палача,
 «Чтобы молодой палачъ меня легче наказыввлъ ¹⁰⁾!»

(Ср. сборникъ г. Варенцова, 1862, гдѣ эта пѣсня отнесена къ „равбойничьимъ“).

Золотая казна, въ разныхъ драгоценныхъ вещахъ, играющая такую роль, если не для самой дочери Бориса Петровича и не въ ея запискахъ, то въ пѣсни объ ней, играла столь же важную роль и въ самой окружавшей действительности. Она прельстила брата, не совсѣмъ великодушнаго, на противъ очевидно слишкомъ скупнаго относительно удалившейся въ ссылку сестры; она изумила сочинительницу записокъ и вырвала у ней строки о семьѣ Долгорукихъ: „вижу, что свекровь и золовки (при отъѣздѣ) съ собой очень много берутъ изъ брилліантовъ, изъ галантерей, все по карманамъ прачуть,—миѣ до того и нужды не было:“ она же, по дорогѣ, ха-

⁵⁾ Собственное имя князя, драгоценная черта, искупающая остальную порчу пѣсни: „Ваня и Ванюшка,“ не Иванъ и не Иванъ Алексѣевичъ, совершенно отвѣчаетъ и нѣжнымъ отношеніямъ супруговъ, и молодости князя, и любезному его для народа образу. — ⁶⁾ Д. б. „За желѣзными дверями, за висячими замки.“ — ⁷⁾ Ср. выше эту историческую черту. — ⁸⁾ Такъ шагъ за шагомъ, условливая порчу, разыгрывается воображеніе, все раскрашивая обстановку сцены, по кажущейся необходимости. — ⁹⁾ Вмѣсто перстня уже поясъ и, если не золотой, хоть съ позолоченными ключами. — ¹⁰⁾ Еще шагъ порчи и уже тривіальный расчетъ: однако опытъ и память о суровости казни.

рактизовала свекра: „я дорогою уже узнала, что я на своемъ кошѣ ѣду, а не на обчѣтѣ;“ наконецъ она же, въ самомъ уже Березовѣ, когда Наталья Борисовна сочна себя въ правѣ распорядиться остатками имущества и подарить мелочи близкимъ, возбудила новыя преслѣдованія и дала именно почувствовать, что „въ золотой казнѣ воли нѣту.“ Известно, что, при новыхъ воздвигшихся разслѣдованіяхъ, это отчасти было нервнымъ поводомъ къ дальнѣйшему и къ самой даже казни князя: не удивительно, что пѣсня соопоставила съ образомъ казни образъ золотой казни. Но тутъ начинается особенность, которая выдѣляла пѣсню изъ всѣхъ прочихъ, на всегда отличала ее и запечатлѣла, такъ что нельзя ее смѣшать съ другими и сомнѣваться, что это дѣйствительно пѣсня историческая, основанная на событіи крупномъ въ исторіи народа, и не княя пѣсня, какъ о княжеской четѣ *Долгорукико—Шереметевыхъ*. Это перстень, перстень золотой и драгоценный: его нигдѣ въ такой роли не найдете по нашимъ другимъ пѣснямъ, въ теченіе всей исторіи народнаго пѣснотворчества, послѣ того знаменитаго перстня, который сыгралъ подобную же роковую службу для Добрыни и Настасьи Микуличны. Вотъ что говоритъ о немъ сама Наталья Борисовна: „наши перстни были, которыми обручались, его (Ивана Алексѣевича) — *въ двенадцать тысячъ*, а мой въ *шесть тысячъ*.“ Не даромъ, какъ видите, хотя бы обмолвкой противу существеннаго строя, одинъ образецъ пѣсни надѣваетъ драгоценный перстень, кромѣ жены, и на руку *самого князя*. Говорятъ, хотя мы и не имѣли пока случая лично въ томъ убѣдиться, въ родовомъ имѣніи потомковъ бережется доселѣ это священное наслѣдство. И въ запискахъ Натальи Борисовны есть мѣсто, которое какъ будто повторено въ пѣснѣ, о печальной потерѣ одного изъ подобныхъ сокровищъ во время дороги, когда спѣшили съѣсть на судно: „тогда я потеряла *перло жемчужное*, которое было у меня на рукѣ. Знать, я его въ воду опустила, когда я съ своими прощалась. *Да мнѣ уже и не жаль было, не до него: жизнь тратится*.“ Какъ это похоже въ пѣснѣ: изъ золотой казни одинъ дорогой перстень, да и того не жаль, нужно подарить—потерять его, ради того, что жаль дорогаго „здоровьяца.“ что гибнетъ супругъ, „жизнь тратится.“ Какъ бы то ни было, только не забыла этого дѣсна и унесла изъ дѣйствительности какъ самую рѣзкую черту свою, какъ отличіе отъ пѣсней другихъ. Нужды нѣтъ, что супруга не была при казни, не давала она палачу перстня: была дорогая золотая казна, была отобрана, не было воли въ ней, нечѣмъ было откупить мужа отъ семки, отъ розыска въ Березовѣ, отъ казни въ Новгородѣ,—образъ жены и единственнаго уцѣлѣвшаго перстня приносится творчествомъ на мѣсто казни, чтобы облегчить страдальца, чтобы придать ему смерть скорую.—Такъ, говорили мы и говоримъ, драгоценная пѣсня наша, зависящая и отъ былаго творчества, и отъ современныхъ обстоятельствъ, не рѣдко и забывающая, не рѣдко внѣшней дѣйствительности не рабаки върнамъ, знаетъ дѣйствительность свою собственную—творческую, свободна и полновластна въ ней, и часто, воспрямувъ къ созданію произведенія

новаго, отмѣчаетъ его на вѣки и обособляетъ отъ всѣхъ, прочихъ какою либо, видимо мелкою, а въ сущности самой яркою чертою. Вотъ почему, лично для насъ, съ самаго перваго раза, какъ мы услышали эту пѣсню, намъ въ глаза и въ слухъ бросился *перстень*: его съ тѣхъ поръ искали мы, и съ нимъ, и по немъ добрались до исторической подлинной пѣсни, тѣмъ болѣе дорогой, что въ ней воплѣта дорогая Русскому сердцу и уму Наталья Борисовна.

* * *

Отъ этого образа, столь высокаго и изящнаго, непосредственно переходимъ мы къ противоположному, столь же на оборотъ гнусному и отвратительному. Такова уже судьба всегѣ XVIII вѣка въ области нашего народнаго пѣснотворчества. Вмѣстѣ съ самимъ народомъ, оно постепенно, но столь же рѣшительно, покидаетъ область государственную, оставляя ее на долю книжности и письменности, искусства личнаго и общественнойности, отъ громкихъ гимновъ до солдатскихъ пѣсней, отъ высокопарныхъ кантъ до унижавшихся одъ, продолжая до извѣстной степени живѣдѣтельную свою по другимъ родамъ произведеній, сообразнымъ жизни народной. *Былеую* пѣсню ведетъ творчество *двумя* путями: останавливается творческимъ взоромъ; пріемомъ и словомъ то на истинныхъ *чадахъ* народа и народности, то на естественныхъ *исчадіяхъ*, въ томъ и другомъ случаѣ одинаково на *лицахъ* и событіяхъ *личныхъ*, въ томъ и другомъ случаѣ настолько, на сколько являются они представителями и героями народности въ данную минуту, только одни съ плюсомъ, другіе съ минусомъ, положительныя или отрицательныя. И прежде, при своемъ живомъ и непосредственномъ отношеніи къ государству, соучастномъ и содѣятельнымъ, пѣснотворчество оказывало подобные образцы: именно послѣ Грознаго и съ начала смутныхъ временъ, съ этого рубежа и перелома, имѣемъ мы, обокъ жизни общей, въ томъ числѣ государственной, такія лица и творческіе ихъ образы, какъ Авдотья Рязнотка, Ксенія, Скопнякъ, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Лопухина, и т. п., — по одну сторону; по другую, послѣ Ержака, совсѣмъ еще знаго и параллельнаго Грозному, получаемъ Попа Емелю, разныхъ „воровъ—разбойниковъ“, Разина, Некрасова и т. п. Теперь же эти явленія становятся господствующими или даже исключительными: попеременно и взаимно другъ друга смѣняютъ въ своихъ рѣзкостяхъ личныхъ то та, то другая сторона, не оставляя середины, ни сливаясь во что либо общее. Весь, говоримъ, XVIII вѣкъ пройдетъ мы, съ подлинными образцами народной былевой-исторической пѣсни, по этому двойному ряду уступовъ.

Дѣйствительное значеніе и историческая роль *Валыки Каина* слишкомъ хорошо и достаточно извѣстны, и по „исторіи“ его, нѣсколько разъ изданной съ жизнеописаніемъ, и по такимъ дѣльнымъ статьямъ объ немъ, какъ г. Есипова (въ III-й кв. „XVIII вѣка“). Намъ и не столько это нужно. Не принадлежа сами къ тѣмъ историкамъ, которые задачей всей жизни своей считаютъ, отъ имени и лица народа, идеализовать подобные образы

на „вѣшной исторической почвѣ“, мы съ другой стороны не примыкаемъ и къ ихъ ревнивымъ обличителямъ, столь же преданнымъ исторіи „политической.“ Намъ важно цѣлостное народное, съ самъ связанное, его собственная историческая дѣйствительность, его воззрѣнія, у него созданныя образы. Здѣсь, подобно многимъ другимъ случаямъ, даже такой опредѣленный образъ, какъ Ванька Каина, является цѣлостно инымъ, и даже иногда совсѣмъ инымъ, чѣмъ въ практикѣ жизни положительной и въ политическихъ документахъ исторіи. Здѣсь онъ также герой, молодецъ лица эпического, своего рода, нами было очерченнаго, какъ исчадіе, связанное однако съ дѣдами и отцомъ-матерью, со внуками и нашей со-временностью. Здѣсь онъ и *Ванька Каинъ*, и *Иванъ Осиповичъ*.

Иванъ Осиповичъ,

по прованью Ванька Каинъ.

Иванъ Осиповъ родился, по его показанію, 1714 года ¹⁾, во время царствованія государя императора Петра Великаго, отъ подлыхъ родителей, обитающихъ въ столичномъ Россійской имперіи городѣ Москвѣ.²⁾ Отецъ его, крестьянинъ села Иваново, Ростовскаго уѣзда, былъ крѣпостнымъ Московскаго гостя Петра Дмитриева Филатьева: къ нему, на господскій дворъ въ службу, для постояннаго житья, привезенъ въ Москву Иванъ Осиповъ тринадцати лѣтъ, подростъ, терпѣлъ жестокости отъ хозяина, поворовывалъ, сошеяся въ дружбу съ мошенниками, изъ которыхъ первымъ учителемъ его былъ Камчатка, бездѣльничалъ, любилъ—любилъ красныхъ дѣвушекъ, любилъ пѣсни и красное слово. Краткое по годамъ, но многотрудное и полное приключеній поприще жизни его было неистощимымъ предметомъ и его собственннхъ, хвастливыхъ разсказовъ, и Московскихъ разсказовъ объ немъ: краснобай и на дружескихъ бесѣдахъ, и на многочисленныхъ вопросахъ, которымъ подвергался онъ въ Тайной Канцеляріи, Сынскомъ Приказѣ, Полиціи и разныхъ Коммиссіяхъ, излагалъ онъ подвиги свои такъ, что его подлинныя рѣчи заучивали и записывали, по рукамъ ходили объ томъ „краткія повѣсти“, многіе „списки разныхъ рукъ“ и выдержки изъ официальныхъ показаній ³⁾. Здѣсь говорилось отъ лица Ивана Осипова:

¹⁾ У г. Есипова (1718 г.—²⁾ „О которыхъ (дѣлахъ) я самъ отъ него (Ивана) слышалъ (говоритъ первый составитель его „исторіи“ Комаровъ въ изданіи 1788 г.), будучи въ 1755 году для нѣкотораго дѣла въ Сынскомъ Приказѣ, въ которомъ онъ во время бывшей объ немъ Коммисіи содержался и разсказывалъ все свое похождение бывшему тогда въ томъ же Приказѣ дворянину Ѳ. Ѳ. Левшину... Въ 1774 г. нечаянно попался мнѣ маленькій списокъ о дѣлахъ сего мошенника, который хотя писанъ такимъ слогомъ, какъ обыкновенно подлые люди разсказываютъ сказки или какія

1. а).

Похожденія Ивана Осипова.

Что до услугъ моихъ (у Филатьева) принадлежало,
 то со усердіемъ должность мою отпращивалъ,
 токмо вмѣсто награжденія и милостей
 несносные отъ него побои получалъ.
 Чего ради вздумалъ встать поранѣ
 и шагнуть отъ двора его подалѣ.
 Въ одно время, видя его спящаго,
 отважился я тронуться въ той же спальнѣ стоящаго
 ларца его,
 изъ котораго взялъ денегъ столь довольно,
 чтобъ насти по силѣ моей было полно.
 А хотя я прежде онаго
 на одну только соль ³⁾ и промышлялъ,
 а гдѣ увижу медъ, то пальчикомъ лизалъ:
 и оное дѣлалъ ⁴⁾ для предковъ, чтобъ не забывалъ.

ни есть свои похожденія, притомъ же отъ перепищиковъ учинены великія
 ошибки..., однакожь по содержанію онаго надобно думать, что оригиналъ
 того списка писанъ или самимъ Каниномъ, или другимъ кѣмъ по его объ-
 явленію... Имѣлъ я случай говорить съ такими людьми, которые его до-
 вольно знали, а нѣкоторые имѣли съ нимъ знакомство и о многихъ его
 дѣлахъ довольно имѣли свѣдѣніе.... Одинъ неизвѣстной сочинитель крат-
 кой Каниновой повѣсти называетъ (Грека) монахомъ,—самъ Канинъ его мо-
 нахомъ не называлъ, такъ и во всѣхъ, имѣющихся у меня спискахъ, по-
 лученныхъ изъ разныхъ рукъ, ни въ одномъ оной монахомъ не именуется.
 На эти списки Комаровъ часто ссылается, сводитъ ихъ, исправляетъ,
 приводитъ выдержки изъ дѣловыхъ показаній и прибавляетъ: „Если бы
 можно было видѣть всѣ производимыя о дѣлахъ Каниновыхъ въ Моск. По-
 лиціи, въ Тайной Канцел. и въ Смысломъ Приказѣ слѣдствія, тобъ сія
 исторія могла быть еще порядочнѣе и обстоятельнѣе.“ Многими такими
 документами пользовался г. Есиповъ.— ³⁾ Себѣ къ хлѣбу.—⁴⁾ То означен-
 ную покражу сдѣлалъ я.

Висящее же на стѣнѣ платье его на себя надѣлъ,
и изъ дому тотъ же часъ не мѣшкая пошелъ.

А болѣе же за тѣмъ поторопился,
чтобъ отъ сна онъ не пробудился...

Вышедъ со двора, подписалъ я на воротахъ:
«Пей воду какъ гусь, ѣшь хлѣбъ какъ свинья,
«а работай у тебя чортъ, а не я ⁵⁾!»

Пришедъ къ попу на дворъ—
а шелъ я не по большой дорогѣ,
но по проселочной (то есть черезъ заборъ) ⁶⁾,—
отперъ я въ воротахъ калитку,

въ которую взошелъ товарищъ мой Камчатка.

Въ то время усмотрѣлъ насъ
лежащій на томъ дворѣ человекъ,
которой въ колоколъ рано звонитъ

(то есть церковной сторожъ),

и вскоча спрашивалъ насъ:

«Что мы за люди, и не воры ли,
«самовольно на дворъ взошли?»

Тогда товарищъ мой,

ударивъ его лозой,

чѣмъ воду носить,

— Не ужлі, ему сказалъ,

— для всякова прихожанина ворота хозяйскіе отпирать?

— По этому некогда ему будетъ и спать?—

Потомъ взошли мы къ попу въ покой:

но болѣе ничего у него не нашли,

⁵⁾ По свидѣтельству г. Есипова, Каннъ не умѣлъ подписывать своего имени: но могли писать надписи и другіе, а Канну принадлежали сами красныя слова и поговорицы, въ обиліи имъ сыпанныя. Это при томъ бывшей приѣмъ творчества: писали надписи и читали наши богатыри, и Муромецъ, а едва ли въ дѣйствительности умѣли читать и подписываться. — ⁶⁾ Все эти то есть принадлежать очевидно не творцу—Канну, а писцамъ тетрадохъ и составителямъ повѣстей; потому мы ставимъ ихъ въ скобкахъ.

кромѣ что попадѣи его сарафанъ,
да его долгополой кафтанъ,
которой я на себя надѣлъ
и со двора обратно съ товарищемъ своимъ пошелъ...

Мы пришли подѣ Каменной Мостъ,
гдѣ воришкамъ былъ погостъ ⁷⁾,
кои требовали отъ меня денегъ:
но я хотя и отговаривался,
однако далъ имъ дватцать копеекъ,
на которые принесли вина,
притомъ напоили и меня.

Выпивши говорили:

«Полъ да сѣредъ ⁸⁾ сами съѣли,
«печь да палати въ наѣмъ отдаѣмъ;
«а идущимъ по сему мосту
«тихую милостыню подаѣмъ
(то есть, мы, де, мошенники).
«И ты будешь, братъ, нашего сукна епанча
(то есть, такой же воръ)!
«Поживи здѣсь въ нашемъ домѣ,
«въ которомъ всего довольно:

«наготы и босоты
«изнавѣшены шесты,
«а голоду и холоду
«амбары стоять;
«пыль да копоть,
«притомъ нечего и лопать ⁹⁾».

Погода немного они на черную работу пошли.

Я подѣ тѣмъ мостомъ былъ до самаго свѣту,
и видя, что долго ихъ нѣту,

⁷⁾ Въ древнѣйшемъ смыслѣ: мѣсто, гдѣ гостили, временно жили. — ⁸⁾ Средку: примѣнительно къ калачу, нижнюю корочку да мякишь; къ почлегу — на полу и кирпичной сѣредѣ сами ляжемъ, а ты полѣзай на печь и палати; къ мосту — пойдемъ по немъ на добычу, а ты дожидайся. — ⁹⁾ Жрать, ѣсть. Это все вставлены извѣстныя народныя пословицы.

пошелъ въ городъ Китай,
 гдѣ попалъ мнѣ на встрѣчу
 того жь дому (г. Филатьева) человекъ,
 и, ничего не говоря, схвата,
 привелъ меня обратно къ помѣщику въ домъ.
 Въ тожь время прикованъ на дворѣ былъ медвѣдь:
 близъ котораго и меня помѣщикъ приковать велѣлъ,
 гдѣ я два дни не ѣвши прикованной сидѣлъ
 (ибо помѣщикъ кормить меня не приказалъ).
 Токмо, по счастью моему,
 къ тому медвѣдю дѣвка ходила,
 которая его кормила:
 притомъ, по просьбѣ моей,
 и ко мнѣ тихонько что ни будь приносила ¹⁰⁾.
 Между тѣмъ мнѣ сказала,
 что, де, и помѣщикъ нашъ обстоитъ въ бѣдѣ:
 «Латминицкой ¹¹⁾ солдатъ сидитъ въ гостяхъ,
 «въ холодной избѣ
 (то есть, мертвый брошенъ въ колодезь).»
 Потомъ помѣщикъ мой
 взялъ меня въ покой къ себѣ,
 и, скинувъ все платье,
 съчь меня приказалъ.
 Тогда я ему сказалъ:
 «Хотя я тебя ночью немножко, окравши, попугалъ,
 «и то ¹²⁾ для того, чтобы ты долѣ меня не спалъ.»
 И, не дожидаясь болѣе, тотчасъ,
 старую свою пѣсню запѣвъ ¹³⁾, сказалъ:
 «Слово и дѣло!»
 Отъ которой онъ въ немалую ужастъ пришелъ...

¹⁰⁾ Извѣстная въ былинахъ дѣвка Чернавка.—¹¹⁾ Изъ ландмилиціи.—¹²⁾ То это.—¹³⁾ Любитель пѣсней, Кантъ называлъ также старую и любимую свою пѣсню любимымъ приемъ выкрикивать „слово и дѣло“, за которымъ слѣдовали допросы и слѣдствія, а съ тѣмъ проволочка и случаи выкорбатывалъ.

При чемъ я ему и еще той же пѣсней подтверждалъ,
 чтобъ, не продолжая времени,
 въ «Стукаловъ монастырь ¹¹⁾» сирѣчь въ Тайную,
 гдѣ тихонько говорятъ, отсылалъ.
 По прошествіи ночи, по утру,
 въ полицію меня представилъ,
 гдѣ къ той пѣсни еще голосу я прибавилъ,
 ибо она, для ночи ¹³⁾, не вся была допѣта,
 потому что дожидался я свѣта.
 Въ тотъ же часъ драгуны ко мнѣ подбѣжали,
 и въ тотъ монастырь, куда хотѣлъ, помчали.

Гдѣ, по пріѣздѣ, секретарь меня спрашивалъ:
 — По которому пункту я за собой сказывалъ ¹⁶⁾?—

Коему я говорилъ:

«Что ни пунктовъ, ни фунтовъ,
 «ни вѣсу, ни походу не знаю;
 «а о дѣлѣ моемъ тому скажу,
 «кто на томъ стулѣ сидитъ,
 «на которомъ собачки вырѣзаны
 (то есть, на судейскихъ креслахъ).»

За что тотъ секретарь
 билъ меня той дощечкой,
 которую на бумату кладутъ
 (то есть, линейкой).

На другой день по утру,
 графъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ,
 пріѣхавъ, приказалъ отвести меня
 въ немшоную баню, гдѣ людей вѣсютъ,
 сколько кто потянетъ (то есть, въ застѣнокъ).
 Въ которую самъ вошелъ,
 гдѣ спрашивалъ меня:

¹⁵⁾ По причинѣ ночнаго времени.—¹⁶⁾ По какому пункту былъ доносъ, заявленный „словомъ и дѣломъ.“—¹⁴⁾ Такъ въ народѣ называли Тайную Канцелярію, гдѣ заклепывали въ стукалы, въ колодки, или били налочью.

— Для чего я къ секретарю въ допросъ не пошелъ
— и что за собой знаю?—

Я, ухватя его ноги руками,
сталъ ему говорить, что помѣщикъ мой
«Ландминицкихъ солдатъ потчивалъ деревянными кнутами
(то есть, цѣпами, что рожь брюзжать) ¹⁷⁾:
«изъ которыхъ одинъ солдатъ на землю упалъ;
«то помѣщикъ мой видя,
«что оной солдатъ по прежнему ¹⁸⁾ ногами не всталъ,
«дождавшись вечера, завернулъ его
«въ Персидской коверъ, что соль вѣсютъ
(то есть, въ куль),
«и велѣлъ снести въ сухой колодезь
(въ которой соръ сыплють).
«А секретарю я для того не объявилъ,
«чтобъ онъ лѣвой рукой къ Филатьеву не написалъ,
«ибо я въ домѣ у своего помѣщика часто его видалъ»...
Почему взяли господина Филатьева
и привезли въ Стукаловъ монастырь.

Графъ спросилъ меня:

— Былъ ли при убивствѣ твой господинъ?—

Я сказалъ:

«Какой на господинъ мундиръ,
«такой и на холопѣ одинъ.
«Сидоръ да Карпъ въ Коломнѣ живетъ,
«а грѣхъ да бѣда на кого не живетъ?
«Вода чего не поймѣтъ?
«А огонь и попа сожжѣтъ.»

Послѣ, въ скоромъ времени,
дано мнѣ отъ оной Тайной Канцеляріи,
для житья, «вольное письмо ¹⁹⁾»

¹⁷⁾ Молочать.—¹⁸⁾ Какъ бывало, когда былъ живъ.—¹⁹⁾ Абшидъ, паспортъ
«для жительства на вольныхъ квартирахъ,» какъ доселѣ называется

которое я получа, въ Нѣмецкую Слободу пошелъ,
 Взшелъ въ кабакъ, гдѣ усмотрѣлъ
 товарища своего Камчатку и четырехъ человѣкъ...
 Съ которыми я пошелъ къ Яузѣ,
 что близъ Дворца ²⁰⁾,
 къ придворному доктору Елвиху.... ²¹⁾
 Растворя окончину, увидѣли мы
 того доктора съ женою подъ тѣмъ окномъ спящихъ:
 принужденъ я былъ на томъ же окнѣ разуться,
 влѣзъ въ ту спальню;
 видя ихъ разметавшихся неопратно,
 накрылъ одѣяломъ,
 которое сбито было ими въ ноги.
 Пошелъ въ другіе покои,
 взшелъ въ дѣтскую,
 гдѣ спала дѣвка,
 которая спросила меня:
 — За чѣмъ я пришелъ?—

Я сказалъ ей:

«Пришли въ домъ вашъ купцы
 «для пропавшихъ вещей ²²⁾.»

Въ то жь время и товарищи мои
 тогда ко мнѣ вскочили,
 и, ту дѣвку связавъ, положили—
 на ту жь кровать, въ середину того доктора и докторши.

А сами говорили:

«Бей во всѣ, колоти во всѣ,
 «и того не забудь, что въ кашу кладутъ
 (чтобъ не оставяя все забирали ²³⁾)!...

Пошли къ рѣчкѣ Яузѣ,

²⁰⁾ Лефортовскаго.—²¹⁾ По спискамъ Елвахъ, Ялвихъ и т. д.—²²⁾ Покупать пропавшія вещи; иронія, какъ и въ другихъ случаяхъ.—²³⁾ Вотъ примѣръ, что это объясненія позднія и неправильныя, со стороны; слова по-длинно значатъ: не забывай подкладывать и масла, т. е. колотить въ голову, какъ говорится и до сихъ поръ.

гдѣ для переѣзду ходилъ плотъ:
 переѣхали на другую сторону той рѣки;
 но, увидя за собою погоду
 (то есть, погоню),
 перерубили на томъ плотѣ канатъ,
 чтобъ нельзя было бѣгущимъ насъ перенять.
 Пришли мы подѣ Даниловъ монастырь,
 и отдали взятую посуду, для продажи,
 того монастыря дворнику.

Погода нѣсколько времени,
 пришелъ я на Красную площадь,
 гдѣ мнѣ попала на встрѣчу вышереченная
 дому господина моего Филатьева дѣвка,
 которая меня и медвѣдя кормила.
 И между разговоровъ сказывала мнѣ,
 что на ея рукахъ имѣется
 съ деньгами и съ экипажемъ ¹⁾ двѣ палаты...
 Дождавшись ночи, пришли...
 Влѣзли, усмотрѣли нѣсколько сундуковъ,
 изъ которыхъ нѣкоторые тронули обухами;
 имѣющіеся въ тѣхъ сундукахъ деньги,
 серебряную посуду и шкатулу, обитую бархатомъ,
 взяли, а сами говорили:
 «Тяпъ да ляпъ—клѣтка,
 «въ уголь съль—и печка ²⁾!»
 Вышли мы изъ той кладовой.
 Въ то жь время за нами учинилась
 «мелкая раструска
 (то есть, тревога);»
 а мы бѣжали близъ Бѣлаго Города;
 и какъ поравнялись противъ Чернышева двора,
 предъ которымъ была великая тина:
 то мы деньги и пожитки въ ту тину бросили.

¹⁾ Гардеробомъ.—²⁾ Скоро справились, разомъ отработали.

И оставя, пошли за Москву-рѣку,
 на дворъ къ генералу Шубину.
 Пришедъ къ заднимъ его двора воротамъ,
 мы стучались у оныхъ,
 почему вышелъ къ намъ человекъ,
 которой по ночамъ въ доску гремитъ
 (то есть, часовой):
 ему мы сказали, что по близости двора ихъ
 лежитъ пьяной человекъ;
 и, какъ оной отошелъ отъ воротъ,
 мы, схвата его, заворотили на голову
 имѣвшійся на немъ тулупъ, завязали,
 чтобъ не можно было ему кричать.
 Вшедъ на дворъ, взявъ изъ конюшни лошадей,
 въ стоящій на томъ дворѣ берлинъ ³⁾ запрягли.
 И поѣхали къ Милютину на фабрику,
 гдѣ взяли знакомую бабу:
 посадя ее въ тотъ берлинъ,
 поѣхали на Чистой Прудъ,
 къ одному купцу, и влѣзли на его чердакъ,
 въ которомъ нашли женской уборъ;
 нарядили ту бабу,
 и велѣли ей быть барыней.
 Поѣхали къ тому Чернышеву двору,
 гдѣ брошены были деньги и пожитки.
 По приѣздѣ скинули колесо,
 а нареченной барынѣ велѣли,
 изъ того берлина вытти вонъ:
 и изъ той грязи деньги и пожитки
 въ тотъ берлинъ переносили.
 Въ то жь время, чтобъ проѣзжающіе мимо насъ
 люди дознаться не могли,
 то реченная барыня бранила насъ,

³⁾ Экипажъ.

и била по щекамъ, говоря при томъ:

— Что, де, вамъ дома смотрѣть

— было не можно ли, все ли цѣло?—

И какъ безъ остатку все забрала,

надѣли по прежнему колесо,

поѣхали;

и остановясь противъ Денежнаго Двора,

вынувъ изъ берлина деньги и пожитки,

на томъ мѣстѣ тотъ берлинъ

и съ дошадыми оставили;

а ту барыню повели подъ руки,

и пришедъ въ свою квартиру,

наградя деньгами отпустили ее,

на ту жь фабрику обратно,

откуда была взята.

А вышепоказанная, господина моего дѣвка

посажена была въ полицію,

гдѣ подъ битьемъ кошками, спрашивана:

«не имѣла ли она, для покражи тѣхъ пожитковъ,

«какого подводу или съ какими людьми разговоровъ?»»

Однако въ томъ учинила заpiresательство,

почему освобождена обратно.

Послѣ помѣщикъ отпустилъ ее на волю;

и послѣ вскорѣ попала мнѣ у Гостиного двора на встрѣчу,

и сказывала:

— что она отъ помѣщика своего уволена

— и вышла за рейтара Нелидова.—

Между тѣмъ я зазвалъ ее въ питейной погребъ,

гдѣ велѣлъ ей себя подождать,

а самъ сходявъ на свою квартиру,

взялъ утаенную отъ своихъ товарищей,

покраденную у господина своего, объявленную ⁴⁾ шкатулку,

⁴⁾ Помянутую.

въ которой имѣлось нѣсколько алмазныхъ и золотыхъ вещей;
принесъ къ ней, и при томъ ей сказалъ:

«Только и ходу—
«изъ воротъ да въ воду
(чтобъ никому не объявила)!»

И побывъ въ томъ погребу,
взяла она меня въ свою квартиру.
По приходѣ спрашивалъ меня ея мужъ:

— какой я человекъ?—

Коему я о себѣ объявилъ:

«что я ни воръ, ни тать,
«только на ту же стать,

«и имѣю у себя для жительства
«данное изъ Тайной Канцелярїи письмо.»

И вынулъ оное изъ кармана,
далъ ему при томъ,
чтобъ онъ положилъ его для сбереженія у себя.

Какъ уже напился я пьянъ,
то положенъ былъ спать.

Время стало перваго часа за полночь:

я, вставъ, пошелъ изъ ихъ квартиры тихимъ образомъ,
чтобъ они слышать и беспокоиться не могли,
къ живущему по близости ихъ квартиры
портному мастеру.

Перелѣзъ въ его огородъ,
взошелъ къ нему въ покой,

гдѣ выработалъ въ маленькомъ баулѣ ³⁾
денегъ триста сорокъ рублѣвъ,
и съ тѣми обратно въ квартиру тогожъ рейтара пришелъ.

Которой говорилъ мнѣ:

— для чего я такъ рано, и не сказавши ему,
— съ квартиры его ходилъ?—

На что я сказалъ:

³⁾ Шкатулкѣ окованой.

«Наши вислоухи
 «во дворѣ сторожки ⁶⁾);
 «а ты будь сытъ грибами,
 «а держи языкъ за зубами!»

И подошедъ къ прежде бывшей дѣвкѣ,
 а его женѣ,
 далъ ей тѣ покраденныя мною деньги,
 и при томъ ей говорилъ:
 «Вотъ тебѣ луковка попова,
 «облѣплена-готова,
 «знай—почитай,
 «а умру—поминай!»

И погода, взявъ малое число денегъ,
 и данное для сбереженія свое письмо,
 пошелъ въ свою квартиру.
 Въ которой поживъ нѣсколько времени,
 взявъ съ собою шесть человекъ,
 и пошли мы изъ Москвы—
 на Макарьевскую ярманку.

*

На „вольной квартирѣ по вольному письму“ жилъ Иванъ Осиповъ у палача—запечнаго мастера, въ Зарядѣ на Воронежской подворьѣ. Дѣвуха, въ несчастіи кормившая его пополамъ съ медвѣдемъ, прозывалась по преданію *Аедотья Степановна*. Въ числѣ „любимыхъ“ пѣсенъ Каина, не имъ конечно и не въ его время сочиненныхъ, но имъ или про него пѣтыхъ, известна одна, къ нему примѣнявшаяся и поминавшая любовь съ Дуней:

⁶⁾ Стерегли; примѣняется къ собакамъ: спали онѣ, развѣсивши уши, на дворѣ, а мы между тѣмъ обработали дѣло; употребляется также „старухи.“

Дуняша—любовь Ванюшкина.

- Во Архангельскомъ во градѣ
 Ходятъ дѣвушки въ нарядѣ,
 Еще аленьки цвѣточки—
 Горожаночки дѣвочки.
5. Ахъ, у насъ было на возѣ ⁷⁾,
 На Буяновой горѣ,
 Во Перешлой слободѣ,
 У столба да у версты,
 Какъ стоялъ тута дворокъ.
10. Невысокой теремокъ.
 Ахъ, во томъ ли теремкѣ
 Красны дѣвушки сидятъ:
 Се Дуняша да и Маша
 Алексѣевны.
15. Что охочи за окошечко
 Поглядывати,
 Холостыхъ рабятъ
 Приманивати.
 Случилося молодцу
- 20 Въ вечерѣ поздно итти:
 Что на тѣ поры окошко
 Отворяется,
 А Дуняша—та въ окошкѣ
 Усмѣхается.
25. Случилося молодой
 За водой итти одной:
 Подъ Буяновой горой
 Стоитъ парень молодой.
 Идетъ Дуня съ колодца.

⁷⁾ На спускѣ.

30. Увидѣла молодца:

Не дошедъ Дуня къ Ванюшѣ,

Покланяется:

Рѣчи Ваня говоритъ—

Постоять Дунѣ велить.

35. Ахъ, не въ гусельцы играютъ.

Не свирѣли говорятъ,—

Говорить краснѣ дѣвица

Со удалымъ молодцомъ:

«Про насъ люди говорятъ,—

«Разлучить съ тобой хотять.»

— Еще гдѣ тому бывать,

— Что намъ по розну живать?

— Еще гдѣ же тому статься,

— Чтобы намъ съ тобой разстаться?

— На погибель бы тому.

— Кто завидуетъ кому!—

(„Любимыя“ пѣсни Каппа при его „исторіи“ и другіе пѣсенники).

*

Героиня эта перешла и въ представленіе Московскаго „Петрушки;“ когда является на сцену пара молодца съ дѣвучкой, она нестолово кружится и пляшетъ съ припѣвомъ:

Ты моя сударыня,

Авдотья Степановна!

Однако пришлось, какъ видѣли мы, разстаться. Иванъ Осиповъ щедро наградилъ подругу и обдарилъ мужа; ввѣрялъ имъ свой паспортъ; она участвовала и послѣ въ его походы какъ помощница (см. ниже), а мужъ, конной гвардіи рейтаръ, выручалъ Ивана въ бѣдахъ, принимая подъ свою росписку на поруки: но, какъ видно, первый періодъ судьбы рѣшенъ былъ для Ивана Осипова безвозвратно, ему не мило сдѣлалось въ Москвѣ, онъ пустился въ далекія походы, съ удалыми ворами-разбойниками, по рѣкамъ и большимъ дорогамъ. Оттуда онъ возвращался въ Москву уже не на долго и останавливался попеременно въ Садовникахъ, въ Ямской Переяславской, въ Кожевникахъ и въ Ямской Рогожской. Изъ походовъ его здѣсь, впрочемъ болѣе прозаическихъ или мимоходомъ, по вѣстуется:

I. б).

По приѣздѣ пошли въ Нижніе Садовники,
взошли въ пустую избу, и, дождавшись ночи,
сдѣлали въ той избѣ изъ бумаги оконницу.

А какъ настало утро,
то стали камень о камень тереть,
будто что мелемъ.

Камчатка насыпалъ голову мукою,
въ знакъ калачника ⁸⁾:
высунувъ изъ окошка голову,
крикнулъ съ (продаваемымъ) мясомъ мужика,
которое сторговавъ,
велѣлъ подавать въ то окошко.

Мы, взявъ ту говядину,
изъ той избы ушли.

А тотъ мужикъ стоялъ
подъ тѣмъ окномъ долгое время,
ожидалъ за проданное мясо денегъ,
и усмотрѣвъ, что никого въ той избѣ нѣтъ,
разсуждалъ съ прохожими людьми:
— люди ли то были,
— или дьяволы съ нимъ говорили
— и говядины лишили ⁹⁾?

Пришли въ Греческой монастырь ¹⁰⁾,
въ келью Грека Зефира,

⁸⁾ Принявъ видъ калачника, словно калачникъ.—⁹⁾ Какъ рассказываетъ и послѣдствіи, что случилось безъ него загадно: рассказъ явно ходилъ по устамъ и эпизоды вызывали желаніе создать разныя картины, какъ звѣнья эпоса.—¹⁰⁾ На Никольской, гдѣ жили тогда въ кучѣ торговцы Греки, между прочимъ содержавше кофейни, первыя и лучшія въ городѣ: тамъ собиралось пропасть народа, тамъ сообщались вѣсти и слухи.

которой въ то время былъ въ церкви,
а въ кельи былъ оставленъ одинъ его работникъ,
которому мы сказали:
чтобъ онъ несъ въ церковь къ хозяину своему
восковыя свѣчи.

Работникъ, взявъ нѣсколько, понесъ;
мы, схвата его въ дверяхъ, спрашивали:
«не укралъ ли онъ тѣ свѣчи?»

«а ежели пошутить,
«чтобъ откинулъ отъ сундуковъ ключи.»

И, вскоча въ келью, платье
и при томъ два малыхъ пистолета взяли...
Почему къ намъ, гдѣ мы имѣли пристань ¹¹⁾,
для забранія насъ подѣ караулъ,
пріѣхали солдаты,
гдѣ захватили меня да товарища моего Жарова...
Взяты мы были на очную ставку,
гдѣ мы говорили между собою:

«Что овинъ горить,
«а молотильщики обѣдать просятъ
(то есть, чтобъ подарить секретаря и повытчика).»

И какъ положили меня для битья плетью,
то товарища моего Жарова въ то время вывели на крыльцо,
откуда онъ тогда и бѣжалъ.

Послѣ того, недѣли съ три спустя,
прислалъ ко мнѣ товарищъ мой Камчатна старуху,
которая пришедъ ко мнѣ говорила:

— У Ивана въ лавкѣ
— по два гроша лапти

(то есть, нельзя ли изъ подѣ караула уйтить ¹²⁾.)—

Я сказалъ ей:

¹¹⁾ Пристаннице, притонъ.—¹²⁾ Опытъ не вѣрныя поименія. Старуха говоритъ: уйти легко, ничего не стоитъ; Иванъ отвѣчаетъ: я готовъ, жду случая, примѣчайте и помогайте.

«Чай, примѣчай,
«куда чайки летять

(то есть, такъ же, какъ и товарищъ, время къ побѣгу хочу
изобрать ¹²⁾.»

Во оныхъ разговорахъ вдругъ взялъ я былъ
(для двоекратнаго пристрастнаго подтвержденія)

предъ полицмейстера,
которой увѣщевалъ меня,
чтобъ во всемъ я принесъ извиненіе,
коему я сказалъ:

«Здѣсь въ полиціи баня дешева,
«стойка ¹³⁾ по грошу, лежанка по копейкѣ.
(только чтобъ правому быть) ¹³⁾.»

Потомъ отведенъ я обратно въ тюрьму...

Въ скоромъ времени освобожденъ и я былъ.

*

Страствуя на далекой сторонѣ, товарищи ходили на Макарьевскую ярманку изъ Москвы пѣшкомъ, ѣздили по Волгѣ въ Лысково, но вообще, при всей дерзкой отвагѣ и ловкости, не были счастливы и часто попадались (провинція была проще и пряже Москвы, гдѣ притоны всякаго мошенничества ясажены изъ дальней древности). Потому, воротившись въ Москву, придумали ударить на Волгу въ другомъ направленіи и на лошадахъ отправились въ Кашинъ: здѣсь остановились у старосты Ямской слободы, жили въ городѣ болѣе полугода, но „не учинили ни къ кому похода,“ готовясь къ предпріятію важнѣйшему. Именно, вступили они въ цѣлую организованную шайку, подъ начальство атамана Михаила Зори: назывались „Донскими козаками,“ вооруженные, съ ружьями и порохомъ, человекъ во стѣ и въ трехъ кругахъ, работали они по берегамъ Волги вплоть до Макарья, стерегли суда, разоряли помѣстья и заводы, мѣсяцъ стояли въ Керженскомъ лѣсу, вѣзжали въ Оку. На послѣдней, при перевозѣ паромомъ, офицеръ спрашивалъ ихъ, что за люди:

¹²⁾ Стойка—огромный чанъ съ крапомъ, откуда брали готовую воду.—
Здѣсь, въ полиціи, парка очень дешева, попарять легонько: не стоить вли-
ваться и толковать (полскеніе опять не вѣрно).

1. в).

А какъ съѣхали съ того порому,
то атаманъ, предупредя его, остановилъ,
при томъ говорилъ ему:
«Ты спрашивалъ насъ на водѣ,
«а мы спрашиваемъ тебя на землѣ.
«Лучше бы ты въ деревнѣ жилъ да овины жегъ,
«а не проѣзжающихъ спрашивалъ.»
Приказалъ у него отобрать шарфъ, знакъ и шпагу,
за что велѣлъ заплатить нѣсколько ему денегъ.

Особенно важно было нападеніе на винные заводы, гдѣ противъ нихъ вели ружейную пальбу; случившійся Грузинскій князь дрался саблею, а начальникъ заводовъ, запершись, отважно защищался. Но, ворвавшись,

Атаманъ взошелъ къ наибольшему въ покой,
и, видя у него на кафтанѣ звѣзду,
говорилъ ему:

«Что честь твоя съ тобою,
«а теперь попалъ въ мои руки,
«то раздѣлайся со мною!
«Торгъ—яма: стой прямо,
«видя яму не вались,
«а съ ворами не водись,
«не званъ въ пиръ не ходи ¹⁴⁾!»

Взяли у него денегъ безъ счету,
а посуды безъ вѣсу,
которое отослали къ лѣсу.

Тутъ-же прознали они помѣстье генерала Шубина:

Спросили бывшего тутъ Калмыка,
«чьего оно господина?»

¹⁴⁾ Прибавленное при этомъ поясненіе излагаетъ уже совершенную чепуху, тогда какъ это просто выговоръ за упорное сопротивленіе.

которой объявилъ,
 — что генерала Алексѣя Яковлевича Шубина.—
 «Не ужели у него, сказали мы,
 «лѣтней одежды нѣтъ,
 «а всегда ходитъ въ шубѣ?
 «Такъ будутъ къ вамъ портные,
 «для шитья лѣтнихъ кафтановъ ¹⁵⁾».

Шубинское помѣстье не давало покоя ихъ планамъ и, собравшись съ силами, въ третій и послѣдній разъ, двинулась шайка Ивана Осипова и Камчатки на добычу, пѣшкомъ Володиміръкой.

Мы какъ вышли изъ Москвы,
 стали подходить къ Звѣринцу,
 отъ коего повертели къ Лефортову,
 гдѣ усмотрѣли, не знаемо какого званія,
 двухъ человекъ,

которые вели женщину,
 у коей обернута была голова и лицо,
 простынею, по самую шею.

Изъ нихъ, впереди ея,
 шелъ одинъ съ мѣшкомъ.

Камчатка спросилъ ихъ,
 «кого они ведутъ?»

Которые сказали,
 —что они ведутъ бабушку на повой;—
 напротивъ чего Камчатка сказалъ:

«Видно, что въ воду головой ¹⁶⁾!»

Съ сухаго пути спустившись на воду, къ имѣнью Шубина, поплыли онъ на четырехъ лодкахъ, обобрали, но, свѣдавъ о погодѣ, бросили лодки и

¹⁵⁾ Такъ овладѣвалъ эпосъ всѣми этими событиями: шайкѣ не нужно было справляться и острить, ибо за Москвой рѣкой стоялъ знаменитый домъ Шубина, гдѣ проживали воры и естественно знали о помѣстьяхъ хозяина.—¹⁶⁾ Этотъ эпизодъ, ни къ чему собственно не идущій и ни съ чѣмъ не связанный, вставленъ также, какъ во всякой эпосѣ, и въ наши богатырскія былины; послѣдующій о кабакѣ совершенно таковъ же.

три сутки пробирались на Муромъ лѣсами. Въ Муромѣ стояли два дни, а какъ узнали, что и на сушѣ, для ихъ поимки, поставленъ бургомистръ въ одномъ кабацѣ съ пятью солдатами,

Мы объ ономъ чрезъ посланнаго свѣдавъ,
пришли въ тотъ кабацъ,
въ которомъ по приходѣ закричали:

«Шастъ на кабацъ!

«Дома ли чумацъ?

«Вѣрить ли на деньги,

«Даетъ ли въ долгъ?»

Атаманъ сказалъ:

—Когда масъ на хасъ,

—такъ и дульясъ погасъ ¹⁷⁾

(то есть, что никто не шевелись)!—

Цили вино и пиво...

Поѣхали къ городу Гороховцу.

Атаманъ сталъ говорить,
чтобъ изобрать мѣсто для отдыха,
почему пріѣхали въ село Языково,
въ которомъ жили «въ смирномъ образѣ»
мѣсяца съ три.

Тутъ же на Сурѣ ограбили торговое Армянское судно, перешли къ селу Борятину, появились къ Мордвѣ и Татарамъ, отъ нихъ поѣхали къ монастырю Боголюбову близъ Владимира, стали на знакомой дворѣ, проехали здѣсь съ недѣлю и—окончательно вернулись въ Москву. Это была третья и послѣдняя ихъ вылазка или, какъ говорили, „высылка“ изъ Москвы. Всего сильнѣе была вторая, начатая съ Кашина; всѣхъ продолжительнѣе первая у Макарья: полковникъ Рѣдъкинъ нарочно былъ командированъ съ командою въ Нижній для поимки разбойниковъ, не разъ и послѣ наступилъ Ивана, и поимывалъ, и однако онъ же приказалъ Ивану выдать двухгодовой паспортъ на жительство въ Нижнемъ. Тамъ Иванъ обобралъ Армянскій амбаръ, но на гостинномъ дворѣ въ мелкой кражѣ попался кушцамъ:

¹⁷⁾ Это уже языкъ *Ассемей*, главнымъ образомъ и сосредоточенный доселѣ во Владимірской губерніи, а отъ нея до Нижняго: „Когда я въ домъ, погасъ огонь (гасите огонь; совсѣмъ не такъ, какъ объяснилъ первый издатель).“

Взяли ониу меня пашпортъ,
и раздѣвъ стали бить желѣзной сутугой,
при томъ же наложили на шею
монастырскія четки
(то есть, стулъ ¹⁸).

Я, видя оное, не могъ болѣе сыскать себѣ
къ избавѣ способу
и запѣлъ старинную свою пѣсню ¹⁹)
(то есть, сказалъ «Слово и дѣло»),
по которой отправленъ былъ
въ Рѣдькину канцелярію.

Какъ товарищъ мой Камчатка
свѣдалъ обо мнѣ,
что я въ каменномъ мѣшкѣ
(то есть, въ тюрьмѣ водворяюсь),
то, взявъ калачей, пришелъ ко мнѣ,
якобы для подачи милостины,
и давалъ колодникамъ по калачу,
а мнѣ подаль два, а при томъ сказалъ:

—Трѣюка калачъ ѣла,
—стромыкъ сверлюкъ страктирила

(то есть, тутъ ключи въ калачѣ, для отпиранія цѣпи). ²⁰)

Погодя малое время, послалъ я драгуна
купить товару изъ Безумнаго Ряду
(то есть, вина на кабацѣ).

Какъ оной купилъ,
и я выпилъ для смѣлости красоулю,
то пошелъ...

Хотя погоня за мной и была,
токмо, за случившимся тогда кулачнымъ боемъ ²¹),
отъ той погони я спасся.

¹⁸) Небольшія колодки, съ цѣпью.—¹⁹) См. выше.—²⁰) Опять языкъ Асе-
ней: „Корова (или дѣвчонка) калачъ ѣла, тройникъ влѣчь нашла.“—²¹) Въ
суматохѣ, происходившей во время игры, кулачнаго боя.

Прибѣжалъ въ Татарскій табунъ,
гдѣ усмотрѣлъ Татарскаго мурзу,
который въ то время въ своей кибиткѣ крѣпко спалъ,
а въ головахъ у него подголовокъ стоялъ.

Я привязалъ того Татарина ногу
къ стоящей при его кибиткѣ лошади:
ударилъ ту лошадь коломъ,
которая онаго Татарина потащила во всю прыть.
А я, схвата тотъ подголовокъ,
которой былъ полонъ монеть,

сказалъ:

«Не ужели Татарскихъ денегъ
«въ Руси брать не будутъ?»

Пришедъ я къ товарищамъ своимъ,
говорилъ:

«На одной недѣлѣ—четверга четыре,
«а деревенской мѣсяцъ—съ недѣлей десять
(то есть, вездѣ погоня насъ ищетъ ²³⁾!..»

Въ тожъ время, не знаемо откуда,
взялось шесть человекъ драгунъ,
которые стали насъ ловить.
Камчатка побѣжалъ отъ меня прочь,

при томъ сказалъ:

—Что онъ увидится со мной на послѣднемъ ночлегѣ,
—какъ буду ѣхать въ телѣгѣ ²³⁾.—...

Какъ сталъ подбѣчей меня допрашивать,
то я ему шепнулъ на ухо:

«Тебѣ будетъ, другъ,
«муки фунта съ два съ походомъ
(то есть, кафтанъ съ камзолomъ)!»

Послѣ сего далъ Рѣдъкинъ паспортъ на житье, но Иванъ снова попалъ
въ ряды драгунамъ:

²³⁾ Это, повторявшееся, выраженіе Ивана значить подлинно: у меня всегда работа и въ короткое время успѣваю много.—²³⁾ Когда повезутъ Ивана скованнаго подъ коваемъ.

Усмотря же у одного двора
 стоящую съ водой кадку,
 вырвавшись у нихъ, ступилъ на оную,
 перескочилъ черезъ заборъ на тотъ дворъ,
 а съ того двора въ садъ,
 прибѣжалъ на Соколь-гору,
 къ Ильинской рѣшеткѣ, къ своимъ товарищамъ,
 говорилъ имъ:
 «Спасибо Петру,
 «что сберегъ сестру
 (то есть, ушелъ)!»
 Съли мы въ кибитки,
 которыя были для отъѣзду приготовлены,
 и пріѣхали въ Москву.

Такъ, послѣ первой любви, Иванъ Осиповъ размыкалъ и покончилъ свою молодость въ треугольникъ между Москвою, Кашинемъ и Нижнимъ, по большимъ дорогамъ, по судамъ, по Ока, по Суръ и особенно по Волгѣ. Онъ принесъ оттуда и, въ числѣ „любимыхъ“, послѣ собранныхъ и отпечатанныхъ, сберегъ намъ цѣлый выборъ *льсемъ*, удалыхъ, разбойничьихъ, козацкихъ, Волжскихъ, начиная съ Разинскихъ.

*

Наставали зрѣлые года: пора было остепениться, ибо „съ молоду много было бито-граблено.“ Степенность Иванъ Осиповъ, по своему положенію и складу того времени, могъ понять только своего рода „службой“, тепленькимъ „мѣстомъ.“ Въ Декабрѣ 1741 года, будучи 27-ми лѣтъ, явился онъ къ первоприсутствующему Смыскаго Приказа, кн. Кропоткину, а потомъ въ самый Приказъ, съ просьбою на Высочайшее имя, съ повинною въ прежнихъ проступкахъ и съ предложеніемъ себя на предки въ „сыщики.“ Между прочимъ онъ винился въ продѣлкахъ, кромѣ помнятухъ выше, у Троицы 8 разъ, въ Дмитровѣ 2 раза, по разу въ Устюжѣ и въ Вязникахъ, „на разбояхъ“ же „нигдѣ не бывалъ и убійствъ не чинивалъ.“ Онъ принять, получилъ оффиціальное званіе „доносителя“, въ распоряженіе „команду“, простиравшуюся до 40 человекъ и болѣе. Не получая однако казенныхъ субсидій и даже часто не возвращая изъ Приказа затраченныя свои деньги, а съ другой стороны угрожаемый мстью старыхъ товарищей, онъ, подъ предлогомъ сего послѣдняго, исходатайствовалъ еще себѣ въ огражденіе, въ концѣ 1744 года, особый Сенатскій „указъ“ и „инструкцію (подробности у г. Еспнова).“ Немедленно, на мѣсто прежней квартиры-конурки, въ томъ же Зарядѣ близъ Мытнаго двора, нанялъ онъ „особли-

вой себѣ домъ,⁴ гдѣ, на дворѣ, въ отдѣльномъ покоѣ, открылъ „биліардъ, зернь и прочія разныя игры,⁴ какъ для привлеченія въ ловушку, такъ и для собственнаго удовольствія, ибо распахнулъ двери старой своей страсти покутить и всякому приволью. Съ полицейскими, судейскими, особенно съ приказными и Членами Приказа Смыскаго, со всеми велъ онъ дружбу, дѣлялся, игралъ; подъ рукою продолжалъ и даже усиливалъ прежнія мошенничества, дѣлалъ и со старыми, и съ новыми товарищами, только прикрывая все это своимъ „официальнымъ положеніемъ (подробности въ „Исторіи“ и у г. Есипова).“ Поимки началъ онъ на старомъ пепелищѣ своемъ въ Зарядѣ, гдѣ жилъ нѣкогда у палача Алѣксѣя Иванова, и однимъ изъ первыхъ взялъ старика нищаго въ лапотьяхъ, который оказался бѣглымъ солдатомъ „Алексѣемъ Ивановымъ Соловьевымъ;“ другой былъ — купеческій сынъ Иванъ Михайловъ, служившій мальчикомъ—повадыремъ у слѣплаго казѣки перехожаго Андрея Одулова; послѣдній нанялъ мальчика на Красной площади и обучилъ, кромѣ народныхъ Стиховъ, мошенничеству, ибо содержалъ у себя притонъ (какъ водилось это не рѣдко и водится досель); за этимъ слѣдовалъ уже длинный рядъ успѣховъ; и больше всего прославился Иванъ Осиповъ, поймавши въ 1748 году, послѣ долгихъ исканій, своего стараго сотоварища, Камчатку.

Камчатка, попавши въ общество, а послѣ и въ ловушку Ивана Осипова, понесъ на себѣ частію и отблескъ славы его: стяжалъ себѣ мѣсто въ разсказахъ Ивана, въ его исторіи, даже въ пѣсняхъ. Въ 1748 году 37-ми лѣтъ, на три года старше своего сверстника, сынъ солдата, давно умершаго, *Петръ Романовъ Смирной-Закутинъ*, „по мірскому званію (а первое— болѣе духовное) *Камчатка*,“ поступилъ сперва въ ученье на парусную фабрику, при матери, которая вышла за другаго, именно за матроса этой самой фабрики. Подростки, пойманъ въ воровствѣ, наказанъ пѣтлями, отданъ въ Ярославскій полкъ солдатомъ, бѣжалъ, работалъ на каналѣ, въ Лефортовѣ, попался въ полицію, опять перешелъ на фабрику, соскучаясь здѣсь, подвизался со старымъ пріятелемъ Иваномъ Осиповымъ въ Москвѣ, въ Нижнемѣ, у Макарья, у Троицы-Сергія. Попадался и спасался нѣсколько разъ. Покончивши странствія съ Иваномъ, явился въ Москву, но, тогда какъ Иванъ пошелъ въ славу, Петръ оставался на прежней своей фабрикѣ до великаго поста 1748 года. На третьей недѣлѣ поста, вѣроятно побанываясь своего друга, бѣжалъ на заводы Дежидова и, наконецъ, вернувшись въ родную Москву, жилъ за Срѣтенскими воротами въ Пушкаряхъ, а работалъ по крайней бѣдности и нуждѣ „на Бережкахъ (по сторонамъ нынѣшняго Москварѣцкаго и Чугуннаго моста),“ таская по найму лѣсъ (см. у г. Есипова). Это была любимая его мѣстность: здѣсь-то съ нимъ, видѣли мы, по Москвѣ-рѣкѣ и Нузѣ, нѣкогда подвизался Иванъ у Каменнаго Моста, въ Кожевникахъ, Садовникахъ; здѣсь Камчатка прославился, такъ, что въ Москвѣ помнятъ до сихъ поръ „разбойничка“ или „матроса на Балчугѣ (между нынѣшними мостами).“ Здѣсь же, какъ слѣдуетъ ожидать, на Балчугѣ искалъ, встрѣтилъ и взялъ его Августа 8-го (?)

сотоварищ¹⁾. Мать, какъ видно его выручавшая часто и, можетъ быть, она же возвращавшая его къ дѣлу на парусную фабрику, уже умерла къ этому времени. Наказанный кнутомъ, сосланъ онъ на вѣки въ Оренбургъ. Вотъ замѣчательная пѣсня, давно намъ въ Москвѣ известная, воспоминающая не столько его самого, сколько теплую любовь его матери:

Камчатка съ Валчуга.

1.

(Москва).

У Троицы у Сергія²⁾ было подъ горою:

Стояла новая, темная темница;

Во той ли во новой во темной темницѣ

Сидѣлъ удаленькой добренькой молодчикъ.

5. Никто къ нему не зайдетъ, никто не заѣдетъ:

Друзья—братья—товарищи всѣ прочь отступились.

Зашла къ нему—заѣхала матушка родная:

„Дитя ль моё дитятко, дитя—чадо милое!

„Кому тебя, моё дитятко, будетъ выручати?

10. „Друзья—братья—товарищи отъ тебя всѣ отказались³⁾;

¹⁾ Камчатка шель, какъ говорить, въ Новославскій монастырь, къ празднику: но это 6-го (Спасъ на горѣ), а не 8-го Августа, какъ сказано у г. Есипова.—Камчатка постоянно жилъ съ матросами и самъ именовался „матросомъ“ (какъ звали тогда, впрочемъ, и всѣхъ „парусныхъ“ фабричныхъ): отъ того-то онъ увлекаетъ „сухопутнаго“ и городского Каина на Волгу и прочія рѣки, самъ же въ Москвѣ разбойничаетъ преимущественно по Москвѣ-рѣкѣ и Яузѣ. Въ Московской Матросской богадѣльнѣ, съ XVIII вѣка до нашихъ дней, не переводился значительный хоръ лихихъ пѣсенниковъ.—Еще одно замѣчаніе: Каинъ ловилъ и взялъ Камчатку не по тому ли поводу, что въ то время у Демидова совершена была значительная покража, а между тѣмъ бѣглець только что вернулся оттуда съ заводоузъ? И не его ли разумѣть „жизнеописаніе“, говоря, что Каинъ „взялъ *Замчалку* съ товарищи... въ кражѣ у компанейщика Демидова денегъ?“—²⁾ Трудное положеніе, здѣсь описанное, имѣло мѣсто, можетъ статься, у Троицы-Сергія, когда тамъ попался Петръ Романовъ и жива еще была мать; или вмѣсто „Стулова монастыря“ (см. выше); или у „Сергія въ Пушкиряхъ“, гдѣ онъ жилъ, и гдѣ точно гора; или это вообще „Бережки“, выраженные здѣсь „горю.“—³⁾ Разпорѣчіе лучше: „всѣ прочь отступились.“

„Семь разъ тебя я, жюб дитятко, выручала,
 „Семь тысячъ денежекъ ⁴⁾ издержала;
 „Осьмой—то тысячи у меня не достало:
 „Такъ знать тебѣ, дитятко, здѣсь вѣкъ вѣковати!“

Изъ Писенниковъ, сколько мы знаемъ, первый разъ явилась эта пѣсня у Ршетинова, М. 1799 года, съ замѣткою: „Сія въ Москвѣ употребительная. Поется голосомъ протажнымъ.“ Потомъ повторилась и въ позднѣйшихъ. Напѣвъ уцѣлѣлъ доселѣ: похожъ на свадебный и сляточный).

*

2.

У Троицы у Сергія было подѣ Москвою,
 За каменной за большой было за стѣною ⁵⁾,
 Стояла тутъ темная темница.
 Во этой ли во темной во темницѣ
 5. Сидѣлъ—то въ ней разудаленькой
 добренькой молодчикъ.
 Никто къ нему удалому не заѣдетъ:
 Зашла къ нему—заѣхала матушка (его) родная.
 „Ужь ты сынъ ты, мой сыночикъ,
 10. ясной соколочикъ!
 „Ужь долго ли, сыночикъ, тебѣ
 въ темницѣ сидѣть?
 „Сестры—братья отъ тебя, сыночикъ,
 всѣ прочь отказались;
 15. „Золота казна у меня, сыночикъ,
 вся истоцилась.“

(Поется почтеннымъ нашимъ г. Молчановымъ).

*

Перечень отысканныхъ и взятыхъ симъ способомъ разбойниковъ, мошенниковъ, воровъ, пропавшихъ денегъ, бумагъ, вещей и т. п. занимаетъ весь

⁴⁾ Опять разнорѣчіе лучше: „Семь тысячекъ чистыхъ денежекъ.“—⁵⁾ По этому выходитъ скорѣе, что за стѣною Москвы, т. е. за Бѣлымъ Городомъ, гдѣ и стояла тюрьма.

ма важное мѣсто въ разсказахъ самого Ивана Осипова, въ повѣстяхъ объ немъ и исторіяхъ, въ дѣловыхъ бумагахъ: если не обращать вниманія на самыя руки, то конечно изъ нихъ государство и общество приняло тогда очень много полезнаго. Само собою разумѣется, что все это сухо и исторично: народъ не могъ относиться къ этому съ одушевленіемъ и пѣсней. Напротивъ съ этихъ поръ бывшій Иванъ Осиповъ и даже съ вичемъ—Осиповичъ получилъ въ народѣ постоянное прозвище *Ванька Каинъ*, то есть братоубійца; не столько то, что онъ дѣлалъ, сколько то, какъ это измѣнически, предательски и плутовски дѣлалъ, было омерзительно. Сочувствіе народа или, по крайности, вниманіе творчества могло склоняться къ успѣхамъ симъ только по мѣрѣ потребнаго на нихъ удалства. А такое геройское удалство было въ особенности потребно Каину, когда онъ, разумѣется частію въ надеждѣ на взятки, весною при вскрытіи рѣкъ, по прибытіи въ Москву струговъ изъ Низовыхъ городовъ съ хлѣбомъ и прочими припасами, останавливалъ эти струги за нѣсколько верстъ отъ Москвы, отважно появлялся на нихъ, рискуя поплатиться жизнью, осматривалъ у бурлаковъ и арыжекъ пашпорты и, разумѣется, или вовсе не находилъ сихъ послѣднихъ, или часто открывалъ веровскіе. Это послужило вызовомъ и содержаніемъ пѣсни отъ лица пріѣзжихъ, пѣсни замѣчательной стройнымъ складомъ, который конечно наследованъ отъ старины:

3.

Жалоба на Ивана-Ваньку Каинова.

Ахъ, тошнѣмъ—то мнѣ, доброму мѣлодцу ¹⁾, тошнѣхонько,
 Что грустнѣмъ—то мнѣ, доброму мѣлодцу, грустнѣхонько,
 Мнѣ да ²⁾ ни пить—то, ни ѣсть, доброму мѣлодцу, не хо-
 чется ³⁾,

Мнѣ сахарная—сладкая ѣства, братцы, на умъ не йдетъ ⁴⁾:
 Ѣ. Мнѣ Московское сильное царство, братцы, съ ума не йдетъ ⁵⁾,
 Побывалъ бы я, доброй мѣлодецъ, въ каменной Москвѣ ⁶⁾:
 Только лихъ—то на насъ ⁷⁾, добрыхъ мѣлодцевъ, новой сы-
 щичекъ,

¹⁾ Разнорѣчія изъ „Над. Пѣснопѣл.“ просто „мѣлодцу.“ Въ 1-мъ изд. „тошнѣмъ (безъ *то*).“—²⁾ „Что ни.“—³⁾ „Мнѣ ужъ не хочется.“—⁴⁾ „Мнѣ сахарная пища и во умъ не йдетъ.“—⁵⁾ „Лишь Моск. ц. на умъ лежить.“—Смерть какъ хочется побывать въ Москвѣ.—⁶⁾ „Побывалъ бы я, удалъ-доброй мѣлодецъ, Во той матушкѣ бѣлокаменной Москвѣ.“—⁷⁾ „тамъ на насъ.“

Онъ по имени по прозванію Иванъ Камновъ ⁸⁾.

Онъ не дастъ намъ, добрымъ молодцамъ, появиться

10. И онъ спрашиваетъ пашпортовъ всё печатныхъ ⁹⁾:

А у насъ, братцы, пашпóрты своеручные,

Своеручные пашпóрты, всё фальшивые ¹⁰⁾!

(Въ числѣ „любимыхъ пѣсенъ Камновыхъ;“ подправлено въ „Р. Національномъ Исполнѣніи;“ Сахаровъ, по содержанію, не рѣшился у себя напечатать).

*

Примкнувши къ тогдашнему государственному строю приличнымъ и выгоднымъ „мѣстомъ,“ Каинъ, съ другой стороны, по своимъ народнымъ возрѣніямъ, долженъ былъ также обзавестись „бабою,“ то есть жениться. Ее онъ намѣтилъ себѣ еще передъ поступленіемъ въ сыщики, воротясь для постоянного пребыванія въ Москву. По сосѣдству съ его квартирой (вѣроятно еще старой, въ Зарядьѣ) помѣщалась *Дрима Ивановна*. Вотъ какъ повѣствуетъ объ этомъ оригинальномъ сватовствѣ и бракѣ особый эпизодъ разсказовъ отъ лица Каина:

4.

Свадьба Каинова.

Близъ моей квартиры,

когда еще я не былъ сыщикомъ,

жилъ отставной сержантъ,

которой имѣлъ у себя дочь ¹⁾.

По тому сосѣдству тотъ сержантъ знаѣомъ мнѣ былъ:

почему я съ дочерью его захотѣлъ жить еще поближе.

⁸⁾ „Новой славной сыщичекъ Иванъ Осиповъ, По прозванію онъ воръ Ванька Каиновъ.“—Въ 1-мъ изд. „сыщикъ.“—⁹⁾ Ожидалось бы „печатныхъ.“—

¹⁰⁾ „Не дастъ злодѣй намъ появиться тамъ Весь пашпортиковъ-ста (у издателя весь народъ въ пѣняхъ непременно долженъ говорить съ этой прибавкою) тѣхъ государевыхъ: А у насъ-то, братцы, есть и пашпортики, Но всё пашпортики тѣ своеручные, Своеручные да и всё фальшивые.“ Разбавивши такимъ образомъ, прежніе издатели надѣялись микстуру свою выдать за народную.

¹⁾ Неизвѣстно, почему утверждаетъ г. Есиповъ, что она была солдатская вдова: скорѣе по всему видно, что дѣвушка.

Между тѣмъ подарилъ ей нѣсколько подарковъ,
за что попросилъ у ней нѣчего:
только онаго отъ нее получить не могъ,
кромя какъ обходились на однихъ разговорахъ.
Она спрашивала меня:—какой я человекъ?—

«Купецъ,» я сказалъ ей:
«Гдѣ что ни увижу, то куплю;
«а ежели увижу дешевое,
«то и ночь не сплю.»

По прошествіи же нѣсколька времени,
какъ я сдѣлался сыщикомъ,
то не оставилъ прежняго своего намѣренія.

Свѣдалъ объ ней,
что она охоту имѣеть итти за мужъ:
пришедъ къ ней говорилъ,
чтобъ она кромѣ меня ни за кого
за мужъ не ходила.
Чего она не только получить ²⁾,
но и слышать не хотѣла,
и мнѣ о томъ думать не велѣла ³⁾.

Не могъ сыскать болѣе въ томъ способу:
научилъ въ Сыскномъ Приказѣ содержащагося
въ воровскихъ деньгахъ мастера Андрея Скоробогатаго,
при допросѣ его, въ знаніи того ихъ воровства
оговорить её.

Почему она взята въ тотъ Приказъ была,
гдѣ, по приводѣ, подъ жестокимы битьемъ плетьюми,
спрашивана:
однако, по правости своей, ничего на себя
показать не могла.

Послѣ чего я къ ней прислалъ женщину,
сказать:

²⁾ Достигнуть.—³⁾ Не знаемъ, откуда почерпнулъ г. Есиповъ, будто она
«закрѣпила свой отказъ бранью и укорожъ, что за мошенника и за разбой-
ника никогда не выидеть,» и будто Каниъ за это мстилъ.

«ежели она пойдет за меня за мужь,
«то въ то жь время освобождена на волю будетъ.»

Сказала она той женщинѣ,

чтобъ я на то вовсе надежды не имѣлъ.

А дѣло ее (ея) не чѣмъ было разобрать,

кромѣ одной пытки:

почему она увѣдомилась ⁴⁾, прислала по меня,

чему я былъ радъ,

тотъ же часъ пришелъ къ ней.

Тогда услышалъ отъ нее,

что уже за меня за мужь итти желаетъ.

Почему я просилъ присутствующихъ ⁵⁾,

чтобъ до дальнаго дѣла ⁶⁾ не доводить,

е наказать кнутомъ ⁷⁾ и выпустить на волю,

потому что «сколоченая посуда два вѣка живетъ.»

Что въ скоромъ времени ей и учинено.

Послѣ чего я взялъ ее на свою росписку ⁸⁾:

отдалъ для излѣченія одной проевирни.

А какъ пришла въ прежнее здорovie,

то назначилъ день жениться ⁹⁾.

Пришло уже то время,

какъ съ ней для вѣнчанія пошелъ я въ церковь.

И по приходѣ, ожидалъ того приходу попа:

⁴⁾ Предстояла ей пытка: почему она, увѣдомясь объ этомъ.—⁵⁾ Членовъ Приказа.—⁶⁾ До пытки.—⁷⁾ Это наказаніе явно несообразно съ однимъ подозрѣніемъ виновности; если уже отстранена пытка, то подавно кнутъ здѣсь придуманъ составителемъ повѣсти только для прикрасы. Г. Есиповъ, кажется, здѣсь также введенъ въ ошибку и преувеличиваетъ наказаніе, замѣчая впрочемъ, въ ослабленіе, что Каниъ подкупилъ палача (полегче наказывать или вовсе не наказывать?): едва ли есть на это документы. Довольно уже варварства, извѣстнаго впрочемъ въ нашемъ крестьянскомъ быту, если Каниъ допустилъ Ариу „носѣть (рогами),“ чтобъ „проучить“ за упорство.—⁸⁾ Это допускаетъ и г. Есиповъ, замѣчавшій выше, что Каниъ не умѣлъ писать (довольно было, если писали отъ его имени).—⁹⁾ Это происходило въ 1743 году. Церковь, гдѣ вѣнчался Каниъ,—Варвары Мученицы на Варваркѣ, близъ Зарядья.

которой не мѣшкавъ пришелъ,
и, по признаніи вѣчной моей памяти ¹⁰⁾ фальшивую,
которую я написалъ самъ въ своей квартирѣ,
изъ церкви обратно въ домъ свой

тотъ попъ пошелъ.

А мнѣ, по множеству тогда случившагося
въ церкви народу,
безъ того вытти было стыдно.

Послалъ для сыску идущаго по улицѣ
какого ни будь попа:

которой въ то жь время командою моею,
идуцій пьяный по улицѣ,
взять,
приведенъ въ церковь былъ.

Говорилъ я ему:

«Для чего онъ, идучи по улицѣ и въ пьяномъ образѣ,
«пѣсни пѣлъ?»

«За что отосланъ будетъ въ духовную консисторію.

«А ежели хочеть быть отпущенъ,
«то бѣ, за небытіемъ того прихода попа,
«обвѣнчалъ насъ.»

Которой безъ сумнѣнія на то и согласился.

При чемъ, вѣнчая, началъ кричать,
что есть силы;
и, не такъ, какъ прочіе попы,

обводятъ вокругъ вѣнчальнаго стола
только три раза,—
онъ обвелъ восемь разъ.

Которому я говорилъ

«Что такъ, съ прибавкою противъ другихъ,
«вокругъ насъ водить?»

На что онъ сказалъ:

—Что де, долѣ станешь ¹¹⁾ жить.—

¹⁰⁾ Что нмиче записывается въ книгѣ, послѣ „обыску:“ свѣдѣнія о сочетавшихся —¹¹⁾Станете?

По окончаніи, пошли изъ церкви въ домъ:

тогда и поць тотъ въ домъ ко мнѣ

взять былъ,

и, съ одною только свахою

(за неимѣніемъ въ тогдашнее время гостей),

они за столъ посажены были.

Поць сдѣлался чрезвычайно пьянъ,

выведенъ былъ изъ покоевъ вонъ:

гдѣ заплатилъ я ему за труды одинъ рубль;

и потомъ завязалъ руки назадъ,

повѣсилъ на шею двѣ бутылки,

съ простымъ виномъ,

за пазуху положилъ живую курицу,

при томъ подписалъ у него на спинѣ:

«Ежели изъ оныхъ бутылокъ вино выпьетъ,

«то и развязанъ будетъ.»

И съ тѣмъ столкнулъ его съ двора,

чтобы не зналъ впредь меня.

По прошествіи, послѣ онаго, нѣсколькаго времени,

оный поць попалъ мнѣ въ стрѣчу:

который, увидя и признавъ меня,

поднялъ свою рясу выше головы,

и, бросаясь въ сторону, бѣжалъ,

думая, что я всякой день вѣнчаться буду.

На другой день приказано отъ меня было,

идущихъ мимо моей квартиры купцовъ

брать и вести въ мой домъ:

которыхъ было въ тотъ день собрано

до сорока человекъ,

и они все стояли на дворѣ моемъ.

Велѣлъ я женѣ моей

насыпать мѣшокъ гороху,

и, взявъ ее,

къ тѣмъ купцамъ вышелъ:

и каждому насыпавши того гороху на тарелку,
 потчивалъ ихъ вмѣстѣ овощей,
 за что со всякого нѣсколько денегъ
 въ подарокъ получилъ ¹²⁾.

Супруги, разъ сочатавшись, по видимому жили съ тѣхъ поръ между собою въ ладу: даже при самомъ послѣднемъ заключеніи Каина, жена постоянно ходила къ нему и приносила деньги. Только при послѣднемъ концѣ мужъ было заподозрилъ ее, будто она, въ его отсутствіе, выносила пожитки изъ дому: но вѣроятно и это дѣлала она чтобы „припрятать“, предвидя конфискованіе; она освобождена была отъ ареста на поруки и нигдѣ не видно, чтобы раздѣлила съ мужемъ какое либо наказаніе. Близкіе люди Каина всѣ были нравственнѣе его.

Женившись и окончательно устроившись, Каинъ купилъ себѣ домъ въ Москвѣ, принадлежавшій прежде діакону Варварской церкви (гдѣ вѣнчался), на церковной землѣ, въ Китай-городѣ. Съ точки зрѣнія народнаго вкуса, которымъ видимо владѣлъ, хотя и злоупотреблялъ, Каинъ, въ высшей степени замѣчательно самое описаніе дома, сохранившееся въ дѣлахъ Конфискаціи (которая взяла его въ 1750 г. для продажи съ публичнаго торга; ср. у г. Есипова). Двѣ свѣтлицы выходили на улицу: въ одной печь съ уступомъ и зелеными изразцами, потолокъ оштукатуренъ, полъ лещадной,—это для гостей, съ 4-мя большими окнами; во второй потолокъ и полъ досчатые, печь кирпичная,—это семейная, теремъ; для спанья особая коморка. Между обѣими сѣни бревенчатая. На дворѣ изба „блинная“, конюшня, на улицу лавка (конечно больше для сидѣнья въ часы досуга, чѣмъ для торговли). Кромѣ того на дворѣ кладовая съ чуланами. Убранство свѣтлицъ: образа въ серебряныхъ и золоченыхъ ризахъ; стѣны обиты травчатой клеенкой, зеркало въ золоченыхъ рамахъ, печатныя картины и между ними портретъ Петра I-го, къ которому Каинъ видимо питалъ особое уваженіе (ср. начало его повѣсти). Вдоль стѣнъ стулья обитые чернымъ трипомъ; два дубовые стола накрыты Персидскими коврами, шелковымъ и триповымъ. Въ коморкѣ-спальнѣ кіотъ съ образомъ св. Іоанна Милостиваго, ангела Иванова, съ серебряными гривеннами, съ убрусомъ, который былъ унизанъ жемчугомъ и камнями. Вѣроятно, хотя нѣтъ прямыхъ указаній, въ поминальные дни и по праздникамъ раздавалась нищимъ милостыня отъ столь милостиваго Ивана. Довольство было полное: посуда оловянная и фарфоровая, тарелокъ до 18 дюжинъ; въ сундукахъ золото и серебро, часы, стопы, подносы, чайники, серьги; въ кладовой запасы чаю и сахару. У жены юбки, душегрѣйки, балахоны: все это тафта, обьярь, гаринтуръ, серебряныя городки, золотой позументъ. Хозяинъ ходилъ дома въ суконномъ сюртукѣ,

¹²⁾ Это въ основѣ народный обычай: молодые угощаютъ гостей и получаютъ подарки.

маковаго или зеленого цвѣта, въ зеленыхъ гризетовыхъ туфляхъ, шитыхъ серебромъ. Былъ и портретъ его, перешедшій потомъ въ печатныя изданія: среднихъ лѣтъ, съ густыми, на бородѣ курчавыми, на головѣ длинными (по видимому мягкими, по преданію русо-рыжеватыми) волосами; лицо худощавое, умное и хитрое, но вообще очень приличное, на лбу морщины—слѣды думъ, страстей и тревогъ.

*

Многочисленныя похождения, продѣлки и дѣянія Каина, частію записанныя, частію доселѣ ходящія въ разсказахъ между народомъ, таковы, что обличаютъ въ немъ не просто обычнаго вора, мошенника или разбойника, напротивъ своего рода артиста, который соединялъ въ себѣ всѣ эти качества до высшей наглости и дерзости, совмѣщая въ себѣ и извѣстнаго чиновника на службѣ, и весьма народнаго человѣка, но ко всему притомъ относился съ величайшей, ему только свойственной, виртуозностью. Онъ водился здѣсь и народнымъ обычаемъ, обставлялъ все это обрядностью, отъ вѣка сложившеюся, украшалъ красивымъ словомъ, поговорками и пословицами, разыгрывалъ пѣсней. Понятно, что, при всемъ отвращеніи, и самъ народъ относился къ нему съ невольнымъ любопытствомъ и удивленіемъ: это отношеніе уцѣлало въ памяти, разсказахъ, пѣсняхъ. Кромѣ приведенныхъ выше подвиговъ, Каинъ участвовалъ въ народныхъ играхъ и увеселеніяхъ: самъ возбуждалъ ихъ, создавалъ, развивалъ. Такъ, по близости его любимаго мѣста жительства, у Москварѣцкихъ воротъ на живомъ мосту, въ Троицынъ день собиралось гулянье, съ тысячами народа, съ знаменитою „берѣзкою“, въ первые по веснѣ заломленною, съ древнѣйшею пѣсней „Во полѣ берѣзынька стояла,“ которую столь давно и документально любилъ Русскіе люди ¹⁾, да любятъ и доселѣ, съ хоромъ всѣхъ этихъ, старѣйшихъ по происхожденію, пѣсней весеннихъ и хороводныхъ, съ дѣвушками, которыя пускали вѣнки на воду и по нимъ гадали, и т. д.: Каинъ тутъ являлся и мѣсто гулянья ознаменовано подвигами его шайки, которые записаны у повѣствователей ²⁾.—Въ годъ свадьбы своей, чтобъ ее отирадовать всѣмъ, онъ устроилъ народу торжество, какого не запомнить и никогда не забудутъ: оно записано и описано, оно сообщило на всегда имя Московскому урочищу. Нужно сказать, что наши зимнія Масляничныя „горы“ съ ихъ качелями и коньками среди слокъ, какъ увеселеніями собственно дѣтскими, а также съ ихъ разгульными катаньями, воспоминающими древній „праздникъ рабовъ,“ душою своею живѣтъ древнѣйшій мнѣ, и, какъ обрядъ, получивши отъ него свое происхожденіе, въ обстановкѣ своей совершенно отъ многа зависятъ: мнѣ же этотъ, на половину, выразился

1) Въ половинѣ XVII в. нашъ посоль Я. Н. Лихаревъ даже среди вѣны не могъ себѣ отказать въ удовольствіи, разгулявшись, пойтъ веселую „берѣзу:“ см. о томъ наше изслѣдованіе „Юрій Крижаничъ,“ 1870 г.—²⁾ См. исторію Каина и разсказы Комарова по живымъ слѣдамъ.

всего ясніе и подробности въ нашихъ древнихъ сказкахъ, сказаніяхъ и пѣсняхъ о царь и царицѣ Соломонъ ³⁾. Въ свою очередь, изъ сказаній и пѣсней, по соединеніи ихъ съ обрядомъ и его игрою, выродилась о Соломонѣ извѣстнаго рода народная драма, какъ представленіе народнаго театра: самый первый и старшій тискъ Краковскій, съ картинами, посвященъ этому сюжету, именно о Соломонѣ и Морольѣ или Морольтѣ, о взаимномъ состязаніи, гдѣ Соломонъ является сперва царевичемъ, потомъ царемъ, далѣе въ борьбѣ съ царемъ стороннимъ какъ страдающій и наконецъ торжествующій. Весь этотъ процессъ Соломоновъ есть прямое торжество ума и хитрости, а заключеніе—торжество „раба“ и „праздникъ рабовъ,“ плѣнниковъ или колодниковъ, какъ и было въ древнѣйшей дѣйствительности: понятно, что это было какъ разъ по сердцу Канину и близко къ собственной судьбѣ его. Скоморохи у насъ издревле разыгрывали эту игру: Канинъ сообщилъ ей, при своихъ богатыхъ средствахъ, небывалую и дивную для Москвы обстановку. Катанье на Масляницѣ совершалось прежде въ Москвѣ отъ Неглинной по Покровкѣ до Покровскаго села и Нѣмецкой слободы, параллельно Москвѣ-рѣкѣ и Яузѣ, на которыхъ были горы, шли кулачные бои и т. п. На половинѣ и въ центрѣ этого протяженія, близъ нынѣшняго Москварѣдскаго моста и тогдашняго Мытнаго двора, а также своего дома, воспользовавшись природнымъ спускомъ, Канинъ устроилъ еще искусственную гору (по которой и урочище съ тѣхъ поръ получило имя *Каниновой горы*): обычное украшеніе, онъ еще усилилъ, разставивши въ обиліи елки, бѣлчановъ (разныя изображенія и истуканы), а устлалъ краснымъ сукномъ. Это выражало, во первыхъ, какъ особый „городокъ,“ понинѣ сооружаемый дѣтми на Масляницѣ, дѣтскія забавы царевича Соломона ⁴⁾. Здѣсь-то всю недѣлю шло народное гулянье, а въ послѣдній день разыгранна игра о царь Соломонѣ. Для нея наняты были, для разныхъ лицъ и дѣйствій, до тридцати скомороховъ, или, какъ новѣе стали у насъ называть, комедіантовъ. Изъ нихъ было два главныхъ, два—по народному понятію и слову—шута: одинъ для самого царя Соломона, другой для Морольта или вообще Соломонова врага, съ разнымъ чередованіемъ ролей, кои попеременно выполнялись то тѣмъ, то другимъ. Именно, во первыхъ, согласно мию и сказаніямъ, у „царя“ совершена была „покража:“ это жена,

³⁾ На другую половину, хотя и не въ такой ясности, выражался мнѣ въ пѣсняхъ и образахъ Купалы: ср. нашъ 1-й выпускъ „Бѣлорусскихъ пѣсней“ 1871 г.—О Соломонѣ наше подробное изложеніе при 2-мъ томѣ сборника Рыбниковскаго.—⁴⁾ О чемъ говорится въ сказаніяхъ: „И сотворшу царевичу Соломону въ лозіяхъ сплетенъ градъ, башни сдѣланы и поставлены пушки во вратѣхъ деревяны, и по стѣнамъ также пушки деревяныя, и бердыши деревяныя и копія, все деревяное, и самъ сидитъ во градѣ аки царь.“ Или: „Соломонъ нача работати на дворѣ,—дворъ мечь, и пескомъ усыпаетъ, и ельникомъ устлаетъ вездѣ, и по переходамъ коврами и сукномъ также.“ И т. п.

которому крадутъ у Саломона, потомъ крадетъ онъ самъ у чужаго царя, черезъ посредника и лично; а вмѣстѣ драгоцѣнности, деньги и т. п. Въ игрѣ Каиновой употреблялись нагляднѣе *деньги*. Кража совершается подъ образомъ *кунца*, какимъ является посредникъ Саломона или онъ самъ: для этой роли, въ числѣ двухъ помянутыхъ главныхъ „шутовъ“, избранъ былъ нарочно *суконщикъ*, фабричный или купецъ ⁵⁾. Онъ обличенъ: тогда постѣдуетъ *судъ* и *казнь*, на которую, какъ извѣстно, сперва готовится самъ Саломонъ, но потомъ она обрушивается на его врага. Мѣсто казни въ сказаніяхъ устраивается съ особеннымъ парадомъ: отсюда у Каина красное сукно, какъ на „мѣстѣ лобномъ.“ Осужденный (въ роли, которую исполнялъ античный рабъ) носить на головѣ *коллакъ* (Фригійскій: символъ его кратковременной свободы, которой долженъ скоро лишиться, а вмѣстѣ символъ распущенности преступника), перевязъ на шеѣ (откуда извѣстная перевязъ или гривна на шеѣ гладіатора), по Славянски же и по Русски вообще одежду „мужика“, какимъ изображается Саломонъ на *шуконныхъ старыхъ картинахъ*; онъ долженъ ѣхать на казнь въ простой *теллѣгъ*, какъ мужикъ и вмѣстѣ преступникъ, окруженный *палачами*, а постѣ, среди площади, дѣзть на висѣлицу (или на костерь) по лѣстницѣ. Въ семъ положеніи, извѣстно, былъ иѣкогда Гераклъ, онъ же Мелькартъ или Морольтъ, а у Славянъ (вмѣстѣ съ древними Скивами) угрожаемый казнію Саломонъ: у Каина его изображалъ означенный суконщикъ *въ деревенской шапкѣ*, съ *галстухомъ на шеѣ*, на *рукахъ съ большими рукавицами*. Кроме того, какъ извѣстно, врагъ царя и попеременно самъ Саломонъ представлялся въ эпическомъ свѣ Саломона „звѣремъ лютымъ“ или „волкомъ“ и „медвѣдемъ ⁶⁾“: согласно тому, для наглядности, суконщику „къ *спинѣ привязали маленькаго медведя*“, то есть, вѣроятно, не живаго, а шкурку маленькаго медвѣди. Съ другой стороны, какъ знаемъ, готовясь на казнь, но въ виду освобожденія отъ нея, Саломонъ готовилъ себѣ изъ товарищей цѣлое войско, которое постепенно имѣло приближаться къ лобному мѣсту, а чтобы скрыть себя и приближеніе, держало въ рукахъ лозы или вѣтви, которыя дѣлали видъ приближающагося лѣса ⁷⁾: для этой сцены у Каина собрано

⁵⁾ Вѣроятно суконный фабричный *Жала* или *Момазъ*, или же *суконщикъ Личкала*, или подобные *кунцы*, кои потомъ попались съ Каиномъ и были переписаны.—⁶⁾ „Видѣхъ язъ привидѣніе и слышахъ, кабы въ полату вѣнде *зельрь лютый* и учалъ матушку мою (впослѣдствіи она же супруга Саломона) *ясти*, кабы лѣсний звѣрь *медведь* приде въ конюшни и сѣлъ на любимаго коня отца моего (мать)... Въ ноци обращаеся *зельремъ* Киторвасомъ... Царь Соломонъ *лютими зельрами* догонитъ“.. Вотъ почему крадущій, но въ видѣмъ *кунца*, именуется *Волжвомъ*, *Волжомъ*, *волкомъ*.—⁷⁾ Саломонъ, говоритъ сказаніе, „оставилъ людей въ *лѣсу*“, велѣлъ итти ему на помощь по знаку, „при чемъ всякой неси передъ собою *по зеленому свѣтлостому суку дерева*“, а когда привезенъ былъ *въ теллѣгъ* и полѣзъ на ви-

было изъ народа до двухъ сотъ чловѣкъ и каждому дано было по метля; разумѣется, тутъ же, при казни, стояли извѣстные по сказанію, а Канину пріятель, *Пилаты немилостивые* или *палачи*; притомъ, какъ при Саломоновой бѣдѣ и въ Купальскихъ или масляничныхъ торжествахъ, а теперь при сценѣ обычной торговой казни, *били въ барабаны*. Морольтъ, то врагъ Саломона, то его другъ и второе я, въ котораго по нуждѣ преображался и самъ Саломонъ, въ минуту казни явился во главѣ войска, которое шло на спасеніе царя: эту роль, изъ двухъ помянутыхъ главныхъ „шутовъ“, принялъ на себя *суконщикъ Волкъ*, лицо историческое, извѣстный сообщникъ Канина; то есть, для изображенія сего Московскаго Китовраса и лютаго звѣря, нарочно подыскали суконщика, съ прозвищемъ „Волкъ“, или же, на оборотъ, это прозвище, можетъ статья, осталось за нимъ *послѣ* удачно исполненной имъ роли ³⁾. Разумѣется, скоморохи, главные актеры, придерживались эпическаго содержанія и драматическаго, извѣстнаго съ древности, сюжета: самъ Канинъ любовался зрѣлищемъ, созерцая въ немъ нѣкоторымъ образомъ собственную роль и судьбу: но, какъ говорится у насъ, „для удовольствія публики“, согласно тогдашнимъ понятіямъ и нравамъ, драму нужно было порѣзче перевести на современные тогдашніе обычаи, на сцены, столь часто повторявшіяся въ дѣйствительности передъ глазами и, въ представленіи шуточномъ, наиболѣе способныя возбудить въ толпѣ интересъ и окружающій хохотъ. Потому, такъ сказать на поверхность игры, рѣзко выставлялось то, что суконщикъ укралъ деньги, царь присудилъ его наказать, устроили висѣлицу съ палачами, осужденный пошелъ въ дурацкомъ образѣ, а народъ съ метлами, въ строй, колотилъ его, какъ будто прогоняя „сквозь строй“. Чѣмъ больше колотили, тѣмъ, конечно и увѣ, громче хохотала публика надъ судьбою „шута“: медвѣжья шкурка, столь эпическая, служила тутъ просто для смягченія удара и боли, напоминала роль сказочную, а вмѣстѣ спасая отъ суровой дѣйствительности. *Морольтъ* казался народу по просту *майоромъ*, который распорядился военною казнью. Суконщикъ, для выщей потѣхи, принужденъ былъ пройти, уже не „къ казни“, а „среди казни“ дѣйствительной, вмѣсто одного раза, *въ задѣ и въ передѣ шесть разъ* (тѣмъ больше, что вѣроятно драма повторена была въ теченіе дня нѣсколько разъ), избить былъ, не смотря на спасительную и эпическую медвѣжью шкурку, до крови и, въ награду, получилъ потомъ отъ Канина, за раны и игру, *рубль денегъ*, а въ память шкурки *новую шубу*. Сущ-

сѣлицу, „они начали подвигаться, но людей не видать, а только передъ ними *зеленая вѣтви слово лѣсъ* (Еще древнѣе этого „праздника рабовъ“, вѣтви или ваи сопровождали всякое торжество, особенно при Діонисѣ, котораго у Славянъ замѣнили Саломонъ: но, въ примѣненіи къ его страданіямъ, онѣ предваряли его шествіе къ лобному мѣсту)“.

³⁾ „Третьяковской (суконной) фабрики ученикъ *Петръ Волкъ*, въ кандахахъ:“ ср. списокъ сообщниковъ у г. Есипова.

ность игры, повторяемъ, разумѣется не понята была хорошенъко большинствомъ простаго народа или, лучше, понята хорошо въ смыслъ наглядномъ, сейчасъ очерченномъ, и такъ, съ тѣмъ же смысломъ, перешли въ сказаніи о Канивѣ, и въ печатъ ⁹⁾. Вотъ какъ она излагается, отъ лица его, въ его повѣсти и исторіи:

5.

Забавы Каниновы.

Канинова гора. Игра о царѣ Саломонѣ.

Въ томъ же году ¹⁰⁾, на Масленицѣ,
сдѣлалъ близъ Мытнаго двора
для катанія гору:
которая была украшена ёлками,
болванами и краснымъ сукномъ.
И всю недѣлю происходила,
отъ множества народу, всякія забавы.
На послѣдній день собралъ я
до тридцати человекъ комедіантовъ:
велѣлъ имъ представить на той горѣ
о царѣ Соломонѣ игру.
При чемъ было два шута.

⁹⁾ Очень жаль, что описатели не передали намъ всѣхъ подробностей дѣйствительныхъ, и вложили только свое и народное воззрѣніе, оставшееся въ памяти и въ умахъ: мы застаемъ еще стариковъ, которые съ жаромъ говорили объ этой диковинкѣ, къ сожалѣнію также по слухамъ. Почтенный И. М. Снегиревъ, въ описаніи Москвы и Каниновой горы, къ несчастію также повѣрилъ *буквѣ* Каниновой исторіи, помявши все дѣло повтореніемъ одной *дѣйствительной* площадной казни, и только прибавивъ догадку, что здѣсь представлялся извѣстный *судъ Саломона*: но то былъ *судъ надъ самимъ Саломономъ*, эпическимъ, изображеніе его *собственными судьбами*.— Пресловутая Канинова гора впоследствии оттянула самое катанье масляничное отъ прежнихъ мѣстъ, съ улицъ, и перевела ихъ на Москву-рѣку.—¹⁰⁾ Въ году свадьбы Каниновой: по народному обычаю, послѣ свадьбы молодые съ особою пышностью выѣзжаютъ на гулянье ближайшей Масляницы, „себя доказать.“

Между прочимъ, у того царя,
украдены были деньги:
съ коими пойманъ былъ суконщикъ,
которой мною для онаго
нанятъ былъ.

По приводѣ его къ царю,
осужденъ онъ былъ за ту кражу
къ наказанію.

Чего для, собрано было
до двухъ сотъ человѣкъ:

и поставлены были въ строй;
каждому дано было по метлѣ.

Раздѣвъ того суконщика,
надѣли на него деревенскую шапку,
на шею галстухъ,
на руки большія рукавицы,
къ спинѣ привязали маленькаго медвѣдя.

Пустили тѣмъ строемъ
съ конца до конца той горы;
притомъ били въ барабанъ.

За Маіора ¹¹⁾ правилъ суконщикъ Волкъ:
который ѣздилъ на лошади,
и тѣхъ, стоящихъ въ строю,
принуждалъ.

Реченной суконщикъ ходилъ
въ задъ я въ передъ шесть разъ:
избить весь былъ до крови;
за что взялъ съ меня
одинъ рубль денегъ
да шубу новую.

Этою Канною игрою, которая исполнена была предъ вворами всей Москвы и съ тѣхъ поръ сдѣлалась очень знакома содержаніемъ, объясняется выше поминутое явленіе: какъ въ

¹¹⁾ Какимъ образомъ *Морольтъ* превратился здѣсь въ *Маіора*, сравните этотъ привычный въ народѣ пріемъ, созданіе маіоровъ изъ эпическихъ

вѣдѣн тѣх же Московскихъ спомороховъ и ихъ преемниковъ, въ „Петруши“, въ этой Итальянской передѣлѣ того же Саломоновскаго вноса и Купальскихъ игръ, но Московской редакціи роль Морольта и „чернаго раба“ или Араба занялъ уже, ради цѣта своего, *Цыгань*, обманывающій лошадыня, прадурій и наказуемый; какъ выступилъ врачъ-аптекарь „въ подѣ Камчанаго Моста“, то есть извѣстный намъ Камчатка и его сообщники; а наконецъ, какъ въсто Арлекина, кѣняющаго равныя виды и въ свою очередь сѣнявшаго собою пра-древняго Саломона, явился у насъ, въ вихрь пляски и ликованья, самъ Каинъ съ *Авдотьей Степановою*.

*

Всѣ такія игры Каина, не только неселны, но и опасныя, рано или поздно, и вѣроятнѣе что скоро, должны были серьезно разыграть судьбу его. Заявивши мѣсто между государствомъ и народомъ, онъ очевидно рассчитывалъ обмануть ту и другую сторону, по очереди ихъ сталкивая и ловя рыбу въ мутной водѣ; это до времени удавалось: по гибельный толчекъ вышелъ изъ середины, откуда Каинъ не чаялъ, и тогда обѣ стороны на него обрушились. При Императрицѣ Аннѣ, какъ извѣстно, впервые слишкомъ явно обнаружилась и привлекла вниманіе государства давнишняя скопческая сета: знаменитое дѣло сборищъ Ивановскаго монастыря вывело на сцену, между прочимъ, Акулину Ивановну ¹⁾, родоначальницу подобныхъ послѣ, дующихъ явленій по женской линіи. Смѣтливый умъ Каина тотчасъ догадался, что для ловкости его здѣсь новое, обширнѣйшее и самое общающее поле дѣйствія: не зная еще хорошенько дѣла, онъ ускорилъ уже подозрѣнія, захваты самыя наглыя, выручки самыя щедрныя, не предчувствуя, что это самое прикосновеніе къ дѣламъ раскольничьимъ, а тѣмъ болѣе сконеческимъ, всего скорѣе могло и должно было его погубить. Первые рѣшительныя приемы его въ семь родѣ относятся къ 1744—48 годамъ: онъ самъ и историки его объясняютъ это случайнымъ открытіемъ, тогда какъ случая вовсе не было и была лишь постепенность ²⁾. „Взялъ я, говорить онъ, лежащую на улицѣ пьяную женщину, которая, при взятыи мною подѣ ка-

и историческихъ лицъ, выше при Долгорукихъ-Шереметевыхъ, при Петрѣ, при Романѣ и князѣ Михайлѣ, и т. п. въ прежнихъ выпускахъ, а равно ниже.

¹⁾ Занимающую первое мѣсто въ скопческой догматикѣ при Андрѣ Селивановѣ и въ его „Страдахъ.“—²⁾ Ср. ниже. Инструкція Сената, обезпечившая Каину захваты, дана въ концѣ 1744 г.; въ слѣдъ за симъ, по дѣлу Ивановскаго монастыря, указъ 1745 о смыскѣ лжеучителей и особая въ Москвѣ „Раскольническая Коммиссія;“ Комаровъ относитъ „случайность“ найденной Федосьи къ 1745 году: точно, Коммиссія тутъ же, по поводу захватовъ Каина, вызвала его изъ Смыскаго Приказа къ допросу, но, ради подкуна, бумага отправлена въ Приказъ о Каинѣ лишь въ Ноябрь 1748 года, и въ семь же послѣднемъ году, по документамъ (у г. Есипова), нагрянули съ командой въ домъ Каина.

рауль, сказала за собою важное дѣло. А какъ пришла въ трезвое состояніе, то сказала о себѣ, что она „купеческая жена,“ зовуть ее *Федосьей Яковлевою* ²⁾ и знаетъ нѣсколько раскольниковъ, которые собираются въ богомерзкое сборище. О чемъ написала своеручную записку и запечатавъ отдала мнѣ ⁴⁾. Которую я взявъ отъ нее, въ тотъ же день къ совѣтнику Казарининову принесли. И какъ оную записку ему подавъ, то (и) онъ распечатавъ усмотрѣлъ, что въ ней было написано, приказалъ взять меня подъ карауль: токмо я взять себя не далъ, отъ чего мои ⁵⁾ пошевелились въ его покояхъ такъ, что и въ окнахъ стекло мало осталось. Нанослѣдокъ сталъ онъ говорить со мной помирнѣе и спрашивалъ: Кто ту записку писалъ? Кому я сказалъ, что я писать не умѣю ⁶⁾, а кто писалъ, тотъ въ домъ у меня остался. И болѣе оной совѣтникъ не медля, взявъ меня съ собою, поѣхалъ къ генералу Левашеву, и поговоря съ нимъ, послали меня домой.“ Дѣло оказалось такой чрезмѣрной важности, что въ ту же ночь полковникъ Ушаковъ, составъ Тайной Канцеляріи, офицеры, команда во 120 человекъ, явились къ Каину. „А у меня—на одной недѣлѣ четверга четыре, а деревенской мѣсяцъ—съ недѣлей десять (см. выше).—Отъ чего пришедъ въ ужасъ, принужденъ я былъ свою команду потревожить, которой при мнѣ было 45 человекъ солдатъ и при нихъ сержантъ, да чернаго народу, хорошаго сукна, 30 7).“ Однако Каинъ, будто бы, остался дома, ворота отперъ, только секретарь Приказа, взявъ Федосью въ особую каморку, „подулъ ей на ухо.“ Ее посадили въ берлинъ, поѣхали прямо на Покровку, взяли тамъ купца Григорья Сапожникова ⁸⁾, отослали его въ Стукаловъ монастырь (см. выше), „гдѣ, поговоря съ нимъ противъ шерсти, въ ту же ночь, по показанію той бабы, домахъ въ 20-ти поставлены были караулы. А на другой день взяли въ Таганкѣ купца Якова Фролова ⁹⁾ и сына его малолѣтнаго: котораго я взялъ къ себѣ въ домъ ¹⁰⁾, а прочихъ отправили въ тотъ же монастырь. И я спрашивалъ оваго, Фролова сына, „гдѣ живетъ

²⁾ Она же *Исалева* и *Савельева*, см. ниже.—⁴⁾ Такова эта наивная „случайность.“—⁵⁾ Команда и шайка Каинова.—⁶⁾ Довольно этого собственнаго свидѣтельства въ подтвержденіе вышеназванныхъ толковъ о грамотности Каина.—⁷⁾ Это же, по всему видно, событіе разсказано у г. Есипова подъ 1748 годомъ, по документамъ донесенія посланныхъ: „Застали Каина дома, прочли ему указъ и повели было... но, какъ отошли отъ двора Каина сажень съ пять, то онъ, Каинъ, вырвался, сброся съ себя сюртукъ и шляпу, и ушелъ, и бѣжавъ кричалъ незнаемо какимъ людямъ: *Дай дубль!* По этому зву набѣжало неизвѣстныхъ людей человекъ съ 20-ть, въ *сырыхъ кафтаняхъ...*“ и посланныхъ „били смертнымъ боемъ, двумя солдатамъ дубинами пробили головы, Каина отбили и съ нимъ исчезли.“—⁸⁾ Передоваго дѣятеля скопечества.—⁹⁾ Это тотъ самый „сынчекъ Якушка,“ который, извѣстно по „Страдамъ,“ поддерживалъ Андрея во время наказанія.—¹⁰⁾ Безъ всякаго права на допросъ, за что и стала преслѣдовать Каина Раскольническа я Коммиссія.

Андреюшка и съ кѣмъ онъ говоритъ,“ ибо онъ сказывался *клямымъ*.“ Въ этомъ-то Андрюшкѣ и состояло все дѣло: то былъ знаменитый „Лжехристъ Андрюшка“, *Андрей Селивановъ*, тогда еще только „нѣмой и босой“, а въ слѣдъ за тѣмъ родоначальникъ нововоскресшаго въ Россіи скопчества, по линіи мужской, еще же дальше, по догматикѣ, государь „Петръ Федоровичъ“, по исторіи одинъ изъ первыхъ самозванцевъ съ именемъ Петра III-го. „Которой (Фроловъ) объявилъ, что, де, онъ съ тѣми говоритъ, кто тому сборищу согласенъ ¹¹⁾; а жительство, де, онъ имѣеть за Сухаревой башней въ одномъ домѣ. Почему, для взятія онаго Андрюшки, въ показанной домъ вѣдрили: токмо его (Андрея) не получили; ибо онъ дни за два до онаго уѣхалъ въ С. Петербургъ.“ Все это обстоятельство разъясняется по другимъ документамъ, не столько официальнымъ, сколько по „Страдамъ“ Андрея и сохранившимся свидѣніямъ въ Москвѣ ¹²⁾. „Исторія“ Каина, отъ лица его, свидѣтъ покончить съ симъ дѣломъ: „Для чего, съ прописаніемъ всего ихъ обстоятельства, посланъ былъ изъ Москвы нарочный, которымъ тотъ Андрюшка привезенъ въ „девшоную баню“ ¹³⁾;“ а сколько вѣсу въ немъ оказалось, того знать мнѣ было не можно.“ Жизнеописатель Каина, Комаровъ, полагалъ, что знаетъ больше этого, и разсказалъ: какъ учреждена „нарочная коммиссія ¹⁴⁾“ и обличено еретиковъ, обоего пола, 416 человекъ; какъ Андрей и сообщники сѣчены на Царицынскомъ лугу кнутомъ и сосланы на каторгу въ Рогервикъ; прочіе наказаны иначе: купеческая жена Федосья Яковлева въ продолженіе дѣйствій коммиссіи умерла; и, только по добросовѣстности своей, Комаровъ замѣчаетъ, — „да не сыскаво еще

¹¹⁾ Кто причисленъ къ тому согласію, сектѣ. — ¹²⁾ Андрей Селивановъ ходившій тогда босымъ и вродивымъ, а ночью собиравшій сборища „людей Божіихъ“, жилъ за Сухаревой башней у Николи въ Драчахъ, куда на поклоненіе ходятъ скопцы доселѣ: жилъ въ домѣ у той самой Федосьи Левлевой (отчество ея перемѣнено въ „Страдахъ“, какъ мѣняли тогда имена всѣ скрывавшіеся), которая послѣ выдала его, въ подпольѣ. Объ этомъ повѣствуется въ „Страдахъ:“ „И жилъ я въ городѣ въ Тулѣ, и въ домѣ у жены мірской (т. е. не хлыстовки) у Федосьи Левлевы грѣшницы (она заливала и загуливала, отчего и соблазнилась показать на Андрея, подущенная конечно Каиномъ). У ней въ подпольѣ тамъ и жилъ: она меня приняла, а свои не приняла. И они же и привели къ ней въ домъ (послѣ показаній Сапожникова и Фролова), и доказали команду солдатъ.“ Что это происходило не въ Тулѣ, видно изъ того уже, что за симъ, говоритъ Андрей, „меня привели въ Тулу,“ въ оковы: это было уже послѣ того, какъ его взяли въ Петербургѣ. Изъ Тулы водили его въ Тамбовъ, гдѣ онъ былъ наказанъ, а оттуда пошелъ въ Сибирь, на дорогѣ принялъ „большое оскопелъе“ и въ слѣдъ за тѣмъ съ торжествомъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ жилъ долгое время. — ¹³⁾ Такъ въ народѣ, и особенно на языкѣ Каина, называлась висѣлица („палаты не вершоны и не мшоны“), иногда дѣла и изба для пытокъ. — ¹⁴⁾ Раскольничья, ср. выше.

той ереси учителей и согласниковъ *ста шестидесяти семи чловѣкъ.* На самомъ дѣлѣ, большая часть ихъ, и главныя лица, продолжали жить и дѣйствовать, въ Тулѣ, Тамбовѣ, Сибири, Петербургѣ...

Такъ народный эпосъ, овладѣвшій лицомъ и жизнью Канна, овладѣвалъ и всѣмъ соприкасавшимся. Такъ въ исторической дѣйствительности съ достойнымъ Канномъ соединились еще два достойнѣйшихъ „исчадія“, послѣдующее самозванство во имя Петра III-го и исторія Андрея Селванова съ нисходящими. Въ дѣлѣ же творчества, съ жизнеописаніемъ Канна (отъ лица его) соединилось параллельное и совершенно еходное по приемамъ произведеіе — жизнеописаніе или описаніе подвиговъ и страданій, иначе „Страды“ Андрея: произведеіе одновременное съ „жизнеописаніемъ“ Канна, также въ основѣ народное, то отъ лица самого Андрея, то въ 3-мъ лицѣ объ немъ, съ тою же игрою словъ, остротами и пословицами, со вставкою стиховъ и само переходящее въ Стихъ, хотя также и обдѣланное послѣ по книжному. Только въ немъ болѣе характера „духовнаго“, въ противоположность Каннову „свѣтскому или мірскому“, болѣе близости не къ „Пѣснямъ“, а къ „Стихамъ“, и потому это составляетъ предметъ другаго нашего изданія—Стиховъ, подъ именованіемъ „Калѣкъ Перехожихъ ¹⁵⁾.“ — Существуетъ однако же еще нѣчто въ родѣ искусственной пѣсни, сложенной тогда же какимъ-то книжникомъ, хотя не народной, но помѣщавшейся въ числѣ „Канновыхъ“, весьма распространенной въ тогдшнемъ обществѣ и проникавшей даже на сцену театра при изображеніи картежной игры. Она тѣсно соединяетъ обоихъ богатырей:

6.

Ванька Кайнъ и Лжехристъ Андриушка.

Бѣсъ проклятый дѣло намъ затѣялъ:

Мысль картѣжну въ сердца наши всѣялъ.

Ту ¹⁶⁾ распространяйте, руки простирайте,

Съ радостнымъ плескомъ кричите «рестъ ¹⁷⁾!»

5. Дверь въ трактирахъ Бахусъ отворяетъ,

Полны чаши пуншемъ наливаетъ:

Тѣмъ дается радость, льется въ уста сладость;

¹⁵⁾ А потому, кто хочетъ хорошенько уразумѣть народный творческій колоритъ въ жизнеописаніи Канна, тотъ обязанъ непременно сравнить одновременныя Страды Селванова.—¹⁶⁾ Мысль.—¹⁷⁾ Терминъ игорный. — Каждый четвертый стихъ повторяется дважды.

Дайте намъ карты, здѣсь олухи есты!
 Стенька Разинъ, Сѣнной и Гаврюшка,
 10. Ванька Каинъ и Лжехристь Андриушка:
 Хоть дѣла ихъ славны и коль ни удачны ¹⁸⁾,
 Прахъ противъ нашихъ картѣжныхъ дѣлъ,

И т. д.

(Появилось прежде въ пѣсенникѣ Новиконскомъ 1781 г. и при жизнеописаніяхъ Каинна, въ числѣ его „любимыхъ пѣсней.“ Любопытно, что это безобразіе пѣлось на гелесь фрала-масонской пѣсней „Образъ Девы, стѣмъ Вавилонскі“).

*

Отношеніе къ раскольникамъ, и особенно къ скопцамъ, богатымъ средствами мщенія, всего болѣе повредило Каинну и довело его до гибели ¹⁾: здѣсь затрунуй оны уже не воровъ и мошенниковъ по прежнему, не „простой“ народъ, а „гражданъ“, приличныхъ по всей видимости. Оставшіеся въ живыхъ и на свободѣ, а таковы были главные, не могли простить ему: сперва Раскольническая Коммиссія, за ней Приказъ и Канцелярія, наконецъ и Полиція, то есть мѣстные представители государственной власти, постепенно перешли къ недоверію, ожесточенію, преслѣдованію. Какъ всегда и вездѣ, присоединились и обстоятельства, и мелкіе поводы: изъ обстоятельствъ всего болѣе напугали страшные Московскіе пожары, — поджоги бывшихъ друзей или теперешнихъ враговъ Каина; чѣмъ болѣе ревновалъ Каинъ въ поискахъ, тѣмъ болѣе раздувалъ пламя. На поддержку, ни въ массахъ испорченныхъ, ни въ цѣломъ народѣ, „доноситель“ не могъ уже разчитывать: оны являлся „Каинкомъ“, „окаяннымъ“, какъ привыкъ производить и объяснять народъ самое имя „Каина („каянь, о-каянь“);“ поимка Камчатки окончательно подорвала кредитъ съ этой стороны. Прибавился и поводъ: точно ли былъ Каинъ страстенъ до женщинъ, какъ говорятъ нынѣ, не знаемъ данныхъ вѣрныхъ; только, извѣстно, слишкомъ неразборчивъ въ средствахъ достиженія цѣлей и одинъ разъ прямо „грѣхъ его попуталъ.“ Вотъ что говорится о томъ въ „жизнеописаніи“, уже не отъ лица Каина, а въ 3-мъ лицѣ, по свѣдѣніямъ, дошедшимъ и до Комарова: „Видя, что все благополучно съ рукъ его сходить, ни мало не преставаъ (Каинъ) чинить всякія наглости. И въ одинъ день отважился оны увезти *между полицейскаго подъячаго Николая Вудаева*, которой въ томъ безчестьѣ подалъ на него въ полицію челобитную.“ Отсюда уже передѣлаемъ краткія

¹⁸⁾ Комаровъ, сомнѣвался въ этой удачѣ, поправилъ безъ смысла: „и коль ни срамны.“

¹⁾ Удивительно, что такіе изслѣдователи, какъ г. Есиповъ, доселѣ не обратили особаго вниманія именно на этотъ вопросъ и не признали его главнымъ въ судьбѣ Каина.

строки отъ лица Каина: „Полиціймейстерской канцеляріи подъячій *Никола Будаевъ просилъ на меня въ увозъ жены его*, почему я призванъ былъ въ полицію.“ Документальныя бумаги передаютъ иначе подлинное дѣло ²⁾. За Никитскими воротами былъ домъ отставнаго солдата *Федора Тарасова*, у него была красивая дочка: на вечеринкахъ у *Федосьи Савельевой* Каинъ видалъ ее. Явилась посредницей давнишня знакомка Каина (см. выше) *Авдотья Степановна*: 17 января 1749 г. дѣвушка пропала; жена Каина, *Арина Ивановна*, проболталась искавшимъ; открылись слѣды похищенія и увоза въ село Павлено ³⁾; отецъ подалъ бумагу въ полицію. Такъ, къ послѣднему рѣшенію судьбы Каина, сошлись всѣ главныя женщины, терпѣливо дѣлившія судьбу съ нимъ прежде. Чтобы понять существенныя нити интриги, довольно намекнуть, что: а) *Авдотья Степановна*, *Арина Ивановна* и новоувезенная были естественныя соперницы, которыми легко было воспользоваться ко вреду Каина; б) *Федосья Савельева*, она же *Яковлева* и *Иевлева*, давнишня знакомка наша и Каинова, вѣкогда орудіе сего послѣдняго въ доносѣ, а теперь послѣдовательное орудіе спасшагося *Андрейшкі* и его мстительныхъ сообщниковъ ⁴⁾; в) отецъ — если не самъ тотъ *Тарасовъ* (по обычной переимѣнн имени), по крайности братъ того *Алексѣя Тарасова*, у котораго въ дому была скѣпческая „обитель“ и который, въ слѣдъ за настоящимъ происшествіемъ, явился къ *Андрейшкѣ* въ Сибирь чтобъ освободить его, вмѣстѣ съ поминаемой въ „Страдахъ“ „дочкою *Аннушкой*“. Это было мщеніе одному, спасеніе для другаго. Какъ бы ни случилось, пѣсня передаетъ это по своему въ особой картинѣ:

7.

Каинъ увозить дѣвушку.

Какъ у насъ ли въ каменной Москвѣ,
 Во Кремлѣ во крѣпкомъ городѣ,
 Что на Красной славной площади,
 Учинилася диковинка:
 б. Полюбилась красна дѣвица
 Удаломъ-добрѣ молодцу,
 Что Ивану ли Осиповичу,

²⁾ У г. Есянова. — ³⁾ Павшино, Моск. уѣзда? — ⁴⁾ Если она точно была теперь солдаткою, какъ названа въ официальныхъ бумагахъ, то могла выйти за солдата и вообще вела подобную компанію, любя выпить и служа орудіемъ доноса или низкихъ, продѣлокъ. Андрей старается ее выгородить изъ вины перваго доноса, замѣчая только, что она „грѣшница (см. выше).“

- По прозванью Ванькѣ Кайну.
Онъ сзывалъ ли добрыхъ молодцевъ,
10. Молодцовъ—всѣ голь кабацкую.
Во единъ кругъ думу думати:
Какъ бы взять имъ красну дѣвицу?
Какъ придумали ту думушку,
Пригадали думу крѣпкую:
15. Наряжали Ваньку Кайна
Въ парчевой кафтанъ съ нашивками,
Въ черну шляпу съ позуменами,
Нарекали его барыномъ.
Подходили съ нимъ къ колясочкѣ:
20. Въ ней дѣвица укрывалася
(Что въ рядахъ ужъ нагулялася ⁵⁾,
Отца—мать тутъ сидя дожидалася.
Молодецъ ей поклоняется,
Дьячимъ сыномъ ⁶⁾ называется:
25. «Ты душа ли красна дѣвица
(Говоритъ ей доброй молодецъ) ⁷⁾!
«Твоя матушка и батюшка,
«Съ моимъ батюшкомъ родимымъ ⁸⁾,
«Къ намъ пѣшкомъ они пожалуютъ:
30. «Миѣ велѣли проводить тебя
«Къ моей матушкѣ во горницу.
«Она дома дожидается ⁹⁾.»
Красна дѣвица въ обманъ далась:
Повезли ее на Мытной дворъ,
35. На квартиру къ Ванькѣ Кайну.
Тамъ дѣвица обезславилась
(Но ужъ поздно, хоть успокаилась) ¹⁰⁾.

(Прежде всего напечатана въ пѣсенникѣ Новиковскомъ).

*

5) Нагулявшись прежде того въ рядахъ Гостиного двора: вставочное разъясненіе.—6) Не отсюда ли сказаніе, что увезена „жена подъячого?“—7) Опять вставка, ненужная для пѣсни.—8) Можетъ быть: „родимые,“ родыме?—9) Слишкомъ подробно и обстоятельно: книжная подправка въ объясненіе, согласно съ ходившими рассказами.—10) Богѣ поздравля, правоучи-

Въ другое время никто не обратилъ бы и вниманія на такое дѣло, особенно въ области Каиновской: но теперь государство было уже наугано, народъ уже ненавидѣлъ Каина, интрига раздувала бѣду, а полицеймейстеромъ явился строгій Татищевъ. Онъ повелъ дѣло круто: арестъ, крѣпкій карауль, шлетъ, допросъ, слѣдствіе, донесеніе самой Елизаветѣ Петровнѣ, жившей тогда въ Москвѣ, и за собственноручной подписью указъ императрицы о „ворѣ Каинѣ“, отъ 25 Іюня 1749 года. Подобно, какъ объ Андреюшкѣ, наряжена надъ Каиномъ особая Коммиссія, засѣдавшая на томъ же Мытномъ дворѣ. Слѣдствіе и допросы тянулись: что ни предпринималъ въ это время Каинъ, какъ ни работалъ и ни кутилъ въ отчаяніи съ прочими сотоварищами колодниками, ничто не помогло. Въ Сыскномъ Приказѣ приговорено „колесовать отрубить голову,“ Юстицъ-Коллегія представила Сенату, по опредѣленію Сената, Февраля 27-го 1756 года, Каинъ (съ товарищемъ Шипкарковъ) наказанъ кнутомъ и, съ прочими обычными дополненіями, сосланъ „въ тяжкую работу,“ куда готовилъ Андрея, въ Рогервикъ. Повѣсть отъ лица Каина, будто бы написанная здѣсь имъ самимъ въ 1764 году, до конечнаго удаленія въ Сибирь, заключаетъ достойными словами, но привычному способу Каина:

Отправленъ я въ Рогервикъ,
или Балтійскій портъ,
то есть, на холодныя воды,
отъ Москвы за семь верстъ съ походомъ ¹¹⁾.

*

Во всемъ этомъ особенно важна намъ не исторія политическая или общественная, положительная и нашему дѣлу вышняя: а исторія самого пѣснотворчества народнаго, подлиннаго или порченнаго, дѣйствительнаго или видоизмѣненнаго и передѣланнаго. Передъ нами самый процессъ сего творчества, какъ возникаетъ и идетъ оно въ словѣ, въ устахъ и слухѣ, въ пѣснѣ, въ разсказѣ, въ сказаніи; какъ истекаетъ отъ самого, главнаго, лица и героя, или отъ другихъ и ему приписывается, или въ 3-мъ лицѣ объ немъ; какъ потомъ записывается, далѣе уже присочиняется или дѣлкомъ сочиняется, дѣлается книжнымъ и печатнымъ произведеніемъ. Всѣ фазы этого процесса, такъ какъ по времени онъ не далекъ отъ насъ, особенно наглядны и осязательны: повѣряютъ себя взаимно, сличаются съ дѣйствитель-

тельная прибавка книжника.—Событіе передано здѣсь отчасти сходно съ тѣмъ, чѣмъ начиналась Каинова свадьба (см. выше): да и въ дѣйствительности было то же насиліе, отецъ солдатъ, наконецъ на квартирѣ Каина. Только здѣсь въ пѣсни дѣвушка видимо представлена замкнутою, какъ и подобало дочери домовладѣльца, содержавшаго при томъ „обитель.“—¹¹⁾ Съ дилетчкомъ: иронически.

ностью и положительною, другаго рода исторіей. Вотъ почему всякой и мы тѣмъ больше должны остановиться непремѣнно съ подробностями на семь разностороннемъ явленіи: имъ уясняется многое для вѣковъ отдаленныхъ и менѣе доступныхъ, для эпическихъ созданій, для былинъ, для уразумѣнія ихъ отношеній къ дѣйствительности и остальной исторіи, для объясненія переходовъ отъ историчности къ эпосу или на оборотъ, отъ именныхъ пѣсней къ безымяннымъ, отъ устныхъ произведеній къ письменнымъ и обратно. Не говоря уже о самихъ прикосновенныхъ пѣсняхъ въ тѣсномъ смыслѣ или чисто-письменныхъ сочиненіяхъ, трактующихъ дѣла Каина: въ самомъ его *Жизнеописаніи*, отъ лица его, или, какъ названо оно, *Жизнь и похождение*, удалите только эти — *гдѣ, почему, который, когда*, и т. п., или этотъ искусственный, внѣшній для основы, синтаксисъ фразировки и вы получите основу почти совершенно народную и устную, такую, какая могла только зародиться и существовать въ половинѣ XVIII вѣка, сама проситъ въ стихи и легко въ нихъ переходить. Прибавьте къ ней отгѣнки книжной рѣчи, — и передъ вами писанная повѣсть; уснастите ее помянутыми частями, мѣстоименіями и всякою переопыкою, — чувствуете, что записывалъ и отдѣлывалъ подьячій, судейскій; взгляните въ послѣдовательность и порядокъ повѣсти, — очевидна рука книжника, писателя болѣе или менѣе опытнаго по тому времени, собиравшаго, выбиравшаго и располагавшаго ¹⁾. Итакъ здѣсь: а) народная устная основа; б) составленная повѣсть; в) повѣсть отъ лица Каина; г) стороннее, рефльтирующее лицо писца, сочинителя, историка и издателя. Слово, рассказъ, сочиненіе, тетрадка рукописная, печать, книга, изданіе. Всякой, изучающій наше дѣло, долженъ обратить

1) Отслоня редакцію Комарова, при внимательномъ изученіи замѣчаемъ, что матеріалъ, ему доставшійся, видимо слагался изъ слѣдующихъ частей, ходившихъ вѣроятно разными тетрадками и доселѣ нѣсколько различающихся языкомъ: *часть I*) отъ бѣгства изъ господскаго дома до возвращенія въ Москву послѣ странствія (часть особенно живая; по 1-му изданію полной „Жизни и похода“ 1788 года, стран. 1—50); *часть II*, дѣйствія сыщика, успѣхи и поминки, въ 2-хъ отдѣлахъ, а) 5 случаевъ, б) 16 случаевъ (часть самая сухая, стран. 50—61); *часть III*, прочія, болѣе важныя, поминки и новыя продѣлки, числомъ 18 (нѣсколько живѣе, между ними главное объ Андрѣ: стран. 69—92); при этомъ особо, согласно съ пѣсней, о ловлѣ безпашпортныхъ на судахъ (стр. 93); *часть IV*, свадьба Каинова, угощеніе отъ молодыхъ купечеству и Саломонова игра на Каиновой горѣ для всего народа (оживленный рассказъ и несомнѣнно особливая тетрадка или рукопись, стран. 61—68); *часть V*, похищеніе женщины, арестъ, сушь, казнь, ссылка (стр. 93—96) Мы нѣсколько не удивимся, если со временемъ отыщется все это вмѣстѣ въ изложеніи другомъ, полифѣишемъ, и даже стихами или по крайности сказочнымъ народнымъ складомъ, безъ книжной обдѣлки и передѣлки. — Что касается до „Исторіи“ Комарова, то онъ эти части упорядочилъ по своему, многое сократилъ, другое пополнилъ по раз-

пристальное вниманіе на всѣ эти разныя стороны. Въ самомъ печатномъ матеріалѣ необходимо различить нѣсколько послѣдовательныхъ слоевъ 2).

Теперь два слова о тѣхъ составныхъ частяхъ всего этого объема или круга, въ которыхъ народное творчество болѣе или менѣе отчетливо выработало извѣстную определенную форму, именно о *пѣсняхъ, пословицахъ, поговоркахъ* и отдѣльных *выраженіяхъ Каиновскихъ*. — Тотчасъ послѣ недавнихъ пѣсней о Петрѣ Великомъ, казалось бы, что могло быть для народа заманчиваго и привлекательнаго въ такомъ образѣ или даже образицѣ, какъ Каицъ, что поэтического и чѣмъ могло быть вызвано нѣсотвор-

нымъ источникамъ, указалъ эти источники и прибавилъ: а) въ началѣ *Предупрежденіе*, б) въ концѣ *Собраніе Каиновыхъ пѣсней*. — Исслѣдованіе г. Есипова и наше прибавляетъ еще довольно данныхъ: у него оффиціальныхъ, у насъ народныхъ.—3) Это выразилось и въ исторіи самихъ *изданій* Каиновскаго круга. — Сперва, какъ сказано, ходили рассказы и пѣсни, потомъ тетрадки и записки; изданы въ печати прежде всего: 1) „Краткая повѣсть“ о Каицѣ, кое-какъ записанная со словъ и слуховъ, 1775 г. М.;—2) „Жизнь и похождение“ Каина, отъ лица его, будто бы имъ писанныя 1764 г. и изданныя въ 1786 г. СПБ.;—3) Это же самое во второй разъ, М. въ типографіи Новикова (хотя сего и не упомянуто), 1788 г.: но здѣсь, на концѣ, о томъ, о чемъ есть пѣсня, и какъ увезъ жену Будаева, за что наказанъ и сосланъ, рассказано уже въ 3-мъ лицѣ о Каицѣ, отъ издателя; здѣсь же въ первый разъ прибавлено собраніе Каиновыхъ пѣсней, числомъ 50 (Григорій Книжникъ ошибся, приписавши эти признаки въ первый разъ изданію М. 1792 года): но по всему замѣтно, что это изданіе сдѣлано Комаровымъ;—4) на основаніи 1-й и 2-й редакцій, рассказовъ, слуховъ и разныхъ списковъ, болѣе подробная, уже литературно изложенная, „Исторія“ Каина, съ „предупрежденіемъ“, а въ концѣ съ исторіею Картуша, С.П.Б. 1779, М. 1788, въ типогр. Компаніи или Новиковской, съ пѣснями въ числѣ 47-ми. Виновникъ сего — *Матвей Комаровъ*, „житель города Москвы“, издатель старинныхъ свадѣбъ, Китайскихъ писемъ и особенно знаменитой повѣсти о Милордѣ Георгѣ. Таковы *четыре* главныя и существенныя *редакціи*. — За тѣмъ слѣдуютъ *перепечатки*: на примѣръ 1-я редація въ СПБ. 1815 и 1830; 2-я Григорьемъ Книжникомъ СПБ. 1850 (см. ниже); 3-я въ М. 1792; 4-я перепечатана въ СПБ. 1793 г., съ 54-мя пѣснями: *изданіе* это названо въ печати *четвертымъ*, и таково оно дѣйствительно въ изданіяхъ *Комаровскихъ*, именно 1-е 1779 и 1788 (у насъ редація 4-я), 2-е также 1788 (у насъ ред. 3-я), 3-е 1792 г. (перепечатка 3-й редакціи) и 4-е 1793 года (перепечатка редакціи 4-й или иначе 1-го изданія); кромѣ того по каталогу Чертковской Библіотеки извѣстна еще перепечатка 4-й редакціи въ 1794 г. М., съ 64 мя пѣснями. — Послѣ сего начались *передѣлки и сокращенія*, напр. въ М. 1858 г. — При перепечаткѣ Григорія Книжника 1859 прибавлены уже *библіографическія указанія объ изданіяхъ* (хотѣ не совсѣмъ вѣрныя). — Наконецъ *ученыя изслѣдованія* о Каицѣ, каково главное помянутое г. *Есипова* 1869 г.

чество? И однакоже объ немъ сложены были, современно и вскорѣ, народныя пѣсни, изъ которыхъ нѣкоторыя, выше приведенныя, документально сохранились до насъ въ печати. Это объясняется, какъ мы говорили, а) *отрицательнымъ* направленіемъ, которое также можетъ служить источникомъ и содержаніемъ поэзіи въ смыслѣ „величины отрицательной;“ б) *степенью* или *градусомъ* какъ въ продѣлкахъ самого Каина, такъ и въ обстоятельствахъ его эпохи, ужасъ и безобразіе которыхъ достигали до извѣстнаго ряда артистичности и грандіозности; в) *народнымъ* несомнѣнно, хотя и глубоко обезображеннымъ, *характеромъ* всего этого; и, г) главное, яркимъ присутствіемъ *въ самой натурѣ Каина* элементовъ поэтическихъ, питающихъ пѣснотворчество, хотя бы примѣненныхъ къ дурному и крайне злоупотребленнымъ. Кромѣ вѣрности народному быту и воззрѣнію въ нѣкоторыхъ лучшихъ чертахъ его, кромѣ непосредственнаго участія въ народныхъ обрядахъ, обрядахъ и играхъ, Каинъ въ самомъ словѣ, какъ мы видѣли образцы, въ самомъ творствѣ слова былъ краснорѣчивъ: сыпалъ пословицами и поговорками, творилъ свои прозвища и термины, отличался всюду его сопровождавшими и ему лишь одному свойственными выраженіями ²⁾. Отсу-

²⁾ Къ приведеннымъ выше прибавимъ еще:

Ежели онъ станетъ много говорить,
то заставимъ его рыбу ловить (утопимъ).—
Онъ былъ въ то время сыръ (пьянъ).—
Ударилъ его гостинцомъ (кистенежъ).—
Въ мѣшокъ ее спрятать (утопить).—
Вадули виногъ (огонь), хотѣли его сушить (сжечь).—

Когда „управитель“ Петровскаго монастыря поймалъ одного молодца въ напрасную рекрутчину, Каинъ, чтобы избавить сего послѣдняго, пріѣхалъ и, увидавъ бочку съ дегтемъ, окатилъ дегтемъ „управителя“, приговаривая—

„Я и другихъ въ такіе жъ старцы постригалъ,
кто также съ нами нечестно поступалъ!
Простакъ твой архимандритъ:
давно надлежало тебѣ старцемъ быть.“—

Похищая для своего знакомаго одну монашенку изъ Вознесенскаго монастыря, Каинъ явился въ келью игуменья:

„Госпожа игуменья, что ты долго спишь?
А у тебя въ головахъ холеть,
только не очень толеть (ты нѣжишься на подушкахъ).“

Посадила похищенную въ сани и крикнулъ:

„Полетѣлъ коршунъ за море!“—
„Я въ полахъ не былъ,
только обыкновеніе ихъ знаю:
что имъ дадутъ,
то они берутъ!“—И т. н.

да уже не далеко было до творчества живых рассказов и, как говорится у народа, „сказаний“ или „сказокъ:“ и точно, как мы знаем, онъ лился потокомъ изъ словоохотливыхъ устъ Кайна; самая „жизнь,“ отъ лица его переданная, въ основѣ своей изложена какъ извѣстнаго творческаго рода „житіе“ и совпадаетъ по простотѣ, наивности, образности, народнымъ оборотамъ, не только съ житіемъ Андрея или „Страдами,“ но и съ многими старшими произведеніями сего рода. Наконецъ, по документальнымъ свѣдѣніямъ, Кайна всюду окружали *пѣсни*, даже въ послѣднемъ его заключеніи передъ казню, а печатная жизнь его обставлена собраніемъ „*Кайновыхъ пѣсенъ*.“ Но отваживался ли онъ самъ до этого заключительнаго шага въ народномъ творствѣ, до созданія пѣсни? Положительно не знаемъ ли *одного* образца такой, созданной самимъ Кайномъ, пѣсни: онъ и не могъ этого достигнуть. Не говоря уже о такихъ лицахъ, какъ наши многія героини или хоть Шереметевъ, отъ которыхъ остались намъ „собственными“ ихъ пѣсни, даже Стенька Разинъ имѣлъ больше къ тому возможности и въ кругъ его пѣсней можно еще отличить основы его собственного творчества (см. вып. 7-й и дополненія 8-го). Нужна была извѣстная непосредственность природы, минута ровнаго и спокойнаго настроенія, нѣкоторая доля чистоты душевной хоть въ безотчетныхъ стремленіяхъ: всего этого, и подобнаго, недоставало Кайну. Но это не значить, чтобы онъ не любилъ пѣсни и самъ не пѣлъ ея: самыхъ нечистыхъ устъ не гнушается она и изъ нихъ выходитъ, вопреки всему, чистомъ. И точно, хотя послѣ нѣмѣ плохіе знатоки считали „Кайновы пѣсни“ его собственнымъ созданіемъ: но самое первое изданіе ихъ, 1788 года, называетъ ихъ только пѣснями его „любимыми,“ а совокупность ихъ „собраніемъ,“ дѣломъ печатавшихъ собирателей, которые успѣли записать изъ разныхъ устъ ⁴⁾. Самый бѣглый взглядъ на обстоятельства этого дѣла, столь намъ важнаго, убѣждаетъ въ томъ же: а) собраніе это явилось не вдругъ, спустя слишкомъ 30 лѣтъ по отбытіи Кайна изъ Москвы, и не съ первымъ изданіемъ его „повѣсти“ или „жизни;“ б) Новиковъ успѣлъ отпечатать въ своемъ пѣсенникѣ лишь одну пѣсню о *Кайнѣ*, въ 3-мъ лицѣ со стороны (см. выше о похищеніи дѣвушки), да позднѣйшее книжное объ немъ стихотвореніе; в) въ разныхъ, послѣдовавшихъ изданіяхъ, то прибавлялось число пѣсней, то сокращалось, и, помѣщенные въ одномъ, не появлялись въ другомъ, такъ что издателямъ видимо ссображались, имѣла ли извѣстная пѣсня какое либо *отношеніе* къ Кайну и потому можно ли было ее, по преданію, отнести къ эпохѣ и употребленію Кайна, или же нѣтъ ⁵⁾. А главное, г) наши теперешнія свѣдѣнія

⁴⁾ „Исторія... В. Кайна, со всѣми его обстоятельствами, разными любимыми пѣснями.“ „Собраніе разныхъ Кайновыхъ пѣсенъ.“ Такъ говоритъ изданіе 1788 г.—⁵⁾ Какъ сказано, *первое* изданіе, при которомъ явились *Кайновы пѣсни*, было 1788 (см. выше у насъ, *редація* 3-я): онъ помѣщенъ въ концѣ книги (заглавіе см. въ примѣчаніи 4-мъ; пріобрѣтъ Московскій, Типографическій или Новиковскій). Числомъ 50: подъ 1-мъ № „Не шума, мати;“

и опытность даютъ намъ легкую возможность распознать самый составъ этихъ „собранныхъ“ пѣсней, отличая по признакамъ происхожденіе ихъ и употребленіе. Такъ, вышеприведенныя пѣсни, народныя, сложены о *Каннѣ* со стороны, самимъ народомъ, безъ посредства и участія героя, порою не согласна съ его собственнымъ воззрѣніемъ и съ дѣйствительною исторіей, порою же съ оцѣнкою его дѣйствій и обличеніемъ. Искусственное произведеніе, соединившее его съ Андрушкой, возникло на почвѣ литературной и употреблялось вѣдѣ или выше народа. За тѣмъ, изъ круга пѣсней „Канновыхъ“, нѣкоторыя гораздо старше его, совсѣмъ другаго историческаго происхожденія и болѣе широкаго употребленія. Такъ въ 1-мъ изданіи подъ № 10-мъ „Еще что же вы, братцы, приадумались,“ подъ № 24-мъ „Что по-

подъ 3-мъ „Ахъ тошнимъ мнѣ, доброму молодцу, тошнихонько (см. у насъ выше);“ подъ 4-мъ „Бѣсъ проклятой (см. выше);“ подъ 30-мъ „Во Архангельскомъ во градѣ (см. выше);“ прочія пѣсни и размѣщеніе ихъ достаточно нами указаны въ текстѣ. То же въ перепечаткѣ 1792 года.—За тѣмъ *второе* изданіе, *относительно пѣсней*, есть „Исторія Комарова 1788 г. (оно само печатано въ Типографіи Коми. Типографической: въ заглавіи „со всѣми его (Канна) сысками, розысками, сумазбродною свадьбою и разными *забавными* его пѣснями;“ помѣщены онѣ въ концѣ исторіи Канновой и предъ Картушемъ, т. е. въ серединѣ книги. Числомъ 47: подъ № 1-мъ „Ахъ тошнимъ-то;“ подъ 2-мъ „Бѣсъ проклятой;“ подъ 9-мъ „Во Архангельскомъ во градѣ;“ подъ 34-мъ „Не шуми, мати.“ Здѣсь сокращено число прежнее и прибавлено нѣсколько новыхъ, которыя нами помменованы въ текстѣ.—*Третье* изданіе *относительно пѣсней* есть перепечатка предыдущаго, въ СПб. 1793, Комарова же: заглавіе то же, но исторіи Картуша нѣтъ, а потому пѣсни приходится въ концѣ книжки и заключены *резстромъ* ихъ. Числомъ 54: то есть сдѣланъ выборъ изъ изданія 1-го и 2-го, да прибавлена въ концѣ подъ № 54-мъ „Ахъ таланъ ли мой таланъ (см. въ текстѣ).“ Подъ № 1-мъ „Ахъ тошнимъ-то;“ подъ 2-мъ „Бѣсъ проклятой;“ подъ 9-мъ „Во Архангельскомъ;“ подъ 34-мъ „Не шуми, мати.“—Въ *четвертомъ* 1794 г. пѣсней уже 64: мы лично не видали, не ошибка ли вмѣсто 54-хъ?—Всего страннѣе, что въ тѣхъ же годахъ, и даже раньше, и въ той же Типографической печатѣ, къ Новикову въ сборникъ не вошли нѣкоторыя изъ сихъ пѣсней, помѣщена Канновская о похищеніи дѣвушки, а Комаровъ у себя пропустилъ ее.—Григорій Книжникъ, перепечатавши изданіе 1764 г., при которомъ еще не было пѣсней, не помѣстилъ ихъ у себя: а такъ какъ онѣ крайне важны для исторіи Канна и нашего пѣснотворчества, то покойникъ С. А. Соболевскій, библиографъ и любитель пѣсней народныхъ, раздосадованный такимъ близорукимъ отношеніемъ къ дѣлу со стороны неизвѣстнаго издателя (днгопоредавца?), написалъ по этому поводу: „За то, что жизнь ярника Безъ пѣсней онѣ издалъ, Я бы Григорья Книжника Порядкомъ отодралъ. Ужъ подбучу И-ева, Что слѣдуетъ ему—И съчъ его, и гнать его Въ Московскую тюрьму.“

выше было города Царицына,“ подъ № 44-мъ „Какъ изъ славнаго изъ царства Астраханскаго,“—это пѣсни Разинскія (см. вып. 7 и 8); подъ № 2-мъ „Не бушуйте вы, вѣтры буйные,“ подъ № 8-мъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,“ подъ № 14-мъ „Ахъ ты батюшка Ярославль городъ,“ подъ № 17-мъ „Изъ подъ лѣсу-лѣсу темнаго,“ подъ № 18-мъ „Изъ за лѣсу-лѣсу темнаго,“ подъ № 34-мъ „Ахъ далече-далече во чистомъ полѣ,“ подъ № 43-мъ „Собирались у насъ, братцы, всѣ на дворъ бурлацкой,“—это все пѣсни козацкія, понизовой вольницы, по-Волжскія, бурлацкія, старшаго происхожденія и другой связи образовъ; подъ № 5-мъ „Ахъ палъ туманъ на синѣ море,“—занимаетъ иное мѣсто въ области народной; подъ № 16-мъ „Голова ль ты моя головушка,“ подъ № 31-мъ „Изъ Кремля-Кремля крѣпка города,“—восходятъ къ казнямъ Ивана и остановлены на казняхъ Стрѣлецкихъ при Петрѣ; подъ № 7-мъ „По утру-то было ранымъ-рано,“—о Ладожскомъ каналѣ при Петрѣ, подъ № 20-мъ „Ты рябинушка ты кудрявая,“ старшая поминальная, обращенная въ плачь по Петрѣ I-мъ; подъ № 23-мъ „Эй усы-усы проявились на Руси,“—старшая разбойничья Сѣверная и потомъ Московская стрѣлцкая, помѣщенная еще въ сборникѣ Кирши Данилова; подъ № 15-мъ „Государь мой родной батюшка,“ подъ № 22-мъ „Ты дума моя думушка,“ подъ № 33-мъ „Чарочки по столу похаживаютъ,“ подъ № 41-мъ „Туманно красно солнышко, туманно,“—старшія свадебныя, а гдѣ забыты въ семь употребленіи, тамъ обычныя бесѣдныя; подъ № 9-мъ „Веселья я веселья сегодняшній день,“ подъ № 19-мъ „Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ,“ подъ № 25-мъ „Чернобровой-черноглазой мѣлодецъ хорошій (удалый),“ подъ № 26-мъ „Скучно, матушка, весною жить одной.“ подъ № 28-мъ „Молодка-молодка молодая,“ подъ № 32-мъ „Какъ былъ у добраго мѣлодца зеленъ садикъ,“ подъ № 36-мъ „Какъ изъ улицы идетъ мѣлодецъ,“ подъ № 38-мъ „Случилось мнѣ, доброму мѣлодцу, мимо зеленѣго саду ѣхать,“ подъ № 40-мъ „Ты дуброва моя дубровушка,“ подъ № 45-мъ „Раздвиньтесь-разойдитесь (Вы раздвиньтесь-разступитесь), всѣ добрые люди,“ подъ № 50-мъ (въ изд. ошибочно 34) „Вы рѣченьки-рѣченьки, холодныя (холодныя) водоньки,“—слишкомъ давно извѣстныя и повсемѣстно распространенныя; подъ № 39-мъ „Слушай, радость, одно слово,“ подъ № 46-мъ „Здравствуй радость и веселье,“ подъ № 47-мъ „Какъ деревня отъ деревни не по далеку стоять,“ подъ № 48-мъ „Житье въ школѣ не по насъ,“—пѣсни не народныя, лакейскія, сочиненныя или письменныя и даже школьныя. Въ другомъ изданіи („Исторія“), того же 1788 года, подъ № 5-мъ „Ахъ вы горы-горы крутыя,“ подъ № 24-мъ „Ахъ ты поле мое, поле чистое,“ подъ № 4-мъ „Ахъ подъ лѣсомъ-лѣсомъ,“—наши стениныя и по-Волжскія, давнѣе и широко распространенныя; подъ № 49-мъ „Передъ нашими вороты,“—понизовая бурлацкая; подъ № 8-мъ „Во славномъ городѣ во Нижнемъ,“—мѣстная и Московская посадская; подъ № 18-мъ „Сокѣль ли въ чистомъ полѣ не птица,“—древнѣйшая безымянная, извѣстная отчасти и по сборнику Кирши, о безвременномъ мѣлодцѣ (см. прежніе выпуски и другія наши изданія); подъ № 30-мъ „Дѣвушки вино курили,“ шуточная, дѣвичьихъ вечеринокъ, гостиная—посадская, очень давняя и распростра-

нейная; под № 41-мъ „Стругаль стружки доброй мѣлодецъ,“—далеко пространенная, изувѣченна и романтически-сладко подправленна. Въ изданіи 1793 г., изъ числа прибавленныхъ противъ прежняго, подъ № 54-мъ „Ахъ таланъ ли мой таланъ таковъ,“—извѣстна намъ по прежнимъ выпускамъ, въ основѣ съ историческими чертами конца XVII и начала XVIII вѣка, но совершенно передѣланная романтиками-книжниками въ концѣ XVIII вѣка. Вотъ все рельефное: прочее—тому же подобное. Очевидно, и знатоку, и простому, лишь бы чуткому къ пѣснѣ, Русскому человѣку, что Канинъ не только не могъ этого сложить, но половины этихъ пѣсней не имѣлъ никакой склонности самъ пѣть. Комаровъ, главный дѣятель въ семъ собраніи и въ его видоизмѣненіяхъ, съ явнымъ намѣреніемъ изъ слышаннаго вокругъ *подбиралъ наиболее примѣнительное къ Канну*: такъ онъ подбиралъ всѣ разбойничьи и „ужасныя,“ тѣ, въ конхъ поминались *воры, похищенія дѣвушекъ, казни*, или встрѣчались имена—*Дуляни* (первой любви Каниной), особенно же самого *Ивана и Вани*. Любопытнѣе болѣе всего примѣръ одинъ: по поводу пѣсни о Канинѣ, какъ онъ ловилъ безпаспортныхъ (см. выше), Комаровъ поставилъ дальше и *другую*, подобную же, хотя по всѣмъ признакамъ старшую, безъименную и вовсе къ Канну не относящуюся. И мы, кстати, также приведемъ ее:

Русскіе бродяги, безпаспортны молодцы.

1.

- Не былинуска въ чистомъ полѣ зашаталась:
 Зашаталась ⁶⁾ безпріютная моя головушка,
 Безпріютная моя головка молодецкая.
 Ужь куда-то я, доброй молодець, ни кинуся,—
 5. Что по лѣсамъ по дерѣвнямъ всё заставы,
 На заставахъ ли всё крѣпки ⁷⁾ караулы:
 Они спрашиваютъ ⁸⁾ печатнаго пашпортъ,
 Что за красною печатью сургучевой ⁹⁾:
 У меня, у добра ¹⁰⁾ мѣлодца, своеручной;
 10. Что на тоненькой на бѣлой на бумажкѣ.
 Что куда-то ни пойду, братцы, ни поѣду,
 Что ни въ чемъ-то мнѣ, добру мѣлодцу, нѣтъ счастья.

⁶⁾ Въ разныхъ изданіяхъ то *сл*, то *св*.—⁷⁾ Въ 1-мъ изд. „крѣпкіе.“—⁸⁾ Должно дополнить: „что“ или „все.“—⁹⁾ За тѣмъ въ 1-мъ изданіи ошибочно повторено: „У меня ль у добра мѣлодца сургучевой.“—¹⁰⁾ Въ 1-мъ изд. „у добра.“

Я съ дороженьки, доброй молодець, ворочуся,
Государыни своей матушки спрочуся:

15. «Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
«Подъ которой ты меня звѣздой ¹¹⁾ породила,
«Ты какимъ меня ¹²⁾ счастьемъ надѣлила?»

(Въ 1-мъ изданіи „Канновыя пѣсенъ“ и въ послѣдующихъ; въ пѣсенникѣ Новикова и въ подлѣжныхъ; въ устахъ народа доселѣ, см. послѣ).

*

Съ другой стороны, Комаровъ не дослушалъ вокругъ и пропустилъ пѣсни такія, которыя дѣйствительно пѣлись о Каннѣ и изъ которыхъ, на примѣръ, Новиковъ успѣлъ по свѣжимъ слѣдамъ добыть въ свой сборникъ пѣсню о покищеніи дѣвушки; не пошла къ Комарову и пѣсня о Камчаткѣ (см. выше). Тѣмъ не менѣе, сколько ни примѣнял онъ самъ, было примѣненіе и дѣйствительное, и Московское, и общенародное; не съ просту же и не по капризной фантазіи набралъ онъ пять десятковъ, въ томъ числѣ такихъ, которыя по видимости своей вовсе къ Канну не относились, а обзвали ихъ прямо „Канновыми,“ тогда какъ память вокругъ была еще свѣжа и всякой могъ уличить его въ напрасливіе. Нѣтъ сомнѣнія, что ему подсказывалъ всеобщій вокругъ говоръ, что рассказы и слухи удостовѣряли употребленіе пѣсенъ сего рода вокругъ Канна. Было тутъ и дѣйствительное примѣненіе, вѣроятно извѣстное самому Канну и имъ практикованное: такъ пѣсня „Во Архангельскомъ во градѣ (см. выше),“ по происхожденію мѣстная Сѣверная, примѣнена къ первой связи Канна и его страсти, а по общему преданію прямо относилась къ „Авдотѣ Степановнѣ.“ Еще естественнѣе примѣнялись къ Канну и кружку его всѣ пѣсни разбойничьи, воровскія, козацкія, понизовыя и тому подобныя: ихъ конечно принесъ съ собою Каннъ изъ тѣхъ краевъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ, и съ увлеченіями, микалъ свои первыя молодыя силы; товарищи поддерживали хоръ; гульбы, праздники, игры по домамъ, дворамъ и публичныя, гдѣ повсюду первенствовалъ Каннъ, слагали такъ сказать особый „репертуаръ,“ вокругъ него кружившійся. Замѣтимъ еще: если не на три четверти, то по крайности на половину, всѣ эти „Канновы“ пѣсни *очень хороши*, — и по выбору, и по образцу склада, и по сохранности подлинника; при томъ по происхожденію совсѣмъ не мѣстныя Московскія, по употребленію выдававшіяся изъ безобразія, проникшаго тогда въ городъ, въ прочихъ же печатныхъ изданіяхъ, только что начавшихся, и даже отчасти у самого Новикова, не встрѣчавшійся въ семь именно видѣ. Сколько ни будь знакомый съ дѣломъ сейчасъ чувствуетъ, что это точно какой-то особый подборъ и кружокъ, что это

¹¹⁾ Въ разныхъ изданіяхъ то ю, то ѣ.—¹²⁾ По размѣру, во 2-мъ изданіи и у Новикова прибавлено послѣ этого „и.“

привнесло въ Москву съ нѣсколькихъ краевъ Россіи но вѣтру болѣе свѣ-
 жему, а статья можетъ и по заразительному повѣтрію, но чѣй-то твер-
 дою рукою сдержана и около чего-то централизована. Думаемъ, что, по-
 мимо заслуги Комарова—собиравшаго, здѣсь была нѣкоторая заслуга Ива-
 на Осипова—любившаго, сберегавшаго, распространявшаго или по край-
 ности донускавшаго. Отраднo убѣдиться, что не одно „слово и дѣло“ было
 любимомъ его пѣсней: хоть на минуту когда ни будь творчество народное
 оцѣждало и спасало его душу. Неудачи „по службѣ“ не перваго его Рус-
 скаго возвращали вѣроятно порою къ убѣжищу болѣе пріятному: если
 здѣсь онъ не воскресалъ сознаниемъ, по крайности забывался.

Во всякомъ случаѣ, изъ пѣсней этихъ была и остается одна, которая
 прильнула къ Каину столь крѣпко, что доселѣ неразрывна съ его именемъ.
 Это знаменитая — „Не шуми, мати, зеленая дубровушка.“ Знающему дѣло
 стоить только взглянуть на нее или разъ прослушать, и легко убѣдиться,
 что происхожденіемъ своимъ она гораздо первобытнѣе и старѣе самого
 Каина. Складъ ея очень старый; образы и слововыраженія принадлежать
 творчеству лучшему и подлиннѣйшему, не совмѣстному съ общему порчей
 въ народѣ среди XVIII вѣка; напѣвъ не только самобытный, но и древ-
 ній, не только грустный и протяжный, но вмѣстѣ строгій и величавый. Такъ
 называемая „Темничная“ по содержанію своему, она прямо примыкаетъ къ
 тѣмъ образцамъ, которые начались у насъ съ Грознаго Царя подъ общимъ
 заглавіемъ или отличіемъ „Правежа“ и цѣлкомъ воскресли при Петрѣ
 (см. у насъ вып. 6 и 8): но и здѣсь она только *примыкаетъ* къ чертамъ исто-
 рическимъ, а по происхожденію въ основѣ своей еще того старше. Кромѣ
 сего, въ дѣйствительности, при послѣднемъ заключеніи Каина предъ каз-
 ню, вокругъ него не шумѣла никакая „зеленая дубровушка“ и не могла
 шѣптать думѣ; ему не предстояло итти ни передъ какого „грознаго судью
 самого царя“ и царя тогда вовсе не было (и дуброва, окружавшая древ-
 няго разбойника, и Грозный Царь существовали въ своемъ мѣстѣ и въ свое
 время); Каинъ не таилъ своихъ товарищей, какъ герой пѣсни, и висѣлица
 ему не послѣдовала. Тѣмъ не менѣе, сама уже пѣсня, въ своей древней
 основѣ, соединяетъ лиризмъ съ эпосомъ, личное творчество поющаго съ раз-
 сказомъ о судьбѣ его: начинаясь ожиданіемъ казни, она кончается уже со-
 вершившимся царскимъ приговоромъ, употребляя извѣстный пріемъ „пред-
 варенія“, *anticipando*. Таковы всѣ подобные образцы, когда дѣсня принад-
 лежитъ извѣстному эпическому или историческому лицу, составляя на время
 его собственность, а послѣ переходитъ съ его именемъ въ употребленіе
 народа (ср. примѣры у насъ выше, между прочимъ при Борисѣ Петровичѣ
 и особенно при Разинѣ). Слѣдовательно, здѣсь уже само по себѣ дѣйст-
 вуетъ начало „примѣненія“ личнаго: извѣстное, эпическое или историческое
 лицо примѣняетъ основу старшей пѣсни къ себѣ; народъ, прибавляя раз-
 сказъ, примѣняетъ его къ сему лицу и обстоятельствамъ. Мы знаемъ уже
 изъ многихъ предыдущихъ примѣровъ, что въ такомъ случаѣ лицо и на-
 родъ, примѣняя пѣсню, не всегда творять ее вновь, а только за-ново ея

пользуются: не сочиняютъ изъ головы, не берутъ съ воздуха или, лучше, берутъ именно съ того воздуха, по коему носится слово и звукъ пѣсни во всемъ народѣ: берутъ прежнюю основу, старшіе образы, обороты, слововыраженія, мотивы и, изъ этихъ соковъ, даютъ новый плодъ, тѣсно связанный конечно съ естественной исторіей своего происхожденія. Кайнъ, документально извѣстно, въ заключеніи своемъ пѣлъ (см. у г. Есинова): пѣлъ и съ товарищами, пѣлъ конечно и одинъ. Всю жизнь любя пѣсни и играя въ нихъ роль, не могъ не пѣть: долженъ былъ пѣть теперь, когда дѣла сводились къ развязкѣ, и серьезной. Не дрогнуть, не задуматься, не погоревать нельзя было: для того не нужно было присѣсть и сочинить, были пѣсни готовыя, принесенныя издали, слышанныя вокругъ. Моментъ, можетъ стать лучший въ жизни Кайна—передъ смертію вызвалъ въ памяти и душѣ его лучший образецъ творчества, лучшую и старшую пѣсню. Весь вопросъ идетъ къ тому: точно „причѣнилъ“ ли къ себѣ пѣсню Кайнъ, или, какъ выражались мы прежде, чѣмъ ее „спеціализировалъ“, чтобы общее достоиніе народа сдѣлалось его собственнымъ и послѣ опять могло возвратиться въ народъ съ его личнымъ образомъ или именемъ? Съ этой стороны всего важнѣе начало, „Не шуми, мати, зелѣная дубровушка, Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати:“ положительно утверждаемъ, что въ исторіи нашего народнаго творчества, ни прежде Кайна не встрѣчается пѣсни *съ этимъ началомъ*, ни послѣ не попадается *другой съ тѣмъ же началомъ*, ни сама она, приписанная Кайну, никогда не имѣетъ *начала другаго*. Этого для насъ уже довольно: но, если доселѣ былъ передъ нами рубежь (терминъ),—къ которому“ мы шли (ad quem), то теперь столь же важенъ рубежь, „отъ котораго“ пойдѣмъ мы (a quo). Весь народъ нашъ дѣликомъ, гдѣ! ни поеть и гдѣ мы его ни слышимъ, единственно эту пѣсню называетъ всегда *Кайновою* и постоянно *ему* приписываетъ: *его пѣсня и объ немъ*; о Кайнѣ поеть только съ этимъ началомъ, не знаетъ начала другаго и съ тѣмъ же началомъ не поеть ни о комъ другомъ. И напѣвъ вездѣ въ народѣ одинаковъ, хотя, на примѣръ, старшій „Правежь“ поется, иначе. Нужды нѣтъ, что по основѣ пѣсня старше, что образы и выраженія ея не примѣняются прямо ко вѣщней дѣйствительности Кайна; нужды нѣтъ, что пѣсня выше, лучше, подлиннѣе, народнѣе всего Кайнова прешлаго: народъ входитъ въ его положеніе передъ казнію, народъ признаетъ, что въ семъ настроеніи Кайнъ былъ народнѣе, подлиннѣе, лучше, выше, даже старше самого Кайна, ближе къ древнему и высшему, *творческому* типу народному. Въ эту минуту преступникъ для нашего народа становится только „несчастливымъ.“ А кто знаетъ? Можетъ стать, на эту страшную и высокую минуту, и хоть только на минуту, народу вспоминались изъ прошлаго Кайна тѣ труды, которые, въ ряду преступленій, отдавалъ онъ защитѣ крестьянъ, крѣпостныхъ и рекрутовъ? А эти труды бывали ¹³⁾. Какъ

13) Такъ онъ освободилъ сына у одного козядскаго отъ напрасной рекрутчины; взялъ одного помѣщика, раздавшаго тремъ стамъ фальшивые

бы ни было, относительно пѣсни общее преданіе гласитъ то же: отступя отъ словъ „просто-народныхъ,“ словъ общественные всегда были и остаются того же убѣжденія. Не можемъ забыть впечатлѣній нашей ранней молодости, какъ старикъ Д. Н. С-въ, человекъ въ высокой степени почтенный, лучшихъ сферъ нашего общества, семейный, литературный, богатый, пѣвалъ намъ эту „Каннову“ пѣсню одушевленнымъ и растроганнымъ голосомъ, съ пылавшими зорами... Мы и послѣ встрѣчали то же самое чувство, и глубину взволнованной души, и безотрадную грусть, и нѣкоторую восторженность напѣва отъ многихъ другихъ: многіе вове не знали при этомъ „дѣйствительнаго“ Канна, какъ знаемъ его теперь по документамъ, всѣ одинаково знали и сознавали „творческаго.“ Первое изданіе „Канновыхъ пѣсенъ“ помѣстило эту пѣсню на мѣстѣ первомъ и подъ 1-мъ №; послѣдующія не пропускали ея; Новиковъ тотчасъ же занесъ къ себѣ; то же печатали Шноръ (1791) и прочіе, хотя нынѣ видимо боялись называть пѣсню „собственнымъ“ ея именемъ; сколько знаемъ, въ печати, начали смѣло помѣщать и называть ее съ Александровскаго времени, „подъ шумокъ“, при чемъ пѣсенники прибавляли: „Пѣсня извѣстнаго Канна, которую пѣлъ онъ наканунѣ своего допроса, голосъ довольно извѣстной,“—на примѣръ въ отличномъ пѣсенникѣ (такъ называемомъ „Театральномъ“ по типографіи) 1818 года и въ другихъ подобныхъ; помѣстилъ у себя и Кашинъ (1833), съ напѣвомъ и, хотя голосъ былъ „довольно извѣстный,“ каковымъ остается и доселѣ, по обычаю подиравилъ или испортилъ (съ того времени въ „музыкальномъ“ мірѣ стали смѣшивать напѣвъ съ пѣсней другою, одинаково извѣстною и нами помянутою, „Ужъ какъ палъ туманъ“). Все это не оставляетъ больше никакого сомнѣнія, что передъ нами—

8.

**Послѣдняя пѣсня Ивана Осиповича,
по прозванію Ваньки Канна.**

1.

Не шуми, мати, зелѣная дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму ¹⁾ мблодцу, думу думати ²⁾!

паспорты, а другаго, который, оказалось по слѣдствію, отдалъ до трехъ сотъ человекъ крѣпостныхъ въ рекруты подлобно. И т. п. См. въ его „Жизни.“

¹⁾ Хуже слышится иногда „доброу.“—²⁾ Такъ, по обычаю другихъ пѣсеней, образуются *отрѣзки*. Но они, какъ всегда, обличаютъ и вскрываютъ складъ основной (ибо обломъ и прибавка начинаются въ его концѣ): это старшіе и привычныя, типическіе въ былевыхъ нашихъ пѣсняхъ, стихи въ

Что завтра мнѣ, доброму молодцу, въ ³⁾ допросъ идти,
Передъ грознаго судью—самого царя.

5. Ещё ⁴⁾ станеть государь—царь меня спрашивать ⁵⁾:
— Ты скажи, скажи, дѣтнушка, крестьянской сынъ,
— Ужь какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой
держалъ ⁶⁾,
— Ещё много ли съ тобой ⁷⁾ было товарищей?—

«Я скажу тебѣ, надежа ⁸⁾, православной царь.

10. «Всю ⁹⁾ правду скажу тебѣ, всю истинну.

«Что товарищей со мною ¹⁰⁾ было четверо:

«Ещё первой мой товарищ—то ¹¹⁾ темная ночь ¹²⁾;

«А другое—тѣ мой товарищ—былъ булатной ножъ ¹³⁾;

«А какъ третіе—тѣ товарищ—то мой доброй конь ¹⁴⁾;

10 слоговъ. За тѣмъ, на второй ступени, растягивается до 13 слоговъ: таковъ господствующій типъ, норма пѣсни Кайна, какъ она вышла отъ него и предлежитъ намъ. Далѣе, на третьей ступени, въ слѣдствіе вѣщей длиноты, образуются помянутые отрѣзки (образующіе въ другихъ пѣсняхъ „прилѣвъ“): наконецъ складъ начинаетъ переламываться по поламъ (какъ въ стихъ 4, 7 и др.).—Но еще старше 10-ти слоговъ были конечно 8 (отъ нихъ прибавка къ 10-ти, потомъ къ 13-ти): какъ въ ст. 5, 9 и др.—Такимъ образомъ, до *Кайна*, замѣтны по складу (а онъ конечно отвѣчалъ эпохамъ творчества пѣсни) два слоя: въ 8 и потомъ въ 10 слоговъ; типъ Кайновскій, въ 13, съ добавкой послѣ 8-ми и 10-ти; при немъ же и послѣ, какъ порча, прочія явленія (ср. о размѣрѣ прежніе выпуски и чтеніе наше на Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ).—⁵⁾ Шноръ и друг. „во.“—⁶⁾ Шноръ: „Ужь какъ.“—⁷⁾ Нѣкоторые хуже: „спрашивать“, Шноръ „допрашивать.“—⁸⁾ Шноръ: „Ужь съ кѣмъ ты вор. и съ кѣмъ разб. держалъ.“—⁷⁾ Изд. 3-е дурно: „съ тобою.“—⁸⁾ Изд. 1-е, по обычаю книжнаго исправленія, „надежда.“—⁹⁾ Новиковъ весьма естественно: „Все.“ Должно быть: „Все правду я скажу тебѣ, всю истинну“, или „Всею правду я скажу ти, всею истинну.“—¹⁰⁾ У Шнора, по складу и по предыдущему; въ другихъ „у меня.“—¹¹⁾ Чтеніе „темная“ вмѣсто „темная“ заставило иныхъ выпустить необходимое „то.“—¹²⁾ У Шнора дурно: „Ужь какъ первой мой товарищ была темная ночь.“—¹³⁾ Такъ очень хорошо у Шнора; у другихъ: „А второй мой товарищ булатной ножъ.“—¹⁴⁾ Метко у Новикова; другіе: „А какъ третей товарищ, то мой доброй конь;“ у Шнора „Какъ третій мой товарищ былъ доброй конь;“ хорошо и въ Театральномъ: „А какъ третій-то товарищ, то мой доброй конь.“

15. «А четвертой мой товарищ—то мой тугій лукъ ¹⁵⁾;
«Что разсылщики мои—то калены стрѣлы ¹⁶⁾.»

Что возгóворить надежа православной царь:

— Исполать ¹⁷⁾ тебѣ, дѣтинушка, крестьянской сынъ,

— Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!

20. — Я за то тебѣ, дѣтинушка ¹⁸⁾, пожалуйю:

— Среди поля ¹⁹⁾ хоромами высокими,

— Что двумя ли столбами съ перекладиною ²⁰⁾.—

(Первое и послѣдующія изданія „Каввовыхъ пѣсенъ;“ пѣсенника Новикова, Шнора и другіе; въ устахъ народа доселѣ, въ Москвѣ и многихъ).

* * *

*

¹⁵⁾ Опять спутало многихъ, что забыли это старшее, извѣстное по нашимъ былинамъ, удареніе; потому другіе: „А четвертой мой товарищ—то тугой лукъ;“ „А четвертой мой товарищ былъ тугой лукъ.“—¹⁶⁾ Такъ въ первыхъ двухъ изданіяхъ и у Новикова; у иныхъ „разсылщики;“ у Шнора: „На посылочкахъ у молодца были калены стрѣлы.“—¹⁷⁾ Молодецъ ты, богатырь (сполнивь, исполнивь, и въ семь случаѣ безъ *тебѣ*, ибо *ты* въ концѣ и есть *ты*); по забвеніи этой древности, осмыслено посредствомъ глагола „исполать,“ будь тебѣ исполу, помогай тебѣ Богъ, спаси-Во; позднѣе совпало греческое „ис полла эти,“ на многія лѣта.—¹⁸⁾ Хорошо и у Шнора: „дѣтинушку.“—¹⁹⁾ У Шнора также очень хорошо „Во чистомъ полѣ.“—²⁰⁾ Такъ у Шнора, у другихъ „съ перекладиной;“ старше и лучше конечно: „Что двумя ли я столбами съ перекладиной.“

II.

ГОСУДАРЫНИ.

Вмѣстѣ съ самимъ народомъ, постепенно покидая поле прежнихъ, всѣмъ общихъ интересовъ Русской жизни, а интересы государственные зная только въ формѣ военной и участвуя въ нихъ больше всего по участию своему къ судьбѣ лицъ, выдававшихся впередъ, то любезныхъ, то постылыхъ, Историческая пѣсня народная постепенно отождествляется съ Военною или Походною, потомъ и совсѣмъ обращается въ Солдатскую тѣснаго смысла. Государыни, изъ цѣлаго ряда ихъ въ XVIII вѣкѣ, марѣдка еще именуются, но большею частію сливаются уже въ чертахъ своихъ, особенно Елизавета и Екатерина: многое отъ предшествующей переносится на послѣдующую и обратно. Историческое время, слишкомъ близкое намъ по условіямъ исторіи виѣшней, особенно по времени и событіямъ политическимъ, таково, что не требуетъ здѣсь со стороны нашей подробныхъ объясненій и замѣтокъ къ тексту пѣсеней: но историчность самой пѣсни, то есть отношеніе ея содержанія къ событіямъ, намъ извѣстнымъ и сдѣланнымъ для нея виѣшними, ослабляется и даже теряется; какая ни будь Былица временъ Петра, а еще больше Ивана и даже, пожалуй, первыхъ временъ Московскихъ, несравненно яснѣе и опредѣлительнѣе своимъ историческимъ характеромъ, менѣе сбивается въ историческихъ чертахъ, труднѣе переливается одна въ другую, рѣзче обособляется отдѣльными образцами. Эпоху происхожденія извѣстной пѣсни, рубежъ, съ котораго зачалась она, мы и теперь можемъ наглядно опредѣлить по какому ни будь вставленному историческому имени, слишкомъ уже намъ близкому и знакомому: и однакоже тотчасъ замѣтимъ, что на Краснощочкова переходитъ образъ Ермаковскій и Разинскій, а самъ Краснощочковъ готовъ обратиться въ Платова; Шереметьевъ, выходя изъ народной памяти, даетъ черты свои Румянцеву, а пожалуй и Потемкину, и Суворову; Азовъ сливается съ Кистриномъ, съ Берлинномъ, и пророчитъ собой Парижъ. Историчность всего рѣзче намъ замѣтна, и держится, и оживаетъ, и полиѣтаетъ здѣсь въ нѣсколькихъ лицахъ, самыхъ крупныхъ герояхъ пѣсни, на примѣръ въ Краснощочковѣ и Чернышовѣ: но не фиксируется на нихъ, не закрѣпляется при нихъ исключительно; ихъ собственныя историческія черты столь же подвижны и переливны, не столько сосредоточены

въ міръ строгой исторіи, сколько принадлежать міру эпическому, созданному въ своемъ родѣ и въ своемъ народномъ вкусѣ. Это обратное разположеніе Пѣсни Исторической, столь недавно еще сильной, — въ Эпосъ, но въ Эпосъ уже не тотъ, отъ котораго зачалась сама исторія, и безъ возврата древней, строгой и отчетливой Былины, такой на примѣръ, какая шла отъ Владиміра: посредникомъ лицо и личность, со всѣмъ своимъ личнымъ характеромъ, а дошедши до сего предѣла „личныхъ“ отношеній и образовъ, пѣсня всего скорѣе, всего легче разлагается на Безимянную и Молодецкую. Потому, при всей видимой опредѣленности нѣсколькихъ историческихъ именъ, при всей кажущейся легкости распознавать по нимъ рядъ пѣсней, дѣло историческое напротивъ затрудняется и путается: имя, и самый образъ съ личнымъ именемъ, тотчасъ готовы ускользнуть изъ вашего взора и слуха, изъ пѣсни въ вашемъ же виду, и вы, только что освоившись съ ними, какъ разъ очутитесь передъ простыми, почему либо интереснѣйшимъ для народа „Молодцемъ“ или „Козакомъ.“ Правда, здѣсь помогаетъ часто пѣсня Солдатская, рядомъ или изъ той же чисто-народной возникающая, ибо тутъ больше внѣшней опредѣленности, больше номенклатуры, выправки и форменныхъ отличекъ: но за то и больше искусственности, поддѣлки, книжности, а въ этомъ случаѣ, въ замѣнъ пріобрѣтенія, ускользаетъ самое главное для насъ — народность. Это не значитъ впрочемъ, чтобы „сама“ пѣсня утрачивала исторію „собственную“, чтобы менѣе было исторіи въ „самой“ пѣсни, чтобы пѣсня предъ опытнымъ взглядомъ и для чуткаго уха не отражала ясныхъ слѣдовъ своего „собственного“ историческаго процесса: нѣтъ, мы видимъ здѣсь съ достаточной ясностью, какъ изъ старины или по крайности изъ прошлаго занимаются — одушевляющія силы, творческіе пріемы, образы, обороты, слова, звуки, размѣры; занимаются и — по своему претворяются или пополняются, сокращаются или видоизмѣняются, вокругъ извѣстнаго народу имени, событія или образа; на семь пути пѣсня обособляется, становится извѣстнымъ, спеціальнымъ звѣномъ въ ряду другихъ, такъ что по своей „внутренней“ исторіи, одна приидкается къ тому, другая къ этому имени или герою; одной изъ нихъ, а не другой, принадлежитъ исключительно — какое ни будь начало или окончаніе образа, даже хоть одно слово. Приходится не по прежнему отличать пѣсни, не тѣмъ, что эта пѣсня о Грозномъ, эта объ Разинѣ, эта о Великомъ: напротивъ передъ нами пѣсни — „Таланъ ли мой таланъ“, „Звѣзда восхожда“, „Сказать ли вамъ диковинку“, „Мы со вечера торговали“, и тому подобныя, и по симъ-то признакамъ, обратнo, относимъ одну къ Чернышову, другую къ Краснощокoву, третью къ Румянцеву. Или еще примѣръ: когда укажутъ намъ пѣсню съ именемъ Потемкина, Суворова и т. п., тотъ по видимому неколебимый историческій признакъ ни сколько не убѣдитъ насъ, что пѣсня создана дѣйствительно о сихъ герояхъ и даже въ XVIII вѣкѣ; напротивъ, назовите одинъ изъ помянутыхъ признаковъ внутреннихъ, хотя бы онъ казался очень внѣшнимъ, — началомъ, концемъ, словомъ, — и мы непремѣнно отдадимъ пѣсню историческое происхожденіе.

деніе известной минуты, отвѣчающей известному Историческому событію въ XVIII вѣкѣ; скажите намъ „Пишетъ-пишетъ государинъ письмо,“—и мы отвѣтимъ утвердительно, что это пѣсня о Шведской войдѣ при Елизаветѣ, хотя бы вмѣсто Шведскаго короля писалъ тутъ Прусскій и даже султанъ Турецкій. Короче, отъ исторіи народа, создавшей Эпосъ или старшую Былину, отъ исторіи вышней и политической, отразившейся въ пѣсняхъ Историческихъ, мы возвращаемся именно во внутреннюю исторію „самого пѣснотворчества,“ во внутреннюю область пѣсни и въ соотношенія различныхъ ея родовъ или видовъ, часто уже вовсе не Эпическихъ и не Историческихъ. Къ сожалѣнію, эта „последняя“ по ходу нашихъ изданій исторія (она же по существу и первая), эта исторія самого пѣснотворчества, въ XVIII вѣкѣ,—послѣ рѣзкаго рубежа Петровскаго,—представляетъ уже эпоху не столько созиданія и новаго творчества, сколько разложенія, мельчанія, дробленія, ослабленія или одного только условнаго „возпроизведенія“ старины; собственное „произведеніе“ и его творческая „производительность“—почти ничтожны. Просимъ только не забывать, что слова наши относятся лишь къ дѣлу Эпоса и Пѣсни Исторической: „прочіе“ роды пѣснотворчества имѣютъ свои условія, другую судьбу, иную постановку,—продолжаются, воссоздаются, творятся вновь или разлагаются иначе, по своему особому пути, о которомъ пока рано и не ктати здѣсь давать объясненія.

Осадили Азовъ-городъ —

Генераль Левашовъ и Фельдмаршалъ.

1.

Не сонъ меня клонитъ, не дремота долитъ ¹⁾:

Сыпигъ-валитъ кручина добра молодца,

Стоячій на караулѣ государевомъ,

Смотрячій, братцы, на Азовъ-городъ,

5. Что на тѣ ли на роскаты на широкіе,

Что на тѣ ли на стѣны на Турецкія.

Какъ со вечера солдатамъ приказъ отдавъ былъ,

Чтобы ружья были чисты и кремни востры,

Палаши отпущены, штыки прижкнуты,

10. Чтобы перевязи-портупецъ были навѣхрены ²⁾,

Манишки-рубашки и щиблеты были бѣлыя:

¹⁾ Одолѣваетъ.—²⁾ Вохровъ, краскою на бѣлилахъ.

Что завтра намъ, солдатамъ, на пристѣпъ итти,
 Съ генераломъ Левашовымъ и Фельдмаршаломъ ³⁾,
 Со любимыми полками—со пѣхотою,
 15. Съ бѣлокаменной стѣною—съ гранодерами,
 Со большими лбами—со Калмыками,
 Съ широкими бородами—со козаками.

(Ср. пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, а выше у насъ другія пѣсни о прошлыхъ осадахъ Азова).

Здѣсь-то начинаются подвиги Краснощочкова и потому въ пѣсняхъ (см. ниже) судьба его связуется между прочимъ съ фельдмаршаломъ „Лессеномъ.“

* *

Война Шведская

(Елизавета).

1.

(Шенкурскъ).

Еще пишетъ король Шведской
 Государынѣ самой ¹⁾:
 «Я прощу тебя, государыня,
 «Не прогнѣваться,—
 5. «Ужь я буду, государыня,
 «Въ гости къ тебѣ!
 «Ты построй мнѣ полатухи
 «Бѣлокаменные;
 «Ты поставь—ко мнѣ столики
 10. «Бѣлодубовые;
 «Разстели—ка ты мнѣ скатерти
 «Шито—браныя;
 «Составь—ко мнѣ кушанья—
 «Яствы сахарныя,
 15. «Напитки пьяныя.»

Тутъ-то наша государыня
 Призадумалась.

³⁾ Минихомъ и потомъ Ласси (Леси).

¹⁾ Расколовшійся стихъ отдѣляетъ меньшую половину въ пригвѣвъ.

Призадумалась государыня,

Расплакалась.

26. Какъ сироговорить нашей матушкѣ
Всѣ чинъ голой енаралг²⁾:
«Не тужи-ко ты, наша матушка,
««Не тужи, не печалуйся!
««Ужъ мы встрѣтимъ короля—Шведа
25. ««Середѣ губы³⁾,
««Середѣ губы мы его встрѣтимъ—
««Да противъ Ревеля:
««Ужъ мы построи́мъ ему полѣтушки—
««Черны кáрабли;
30. ««Ужъ мы стóлички ему испоставимъ—
««Да пушки мѣдныя;
««Ужъ мы скатерти испостѣлемъ—
««Да тонки парусы;
««Ужъ мы кушанья исполáдимъ—
35. ««Ядра пúшечны.
««Ужъ ты кушай, король Шведской,
««Да не прогнѣвайся:
««Ужъ вамъ эвти сухари (у насъ были)
««Въ Тулѣ крошены,
40. ««Въ Ярославлѣ сúшены,
««Къ Москвѣ вывезены!»

(Записано г. Борисовымъ).

*

2.

(Орловской губ.)⁴⁾.

Пишетъ—пишетъ Король Шведскій государынѣ письмо:
«Россійская государыня, замири́ся ты со мной!

²⁾ Осмысливши искаженное и забытое имя, народъ разумѣть здѣсь собира-
тельного генерала (генералитеть), весь чинъ какъ есть, на голд. Но мы
почти не сомнѣваемся, что это перестановка и порча подлиннаго имени *Го-*
ловля (голо-виць, чинъ-голой). Самая рѣчь показывается адмирала: имя же
это помнилось естественно въ Архангельской области.—³⁾ Заливъ.

⁴⁾ Пѣсня „тягольная.“

- «Не замиришься, не прогнѣвайся на меня;
 «Ты отдай, отдай, государыня, свои славны города:
 5. «Не отдашь, не отдашь, государыня, не прогнѣвайся на меня;
 «Отдай Тулу, отдай Леверъ ⁵⁾, отдай славной Короштанъ ⁶⁾;
 «Не отдашь, не отдашь, государыня, не прогнѣвайся на меня;
 «Я самъ пойду, король Шведскій, въ каменну славну Мо-
 скву:
 10. «Распишу ли я фатерушки по всей каменной Москвѣ,
 «Генералушкамъ фатерушки по господскимъ по домамъ,
 «Сенаторушкамъ фатерушки по купецкимъ по домамъ,
 «Конницѣ съ пѣхотою по мѣщанскимъ слободамъ;
 «Славнымъ своимъ барабанщикамъ во городѣ во Кремлѣ;
 15. «А я самъ стану, король Шведскій, у государыни въ дворцѣ»

Россійская государыня испужалася сама,
 Опускала она бѣлы рученьки въ земчужные пояса.
 «Ужь ты матушка, Россійская государыня, не убойся ни-
 чего:

20. «Я сустрѣлъ—сустрѣлъ злодѣя среди твоей земли,
 ««Я прогналъ—прогналъ неприятели за границу за твою!»»

(Записано П. В. Кирѣевскимъ).

*

3.

(Орѣб. губ.).

- Изъ подь славнаго быдо города изъ подь Стекольнаго ⁷⁾,
 Еще пишеть король Шведскій къ государынѣ въ Москву:
 «Ты Россійская государыня, помирилась бы со мной,
 «Замирилась бы со мной, со Шведскимъ королемъ!
 5. «Ты отдай—отдай, государыня, три гóрода мои,
 «Первый Леверъ, другой Легаръ ⁸⁾, третій славный Корон-
 штатъ.

⁵⁾ Ревель.—⁶⁾ Кронштатъ.—⁷⁾ Стокгольма: см. вып. 8-й.—⁸⁾ Ригу.

«Ты не сдѣлаешься ⁹⁾, государыня, по честности, — не гнѣвайся на меня,

10. «Не гнѣвайся на меня, на Шведскаго короля:
 «Ужь я силушкой сколюсь, всю Россіюшку пройду,
 «Я въ Питеръ переднюю, въ Москву ночевать вступлю,
 «Въ Москву ночевать вступлю, фатерушки распишу,
 «Ужь я конницу разставляю по мѣщанскимъ по домамъ,
 15. «А пѣхотушку разставляю по купеческимъ домамъ,
 «Ужь я ундеровъ—офицеровъ по господскимъ домамъ ¹⁰⁾,
 «А я самъ стану, король Шведскій, середь каменной Москвы,
 «Средь каменной Москвы, въ Кремль—городу,
 «Во Кремль—городу, въ государевомъ дворцѣ,
 20. «Въ государевомъ дворцѣ, въ Шереметьевомъ дому ¹¹⁾»

(Доставлено В. Н. Далемъ).

*

4.

(Самбирск. губ.).

- Пишетъ—пишетъ король Свейскій
 Къ государынѣ письмо:
 «Чтобъ Росейская царица
 «Замирилась бы со мной!
 5. «А не хочеть, де, мириться,
 «Отдай мои города:
 «Отдай Ригу, отдай Ливерь,
 «Отдай славный Кранштантъ!
 «Моимъ милымъ барабанщикамъ
 10. «Квартиры распиши:
 «Рядовымъ моимъ солдатамъ
 «По купеческимъ домамъ;
 «Моимъ штаберъ—офицерамъ
 «Въ каменной Москвѣ;

⁹⁾ Не раздѣлаешься, не покопчишь дѣла, не уладишься.—¹⁰⁾ Должно быть: „Ужь я ундеръ—офицеровъ по господскимъ по домамъ.“—¹¹⁾ Типъ лучшаго дома и двора по народнымъ воззрѣніямъ съ XVIII вѣка.

15. «А нѣ, королю Свейскому,
«Въ Кремль—городѣ стоять!»

*

Отсюда, сообразно порядку послѣдовавшихъ событій, къ которымъ приключилась гѣсна начинаются вставки: короля Прусскаго (вмѣсто Шведскаго) и окончательно прославленнаго въ Прусскую войну Краснощочкова; Румянцева, Потемкина и Екатерины; Суворова.

Б.

(Оттуда же).

- Пишетъ—пишетъ король Прусскій ¹⁾ государынѣ самой:
«Охъ ты гой еси, Россійска государыня сама!
«Ты раздѣляйся, государыня, по честности со мной:
«Не раздѣлаешься, государыня, по честности со мной,—
5. «Ужъ я съ силушкой сберуся — сквозь земелюшку пройду;
«Во Питерѣ пообѣдаю, въ Москву ужинать приѣду,
«Подъ Москвой—то я ночую, по утрамъ рано въ нее вступлю.
«По утрамъ рано вступлю, всѣмъ фатеры распишу:
«Ужъ я конницу-драгунѣ по мѣщанскимъ домамъ,
10. «Генералушекъ котѣрыхъ ²⁾ по господскимъ домамъ,
«Ужъ сама—тѣ, король Прусскій, середь каменной Москвы,
«Средь каменной Москвы, въ государевомъ дворцѣ;
«Я во Божьихъ—то во цѣрквахъ коней вѣкормлю,
«Я во мѣстныхъ—то иконахъ ³⁾ мосты вѣмошу,
15. «Я во мѣдныхъ—то крестахъ сдѣлаю себѣ поставѣ ⁴⁾»
Ходила наша государыня на Красный на крылецъ,
Говорила государыня такія словеса:
«Есть ли у меня крупны люди кругъ меня?
Гдѣ нѣ взялся такой генералушка большой,
20. Генералушка большой, Краснощочковъ господинъ:
«Ты не бойся, наша матушка, Прусскова Короля,
««Не бывать ему, собака, во Питерѣ—городѣ,
««Во Питерѣ не бывать, Москву въ глаза не видать.

¹⁾ Вм. Шведскій.—²⁾ Иныхъ, нѣкоторыхъ.—³⁾ Вмѣсто падежа творительнаго.—⁴⁾ Сдѣлаю себѣ изъ нихъ столъ, шкафъ съ посудой.

- «Изъ Козлова ⁵⁾ городочку не выхаживати!
 25. «Ужь мы сдѣлаемъ ⁶⁾, государыня, про Прусскаго обѣдъ:
 «Ужь мы столики поставимъ во зѣленыхъ лузгахъ,
 «Ужь мы скатерти разстелемъ по шелковой травѣ ⁷⁾,
 «Ужь мы ложечки приставимъ къ каменной къ стѣнѣ ⁸⁾,
 «Ужь мы яства принесемъ—штыки—ружья поберемъ,
 30. «Штыки—ружья поберемъ, ему голову снесемъ.»»

(Запис. А. М. Языковимъ).

*

6.

(Чердынъ).

- Пишетъ—пишетъ король Шведскій
 Государынѣ въ Москву ¹⁾:
 «Милосердна государыня,
 «Замиреньица прошу!
 5. «Замиреньица пожалуй,
 «Отдай судержавны ²⁾ города:
 «Отдай Ригу, отдай Ревель,
 «Отдай рукодѣль ³⁾ мою;
 «Еще отдай Курляй, Вихляй ⁴⁾
 10. «Со Выборгомъ назадъ!
 «Не отдашь ты эти города,—
 «Не прогнѣвайсь на меня,
 «На Шведскаго короля:
 «Ужь я самъ-то, король Шведскій,
 15. «На твою землю вступаю,

⁵⁾ Вліяніе мѣстности, гдѣ записано.—⁶⁾ Сдѣлаемъ.—⁷⁾ Заимѣйте отличіе образцовъ въ устахъ сухопутнаго генерала (козака) отъ основнаго образца адмиральскаго.—⁸⁾ Испорчено и образъ не ясень.

¹⁾ Отдѣлившійся прежде коротенькой припѣвъ (см. выше) обратился теперь въ цѣлый стихъ или, иначе, стихъ длинный разломился уже на двѣ равномѣрныхъ короткихъ: въ болѣе позднемъ образцѣ и складѣ болѣе поздній.—²⁾ Въ одной державѣ и области.—³⁾ Созданныя мною.—⁴⁾ Курляндію и Лифляндію.

- «Всю Россіюшку пройду.
 «Во Москву—городъ войду.—
 «Фатерушки распишу,
 «Солдатушекъ постановлю:
 20. «Я виндѣровъ—гренадѣровъ ⁵⁾
 «По купецкимъ по домашъ;
 «Своего вѣрнаго виндѣра
 «Катеринѣ ⁶⁾ на подѣздъ;
 «Ужь я самъ—то, король Шведскій,
 25. «Къ Катеринѣ въ домъ вступлю!»

- Милосердна государыня
 Испужалася весьма:
 Рѣзвы ножепьки королевскія
 Подгибались на ходу,
 30. Рѣзвы рученьки королевскія
 Опускались на маху.
 Передъ ней стоитъ одинъ молодець
 Графъ Румянцовъ генераль,
 Милосердную государыню
 35. Разговаривалъ на словахъ:
 «Милосердна государыня,
 «Не пужайся—ба весьма!
 «У насъ столько силы есть,
 «Что въ чистомъ полѣ травы;
 40. «У насъ столько генераловъ,
 «Что на травонькѣ цвѣтовъ.
 «Мы всю силушку сберемъ,
 «Во походъ ее пошлемъ;
 «Ужь мы хлѣбовъ папечемъ
 45. «Въ каменной маткѣ—Москвѣ,
 «На пушечномъ на дворѣ;
 «Горяченька похлебочка
 «У солдатушекъ въ ружьѣ;
 «Ужь мы встрѣтимъ этого гостя

⁵⁾ Вм. „унтеръ-офицеровъ “—⁶⁾ Уже Екатерина вмѣсто Елисаветы.

50. «Среди моря ⁷⁾ на пути:

«Ужь мы станемъ этого гостя—
«Станемъ потчивати!»»

(Записано г. Каргоуломъ).

*

7.

(Ореш. губ.).

Пишетъ—пишетъ король Шведскій къ государынѣ самой
«Ты Россійская государыня, помиримся мы съ тобой!
«Не миришься ты со мной, отдай Шведски города;
«Не отдашь ты городочки, не гнѣвайся на меня:
5. «Во твою землю взойду, изъ конца въ конецъ пройду;
«Я во Питерѣ ночью, ночевать въ Москву приду ¹⁾,
«Ночевать въ Москву приду, всѣ фатеры распишу:
«Часовымъ—рядовымъ по купеческимъ домамъ,
«Генераламъ—офицерамъ по господскимъ домамъ,
10. «А и самъ я, король Шведскій, къ государынѣ въ дворецъ!»

Государыня испугалася Шведскаго короля.
Возговоритъ Потемкинъ: «Не пугайтесь вы его!
«Мы столики разставимъ и скатерти разберѣмъ,
«Тарелочки раскладѣмъ и кушанье припасѣмъ,
15. «Мѣлки пушечки зарядимъ, короля въ полонъ возьмѣмъ!»»

(Доставлено В. И. Далецъ).

*

8.

(Губ. Тульской, у. Чернского).

Пишетъ—пишетъ король Шведскій къ государынѣ письмо:
«Ты Россійская государыня, замѣримся мы съ тобой

7) Остатокъ отъ первоначальнаго образца пѣсни (см. выше).

1) Порчи: ночевка дважды (ер. образцы выше).

«Мы заѣрмимся, государыня, отдай прежнй города,
 «Отдай Ригу, отдай Ревель, отдай славной мой Кронштатъ!
 5. «Не замѣришься ты, государыня, я самъ къ тебѣ подойду!»

Государыня испугалася, призадумалася.
 Какъ входить къ государынѣ графъ Потемкинъ генераль:
 «Вы не бойтесь, государыня, не пугайтесь ничего!
 «Всѣ любезные наши козаченьки во походъ съ нами пойдутъ,
 дуть,

10. «Вся любезна артилерія ломовы пушки возьмутъ,
 «Мы силу его порубимъ и самого въ полонъ возьмемъ,
 «А лучшаго его генерала повѣсимъ на Московскихъ воротахъ!»»

*

9.

(Рязанск. губ.).

Пишетъ—пишетъ король Шведскій свое грозное письмо,
 Свое грозное письмо къ государынѣ нашей въ Синодъ ¹⁾:
 «Ты Россійская государыня, замиримся мы съ тобой!

«Замиреньице положимъ на трѣхъ славныхъ городахъ:

5. «Отдай Ригу, отдай Ревель, отдай славный городъ Кронштатъ;
 штатъ;

«Не отдашь ты мнѣ этихъ городочковъ, я не честию возьму,

«Я не честию возьму, батальицу сочиню,

«Батальицу сочиню, Петербургъ съ Москвой возьму:

«Я въ Питерѣ переднюю, въ Москву приду ночевать.

10. «Распиши—ка ты мнѣ квартирушки по всей каменной Москвѣ:
 сквѣ:

«Моимъ славнымъ бригадирамъ по господскимъ домамъ,

«Моимъ славнымъ всѣмъ солдатушкамъ по всей каменной Москвѣ,
 Москвѣ,

«Вотъ и мнѣ ли, королю Шведскому, въ государевомъ дворцѣ!»»

Испугалася, оробѣла государыня наша,

15. Закричала же государыня громкимъ голосомъ своимъ:

¹⁾ Вм. „Сенать.“

- Охъ вы гой еси, мои слуги. слуги вѣрныя мои!
 —Вы подите—приведите Суворова графа ко мнѣ!—
 Вотъ приходитъ графъ Суворовъ къ государынѣ самой:
 «Ужь ты гой еси, государыня, не страшися ничего!
 20. «У насъ есть чѣмъ принять, есть чѣмъ потчивать его:
 «У насъ есть ли пироги, они въ Тулѣ печены,
 «Они въ Тулѣ печены, въ Москвѣ макомъ чинены;
 «У насъ есть ли сухари, они въ Тулѣ крошены,
 «Они въ Тулѣ крошены, въ Москвѣ высушены;
 25. «Еще есть ли у насъ похлёбочка—у солдата на бедрѣ,
 «У солдата на бедрѣ, да что на лѣвой сторонѣ!»»

*

И. П. Сахаровъ, перепечатывая откуда-то (онъ самъ не записывалъ) слыя эту пѣсню съ другою, совершенно розною, въ одну; 1-я половина, о пожарѣ въ Москвѣ, приведена въ нашемъ 7-мъ вып. 127 стр., а 2-я половина:

10.

- Письмо ¹⁾ пишетъ король Шведской
 Къ государынѣ самой:
 «Милосердная ты государыня,
 «Помиримся мы съ тобой!
 5. «Если хочешь ты со мной помириться,
 «Отдай славны мои города:
 «Первый ²⁾ Ригу, второй Ревель, третій Кронштатъ.
 «Если не отдашь ты мои городочки,
 «Я къ тебѣ въ гости приду,
 10. «Какъ я въ Питерѣ пообѣдаю,
 «Въ Москву ужинать приду.»

(„Сказан.“ 1841, стр. 246).

*

„Пишетъ-пишетъ“ не только послѣ Шведскаго Прусскій, но даже и „Султанъ Турецкій:“ однако, по признакамъ слишкомъ уже позднимъ, мы не рѣшаемся печатать эти образцы, хотя они и одинаковаго происхожденія, по крайности равше XIX вѣка.

* *

¹⁾ Это уже поправка вмѣсто „пишетъ.“—²⁾ Такъ не можетъ выразиться народъ въ пѣснѣ.

Хотя въ настоящемъ случаѣ, по пѣснямъ, война Шведская легко переходитъ въ Прусскую (какъ было отчасти на самомъ дѣлѣ) и еще легче съ нею смѣшивается, но болѣе рѣзкимъ и нагляднымъ переходомъ къ Пруссиі служать слѣдующія двѣ Донскія пѣсни, выставляющія впереди всѣхъ своего любимаго героя Краснощокова и проникающія съ нимъ отъ Шведской границы черезъ Прусскую до Саксоніи. Вообще, если объ этомъ времени у насъ сохранилось пѣсней нѣсколько больше и если онѣ лучше въ народномъ смыслѣ, то это на половину благодаря участію Донцовъ въ тогдашнихъ событіяхъ.

Донцы на границѣ Шведской, оттуда до Саксоніи.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Въ полѣ шляхъ-дороженька ¹⁾ пролежала,
Не широкая, въ длину конца-края не было ²⁾:
Какъ на этой на дороженькѣ собирались всѣ други,
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе ³⁾.

5. Собирались они, братцы, во единый кругъ,
Избирали они себѣ атаманушковъ.

Не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная жалобно заговорила,—
Какъ возгворить надежда ⁴⁾ православный царь:
10. «Кого пошлемъ на Шведскую границу,
«Кого пошлемъ взять Шведскую заставу?
«Чернышова послать—не дослаться;

¹⁾ То же, что наша „путь—дороженька;“ употребительнѣе Малоруссами, а отсюда Донцами, съ нѣм. Schlag, собственно простѣка (древній путь между лѣсомъ).—²⁾ Должно быть, по старому, „Шириню-долинню конца-краю нѣту.“—³⁾ Привычная эпическая прибавка при Донцахъ, хотя бы они были одни.—⁴⁾ У г. Савельева „надежда“. — Посылки на заставу ср. съ Владиміромъ въ богатырскихъ былинахъ.

- «Салтыкова ⁵⁾ послать—не дожидаться;
 «А пошлемъ мы Донскаго генерала ⁶⁾».
 15. «Со славными Донскими козаками:
 «Донскіе козаки службу знаютъ
 «И приказъ весь мой исполняютъ ⁷⁾»»

*

2.

(Оттуда же).

На желтомъ разсыпчатомъ песочкѣ
 Раскинуты бѣлые шатры стоятъ ⁸⁾,
 У бѣлыхъ шатровъ (верхнія) маковки золотыя,
 Подзоренки ⁹⁾ жемчужныя, поджатынцы ¹⁰⁾ шелковыя.
 5. Стоитъ среди шатра размѣтно ¹¹⁾ стуло золотое,
 На стулечкѣ сидитъ Саксонъ—король, земли Шведской,
 Передъ нимъ стоятъ два думчіе ¹²⁾ сенаторушки.
 Какъ возгворитъ Саксонъ—король своимъ громкимъ голо-
 сомъ:

- «Ой вы, думчіе мои сенаторушки!
 10. «Сдѣлайте мнѣ вахшурёю ¹³⁾:
 «Поставьте солдатъ—драгунъ во карёю,
 «А славныхъ Донскихъ козаковъ во линёю.»

Саксонъ—король изволить прогуляться.
 Проѣзжаетъ онъ всѣ карёи,

⁵⁾ См. обо ихъ ниже.—⁶⁾ Краснощочкова, пожалованнаго «бригадиромъ (см. ниже).»—⁷⁾ При забвеніи «государыми», предупрежденіемъ выставленъ Петръ III, имя, какъ извѣстно, любимое, распространенное и знаменательное для 2-й половины XVIII вѣка.

⁸⁾ Плохо записано я складъ перебить: вообще рядомъ со стариною много новаго.—⁹⁾ Подзорны: подвѣсныя каймы, оборки.—¹⁰⁾ Перехваты для поджатыхъ половинъ и складокъ.—¹¹⁾ Складной, раскладной.—¹²⁾ Члены думы, совѣта.—¹³⁾ Wachsturm, разводъ, примѣрный приступъ, сторожевая нарочная тревога; *штурмовать* осмыслено у насъ въ старое народное выраженіе о примѣрныхъ воинскихъ играхъ, особенно козацкихъ—пиками, о поединкахъ—турнирахъ и т. п., *шуръ метать*, при чемъ сближалось уже со Speer и т. п. (см. прежде).

15. Добѣждаетъ до козачей до линѣи,

У линейюшки Саксонъ-король становился,

Донскимъ козакамъ удивился:

«Что это у Бѣлаго царя за люди?

«У нихъ бороды большія—окладныя ¹⁴⁾.....»

20. «У нихъ жалованье не большое,

«Противъ моего въ годъ третное ¹⁵⁾!»

(Ср. Сборн. г. Савельева 1866).

Хотя обѣ пѣсни забѣгаютъ отъ рубежа, съ коего идемъ мы, далеко впередъ, въ Саксонію и вѣроятно къ памяти даже тѣхъ примѣрныхъ сраженій, коими послѣ любовался самъ Фридрихъ—на примѣръ съ Румянцевымъ: но онѣ же и начинаютъ здѣсь раньше другихъ, связуя Донцовъ и Краснощокова еще со Шведами; ср. выше, какъ любовался Шведскій король на Русское войско при началѣ войны съ Петромъ (вып. 8).

* *

Къ этому также рубежу относятся первыя пѣсенныя черты Румянцева: но онѣ оживляются, поливаютъ и обособляютъ героя послѣ, гдѣ мы съ ними и встрѣтимся.

Слѣдующія пѣсни точнѣе, въ шагъ за событіями, хотя и при нихъ нужно помнить, что Шведская война вообще близко сливается съ Прусскою, а за тѣмъ иногда съ послѣдовавшею (при Екатеринѣ) Турецкою, Кистринь съ Костроманомъ—Кермантомъ—Караманомъ—Гостиномъ—и Хотинномъ, имя одного героя съ другимъ ближайшимъ.

Война Прусская.

*

Походъ въ землю Прусскую.

1.

(Москва).

По Московской по широкой по дороженькѣ
Не ковыль—трава, братцы, зашаталася ¹⁾,

¹⁴⁾ За симъ похвала къ невыгодѣ козацкой фигуры: образы, которые легко видѣть во многихъ другихъ пѣсняхъ и потому здѣсь не характерны.—

¹⁵⁾ Противъ моего годового у нихъ третное: въ трое больше моего; ср. выше при Петрѣ, какъ по мнѣнію Карла XII въ Россіи „жить младцамъ прекрасно.“

1) Въ нихъ „зашаталась.“

- Не аль пвѣты, братцы, развивалися,—
 Зашаталася тутъ сильна армія,
 5. Сильна армія царя Бѣлаго ²⁾,
 Идучи, братцы, въ землю Прусскую,
 На чужу-дальну на сторонушку.
 На чужу-дальну, незнакомую.
 Раздувалися знамѣны бѣлыя:
 10. На передь ³⁾ идутъ новокорпусны;
 Впереди ³⁾ везуть артилерію,
 Позади ѣдетъ сильна конница,
 Славна конница кирасирская.

- Ужъ какъ всѣ веселы идутъ,
 15. Веселы идутъ, принапудрены:
 Что одинъ изъ нихъ не веселъ идѣтъ,
 Не веселъ идѣтъ, призадумавшись.
 Что за нимъ идетъ красна дѣвица:
 Она плачетъ—какъ рѣка льется,
 20. Возрыдаеть—что ключи кипятъ.
 Ужъ какъ взгворитъ удалый-добрый молодець:
 «Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
 «Не слези лица румянаго,
 «Не вздыхай, моя разумная ⁴⁾!
 25. «Не одной-то вѣдь тебѣ тошно,
 «И мнѣ, молодцу, груснѣхонько:
 «Что иду-то я на чужую ⁵⁾ сторону,
 «На чужу-дальну, незнакомую,
 «Что на службу я государеву.»

(Записано уже въ Чулковскій и Новиковскій пѣсенники, съ небольшимъ черезъ 20 лѣтъ послѣ событія, по слѣдамъ еще свѣжннмъ, а послѣ повторилось въ печати съ весь- на малыми измѣненіями).

*

²⁾ Такъ обычно, особенно съ Петра 1-го: ср. тамъ выступы войскъ.—
³⁾ Повтореніе: испорчено или что-то пропущено; ср. другіе походы. — ⁴⁾
 Стихъ уже подбавленный книжниками.—⁵⁾ Должно быть „на чужу,“ какъ
 и есть въ нѣкоторыхъ.

Всѣ черты и особенности этой пѣсни, въ складѣ, размѣрѣ и даже выраженіяхъ, составляютъ типъ XVIII вѣка: сравните выше при Петрѣ, при казни Долгорукаго и т. п.

Книжная подправка и поддѣлка, изъ „народнаго“ въ „національное“, представляется въ образцѣ слѣдующемъ (очевидныя подправки обозначаемъ курсивомъ):

2.

- По Московской по широкой по дороженькѣ
 Не ковыль-трава *отъ вѣтра* зашаталася,
 Не алы цвѣточки, братцы, развивалися, —
 Зашаталася тутъ, братцы, сильна армія:
 5. Она *двинулась* *разомъ* въ землю Прусскую,
 Въ чужу-дальню сторонку, незнакому.
 Раздувалися знамена ея бѣлыя,
 Впереди *всѣхъ* маршируютъ новокорпусны,
 Въ *серединѣ* *ведутъ* войско артилерію,
 10. *Замыкаютъ* кирасиры, славна конница.

- Ужъ какъ всѣ наши солдаты идутъ весело,
 Всѣ *исправны*, всѣ нарядны и распудренны:
 Лишь одинъ изъ нихъ не вѣселъ и нерадостенъ,
 Онъ идетъ *глаза потупя и задумавшись*.
 15. За нимъ идетъ *молодая* красна дѣвица:
 Она плачетъ, *она плачетъ*, какъ рѣка льется,
 Возрыдаетъ, *возрыдаетъ*, что ключи кипятъ.
 «Ты не плачь, не плачь, *любезна* красна дѣвица,
Утѣшаль *ее* удалый-добрый молодецъ:
 20. «Не слези лица румяна, *моя умница!*
 «Не одной-то тебѣ тошно и груснѣхонько:
 «Я и самъ *скрѣпя* *ужь* сердце не рою слезы.
 «Ахъ, неволюшка ты наша, служба царская,
 «*Прикнуждаешь* ты разстаться съ красной дѣвицей
 25. «*И проститься* *ужь* *надолго* или *вовся* съ ней!»

(Въ „Національномъ“ пѣснопѣніи,“ какъ и слѣдуетъ, не въ „народномъ;“ а послѣ въ другихъ перепечаткахъ).

* *

Рѣдкія наши пѣсни исполнены такихъ мелкихъ историческихъ подробностей (хотя и переищенныхъ позднѣе въ нѣсколькихъ вариантахъ), какъ слѣдующая, почтившая на вѣки Лопухина и удержавшая твердо его имя, отчасти по связи съ Евдокіей Федоровной, столь же памятной пѣснямъ (см. выше):

Витва при Гроссъ-Егерсдорфѣ, смерть Лопухина.

Василій Абрамовичъ Лопухинъ убитъ 19 Августа 1757 года, въ кровопролитномъ сраженіи подъ Гроссъ-Егерсдорфомъ. Известны послѣднія слова его, официально сохраненныя.

Пѣсня о Лопухинѣ известна была П. В. Кирѣевскому въ четырехъ образцахъ: три записаны въ Симбирской губерніи, а четвертый въ Калужской. Полнѣйшій изъ нихъ принятъ былъ имъ за текстъ, а изъ остальныхъ сдѣланъ былъ имъ сводъ, такъ что различія изъ нихъ частію внесены въ текстъ курсивомъ какъ дополненія, частію показаны въ выноскахъ. Только одинъ изъ образцовъ, въ которомъ разница значительнѣе, прибавленъ былъ имъ сплоя.

1.

(Симбирск. губ.).

Какъ не пылъ въ полѣ пылить,
Не дубрѣвушка шумить ¹⁾,—
Прусакъ съ арміей валить ²⁾.
Близѣхонько подвалили,
5. Въ полки они становили.
Они зачали палить ³⁾,—
Только дымъ съ сажей валить!
Намъ не видно ничего ⁴⁾;
Только видно на прикрасѣ,

1) Изъ Калужскаго варианта.—²⁾ Калуж. вар. „Король съ арміей валить.“—

³⁾ Симбирскій вар.:

Наши зачали палить,
Дымомъ съ сажией валить!

Но стихи текста лучше. Прусакъ напалъ прежде, чѣмъ наше войско успѣло построиться.—⁴⁾ Слово „намъ“ показываетъ, что пѣсня сложена очевидцами.

10. На зелёномъ на лугу:
 Стоитъ армія въ кругу,
 Лопухинъ ѣздитъ въ полку,
 Курить трубку табаку ⁵⁾.
Онъ не для того курилъ,

15. *Чтобы пьяному быть ⁶⁾,—*
 Для того табакъ курить,
 Чтобы смѣло подступить,
 Чтобы смѣло подступить
 Подъ лютого подъ врага,

20. Подъ лютого подъ врага
 Подъ Прусскаго короля.
Такі рѣчи говоритъ ⁷⁾:
«Починайте-ко, ребята,
«Вы со праваго крыла!»

25. *Наши зачали палить,*
Только сажница валитъ!

Они билися—рубилися
 Четырнадцать часовъ ⁸⁾.

Утолилася баталья,—

30. Стали тѣла разбирать ⁹⁾:
 Находили во тѣлахъ
 Полковничковъ до пяти,
 Полковничковъ до пяти,
 Генераловъ десяти ¹⁰⁾.

35. А ещё того подалъ
 Заставали душу въ тѣлѣ,

⁵⁾ Калуж. вар.:

При долинь, на лугу
 Лопухинъ гулялъ въ полку,
 Курилъ трубку табаку.

⁶⁾ Изъ Калуж. вар.—⁷⁾ Изъ Калуж. вар.—⁸⁾ Эти два стиха находятся въ
 трехъ вариантахъ.—⁹⁾ Калуж. вар.:

На пятнадцатомъ часу
 Стали силу разбирать.

¹⁰⁾ Въ Калужскомъ вар. этого исчисленія нѣтъ; а въ Симбирскомъ:

Генераловъ до пяти,
 Полковничковъ десяти.

Заставали дуну въ тѣлѣ,

Лопухинъ лежитъ убитъ ¹¹⁾.

Лопухинъ лежитъ убитъ.

40. Таки рѣчи говорить:

«Охъ вы гои еси, робята,

«Мои вѣрные слуги!

«Вы подайте мнѣ бумагу.

«Да чернильницу съ перомъ ¹²⁾!

45. «Напишу я тако слово

«Къ государынѣ самой:

«Что Потѣмкинъ Генералъ

«Въ своемъ полку не бывалъ,

«Въ своемъ полку не бывалъ,

11) Калуж. вар:

Лопухинъ лежитъ убитъ,
Самъ во грамотку глядитъ,
Таки рѣчи говорить.

12) Симб. вар.:

Вы подайте-ко, робята,
Листъ бумаги гербовой,
Листъ бумаги гербовой,
Чернильницу со перомъ!
Напишу я такую вѣрность
Государынѣ самой:
Князь Румицевъ генералъ
Много силы истерялъ,
А Суворовъ генералъ
Свою силу утверждалъ,
Мелки пушки заряжалъ,
Короля во колонъ бралъ.

Этимъ и кончается образецъ. Но этотъ конецъ, кажется, долженъ быть изъ другой пѣсни, и то въ испорченномъ видѣ: Румицева (П. А.) не было въ Гроссъ-Егерсдорфскомъ сраженіи; Суворовъ, служившій полковникомъ при Апраксинѣ, еще не имѣлъ случая отличиться; это все позднѣйшія вставки. Въ вариантѣ, ниже приложенномъ, имя обвиняемаго вѣрогитѣ:

„Ты *Абросимъ* генералъ

Всею силу растерялъ,* и проч.

Очевидно, что *Абросимъ* есть искаженное имя *Апраксина*: но и такіа взаимныя обвиненія другъ на друга, или, что то же, солдатъ и за ними самого народа на генераловъ, встрѣчаются по пѣснямъ (и естественнѣе) въ дальнѣйшемъ теченіи войны, при другихъ лицахъ (ср. выше *Салтыкова* и *Чернышова*, а равно ниже).

50. «Всеё силу растерялъ ¹³⁾,
 „Коё пропиль-промоталъ ¹⁴⁾,
 „Коё въ карты проигралъ;
 «Которая на горѣ,
 «Стоитъ пб-грудь въ кровѣ;
 55. «А котора подѣ горой,
 «Заметало всю землей.»

*

2.

(Сибирск. губ.) ¹⁾.

Охъ вы нуте-ко, робята,
 Ой вы нуте, господá,
 Споёмъ пѣсню про себя ²⁾,
 Мы не сами про себя.—
 5. Про Лютого Короля ³⁾!

¹³⁾ Калуж. вар.:

Князь Потёмкинъ генералъ,
 Всеё силу растерялъ.

Это также поздняя вставка.—¹⁴⁾ Изъ Калуж. вар. — Онъ оканчивается такъ:

А котора оставалась,
 И то пб-грудь въ рудѣ;
 А котора на горѣ,
 По колъцо во травѣ;
 А котора подѣ горой,
 Завалена вся землей.

За тѣмъ слѣдуютъ еще четыре стиха, взятые изъ другой пѣсни (хотя того же времени):

Караулы крѣпки,
 Перемѣны рѣдки,
 Морозы студѣны,
 Камзолы зелѣны.

¹⁾ Этотъ образецъ предназначенъ самимъ П. В. К-мъ для особаго помѣщенія.—²⁾ Это дышетъ современность, изъ устъ участниковъ дѣла, намъ войны по крайности.—³⁾ Такъ эпически и технически прозванъ Фридрихъ въ пѣсняхъ: ему приписывается и рысканье „лютымъ звѣремъ (см. ниже).“

У Лютого Короля
 Чужа сила, не своя:
 Положена, нанята,
 Золота казна дана,—
 10. Сорокъ тысячъ серебра.

Ты Абрóсимъ генералъ ⁴⁾
 Всеѣ' силу растерялъ:
 Кѣе прѣпилъ-промоталъ,
 Кѣе въ карты проигралъ.

15. Миновалася баталья,—
 Стали тѣла разбирать;
 Заставали душу въ тѣлѣ:
 Лопухинъ лежитъ убитъ,
 Лопухинъ лежитъ убитъ.

20. Таки рѣчи говорить:
 «Вы подайте листъ бумаги,
 «Чернилъницу со перожъ:
 «Напишу я такую вѣрность ⁵⁾
 «Государынѣ самой.»

*

Во крайней важности этой пѣсни, мы считаемъ не лишнимъ помѣтить цѣлкомъ еще и тѣ два образца, которые вошли въ сводъ П. В. К-го:

⁴⁾ Здѣсь упрекъ уже не изъ устъ Лопухина, а отъ солдатъ или отъ народа, можетъ статься въ силу удаленія и послѣдовавшей смѣны Апраксина, растолкованной по своему.—⁵⁾ По старинѣ было бы „вѣрно слово:“ правду, по своей вѣрности. Эта обѣщанная правда могла сначала значить не болѣе того, что сказано, по преданію, умирающимъ: но послѣ считали ужаснымъ и жалкую смерть Лопухина взвалить на кого ни будь обвиненіемъ.

3.

(Оттуда же).

Не пыль во полѣ пылить,—Прусакъ съ арміей валить ¹⁾;
 Наши зачали палить,—дымомъ съ сажницей валить;
 Лопухинъ ѣздигъ въ полку,—куритъ трубку табаку.

Они билися—рубилися четырнадцать часовъ.

5. Миновалася баталья,—стали тѣла разбирать:
 Генераловъ до пяти, полковничковъ десяти ²⁾.

Заставали душу въ тѣлѣ,—Лопухинъ лежить убитъ;

Лопухинъ лежить убитъ, такі рѣчи говорить:

«Вы подайте-ка, робята, листъ бумаги гербовой,

10. «Листъ бумаги гербовой, чернильницу со перомъ!

«Напишу я такую вѣрность государынѣ самой:

«Князь Румянцевъ генералъ много силы истерялъ,

«А Суворовъ генералъ свою силу утверждалъ,

«Мелки пушки заряжалъ, короля во полонъ бралъ ³⁾.»

4.

(Губ. Калужской, у. Боровскаго).

Не пыль во полѣ пылить,

Не дубровушка шумить,—

Король съ арміей валить.

¹⁾ Это стихъ, такъ называемый у насъ „двойной“ (см. прежде). ²⁾ То есть „до десяти.“ ³⁾ Такъ и чувствуется весь излишекъ этой прозаич. прибавки къ короткимъ словамъ самого Лопухина въ предыдущемъ образцѣ.

При долинь на лугу.

5. Лопухинъ гулялъ въ цоку,

Курилъ трубку табаку;

Онъ не для того курилъ,

Чтобы пьяному быть:

Онъ ¹⁾ для того курилъ,

10. Чтобъ смѣлѣе подступитъ.

Таки рѣчи говорить:

«Починайте-ка, робята,

«Вы со праваго крыла!»

Наши зачали палить,—

15. Только сажница валить.

Они билися-рубилися

Четырнадцать часовъ:

На пятнадцатомъ часу

Стали силу разбирать.

20. Лопухинъ лежить убитъ,

Самъ во грамотку глядитъ,

Таки рѣчи говорить:

«Князь Потёмкинъ генералъ

«Всеё силу растерялъ:

25. «Кое пропилъ-промоталъ,

«Кое въ карты проигралъ ²⁾»

А котора оставалась,—

И то по-груди въ рудъ;

А котора на горѣ,—

30. По колѣна во травѣ;

А котора подъ горой,—

Завалена вся землей ³⁾.

Караулы крѣпки,

Перешвы рѣдки.

¹⁾ „А онъ?“—²⁾ За симъ, очевидно, еще новый слой прибавки.—³⁾ А это еще слой. (изъ другой дѣли?), въ объясненіе большихъ потерь: подобныя жадобы при войнѣ Прусской увидимъ еще ниже.

35. Морозы студёны
Кашолы зелёны.

*

Намъ кажется, что изъ всѣхъ напечатанныхъ образцовъ самый лучший и подлинный—2-й.

Но теперь прибавимъ еще другіе, которые не были извѣстны Петру Васильевичу и, нужно сказать, представляютъ или дальнѣйшую порчу, или искусственную подправку, ту и другую весьма поучительную для насъ:

5.

(Чердынъ).

- Не пыль въ полѣ пылить,
Не дубравушка шумить,—
Король съ арміей валить.
Не дошедши до стѣны,
5. Становился во кружокъ,
На зеленый на лужокъ.
На зеленомъ на лугу
Лопухинъ гулялъ въ кругу,
Курилъ трубку табаку.
10. «Ты на что табакъ куришь,
«Нашу армію губишь?»
«Я на то табакъ курю,—
«Поцьянѣ быть хочу,
«Посмѣлѣ поступить.
15. «Зачинайте-ко, ребятушки,
«Со правова со крыла ¹⁾,
«Со лѣвова тесака!»
Наши начали палить,—
Только дымъ съ огнемъ валить.
20. Билися—рубилися
Четырнадцать часокъ;

¹⁾ Эти мелкія, но историческія, подробности дышать вездѣ самой близкой современности.

Во пятнадцатомъ часу
 Стали мертвыхъ ²⁾ разбирать,
 Свою армию счислять.

28. Чуть застали душу въ тѣлѣ
 И языкъ въ головѣ,—
 Лопухинъ лежитъ убитъ.
 Лопухинъ лежитъ убитъ,
 Таку рѣчь говоритъ:

30. «Подай, малой, листъ-бумагу
 И чернильницу съ перомъ!
 Напишю я такую радость ³⁾
 «Государынѣ самой!»
 («Воръ Потемкинъ генералъ

35. «Много силы потерялъ,
 «Кѣе пропилю-промоталъ,
 «Кѣе въ карты проигралъ.»)

(Запис. г. Карсауковича).

*

6.

(Сибирск. губ.).

Вы кустики-кусточки, вы ракитовы мои!

Вы скажите-ко, кусточки, всею правду про дружка:

Гдѣ мой миленькой гуляетъ, гдѣ надежда пребываетъ?

Пребывать сударь-надежда на чужой сторонѣ,

5. Во матушкѣ во Москвѣ, со Французомъ на войнѣ.

²⁾ Лучше, чѣмъ въ другихъ образцахъ, гдѣ „тѣла“ приходится произносить и пѣть съ удареніемъ на тл: впрочемъ и тамъ нужно разумѣть не множественное по нынѣшнему, а тѣло собирательное вмѣсто множественнаго (при чемъ о безъ ударенія перешло въ а).—³⁾ Это и лучше, чѣмъ „вѣрность“ и ближе къ правдѣ подлинныхъ словъ Лопухина, который хотѣлъ извѣстить государынню о побѣдѣ. Очевидно, что слѣдующее есть прибавка народа, такъ сказать осердившагося за гибель героя и искавшаго виновниковъ тому.

Что онъ письмецовъ не шлетъ, челобитьевъ воръ не шлетъ
 Что онъ самъ въ гости не ѣдетъ, меня къ себѣ не зоветъ ¹⁾?

Случилось несчастье, завелась батальня.

Они билися—рубилась всѣ четырнадцать часовъ.

10. На пятнадцатомъ часу утишилася война:

Замирися воръ Французъ.

На шестнадцатомъ часочкѣ стали тѣла разбирать,

Народъ Русской унавадать:

Признали народъ Русской, присчитали ²⁾.—

15. Всего двѣсти человекъ.

Еще лежитъ того подалѣ,—Лопухинъ лежитъ убитъ:

Онъ не убитъ ³⁾, душа въ тѣлѣ говоритъ.

Какъ возговорилъ: «Ребята, ужъ вы братцы мои,

«Ужъ вы братцы, козаки, вы товарищи мои!

20. «Вы подите—принесите листъ бумаги гербовой,

«Еще-то ⁴⁾ принесите чернилицу со перомъ!

«Напишу-то вамъ, ребята:

««Утишилася наша война,

««Замирися воръ Французъ ⁵⁾.»»

*

Лопухинъ или образъ его безъ имени встрѣчается далѣе и при Краснощокѣ, и вообще въ другихъ пѣсняхъ о Прусской войнѣ: см. ниже въ своемъ мѣстѣ.

Какъ бы то ни было, только пѣсня получила скоро въ устахъ народа характеръ укрѣповъ и укоровъ разнымъ лицамъ, которыя вставлялись безъ разбора, смотря по годамъ и по приливу неудовольствія: помѣна представлялись, какъ всегда, обѣса, а особенно тогдашнимъ современникамъ въ

1) Все это начало, вновь придѣланное, есть совершенный тинъ нашей пѣсни въ началѣ XIX вѣка: оно самобитно на своемъ мѣстѣ и потому же, по своему, гораздо складнѣе, чѣмъ послѣдующее, взятое изъ пѣсни старой и разбитое на клочки.—²⁾ Должно быть: „Признавали-присчитали народъ Русскій.“—За тѣмъ короткіе стихи суть половинки, на которыя разломился старшій длинный—двойной—стихъ.—³⁾ Должно быть: „Не убитый онъ лежитъ.“—Замѣтно, что пѣсня побывала и въ устахъ козаковъ: они перенесли послѣ черты ея къ своему Краснощокѣ (см. ниже).—⁴⁾ Ц. б. „Вы еще-то принесите.“—⁵⁾ Опять послѣдній слова Лопухина — извѣстіе о побѣдѣ.

слояхъ высшихъ. Лопухинъ долженъ былъ подпасть той же самой участи, какъ сомненная Евдокія Федоровна, имя которой, мы знаемъ, съ намѣреніемъ было скрывается и самая пѣсня ея запрещалась (ср. ил. Волконскаго и Долгорукихъ). Въ ближайшіе года, съ явнымъ расчетомъ, скрыли имя Лопухина, замѣнивъ его фигурою описательной, устранивъ личные намеки и оставивши одно событіе, такъ сказать голое: пѣсня подчинилась необходимости, солдаты пѣвше ~~словами~~ указаній начальства, а люди книжные помогли этому укромнѣе известными литературными оборотами. Тѣмъ не менѣе истина, какъ ее понималъ народъ, просвѣчивала: скрытность манила къ раскрытію. Такъ, спустя 20 лѣтъ съ небольшимъ, при Екатеринѣ, по охлажденіи историческихъ горячихъ слѣдовъ, Чулковъ съ Новиковымъ рѣшились и, прибавивъ, поспѣшили напечатать у себя пѣсню въ этомъ самомъ исправленномъ видѣ. Вотъ она, крайне курьезная по намѣренной отдѣлкѣ, по свидѣтельству, какъ она употреблялась въ тогдашнихъ полкахъ, и по тому особенно, что намѣренная скрытность явно изобличаетъ первобытный складъ (подправку и рассчитанное объясненіе отмѣчаемъ курсивомъ):

7.

(Петербургъ и Москва).

Эхъ, какъ ну-те, господа ¹⁾,

Споимъ пѣсню про себя:

Мы не для-ради себя ²⁾,

Для Прусскаго короля.

5. Мы во Пруссіи стояли,—

Много нужды принимали;

Мы подъ Пруса подступали,—

Много силы потеряли.

Разселись по горамъ,

10. Что по Прусскимъ по лѣсамъ;

По насъ пулечки летаютъ,—

А намъ некуда уйти:

¹⁾ Такъ могли относиться другъ ко другу при пѣснѣ только солдаты—кавалеры.—²⁾ Не за тѣмъ, чтобы объ себя тѣловать или жакетаться.

- Съ дьму сердце ³⁾ не здорово,
Съ чаду головы болятъ.
18. Лишь чуть видно намъ насквозь:
Генераль ⁴⁾ ходитъ въ полку,
Куритъ трубку табаку;
Онъ за тѣмъ куритъ табакъ,
Что, де, надобно быть такъ ⁵⁾.
20. А другой какъ пень стоитъ,
Ничего не говоритъ;
Ничего не говоритъ,
Нась и въ строй не становитъ;
Нась и въ строй не становитъ,
25. И палитъ намъ не велитъ ⁶⁾.

- Да что взгóворитъ нашъ батько ⁷⁾—
Тому имени здѣсь нѣтъ ⁸⁾—:
«Повернись, моя дивизія ⁹⁾,
«Со лѣваго крыла,
30. «Что со лѣваго со фланга
«На правое крыло ¹⁰⁾!
«Не пора ль намъ зачинать,
«Свое дѣло окончатъ?!»

- Ой мы ¹¹⁾ билися—рубилися
35. Четырнадцать часовъ:
Утишилася баталья,—
Стали мертвыхъ разбирать.

³⁾ Жив отъ подь ложкой: тошнить.—⁴⁾ Здѣсь нельзя сказать, чтобы это относилось непременно къ Лопухину: можно думать, что на него перешло въ предыдущихъ пѣсняхъ отъ другихъ лицъ.—⁵⁾ Это уже скорѣе насмѣшка или упрекъ: вмѣсто дѣла покуривается.—⁶⁾ Къ сожалѣнiю, тутъ видѣнъ именно Апраксинъ, окопавшiйся и ждавшiй въ оборонительномъ положенiи.—⁷⁾ Тутъ уже видѣ сомнѣнiя Лопухинъ: замѣчательно, какъ звали его любившiе солдаты.—⁸⁾ Книжная строка подь народный складъ: одни разумѣють—выпускаемъ здѣсь имя, запрещено, наважутъ; другiе—не нужно имени, всякой знаетъ.—⁹⁾ Д. б. по обычаю „дивиза.“—¹⁰⁾ Д. б. „Со лѣваго со крыла, Что со лѣв. со фл. Да на правое крыло.“—¹¹⁾ Ср. въ другихъ образцахъ, большею частью уже третье лицо: здѣсь вся современность.

Намъ сказано тутъ одинъ ¹²⁾,
 Что генералъ нашъ господинъ
 40. «Онъ столуеъ ли—пируеъ
 «Со Прускимъ королемъ,
 «Пробдаеъ—пропираетъ
 «Онъ всю армию ему ¹³⁾,»

(Ср. Писемнаго Чулковскаго и Новиковскаго, Гурьмова 1835 г. в издоторомъ другіе).

Пѣсня такъ укоренилась, такъ трудно было ее сдвинуть съ подлиннаго смысла и намеки такъ были понятны ближайшимъ современникамъ, что уже въ 1818 году, когда предъ взоромъ соотечественниковъ разыгрался событія совсѣмъ иныя, и заслонившія прошлое, и ввухавшія къ прошлому безпристрастіе, „Театральнiй“ пѣсенникъ, перепечатавъ эту редакцію и замѣтивъ, что „Голосъ пѣсни, хотя нѣсколько печальный, но отрывистый,“ тутъ же надъ нею выставилъ такое характерное заглавіе: „Русской солдатъ все видѣть.“

Однако другіа изданія все еще обѣдали этой щекошливой пѣсни. Народъ же, какъ мы видѣли, не смотря на всѣ заботы и ввухшенія, игнорировалъ печатную редакцію и далеко разнесъ первобытнiй подлинникъ, подбавляя на мѣсто Апраксина—Потемкина и даже Румянцева, а на мѣсто героя—двасителя любимое имя Суворова.

* *

Слѣдующая пѣсня одна изъ самыхъ распространенныхъ, но болѣе—въ печати пѣсенниковъ, начиная съ Чулкова и Новикова, а потому имѣетъ нѣсколько замѣтныхъ, хотя и не рѣзкихъ, отбвнговъ книжности:

¹²⁾ Это уже всего лучше и вѣрнѣе: исправители слагаютъ вину жесткаго изреченія съ Лопухина; повсѣе утверждаютъ, что одинъ, кто-то, добрый человекъ шеннулъ правду терпѣвшимъ. Въ этой строчкѣ вся исторія народныхъ слуховъ и пѣсенныхъ образовъ.—¹³⁾ Это уже слишкомъ сильно и некало, статья можетъ, гораздо выше Апраксина и самого Вестужева: вотъ почему, думаемъ, послѣ Петра Ш-го при Екатеринѣ стало льготно объ этомъ пѣть и печатать.

Переправа черезъ Вислу.

Кистринъ. Ферморъ.

1.

Черезъ Вислу наша армія переправилась,
 Переправившись ова въ походъ пошла,
 Что по славному ко городу Кистрину.
 Не дошедъ они ¹⁾ Кистрина, становилися,
 5. Они лагерь свой разбили по сырѣ борѣ,
 Они шанцы-батареи всѣ исправили,
 Они пушки и мортиры испоставили,
 Ожидали повелѣнья графа Фермора.
 Не добхавши графъ Ферморъ, самъ рукой взянулъ:
 10. «Вы палите по Кистрину съ Божьей помощью,
 Еще съ третьяго картуза ²⁾ Кистринъ зажгли.

Что возгворять жители Кистринскіе:
 «Ужь ты гой еси, король земли Прускія!
 «Ты почто пустилъ графа Фермора,
 15. «Графа Фермора подъ Кистринъ городъ ³⁾?»
 Что возгворить король земли Прускія;
 —Я Россійскую всю армію на штыкахъ приму,
 —Самого графа въ полонъ возьму!—
 Что возгворить графъ Ферморъ королю тому ⁴⁾:
 20. «Не загадывай до вѣра! Кому Богъ подасть!»

(Послѣ Чулковскаго и Новиковскаго много другіе пѣсенники).

* *

Напрасно бы также стали мы искать опредѣленнаго мѣста и времени слѣдующей ссорѣ Голицына съ Прозоровскимъ: оба въ молодости были извѣстными участниками войны Прусской, оба терпѣли въ ней бѣды (первый

¹⁾ Разпорѣч. «она.»—²⁾ Заряда.—³⁾ «Кистринъ-градъ.»—⁴⁾ Это тому уже книжное.

дѣйствительную неудачу, второй еще и раны; но оба же потока, и съ равной въ началѣ неудачей, дѣйствовали подѣ Хотинѣмъ; и Кистринѣ, и Гесинѣ, какъ увидимъ, еще, перенесены пѣснями къ Хотину. Намъ важно здѣсь главнымъ образомъ сохраненіе этихъ именъ и сопоставленіе ихъ рядомъ; что касается до обвиненія одного изъ нихъ, то это у насъ пріемъ самый обычный: народъ нашъ вообще, а за нимъ и солдаты, не имѣя возможности проникать въ истинныя причины неудачъ (гдѣ такую роль играетъ особенно наше неумѣнье и невѣжество), привыкъ все взваливать на известную „измѣну“, которая сдѣлалась не только эпическимъ, но даже и техническимъ словомъ; четкость наша сдѣлать безъ спору все родное первому пришлому помощнику такъ укоренилась этому способу воззрѣнія. Мы видѣли уже, и увидимъ еще дальше, какъ эта измѣна поочередно одиждворяется по отношенію то въ одномъ лицѣ, то въ другомъ лицѣ; а ниже укажемъ еще другіе новшества, весьма существенныя, въ выраженіи медовомъства во время войны Прусской.

Ссора Голицына съ Прозоровскимъ.

Осада Кистрина.

1.

(Губ. Тульской, у. Бѣльскаго, д. Зипова).

Поссорились—побранились два боярина,

Поссорился Голицынъ со Прозоровымъ:

Ужъ ты с..... сынъ, каналья, ты Прозоровъ генералъ!

«То не ваше—то пропало,—государево:

5. «Золотой казны затратилъ,—да и смѣты нѣтъ ¹⁾!»

Да съ вечера намъ, солдатушки, приказъ отданъ,

Чтобы ружья были чисты, тесаки были остры,

Протупенъ съ перевязомъ были выбѣлѣны,

Какъ и пушечки—бунтарей были пукачены ²⁾.

¹⁾ Собирая другія пѣсни, по опыту убѣжденъ ян, что это начало—отрывокъ болѣе обстоятельной пѣсни, гдѣ говорится о ссорѣ воиначальниковъ и о послѣдовавшей отъ того бѣдѣ. Стихи за тѣмъ нужно понимать отъ лица народа и войска: хорошо намъ браниться, да отъ вашей брани погибло не ваше добро,—государево, потратилъ ты—такой-то—силу армію за даромъ безъ счету. „Золотая казна“ вставлена уже поздиѣе, по утратѣ подлиннаго смысла.—²⁾ Заряжемъ для стрѣльбы (откуда „пукачь, пудачъ“ и самое имя „пушки“): въ другихъ при подобномъ случаѣ простиѣ уже „выкачены.“

10. Ужь мы первую бомбу бросили—на добросили,
 Мы другую бомбу бросили—перербросили,
 Ужь мы третью бомбу бросили,—Кистринъ-городъ зажгли:
 Какъ Кистринскіе бுவатели ³⁾ заплакали—пошли!

(Записано К. Дм. Кавалынымъ).

* *

За сими слѣдуетъ въ пѣняхъ собственно взятіе Кистрина и Берлина: но все, что касается перваго, народъ сосредоточилъ главнымъ образомъ въ лицѣ Чернышова, а втораго—въ лицѣ Краснощекова и въ обстоятельствахъ того или другого; потому мы это выдѣляемъ пока и увидимъ ядче въ двухъ отдѣлахъ. Теперь же блестящій результатъ похода—*смысла короля Прусскій*:

Разбѣзсчастнѣй Король Прусскій.

1.

(Губ. Московской, у. Звенигородскаго, Воронки).

Разбѣзсчастнѣй, безталаннѣй
 Наша-тъ ¹⁾ Король Прусскій!
 Онъ на воронѣ на кончикѣ
 Король разъѣзжаетъ,
 5. Ничего-то Король про свою арміюшку—
 Ничего не знаетъ,
 Только знаетъ Король про свою арміюшку,
 Что ушла подъ Француза.
 «Что прислалъ-то Французъ газетушки
 10. «Ко мнѣ не весѣлы:
 «Не весѣлы-то газетушки,—
 «За черной печатью!»
 Распечаталъ Король эти газетушки,
 Онъ началъ читати;

³⁾ Обыватели.

¹⁾ То есть „Нашъ-тъ,“ нашъ-то.

15. Читайъ Король газѣтушки,
Самъ слезно заплакалъ;
Во слезахъ—то Король словѣчушко—
Словечко промолвилъ:

«Охъ вы слуги мои, вы лакеюшки,
20. «Слуги мои вѣрны!

«Вы подите—тка, слуги—лакеюшки,
«Во нову конюшню,
«Осѣдлайте вы, слуги—лакеюшки,
«Коней воронныхъ.

25. «Мы поѣдемте, слуги—лакеюшки,
«Поѣдемъ гуляти:

«Не гуляти—то мы, слуги—лакеюшки,—
«На вой воевати ²⁾,

«На свою—то мы, слуги—лакеюшки,
30. «Армюю смотрѣти.

«Ужь и какъ—то наша армююшка
«Тамъ она воеуетъ?

«Не воеуетъ—то наша армююшка,
«Горечко горюетъ:

35. «Что горюетъ—то наша армююшка,
«Сама слезно плачетъ ³⁾!»

(записано самимъ П. В. К.—мъ 16 Авг. 1833 г.).

*

2.

(губ. Сибирск.)

Безданненькій, безгаланненькій Король Пруцкій:
Ничѣмъ—то ничего ты, Корююшко, за собой не знаешь!

²⁾ Замѣчательный первообразъ послѣдующей формы „вой-на;“ въ старой письменности нашей „вой“—лицо, воинъ; ср. „бой боевати.“—†) Это одинъ изъ лучшихъ образцовъ по складу (зависитъ больше отъ того, кто умѣлъ записать), гдѣ можно наблюдать съ особенной ясностью, какъ сперва откалывается на концѣ приливъ, потомъ готовится собой второму подливу стиха, а со временемъ стихъ совсѣмъ уже дѣлится по поламъ, какъ „двойной.“

По угру-то ранѣтъ-ранѣхонѣко курьеръ поддѣваетъ,

Онъ не радощны курьеръ газетушки поддѣваетъ:

5. Ушла-то, ушла твоя, Король, силушка,

Ушла подь Француза,

Еще-то ушли думчіе ¹⁾ двор твом, сенатѣры.

Еще-то съ собой взяли Блатова ²⁾, племянничка роднаго.

Со того-то Блатова, племянничка, съняли кожу съ живаго ³⁾.

10. «Подавайте-ка, ребятушки, мнѣ коня воронаго,
«Осѣдлайте-ка, ребятушки, въ сѣдельцо Черкасское ¹⁾,
«Мы поѣдемте-ко, ребятушки, гулять въ чисто поле,
«Не увидимте ли, ребятушки, свою силу-войску ²⁾?
«Стоять-то, стоять наша силушка у вора Француза,
15. «Наводятъ-то на нашу на силушку пушку мѣдну,
«Хотятъ-то, хотятъ нашу силушку побить-порубити,
«Оставшихъ-то козаченьковъ хотятъ въ помонъ взяти.»

* *

Чѣмъ блистательнѣе были успѣхи въ Пруссіи, тѣмъ болѣе раждалось и осталось въ пѣсняхъ недовольство, когда Русскіе дванды воронили, одинъ разъ на половинѣ дѣла, другой безъ прѣдѣвъ по усѣдѣнномъ окончаніи дѣла: обвиненіе войска и народа, мы видѣли, такъ сказать мѣнется въ недѣумѣніи съ одного лица на другое и третье. Но, кромѣ того, у «Безсчастнаго Прускаго Короля» была еще другая сторона лица: Фридрихъ произвелъ глубокое, рѣзкое, неизгладимое впечатлѣніе на Русскіхъ; удары его были крѣпки и болѣны; образъ такъ отпечатлѣлся въ пѣсняхъ, что отъ историческихъ очертаній поднялся до эпическихъ и даже перевелъ на себя изъ сѣдой древности многія черты богатырскія, даже миѣчскія (см. ниже). Съ этой стороны, и на другой сторонѣ побѣдной медали, народъ рисуеъ въ пѣсняхъ тяжкіе удары, горькія бѣды, безвозвратныя утраты. Пѣсни этого рода и встрѣчаютъ, и кончаютъ походъ Прусскій: онѣ отвѣчаютъ нѣсколько подобнымъ же при Петрѣ изъ эпохи Шведской (ср. вып. VIII, отдѣлъ X и особенно XXIII-й, отчасти же VIII-й при Довѣчатъ).

¹⁾ Не въ первый и не одинъ разъ пѣсни XVIII вѣка покушавтея воротить въ употребленіе это древнее слово, но крайности рядомъ съ новыми «сенатѣрами.»—²⁾ Платтевъ. Вислѣдствіи оуда приѣвшаея Платовъ, и отчасти Влахеръ (см. ниже).—³⁾ За снмъ слова самого короля.—⁴⁾ Должно бить «Черкасско.»—⁵⁾ За снмъ, по обичаю пѣсовой, слова лица переходятъ въ самый рассказъ о событіи послѣдующемъ.

**На границѣ Прусской, въ самой Пруссіи и вер-
нувшись изъ похода Прусскаго.**

1.

(Самбурск. губ.).

Травынька-журавынька, кавылочикъ!
Не одной-го тебѣ, травынькѣ,
Въ полѣ тошно:
И намъ, солдатушкамъ, жить не сладко!

5. Мы стояли во Прутской землѣ,
На границѣ,

Подъ Кистриномъ городочкомъ три годочка:
Намъ ни вѣсточки, ни грамотки съ Руси нѣту;
На четвертымъ годочкѣ вѣсточка пала

10. И за вѣсточкой указы присылали,
Какъ у насъ, братцы, на Святой Русѣ
Не здорово:

Смутился-помѣшался весь Тихой Донъ ¹⁾.

Случилася батальица генеральна:

15. На славнымъ чистымъ полѣ Лебедянѣ ²⁾.

Поступаетъ Прутской Король очень крѣпко,
Разбиваетъ нашъ молодецкой новой корпусъ,
И со праваго фланга да на лѣвой ³⁾:

Генералушки-бригадерушки испугались,

20. А полковники со маіорами разбѣжались,
Изъ пушечекъ палили всѣ сержанты,
Свинецъ-порохъ развозили маркитанты.

(Доставлено Языковымъ).

*

¹⁾ Пѣсня была въ устахъ Донцовъ: обычное извѣстіе имъ (ср. прежде; выпуск).—²⁾ Эти два стиха изъ старшихъ пѣсней о Полтавѣ: ср. вып. 8 за сими только начинается Пруссія.—³⁾ Это черты изъ битвы при Гроссъ-Егерсдорфѣ: ср. выше и дополните этимъ прежніе образцы.

2.

(Оттуда же).

Долна моя широкая ¹⁾,
 Ничего-то на ней не уродилось,
 Ни травынки, ни муравынки,
 Никакой нѣтъ ни былинки,

5. Одна уродилась кустъ-калинка:

На кусту калиновымъ сидитъ
 Горькая кукушечка.

Ни кукуй-ка, ни горюй-ка,

Горькая кукушечка,

Не давай тоски-назолы ²⁾:

Намъ безъ этого здѣсь тошно,

10. Пособить нашему горю невозможно.

Загналь-то насъ, загналь Прусской Король.

Загналь въ ину землю, на край—на границу:

Поморилъ-то, поморилъ насъ голодною смертью:

Онъ не годъ морилъ-то насъ, не два года,

15. Морилъ всего четыре года ³⁾.

На четвертомъ году пришла ко мнѣ вѣстка,

Со родимой со сторонушки пришла ко мнѣ грамотка:

Знать ⁴⁾ ни батюшки, ни матушки въ живѣ нѣту,

Молодая моя хозяйшка, слышно, за мужъ вышла,

20. Вышла за мужъ за бурлака ⁵⁾.

¹⁾ Обыкновенно: „Долна ль (или „дорожка“) моя, долинушка широкая.“ Пѣсня плохо записана и отъ того стихи не ровны: возстановить легко по образцамъ, прежде у насъ приведеннымъ.—²⁾ „Моему сердечку“ или „сердечушку.“—³⁾ Здѣсь собственно кончается специальность пѣсни изъ Прусской эпохи: далѣе пойдутъ обычные приемы, вѣсть, горе.—⁴⁾ Грамотка дасть знать; по нашему „оказывается, выходитъ.“—⁵⁾ Отседѣ уже пѣсня неудержимо спускается какъ по склону, все больше и больше подбавляя, а вмѣстѣ отступая отъ специальности исторической.

«Мнѣ сказали про бурлачиньку,—

«Казны—денегъ много:

«Разыскалось у бурлачиньки

«Всего три полтины;

25. «Первая полтина—отдать поцу за вѣнчанье,
«Другую полтину отдать дьячку за чтанье,
«Третью полтинушку женѣ на разживу.»

(Записано А. М. Языковымъ).

*

3.

(Оттуда же, уѣзда Корсунскаго).

Не кручинушка меня, мѡлодца, сокрушила:

Сокрушила меня, мѡлодца, красная дѣвѡнька,

Прежня—бывшая моя сударушка.

Провожала она меня до сыраго бору,

5. Всѣ наказывала она мнѣ тайное словечко:

«Ты поѣдешь, мой любезный другъ,

«Сырѣмъ боромъ,

«Не услышишь ли, мой милый другъ,

«Вольную пташку,

10. «Вольную пташку, горькую кукушку ¹⁾?»

Не кукуй ты, не кукуй, горькая кукушка,

Во сырѣмъ борочкѣ,

Не давай—ка намъ, кукушенька,

Тоски—назолы:

15. Безъ того намъ, солдатчишкамъ.

Большо тоѣнно

(Учѣба и стрѣльба намъ скоро не дается) ²⁾.

Какъ загналь—то насъ Пруцкѡй Король

Во иную землю:

¹⁾ Это начало совѣщенья изъ другой пѣсни, по поводу „кукушки.“ Солдаты вполнили семью и любимыхъ, отъ того призывали отрывки другеихъ пѣсней.—²⁾ Это вставка позднѣйшая, въ объясненіе „обычной“ не исторической, бѣды.

20. И не шлетъ Пруцкѣй Король ³⁾
 Пищи никакѣю ⁴⁾;
 Хоть и шлётъ Пруцкѣй Король,
 Къ намъ пища не доходитъ.
 А прислалъ—то намъ Пруцкѣй Король
25. Вѣстоньку ⁵⁾,
 Бѣлую грамотку за черную печати ⁶⁾.
 Какъ пришла—то къ намъ, мѣлодцамъ,
 Мука—то ⁷⁾ кулевая:
 А мука—то добрымъ мѣлодцамъ
30. Очень надокучала ⁸⁾.

(Записано П. В. Шейномъ; ср. его сборникъ).

*

4.

(Оттуда же, Станичное).

Прошли козачушки съ моря Чорнаго,
 Со Чорнаго со моря, со Каспицкаго,
 Со тово ли со батальица со Турецкаго ¹⁾.
 Утомлѣнныхъ своихъ коней въ поводахъ ведутъ,
 3. А кровавое цвѣтно платьице въ торокахъ везуть,
 А булатными тупейцами подпираются ²⁾.
 Случилѣсь итти мимо городу,
 Мимо городу—мимо Питеру;

³⁾ Здѣсь, по забвѣнью, Король представляется „своимъ“, совзникомъ: а подобныя черты внесены послѣ вслѣдствіе войны французской.—⁴⁾ Для размѣра стиховъ при пѣніи; записано плохо. — ⁵⁾ Д. б. „Что прислалъ намъ вѣстку.“ — ⁶⁾ Здѣсь смѣшана приведенная въ образцахъ предыдущихъ вѣсть „самому Королю“, а равно вѣсть солдатамъ съ родины. Д. б. „Бѣлу грамотку за черною печатью.“ — ⁷⁾ Д. б. „Мука.“ — ⁸⁾ Д. б. „докучала.“ Вотъ настоящая причина горя: голодъ въ чужой землѣ и страхи отъ Прусскаго Короля.

¹⁾ Это начало несколько не подрываетъ историчности: оно обычно во всѣхъ Донскихъ козачьихъ пѣсняхъ, встрѣчается чаще съ Петра (см. вып. 8) и съ того же времени соединяетъ Русскій Югъ или Турокъ съ походами противу странъ Западной Европы, Шведовъ, Прусаковъ и наконецъ Французовъ.—²⁾ Только лишь послѣ этого начинается пѣсня собственно о Прусскомъ походѣ.

- Увидѣла милосердная государыня ³⁾,
 10. Призываетъ она молоденькаго полковничка.
 «Охъ ты гой еси, молоденькой—младъ полковничекъ!
 «Молодѣхонекъ ты упиваешься!
 «Ты не отдалъ чести городу Питеру:
 «Не чаялъ ты въ городѣ государыни ⁴⁾?»
 15. — Охъ ты гой еси наша матушка,
 — Бѣлосвѣтная государыня!
 — Напойлъ—то насъ Прутскій Король,
 — Трюмя поймами, трюмя розными:
 — Перво пойлицо—свинцомъ—порохомъ,
 20. — Друго пойлицо—саблями вострыми,
 — Третье пойлицо—копьями вострыми.

(Отъ Языкова).

*

Эта пѣсня еще больше оживаетъ и оживаетъ историческими чертами при лицѣ Краснощочкова: см. ниже. Но она еще имѣетъ при себѣ нѣсколько другихъ однородныхъ, Безымянныхъ или Молодецкихъ, частію старшихъ и частію младшихъ, изъ которыхъ мы кстати приведемъ здѣсь нѣкоторыя на выдержку. Въмѣсто Государыни тутъ простая „государыня-матушка,“ а начало пѣсенъ (въ записѣ) совершенно одинаково съ предыдущими образцами о Прусской войнѣ:

5.

- Не травушка—не ковылушка въ полѣ шаталася:
 Какъ шатался-волочился удалъ-добрый мѡлодецъ,
 Въ одной тоненькой въ полѡтняной во рубашечкѣ,
 Что во той-то было въ кармазинной во черкесочкѣ;
 5. У черкесочки рукавчики назадъ закинуты,
 И камчатны его полочки назадъ застегнуты,
 Бусурманскою онѣ кровію позабрызганы.
 Онѣ идетъ, удалъ-добрый мѡлодецъ, самъ шатается,
 Горючѣю онѣ слезою обливается,

³⁾ Всѣ черты указываютъ на Елизавету: ср. еще ниже Краснощочкова. —

⁴⁾ Развѣ не чаялъ надъ собою грозы, не зналъ, что въ столицѣ государыня?

10. Онъ тугимъ—то своимъ лукомъ опирается:
Позолотушка съ туга лука долой летить.

Какъ никто-то съ добрымъ мѳлодцемъ не встрѣчается,
Лишь встрѣчалась съ добрымъ мѳлодцемъ родная матушка:
«Ахъ ты чадо моё, чадушко, чадо милое моё!

15. «Ты за чѣмъ такъ, моё чадушко, напиваешься,
«До сырѳй-то ты до земли всё приклоняешься
«И за травушку за ковылушку всё хватаешься?»
Какъ возгѳворить добрый мѳлодецъ родной матушкѳ:
—Я не самъ такъ, добрый мѳлодецъ, напиваюся;
20. —Напоилъ-то меня Турецкѳй царь тремя поѳлами,
—Что тремя-то было поѳлами, тремя разными:
—Какъ и первое-то его поѳло—сабля острая,
—А другое его поѳло—конье мѣткое было,
—Его третѳе-то поѳло—пуля свинчатая.—

(Ср. „Русскую Старину“ Коршенича).

*

6.

(Самбарск. губ.).

- Далѳе-далѳеченько во чистѳмъ полѳ,
Не травушка не муравушка во полѳ шатается:
Зашатался-загулялся доброй мѳлодецъ,
Въ одной тоненькой въ ольнянничьей во рубашачки,
5. Въ другой лѳгинькой во кармазовой во черкешачки,
У черкешачки знать пѳлочки позатыканы,
Мѳлодецкою кровью позабрѳзганы.
Онъ не пьянъ-то идетъ—самъ шатается,
За ковыль—траву запинается.
10. Какъ увидѳла—усмотрѳла его матушка родима:
«Ты дитя ли моё, дитятко!
«За чѣмъ пьяной напиваешься?»

- Государыня моя матушка!
 —Я не самъ собой пьянъ напиваюсь:
 15. —Напоилъ меня злодѣй басурманъ,
 —Злодѣй басурманъ—молодой Французъ,
 —Трюмя пойлами, трюмя розными;
 —Перво пойлицо—строево ружьё,
 —Прострѣлилъ могучія плеча;
 20. —Другое пойлицо—его сабля вострая,
 —Разрубилъ мою буйную головушку;
 —Третье пойлицо—ево копьё булатное,
 —Проткнулъ мнѣ ретиво сердце.
 —Отъ того-то я, матушка, и сдѣлался пьянъ.—
 25. «Ты дитя ли моё, дитятко,
 «На кого ты спонадѣлся?»
 —Спонадѣлся я, родная матушка,
 —На свою буйну головушку:
 —Что сгубилъ-то я, матушка,
 30. —Сгубилъ я своё недруга,—
 —Снималъ съ него буйну голову,
 —Втыкалъ я въ его голову свой вострой штыкъ.—

(Отъ Ямкова).

*

Слѣдующая пѣсня чисто-солдатская, о возвратѣ изъ Пруссіи въ Москву: но она дышетъ всею тогдашней современностью и, кромѣ того, начинается началомъ извѣстныхъ намъ пѣсней о Лопухинѣ.

7.

(Губ. Моск., у. Звенигородскаго, Воронки).

- Вы солдатушки военны, командеры ваши вѣрны,
 Полковнички—адъютаны, гдѣ вы были—побывали?
 Мы во Пруссіи стояли, много горя принимали,
 Много горя принимали: во рукахъ ружья держали,
 5. Крѣпко къ сердцу прижимали и патроны вынимали,
 Мы заряды заряжали, шомполами прибывали,

- Въ чисто поле выступали, въ непріятеля стрѣляли.
И мы начали стрѣлять,—а Французъ отъ насъ бѣжать,
Кои въ поле, кои въ лѣсъ, побрасались въ рѣку въ низъ.
10. И мы бились—рубились ровно сутки,
На вторыя—то на сутки стали тѣла разбирать,
Стали тѣла разбирать, свою армію смекать:
Мы смекнули свою силу,—что побито смѣты нѣтъ.
Что нашли же мы убитыхъ—генераликовъ до трѣхъ,
15. Полковничковъ до пяти, офицеровъ девяти ¹⁾).

- Во Россію съ маршемъ шли,—всѣ весѣлости нашли.
Во Москву городъ вступили—по фатерамъ становили,
По фатерамъ—слободамъ, по купеческимъ домамъ.
Какъ Московскіе купцы, сказать право, что глушцы:
20. Дочерей своихъ скрывали, во чуланы запирали.
Дѣвки плакали—рыдали, что солдатъ мало видали.
Подъ окошечкомъ сидѣли, во стеколушко глядѣли,
Во стеколушко глядѣли, да отцевъ своихъ бранили:
«Дураки наши отцы, солдатушки молодцы,
25. «Лице бѣло, глаза сѣры, на постуку ²⁾ идутъ смѣло.»
Мы кивнемъ дѣвкѣ бровями: Пойдемъ въ лагеря за нами,
Поглядишь наши палаты, тамъ премилые солдаты!

(Записано П. В. К.—мъ 16 Авг. 1833 г.).

* *

Отсель передъ нами два обѣщанныхъ отдѣла, два главныхъ отдѣла пѣсней изъ времени Елизаветы и въ частности изъ эпохи Прусской войны: о *Чернышовѣ* и *Краснощокоевѣ*. Составные элементы, многія частности, образы, краски, черты, приемы, обороты, выраженія, зачала и концы, дѣльными вставочными пѣснями меньшаго объема и эпизоды, все это занято порою изъ пѣсней старшихъ, XVI—XVII вѣка (см. наши выпуски), наиболѣе изъ Петровскихъ (см. вып. 8), всего же ближе изъ Елизаветинскихъ и „Прусскихъ“, выше приведенныхъ; тутъ и Русскіе, и иностранные генералы эпохи, и Гроссъ-Егерсдорфъ съ Лопухиннымъ, и Кистринъ, и Берлинъ, и Шведы частію, а главнѣе Прусакъ, иногда же и позднѣйшіе Турки съ Французами: но все это сосредоточено вокругъ двухъ главныхъ лицъ, народныхъ и пѣсенныхъ героев—представителей времени. Обособленіе или, какъ приняла мы выражаться неизбѣжнымъ иностраннымъ словомъ, специализація состоитъ въ томъ, что: пѣсни имѣютъ свое особое начало или

¹⁾ Ср. выше пѣсни о Лопухинѣ.—²⁾ На выстуцъ, постуцью.

особый конецъ, неизмѣнно сопровождающіе и всюду отличающіе; свой условный складъ и размѣръ, даже напѣвъ, исключительно присвоенный.

Область раздѣлена между Чернышовымъ и Краснощокковымъ: но первому особенно отданъ Кистринъ, и именно съ Кистринскою тюрьмою, второму Берлинъ, хотя по связи, сходству или искаженію и другія нѣкоторыя мѣстности. Оба герои времени и герои народныя: но первый особенно для Русскаго государства и войска регулярнаго, второй для Земли Донской, для Донскаго козачества. О первомъ пѣсни сохранились больше въ Москвѣ и по радиусамъ ея влияния, о второмъ по Дону и между казаками. О первомъ въ началѣ пѣсней яркіе признаки—„Звѣзда,“ „Таланъ,“ „Молодость:“ о второмъ „Берёзынка,“ „Ковыль,“ „Дорожка,“ „Диковинка“ и т. п. При обоихъ Прускій Король: но при второмъ особенно въ образѣ эпическомъ и мы просимъ здѣсь замѣтить яркія черты древняго нашего богатства, даже мѣна (означенныя у насъ особо въ примѣчаніяхъ). О Чернышовѣ воспѣтое событіе частіе, опредѣленіе, сжатіе; о Краснощокковѣ шире по мѣсту и времени, обнимающая нѣсколько странъ и много лѣтъ.

При оцѣнкѣ и размѣщеніи отдѣльныхъ образцовъ, мы, какъ всегда, руководимся не исторіею, вышшею для творчества или такъ называемою „положительною,“ а у нѣкоторыхъ политическою, но исторіею и условіями самого пѣснотворчества.

Пѣсни о *Чернышовѣ* (или, лучше, одна развѣтвившаяся пѣсня) сложены на основаніи образцовъ болѣе древнихъ, гораздо прежде извѣстныхъ народу и называемыхъ „Темничными“ или „Тюремными,“ которые по содержанию своему легко переходили въ „Теремныя,“ о всякомъ простомъ заключеніи или одиночествѣ, какъ въ судьбѣ частныхъ семействъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ пѣли и поютъ эту пѣсню, въ основномъ образѣ ея, одинокій молодецъ, осиротѣвшая мать, оставленная или обманутая дѣвица: пѣляютъ на „Таланъ такой, участь свою горькую“ или „Звѣзду свою злосчастную,“ судьбину; передовой образъ пѣсни, звѣзда, поднявшаяся выше свѣтлаго мѣсяца или затмившая солнце красное, даетъ сравненію удобный поводъ противопоставить тьму заключенія, одиночества и горя, изъ „свѣтлой свѣтлицы“ сдѣлать „темную темницу,“ изъ „свѣтлаго терема“ создать „тюрьму.“ Въ быту, особенно при отношеніяхъ къ государству, принималось это ближайшимъ образомъ ко всякимъ „полоняникамъ,“ къ тому полону, который случался неизбѣжно при встрѣчѣ съ государевою казною, со врагомъ вышшимъ, на государевой службѣ: такъ называемые „несчастные,“ попавшіеся подъ кару закона, а еще легче разбойники—удалые молодцы, еще чаще люди служилые и казаки, доставшіеся въ плѣнъ неприятелю, взяли пѣсню себѣ въ ближайшее владѣніе. „Молодость ты моя молодецкая,“ размыканная страстями и похождениями, „Голова ль ты моя послуживая,“ дослужившаяся до темницы,—эти черты, звуки и выраженія вошли во внутреннюю, необходимую принадлежность пѣсни и выстѣ сдѣлались нагляднымъ признакомъ ея образцовъ. Итигъ угладился путь еще дальнѣйшему, уже новому и осо-

бому „примѣненію,“ чисто „историческому,“ въ смыслѣ виѣшнемъ и даже политическомъ, о лицахъ и герояхъ историческихъ: такое лицо примѣняло пѣсни къ себѣ, къ своему положенію, *яко ес' о себѣ*, пѣсня становилась *его пѣсню*; по обычному ходу постепенности, не разъ нами объясненному въ примѣрахъ, герой здѣсь выставлялъ *прямо себя и отъ себя*, потомъ рассказывалъ *о себѣ въ 3-мъ лицѣ*, потомъ разекизывали *объ немѣ*, и нерѣдко забѣгалъ, разумѣется, впередъ, такъ что въ пѣсни тамъ герой порою описывалъ даже собственную казнь свою или смерть. Старшее примѣненіе подобной пѣсни исторія пѣснотворчества застаётъ еще, пожалуй, при Святославѣ по Слову о Полку Игоревѣ, потомъ яснае и опредѣленіе при Ромашѣ по „Былянамъ Московскимъ,“ съ указаніемъ „на Голову“ посѣдѣвшую или на „Молодость“ растраченную (ср. у насъ вып. 8-й). Собственно же, на пути исторія положительной, закрѣплено твердо это примѣненіе впервые при имени и лицѣ *Брмана*, потомъ *Разина*, далѣе *Стрѣльцовъ* и за ними *Донцова* (при постигшей или постигавшей невзгодѣ смѣхъ двухъ послѣднихъ въ эпоху Петра), по мѣстностямъ же — при Москвѣ (и Нетербургѣ), при Азовѣ и при Дону, передъ лицомъ—Грознаго царя Московскаго или Султана Турецкаго. Обратнo, путемъ уже нисходящимъ, при разложеніи чертъ историческихъ изъ окрѣпшаго образа и склада, расходилась и разошлась эта пѣсня снова такъ сказать во внутрь земля и страны, по событіямъ частнымъ, семействамъ, лицамъ, безымяннымъ мѣлочкамъ, порою улося сюда и новья, кое-какъ дошедшія, черты изъ положительной исторія. Разошлась и расплзлась пѣсня по суку и по пути водному, по служилымъ всякимъ государевымъ людямъ, по всякимъ казакамъ, по Низовой вольницѣ, по разбойникамъ и „разбойничкамъ,“ по всемъ ~~полосничкамъ~~ тюремничкамъ, заключенничкамъ. Не забывая исторія виѣшней, можно отличить въ этомъ ходѣ и свою внутреннюю исторія пѣснотворчества: сложились свои признаки эпохъ, въ образахъ, въ складѣ стиха и всей пѣсни, въ оборотахъ и слововыраженіяхъ, въ напѣвахъ. Такъ Брманъ, съ Дономъ и Волгой, Азовомъ и царемъ Турецкимъ, не имѣетъ однако же въ этой пѣсни виѣшняго признака въ родѣ „Звѣзды,“ „Талана,“ и т. п.; то же и Разинъ, который специализируетъ свои пѣсни „Лѣсами темными,“ „Туманами,“ „Восходомъ красна солнышка“ и т. п. При Петрѣ Стрѣльцы, а рядомъ и другіе служивые старой службы, отличили „свою“ пѣсню „Головой-головушкою послуживою (чему помогла именно бѣда стрѣльцкихъ „Головъ“). На оборотъ Донцы при Петрѣ усвоили себѣ по преимуществу „Таланъ.“ Повизовые, особенно рѣчные, забрали и широко на привольѣ развернули „Молодость,“ съ прихотливыми развѣтвленіями пѣни этого имени. Тѣ же степные и бродяги сухопутные держатся обычіе „Стороны-сторонушки,“ начиная съ работъ Ладожскихъ и по лянїямъ до чужиковъ, до всехъ рабочихъ по капаламъ и дорогамъ, до извозчиковъ и такъ далѣе, пока отсюда выработался совершенно особый типъ „Степи,“ Саритовской, Моздоцкой, и всякой другой, въ пѣсни этого имени и признака. Пѣсни, вторично и обратнo разлагавшіяся изъ обломковъ историчес-

никъ или державшіяся простѣйшей первобытной основы, съ которой подилась нѣкогда и сама Былина Историческая, въ свою очередь усвоивали себѣ то одинъ, то другой признакъ, смотря по эпохамъ, мѣстностямъ и частнымъ лицамъ: тѣ, кои можно назвать „Петровскими,“ держатся еще „Звѣзды“ и „Таланъ,“ либо „Головушки“ и т. п., спускаясь далѣе и къ „Злодѣю Сердцу,“ и къ „Змѣѣ“ лютой тоскѣ, и т. п. (это уже болѣе внутреннее и личное, а вмѣстѣ болѣе частное и дробное). Смотрите примѣры сего и переходы въ нашемъ VII и особенно въ VIII выпускѣ. Разбойники въ смыслѣ болѣе тѣсножъ, который конечно суживался или точише опредѣлялся съ шагами развивавшагося государства, какъ воры, злодѣи и преступники (понятія и слова нѣкогда весьма условныя значеніемъ народнымъ, а послѣ техническія на языкѣ закона) взяли и заголовокъ себѣ сравнительно уже болѣе поздній, такъ сказать предметный и менѣе отвлеченный, практический, на примѣръ „Ты злодѣй-злодѣй земляна тюрьма,“ пока наконецъ явился и „Острогъ,“ и т. п. Какнѣ, видѣли мы, своимъ широкимъ размахомъ сумѣлъ захватить въ свою пѣсню отличіе, еще сравнительно болѣе древнее, прикимавшее къ Разинскому,—„Зеленую дубровушку“ съ ея „Шумомъ.“

Пѣсня Чернышова и объ Чернышовѣ вся этой самой плоти и этихъ самыхъ костей: но къ ней донеслась и съ тѣхъ поръ стала главнымъ, отличительнымъ, специальнымъ ея признакомъ „Звѣзда восточная.“ Такое заголовокъ: внутри сбереглись и черты другія. Мы должны такъ представлять себѣ путь ея постепеннаго сложенія: внутри ея самой обличается зерно, изъ котораго развилась она. Въ первыхъ, и лучшихъ (относительно самого творчества) образцахъ, за симъ печатающихся, Чернышовъ въ неволь—въ полу—въ тюрьмѣ: по народному представленію онъ въ этомъ положеніи непременно долженъ затянуть известную обычную пѣсню; онъ и дѣйствительно затягиваетъ пѣсню „Таланъ.“ Эта пѣсня, какъ онъ самъ ее называетъ и называетъ за него народъ, есть пѣсня „своя“ ему, своя „любимая,“ „служивая (ср. выше „Головушку послуживую,“ „старую“ или „любимую“ пѣсню Каина и т. п.).“ Какъ скоро раздалась изъ устъ Чернышова эта пѣсня, она, известной притягательной силою, должна была притянуть сюда изъ той же народной области и другія однородныя: рядомъ съ „Таланомъ,“ по развѣтвившимся образцамъ, онъ поетъ и „Головушку,“ а за тѣмъ и „Молодость;“ еще шагъ—и эти признаки становятся уже въ заголовокъ пѣсни, вытѣсняя специальное ея отличіе „Звѣзду восточную.“ Но, съ другой стороны, какъ скоро прозвучали пѣсни съ этими заголовками, какъ скоро онѣ свили свой хоръ вокругъ лица Чернышова, тотчасъ, какъ мы знаемъ, должны были явиться и всѣ другія, известныя изстари, черты и знакомые образы: мрачная темница, въ ней Чернышовъ сидитъ девять, и даже тридцать лѣтъ и три года, онъ отrostилъ себѣ боролушку, посѣдила его служивая головушка, мимо идетъ виновникъ пологна, случайно узнаетъ объ заключенномъ, плѣнникъ требуетъ свободы, а пожалуй и грозить, и угрозу выполнять, и точно освобожденъ, и нака-

залъ вороговъ за тюрьму,—однимъ словомъ, отъ самаго Ермака все очень хорошо намъ извѣстное. Сколько тутъ есть исторіи положительной и политической,—не наше уже дѣло, ибо не дѣло народнаго творчества. Виновникъ можетъ быть легко и султаномъ Турецкимъ, мѣсто заключенія можетъ смахивать на Азовъ, плѣнникъ пишетъ пожалуй и къ Донцамъ,—смотря потому, если пѣсня у Донцовъ поется. Но, какъ „Звѣзда восточная“ специализировала пѣсню о Чернышовѣ, такъ есть и другіе признаки, въ томъ или другомъ образцѣ закрѣпившіе ея историчность и специальное историческое прижвненіе: это, въ лучшихъ образцахъ,—*Истрия*, виновникъ — *Прусскій Король*, письмо *къ государынь*, а еще больше нераздѣльное имя — самъ *Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ*. Имя его уже трудно подставить или замѣнить другимъ, хотя бы даже въ образцахъ попортившихся: оно составляетъ собою цѣлый стихъ, оно условило весь складъ и размѣръ пѣсни—*ея девять слоговъ* (подобно какъ въ другихъ, см. выше, „Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ“, „Карамышевъ князь Семенъ Константиновичъ“ и т. п.). Еще больше: этотъ размѣръ въ 9, а порою сходный въ 11 слоговъ (см. въ прежнихъ выпускахъ), на переходѣ изъ Эпоса къ Элегіи, отъ Былины къ пѣснямъ Безымяннымъ и частнымъ, усвоенъ особому роду пѣней, обычно выражающихъ горе съ переходомъ на концѣ въ радость, и сопровождается потому особеннымъ *мальвомъ*, то-но-веселымъ (въ началѣ протяжнымъ, но съ паденіемъ въ концѣ и съ заключеніемъ болѣе живымъ). Напѣвъ *свой* неразрываетъ съ этою пѣсню о *Чернышовѣ* и, вытеская изъ условій ея сущности, въ свою очередь поддерживаетъ доселѣ историческую ея подлинность. Послѣ прижвненія историческаго къ Чернышову, гдѣ держался еще области извѣстныхъ Былинъ, онъ перешелъ вскорѣ къ пѣсни Безымянной, похожаго содержанія, именно къ извѣстной—

„Между Кóломной и Бронницей,

Между рѣчками стремнистыми (см. ее послѣ);“

а наконецъ затвердѣлъ, хотя съ измѣненіемъ, при извѣстной же, но совершенно уже частной и „любвонной“—

„Здравствуй, милая, хорошая,

Чернобровая, пригожая (еще дальше въ концѣ ее растянули до

11-ти слоговъ, прибавивши „моя“).“

Таковы судьбы, намъ теперь ясныя, „Исторической Былевой пѣсни о Чернышовѣ.“

Мы начинаемъ съ образцовъ по всему лучшимъ, гдѣ въ заголовкѣ „Звѣзда“, внутри „Таланъ“, съ чертами, тѣсно примыкающими къ образцамъ старшимъ и основнымъ, только лишь обособленными по своему:

Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.

1.

(Шенкурскъ, Арханг. губ.).

Ты звѣзда, звѣзда восточная!
Высоко звѣзда восходила:
Выше свѣтлаго мѣсяца,
По завью красна солнышка ¹⁾.

5. Во землѣ было во Пруссіа,
Во Кистринѣ, славномъ городѣ.
За Кистринскими воротами,
Во саду было, во вишенѣ,
Во зелѣномъ виноградницѣ,
10. Тутъ стояла свѣтла свѣтлица ²⁾.—
Заключѣвна заключѣвница ³⁾,
Со косящатымъ окошечкомъ,
Со стекольчатой окóленкой,
Со желѣзной со рѣшоточкой;
15. Что у этой свѣтлой свѣтлицы,
Заключѣвной заключѣвницы,
Были двери всё желѣзныя,
Ободвѣрины укладныя ⁴⁾,
А пробойцы—то булатныя.
20. А замокъ былъ въ полтора пуда,
Полтора пуда съ четвертью ⁵⁾.
Какъ во этой свѣтлой свѣтлицѣ,
Заключѣвной заключѣвницѣ,
Тутъ сидѣлъ да посидѣльщикекъ.
25. Онъ по свѣтлицѣ погуливаетъ,

¹⁾ Выше солнышка при его восходѣ (явленіи).—²⁾ Остатокъ еще древнѣйшаго образа, отвѣчающаго свѣтлой звѣздѣ и теперь перешедшаго на самое дѣлѣ въ темную темницу (ср. ниже въ другихъ образцахъ).—³⁾ Тюрма для заключеннаго.—⁴⁾ Стальныя.—⁵⁾ Д. б. „со четвертью.“

- Золотú трубку раскуриваетъ ⁶⁾.
 Запѣваетъ свою пѣсенку,
 Свою пѣсенку любимую,
 Свою пѣсенку служивую:
30. «Ты таланъ ли мой, таланъ лихой,
 «Злая участь, горе горькое!
 «На роду ⁷⁾ мнѣ Господь писалъ—
 «Одному горе измыкати!»

- Мимо этотъ садъ и вишенья
35. Случилося итти-ѣхати
 Самому Королю Прусскому,
 Королевскому величеству.
 Какъ завидѣлъ посидѣльщикекъ
 Изъ косящата окошечка.
40. Во стекольчату околенику:
 «Ахъ ты гой еси, Прусскóй Король,
 «Королевское величество!
 «Ты умѣлъ меня въ полонъ пойшать.
 «Ты умѣлъ меня въ тюрьму садить:
45. «Прикажи меня поить-кормить;
 «Не прикажешь ⁸⁾ поить-кормить.
 «Прикажи меня на Русь пустить;
 «Не прикажешь ли на Русь пустить,
 «Прикажи меня скорѣй сказати!»
50. Остоялся ⁹⁾ самъ Прусскóй Король,
 Королевское величество:
 —Ахъ ты гой еси, Россійскій графъ,
 —Чернышовъ Захаръ Григорьевичь!
 —Ужь ты будешь ли по мнѣ служить?
55. —Коли будешь ты по мнѣ служить,
 —Прикажу тебя поить-кормить
 —Прикажу дать двойно жалованье.—
 Закричалъ тутъ ¹⁰⁾ Россійскій графъ,
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичь:

⁶⁾ Ср. выше Лоухина.—⁷⁾ Должно быть: „на роду мнѣ“ или „на роду.“ —
⁸⁾ Прибавьте *мнѣ* или *мы*.—⁹⁾ Остановился.—¹⁰⁾ Д. б. „тутъ.“

60. «Ахъ ты гой еси, Прусской Король,
«Королевское величество!
«Кабы былъ я на своей волѣ,
«Я бы радъ былъ ¹¹⁾ тебѣ служить—
«На твоей бы буйной головѣ,
65. «На твоей бы шеѣ бѣлыя!»
Какъ спроговорить Прусской Король,
Королевское величество:
— «Посиди-ка ты во той тюрьмѣ,—
— Наберѣшься ума-разума!—
70. Закричалъ тутъ посидѣльщикъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
«Напишу я свою грамотку
«Не перомъ ¹²⁾, не чернилами.
«А своими горячьми слезьми,
75. «Превеликой государынѣ ¹³⁾,—
«Еще не што ¹⁴⁾ наша матушка,
«Превелика государыня,
«На подмогу бы силы прибавила,
«Артилеріи бы къ намъ подкатила!»
80. Еще Прусской Король
Не доѣхалъ до своего дворца ¹⁵⁾,—
Ужь и пушечки запукали
Во славной ¹⁶⁾ Кистрингъ-городѣ.
Обездолился Прусской Король.
85. Королевское величество;
Выпускалъ же онъ посидѣльничка,
Отвозилъ къ царю Бѣлому ¹⁷⁾,
Превеликой государынѣ;
Онъ просилъ замиренница ¹⁸⁾:

¹¹⁾ Д. б. „Я бы радъ бы былъ.“—¹²⁾ Д. б. „Не перомъ л,“ или и, ии.—¹³⁾ Елизаветъ.—¹⁴⁾ Чтобы; какъ бы пожалуй, авось либо.—¹⁵⁾ Д. б. „Еще тотъ былъ Пр. К., Не доѣхалъ до своего дворца.“—¹⁶⁾ Д. б. „Что во славной.“ И въ другихъ мѣстахъ ожидается исправленіе снмъ способомъ, согласно разиру стиховъ и складу пѣсни.—¹⁷⁾ Связь съ эпохою пѣсней Цетровскихъ (ср. вып. 8), хотя „царь Бѣлый“ и растолкованъ далѣе „государыней.“—¹⁸⁾ Ср. выше просьбы о мирѣ со стороны короля Шведскаго,

90. —Превелика государыня!
 —Помирися со мной, Прусскійъ Королежь.—
 Говорить тутъ посидѣльщикекъ ¹⁹⁾.
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
 «Превелика государыня!
95. «Не мирися съ Прусскійъ Королежь:
 «Мы возмемъ его Кистринъ-городъ,
 «Разобьемъ Кистрински крѣпости!»

(Записано г. Н. Борисовымъ, въ Декабрѣ 1845 г.; доставлено М. П. Погодинымъ).

*

2.

(Губ. Сибирской, с. Станичное).

- Высокó, братцы, звѣзда взошла:
 Выше лѣсу—выше тѣмнаго,
 Выше ельничку—березничку;
 Далекó звѣзда осьяила:
 5. Осьяила во Кистринъ-городъ.

- Во Кистринѣ было въ городѣ,
 За Кистринскими ворóтами,
 Стояла тутъ свѣтла свѣтлица,
 И со красными окошками.
10. Въ той ли ¹⁾ свѣтлой свѣтлицѣ
 Сидѣлъ тутъ доброй молодець,
 Доброй молодець, Россійской графъ,
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ по свѣтлицѣ похаживаетъ,
15. Самъ бѣлыми руками помахиваетъ ²⁾,
 Табаку трубку раскуриваетъ.

перенесении потомъ на Пруссаго; о связи дѣлъ Прусскихъ со Шведскими выше и ниже.—¹⁹⁾ Или въ письмѣ, или уже лично самой государынѣ (предупрежденіе): ср. въ другихъ образцахъ.

¹⁾ Должно быть: „Что въ той ли.“—²⁾ Д. б. „Самъ бѣлы руки помахивать“ или въ этомъ родѣ.

- Онъ поеть пѣсни, какъ дѣсь шумить ³⁾:
 «Ужь Таланъ ли мой, таланъ худой,
 «Али участь моя горькая!
20. «На роду ли таланъ уродился,
 «Жеребью ли участь досталася?
 «Людей ли у людяхъ не было ⁴⁾,
 «Въ полону ли быть бы некому,—
 «Въ полону быть мнѣ, добру молодцу ⁵⁾!»
25. Случилось туто ѣхати
 Самому Королю Прусскому;
 Онъ и ѣхаль—остановился:
 —И что это за свѣтлица,
 —И что это въ ней за человекъ сидитъ? —
30. «Тутъ человекъ сидитъ—Россійской графъ ⁶⁾.»
 —Ты скажи мнѣ имя—отество ⁷⁾,
 —Послужи ты мнѣ вѣрой—правдою,
 —Вѣрой—правдой неизмѣнною:
 —Черезъ чинъ я буду тебя жаловать.—
35. Что возгворитъ Россійской графъ:
 «Охъ ты гой еси, Прусскій Король!
 «Нѣтъ теперъ при мнѣ, при молодцѣ,
 «Нѣту сабли вострой ⁸⁾:
 «Послужилъ бы я надъ твоей надъ буйной головушкой!
40. «За кого я присягу принималъ,
 «За того я и умереть должонъ ⁹⁾!»

(Отъ Ямкова).

*

³⁾ Ср. выше отрицательное сравненіе, — „Не шуми — дубровушка.“ —
⁴⁾ По жеребью ли эта участь досталася? Или не было въ людяхъ другога
 человекъ на эту долю?—⁵⁾ „мнѣ“ лишнее.—⁶⁾ Д. б. „Человекъ сидитъ—Р.
 гр., Черн. З. Григ.—“⁷⁾ Старшая форма отъ корня „от.“—⁸⁾ „Нѣту сабли
 при мнѣ вострой.“ Потерявъ сладъ первобытнй, пѣсня обычно натяги-
 ваетъ размѣръ искусственнымъ протяженіемъ гласныхъ.—⁹⁾ Прибавка сол-
 датская.

3.

(Рязанск. губ.).

Высоко—то звѣзда восходила:
 Что надъ славнымъ надъ Кистриннымъ—городомъ,
 Надъ Кистринскими воробами ¹⁾.

Тамъ стояла тѣмная тѣмница,

5. Распроклятая заключеница:

Засажонъ тамъ былъ Россійскій графъ
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ по тѣмницѣ похаживаетъ,
 Табаку трубку раскуриваетъ,

10. Про свою участь рассказываетъ:

«Охъ ты участь моя горькая,—
 «На роду ли мнѣ написана,
 «Иль по жеребью досталася, —
 «Что сидѣть ли мнѣ въ тѣмной тѣмницѣ,

15: «Распроклятой заключеницѣ!»

Случилось тутъ Прусу вхати;

Увидалъ онъ тѣмну тѣмницу,

Онъ и сталъ тутъ выпрашивать:

—Для чего тутъ часовой солдатъ ²⁾ стоять,

20. —Или кто тутъ засажонъ сидитъ?—

«Ужъ ты гой еси, Прускій Король,

«Королевское величество!

«Засажонъ туто Россійскій графъ,

«Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.»»

25. Какъ всходилъ Король во тѣмницу,

Тутъ возговоритъ Россійскій графъ,

Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:

«Ужъ ты гой еси, Прускій Король!

¹⁾ Загѣвъ сливается съ послѣдующимъ разказомъ.—²⁾ „солдатъ“ лишнее.

- «Прикажи меня понть-кормить;
 30. «Не прикажешь ты понть-кормить,
 «Прикажи на волю выпустить;
 «Не прикажешь на волю выпустить,
 «Прикажи меня скорѣ казнить!»
 Какъ возгѣворить Прусской Король:
 35. —Ужь ты гой еси, Россійскій графъ,
 —Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ!
 —Послужи мнѣ вѣрой-правдою,
 —Какъ служилъ ты царю Бѣлому! —
 «Ужь ты гой еси, Прусской Король!
 40. «Послужилъ бы я тебѣ вѣрой-правдою,
 «Если бѣ была бы моя сабля вострая,
 «Надъ твоею шеей толстою!
 «Напишу я на Донъ грамотку ³⁾:
 «Всѣ козаки возволнуютсѣ!»
 45. Не успѣлъ онъ рѣчь окончити,
 Какъ нагрянули Донскіе козаки:
 Загремѣла артилерія,
 Засверкали сабси вострыя,
 И разбили весь Кистринъ-городъ ⁴⁾.

*

4.

(Земля Войска Донскаго).

Ой зоря моя — збрюшка,
 Ты зоря моя вечерняя ¹⁾,
 Ты звѣзда моя восхожая!
 Высоко звѣзда восходная:
 5. Выше лѣсу выше тѣмнаго,
 Выше садику зелѣнаго,
 Выше города Костринскаго.

³⁾ Признакъ того, что лѣсня употреблялась ужь на Дону или Донцами —

⁴⁾ Въ концѣ прибавка прозаическая, на книжный ладъ.

¹⁾ Изъ другихъ записковъ, но по тому поводу, что зоря часто сблизается въ пѣсняхъ со звѣздамъ.

- Надъ Костры́нскими ворóтами,
 Какъ стоялъ тамъ сыръ-зелёный садъ,
 10. Сыръ-зелёный садъ, со вишенкой;
 Ой во томъ ли во зелёномъ во саду,
 Стояла тамъ темная тёмница,
 Распроклятая заключевница:
 Подъ ключомъ ²⁾ сидитъ невольничекъ,
 15. Невольничекъ Россійскій графъ,
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ по тёмницѣ похаживаетъ,
 Ръзвья ³⁾ ноженьки уталиваетъ ⁴⁾,
 Бѣлы ручушки поламливаетъ,
 20. Часто въ окошечко посматриваетъ:
 . Что не ѣдетъ ли Прускóй Король,
 . Королевское величество,
 . Со своими бригадирами ⁵⁾.

- Случилось ⁶⁾ королю ѣхати,
 25. Случилось младцу ⁷⁾ видѣти:
 «Ахъ ты батюшка, Прускóй Кóроль!
 «Прикажи, сударь, поить-кормить,
 «Прикажи на волю выпустить ⁸⁾!»
 —Когда будешь Королю служить,
 30. —Прикажу ⁹⁾ поить-кормить,
 —Прикажу на волю выпустить ¹⁰⁾.—

- «Ой, Таланъ ты мой, худой таланъ,
 «Злое несчастье ¹¹⁾ моё горькое!
 «Знать на роду молодцу написано
 35. «И по жребію ¹²⁾ досталось,
 «Что сидѣть молодцу во тёмницѣ,

²⁾ Въ заключеніи.—³⁾ Д. б. „Ръзвы“.—⁴⁾ Расширенная форма отъ „уталять“: ухаживаетъ, размариваетъ ходьбой.—⁵⁾ Известный намъ приёмъ „предупрежденія (Король проѣхалъ мимо случайно).“

⁶⁾ Д. б. „Случилось“.—⁷⁾ Ошибка вмѣсто „младца“, Чернышова.—⁸⁾ Пропущено: если не будешь поить-кормить.—⁹⁾ Добавьте „тебя“.—¹⁰⁾ За снѣтъ пѣснь Чернышова оставлена къ концу, какъ выраженіе отчаянія.—¹¹⁾ Дурно записано: „Зло несчастье“.—¹²⁾ „И по жребію“.

«Въ распроклятой заключеницѣ,
 «Знать отъ младости до старости!
 «Наточу жь я шашку острую,
 40. «Перерублю ¹³⁾ жь я шею толстую ¹⁴⁾!»

(Ср. сборникъ г. Савельева 1866 г.).

*

5.

(Черниговскія Слободы).

Ты звѣзда ль моя ты, звѣздочка,
 Ты звѣзда ль моя восходяя,
 Ты звѣзда ль моя золотая!
 Высокó ты, звѣзда, восходила:
 5. Выше солнца, выше мѣсяца,
 Выше облака ходячаго,
 Выше лѣсу ли стоячаго,
 Выше лѣсу выше тѣмнаго,
 Выше садика зелѣнаго,
 10. Освѣтила весь Кистринъ—то градъ.

Подъ Кистринскими воротами
 Какъ стояла темна тѣмница:
 Какъ во той ли темной тѣмницѣ
 Засажонъ сидитъ Россійскій графъ,
 15. Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ по тѣмницѣ похаживаетъ
 Да бородушку поглаживаетъ:
 Отростилъ себѣ бородушку
 Ниже пояса шелковенькаго,
 20. Отростилъ себѣ русы кудри
 По самыя могутныя плечики.
 Случилось тамъ Прусу ѣхати
 Мимо той ли темной тѣмницы:
 —Ужь и кто здѣсь засажонъ сидитъ?—

¹³⁾ „Перрублю.“—¹⁴⁾ Конецъ такъ дурно выходитъ, какъ будто Чернышовъ грозитъ самому себѣ: между тѣмъ „шея толстая“ у Прусскаго Короля, какъ въ другихъ пѣсняхъ у Татарина и всякаго иностранца или врага.

25. «Засажонъ сидитъ Россійскій графъ,
 «Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ ¹⁾»
 «Прикажи, сударь, поить-коумить,
 «Аль на волю вели выпустить:
 «Послужилъ онъ царю Бѣлому,
 30. «Послужилъ онъ правдой-вѣрою,
 «Помахалъ онъ саблей вострою
 «Надъ своею ²⁾ шеей толстою.»

(Запис. Д. Н. Рыбниковымъ, ср. наше изданіе т. II).

*

Слѣдующій образецъ теряетъ обычный запѣвъ, но за то внутри похваляетъ уже два пѣсни Чернышова, „Таланъ“ и „Головушку“:

6.

(Губ. Орловской).

- За Кистрѣнскими воротами,
 Тутъ стояла нова горница,
 По Россійски темна тѣмница ¹⁾:
 Какъ во этой темной тѣмницы
 5. Посажонъ былъ тутъ невольничекъ,
 Что невольничекъ Россійской графъ,
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ ни годъ сидѣлъ, ни два года
 А сидѣлъ ровно тридцать трѣ года:
 10. Отростилъ онъ себѣ рыжу бороду ²⁾
 До шелковаго до поясу,
 Русыя ³⁾ кудри до могучихъ плечъ.
 Онъ сидѣлъ, бѣдный, посиживалъ,
 Головой буйной покачивалъ ⁴⁾:
 15. «Голова ль моя, головушка,
 «Голова ль моя побѣдная ⁵⁾,

¹⁾ Слѣдующее, хоть и въ 3-мъ лицѣ, принадлежитъ, какъ мы знаемъ, самому Чернышову.—²⁾ Вотъ уже какъ далеко простерлась порча.

³⁾ Помянутый переходъ отъ „свѣтлой свѣтлицы“ къ „темной тѣмницѣ“ народъ объясняетъ уже какъ „Русское толкованіе.“—⁴⁾ Порча дальше и дальше.—⁵⁾ „Русь.“—⁴⁾ Народъ создаетъ особый образъ, чтобы по этому поводу подойти къ пѣснѣ „Головушкѣ.“—⁵⁾ Бѣдная, въ бѣдахъ.

«Што побѣдна, безотечная,

«Безотечная, молодецкая ⁶⁾!»

«Охъ, Таланъ ли мой, таланъ такой:

20. «Ни въ роду ли мнѣ написано,
«Ни къ смерти ли приговорень я ⁷⁾!»

Какъ случилось Прусу ѣхати:

«Охъ ты гой еси, Прусской Король,

«Прикажи, сударь, поить-кормить,

25. «Прикажи, сударь, на волю выпустить!»

(Запис. г. Якушкинымъ).

*

Въ слѣдующихъ двухъ образцахъ вставочная пѣсня изнутри перенесена въ заголовокъ:

7.

(Сибирскъ).

«Ты Таланъ ли мой, таланъ худой,

«Или участь моя горькая!

«На роду участь написана,

«Или такъ со мной случилось,

5. «Что сидѣть мнѣ въ тѣмной тѣмницѣ,

«Распроклятой заключеницѣ!

«Какъ сидѣлъ я ровно девять лѣтъ ¹⁾.»

На десятомъ году случилось мимо ѣхать ²⁾

Самому ли Королю Прусскому.

10. Мимо самой тѣмной тѣмницы ³⁾:

«Тутъ засажень былъ Россійскій князь ⁴⁾.

«Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.»»

Какъ возгворилъ Россійскій князь

Самому ли Королю Прусскому:

15. «Ахъ ты гой еси, Прусской Король,

⁶⁾ За симъ пѣсня вторая.—⁷⁾ Плохо, порча.

¹⁾ Извѣстное намъ перенесеніе съ 1-го лица на 3-е и обратно.—²⁾ Стихъ „Случилось мимо ѣхати“ самъ обличаетъ позднюю прибавку „на десятомъ году.“—³⁾ За симъ, какъ знаемъ, слова стражей на вопросъ короля.—

⁴⁾ „Князь“ еще болѣе поздняя поправка къ забытому „Графу.“

«Прикажи, сударь, поить-кормить,
 Изъ неволи князя выпустить!»
 Какъ возгóворилъ Прусской Король,
 Королевское величество:

20. — Послужи мнѣ вѣрой-правдою,
 — Какъ служилъ ты царю Бѣлому,
 — Царю Бѣлому, Петру Первому ⁵⁾! —
 Какъ возгóворилъ Россійскій князь:
 «Послужилъ бы вѣрой-правдою, —
 25. «Нѣтъ у меня сабли вострыя!
 «Послужилъ бы вѣрой-правдою
 «Надъ твоею шеей толстою!»

- Лишь успѣлъ князь слово молвити,
 Чуть успѣлъ Король уѣхать, —
 30. Изъ-за лѣсу изъ за тѣмнаго,
 Изъ-за горъ было за высокинхъ,
 Не грозная туча подымалася, —
 Восходила тутъ Русская армія,
 Русска армія царя Бѣлаго,
 35. Царя Бѣлаго, Петра Перваго.

(Записано Дя. А. Валуевскимъ).

*

8.

(Москва).

Ужь Таланъ-то, таланъ ли мой такой,
 Али участь моя горькая!

Ты звѣзда моя восточная!
 Высоко звѣзда восходила:
 5. Выше лѣсу выше тѣмнаго,

⁵⁾ Извѣстная намъ связь пѣсень XVIII вѣка съ Петровскими, а если уже „Царь Бѣлый,“ то опять по привычкѣ и требованью общаго стиха „Петръ Первый.“

Выше облака ходячаго.

- За канавой за глыбокою,
 За стѣною бѣлой-каменной ¹⁾,
 Какъ стояла тутъ темная тѣмница,
 10. Что тѣмная, заключѣнная:
 Какъ во той ли тѣмной тѣмницѣ
 Засажонъ сидитъ Россійскій графъ,
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ по тѣмницѣ похаживаетъ,
 15. Золоту трубку покуриваетъ:
 Отростилъ свои волосыньки
 Что по самые могучі плеча,
 Отростилъ свою бородушку
 Что по самый по шелковъ поясъ.
 20. Ужь возгворитъ Россійскій графъ:
 «Ужь велитъ-ли Богъ на Русь выдочить ²⁾,
 «Отплачу я Королю Прусскому,
 «Не мытьемъ, такъ я катаньемъ!»

- Случилось мимо ѣхать тутъ
 25. Самому Королю Прусскому.
 Ужь какъ возгворитъ Россійскій графъ:
 «Охъ ты гой еси, Король Прусской!
 «Прикажи меня поить-кормить;
 «Не прикажешь поить-кормить,
 30. «Прикажи скоро казнить;
 «Не прикажешь скоро казнить,
 «Прикажи на волю выпустить
 [«Не прикажешь на волю выпустить,
 «Прикажи скоро казнить ³⁾»]
 35. «Отпишу я на Русь грамотку,

¹⁾ Потерявъ Кистринъ и мѣстность историческую, народъ старается вернуться и обойтись чертами общими, выраженіями почти отвлеченными.—

²⁾ Первоначально *выдочать* (ча съ носовымъ), откуда дальнѣйшее *выдочать* (вы-до-чек-а-ть: ча въ чекъ и чм, потомъ въ чек): дожидаться чего ни будь, добиться выжиданіемъ, выжидая терпѣливо съ самаго начала до известнаго предѣла.—³⁾ Совсѣмъ лишнее повтореніе.

- «Что къ самѣй-ли государынѣ:
 «Государыня отишетъ на Донъ грамотку
 «Къ самому ли Краснощокому ⁴⁾:
 «Козаки съ Дону подымутся,
 40. «Что козаки со Татарами,
 «Черемисы со Башкирами ⁵⁾.»
 Ужь какъ взгѣворить Король Прусской:
 —Охъ ты гой еси, Россійскій графъ,
 —Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ!
 45. —Послужи мнѣ вѣрой-правдою,
 —Какъ служилъ царю Бѣлому!—
 Ужь какъ взгѣворить Россійскій графъ,
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
 «Если бѣ была у меня сабля вострая,
 50. «Послужилъ бы я надъ твоей головой,
 «Надъ твоею шеей толстою!»

(Записано со словъ старухи).

*

Слѣдующій за симъ образецъ замѣняетъ уже „Таланъ“ и „Головушку“ среднюю „Молодость“ и также выносить ее въ заголовокъ пѣсни, а на мѣсто „Пруссаго“ ставитъ короля „Шведскаго“:

9.

(Губ. Сибирской).

Охъ ты молодость моя, молодость,
 Красота молодецкая!
 Истаскала я свою молодость
 Не въ корысти, не въ радости.—
 ѓ. Въ чужой-дальней сторонущкѣ,
 Въ Шведской поземлюшкѣ ¹⁾!

¹⁾ Связь съ современникомъ Краснощоковымъ, о которомъ ср. ниже.—

²⁾ Такъ изъ древности имя „козаковъ“ вызываетъ за собою, изъ глубины, разныхъ восточниковъ, противъ которыхъ первоначально и развилось козачество, но которые впоследствии раздѣляли службу легкой конницы съ козаками.

³⁾ Связь войны Прусской со Шведскою и взаимныя перенесенія образовъ или выражений намъ уже известны.

- Во Кистринѣ славномъ городѣ,
 За Кистринскими воротами,
 Сидѣлъ тутъ невольничекъ,
 10. Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
 Случилося тутъ ѣхати
 Тому же Королю Шведскому,
 Королевскому величеству;
 А возгворить тутъ Россійскій графъ,
 15. Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
 «Гой еси ты, Шведской Король!
 «Прикажи поить—кормить
 «И на волю выпустить ²⁾!»
 И возгворить Россійскій графъ,
 20. Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
 «Гой еси ты, Шведской Король!
 «Кабы у меня былъ добрый конь
 «Да сабля острая,
 «Послужилъ бы я на твоей шеѣ толстыя!»

(Запис. Ямковымъ).

*

Съ этимъ краткимъ образцомъ связанъ еще кратчайшій другой, который представляетъ, казалось бы, простѣйшую основу и первобытную редакцію подлинника:

10.

(Оттуда же).

- Во Кистринѣ было городъ,
 За Кистринскими воротами,
 Тутъ стояла тѣмна тѣмница.
 Ахъ, во той ли тѣмной тѣмницѣ,
 5. Засажонъ былъ тутъ Россійскій графъ,
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
 Сидѣлъ онъ ровно тридцать лѣтъ.

²⁾ За симъ пропускъ, который пополняется предыдущими образцами.

Случилось итти—взяти

Самому Королю Прусскому.

10. Какъ увидѣлъ тутъ Россійскій графъ,

Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ,

Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:

«Ахъ ты батюшка, Прусской Король!

«Прикажи меня помть—кормить;

15. «Не прикажете помть—кормить,

«Прикажете меня выпустить!»

(Запис. также Языковымъ).

*

На самомъ же дѣлѣ образцы этого рода, не краткіе, а „сокращенные“, пошли, какъ убѣждаемся и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, изъ Москвы и по ея вліянію. Никогда не нужно забывать, что историческія пѣсни изъ половины XVIII вѣка поступили уже съ 70-хъ годовъ въ печать пѣсенники (Чулкова и Новикова въ особенности), а эти послѣдніе появились точнымъ отпечаткомъ съ рукописныхъ, ходившихъ тогда по Москвѣ же или въ Москву сосредоточившихся: воспѣтыя событія и самыя пѣсни были слишкомъ еще свѣжи, слишкомъ живы; пѣли, записывали и даже печатали живые современники событій, очевидцы, участники, вѣроятно отчасти (въ солдатскихъ) и сами слагатели. Съ другой стороны, необходимо при этомъ помнить, что въ Москвѣ же, этомъ средоточіи пѣнія, письма и печати пѣсенниковъ, послѣдовательно другъ за другомъ были начальниками самою герою, воспѣтыя пѣснями: довольно назвать Салтыкова, Чернышова и Прозоровскаго. Понятно, въ какомъ видѣ должна была явиться пѣсня, про нихъ же сложенная, въ ихъ вѣдомствѣ ближайшемъ повторявшаяся, при нихъ записанная и подъ ихъ управленіемъ въ Москвѣ печатавшаяся. Конечно, тутъ прежде всего выигрывала подлинность и всякая черта исторіи дѣйствительной: мы должны неколебимо убѣдиться, что въ пѣсняхъ этихъ вовсе не выдумки, не мечтанья, не чистый или голый эпосъ. Но съ тѣмъ же вмѣстѣ, разумѣется, многое, ходившее въ воображеніи и устахъ народа, должно было очиститься отъ прибавокъ, отъ прикрасъ, а за этимъ и отъ многихъ красокъ или красотъ, и отъ образовъ, и—даже отъ правды творчества. Если не сами правители, то книжники и печатники въ угоду имъ считали своей обязанностью „очищать“, „поправлять“, а оставляя голую суть и за недостаткомъ красокъ народныхъ, по своему „подкрашивать.“ Доходило, какъ мы видѣли и еще увидимъ, до того, что самыя имена прятали, замѣняли или подмѣнивали: многіе пѣсенники въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка очевидно остерегались у себя помѣщать, а другіе считали безопаснѣе даже вовсе не печатать вещей подобныхъ. Такинь-то образомъ, если уже въ Бѣлоруссіи, гдѣ правилъ Чернышовъ, хорошо помнили современники, что онъ потерялъ заключеніе у Прусаковъ

въ Семилѣтнюю войну (ср. Записки Добрынина въ „Р. Старинѣ“), то тѣмъ лучше знали объ этомъ въ Москвѣ, гдѣ онъ закончилъ свою дѣятельность. И вотъ въ какомъ видѣ, отнюдь не первобытною творчески, но тѣмъ не менѣе крайне важномъ исторически, получаемъ мы пѣсню о Чернышовѣ по первопечатнымъ Московскимъ пѣсенникамъ:

11.

(Москва).

- Что подѣ славнымъ было городомъ ¹⁾,
 Подѣ стѣною бѣлокаменною,
 Что подѣ той стѣной Кистринскою,
 Во саду было—во вишенѣ,
 5. Во зелѣномъ виноградницѣ,
 Тутъ стояла свѣтла свѣтлица.
 Со косящетыи окошечкомъ:
 Что во той ли свѣтлой свѣтлицѣ
 Посажонъ сидитъ Россійскій графъ ²⁾.
 10. Онъ по свѣтлицѣ похаживаетъ,
 Онъ руками размахиваетъ ³⁾,
 Онъ въ окошечко поглядываетъ,
 Свою армію высматриваетъ ⁴⁾.

- Лучилося мимо ѣхать ⁵⁾
 15. Самому Королю Прусскому:
 Лучилось ⁶⁾ голосъ слышати ⁷⁾.
 Что заговоритъ Король земли Прусскія,
 Королевское величество:
 —Ой ты гои еси, Россійскій графъ!
 20. —Послужи мнѣ вѣрой—правдою,
 —Вѣрой и правдой ⁸⁾ неизмѣнною,
 —Какъ служилъ царю Бѣлому,

¹⁾ Поэтический закъвъ уже утраченъ.—²⁾ Имя собственное спрятано.—
³⁾ Проаналитическія черты, которыми замѣнили образъ народный и пѣсню изъ устъ Чернышова.—⁴⁾ Ожидаетъ, для освобожденія.—⁵⁾ Ц. б. „ѣхать,“ какъ сейчасъ „слышать.“—⁶⁾ А здѣсь д. б. „лучилося.“—⁷⁾ Какой? Это голосъ пропущенной пѣсни Чернышова.—⁸⁾ „Вѣрой-правдой.“

—Ровно тридцать лѣтъ и три года ⁹⁾:

—Послужи мнѣ хотя три часа.—

25. Что взговоритъ Россійскій графъ:

«Ой ты гой еси, Король земли Пруссіа!

«Прикажи на волю выпустить ¹⁰⁾!»

Что взговоритъ Король земли Пруссіа,

Королевское величество:

30. —Ой ты гой еси, Россійскій графъ!

—Ваша армія побита вся,

—Остальная вся въ полонъ взята ¹¹⁾.—

Что взговоритъ Россійскій графъ:

«Ой ты гой еси, Король земли Пруссіа,

35. «Королевское величество!

«Хотя жь армія побита вся,

«Остальная вся въ полонъ взята,

«Напишу я скоро грамотку

«Что во славной во Санктпѣтербургъ ¹²⁾:

40. «Припишу набрать рекрутиковъ ¹³⁾,

«Молодыхъ я всё солдатиковъ,

«Я велю итти подъ Кистринъ—городъ,

«Вашъ Кистринъ—городъ разобьютъ весь ¹⁴⁾,

«А тебя, Короля, въ полонъ возьмутъ,

45. «А меня, графа, віручатъ!»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій).

*

Большая часть пѣсенниковъ, ближайше послѣдовавшихъ, вовсе опускала эту щекотливую подробностями пѣсню, а другіе повторяли „печатку“ редакціи; только лишь черезъ пятьдесятъ лѣтъ снова отважились возвратиться къ образцамъ, болѣе народнымъ:

⁹⁾ Передѣлано неудачно изъ „сидѣнья“, которое у народа обычно дится „тридцать лѣтъ и три года“, еще со временъ Муромца.—¹⁰⁾ Ни съ того, ни съ сего: у народа это имѣетъ постепенность.—¹¹⁾ Представляется какъ запугивающій обманъ со стороны короля.—¹²⁾ Такъ ловко это слово въ пѣсн. —¹³⁾ Это уже известная солдатская гордость того времени, очень долго продолжавшаяся.—¹⁴⁾ Не трудно отличить языкъ книжный, не понимавшій хорошенько народнаго еклада.

12.

- Во Кистринѣ было городѣ,
 За Кистринскими воротами,
 Тутъ стояла тѣмна тѣмница:
 Что во той ли тѣмной тѣмницѣ
5. Посажонъ былъ тутъ Россійскій графъ,
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ по тѣмницѣ похаживалъ,
 Табаку трубку выкуривалъ:
 Онъ обросъ своей бородушкой
10. Что по сáмой по шелковъ поясъ.

- Случилося тута ѣхати
 Самому Королю Прусскому.
 Какъ возговорить Россійскій графъ,
 Чердышовъ Захаръ Григорьевичъ:
15. «Ужь ты гой еси, Пруской Король!
 «Прикажи меня помть-кормить;
 «Не прикажешь ты помть-кормить,
 «Прикажи ты меня выпустить;
 «Не прикажешь меня выпустить,
20. «Отпйшу я къ государынѣ:
 «Не перомъ я, не чернилами,
 «А своими горючьми слезши!»

(Пѣсеньякъ Глазуновскій 1819 г. (С.П.Б.), Кузнецовскій 1822 (М.) и нѣкоторые другіе позднѣе).

Любопытно, что только съ *этимъ поръ* осмѣлились выставить въ печати имя Чернышова и сообщить пѣснѣ подлинное *заглавіе*: „Пѣсня на заключеніе въ городѣ Кистринѣ Россійскаго Генерала Графа Чернышева. Годъ съ томной.“ Съ другой стороны не менѣе важно и то обстоятельство, что въ тѣхъ же самыхъ пѣсенникахъ, и рядомъ съ пѣсней о Чернышовѣ, помѣщался однакоже совершенно особымъ извѣстнымъ намъ старшій первообразъ ея—„Ахъ таланъ ли мой, таланъ такой,“ съ Азовомъ и Донскимъ козакомъ (ср. выш. 7 и 8).

*

Таковы редакціи сокращенныя или краткія сами по себѣ, въ которыхъ иногда, какъ въ приведенномъ сейчасъ образцѣ, мы видимъ простоту по-

длинника, а во всякомъ случаѣ, даже при книжныхъ поправкахъ, значительную историчность. Но за тѣмъ слѣдуетъ уже порча въ устахъ самого народа и нелѣпое смѣшеніе: это обратное разложеніе Былины, снова въ пѣсню Безъмянную, о Молодцѣ. За то на этомъ пути пѣсня нерѣдко возвращается къ тому древнѣйшему типу, отъ котораго пошла, поднимаясь до мотивовъ Разинскихъ, и это намъ крайне поучительно. Вотъ примѣръ:

13.

(Губ. Сибирск., Усть-Урень).

Ходилъ-то я, добрый Молодецъ ¹⁾, по чисту полю:
Мягкая постелюшка—желтой песокъ,
Изголовица ²⁾ моя—шелковѣ трава.

Какъ во селѣ было во Лысковѣ ³⁾,

5. Тутъ построена крѣпкая тѣмница;
Какъ во той во крѣпкой тѣмницѣ
Посажень добрый Молодецъ,
(Добрый молодецъ) ⁴⁾ Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
Онъ по тѣмницѣ похаживаетъ, (самъ слезно плачетъ) ⁵⁾

10. Самъ слезно плачетъ, (онъ) Богу молится:
«Ты взмой, взмой ⁶⁾, туча грозная,
«Разбей громомъ крѣпкія тюрьмы!
«Во тюрьмахъ сидятъ все невольнички.
«Невольнички, неохотнички ⁷⁾»

15. Всѣ невольнички разбѣжались,
Во темныи лѣсу они собирались,
Сходились они на полянушку,
На полянушку на широкую ⁸⁾.

¹⁾ Герой—уже простой „Молодецъ;“ пѣсня сохранила еще обороты отъ 1-го лица.—²⁾ Обычная у народа замѣна, среднего рода женскимъ.—³⁾ Известное и въ пѣсняхъ, особенно разбойничьихъ, огромное село на Волгѣ.—⁴⁾ Излишне вставленное повтореніе съ конца предыдущаго стиха.—⁵⁾ Такое же повтореніе, неправильно перенесенное сюда отъ начала послѣдующаго стиха.—⁶⁾ Д. б. „возмой;“ начало пѣсенъ погребальныхъ (чтобы открылся гробъ) и тюремныхъ.—⁷⁾ Пѣсня тюремная и разбойничья: представляется, что туча ливилась, тюрьма разбилась, невольнички свободились.—⁸⁾ Это третья пѣсня, низовая и Волжская; она переходитъ въ Разин-

- «Ты взойди, взойди, красное солнышко,
20. «Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
«Добрыхъ молодцевъ, сиротъ бѣдныхъ,
«Сиротъ бѣдныхъ, безнашпортныхъ!»»

Ниже города—ниже Нижняго,
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
25. По прозванью рѣчка Волга-матушка:

Течетъ Волга матушка
Съ дикимъ-мелкимъ камушкомъ.
Какъ по рѣчушкѣ плыветъ легка лодочка:
Эта лодочка изукрашенная,
30. Вся модолчиками изусажанная ⁹⁾...

(Запис. П. В. Шейновъ отъ Никол. Каргавина, ср. „Тетива“).

Замѣчательно, что Сахаровъ, конечно знавшій подобныя историческія пѣсни по старшимъ пѣсенникамъ, почти всѣ пропускаетъ у себя, какъ ближайшія и слишкомъ еще щекотливыя, по его понятію, своими личными историческими чертами и намеками.

* * *

Теперь, какъ мы говорили, слѣдуетъ другой герой современный, извѣстный и всему народу, но особенно славный между Донцами, Краснощочковъ. При немъ встрѣтимъ еще и черты Кистрина съ Чернышовымъ, и Лопухна съ Гроссъ-Егерсдорфомъ, и другія отличія Прусской или Шведской, даже Турецкой войны: но въ особенности Берлинъ, яркіе образы Короля Прусскаго, раннее начало и далеко протянувшійся конецъ, а отвѣтъ всему преимущественно козацкій—Донской.

Генераль Краснощочковъ, Атаманъ Донской.

1.

Первая пѣсня объ немъ начинается еще съ Петровскихъ Шведскихъ битвъ и переходитъ въ Шведскую войну при Аннѣ—Елизаветѣ: ту и другую эпоху соединяетъ имя *Лёвенгаупта*, и потому передъ нами впервые пред-

скую, а дальше уже специальная пѣсня Разницевъ „ты взойди:“ см. ее въ 7 и 8-мъ выпускѣ.—⁹⁾ Это осколокъ еще четвертой пѣсни, обычной Волжской, о позадѣхъ на судахъ, особенно о бѣдѣ Атамана и его подлюбовникѣ: ср. у насъ выпуски 7-й, 8-й и послѣдующіе.—Пѣсня, кромѣ того, что сама искажена въ устахъ народа, еще плохо размѣчена на стихи и отвѣтатца.

сталъ Краснощоконъ. Пѣсня эта напечатана у насъ въ выд. 8-мъ, отд. XIII, стр. 137: тамъ Краснощоконъ разыгрываетъ ту же роль, какъ „Маиоръ земли Шведскія“ обратнo передъ нашимъ полководцемъ Шереметевымъ и какъ недавно въ глазахъ нашихъ сталъ въ то же положеніе Чернышовъ передъ Королемъ Прусскимъ.

*

2.

Краснощоконъ съ Петромъ Лессеномъ.

За тѣмъ первые историческіе подвиги Краснощоконъ оказались въ Крымскомъ походѣ фельдмаршала Петра Ласси, Лесси или Леси: тогда-то, въ 1736 году, Походный Атаманъ отбилъ Русскихъ плѣнныхъ, по неосторожности попавшихся, и поразилъ толпы Татаръ, о чемъ пѣсня, въ нѣсколькихъ образцахъ, хотя безъ имени Краснощоконъ и на основахъ еще старшихъ, помѣщена у насъ въ выпускѣ 8-мъ, отдѣлѣ VII-мъ, въ „Донскихъ и Азовскихъ дѣлахъ“ (стр. 75—78).¹⁾ Последній, отпечатанный тамъ, образецъ подъ № 3-мъ закидываетъ уже черты попавшагося въ плѣнъ „Атамана“, котораго „на уморъ морять въ тѣмной тѣмницѣ, не дають ему, доброму молодцу, ни пить, ни ѣсть,“—черты, которыя развиваются тутъ же въ дѣльный образъ „Донскаго козака среди плѣну Азовскаго.“ Но тотъ же Петръ Лессенъ (какъ зоветъ его народъ, правильнѣе, тѣмъ Ласси) явился начальникомъ въ Шведскую войну при Аннѣ-Елизаветѣ,—и отъ него же гибнетъ Краснощоконъ, попадаясь въ Шведскій плѣнъ (къ Лѣвенгауту):

Какъ затѣмте ¹⁾, ребята, пѣсню старую ²⁾,

Мы которую пѣвали ³⁾ — сами плакали,

Что про храбраго кавалера ⁴⁾ Краснощоконъ.

Отъ чего ему скоро смерть солучилася?

5. Солучилася ему скоро смерть отъ измѣнника ⁵⁾.

Отъ Петра Петрова сына Лессена.

Онъ писалъ ли о немъ къ непріятелю,

¹⁾ Въ подлинникѣ болѣе народномъ вѣроятнo „Затянемте.“—²⁾ Въ знакомомъ для насъ значеніи: привычную, сложную на опредѣленный случай и распространенную: сама по себѣ, пѣсня была еще нова и даже напечатана современно Краснощокону.—³⁾ Оборотъ довольно народный: книжное было бы „которую мы пѣвали.“—⁴⁾ Онъ былъ точно, и въ Шведскую уже войну, „кавалеръ и бригадиръ,“ почему называется въ пѣсняхъ „генераломъ.“—⁵⁾ По привычкѣ народа и войска сваливать все на „измѣну:“ ср. выше.—

Къ непріятелю въ землю Шведскую,
 Къ генералу ми надъ той арміей ⁶⁾:
 10. «Мы хотѣли залучить своего недруга;
 «Что за утро Краснощокую въ развѣзду ѣхати,
 «Какъ со малою съ партіей съ козѣками ⁷⁾.»
 Отъ-того-то ему смерть и случилася:
 Отъ Петра Петрова сына Лессена.

(Пѣсн. Чулковскій и Новиковскій; въ позднѣйшихъ перепечаткахъ бѣтъ переводъ).

Въ томъ видѣ, какъ мы получили въ печати, образецъ носитъ нѣсколько слѣдовъ книжнаго вліянія: но сама по себѣ пѣсня хороша и близко отвѣчаетъ знакомому для насъ типу Московскому, по смѣлости, опредѣленности, немногословности и ясности вывода, такъ сказать логичности, съ указаніемъ обыкновенно причинъ и послѣдствій.

*

Слѣдующая пѣсня начинается съ Лопухина, но изъ Прусской войны возвращается въ Шведскую: въ Шведскую потому, что послѣ Крымской прославился здѣсь также Краснощокъ. Имя его смѣшано, ибо образецъ пѣсни записанъ не изъ лучшихъ устъ, но образъ героя ясенъ и еще разъяснится намъ впослѣдствіи. Дѣло въ томъ, что Шведская война будитъ предыдущую Петровскую, отъ Петра ведетъ къ Азову, отъ Азова къ образамъ XVII вѣка и такъ дальше, все выше. Образъ героя, переодѣтаго, именно „купецъ“, какъ въ этомъ видѣ является онъ ко врагу и врага обманываетъ, а послѣ одолеваетъ, крайне древенъ въ нашемъ пѣснотворствѣ: онъ начинается собственно съ баснословнаго Саломона (ср. выше по поводу Каина и нашу „Замѣтку“ ко II-му тому Рыбникова). Потому, какъ историческая басня, вставленъ въ лѣтопись объ Олегѣ и Игорѣ: „Придоста къ горамъ Кіевскимъ, и увидѣ (увѣдѣ) Олегъ, яко Осколды и Диръ княжита, похороми вои въ лодьлахъ, а другія назади остави (какъ скрывалъ Саломонъ своихъ воителей), а самъ приде носк Игоря дѣтска (какъ дѣйствуетъ Саломонъ, дитя и юноша, черезъ посредника, въ семь значеній „чернорабочаго“ и „чернаго“, раба, переодѣтаго еще въ двойную маску— „купца“). И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя (повтореніе—образъ былъ любимый), и присла ко Асколду и Дирюи глаголя, яко гость есмь (купецъ), идемъ въ Греки;“ потомъ вызвалъ Осколды съ Диромъ, обругалъ ихъ—какъ слѣдуетъ, и убили ихъ. Въ эпосѣ Владиміровомъ это начинается тотчасъ же, съ Ильи Муромца: какъ, посредникомъ Владиміра и царя

⁶⁾ Лёвенгаупту; строка книжнаго оборота.—⁷⁾ То есть: намъ обоимъ надобѣлъ Краснощокъ: тебѣ какъ прямой врагъ а Лессену славой и безпорядкомъ своихъ козачьихъ полчищъ. Завтра онъ пустится съ малымъ числомъ: и словленъ, и претерпѣлъ смерть.

восточнаго, является онъ переодѣтый поваромъ, въ сажѣ, „чорный“, ругаетъ врага, завязываетъ битву, побиваетъ непріятелей. По прочимъ былинамъ и въ Новгородѣ повторяется это на тотъ или другой ладъ (см. ту же Замятку при Рыбниковѣ). Въ Московскомъ періодѣ крѣпнеть это въ образахъ еще больше опредѣленныхъ, хотя все на одинъ же ладъ, и сосредоточивается около крупнѣйшихъ историческихъ лицъ или событій. Въ семь самомъ видѣ отправляется Скопинъ братъ Азовъ; Одоевскій братъ Астрахань; при Петрѣ Иванъ Заморянинъ, прочіе Донцы и самъ Петръ въ образѣ „богатаго гостя“ братъ Азовъ; послѣ Азова Петръ также точно является въ Стокгольмѣ, какъ „купчишка по городу гуляетъ“ и едва успѣваетъ спастись оттуда. Но за то сейчасъ тутъ же зараждается образъ Краснощочкова и непосредственно переходитъ на ближайшую войну Шведскую при Елизаветѣ. Краснощочковъ, мы видѣли, сгибъ уже отъ Петра Петрова сына Лессена; чтобы снова выплыть на свѣтъ Божій, ему нужно посредство старшихъ образовъ пѣснотворческихъ:

3.

Краснощочковъ и Король Шведскій.

(Шенкурскъ, Арханг. губ.).

- Какъ на лугу на лугу
 Стоитъ армія въ кругу:
 Лопухинъ ѣздитъ въ полкѣ,
 Куритъ трубку табаку.
 5. Онъ не для того куритъ,
 Чтобы пьяному быть:
 Для того трубку куритъ,
 Чтобъ смѣлѣе поступить,
 Чтобъ смѣлѣе поступить,
 10. Да всю армію избить.
 Свято-Русскіе палятъ—
 Съ огнемъ ядрышки летятъ;
 А какъ Шведски-то палятъ,—
 Выше лѣсу дымъ валитъ.
 15. Только видно-то въ дымку:
 Капитанъ ѣздитъ въ полкѣ.
 Они билися-рубился
 Четырнадцать часовъ;

- На пятнадцатомъ часу
 20. Стали тѣла разбирать,
 Стали армію считать:
 Нашли, братцы, убитыхъ
 Енараловъ до пяти,
 Полковничковъ до семи ¹⁾.
- *
25. Ужь какъ нашъ-то капитанъ ²⁾
 Къ Шведу въ гости поѣзжаетъ,
 Ужь какъ къ Шведу ли, къ злодѣю,
 Къ Краснощокому Королю ³⁾.
 Ко двору его прѣхалъ,—
30. Подъ окошкомъ колотился ⁴⁾,
 Ноцевать къ нему просился.
 Король Шведскій не призналъ ⁵⁾,
 На рѣзвы ножки ставалъ,
 Онъ ворота отворялъ,
35. Онъ купчинушку встрѣчалъ ⁶⁾.
 «Купчинушка молодой!
 «Ужь я въ вашемъ во полку
 «Капитановъ знаю всѣхъ,
 «Полковничковъ до пяти:
40. «Одного тебя не знаю.
 «Сколько хошь казны бери,—
 «Про одного капитана скажи ⁷⁾!»

1) Это, какъ сказано, совсѣмъ другая пѣсня—о Лопухинѣ, связанная только временемъ Прусской войны.—²⁾ Въ этомъ придрка перейти къ Краснощокову: начальникъ-голова Лопухинъ, таковъ же Краснощоковъ, а вотъ еще что сдѣлалъ нашъ начальникъ.—³⁾ „Краснощоковъ къ Королю:“ какія еще примѣненія изъ этого имени сдѣлалъ народъ, увидимъ послѣ.—⁴⁾ Стучалса.—⁵⁾ Не узналъ, кто такой (хотя и прежде вовсе не зналъ).—⁶⁾ За сими слова Короля; одинаковый допросъ, какъ предъ Лѣвенгауптомъ, какъ Донцамъ предъ Королемъ Шведскимъ, и т. п. ср. вып. 8.—⁷⁾ По народному обычаю, наивный допросъ: я всѣхъ у васъ знаю, одного Краснощокова не знаю, расскажи, каковъ онъ, чтобы его признать. А между тѣмъ выходитъ „я одного тебя не знаю,“ ты самъ Краснощоковъ, ты же и расскажи объ себѣ.

—Мнѣ на что казна твоя?

—Я и такъ могу сказать⁸⁾!—

45. Со двора—то онъ походитъ,—

Насмѣхается,

На добра коня садится,—

Да ругается⁹⁾:

—Ахъ ворона ты, ворона,

50. —Молодой Шведской Король!

—Не умѣла ты, ворона,

—Въ саду сокола имать¹⁰⁾,¹⁾

—Ручки—ножки—то связать,

—Головы со плѣчекъ снять!—

(Запис. г. Борисовымъ).

Въ послѣдній разъ для историческаго пѣснотворчества повторяется послѣ эта исторія на Платовѣ (см. вып. 10).

*

Но собственное ея мѣсто, въ дѣлѣ Краснощокова, при *Король Прусскомъ и Берлинъ*, при чемъ специальнымъ заголовкомъ пѣсни является „Берѣзнька,“ потомъ „Ковыль,“ „Полынь“ и т. п.

4.

Краснощоковъ и Король Прусскій.

(Губ. Оренбургской).

Ты Россійская земля¹⁾,

Много нужды приняла!

За то ее сударыня²⁾

Жаловала³⁾.

⁸⁾ Узнаешь меня самъ по словамъ и дѣламъ, по тому, что увидишь и услышишь дальше.—⁹⁾ Ругательство, естественное въ данномъ случаѣ, какъ упрекъ и насмѣшка за недогадливость: но оно поддерживается, какъ мы видѣли, давнимъ эпическимъ приемомъ и является обязательной необходимостью.—¹⁰⁾ Взять, словить.

¹⁾ Т. е. Русскіе люди, подразумевается—въ войнѣ.—²⁾ Государыня, Елизавета, какъ во многихъ пѣсняхъ этой эпохи, черта отличительная.—³⁾ Д. б. „много жаловала,“ какъ въ другихъ пѣсняхъ этого рода.—Такое начало

5. Краснощочкова-тъ ⁴⁾ король ⁵⁾
 Къ Прусу въ гости забѣжалъ:
 Онъ безъ спросу, безъ доклада
 Во палатушки вбѣжалъ.
 Пруцкой Король не узнавалъ.
10. На рѣзвы ноги вставалъ;
 На рѣзвы ноги вставалъ,
 Рюмку водки наливалъ,
 Купчиною называлъ ⁶⁾:
 «Ахъ, ты выкушай, купчинушко,
15. «Купеческій сынокъ!
 «Какъ у васъ ли я во Россіи,—
 «Во Россійской во землѣ,—
 «Во Россійской во землѣ
 «Генераловъ знаю всѣхъ:
20. «Одного только не знаю—
 «Краснощочкаго короля.
 «Много бы, много бы казны далъ,—
 «Краснощочкаго спозналъ ⁷⁾!»
 Краснощочкова-тъ король
25. Таки рѣчи говорить:
 —На что казны давать?
 —Можно такъ его признать:
 —Кудѣрушки на немъ,—
 —Какъ на батюшкѣ на родномъ ⁸⁾;
30. —Черна шляпынька на немъ,—
 —Какъ на братцѣ на моемъ ⁹⁾.—

известно по нѣсколькимъ пѣснямъ, изображающимъ работу по каналамъ и линіямъ, нужды, походы; въ настоящемъ случаѣ разумѣется «царская служба» на войнѣ Прусской, какъ увидимъ сейчасъ въ образцахъ дальнѣйшихъ и откуда въ нихъ примѣняется сравненіе съ «Верёзой», «Ковылемъ», «Полынью». —⁴⁾ Т.-е. «Краснощочковъ-тъ», съ оглашеннымъ *сромъ* (ср. прежніе выпуски и наше изслѣдованіе о Новоболгарскомъ языкѣ при изданіи пѣсней 1855 г.). —⁵⁾ Возникло, по недоразумѣнію и забвенію, изъ «Краснощочковъ и Король» или, какъ въ предидущемъ образцѣ, «Краснощочковъ къ Королю»: какъ-бы то ни было, только этимъ путемъ Краснощочковъ самъ сдѣлалъ Королемъ, а Король Краснощочкимъ (см. еще ниже). —⁶⁾ Какъ передѣлатаго «купцомъ»: см. прежде. —⁷⁾ Еслибы узналъ Краснощочкова. —⁸⁾ Пр кудрямъ весь въ отца. —⁹⁾ По шляпѣ похожъ на брата—сравненіе изъ устъ

- Выходилъ же Краснощокъ ¹⁰⁾
 На высокъ—красёнь крылець,
 Закричалъ онъ—засвисталъ
 35. Своимъ громкимъ голосомъ:
 —Ахъ вы гой еси, робята,
 —Мои вѣрные слуги!
 —Вы подайте поскорѣе
 —Мого доброто коня,
 40. —Мого добраго коня
 —Ко высокому крыльцу,
 —Ко высокому крыльцу,—
 —Ко точёному столбу!—
 На коня онъ сталъ садиться,—
 45. Что ясенъ соколъ ¹¹⁾ взлетѣлъ;
 Со двора онъ сталъ съѣзжать ¹¹⁾,—
 Насмѣхаться надъ нимъ сталъ:
 —Ты ворона, ты ворона,
 —Подгумѣнный грачъ!
 50. —Не умѣла ты, ворона,
 —Яснаго ¹²⁾ сокола пымать,
 —Яснаго сокола пымать,
 —Въ когтяхъ крѣпко держать!—

(Доставлено В. Н. Далемъ).

*

Переодевание этого рода, со скрытыми позади главного героя войсками, совершается обычно изъ за города, который предстоитъ взять или остано-

дѣвушка. Оба сравненія изъ другихъ семейныхъ пѣсней, а смыслъ болѣе отвлеченный таковъ: Краснощокъ уродился въ родъ свой; а онъ мнѣ братъ; стало быть, коли хочешь его знать, смотри на меня, я таковъ же.—

¹⁰⁾ Обычный у насъ переходъ прилагательнаго изъ качественного въ притяжательное и обратно, откуда изъ личныхъ прозвищъ прозвища рода и фамилии: Долгорукий, Долгорукаго, Долгоруково, Долгоруковъ; Дурной, Дурнаго, Дурново, Дурновъ; Толстой—Толстаго—Толстовъ и т. п. Въ настоящемъ случаѣ смыслъ прозвища слишкомъ ярокъ, нагляденъ и доступенъ (не такъ, на примѣръ, какъ въ Чернышовъ, противоположнаго цвѣта, а еще меньше въ Скопийъ и т. п.): отъ того, какъ увидимъ, развилось изъ него много примѣненій.—¹¹⁾ Скорѣе д. б. „Со двора онъ съѣзжалъ.“—¹²⁾ Д. б. „Ясна.“

ить: въ старшихъ пѣсняхъ—при Саломонѣ изъ за его отчины Ерусалима (та же исторія въ Эдипѣ классическомъ); при Олегѣ и Муромцѣ изъ за Кіева; въ XVII вѣкѣ изъ за Астрахани; при Скопинѣ, Донцахъ и Петрѣ—изъ за Азова, при Петрѣ наконецъ изъ за Стокгольма. Городъ же, по отношенію къ „Матери городовъ“, Кубелѣ или Купалѣ, представляется обыкновенно женщиною, Матерью или, въ случаѣ его добыванія чаще еще,—Дѣвицею: такова при Саломонѣ Мать его и Невѣста или Царица Южская съ загадками; при Муромцѣ и Олегѣ „Мать городамъ Русскимъ“, какъ называлъ (будто бы) Олегъ взятый имъ Кіевъ; въ Словѣ о П. И. добываніе города Всеславомъ представляется какъ подвигъ изъ за его „любой дѣвицы;“ въ Стокгольмѣ врагомъ Цетра является „дѣвица, королева (ср. подробности о связи этихъ образовъ въ нашемъ изданіи „Вѣлорусскихъ пѣсней“ 1871 года).“ Такъ точно теперь, по проторенной дорогѣ, является *Берлинъ*, а въ немъ завоевывается *королева* или вообще царскаго рода *дѣвица*.

Теперь же вступаетъ специальное отличіе пѣсни въ заголовкѣ. Еще со времени Былины о Добрынѣ отправка на подневольную службу и въ дальній походъ, а вмѣстѣ прощанье съ родомъ-племенемъ и низкій поклонъ ему изображается сравненіемъ и картиною природы въ заголовкѣ, какъ „бѣлая берѣзынька къ землѣ клонится и листочки ея по землѣ разстилавт-ся (ср. вып. 2).“ При Петрѣ такъ или иначе вторятся эти образы при вступѣ противъ Шведовъ, особенно ярко на Шереметевѣ, при прощаньи его съ семьей и родными (вып. 8). Но, какъ скоро береза къ землѣ наклонилась и листочки разостлались, въ воображеніи народномъ, а отсюда въ образахъ пѣсни появляется „Ковыль“, потомъ вообще „Трава разстилавт-ся“, а наконецъ трава „Подмилъ“, прибавляющая свою горечь къ изображенію тяжкой службы и многообразныхъ нуждъ похода.

Вотъ пока еще одинъ запѣвъ или заголовокъ, безъ самой пѣсни:

5.

(Губ. Оренбургской).

Какъ далече—далеченько, во чистомъ полѣ,
 Еще того подаѣль—во раздольицѣ,
 Какъ не бѣлая берѣзынька къ землѣ клонится,
 Не бумажные ¹⁾ листочки раздуваются,
 5. Не шелковая ковыль—травынька разстилается:
 Еще стелется—разстилается полынь горькая.
 Охъ, и нѣтъ тебя горчѣе во чистомъ полѣ:
 А еще того горчѣе—служба царская!

1) О появленіи на бѣлой березѣ бѣлыхъ листочковъ „бумажныхъ (съ теченіемъ времени)“ см. выпуски прежніе.

Что ни день—то, ни ночь намъ, солдатушкамъ, угомону
нѣтъ:

10. Темна нѣченька приходитъ,—
 Намъ солдатушкамъ на караулъ быть;
 Бѣлъ денёчекъ наступаетъ,—
 Намъ солдатушкамъ во строю стоять;
 Во строю стоять намъ солдатушкамъ,—
15. По ружью держать;
 Пристоялися рѣзвы нѣженьки ко сырѣй землѣ,
 Придержалися бѣлы рѣченьки къ строевѣ ружью,
 Приглядѣлися наши глазыньки на часты звѣзды!

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

А вотъ и самая пѣсня въ связи:

Тѣ же и Берлинъ съ Королевной.

6.

(Губ. Московской, у. Звенигор., Воронки).

Что не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,
 Не шелкъовая въ полѣ травушка разстилается:
 Разстилалась въ полѣ травушка—попынь горькая.
 Что горчѣй того намъ, солдатушкамъ, служба царская!

5. Пристоялись наши нѣженьки ко сырѣй землѣ,
 Приглядѣлись наши глазыньки на укрѣпушку ¹⁾.
 Ты укрѣпа моя, укрѣпушка, Берлинъ—городъ!
 Ты кому, моя укрѣпушка, доставнешься?
 Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому ²⁾.
10. Что тому ли генералу Краснощокону.

Ходилъ—гулялъ Краснощоконъ купцомъ по ряду,
 Закупаешь Краснощоконъ свинцу—пороху ³⁾,

¹⁾ Крѣпость, которую приходилось брать.—²⁾ По связи пѣсней этого времени съ періодомъ Петровскимъ: см. прежде.—³⁾ Эта картина, отселѣ господствующая, въ связи съ переодѣваньемъ Краснощоконъ купцомъ. Нужно вспомнить также общія жалобы пѣсней той войны на недостатокъ военныхъ

- Заряжаетъ Краснощоконъ сорокъ пушечекъ,
 Закатаетъ Краснощоконъ сорокъ пулечекъ:
15. Убиваетъ Краснощоконъ (у) Прусскóго Матушку,
 Молодую Королевну во полонъ беретъ ⁴⁾.
 Онъ не бьетъ ея—не вѣшаетъ, только спрашиваетъ:
 «Ты скажи—скажи, Королевна, куды Прусь—Король бѣ-
 жалъ?»
- Я голосомъ вамъ кричала, вы не слышали,
20. — Шелковѣмъ платкомъ махала, вы не видѣли:
 — Онъ на кошечку садился—сизымъ голубемъ,
 — Подъ столомъ сидѣлъ Прусскóй Король—сѣрымъ котикомъ,
 — Онъ изъ тѣрему вылетывалъ—вольной пташечкой,
 — На черную грязь садился—чорнымъ ворономъ,
25. — Во синѣ море бросался—бѣлой рыбицей,
 — На стровочекъ выплываетъ—сѣрой утицей,
 — На корабликъ онъ садился—добрымъ молодцемъ,
 — По кораблику рассыпался—бѣлымъ жемчугомъ ⁵⁾.—

(Запис. самнѣ П. В. К-мъ 1833 года, Юля 23).

*

припасовъ и продовольствiя, откуда выше мы видѣли: „свинецъ-порохъ развозили маркитанты,“ и т. п., а также извѣстный разсказъ объ Апраксинѣ, какъ онъ изъ Пруссiи отправилъ женѣ съ маркитангомъ нѣсколько бочечковъ, наполненныхъ червонцами.—⁴⁾ Такъ, по основному народному представленiю, вышеомянутому, пѣсня при взятomъ городѣ соединяетъ и Мать, и Дѣвиду-Королевну, но особенно останавливается на послѣдней.—⁵⁾ Эти превосходныя и яркiя краски истекаютъ также изъ глубокой пѣснотворческой древности: а) При взятomъ городѣ Король явился богатыремъ и баснословнымъ героемъ, со всѣми оборотами его вѣщей души, какъ хитрый оборотень: какъ древнiй Саломонъ; потомъ у насъ Олегъ, Волгá и Волхъ (при Царьградѣ), Всеславъ по Слову о Полку Игоревѣ, князь Романъ, Романъ Дмитрiевичъ и Романъ Московскiй (при нападенiи Литовскихъ королевичей на Моекву); сравните тѣ же краски по предыдущимъ выпускамъ.—б) Дѣвица-Королевна при немъ получила тѣ же свойства, она неприятельница намъ, но она же и предательница своимъ, измѣнница, изъ за нее или черезъ нее разныя бѣды: такова она при Саломонѣ; при Олегѣ и Игорѣ, какъ мстительница коварца за мужа; при Дунаѣ и Владимiрѣ какъ королевична Апраксiя; при

7.

(губ. Московской, с. Ильинское).

Не бѣлая берѣзушка къ землѣ клонится,
 Не шелкóвая въ полѣ травушка разстилается:
 Растидалась въ полѣ травушка—попынь горькая.
 Что горчѣ тебя, попынушка—травушка, во всемъ полѣ нѣтъ:
 5. Что труди́те тебя, служба царская, во всемъ свѣтѣ нѣтъ!

На строю стоять,—на крутой горѣ:
 Пристояли мы рѣзвы ножки ко сырой землѣ,
 Приморозили мы бѣлы ручки ко стальну ружью.

Ходитъ нашъ генаралушка съ купцомъ ¹⁾ по торгу,
 10. Закупаетъ нашъ генаралушка дробь—пороху,
 Заряжаетъ нашъ генаралушка сорокъ семь пушекъ,
 Пробиваетъ нашъ генаралушка стѣну каменну.
 «Ты Прускáя Королевна, гдѣ твой Прусской Король?»
 —Мой Прусской Король подъ столикомъ—сѣрмыж котикомъ,
 15. —На синѣ море опускается—яснымъ соколомъ.—

А укрѣпа моя, а укрѣпушка,
 А укрѣпушка ты Бѣлинъ—городъ ²⁾!
 Ты кому жь, моя укрѣпушка, ты достанешься?
 Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому,
 20. Царю Бѣлому, генаралушкѣ Краснощокому ³⁾.

(Запис. П. В. К.—изъ въ 1832 году; пѣсня „тягольная“, проталина).

*

Добрыя какъ Марника; при Потыкѣ — (Марья) Лебедь Бѣлая и Авдотья Лиховидьева; въ томъ же видѣ при Романѣ; при Муромцѣ какъ Королевщина и т. д., до самаго Петра, при которомъ царить и хитрить въ Колывани и въ Стокгольмѣ. Отсель она вступаетъ на сцену всё болѣе и болѣе широкую, принимая разные виды, на время перехода отъ Краснощокова даже къ Румянцеву и останавливаясь только при семъ послѣднемъ на образѣ чисто-историческомъ, послѣ котораго дальше идти было уже некуда: тамъ ее снова и увидимъ.

¹⁾ Въмѣсто „купцомъ:“ см. выше.—²⁾ Берлинъ.—³⁾ „Опять „Краснощокой“ ви. „Краснощоковъ.“—По подлинному образу, все это обращеніе къ Берлину

8.

(Губ. Рязанской).

Не кавыль-то въ полѣ травушка разстилается:
 Разстилается въ полѣ травушка—попынь горькая.
 Что горчѣе тебя, попынушки, во всемъ полѣ нѣтъ:
 Только есть горчѣе тебя, попынушки, служба царская,
 5. А горчѣе царской службицы во всемъ полѣ нѣтъ!

Пристоялися наши ноженки ко сырой землѣ,
 Придержалися наши рученьки къ строевѣ ружью,
 Приглядѣлися наши глазаыньки за Дунай-рѣку ¹⁾.
 Что на славную на укрѣпушку—на Берлинъ-городъ.
 10. Тамъ ходилъ-гулялъ Краснощокій графъ ²⁾ купцомъ по
 торгу,

Закупаетъ Краснощокій графъ свинцу-пороху,
 Заряжаетъ ли Краснощокій графъ сорокъ семь пушекъ,
 Сорокъ семь пушекъ, всѣ осадныхъ,
 Пробиваетъ ли Краснощокій графъ стѣну каменную,
 15. Что во плѣнь беретъ Краснощокій графъ Прусскую Матуш-
 ку ³⁾.

«Ты скажи-скажи, Пруская Матушка, куда Прусь бѣжалъ?»

—Ужъ вы глупые-неразумные генералушки!

—Подъ столомъ-то сидѣлъ Пруской Король—сѣрыми котикомъ,

есть обращеніе отъ лица войска, послѣ того какъ описана тяжесть похода и стоянки подъ укрѣпушкой. Но здѣсь оно вынесено къ концу и помѣстилось *возлѣ* рѣчи Королевичны: вотъ отчего, при порчѣ, въ послѣдующихъ образцахъ, постепенно переходятъ эти слова къ Королевицѣ и наконецъ къ самому Королю, существенно измѣняя тѣмъ складъ и видъ пѣсни.

1) Рѣка типическая, тѣмъ болѣе здѣсь необходимая, что трудно было назвать и запомнить Прусскую.—2) Опять благодаря тому, что „Краснощокій“, а не „Краснощокъвъ.“ Дѣйствуетъ *Краснощокій*: но это вѣдь образъ его, качество, свойство, а кто же таковъ ошъ былъ самъ? Конечно лицо важное, хоть и забытое: въ стихъ же по размѣру ложился только либо „графъ“, либо „князь.“ И вотъ Краснощокъвъ очутился графомъ, а далѣе и княземъ.—3) Здѣсь одна лишь „Матушка“, наиболее приличная при Берлинѣ, этой „Матери городовъ Прусскихъ.“

- На окнѣ-то сидѣлъ Пруска́й Король—сизымъ голубемъ.
 20. —Черезъ армію перелеталъ—яснымъ со́коломъ.
 —По крутой горѣ гулялъ—добрымъ мо́лодцемъ.—

(Запис. П. В. К—мъ).

*

9.

(Москва).

Ты по́лынь, по́лынь ли горькая!
 Ты во полѣ уродилася, ужь ты по́лынь горька:
 Ужь нѣтъ-то горчѣй тебя, службы царской!

Ты укрѣпа ль моя, укрѣпушка Берлинъ-городъ!
 5. Ты кому, укрѣпа, доставалася?
 Доставалася укрѣпушка царю Бѣлому,
 Ужь тому генералу Краснощокому.

- Ужь генерала-тъ Краснощокій по городу гуляеть,
 Свинцу-пороху закупаеть.
 10. Сорокъ семь пушекъ заряжаетъ.
 Пробиваетъ Краснощокій стѣну бѣлу-ка́менну,
 Береть въ полонъ Пруску́ жену:
 «Ты скажи-скажи, Королева ¹⁾),
 «Гдѣ твой Пруска́й Король?»
 15. —Мой Пруска́й Король сидитъ подь столикомъ—
 —Сѣрымъ котикомъ,
 —На окнѣ сидитъ—черныиъ вѣрономъ,
 —Въ окно вылетѣлъ—яснымъ со́коломъ,
 —На синѣ море—сѣрой утицей.

¹⁾ Здѣсь впервые героиня является „Королевой:“ и, хотя мы знаемъ изъ прежнихъ выпусковъ, что названія Королевы, Королевыни и Королевични почти постоянно чередуются безъ особаго различія, но здѣсь ближайшимъ поводомъ сдѣлать супругу было конечно первоначальное выраженіе передъ симъ, — „Пруска жена.“ Сначала это была вообще „женщина,“ а потомъ, по извѣстному нашему словоупотребленію, осмыслили здѣсь жену супругу, Королеву.

20. — По чисту полю полетѣлъ — бѣлой лебедью:

— За нимъ гонится Краснощокій — яснымъ соколомъ! — ²⁾

(Запис. П. В-чемъ отъ 70-лѣтней старухи, изъ Рогожской: она родилась еще въ эпоху самого Краснощокова).

*

10.

(Сибирскъ).

Ты далѣчинька моя, далѣчинька во чистомъ полѣ ¹⁾,

А еще того подалѣе во раздольицѣ,

Стоячи на крутой горѣ,

Глядячи на свою укрѣпушку —

5. На Берлинъ-городъ ²⁾!

Ты укрѣпа моя, укрѣпушка,

²⁾ Новая и красивая черта, но едва ли принадлежавшая подлиннику. — Перенесеніе словъ лица дѣйствующаго непосредственно къ словамъ лица повѣствующаго или поющаго о дѣйствіи — самое обычное, какъ мы уже знаемъ изъ многихъ примѣровъ.

¹⁾ „Далече-далечецько“ слишкомъ часто начинается наши пѣсни (ср. вып. прежніе и послѣдующіе): оно употребляется не нарѣчіемъ безжизненнымъ или кристаллизированнымъ, а *именемъ прилагательнымъ ср. р.*, каково и есть оно по происхожденію, склоняясь въ родительномъ и предложномъ (изъ далеча, во далечѣ); далѣе отсюда *именемъ существительнымъ* (какъ „добро, зло“ и т. п.); наконецъ, еще живѣе, болѣе лично и олицетворенно, употребляется, благодаря произношенію, *женскимъ родомъ*, какъ здѣсь и какъ вообще нашъ народъ, по старинѣ, не долюбываетъ средняго рода, отвлеченнаго и повиднѣйшаго, охотно переводя его гдѣ можно въ женскій. Это явче, или по нынѣшнему, — „Далѣкая сторона.“ — ²⁾ Мы знаемъ по предыдущимъ образцамъ, что все это начало произошло здѣсь отъ забвенія историческимъ подробностей пѣсни: черты раздѣльныя пришло здѣсь, такъ сказать, смазать въ одинъ общій обликъ (подобно какъ въ лубочныхъ картинкахъ одна краска прошла по десятку лицъ, рукъ и ногъ). Нынѣшніе граматикъ здѣсь, пожалуй, не нашли бы даже предложенія, а одно тощко „обращеніе“ и „обстоятельство.“ Тѣмъ не менѣе эта кажущаяся анахронизма весьма послѣдовательна и логична въ устахъ народа. Ближе къ намъ мы могли бы перевести ее такъ: „Сторона ты моя далекая, стоянье тяжелое, глядѣнье долгое! Стоячи и глядячи, по неволѣ скажется: „Ты укрѣпа укрѣпушка,“ и т. д. За атемъ и слѣдуютъ слова войска, истомленнаго при осадѣ долгимъ ожиданіемъ.

Ты кому-то, укрѣпа, достанешься?
 Доставалася ты, моя укрѣпушка,
 Царю Бѣлому, воину Краснощокому.

10. Онъ по рыночку похаживать,
 Свинцу-пороху закупаешь,
 И семь-то сотъ пушечокъ заряжаетъ,
 Пробиваетъ-то онъ стѣнушку бѣлокаменну:
 Никого-то онъ въ городъ не застигаетъ,
15. Только засталъ-застигъ одну Королевушку Прѣцкую.
 Онъ бить-то её не бьетъ, только спрашивать:
 «Ты скажи-скажи, Королевушка,
 «Куды твой Прусакъ ушолъ?»
 —Не видать-то вамъ моего Прѣцаго
20. —Какъ ушей своихъ:
 —Мое-тъ Прѣцкое-тъ³⁾ по горенкѣ похаживать
 —Сѣрышъ котикомъ,
 —По подмѣбесью полѣтывать
 —Яснышъ соколомъ.—

(Отъ Языкова).

*

Теперь мы заключимъ образцомъ, который совмѣщаетъ въ себѣ, хотя отчасти съ перебивкою, всѣ главныя черты того разряда пѣсней Краснощоковскихъ, который идетъ у насъ. Отличія этого разряда: 1) запѣвъ съ „Березынькой“, „Ковылемъ“, „Травушкой“ и изъ травъ съ „Полынью“;—2) жалоба осаждающаго войска на истомленіе;—3) въ слѣдствіе того обращеніе войска со словомъ къ самому Берлину;—4) участь Берлина, взятаго Краснощоковымъ;—5) образъ самого богатыря, то переодѣтаго „купцомъ“, то „купцомъ“ же закупающаго боевые снаряды;—6) взятая въѣщая „Королева—Королева“ и въѣцій „Король.“

³⁾ То есть „Мой-тъ Прѣцкой-тъ“, съ оглашеніемъ полугласнаго # (ср выше).

Но слѣдующій образецъ кромѣ того предначинаетъ собою особый разрядъ, за нимъ потянувшійся. Для современниковъ, но не участниковъ осады, а тѣмъ болѣе позднѣйшихъ, казалось недовко сочетать въ началѣ пѣсни отчаянныя жалобы съ завершившимся торжествомъ побѣды (на самомъ же дѣлѣ, мы знаемъ, это пріемъ обычный: переходъ отъ лица говорящаго къ разсказу объ немъ); несоответственны становились и выраженія „моя укрѣпушка,“ тогда какъ Берлинъ горѣ чужой. Творчеству нужно было выйти изъ этихъ кажущихся затрудненій: и вотъ, на той же горѣ, гдѣ стояли солдаты, помѣщается самъ Король, тѣмъ болѣе, что онъ уже описанъ вѣщамъ; онъ-то и жадуется, онъ и воитъ къ „своей укрѣпушкѣ,“ къ нему-то и идутъ сравненія съ березой суклонною, съ травой разстилавшейся, съ полянью. Пока еще впрочемъ, въ первомъ слѣдующемъ образцѣ, это не такъ рѣзко, ибо онъ еще тѣсно примыкаетъ къ предъидущимъ:

11.

(Съ Урала).

Не бѣлая березынька во чистомъ полѣ къ землѣ клонится,
 Не бумажные листочки раздуваются,
 Не шелковая ковыль-травынька разстиляется:
 Растиляется въ полѣ травынька—полянъ горькая.

5. Ужъ нѣтъ-то этой поляншкѣ горчѣе изъ всего поля:
 А еще есть горчѣе этого—служба царская!

Что ни день-то, ни ночь намъ, солдатушкамъ, угомону
 нѣтъ:

Тѣмная ноченька приходитъ,—въ караулѣ быть;
 Бѣлый день наступаетъ,—во строю стоять;

10. Во строю стоять,—по ружью держать.

Пристоялися наши ноженки ко сырѣй землѣ,
 Примахалися бѣлы рученьки строевымъ ружьемъ,
 А буйная-то наша головушка съ плечъ скатилася ¹⁾.

Краснощокаго генерала сынъ ²⁾ гуляетъ по городу,

15. И закупаетъ Краснощокѣ свинцу-пороху,

¹⁾ За симъ во слѣдъ выпущено обращеніе войска къ Берлину, и потому-то оно вставлено ниже отъ лица Короля.—²⁾ Возникло изъ стиха „Краснощокова-тъ генераль сама по городу гуляетъ“ и поддержано тѣмъ, что онъ называется ниже „купеческій сынъ.“

- И заряжаетъ Краснощоконъ сорокъ сѣмь пушекъ,
 И пробиваетъ Краснощоконъ стѣны каменны:
 Худыхъ людей Краснощоконъ казнитъ—вѣшать,
 А хорошихъ людей Краснощоконъ въ полонъ беретъ;
 20. Душу—Марьюшку ³⁾, красну дѣвушку, за собой ведетъ,
 За собой ведетъ и выпрашиваетъ:
 «Ты скажи—скажи, душа Марьюшка, гдѣ Пруцкой Король?»
 —Нашъ Пруцкой Король въ каменныхъ стѣнахъ,
 —Подъ столикомъ сидитъ—сѣрмышъ котикомъ,
 25. —Изъ окошечка вылетаетъ—сизынгъ голубемъ,
 —По чисту полю летаетъ—яснымъ соколомъ,
 —По высокимъ горамъ гуляетъ—добрымъ молодцемъ ⁴⁾.—

- Какъ растужится—расплатится Пруцкой Король,
 Глядячи ⁵⁾ на прекрасъ ⁶⁾, — на крутой горѣ,
 30. Глядячи—то на крѣпость—на Берлинъ—городъ:
 «Ты крѣпость моя, крѣпость, Берлинъ городъ!
 «Ты кому—то, моя крѣпость, достанешься?
 «Доставалася моя крѣпость царю Бѣлому,
 «А еще—то тому генералу Краснощокону ⁷⁾.»»
 35. Краснощоконъ генералъ къ Прусу въ гости заѣзжалъ.
 Онъ безъ спроса—безъ велѣнья на широкой дворъ въѣзжалъ,
 Безъ доклада во полатушки въѣгалъ;
 Пруцкой Король не узнавалъ ⁸⁾, на рѣзвы ноги вставалъ,
 За бѣлы руки прималъ, за дубовый столъ сажалъ,
 40. За дубовый столъ сажалъ, рюмку водки наливалъ,
 Рюмку водки наливалъ, на подносѣ подносилъ:
 «Ты выкушай, купчинушка, купеческій сынокъ!»

³⁾ Это имя истекаетъ конечно изъ „Марья Лебеди Бѣлой“, „Маринки“, „Марья Юрьевна“, „Романовны“ и т. п. (см. выше); но оно примѣнено послѣ къ дѣйствительности чисто-исторической и пригодится намъ ниже для разъясненій.—⁴⁾ Отсюда слѣдуетъ вставка, перенесенная съ верху отъ войска на Короля.—⁵⁾ Д. б. „Сидячи“ или „Стоячи“, какъ жаловалось войско стоя на осадной горѣ.—⁶⁾ Чаше *прикраса*: обыкновенный эпитетъ (по грамматикѣ собственно „приложение“) холмовъ, горъ.—⁷⁾ Съ этихъ поръ вставка извѣстнаго намъ по прежнимъ образцамъ приключенія, гдѣ богатырь, переодѣтый купцомъ, подвѣляется во вражескую ставку.—⁸⁾ Согласно раз-

- «Я у васъ ли во Россіи, во Россійской во землѣ,
 «Во Россійской во землѣ генераловъ знаю всѣхъ:
 45. «Одного только не знаю—Краснощокаго короля⁹⁾.
 «Ужь много бы казны далъ, кабы Краснощокова спозналъ!»
 «На что казны давать? Можно такъ его спознать:
 «Краснощоковъ—то король—ровно братецъ мой родной,
 «Ровно братецъ мой родной, только матери не одной,
 50. «Черны кудерки на немъ, какъ на братцѣ на моемъ¹⁰⁾»

- Выбѣгаетъ Краснощоковъ на высокъ—новѣй крылецъ,
 Закричалъ Краснощоковъ своимъ громкимъ голосомъ:
 «Охъ вы гой еси, ребята, мои вѣрные слуги,
 «Подавайте-ка, ребята, моего добраго¹¹⁾ коня!»
 55. Краснощоковъ садился, какъ ясенъ соколъ вылеталъ,
 Отъѣзжавши отъ крыльца насмѣхаться надъ нимъ сталъ:
 «Ты ворона, ты ворона, гуменный грачъ!
 «Не умѣла ты, ворона, яснаго сокола ловить,
 «Яснаго сокола ловить—Краснощокаго короля!»

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

Отсель всѣ помянутыя составныя части пѣсни, по ея главному образцу, смѣшиваются или переставляются по порядку, какой пригодѣе кажется позднѣйшему, по крайности далекому отъ самого событія, пѣвцу. Отличіемъ существеннымъ остается здѣсь только *жалоба Прусскаго Короля* на потерю Берлина; переходомъ же служатъ тѣ образцы, въ которыхъ забытъ исконный „запѣвъ“ и прямо начинается съ „жалобы“, а такимъ способомъ естественно было ее отнести къ самому Королю, упоминаемому тутъ же рядомъ:

12.

(Москва).

Ты укрѣпа-ль моя, укрѣпушка, Берлінъ-городъ!
 Ужь кому-то моя укрѣпушка достанется?

жѣру стиха, должно быть обычное у народа произношеніе „не знавалъ.“—⁹⁾ „Королемъ“ явился онъ по сопоставленію съ „Прусскимъ“, съ котораго снято имя на бригадира.—¹⁰⁾ Ср. выше. Другими словами: „Краснощоковъ таковъ точно, каковъ я.“—¹¹⁾ Д. б. „мого“ или, „добра.“ И ниже поправьте подобнымъ образомъ — „ясна“ и т. п.

Доставалася укрѣпушка генералу Краснощокову.

Какъ гуляетъ-то Краснощоковъ графъ ¹⁾ съ купцомъ ²⁾
по торгу,

5. Покупаетъ же Краснощоковъ графъ свинцу-пороху,
Заряжаетъ же Краснощоковъ графъ сорокъ семь пушекъ,
Онъ стрѣляетъ же во Берлинъ-городъ,
Прошибаетъ стѣну бѣлу-каменну,
Застаетъ-то онъ Прусскаго Короля матушку:
10. «Ты скажи-скажи, Прусачинька, куда Прусь бѣжалъ?»
— Вылетаетъ-то онъ въ окошко—яснымъ соколомъ,
— Подъ небесы летѣлъ—чорнымъ ворономъ.—

(Замѣс. П. В. К.—изъ отъ ищанки Роговской части).

*

13.

(Сибирскъ).

- Укрѣпа моя, укрѣпушка,
Ты Берлинъ-городъ!
Ты кому, моя укрѣпушка,
Ты достанешься ¹⁾?
5. Доставалася укрѣпушка
Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому Павлу Петровичу ²⁾.

- Въ полонъ взяли мою укрѣпушку.
Королеву его полонилиши,
10. Стали ³⁾ крѣпко спрашивать:
«Ты скажи-скажи, Королевна,
«Гдѣ твой Прусской Король?»

¹⁾ Какъ скоро сталъ забываться дѣйствительный титулъ „атамана“, по-
томъ „бригадира“ и наконецъ „генерала“, а Краснощоковъ сведенъ съ „ко-
ролемъ“, послѣдовательно сдѣлался онъ и „княземъ“, и „графомъ.“—²⁾ Видѣ-
сто „купцомъ.“

³⁾ Черезъ отрѣзки въ концѣ постепенно образуется стихъ „двойной“, изъ
двухъ короткихъ половинокъ (см. о немъ часто въ нашихъ изданіяхъ преж-
нихъ).—²⁾ Черта времени, когда окрѣпъ образецъ пѣсни этого вида.—
³⁾ Уже безлично.

- Мой Прусской король—
 —Онъ догадливъ былъ:
 15. —Подъ столомъ сидитъ—
 —Сърой кошечкой;
 —Какъ на море улётывалъ —
 —Сърой уточкой;
 —По синю морю плавалъ—
 20. —Бѣлой рыбицей;
 —Со синя моря поднимался—
 —Бѣлымъ лебедемъ;
 —Надъ армеюшкой взвивался—
 —Яснымъ соколомъ;
 25. —По армеюшкѣ гуляетъ—
 —Добрышъ молодцемъ.—

(Записано Дн. А. Валуевымъ).

Съ этихъ поръ роль Прусскаго Короля съ жалобой уже утвердилась, хотя бы иногда сохранялось и старое начало, и въ началѣ былъ иско-
 ный заповѣ:

*

14.

(Губ. Сибирской).

Не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,
 Не шелковая ковыль—травынька разстилается:
 Тутъ растужится—расплатится Пруцкой Король,
 Сидючи онъ на прикрасушкѣ—на крутой горѣ,
 5. Глядючи онъ на укрѣпушку—на Берлинъ—городъ:
 «Ты укрѣпа моя, укрѣпушка, Берлинъ—городъ!
 «Кому ты, моя укрѣпушка, доставалася?
 «Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому,
 «Тому генералу что Краснощокову!»»

10. Краснощокова—тѣ генералушка ходитъ по торгу,
 Закупаеть же генералушка свинцу—пороху,
 Разбиваетъ же генералушка стѣну каменну,
 Выбиваетъ генералушка жёну Прудкую,

Дѣвонюшку Прасковьюшку ¹⁾ въ полонѣ возьму ²⁾:

15. «Ты скажи—скажи, дѣвонюшка, гдѣ твой батюшка?»

—Моя-тъ батюшка во чистомъ полѣ—чорнымъ ворономъ,

—А подѣ небесемъ—яснымъ соколомъ,

—Подѣ столикомъ—сѣрымъ котикомъ.—

(Отъ Языкова).

*

15.

(Губ. Калужской, у. Боровскаго).

Не берѣзынька къ землѣ клонится,

Не шелкъовая въ полѣ травушка разстиляется:

Она стелется—разстиляется—попынь горькая.

Растужится и расплачется нашъ ¹⁾ Прусской Король,

5. Сижучи на укрѣпушки,

Гляжучи на Берлинъ-городъ ²⁾:

«Укрѣпа-ль ты моя, укрѣпушка,

«Кому ты достанешься?

«Доставалась моя укрѣпушка

10. «Царю Бѣлому, генералу Краснощокому.»»

Ходилъ-то гулялъ Краснощокой съ купцомъ по торгу ³⁾,

Закупалъ-то Краснощокой съ купцомъ свинцу—пороху,

Заряжалъ Краснощокой сорокъ семь пушекъ,

Пробивалъ-то Краснощокой стѣну каменну,

15. Самое-то Королеву онъ въ полонѣ беретъ.

Онъ ни бьетъ ее, ни рубить, только спрашиваетъ:

¹⁾ Одно изъ любимыхъ именъ XVIII вѣка: ср. выше и ниже.—²⁾ Отвлеченно то же, что „береть“ но картинный народный оборотъ, въ разсказѣ отъ 1-го лица о 3-мъ. Имъ объясняется между прочимъ, какъ мы знаемъ весьма многое въ происхожденіи историческихъ пѣсенъ, присвоенныхъ въ собственность извѣстному лицу. На этомъ складѣ построены цѣлыя пѣсни, гдѣ подѣ 1-мъ лицомъ (я, меня, мнѣ и т. д.) слѣдуетъ всегда разумѣть разсказъ о 3-мъ (объ немъ): и на оборотъ, такъ возникли многія „хороводныя“ изъ „былевыхъ“ и „бытовыхъ.“

¹⁾ О которомъ мы поемъ.—²⁾ Объясненное выше распаденіе стиха на двѣ половины.—³⁾ См. выше.

- «Ты скажи-скажи, Королева, куда Прусь пошоль?»
 —Охъ, мудёръ-то, мудёръ ¹⁾ Прусской Король:
 —Онъ сѣрымъ котикомъ по столику похаживаетъ,
 20. —Бѣлымъ лебедемъ вонъ вылетываетъ.—

*

16.

(Губ. Сибирской, въ Яралѣ).

- Какъ далече-далече, во чистомъ полѣ,
 А еще того подальше—во раздольцѣ,
 Не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,
 Не шелковая ковыль-травынька разстилается,—
 5. Какъ растужится-расплатится нашъ Прусской Король,
 Сидючи то онъ на прикрасушкѣ—на крутой горѣ,
 Глядючи-то онъ на укрѣпушку—на Берлинъ-городъ:
 «Ты укрѣпа моя, укрѣпушка, Берлинъ-городъ!
 «Кому-то ты, моя укрѣпушка, достанешься?
 10. «Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому,
 «Тому-ли она генералушкѣ Краснощокину.»»

Гуляетъ онъ, Краснощоконъ князь ¹⁾, купцомъ по торгу,
 Закупаетъ князь свинцу-пороху,
 Пробиваетъ онъ, Краснощоконъ, стѣну каменну.

(Записано Языковымъ).

*

Слѣдующій образецъ, какъ и слѣдуетъ собственно по эпическому воз-
 зрѣнiю народа, отождествляетъ „Королеву“ съ „городомъ“, такъ что утра-
 та ея значить вмѣстѣ потерю города:

17.

(Москва).

Какъ не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,
 Не бумажные листоченьки разстилаются,—

¹⁾ То же, что „вѣщій“,—болѣе древнее.

¹⁾ Ср. выше „графъ“ и т. п.

Да растужится—расплатится нашъ Пруцкѣй Король
 По своей-то, де, молодой женѣ—Королевичнѣ ¹⁾,
 5. Сидючій—то онъ на прикрасушкѣ—на крутой горѣ,
 Глядючій—то онъ во бесѣдушкѣ ²⁾, на Берлинъ-городъ.

Ужъ и стануть-то молоду жену, Королевичну, крѣпко
 спрашивать:

«Ты скажи-ка, скажи, молода жена, Королевична,
 «Ужъ каковъ-то твой Пруцкѣй Король—онъ мудрѣнъ жи-
 вѣтъ ³⁾?»

10. — Ужъ такой-то мой Пруцкѣй Король мудрѣнъ живѣтъ:
 — Еще первый-то у насъ боя-тъ былъ при чистомъ полѣ,
 — А моя-тъ Пруцкой Король чорнымъ вѣрономъ леталъ;
 — А другой-то у насъ боя-тъ былъ при темномъ лѣсу,
 — А моя-тъ Пруцкой Король волкомъ сѣрыми гулялъ;
 15. — А третей-то боя-тъ у насъ былъ при синѣмъ морѣ,
 — А моя-тъ Пруцкѣй Король бѣлой рыбицей гулялъ.—

*

Въ слѣдующихъ образцахъ или вовсе теряется типическій загвѣвъ и пря-
 мо начинается съ жалобы Короля, или же при этомъ прибавляется загвѣвъ
 новый, которымъ по обычаю сравнивается громкій голосъ Короля съ тѣмъ
 или другимъ народнымъ музыкальнымъ орудіемъ:

18.

(Тамъ же).

Что стоялъ-стоялъ Прускѣй Король на крутой горѣ,
 Что смотрѣлъ-то—глядѣлъ на Берлинъ-городъ:
 «Охтѣй, батюшко ¹⁾, укрѣпушка, Берлинъ-городъ!
 «Ты кому же, моя укрѣпушка, достанешься?
 5. «Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому,
 «А еще генералушкѣ Краснощокому!»

¹⁾ Вотъ доказательство наглядное, что „Королевична“ въ то же время
 можетъ быть и „Королевой.“—²⁾ Если сидитъ и тѣмъ больше говоримъ, то
 по народному словопотребленію онъ *во бесѣдѣ* (скамья и разговоръ); а
 за тѣмъ уже и *въ бесѣдкѣ*—подъ навѣсомъ вѣтвей (Laub) или тесовымъ
 (Wölbe-, Ge-wölbe).—³⁾ По нашему нынѣшнему: въ чемъ мудрость, въщее
 свойство Короля.—⁴⁾ Бой-тъ; у насъ—Прусаковъ съ Русскими.

¹⁾ Это самое позднее представленіе о городѣ, послѣ древнѣйшей „дѣвд-
 цы“ и „матушки“ таковы уже „Ватюшка Ярославль-городъ“ и т. п. Отъ
 того у Славянъ всѣ древнѣйшіе города (не исключая Кіева, Кракова, и т. п.)

- У какъ ходить Краснощокій съ купцомъ по торгу,
Закупаеть Краснощокій свинцу—пороху,
Заряжаетъ Краснощокій сорокъ пúшечекъ,
- 10. Пробиваетъ Краснощокій стѣну каменну,
Достаеть Краснощокій Короля Прусскаго ²⁾:
Какъ Прускаго Король подъ столикомъ—
Сидѣлъ сърымъ котикомъ;
Изъ палаты—то онъ вылетывалъ
- 15. Чернымъ вѣрономъ;
По синю морю выплавливалъ ³⁾
Сизымъ слезнемъ.

(Запис. П. В. К.—изъ отъ Т. А. мѣщанин-старухи).

*

19.

(Тамъ же).

- Не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются;
Что не золотая трубынька вострубѣла,
Не серебряная сиповочка ¹⁾ возыграла,—
5. Что растужится—расплатится Прускаго Король,
Сидючій—то онъ на прикрасѣ—на крутой горѣ,
Глядючій—то онъ на укрѣпушку—на Берлинъ—городъ:
«Ты укрѣпа моя, укрѣпушка, Берлинъ—городъ!
«Кому ты, моя укрѣпушка, достанешься?»
10. «Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому,
«Тому—ли же генералу Краснощокому.»»

первоначально почти безъ исключенія женскаго рода, изъ женскаго *въ среднемъ* (какъ Вильно, Ковно, Гродно и т. п., *древянке—ма*), и только гораздо позже въ *мужескомъ* родѣ.—²⁾ Замѣчательно, гдѣ городъ—батьюшка, тамъ и представитель его—Король, а Королева и Королевна исчезли.—³⁾ Отъ основнаго глагола „*воспльвать*“, плавать по верху, по поверхности (*вог-*): отъ того у народа корабль, судокъ, лодочка и т. п. обыкновенно „*плыветь—воспльвается*“ (а просто „плавать“, какъ рыба, птица, животное и отчасти человекъ, значить собственно — внутри, входя частями или орудіями въ глубь).“

¹⁾ Сопѣль, сопѣлка: орудіе духовой музыки.

- Краснощочкова—тъ генералъ гулялъ по городу,
 Закупаеъ Краснощочкой ³⁾ свинцу—пороху,
 Заряжаеъ Краснощочкой сорокъ пушечекъ,
 15. Пробиваетъ Краснощочкой стѣну каменну,
 Во полонъ беретъ Краснощочкой молоду сноху ³⁾,
 Молоду сноху Прасковьюшку ⁴⁾.
 Онъ и честию, онъ и лестию ;сталъ выпрашивать:
 «Ты скажи—скажи, Прасковьюшка, гдѣ Пруцкѣй Король?»
 20. — Пруцкѣя—тъ Король подъ столикомъ—сѣрыиъ котикомъ
 — Возвивался же Пруцкой Король—черныиъ ворономъ,
 — По дикѣй—то степи летаеъ—сизыиъ голубемъ:
 — Краснощочкой—то летаеъ—ясныиъ соколомъ ⁵⁾.—

*

20.

(Губ. Сибирской).

- Не золоты трубушки
 Вострубили ¹⁾,
 Не серебряны сиповочки
 Заигрывали.
 5. Тутъ востужилъся—восплакался,
 Самъ Прусскѣй Король,
 Сидючій онъ на украсѣ—
 На крутой горѣ,
 Глядючій онъ на украсу—
 10. На Берлинъ—городъ:
 «Ты украса моя, украсушка,
 «Ты Берлинъ—городъ!

³⁾ Рядомъ объ формы, на *овъ* и *ой*.—³⁾ Жену для сына, невѣстку: эта черта намъ послѣ пригодится.—⁴⁾ См. выше и ниже объ этомъ имени въ XVIII в.—⁵⁾ Въ противоположность Королю, отъ него перешли вѣщія свойства и на Краснощочкова, а творчество выиграло новый образъ.

¹⁾ Отрѣзки съ конца перваго стиха образуютъ стихъ второй, короче перваго (не по ровныиъ половинамъ, какъ въ „двойномъ“).

«Доставалася моя украсушка
 «Царю Бѣлому,
 15. «Его главному генералу
 «Краснощокову.»»

*

Вторая половина этого образа переходить уже къ Очакову и Потемкину, а потому см. ее ниже.

Слѣдующій образецъ заключаетъ собою однородный разрядъ пѣсенъ. Въ немъ изображается торжественный возвратъ войска въ Москву и за сямъ, какъ рассказъ возвратившихся, взятіе Берлина представляется дѣломъ уже совершившимся (хотя и въ устахъ еще Короля):

21.

(Губ. Тульской, у. Черясаго).

Что не стадишко изъ черныхъ галочекъ подымалося,
 Подымалася наша армія государева:
 И не много, и не мало,—семьдесятъ семь полковъ.
 Впередъ бѣжить молодой почтарь,
 5. Молодой почтарь, самъ не трѣхнется,
 По плечамъ бѣжать русыя кудерьки,
 Русы кудерьки не ворохнутся.
 Подбѣгаетъ къ матушкѣ каменной Москвѣ,
 На устрѣчу Московскіе цѣловальнички;
 10. Цѣловальнички испугались, всѣ разбѣглися:
 «Вы не бойтесь, цѣловальнички, не пугайтесь ничего!
 «Отпустите вы сладкой водочки на пять сотъ рублей,
 «Зеленá вина на всю армію государеву ¹⁾!»

На оградѣ сидѣлъ Прусской Король—чернымъ вѣрономъ,
 15. По поднебью металъ Прусской Король—яснымъ соколомъ,
 Подъ столомъ—то сидѣлъ Прусской Король—сѣрымъ котикомъ.

Какъ возговорилъ Прусской Король:

¹⁾ За сямъ рассказъ возвратившихся, изображеніежъ и словами Короля

- «Ты укрѣпа-ль моя, укрѣпушка,
 «Славный Берлинъ-городъ!
 20. «Ты кому же, моя укрѣпа, достанешься?
 «Доставалась моя укрѣпа царю Бѣлому,
 «Царю Бѣлому, генералу Краснощокѣ.
 «Я строи́лъ тебя, укрѣпушку, ровно тридцать лѣтъ:
 «Разорили тебя, укрѣпушку, въ три часа!»»

* *

Какъ мы видѣли выше въ пѣсняхъ возвратъ войска изъ походовъ Шведскихъ и Пруссскихъ, такъ и послѣдующій небольшой разрядъ пѣсень описываетъ возвратъ изъ похода съ Краснощокѣвымъ, но такъ, что молодець, обыкновенно при этомъ изображаемый какъ тицъ ранней гибели отъ врага, смѣшивается съ самимъ, умирающимъ будто бы отъ ракъ, Краснощокѣвымъ.

Возвратъ войска изъ похода съ Краснощокѣвымъ.

22.

(Губ. Оренбургской).

- Мимо города мимо Питера,
 Мимо матушки каменной Москвы,
 Тутѣ шли-прошли два полка солдатъ.
 На передъ полкъ идѣтъ веселъ и радошень,
 5. А другая-тѣ полкъ идеть не веселъ, не радошень:
 На передъ идутъ съ барабанами,
 По бокамъ-то идутъ со сиповками,
 Позади-то идутъ съ музыкантами,
 Посередъ-то ведутъ коня сиваго,
 10. Коня сиваго, свѣтлогриваго.
 На конѣ-то сидитъ добрый молодець,
 Добрый молодець, Краснощокѣвъ князь.
 Онъ не пьянъ-то сидитъ,—самъ шатается,
 Подъ нимъ добрый конь подгибается.
 15. Увидала его родна матушка
 Изъ высокаго, новаго терема,

- Изъ подъ краснаго изъ окошечка:
 «Ты дитятко мое милое,
 «Чадичко возлюбленное!
20. «Не ходи-ка ты на царевъ кабакъ,
 «Ты не пей-ка, не пей вино царское,
 «Вино царское, государское!»
 — Государыня моя, родна матушка!
 — Не ходилъ-то я на царевъ кабакъ,
25. — Ужь я не пилъ-то вино царское.
 — Вино царское, государское;
 — Напойлъ-то, де, насъ Краснощокъ князь,
 — Трема поймами, тремя разными:
 — Еще перво-то пойлице—свинцовъ пуля,
 30. — Другое-то пойлице—строевъ ружье,
 — А третье-то пойлице—кленовъ стрѣла.—

(Сообщено В. И. Далекъ).

*

23.

(С. Головино, губ. Самбирск.).

- Какъ по Питерской было по дороженьки,
 По Московскою по широкою,
 Тутъ шли-прошли солдаты.
 Веселы полки, очень радостны,
 5. А одинъ-то полкъ не веселъ идетъ,
 Не веселъ и не радошень:
 Добрыхъ коней въ поводу ведутъ,
 Краснощокъ на рукахъ несутъ.

- Увидала его родна матушка:
 10. «Охъ ты дитятко мое милое!
 «Ты за чѣмъ больно пьянъ напиваешься?»
 — Государыня моя, родна матушка!
 — Я не самъ-то пьянъ напиваюся,
 — Напойлъ-то меня супостатъ Прусскій Король,

15. — Тремя пойлами, тремя разными:
 — Первое пойлице—сабля острая,
 — Другое пойлице—ружье огненно,
 — Третье пойлице—каленá стрѣла.—

(Записано Языковымъ.).

* * .

Къ этой же эпохѣ происхожденіемъ своимъ примыкаетъ пѣсня о *взятій полонякъ* (даже двухъ полонякахъ), видимо возникшая сперва на рубежахъ Шведскихъ (быть можетъ въ связи еще съ королевой Шведскою, о которой въ 8-мъ выпускѣ), потомъ на Прусскихъ (гдѣ мы также видѣли недавно взятую королеву), а наконецъ и Турецкихъ, смотря по ходу событий и войнъ. *Германтъ* сливается здѣсь съ *Истриномъ—Нострожаномъ*, потомъ съ врагомъ *Караманомъ*, *Истримъ* и *Гостимъ* съ *Хотикомъ*. Постепенно изъ этого явленія, совершенно естественнаго, общаго и частнаго, вырабатывается пѣсня съ чертами *чисто-историческими*, при чемъ въ ней повторяются многіе образы и выраженія, свойственные кругу Краснощокскому; но, кромѣ того, *Румянецъ*, тогда же начавшій свое поприще и въ началѣ, какъ извѣстѣ, отбѣженный на границѣ между прочимъ любовными похождениями, Румянецъ, по народному воззрѣнію и словопроизводству какъ генералъ *румяный*, связуется съ другимъ генераломъ *Краснощокимъ*, то есть, какъ мы знаемъ, *Краснощокowymъ*. Къ Румянцеву, въ его спеціальную пѣсню, переходитъ многое изъ пѣсни Краснощокской. Когда это сліяніе случаевъ, образовъ, именъ и выраженій совершилось для народа, тогда вмѣстѣ съ тѣмъ при Румянцевѣ пѣсня окрѣпла и примѣнена, говоримъ, къ событію чисто-историческому: но это совершилось уже при Екатеринѣ, гдѣ мы и напомнимъ это, и приведемъ самую пѣсню въ ея исторической обстановкѣ. Пока же помѣстимъ здѣсь нѣсколько образцовъ ея перваго зародыша въ постепенномъ развитіи.

Взята дѣвушка на границѣ.

24.

(Москва).

Подъ городомъ подъ Кермантомъ,
 Служили тамъ два братца,
 Не поручикъ ли съ капитаномъ.

- Не подѣ городѣ подступали ¹⁾,
 5. Земляную стѣнушку разбивали:
 Во полѣну-то они взяли
 На ²⁾ Шведскую панью, мѣдную княгиню.
 Восплакалась наша Шведская панья,
 Востужилась наша мѣдая княгиня:
 10. Утѣшаютъ еѣ на ²⁾ два братца,
 Утѣшаютъ еѣ на два родные,
 Не поручикъ ли съ капитаномъ:
 «Не плачь ты, не тужи, на Шведская панья,
 «Мы возьмёмъ тебя за сестру родную!»

(Записано П. В. К—мъ).

*

25.

(Воронки, у. Звенигородскаго).

- Приворачивай, ребята, ко царѣву кабаку,
 Ко царѣву кабаку, зеленого вина пить ¹⁾!
 Не успѣли вина пить, въ барабаны стали бить,
 Въ барабаны выбивали, насъ мѣлодцевъ высылали,
 5. Насъ мѣлодцевъ высылали, лѣжки шляпы надѣвали,
 Лѣжки шляпы со перѣми, съ генералами гуляли ²⁾.
 Генералъ съ нами гулялъ, сорокъ пушекъ заряжалъ,
 Сорокъ пушекъ заряжалъ, въ Костроманъ городъ стрѣлялъ ³⁾.
 Костроманъ городъ—привольте, питья—кушанья довольно.
 10. Ой, во лужкахъ—лужкѣхъ ходять дѣвушки въ кружкахъ,
 Двѣ дѣвушки танцовали, насъ мѣлодцевъ забавляли ⁴⁾....

(Запис. П. В. К—мъ 1833, Авг. 20).

*

¹⁾ То же, что иначе: „умъ какъ подѣ городѣ они подступали (объ отрицательномъ оборотѣ ср. у насъ во многихъ мѣстахъ выше).“—²⁾ То же, что выше „не, но,—ино.“

³⁾ Слова солдатъ и солдатской пѣсни.—⁴⁾ Т. е. „мы.“—³⁾ Ср. эти черты и самыя выраженія съ пѣснями о Прусскомъ походѣ при Краснощоконѣ.—

⁴⁾ Пѣсня не кончена въ этомъ образцѣ: слѣдовало, какъ взяли дѣвушку на Русь. Двѣ же дѣвушки, вмѣсто одной, отвѣчаютъ выведеннымъ выше *двумъ* братьямъ, вмѣсто одного (двоихъ же увидимъ ниже и при Румянцевѣ: отца и сына).

Прежде, чѣмъ перейти къ Румянцеву (о чемъ ниже), образъ полонянки, взятой на Русь за мужъ, переходитъ, какъ мы говорили, ко Краснощочкову, этому многообъемлющему герою по мѣсту и времени дѣйствія, на границу „Турецку“, гдѣ, благодаря богатству козацкаго творчества, образуется слѣдующую прекрасную пѣсню:

26.

Краснощочковъ и полонянка.

(Земля Войска Донскаго).

Между Кумь-рѣки, между Терекомъ ¹⁾,
 Между тѣхъ-то, было, трехъ Кумскихъ отнóженокъ ²⁾,
 Тамъ ходилъ-гулялъ удалъ-добрый мѣлодецъ,
 Младъ Донской козакъ, младъ охотничекъ.

5. За плечами онъ носилъ пицаль Турску,
 (Пицаль Турску) все винтовочку,
 Долгомѣрную, семипядную, восьмибляшную;
 Вѣсто цѣлика врѣзанъ у винтовочки бралянтъ камень;
 У винтовочки насѣчка позлачѣная;
 10. У винтовочки подсошечекъ ³⁾ кизилловый.
 На винтовочкѣ какъ написано-напечатано:
 Что «Иванъ-то сударь Краснощочковъ сынъ.»

Онъ шелъ-то не стѣжкою, не дорожкой,
 Всѣ тропинкою (всѣ) звѣриною:

15. На встрѣчу ему мать сѣра ланья сы ланятами.
 Какъ раскидываетъ онъ подсошечекъ кизилловый,
 Онъ прикладываетъ, благословляется:
 «Ты позволь, мать сѣра ланья, по тебѣ стрѣлять,
 «По тебѣ стрѣлять, по твоимъ дѣточкамъ?»
 20. — Ты меня убьешь—не шубу сошьешь,
 — Ланятъ побьешь—не опушишь ⁴⁾:
 — Ты пойдѣ, пойдѣ, младъ Донской козакъ,

¹⁾ Между Кумов и Терекомъ.—²⁾ *Отногы, Отнога*, старое Славянское слово (какъ *отрогы* вт. п.): развѣтвление, извитіе—горь, корней (*radices—pedes montium*).—³⁾ Какъ у сохи въ древнѣйшихъ былинахъ: подставка (расширенная рогатка) подъ ружье.—⁴⁾ Шубу.

- Младь Донской козакъ, младь ехотименя,
 — Въ зелёнй дуга, въ заповѣдныя;
 25. — Тамъ ходитъ Турчинъ со Турчаночкою,
 — Онъ ублажаетъ молодую ⁵⁾ Турчаночку,
 — Забавляетъ въ звончатныя ⁶⁾ гусельки.
 — Ты Турчина убьешь,
 — А Турчаночку за мѣжь возьмешь.—

(Ср. Сборникъ г. Савельева 1866 г.).

* *

Послѣ мнимой или такъ сказать подставной бѣды и смерти Краснощочкова при возвратѣ войска изъ Прусскаго похода, настаетъ по пѣснямъ действительная, подлинная *неволя* и *смерть Краснощочкова*, гдѣ онъ гибнетъ уже самъ собою, никого собою не замѣняя и ни съ кѣмъ не сравниваясь своимъ историческимъ именемъ, то есть настаетъ именно такая *неволя*, которая, по известнымъ признакамъ, выше въ подробности означеннымъ, мы называемъ специально *историческими*.

Это не значитъ, впрочемъ, что пѣсни эти *впередѣ* и *заднимъ* заимены про Краснощочкова: по известнымъ намъ приемамъ, онѣ восподърались мотивами, образами и чертами гораздо старшими. Такъ, первая изъ нихъ, о *неволя*, прямо повторяетъ образы и даже выраженія пѣсни *Разинской*, напечатанной нами въ 8-мъ выпускѣ, Дополненія, стр. 316, 317, № 2; въ сборникѣ у Кирши, какъ известно, повторяется то же въ другой обстановкѣ и съ инымъ примѣненіемъ.

Краснощочковъ

въ неволѣ.

27.

- Не отъ тучи, ни отъ грома, ни отъ солнышка,—
 Отъ великаго оружія солдатскаго
 Загоралася въ чистомъ полѣ ковыль-трава,
 Добиралася ¹⁾ до бѣлаго до камышка:
 5. Что на камышкѣ сидитъ младь-ясень соколь,
 Подпалилъ онъ свои бѣстрыя крылышки.

⁵⁾ Д. б. „младу.“ — ⁶⁾ Чаще „звончатя“

¹⁾ Загорѣвшаяся трава, трава въ огнѣ.

- Обожогъ онъ свои скорыя ноженки.
 Прилетали ²⁾ къ соколу стадо вороновъ,
 Что садились черны вороны вокругъ его,
 10. И въ глаза ли ясному ³⁾ соколу насмѣлялся,
 Называли они сокола вороною:
 «Ты ворона, ты ворона подгумѣнная!»

- Ахъ, что въговорить въ кручинѣ младъ-яснѣ соколъ:
 «Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
 15. «Отрощу я свои крылья, крылья быстрыя,
 «Оживлю я свои ноги, ноги скорыя,
 «Я взовьюся, младъ-яснѣ соколъ, выше облака,
 «Опущуся въ ваше стадо я скорѣй стрѣлы,
 «Перебью я черныхъ вороновъ до единого ⁴⁾!»

20. Ахъ, когда былъ Краснощокъ во неволюшкѣ,
 Онъ вскричалъ ли, онъ взвопилъ ⁵⁾ громкимъ голосомъ:
 «Ой вы гой еси, друзья-братья-товарищи!
 «Не покиньте добраго ⁶⁾ молодца при бѣдности:
 «Ужъ какъ нѣкоторо время пригожусь, братцы, вамъ,
 25. «Замѣню я вашу смерть животомъ моимъ,
 «Животомъ моимъ и грудью бѣлою!»

(Первоначально въ пѣсенникѣ Чулковскомъ и Новиковскомъ, потомъ въ послѣдующихъ, на примѣръ въ Кузнецовскомъ, съ заглавіемъ „пѣсня о заключеніи Краснощокова“ и съ замѣткою, что „голосъ протѣжной и громкой.“ Разворотъ мале; нѣсколько больше нѣтъ, но формахъ рѣчи, въ слѣдующемъ образцѣ:)

28.

(Воинъ Войска Донскаго).

Ни отъ тучи, ни отъ грома, ни отъ солнышка,—
 Отъ великаго оружія солдатскаго
 Загоралась въ чистомъ полѣ кавыль-травушка.
 Добиралась (ся) до бѣлаго до камышка:

²⁾ Множественное при собирательномъ „стадо“, какъ обычно въ древнѣмъ языкѣ.—³⁾ Д. б. „ясну.“—⁴⁾ Доселѣ сравненіе.—⁵⁾ Книжное; д. б. „онъ вскричалъ ли—возмоуль“ или „возмоуля.“—⁶⁾ Д. б. „добра.“

5. Что на камышкѣ сидитъ младъ-ясенъ соколъ.
 Подпалилъ онъ свои быстры крылышки,
 Обжогъ онъ свои скорыя ноженки.
 Прилетало къ соколѹ стадо вороновъ,
 Что сажались черныя вороны вокругъ его,
 10. И въ глаза ли ясному (ясну) соколу насмѣхались,
 Называли они сокола вороною:
 «Ты ворона, ты ворона подгумѣнная!»

Какъ возговорить во (въ) кручинѣ младъ-ясенъ соколъ:
 «Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
 15. «Отрошу я свои крылья, крылья быстрыя,
 «Оживлю я свои ноги, ноги скорыя,
 «Я взвѣюсь (ся), младъ-ясенъ соколъ, выше облака,
 «Опущуся (ся) въ ваше стадо я скорѣй стрѣль,
 «Перебью я черныхъ вороновъ до единого!»

20. Ахъ, когда былъ Краснощоконъ во неволюшкѣ,
 Онъ вскричалъ ли, онъ взопилъ громкимъ голосомъ....

(Ср. Сборникъ г. Савельева 1866 г.).

* *

Подобнымъ образомъ и слѣдующая пѣсня, о смерти Краснощоконъ, основана вся на старшихъ, именно Петровскихъ, приведенныхъ у насъ о разныхъ лицахъ въ 8-мъ выпускѣ, и даже еще на старшей, съ которой собственно и начинается весь этотъ разрядъ, о книгѣ Семенѣ Пожарскомъ, что напечатана мы въ выпускѣ 7-мъ. При лицѣ Краснощоконъ пѣсни только вторично „специализована“, одинаково и предъ Лёвенгаунтомъ (ср. у насъ выше), и предъ ханомъ Крымскимъ.

29.

Краснощоконъ умираетъ.

Что сказать ли вамъ, братцы, про диковинку,
 Какъ про вѣрнаго слугу про Краснощоконъ?
 Отъ чего, братцы, ему скоро смерть случилася?
 Солучилася ему скоро смерть отъ измѣнщика

12*

5. Понмали же Краснощоккова на черной гряди ¹⁾.
 Онъ слѣзаль ли Краснощокковъ со добра коня,
 Вынималь ли Краснощокковъ саблю остроу,
 Онъ срубилъ ли со добра коня буйну голову;
 Онъ срубивши голову, говорилъ ему:
10. — Не доставайся ты, мой добрый конь, злу Татарину ²⁾! —

- Ужъ какъ взяли Краснощоккова за бѣлы руки,
 Повели же Краснощоккова къ хану Крымскому,
 Ужъ какъ стали Краснощоккова крѣпко спрашивать:
 «Ты скажи, скажи, Краснощокковъ, истинну,
 15. «Еще много ли у васъ силы со фельдмаршаломъ ³⁾?»
 — Со фельдмаршаломъ у насъ силы—ей силъты нѣтъ.—
 «Еще много ли у васъ силы съ Краснощокковымъ?»
 — Съ Краснощокковымъ у насъ—что цѣтовъ въ поляхъ.—
 «Послужи же намъ, Краснощокковъ, вѣрой—правдою!»
 20. Ахъ что вгѣворить Краснощокковъ злымъ Татаринамъ:
 — Послужу я вамъ, друзья мои ⁴⁾, саблей остроу
 — Что надъ вашими ль надъ буйными головками!—
 Еще тутъ ли Татаре осердились,
 Они стали надъ Краснощокковымъ наругатися,
 25. Принялись у Краснощоккова ноги рѣзати.
 Они разными муками его мучили:
 А правды изъ него не вывѣдали.
 (Хоть съ живаго съ него кожу содрали,
 Но души изъ него не вынули ⁴⁾.)

*

(У Чулкова и Новикова; потокъ мелкия откъны у прочихъ, изъ которыхъ приведемъ подъ слѣдующимъ № текстъ пѣсенника Театральнаго и Кузнецовскаго, съ поправками Н. И. Дмитриева, обозначаая главы изъ нихъ курсивомъ).

¹⁾ Первоначально это указывало на предопредѣленной мѣстности, какъ при Пожарскомъ на Козотоцъ.—²⁾ Совершенно тотъ же мотивъ, какъ при смерти знаменитаго Сербскаго Краевича Марка.—³⁾ То же при Шереметевѣ или съ Краснощокковымъ при Леси и Минихъ.—⁴⁾ Отъзывается книжною подправкою.

30.

Сказать ли вамъ, братцы, про диковинку,
 Про вѣрнаго слугу Краснощокова?
 Отъ чего скоро смерть ему случилася?
 Стучилася ему скоро смерть отъ измѣнника ¹⁾).

5. Поймали же Краснощокова на черной грязи.

Онъ слѣзалъ, Краснощоковъ, съ добра коня,
 Вынималъ Краснощоковъ саблю острую,
 Онъ срубилъ со добра коня буйну голову,
 Онъ срубивши голову, говорилъ ему:

10. — Не доставайся ты, мой доброй конь, злу Татарину!—

Ужь какъ взяли Краснощокова крѣпко спрашивать ²⁾:

«Ты скажи, скажи, Краснощоковъ, *правду истинну,*

«Еще много ли у васъ силы со фельдмаршаломъ?»»

— Со фельдмаршаломъ у насъ *силамъ* смѣты нѣтъ.—

15. «Еще много ли у васъ силы ³⁾ съ Краснощоковыми?»»

— Съ Краснощоковыми у насъ—что цвѣтовъ въ поляхъ.—

«Послужи же намъ, Краснощоковъ, *со вѣрой—правдею!*»

Какъ возговорить Краснощоковъ злымъ *Татаревамъ:*

— Послужу я вамъ, друзья мои, саблей острую,

20. — *Поспку ей ващи буйны головы!*—

Тутъ невѣрные озлобились,

Они стали надъ Краснощоковыми ругаться.

Они разными муками его мучили:

А правды изъ него не вывѣдали.

25. Хотѣ съ живаго съ него кожу содрали,

Да души ея не вынули.

(Печаталось съ надписью: „Воспоминаніе о Краснощоковѣ. Голосъ печальной.“)

* *

1) „Измѣнника.“—2) Такъ сокращено; или: „Ужь какъ взяли Кр. за бѣлыя руки, Поведи же Кр. крѣпко спрашивать.“—3) „Силы“ нѣтъ.

Имя и подвиги Краснощокова встрѣчаются какъ „воспоминаніе“ и въ пѣсняхъ позднѣйшихъ, которыя увидимъ ниже.—Одна пѣсня объ немъ („Приутихло-приумолкло“) приведена у Корниловича въ „Русской Старинѣ“ съ голосомъ на нотахъ, стараніемъ Кольбе.

Объ этомъ крупномъ историческомъ лицѣ нѣтъ доселѣ дѣльной монографіи, ни біографіи его, даже у самихъ Донцовъ, столь имъ прославленныхъ. Самые обильные наши историки, по необходимости встрѣчая его имя, отзываются объ немъ на вопросы наши совершеннымъ незнаніемъ.

А между тѣмъ это *последній Русскій богатырь*, въ смыслѣ, близкомъ къ древности: съ именемъ и лицомъ его связаны *последнія* наши *Былины* въ собственномъ смыслѣ; никто послѣ него не вызвалъ въ народѣ подобнаго былевого творчества. Онъ, какъ герой, сопровождается пѣсней съ молодыми дѣть до смерти: и, какъ видѣли мы, нѣсколько разъ исчезаетъ, нѣсколько разъ гибнетъ и умираетъ на разные лады (значитъ не совсѣмъ еще умираетъ за разъ, а черезъ промежутки снова воскресаетъ въ творческомъ сознаніи), подобно Ильѣ Муромцу. Подобно сему же послѣднему, соединяетъ онъ имя *богатыря* и *козака*, *атамана*: но, кромѣ того, еще *мужа бригадира*, *генерала*, связуя собою древность съ самою послѣднею новизною; народъ, видѣли мы, дѣлаетъ его даже *королемъ* и *княземъ*. По силѣ его значенія, къ образу его привлечены былевыя богатырскія черты и выраженія изъ самыхъ старшихъ Былинъ: соприкоснувшись съ ними, именно этому обязанъ всего больше Король Прусскій, получившій также древнѣйшія богатырскія отличія, подобно какъ симъ способомъ воскресали и живо изображались разные *враги* нашихъ богатырей. Ему же, говорили мы, обязанъ Румянцевъ, тѣмъ, что стяжалъ въ пѣснѣ нѣсколько очертаній и выраженій народныхъ. Платовъ, единственный, наименовавшій нѣсколько Краснощокова, счастливъ единственно тѣмъ, что повторилъ при себѣ отголоски Краснощоковскихъ Былинъ, что былъ отгѣнкомъ, тѣнью Краснощокова. Другаго же, *разнаго* Былеваго образа во всемъ блескѣ послѣ Краснощокова, повторять, вовсе уже не было. Прочіе, послѣдующіе и пресловутые наши герои прославлены искусственнымъ словомъ, не въ пѣснѣ исторической, не въ Былинѣ народной: много, если имъ отданы пѣсни Солдатскія. Краснощоковымъ Былевымъ наше пѣснотворчество, можно сказать, замыкается на всегда въ смыслѣ собственномъ и въ силѣ производительной.

* *

Теперь, по закону XVIII вѣка, нами разъясненному, послѣ геройской стороны свѣтлой, сейчасъ изображенной, въ пѣснотворствѣ народномъ готова соотвѣтственная темная, хотя также въ своемъ родѣ героическая и во всякомъ случаѣ историческая. На этотъ разъ продолжатель послѣдствій эпохи Кайновской: воспоминается связанный съ нею и съ Камчаткою Балчугъ, смерть одного изъ Кайновыхъ послѣдователей, *Васьки Ремезова*, и въ особенности казнь, постигшая извѣстную намъ *Аллушку* (теперь уже купеческую вдову), рукою палача Андрея, по всему видно—за измѣну, жертвою которой былъ сначала Кайнъ, потомъ выданный Ремезовъ.

**Казнь Васьки Ремезова.
Местъ предательницъ Аннушки.**

(Астрахань).

За Москву за рѣкою,
За Мушнымъ большымъ рядомъ
И за Балчужнымъ ¹⁾,
Тута шли-прошли солдаты,
5. Солдатушки служивые.
У нихъ ружья на плечахъ—
Штыки прижнуты ²⁾;
Поперѣдъ у нихъ идетъ
Самъ грозенъ, братцы, палачъ;
10. Позади его ведутъ
Ваську Ремезова:
Ведутъ его казнить-вѣнати.

Какъ возгворить Василій
Андрею палачу:
15. «Ужъ ты братецъ, ты мой братецъ,
«Братъ Андриюшенька палачъ!
«Не помни, братъ Андрюша,
«Прежней грубости ³⁾;
«Ты повѣсь меня скорѣй,
20. «Веселѣе-веселѣй!
«Не повѣсишь ты, собака,
«Завтра самъ угодишь ⁴⁾»
Онъ повѣсилъ, воръ-собака,
Поскорехоньку:

¹⁾ Рыбнымъ: это известная намъ мѣстность, отъ Мытнаго Двора и нѣшняго Москварѣцкаго моста, поприща Каннова, до границъ поприща Камчаткина.—²⁾ Стихъ, такъ называемый у насъ, «двойной».—³⁾ Моёй какой либо и по мести за нее не тщи казни.—⁴⁾ «Воръ-собака» обычное прозвище палачей: но Андрей былъ пріятель и самъ сообщникъ Ремезова, такъ что и ему угрожалъ наговоръ Аннушки.

25. И садился воръ—собака
 На извошника;
 Онъ поѣхалъ, воръ—собака,
 Въ Преображенское село ⁵⁾,
 Ко Аннушкѣ ко вдовѣ,
 30. Ко купеческой женѣ ⁶⁾.
 Онъ стучится, воръ—собака,
 Объ колечушко.
 Не успѣла дума Аня
 Воротецкѣ отпереть,—
 35. Вынимаетъ воръ—собака
 Свой булатный ножъ,
 Онъ подрѣзалъ, воръ—собака,
 Грудь бѣды ⁷⁾.

(Эта пѣсня, известная и въ Москвѣ, помѣщена по лучшему образцу, который записанъ для насъ почтеннымъ вѣнкомъ Н. Е. Молчановымъ, въ Астрахани, отъ старика Ильи Яковлева, бывшаго моряка-матроса, а сей послѣдній привезъ пѣсню изъ Москвы съ знакомой намъ Парусной фабрики или изъ Матросскаго дома, съ этого пенселища Кавказскихъ и Камчатскихъ преданій).

* *

Гораздо яснѣе, по тому же правилу XVIII вѣка, послѣ свѣтлыхъ образовъ въ народномъ пѣснотворествѣ выдается *образина*: не то, чтобы она не привлекала народнаго вниманія, — доказательствомъ противнаго служатъ уже сложенные про нее и сбереженные пѣсни; и безобразіе, возводимое до артистическаго удалства, также притягиваетъ къ себѣ поэтическія краски. Но эпоха Капна послужила для Москвы и сосредоточеннаго въ ней творчества, поучительною школой, своего рода отрезвленіемъ и вразумленіемъ. Разбойники и разбойнички, удалая вольница, гулящіе люди продолжали не только дѣйствовать, но еще отчасти и влѣзать болѣе отдаленный міръ козачества, украйивъ, рѣкъ судоходныхъ и стеной, заманивая къ себѣ прихотливую фантазію нашихъ усердныхъ искателей „политическаго дви-

⁵⁾ Знаменитое послѣ Петра мѣсто всѣхъ возможныхъ постепенныхъ сектъ, дѣль числа коихъ къ Скопеческой принадлежала Аннушка.—⁶⁾ Эта послѣдшность объясняется и желаніемъ Андрея отомстить за погибшаго товарища, и опасеніемъ навѣтовъ за самого себя.—⁷⁾ По древнему: „спороль“ и за тѣмъ „вынулъ сердце съ печенью.“ Но здѣсь слышенъ еще памятный намекъ на дѣвushку-хлыстовку, съ подрѣзанными безъ того грудями: Андрей покоячилъ, подрѣзалъ совсѣмъ.

лешія между парадомъ." Многогѣтній, яркій и внужительный ярмаръ Капана, начавшаго тѣмъ же, вывелъ подъ комедъ плоды подобныя дѣянію на свѣжую воду: взглянувши въ нее безпристрастно, Москва—и первая между другими—увидала въ расщепленныхъ струяхъ дѣйствительную „образину," подлинныхъ и по просту—воровъ, мошенниковъ, грабителей. Практика текущей жизни прохалаживала взглядъ еще лѣтственнѣе: трудно становилось жить въ Москвѣ отъ воровства и грабительства, пожаровъ, донесовъ и безвѣстныхъ разбирательствъ; еще тяжелѣе было въ окрестности, на 20 верстѣ вокругъ, по всѣмъ большимъ и проѣзжимъ дорогамъ. Чѣмъ шире, торнѣе и люднѣе была дорога, тѣмъ опаснѣе, не только одиночкамъ, но и цѣлымъ обозамъ: выѣзжали за заставу покаясь усердно, крестясь, торопясь, оглядывавясь,—страхъ, сопровождавшій каждаго во вреданіи чужихъ, собственныхъ лѣтъ въ ранней молодости (съ первыхъ дѣтскихъ годовъ мы бѣдили по деревнямъ и хорошо помнимъ впечатлѣнія). Такимъ образомъ это вовсе было не случай, не страхъ предъ неизвѣстностью: очень хорошо была извѣстна опасность, опредѣлены были пункты ея, нѣтъ сомнѣнія ожидалась насильяки. Самыя первая деревня отъ Москвы, большею частію высадки, остановки и станціи, при оврагахъ, свусахъ и подьемахъ, переправахъ и дѣвствіяхъ захлустьяхъ, получили названія, утвержденныя до сихъ поръ: по одной дорогѣ (Дмитровской)—*Диаоборы, Луцки*; по другой (Рогачевскій)—*Гнилуша, Семестуха*; по третей (Владимірской)—*Обираюжа*; по четвертой (Звенигородской)—*Раздоры* (гдѣ завивалась придорожьи), *Голуша* (гдѣ обирали), *Уборы* (гдѣ убиралась и—поимъ въ воду), и т. д. названія, не требующія поясненій, тѣмъ больше, что мѣстности эти для народа доселѣ окружены страхомъ.—Въ подобномъ положеніи окрестностей Москвы, такъ какъ мы съ XVIII вѣка и теперь въ особенности должны обратить на нихъ вниманіе въ цѣляхъ нашего ближайшаго предмета, чтобы прайтѣ перейти къ пѣснямъ, здѣсь сосредоточеннымъ, предлагаемъ пока ориентироваться слѣдующимъ образомъ: спустимся изъ центра Москвы по Васманкой и Лесортову къ тому пункту Яузы, гдѣ нынѣ собственно входитъ она въ Москву, мимоавъ Сокольники, поле и огороды, круто поворачивая отсюда на право; другими словами, къ тому пункту, гдѣ раскинулась нѣкогда и въ пору, о которой говоримъ, процвѣтало знаменитое, любимое угодье Романовыхъ, село *Покровское*, съ его дворцами, церковными зданіями, оградями, мостомъ и т. д. На лѣво отсюда, если захватить взоромъ большое пространство до 10-ти квадратныхъ верстѣ, по срединѣ его окажется главная, прирѣзкая, столбовая, самая людная и Богомольная дорога, къ Троицѣ, отъ Креста: по одну сторону ея, правую относительно насъ и нашего пункта, шла на 40 верстѣ непроходимая трудяща Сожалиной царской охоты, всѣ эти Оленьи рожи, Лосиные Острова и т. д., извѣстныи страстнымъ охотникомъ Алексѣемъ Михайловичемъ; по другую сторону тянулись отъ Москвы Марьяна и Марепна, Останкино, Свиблово (Свиблово) съ Деоновымъ и Медвѣдковымъ, наконецъ Тайнин-

ское, куда взоръ упирался и гдѣ шагъ уже останавливался, ибо за тѣмъ начинались мѣстности совсѣмъ иного положенія, населенія и значенія. Тѣ же, которыя именованы у насъ, равно извѣстны въ смыслѣ народныхъ гульбищъ и привольной загородной жизни, знамениты именами владѣльцевъ (первыя—Черкасскихъ и за ними Шереметевыхъ; Леоново—Демидовыхъ; Медвѣдково—Пожарскаго, Софін, В. В. Голицына; Тайнинское—царя Алексѣя, князень дочерей его и Елизаветы), наконецъ собственными названіями, связанными съ живымъ народнымъ преданіемъ и пѣсней историческою. Дорога богомольцевъ, священнѣйшая изъ подмосковныхъ и Русскихъ, послѣ Креста черезъ пять верстъ упирается въ Алексѣевское, любимое село царственнаго охотника съ храмомъ въ честь его ангела; еще съ версту—и раскидывалось людное селеніе *Растокино*. Яуза, весьма любимая въ народѣ, преданійхъ и пѣсняхъ его, столь загаженная имъ фабриками, между прочимъ красильными, и всякими нечистотами, совершенно негодная потому и даже зловередная для Москвы (гдѣ, не смотря на всѣ ея прецеденты, продолжаютъ пить изъ нея воду и варить кушанья), Яуза собственно могла бы напоить всю Москву отличною водою безъ другихъ искусственныхъ водопроводовъ. Она выходитъ изъ тѣхъ же, прославленныхъ, громовыхъ Мытищинскихъ водоемовъ (на той же Троицкой дорогѣ за Растокинымъ въ 11-ти еще верстахъ), чистѣйшимъ холоднымъ кристалломъ омываетъ Тайнинское, обгibaетъ Медвѣдково, Свиблово, Леоново и—растекается на привольѣ по пологимъ скатамъ луговъ: гдѣ ея *раскопа*, тамъ выросло и обстроилось Растокино (та же причина, которая далеко отсюда породила знаменитый Растокъ или Ростокъ). Троицкая дорога, подобно прочимъ помянутымъ, въ ближайшихъ частяхъ къ Москвѣ, именно до Большихъ Мытищъ, славится доселѣ исполненными грабежами: самое имя Мытищъ объясняютъ въ народѣ послѣдними мытарствами, которыя приходилось вытерпѣвать; у Креста изъ вѣка состоятъ всѣ главныя притоки такъ называемыхъ „жуликовъ“, нѣкоторымъ образомъ санкціонованные въ томъ отношеніи, что до послѣдняго времени сюда обыкновенно спѣшила полиція со своими сыщиками, когда въ городѣ и окрестностяхъ совершался выдающійся изъ ряда грабежъ; сама желѣзная дорога не устранила сего, предоставивъ въ сторожъ отъ себя „простому народу“ пустынное пѣшеходство съ обычными его судьбами. — Здѣсь-то, въ Растокинѣ, какъ въ узлѣ, гдѣ имѣлась и большая дорога богомольцевъ, и по одну сторону Яуза, присоединявшая своимъ теченіемъ цѣлый дистриктъ крупныхъ, людныхъ и богатыхъ мѣстностей, ею обогнутыхъ, а по другую сторону вплоть до Мытищъ и до Москвы непроходимый Сокольническій боръ, здѣсь-то, въ эпоху Катина и Елизаветы, родилась, выросла и на далеко прославилась смѣлая владѣтельница цѣлаго очерченнаго края—Татьяна Растокинская, „дѣвица-разбойникъ.“ По преданію мѣстная уроженка, до конца поприща своего дѣвица (хотя и водилась съ подвластными атаманами) и тѣмъ болѣе дѣвица до конца, что никого не могла пѣвннть, отличалась ужасными

безобразіем своихъ богатырскихъ формъ. Народъ терпѣлъ ее, проклиная; но народъ же и пѣлъ объ ея подвигахъ, какъ поеть до сихъ поръ, а тѣмъ съ болѣющимъ удовольствіемъ, что поеть о концѣ ея и казни, съ чувствомъ тѣмъ болѣе прощающимъ, что оно относится уже къ „несчастной.“ Народъ, особенно на пеленищѣ ея, помнитъ и рассказываетъ объ ней доселѣ: онъ съ охотой приурочиваетъ ей во владѣніе и самое *Талинское* (назвѣнія изъ „Тайнинскаго“), какъ село „Танкио,“ и готовъ самыя Екатерининскія водопроды, въ сторонѣ отъ дороги, объяснять старыми пещерами, ирѣпостью и логовищемъ Таньки. Эти невнятные увлеченія силою героини или, лучше, преувеличенія, во всякомъ случаѣ неопасны для исторіи, по крайности краснорѣчивѣе совершеннаго молчанія, до сихъ поръ хранимаго оффиціальными полицейскими бумагами того времени: послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что весь полицейскій интересъ поглощенъ былъ вскорѣ крупными дѣлами Кайна, въ дѣлѣ Таньки не касался столицы, напротивъ имѣло мѣсто въ областной уездной жизни и быстрою казнью виновной, какъ скоро она попала, все живо покончилось и забыто для оффиціи. Но и преувеличенія народные, и молчаніе бумажное съ избыткомъ возмѣщаются другими преданіями и живыми урочищами. „Марьяна роца,“ входившая въ кругъ и поприще дѣйствій Татьяны, долго прозвучивала „воровскою роцею“ (о чемъ скоро скажемъ подробнѣе); „Маревъ лугъ,“ съ нею связанный, долго слытъ и остается доселѣ мѣстомъ воровскимъ, грабительскимъ; роца отъ Растокина (со стороны Москвы) въ гѣво, особенно послѣ поворота въ Медвѣдково, роца до послѣдняго времени извѣстная грабежами, изъ нея устремлявшимися на богомольцевъ, звалась и зовется доселѣ „Талькина, Тальякина роца“ или просто „Талька;“ въ пѣсняхъ воспѣвается знаменитая Танькина „Берѣза,“ подъ которой собиралась ея станица; берѣза не могла перевѣковать, — осталось другое живое урочище Татьяны, ея „Красная сосна,“ удѣлѣвшая и такъ называемая доселѣ, нѣсколько подалѣе Танькиной роцы, на той же сторонѣ (другая такая же, крякостая, вся искорченая, вѣковая сосна Таньки — по дорогѣ изъ Тайнинскаго на Медвѣдково, близъ сего послѣдняго); мѣсто это такъ насижено для грабежа, что съ тѣхъ поръ доселѣ на немъ держать ночной пикетъ, изъ окрестныхъ крестьянъ, по очереди собирающихся съ дубинами. Чтобы уловить, отчасти сохранивъ, отчасти фантастически воспроизвести подобныя народныя черты, судьба въ окрестностяхъ Медвѣдково, Слыблова и Леонова послѣдовательно помѣстиза на дачной жизни представителей лучшаго нашего пера: *Новикова, Каразина* и *Жуковского*. Первый, принявъ отъ Чулкова и провѣривъ, занесъ въ свой сборникъ двѣ главныя пѣсни о Татьянѣ, въ лучшей редакціи; второй занявъ — то ужасныя краски отверженнаго быта въ свѣдѣ „Наташю боярскую дочь,“ то перенесъ краски вѣжныя, отъ воображаемой Марьи (о ней послѣ вскорѣ) на „Лизу,“ хотя и приурочилъ ее къ другой окраинѣ Московскои; третій во своему создалъ романтическую Марію, героиню, давшую имя „Марьяной роцѣ.“ Спусти въ-

сколко времени, старовилъ, страстный любитель и описатель Останкина съ его окрестностями, С. И. Любецкій (имя его известно уже и въ нашемъ сборникѣ), въ молодыхъ лѣтахъ, изъ ходячихъ преданій составилъ цѣлый романъ или историческую повѣсть въ 4-хъ частяхъ, „Тавька, разбойница Растокинская (М., 1834),“—книга, конечно не по историчности, а по умѣнью сгруппировать для разсказа нѣсколько народныхъ данныхъ, съ удовольствіемъ читаема доселѣ, между прочимъ дѣтymi старшаго возраста (имъ сами вышли въ томъ край цѣлыхъ три года, чтобы въ ряду прочихъ народныхъ памятниковъ собрать отчасти и все уцѣлѣвшее о Татьянѣ).

Татьянѣ Растокинской посвящены собственно *два, народныя-историческія, пѣсни*, пѣсни яркія и выразительныя, отлично по старинѣ сложенныя, со знакомыми уже намъ приемами въ подобномъ случаѣ.—*Первая* захватываетъ время нѣсколько пораньше: описываетъ подъ „Берѣзою“ сборъ цвѣтущей станицы, помѣщаетъ среди станицы атамана-Татьяну, влагаетъ въ сердце ей раскаяніе и роковое предчувствіе бѣды, потомъ, во второй половинѣ, естественно переходитъ къ тому, что героиня изъ среди товарищей исчезла, они уже говорятъ объ томъ въ 3-й лицѣ, вспоминаютъ ее какъ „заключенную,“ и, наконецъ, по знакомому намъ обычаю пѣсеней сего рода, выводится на сцену сама заключенная, въ темницѣ, съ пѣсней въ устахъ, съ горькимъ сожалѣніемъ объ утраченномъ привольѣ среди „Марьиной рощи.“ Последнее обстоятельство дало поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ пишущей и печатающей Русской братии. Новиковъ, столь близкій еще къ живѣйшимъ устнымъ преданіямъ о Татьянѣ, не усумнился со словъ народа привести въ пѣснѣ эту „Марьину рощу,“ нѣсколько не приурочивая ее къ Марьѣ, напротивъ зная, что это было одно изъ поприщъ грабежей Татьяны. Напротивъ последующіе пѣсенники (или, лучше, собиратели ихъ и издатели) — одни увидали здѣсь разбойничьяго атамана *Марью* и перенесли ее даже въ заголовокъ 2-й Татьяниной пѣсни, которая прямо уже не знаетъ никакой Марьи и трактуетъ о Растокинской Татьянѣ, другіе же, отчасти убѣжденные совсѣмъ несходными преданіями о дѣйствительной Марьѣ, давшею свое имя Марьиной рощѣ и деревнѣ, отчасти соблазненные распространенною повѣстью Жуковского о романтической Марьѣ, родоначальницѣ Марьиныхъ урочащъ, усумнились передавать о такой милой Марьѣ пѣсню съ разбойничьиими красками, старались стереть ей выразительныя черты, вставляли общія ибѣста и выраженія, заглавливали пѣсню „вспоминаяіе потерянной воли,“ а вмѣсто „Марьиной,“ именовали, звучавшаго упрекомъ романтической дѣвицѣ Маріи, вставляли названіе, подъ которымъ впрочемъ издавна и слыла эта роща, названіе „*воровской рощи.*“ Другими словами, какъ первые незаслуженно посвятили дѣйствительную Марью въ разбойники, такъ вторые всячески опасались, чтобы хотя неосторожнымъ словомъ пѣсни не задѣтъ романтической Маріи Жуковского. То и другое теперь смѣшно въ виду истиннаго дѣла и смысла: тѣмъ же менѣе, и даже тѣмъ болѣе мы обязаны устранить здѣсь всякое недоразу-

имя, вскрывъ его подлинный источникъ.—*Марья*, даршая имя родѣ и деревнѣ, въ действительности не имела никакого отношенія къ *Татьянѣ Расстрижской*. По ея имени, говорили мы, прозвана роща (съ прилежащею деревней); въ ту пору густая, вплоть отъ Останкина до Бутырскъ; рядомъ, по имени *Маремъ*, „Маренинъ дугъ (съ деревней Марениной, въ лѣво къ Петровскому-Раузовскому):“ по обычаю всего XVIII-го и начала XIX вѣка, такъ, личными женскими именами, прозвались у помѣщичьихъ усадѣбъ, деревни, выселки и фермы въ честь и память—либо членовъ семьи, особенно дочерей, либо, еще чаще, помѣщичьихъ любовницъ, изъ крестьянъ и дворовыхъ (прикѣръ встрѣтимъ еще ниже); а вся мѣстность, о которой говоримъ, за одно съ Останкинымъ, принадлежала съ XVII вѣка князьямъ Черкасскимъ (послѣ черезъ замужество перешла въ Шереметевымъ). *Марья*, говорятъ, была изъ числа прославленныхъ любимцевъ княжескихъ (родомъ изъ деревни, прозванной *Марьино*): *Марса*—сестра ея. И вотъ объясненіе. Оно сколько вѣрно, столько же просто: а совпаденіе именъ столь дѣло, что когда Греки, Грузины, частію Армяне, изстари избравшіе эту мѣстность для загороднаго житія и гулянья, отчасти для кладбищъ, отбывшихся здѣсь разнымъ иностранцамъ, сложились при Елизаветѣ и, изъ числа православныхъ, иждивеніемъ Луки Долгого, построена была на углу рощи Кладбищенская Церковь, она посвящена имени Лазаря и двухъ сестеръ его, *Маріи* и *Маремъ* (Лазарево кладбище). Такъ, по Московскому обычаю и обычаю тогдашней Русской, богомольной и вполне народнои, Государяни, законченъ и покрытъ церковнымъ дѣломъ всѣ бывше грѣхи, далекая память и преданія двухъ сестеръ. Всѣ прочія фантастическія предположенія, въ родѣ того, что приводитъ С. М. Любецкій, будто „атаманъ разбойниковъ, скрывавшійся въ Сокольникахъ, увезъ какуръ-то *Марьюшку*, отеческую дочку,“ годился только для чувствительнаго Карамзина и романтическаго Жуковскаго.

Вторая пѣсня Татьянинская нѣсколькими шагами позднеѣ, но за то ярче, яснѣе, рѣшительнѣе и заходитъ дальше, описывая самый донецъ героини. „Гуляла“ и съ товарищами „ходила“ она около 40 лѣтъ: по одной пѣснѣ круглымъ числомъ 40, по другой опредѣленіе 36 лѣтъ. Душь погубила тысячу двадцать, не считая старыхъ и малыхъ; держала въ крѣпкихъ рукахъ не только всю округу, отъ Мытищъ до Москвы, отъ Тайнинскаго до Преображенскаго и Покровскаго, но посѣщала и прочіе уѣзды, и города. Красная дѣвица сдѣлалась уже старухой: хѣти все еще лихою, богатырскою и грозною. Но—сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро: захотѣлось загулять въ Москву. Конечно и тутъ она прежде бывала: да теперь, послѣ Каиновскихъ смуть и пожаровъ, видманіе было напряжено, а Государяни, жившей въ Покровскомъ, надобно наконецъ непрерывныя тревоги, не дававшія загороднаго покоя, мѣшавшія любимымъ прогулкамъ на богомолье. Съ этого момента и начинается вторая пѣсня. Подъ старость особенно атаманша полюбила вино: „Татьяна пьяна,“ таково сдѣлалось обычное

объ ней выраженіе. Загуляла она¹⁾ разъ въ Москву къ „Петровскому Кружалу,“ обширной постоянной винной выставкѣ при Петровскихъ воротахъ Блага Города (что теперь отъ Большаго Театра до Петровскаго монастыря): это было весьма близко отъ границъ Марьиной рощи и Вутирокъ. Ватага вокругъ, пошла похвальба, рублевники пивярились безъ счета за стойку, „храбро и бодро поступала“ атаманша, легко было признать въ ней „атамановы поступки.“ Окружила Полица, хозяйку ватаги вздернули на дяду: и въ застѣвкѣ она пѣсней продолжала хвастливую исповѣдь. Судь былъ коротокъ: ее жгли на соломенномъ кострѣ внѣ города, на мѣстѣ преступленій, и отрубили подъ конецъ голову. Пѣсня по обычаю продолжается и дальше: какъ Татьяна „приказала“ казнить ее по своему, разложить со всѣми товарищами въ погѣ, ей послѣдней на край рубить голову; а пока перебирали прочихъ, она имѣла время пожалѣть друзей, что изъ за нея гибли, покалалась въ томъ и просила у нихъ слезно прощенья,—конечно это прибавка уже преемниковъ Татьяны, продолжившихъ ея пѣсню и пѣвшихъ объ ней по воспоминанію. Равнымъ образомъ, съ начала XIX вѣка пѣсенники (Ильинскій, Театральнй, Кузнецовскій и т. д.), по извѣстному намъ недоразумѣнію, подписывали эту пѣсню: „Пѣсня Героини Марьиной рощи, по близости Москвы состоящей, которая называется ея именемъ. Поется протяжно, но съ порывами.“—То и другое, и подобныя неточности, нами растолкованныя, и передержки внутри самихъ пѣсенъ, не мѣшаютъ намъ признать съ полной исторической достовѣрностью, что *объ равно принадлежатъ Тамъкъ Растокинской*, что это въ народѣ *ея ясли*, какъ неизмѣнно убѣжденъ народъ и доселѣ, что онѣ по началу *сложены и явны ею самой*, хотя и продолжены дальше, объ самой кончили ея и съ воспоминаніями объ ней въ 3-мъ лицѣ, усердными ея поклонниками, уцѣлѣвшими въ живѣ, откуда и разошлись пѣсни сперва по Растокину и ближайшей округѣ, потомъ по всему Русскому народу. Примѣръ и типъ сего рода намъ не новъ, не новъ и читателямъ нашего труда послѣ многократныхъ нашихъ разъясненій: онъ повторяется неизмѣнно съ одинакими пріемами отъ Разина до Кайна, отъ Ксенія Годуновой и Евдокіи Лопухиной вплоть до Прасковьи Шереметевой, которую скоро встрѣтимъ.

Итакъ, передъ нами *два ясли* въ показанномъ ихъ порядкѣ:

Танька Растокинская.

(Москва и ближайшія къ Москвѣ мѣстности).

1.

Что далече-далече, во ¹⁾ чистомъ полѣ
При пути ли ²⁾—при широкій при ³⁾ дороженькѣ.

¹⁾ Разноръчій: „въ.“—²⁾ „Что при пути.“—³⁾ Этого „при“ вѣтъ.

Стояла тутъ кудрявая береза:

Тонешенька, бѣлешенька, кудревата.

5. Подъ тою подъ кудрявою ⁴⁾ подъ березой
Сидѣла тутъ разбойниковъ станица ⁵⁾.

Во той ли во станицѣ красная ⁶⁾ дѣвица.

Не пѣсенки красная ⁶⁾ дѣвица воспѣваетъ,

Она плачетъ, красная дѣвица, возрыдаетъ ⁷⁾:

10. «Я сорокъ лѣтъ съ разбойниками ходила,
«Я сорокъ душъ съ душою погубила,
«И батюшкѣ, и матушкѣ не уступила ⁸⁾,
«И родъ-племя красна дѣвица погубила ⁹⁾!»

Не голуби промежь себя воркуютъ,

15. Промежь себя разбойники рѣчь говорятъ ¹⁰⁾:

— Не стало у насъ, братцы, атамана!

— Засажень нашъ атаманъ во темницю,

— Во темную темницю заключенну ¹¹⁾

— Не въ саду атаманъ нашъ ¹²⁾ гуляетъ:

20. — Гуляетъ нашъ атаманъ по темницѣ,

— По темной темницѣ заключенной.

— Тяжко-больно нашъ атаманъ въздыхаетъ,

— Къ сердечушку бѣлы руки ¹³⁾ прижимаетъ.

— Любимую свою рошу вспоминаетъ:

25. — «Ой ¹⁴⁾ свѣтъ же ты моя Марына роца ¹⁵⁾!»

⁴⁾ „подъ кудрявой;“ въ другихъ „подъ кудрявою березой.“—⁵⁾ Въ другихъ: „Стояли тутъ станицы воровскія.“—Но дальше вездѣ „во станицѣ.“—⁶⁾ „красна.“—⁷⁾ „Что кричитъ красна дѣвица, востъ-плачетъ.“—⁸⁾ Такъ у Новикова: не уступила ихникъ просьбамъ оставить разбой. Другіе образцы уже утрировали: „И батюшкѣ, и матушкѣ не спустила,“ и ихъ убила.—⁹⁾ Въ древнемъ значеніи—потеряла, разошлась съ нимъ; прочіе опять преувеличили: „И родъ-племя красна дѣвица потребила,“ извела, перебила. Ужь быть злодѣемъ, такъ злодѣемъ, по мнѣнію позднѣйшихъ пѣсенниковъ. — Отсебѣ переломъ пѣсни: Татьяна исчезла, други вспоминають ее въ неволѣ.—¹⁰⁾ Разпорѣч. „говорили.“—¹¹⁾ Заключенну заключеницу, какъ встрѣчали мы выше.—¹²⁾ Друг. „нашъ атаманъ.“—¹³⁾ У Новикова хуже: „бѣлу руку.“—¹⁴⁾ „Ай.“—¹⁵⁾ Въ другихъ „воровская роца,“ по причинамъ, растолкованнымъ нами выше.

- «Никакъ ¹⁶⁾ мнѣ по тебѣ, роцца, не гуляи ¹⁷⁾,
- «Подъ широкой дороженькой не устояи ¹⁸⁾,
- «Купеческихъ людей мнѣ не разбивати ¹⁹⁾
- «(Только злата и сѣребра ²⁰⁾ не отбирати—)?!» —

* *

2 ¹⁾.

- Загуляла я, красна дѣвица, загуляла
 Со удалыми со добрыми молодцами,
 Со тѣми ли молодцами—со ворами.
 Не много я, красна дѣвица, гуляла:
5. Гуляла красна дѣвица тридцать шесть лѣтъ.
 Была-то я, красна дѣвица, атаманомъ
 И славнымъ—и преславнымъ—есауломъ.
 Стояла я, красна дѣвица, при дорогѣ,
 Со вострыми я со ножичкомъ булатнымъ:
10. Ни конному, ни пѣшему нѣтъ проѣзда ²⁾.
 Не много я, красна дѣвица, душу губила:
 Погубила я, красна дѣвица, двадцать тысячъ,
 А старого и малаго въ счетъ не клала.

- Я ѣздила по городамъ, по уѣздамъ:
 15. Захотѣла красна дѣвица загуляти

¹⁶⁾ Должно быть, ужь вѣрно.—¹⁷⁾ Прочіе многіе образцы: „Ужь какъ мнѣ по тебѣ, роцца, не тужити!“—¹⁸⁾ Не дурно и въ другихъ: „Подъ широкой дорожкой не стоять.“—¹⁹⁾ Здѣсь кончается Новиковскій образецъ: влѣдующій стихъ прибавляется въ другихъ, многочисленныхъ впрочемъ, вариантахъ.—²⁰⁾ Въ нихъ: „и сребра.“

¹⁾ Къ этой-то пѣсни, какъ мы говорили, печатные пѣсенники съ начала нашего вѣка придалали ошибочное заглавіе: „Пѣсня Героини Марьиной (или Марьянской) роцки, въ близости Москвы состоящей, которая называлась ея именемъ. Поеется протяжно, но съ порывами.“—За то образцы ея почти не представляютъ никакихъ разнорѣчій (немногія приведены у насъ); такъ она типично и цѣлѣе вымалась.—²⁾ Весьма частая, замучающая, неосозданность народной рѣчи; собственно: „Ни конному нѣтъ проѣзда, ни пѣшему прохода.“

Во славное въ Московское государство ³⁾.
 Захотѣлось мнѣ, красной дѣвицѣ, посмотрѣти:
 Богатыхъ тамъ купцовъ мнѣ поглядѣти,
 Мнѣ каменны полаты поломати,
 20. Желѣзные запоры отпирати.

Загуляла я, красна дѣвица, загуляла
 На славное Петровское на Кружало ⁴⁾.
 Безъ счету я, дѣвица, деньги выдавала,
 Не гляди рублѣвички за стѣничку ⁵⁾ бросала:
 25. «Вы пейте, мои товарищи, веселитесь!»
 Ужь тутъ-то я, красна дѣвица, бодрость оказала,
 Ужь храбро я и бодро поступала,
 Атамановы поступки показала ⁶⁾!

Ужь тутъ меня, дѣвицу, признавали:
 30. По имени красну дѣвицу называли,
 По отечеству меня величали;
 Назадъ руки красной дѣвицѣ завязали,
 Повели меня, красну дѣвицу, во полицу ⁷⁾.
 Подымали красну дѣвицу на дыбу ⁸⁾;
 35. Ужь смѣло красна дѣвица отвѣчала:
 «Постойте, судьи мои, не судите!
 «Чего вамъ отъ меня больше ⁹⁾ желати?
 «Сама я вамъ, красна дѣвица, повинюся ¹⁰⁾!

³⁾ Такъ, мы видали уже примѣры прежде, сливали часто государственную область Москвы съ средоточіемъ ея правленія—самой Москвою; такъ и современные Кавчу бурлаки порывались видѣть „Московское сильное царство,“ т. е. Москву (ср. выше). Притомъ „областное“ чувство было еще сильно развито, отводя себѣ часто границу чуть не подъ самую Москву.—⁴⁾ О точномъ мѣстѣ этой постоянной винной выставки уже говорено у насъ.—⁵⁾ Изъ за которой раздають питье и на которой принимаютъ деньги.—⁶⁾ Здѣсь необыкновенно тонко схвачена черта чисто-женскаго характера, дѣтское хвастовство „мужествомъ“ безъ оглядки.—⁷⁾ Полицію, смѣкую: но вѣроятно особую отъ Москвы, за городомъ, становую и волостную; и казнь совершенна за городомъ (ср. выше о молчаніи бумагъ).—⁸⁾ Для пытки, въ застѣвкѣ.—⁹⁾ Въ другихъ „больше“ опущено.—¹⁰⁾ За симъ, по обыкновенному эпическому приему, слѣдуетъ повтореніе рассказа о глав-

- «Не много-то я, красна дѣвица, гуляла!»
40. «Гуляла я, красна дѣвица, тридцать шесть лѣтъ;
 «Была я, красна дѣвица, атаманомъ
 («И славнымъ—и преславнымъ—есауломъ);
 «Стояла я, красна дѣвица, при дорогѣ,
 «Со вострымъ я со ножичкомъ булатнымъ:
45. «Ни конному, ни пѣшему нѣтъ проѣзда;
 «Не много я, красна дѣвица, душъ губила:
 «Погубила я, красна дѣвица, двадцать тысячъ,
 «А старого и малаго въ счетъ не клада.
 «Захотѣла я, красна дѣвица, загуляти
50. «Во славное въ Московское во царство:
 «По широкимъ по улицамъ походить,
 «Богатыхъ тамъ купцовъ поглядѣти,
 «Мнѣ каменны полаты поломати,
 «Желѣзные запоры отпирати.
55. «Загуляла я, красна дѣвица, загуляла
 «На славное Петровское Кружало:
 «Не глядя я рублѣвички вынимала,
 «За стѣничку безъ счету подавала,
 «Атамановы поступочки показала.
60. «Ужь тутъ меня, дѣвицу, признавали:
 «По имени красну дѣвицу называли,
 «По отчеству меня величали;
 «Назадъ руки красной дѣвицы завязали,
 «Повели меня, красну дѣвицу, во полицу ¹⁾».—
65. «Судите, судьи, меня поскорѣе:
 «Раскладывайте огни на солому,
 «Вы жгите мое бѣлое тѣло.
- «¹⁾ Доселѣ все выброшено въ позднѣйшихъ печатныхъ пѣсенникахъ.—

«Послѣ огня мнѣ голову рубите ¹²⁾!

«Вы слушайте, судьи, моего приказа:

70. «Ведите меня съ товарищи ¹³⁾ въ чистое ¹⁴⁾ поле,

«Зачинайте вы класть всѣхъ ¹⁵⁾ съ ряду,

«Моя, краснѣ дѣвица, на послѣдокъ.»

«Я лежа тамъ, краснѣ дѣвица, возрыдала,

Объ товарищахъ своихъ я пожалѣла:

75. Чтѣ «рано ¹⁶⁾ я васъ, дѣвица, погубила!

«Я въ себѣ винѣ, красна дѣвица, причина ¹⁷⁾:

«Простите, мои приятели—доброхоты!»

* * *

Окрестности Москвы, насъ занимающія, постепенно очистились отъ крупныхъ шпекъ, державшихъ ее въ осадѣ. Взоръ могъ весело обѣжать, гуляющій пѣшеходъ безопасно обойти прелестныя мѣстности, которыя вѣкогда соединилъ своею любовью, вниманіемъ и частымъ посѣщеніемъ царственный охотникъ: отъ любимаго его Тайнинскаго до Растокина и роднаго Алексѣевскаго, оттуда на замѣчивые Сокольники, въ родовое помѣстье Преображенское съ Семеновскимъ, изъ уютнаго Покровскаго на Измайлово съ его Звѣринцемъ, отсюда еще дальше на востокъ и юговостокъ, куда съ маломъ свитой верхомъ любилъ пускаться царь на досугѣ, бросивъ повода, въѣзжая на Владимірку, заворачивая, чтобы навѣстить Вешняково Одоевскаго, спускаясь подъ Симоново и къ Печатникамъ, въ Люблино, на Перерву, оттуда до красавца дворцоваго Коломенскаго, гдѣ останавливались шагъ. Но миновала давно уже, какъ тѣнь, эта царственная фигура, столь любезная взору и сердцу народа: крайнія оконечности очерченнаго нами пространства окрестностей пустыли либо забывались, отъ Тайнинскаго до Коломенскаго. Изъ *Покровскаго*, нами избраннаго средоточіемъ, взоръ прямо упирался лишь въ Преображенское съ Семеновскимъ и частію Измайловымъ: тамъ, на смѣнлившейся сценѣ, шелъ трескъ барабановъ, грохотъ ружей и пушекъ отъ упражнявшагося молодого богатыря; вѣтвями оттуда,

¹²⁾ Известное намъ предупрежденіе: разсказъ о собственной казни.— Недовольный этимъ, нѣсколько прозаически исходятъ, народъ въ слѣдъ за снѣгъ прибавилъ еще другую казнь уже по приказу самой Татьяны, гдѣ дано мѣсто ея раскаянью и сожалѣнью о товарищахъ (ср. пѣсню 1-ю); отъ слѣдниковъ Татьяны разошлось это и повсюду.—¹³⁾ Эту древнюю форму, сохраненную еще Новиковымъ, позднѣе измѣнили я поютъ „съ товарищи.“—¹⁴⁾ По другимъ: „въ чистѣ.“—¹⁵⁾ Товарищей моихъ.—¹⁶⁾ Къ Новикову закралась впечатка „рано.“—¹⁷⁾ Я причиною тому, випа въ вашей ранней гибели ложится на меня.

въ лѣво разсыпались по Сокольникамъ маленькіе пробныя фортеці, слѣды которыхъ видны доселѣ,—они нужны были только на пробу, и скоро брошены; въ право новая армія продвинулась на просторъ луговъ, миновала Коломенское и утвердилась съ ученъемъ своимъ на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ были и возвышенія для приступа, и спуски, и за ними равнины, и широкая рѣка подъ пятою. Туда ушла за новобранцами пѣсня, чтобы горевать о насиліи учившихъ иностранцевъ,—пѣсню найдете въ Приложеніяхъ. Передъ взоромъ же,—глядя изъ Покровскаго, трескъ и гулъ на долго заглушили пѣсню: уже не разливалась она по прежнему, вспоминая, „какъ Никитѣ Романовичу дано село Преображенское (см. прежніе выпуски);“ Преображенскій Приказъ, насѣвшій здѣсь въ заключеніе, положилъ печать на всякія, не только поущія, но и говорившія уста. Зарождавшуся флотилію „скиперъ славный“ перелезъ съ Яузы волокомъ на приволье, межъ Владимірской и Рязанской дорогой, на глубокое озеро Косина: тамъ явилась уже другая роль Петра, тамъ дѣло его для народа мы еще встрѣтимъ при своемъ особенномъ случаѣ. Здѣсь же, гдѣ пока стоимъ мы, требовалось новой жизни, чтобы воспріянула окрестность въ смыслѣ народномъ и съ пѣсней: это совершила Елизавета, со всею Русскимъ чувствомъ, ей приснымъ, съ нѣжною почительностью женскаго простаго сердца, любящаго и любимаго. Не про Университетъ говоримъ мы, даже не про то печатаніе древле-русскихъ, подлинныхъ церковныхъ напѣвовъ, которое, подготовленное къ эпохѣ Петра, своимъ завершеніемъ составило въ царствованіе Екатерины эпоху для народной музыки *): изъ унынхъ развалинъ минувшаго, царевна и царица смѣлымъ шагомъ проложила новую дорогу теченію людной жизни и народной пѣсни. Елизавета любила еще посѣщать порою и Тайнинское, и Коломенское: но взоръ ея искалъ новыхъ путей. Изъ своего Покровскаго устремилась она частою прогулкой и торною тропою черезъ Измайлово, оживила Звѣринецъ, переступила Владимірку, остановилась съ любовью въ *Перовъ*: зацвѣло жалованное имѣнье Разумовскаго, поднялся великолѣпный дворецъ, протянулись тѣнистыя аллеи, запертъ роскошный садъ, зазыблились пруды, зажило двѣ тысячи людей крестьянъ и дворовыхъ, пѣсни и хороводы приучили не одну тысячу гуляющихъ, изъ окрестностей и Москвы, на долго утвердивши здѣсь любимое мѣсто народнаго гулянья. Церковь Перовская обогатилась древней утварью, родовою, въ томъ числѣ Романовскою: церковь, вѣнчавшая дѣло любви, сама увѣчалась на главѣ Императорскою короною (и послѣ уже повторено это официальнѣе на Церкви въ Барашахъ). Съ боку, между Звѣринецемъ и Перовымъ, выросло *Гиреево*, названное такъ (спустя немного) въ

*) Объ этой эпохѣ см. подробности въ нашихъ статьяхъ „Правосл. Обзор.“: „Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ“ 1864, №№ 5 и 6; „Знаменательные года и знаменитѣйшіе представители послѣднихъ двухъ вѣковъ въ исторіи церковнаго Русскаго пѣснопѣнія,“ 1872, №№ 3 и 4.

память покорнаго Гиря: домъ наполнился фамильными рѣдкостями *) Пршло еще немного времени, и красавица-крестьянка Перовская, *Марья Михайловна*, связала новымъ узломъ любви и народныхъ преданій родное свое Перово съ Гиреевымъ: то было началомъ новыхъ уже народныхъ разсказовъ, преданій и отчасти пѣсней о герояхъ „Перовскихъ.“ Шаги самой Елизаветы не зашли такъ далеко, въ глубь другаго вѣка: изъ Перова они продвинулись еще немного полемъ и остановились въ „Тетерькахъ,“ тамъ, гдѣ, по преданію, вспорхнула передъ гуляющей Елизаветой стая тетеревовъ изъ близъ лежащей роши Кусковской. Государыня дошла до *Кускова* при другой, ея преемницѣ, начинается уже вереница новыхъ преданій и пѣсней—Кусковскихъ, съ которыми мы скоро встрѣтимся. Шаги Елизаветы, повторяемъ, и не могли зайти такъ далеко: у нея было свое, главное и любимое мѣсто, гдѣ такъ долго прожила она и куда такъ часто возвращалась отовсюду,—*село Покровское*. Родовое Романовыхъ, изукрашенное церковными и дворцовыми зданіями, садами, оградами, прозрачною быстрой Яузой съ красивымъ черезъ нее мостомъ, заселившееся и все гуще селившееся вокругъ исконнаго мѣстопробыванія любимой царевны, оно само и вдохновляло, и приглашало тѣхъ, кто имѣлъ силу, вдохновлять все вокругъ въ народномъ поэтическомъ смыслѣ.

Сколь не чужда была такому вдохновенію Цесаревна и Царица, намъ сохранилъ память ближайшій современникъ, въ ея эпоху росшій, *Державинъ*. „Для показанія тогдашняго вкуса, говоритъ онъ, прилагаю ниже сего пѣсню, сколько по преданію извѣстно, сочиненную собственною Ея особою... Вотъ та пасторальная пѣсня, которая относится преданіемъ къ поминкутой Высочайшей сочинительницѣ (въ „Бесѣдѣ Любителей Рускаго Слова,“ Чтеніе XIV, СПб. 1815, стр. 24, 29, 30):“

Пѣсня Государыни Елизаветы

(ею сочиненная).

1.

Чистый источникъ! Всѣхъ цвѣтовъ красивѣй,

Всѣхъ пріятнѣй мнѣ луговъ,

Ты и рощъ всѣхъ, ахъ, и меня щастливѣй,

Горь, долинь и кустовъ.

5. Но не тѣмъ, что лишь струйки тихо льются

По сыпучему песку

*) Нимѣ полузаброшено, въ рукахъ частнаго владѣльца А. А. Торлецкаго.

- И что птичекъ въ слухъ пѣсни раздаются
По зелёному лѣску:
Нѣтъ, не тѣмъ — но прекрасно умывала
10. Нимфа что лицо тобой,
Съ брегу бѣлыя ноги опускала
И токъ украшала твой.
Тутъ и алыя розы устыдились,
Зря ланиты и уста,
15. И лилей къ ней на грудь преклонились,
Что бѣлѣй ихъ — красота.
О, коль щастливы жолтыя песчинки,
Тронуты ея стопой!
О, коль пріятны лёгкія травинки,
20. Смятыя ея красой!
Тише же нынѣ, тише протекайте,
Чистыя струйки, по песку
И слѣдовъ съ мойхъ глазъ вы не смывайте,
Смойте лишь мою тоску!

Не смотря однако на авторитетъ Державина, въ одномъ изъ лучшихъ и „придворномъ“ пѣсенникѣ Шнора (изд. 2-е 1791 г.) мы находимъ это произведеніе Елизаветы съ значительными раздорфціями, принадлежали ли они старшему подлиннику, или вновь возникли при распространеніи по пѣсенникамъ:

2. Чистой источникъ! Ты цвѣтовъ краснѣйшій
И мнѣ пріятнѣе всѣхъ розъ;
Ты изъ кусточковъ и лилей счастливей,
Горь, долинокъ и луговъ;
5. Да не тѣмъ, что струйки вьются
По зелёной травѣ

- И что въ росяхъ раздаются
 Пьсни, птичекъ при тебѣ;
 Нимфа при тебѣ прекрасное лице мыла,
 10. На бережкѣ сидючи,
 Бѣлыя ножки въ воду опустила,
 Скрасила тѣмъ твои ключи!
 Тутъ розы усладилась
 Отъ прекрасныхъ ея устъ,
 15. И лилеи наклонились,
 И вершинки закрылись ¹⁾ въ кустъ,
 Ахъ, сколько счастья вы жолты тѣ песочки,
 Гдѣ ступила ты ногой ²⁾!
 Ахъ, сколь предраги и мягки тѣ травинки,
 20. Кои лежали подъ тобой!
 Струйки, тихо протекайте
 По сыпучему песку ³⁾
 И слѣдочковъ не смывайте,
 Только смойте мнѣ тоску!
 25. Жалуйтесь тихимъ вы со мной пучочкомъ,
 Что не постыль я молвить съ ней ⁴⁾
 Нѣжно свивайтесь ⁵⁾ бѣленькимъ клубочкомъ
 По подобю ⁶⁾ груди!
 Вы пламень погасите,
 30. Что закрыть ⁷⁾ въ красотъ,
 Иди нимфоу, покажите
 Въ той лонѣйшей доброты!
- 1) «окрылись?»
 2) «Гдѣ ступила та?» Вар. «Выступила та.» — 3) Въ вар. эти четыре стиха перестановлены: «И слѣдочковъ не смывайте тоску, Струйки, тихо протекайте по сыпучему песку.» (—4) Въ этой драбани въ рѣчь предопредѣляется отъ лица влюбленнаго, котораго вовсе не видно, въ предыдущемъ образцѣ. — 5) Вар. «овивайся.» — 6) Вар. «Покажи лонусъ» оно, деко- жинъ? — 7) Вар. «закрѣто.»

Трудно не узнать, что здѣсь изобразила саму себя красавица, сознававшая свою красоту: нельзя не догадаться, что здѣсь вовсе не отвлеченная картина и не воображаемый случай, а просто милое Покровское, по берегу спускается къ Яузѣ царственная красавица, не может не цѣнить красоты своей, невольно лобуетса ею въ бесѣдѣ съ природой и — томится избыткомъ созрѣвшихъ чувствъ любви. — Но, это все-таки пѣсня „сочиненная“, вѣкъ народа и въ области разцвѣтавшей литературы, на переходѣ отъ Стиха и Канты къ переводной перенятой Элегіи, полусиллабизмомъ, который уступаетъ только нѣжности и простотѣ женской руки. У сочинительницы не меньше было отношеній прямыхъ и къ самому народу, и къ его исконному пѣснотворчеству.

„Царствованіе Императрицы Елисаветы — *еякъ былъ лѣсемъ*“, такъ говорилъ чуткій къ пѣснямъ маститый нашъ Державинъ, самъ выросшій въ сей вѣкъ и знавшій народную его дѣну (тамъ же, въ помянутомъ „Чтеніи“). Не трудно этому повѣрить и это повѣрить: пѣсни, сопровождавшія весь сей вѣкъ, передъ нами; въ бытовыхъ и прочихъ „женскихъ“ не трудно отличить редакцію XVIII вѣка и его половины; мы видѣли въ эпоху Канна примѣръ, какъ воины цѣлаго прилмва пѣсенъ вносились въ Москву изъ областей, по временамъ, то оттуда, то отсюда; Москва брала на себя редакцію ихъ и примѣненія, Москва имѣла массу „своихъ“ пѣсенъ, мѣсто-рожденныхъ, присныхъ; многочисленныя гульбища оглашались громкою пѣнею; слышала пѣсню и видѣла хороводы каждый садъ при частн оми домѣ, слышала и видѣла каждая залавочка у воротъ, каждая улица съ переу-комъ и перекресткомъ, каждая площадка, всякая пригородная и загородная луговинка. Уже мы, родившіеся при наступленіи времени суроваго, за-стали пѣсню и хороводъ тутъ же, на всѣхъ помянутыхъ пунктахъ. Чего же ожидать старше, и, чѣмъ старше, тѣмъ конечно больше? Все, что яв-лось заразъ при Екатеринѣ въ пѣсенникахъ печатныхъ, все это подготов-лено было, жило въ самой Московской жизни при Елизаветѣ. Какъ сама она любила народныя пѣсни и сказки, знаетъ, помнить, свидѣтельству-етъ письменно каждый. Когда она, между прочимъ, жила въ уединеніи въ Александровской Слободѣ, среди увеселеній охоты, обѣ Масляницѣ у дворца ея собирались толпы Слободскихъ дѣвушекъ „играть (т. е. разъи-грывать, наприм. въ хороводѣ)“ и пѣть народныя пѣсни: любительница пѣ-нія и сама прекрасная пѣвица щедро угощала созданныхъ гостей лаком-ствами *). Около нея, то истопникомъ, то на ночь постельникомъ со сказ-кою въ устахъ, подвизался Чулковъ **), знавшій и собравшій такую массу Сказокъ, Быаній и Пѣсней, массу, унаслѣдованную счастливымъ его на-

*) См. статью въ „Молвъ“ 1857 г.

**) *Василь*, пожалованный за услуги селомъ Архангельскимъ, изъ не-тошниковъ и метр-де-гардеробовъ впоследствии генералъ-аншеесъ; по дру-гимъ, истопникомъ, сказочникомъ и собирателемъ пѣсней былъ братъ его *Дмитрій*, отецъ Михайлы — издателя.

свѣдѣннѣ, Чулковымъ-издателемъ (Михайлов), а послѣ Новиковымъ ***); вокругъ нея импровизовались народныя выраженія пѣсней, когда, на примѣръ, она вставала ночью и постельникъ Лебедевъ, за то самое такъ и прозванный, невольно восклицалъ, глядя на Русскую красоту—„Лебедь блала!“ Сама она, ближе къ старости, какъ извѣстно по преданію, изъ ходячихъ пѣсней народныхъ особенно любила пѣть одну: „Я вечеръ, млада, во пиру была, Во пиру была—во бесѣдушкѣ ****)“... Пѣсня живая и удалая. Но ей по личному характеру доступны были пѣсни и другія, пѣвныя и томныя, особенно въ пору, какъ созрѣвала она и томилась отъ избытка полныхъ чувствъ красавицею Цесаревной: изъ народа искра вдохновенія и творчества должна была западать въ собственную ея душу, вызывая къ слову народному, чтобъ запѣть, какъ поетъ народъ самъ, и принести ему даръ собственнымъ личнымъ воспроизведеніемъ общихъ творческихъ началъ. Уединеніе само по себѣ, жизнь среди природы, а вѣсть все вокругъ въ цвѣтущемъ Покровскомъ располагало не только къ чувству, но и къ энергіи дѣятельнаго творчества. Покровское въ этомъ отношеніи далеко не было глухо и нѣмо: оно даже славилось этого рода богатствомъ. Еще прежде катаній по Москвѣ-рѣкѣ объ Масляницѣ (нынѣ также давно упраздненныхъ и два раза уже измѣненныхъ), гурьбы народа и тысячи саней устремлялись изъ центра города къ Покровскому: тамъ были настоящія игрища, не привившіяся къ Нѣмецкой Слободѣ, Кокую, не смотря на усиленные старанія о томъ разчета; но еще больше славилась тамошнія игрища и гульбища дѣтнія, съ весны (обратившіяся, по запусътніи Покровскаго, въ Лѣтній или Государевъ садъ, Лефортовскій и Головинскій); Покровскіе хоровады долго, до нашего времени, отличались отъ другихъ мѣстныхъ своимъ обиліемъ голосовъ и особымъ строемъ, плодомъ частой практики и усиленной выработки для царскаго слуха, подобно послѣдующимъ Царыцкинымъ-Ильинскимъ (старшіе въ семь смыслѣ—хоровады Тайнинскіе, удержавшіеся отъ первыхъ Романовыхъ доселѣ и собирающіе на огромный лугъ подъ селомъ, при окопахъ, по двѣсти повщихъ голосовъ и болѣе: но они сильно уже испорчены напѣвомъ). Есть рядъ народныхъ пѣсень, къ тому или другому случаю воспоминающихъ село Покровское, гульбывыхъ героевъ и героинь его (на примѣръ, „Покровскія дѣвки Гульбывыя были,“ и т. п.: ихъ встрѣтимъ въ своемъ мѣстѣ). Одна изъ нихъ, меж-

***) Преданія и выводы объ обѣихъ Чулковыхъ, старшемъ и младшемъ, равно какъ вообще о зародившейся связи между народнымъ творчествомъ и печатною литературою того времени см. въ статьѣ нашей въ „Зорѣ“ 1870 года, Апрель, „О вліяніи народнаго творчества на драмы И. Екатерины и о дѣльныхъ Русскихъ пѣсняхъ, сюда вставленныхъ.“

****) Преданіе объ этомъ, какъ и объ другихъ многихъ чертахъ домашней жизни Елизаветы, хранилось особенно въ роду А. Ст. Хомякова, отъ котораго мы и приняли.

ду прочитъ; складомъ своимъ и составомъ, вольнымъ судномъ на рѣкѣ, лукомъ и стрѣлами, указываетъ еще на значительную древность, когда уже славилось имя Покровскаго и Яуза. Она такъ хороша, что мы хотѣли привеземъ ее, забывъ нѣсколько въ рядъ послѣдующихъ у насъ Молодецкъ или Безымяннхъ:

Покровское село и Яуза.

Мимо нашего Покровскаго села

Протекала matka ¹⁾ Яуза рѣка.

Что на Яузѣ судѣнышко плывётъ,

Во судѣнышкѣ не множо ²⁾ людей:

5. Всего только—всего восемь человекъ.

А девятый удалой молодецъ;

По судѣнышку похаживаетъ,

И онъ крѣпкій лукъ натягиваетъ,

Калену стрѣлу накладываетъ,

10. Онъ нуостивши выговариваетъ:

«Полети, моя калѣная ³⁾ стрѣла,

«Въ прежню милую ⁴⁾ сторонушку!

«Ты убей, моя калѣная ⁵⁾ стрѣла,

«Сизу утушку на поплывь ⁶⁾,

15. «Красну дѣвицу во теремъ:

«Ту, котора измѣнила, молодцу,

«Полюбила она хужѣ ⁷⁾ меня,

«Посрамила она ⁸⁾ родъ свой и племя,

«А мнѣ, молодцу, на блушку дала!»

(Захвачена въ печать уже Чулковымъ и Новиковымъ, потомъ Вайнонымъ и продолженными; поется доселѣ, сбываясь къ напѣву „Здравствуй, милая-хорошая“).

и ¹⁾ Разнообразнхъ другихъ образцовъ: „матушки.“—²⁾ не много.

³⁾ „Полети ты, моя острая.“—⁴⁾ Въ печати нѣмѣ исправленъ: „въ прежнее милую.“—⁵⁾ „Ты убей ли, моя острая.“—⁶⁾ Забивая Яузу, какъ незначительную теперь, многие берутъ рѣку типическую: „Сизу утону на Волгѣ на рѣкѣ.“

⁷⁾ „хуже.“—⁸⁾ „Посрамила ли она и (родъ свой, и племя).“

Но, чтобы подобныя влечения были стихийными, а не искусственными, новыми и изъ усть царственныхъ, потребовъ быль особенный случай личнаго обстоятельства, который бы потрянулъ сердце и неудержимо вызвалъ бы къ дѣйствию. Случай такой быль, и самый владетельный для женскаго дѣвчачаго сердца. Мы же говоримъ о неловкомъ предложеніи Цесаревны ея стороны Французской, о выходѣ за граница Кенти, черезъ жену какого-то прудрорда, живописца: это могло, тобы, оскорбить или разсѣбить. Пораздо важнѣе и настояннѣе было то предложеніе, которое крѣпко держалось, съ которымъ мечтала Правительница Анна, надѣясь единъ способнѣе сбыть опасную соперницу въ Курляндію: тотъ же женихъ былъ братъ герцога генерал-ссимуса Антона, принцъ Людовикъ, предназначавшійся въ герцоги Курляндскіе. Здѣсь былъ дѣйствительный обманъ и въ политическомъ смыслѣ, которому льстили избавленіемъ отъ одиночества и высокою степенью самостоятельнаго герцога сама, и обманъ иностранцевъ надеждъ Русской, и обманъ сердцу, совѣтъ несклонному, статься можетъ уже занятому. Опасность была такъ велика, что безпокойный слухъ распространялся быстро между приверженцами Цесаревны: гвардейскіе офицеры сильно волновались. Необоримая, какъ стѣна, твердость Русской Артемии превозмогла всѣ происки. Но, когда, послѣ усиленнаго напряженія, сердце вздохнуло спокойно на чистомъ воздухѣ: въ сѣбѣ (Швартовскомъ) суровость отказа смѣнилась въ сердцѣ радостнымъ изумлениемъ и спасенная вольность дѣвчушки-цесаревны издалась здруженною, шуткою, чисто-народною, веселою и шутивою пѣсней. Пѣсню записалъ уже Мушковъ, слѣшно перевелъ на ноты съ текстомъ Трутовскій, перепечаталъ Новиковъ, воспроизвелъ съ нотами Прачь, — все это еще въ первыхъ 70-хъ годовъ, все это еще при Екатеринѣ. Дословное единство текста, въ которомъ является пѣсня за все это первое время, убѣждаетъ несомнѣнно, что она принадлежитъ одному генію создавшему, одной рукъ: уваженіемъ печати къ знаменитому происхожденію еще болѣе поддержано единство.

Нельзя сказать вполнѣ того же о голосѣ или интонаціи: у Трутовскаго и Прача онъ сходенъ, но, принявъ во вниманіе русскія интонаціи музыки, не умѣвшей еще, какъ должно, относиться къ народнымъ стиціямъ, нельзя совершенно полагаться здѣсь на точность; употребленіе же, какъ въ устахъ знаменитой дѣвчичи, о которой скоро скажемъ, такъ и доверяду интонаціи, установлено здѣсь въ основѣ, такъ же надѣвъ какой-либо въ стѣпной народной пѣснѣ — «Ахъ, вы дѣтки мои, сѣнь, сѣнь, донья, мѣнь». Само-стоятельность, напѣвъ, народныя въ ту пору, пачинала уже слышнѣе, слабѣе; новья воспроизведенія въ дѣтѣ же народномъ характерѣ стремились примкнуть своимъ напѣвомъ къ какимъ либо старымъ, что казалось даже лучшимъ залогомъ близости къ народу. Не удивителъ, но, что сама героиня-слагательница избрала въ образецъ напѣва ту старую народную пѣсню, которая совершенно подходила и складомъ, и замѣчанъ текста, и даже отчасти содержаніемъ (старшая пѣсня сложена, такъ, отъ дѣды, дѣла вщи, поеть и прославляетъ ея волю дѣвчичью на родныхъ и сѣнь, сѣнь).

ду прочить; складомъ "своимъ и собственымъ, вольнымъ судимъ" на рѣкѣ, лукомъ и стрѣлами, указываетъ еще на значительную древность, когда уже славилось имя Покровскаго и Яуза. Она такъ хороша, что мы кѣтати приведемъ ее, забывая несколько въ разрядъ посѣдующихъ у насъ Молодецкихъ или Безымчичныхъ:

Покровское село и Яуза.

Мимо нашего Покровскаго села

Протекала матка ¹⁾ Яуза рѣка.

Что на Яузѣ судѣньшию плывётъ,

Во судѣньшкѣ не множо ²⁾ людей:

5. Всего только—всего восемь человекъ,

А девятый удалой молодецъ;

По судѣньшкѣ похаживаетъ,

И онъ крѣпкій лукъ натягиваетъ,

Калену стрѣлу накладываетъ,

10. Онъ пустивши выговариваетъ:

«Полети, моя калѣная ³⁾ стрѣла,

«Въ прежню милую ⁴⁾ сторонушку!

«Ты убей, моя калѣная ⁵⁾ стрѣла,

«Сизу уткушку на поплывъ ⁶⁾,

15. «Красну дѣвицу во теремъ:

«Ту, котора избѣнила, молодцу,

«Полюбила она хужбе ⁷⁾ меня,

«Посрамила она ⁸⁾ родъ свой и племя,

«А мнѣ, молодцу, наоблушку дала!»

(Захвачена въ печать уже Чулковымъ и Новиковымъ, потомъ Вавиловымъ и продолженна; поѣтъ доселѣ, сбаваясь къ напѣву „Здравствуй, милая-хорошая“).

¹⁾ Разборъ и другихъ образцовъ: „матушка.“—„не много.“

²⁾ „Полети ты, мой острок.“—³⁾ Въ печати нѣмѣ исправленъ: „въ прежнее милую.“—⁴⁾ „Ты убей ли, моя острок.“—⁵⁾ Забивая Яузу, какъ незначительную теперь; многие Черуть рѣку таинственно: „Сизу уткушку на Волгѣ на рѣкѣ.“

⁶⁾ „хуже.“—⁷⁾ „Посрамила ли она и (родъ свой, и племя).“

Но, чтобы подобны вдохновенные стихи: выжились созданием новым и из уст царственных, истребень был, особенный, едучий личнык, обстоятельство, который бы изронил, сдѣлать и издержимо вывалъ бы къ дѣвцѣ. Случай такой былъ, и самый внимательный для шекскаго дѣвчичаго сердце. Мы же говоримъ о нелюбимъ предложени Цесаревнѣ со стороны Французской, о выходѣ изъ арміи Конті, черезъ жѣну нѣкого-то придворнаго живописца: это могло, тольже оскорбить или разсѣлшить. Порадо: дажище, и настояннвѣе было то предложени, которое крѣпко державши, въ которомъ мечтала Правительница Анна, надѣясь единъ способннвѣе сбыть опаску, есепришцу въ Курляндію: отъ жѣннхъ былъ братъ герцога генералиссимуса Антона, принцъ Людовикъ, предназначавшійся въ герцоги Курляндскіе. Здѣсь былъ, дѣйствительный, обманъ и въ политическомъ смыслѣ, которому льстили избавленіемъ отъ одиночества и высокою степенью самостоятельнаго герцогства ея, и обманъ иностранцевъ надеждъ Русской, и обманъ сердцу, совсѣмъ несклонному, статья можетъ уже занятому. Опасность была такъ велика, что безпокойный слухъ распространился быстро между приверженцами Цесаревны: гвардейскіе офицеры сильно волновались. Необоримая, какъ стѣна, твердость Русской Артемыды превозмогла всѣ происки. Но, когда, послѣ усиленнаго напряженія, сердце вздохнуло спокойно на чистомъ воздухѣ, въ голѣ (Шопротскомъ) суровость отказа смѣнилась въ сердцѣ радостнымъ чувствомъ освобожденія и спасенная вольность дѣвочки-цесаревны излилась здудевою, шуткою, чисто-народною, веселою и шутливою пѣсней. Пѣсню записалъ уже Нудковъ, спѣшно перевелъ на цоты съ текстомъ Трутовскій, перепечаталъ Новиковъ, воспроизвелъ съ нотами Прачь, — все это еще съ первыхъ 70-хъ годовъ, все это еще при Екатеринѣ. Дословное единство текста, въ которомъ является пѣсня за все это первое время, убѣждаетъ несомннвно, что она принадлежитъ одному генію создавшему, одной рукѣ: уваженіемъ, печати къ знаменитому происхожденію еще болѣе поддержано единство.

Нельзя сказать вполнѣ того же о голосѣ или напѣвѣ: у Трутовскаго Прача онъ сходенъ, но, принявъ во вниманіе, условія тогдашней музыки, не умѣвшей еще, какъ должно, относиться къ народнымъ стихамъ, нельзя совершенно полагаться здѣсь на точность; употребленіе же, какъ въ устахъ знаменитой пѣвицы, о которой скоро скажемъ, такъ и доверду и доодѣлствія усталою здѣсь въ основѣ, тотъ же напѣвъ, какой знае, въ старинной народной пѣснѣ — «Ахъ, ахъ, дѣвчѣ мой, сѣни, сѣни дѣвчѣ, мои». Самостоятельность напѣвовъ, народнаго, въ ту пору, пачинала уже, слабѣть; новыя воспроизведенія въ домѣ, въ народномъ, харацъ, чѣе строгіе, лишь прикинуть своимъ напѣвомъ къ какимъ, либо старшимъ, что казалось, даже лучшимъ, залогомъ близости къ народу. Не удивителъ, но, что сама героиня-слагательница избрала въ образцѣ напѣва ту старинную народную пѣсню, которая совершенно подходитъ и складомъ-размѣромъ текста, и даже отчасти содержаніемъ (старинная пѣсня — сложеная также отъ лица дѣвчичи, поетъ и прославляетъ ея волю дѣвчичью на, вольныхъ, снѣжкѣ, дѣвчичи

скаго дома, протестуетъ противъ насилія старшихъ въ семействахъ, настаиваетъ, чтобы, вопреки ихъ угрозамъ, по прежнему дѣвушка ходить, съ молодцами говорить и гѣшить избраннаго сердцемъ).—Какъ бы то ни было, вотъ эта, раздававшаяся изъ дворца по Покровскому селу пѣсня, дополняющая известныя уже намъ ряды пѣсней изъ устъ героинь Русскихъ, начинающая съ Кесіи Годуновой, а выше, пожалуй, и съ Ярославны; пѣсня въ старшемъ ея видѣ, какъ распространена она была со 2-й половины XVIII вѣка, съ тѣми непоглыми измѣненіями, которыя допущены были позднѣе исправляющей печатью или произволомъ устъ и которыя особо отмѣчены у насъ по обычаю въ тщательныхъ подстрочныхъ объясненіяхъ:

Пѣсня Царевны Елизаветы

(К Ю С Л О Ж Е Н Н А Я , Н А Р О Д Н А Я).

1.

(Покровское, Москва и вся Россія).

Во селѣ-селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой ¹⁾,
Разыгралась—расплясалась
Красна дѣвица душа,
5. Красна дѣвица ²⁾ душа ³⁾
Авдотьюшка ⁴⁾ хороша.

Разыгравшись взговорила ⁵⁾:
«Вы подруженьки мои!
«Поиграйте со мною ⁶⁾,
10. «Поиграйте теперь:
«Я со радости—съ веселья ⁷⁾
«Поиграть съ вами ⁸⁾ хочу.

1) Пѣсня такъ называемаго у насъ *двойного* склада: можно тѣ же самыя два стиха укладывать въ одинъ, составляющій по напѣву „одно колѣно“—только съ надомомъ или перегибомъ.—Кромѣ того пѣсня замѣтно дѣлится на *строфы*.—²⁾ Иные: „дѣвушка.“—³⁾ Вмѣсто этого повторенія, очень старъ также (1795 г.) вариантъ: „Вѣлолка, круглолица.“—⁴⁾ Такъ вездѣ и конечно въ подлинникѣ: по замѣчательно, что размѣръ допускаетъ здѣсь „Лизавета.“—⁵⁾ „говорила; говорила.“—⁶⁾ „со мной.“—⁷⁾ Здѣсь удареніе: я хочу поиграть съ вами въ игры съ пѣснями,—да не просто, какъ бывало, а есть тому особая причина, хочу играть съ радости—съ веселья вотъ какого (слѣдуетъ объясненіе причины—освободилась отъ навязчиваго женьки).—⁸⁾ „Съ вами поиграть.“

- «Прѣзжалъ ко мнѣ дѣтница ⁹⁾
 «Изъ Санктпитера сюда;
 15. «Онъ меня, краснѣ дѣвицу,
 «Подговаривалъ съ собой,
 «Серебрѡмъ меня дарилъ,
 «Онъ и золото ¹⁰⁾ сулилъ ¹¹⁾»:

- «— Поѣзжай со мной, Дуняша,
 20. «— Поѣзжай, онъ говорилъ.
 «— Подарю тебя царчою
 «— И на шею жемчугѡмъ;
 «— Ты въ деревнѣ здѣсь крестьянка,
 «— А тамъ ¹⁾ будешь госпожа:
 25. «— И во всемъ этомъ уборѣ
 «— Будешь въ двое пригожа ²⁾!»—

- «Я сказала, что поѣду,
 «Да опомнилась ³⁾ опять ⁴⁾:
 ««Нѣтъ, сударикъ, не поѣду.»
 30. «Говорила я ему.
 ««Я крестьянкою родилась,
 ««Такъ нельзя быть госпожой:
 ««Я въ деревнѣ жить привыкла,
 ««А тамъ надо ⁵⁾ привыкать!
 35. ««Я совѣтую тебѣ,
 ««Имѣть ⁶⁾ равную себѣ ⁷⁾».

⁹⁾ Позднѣе: „дѣтина.“—¹⁰⁾ „Золота.“—¹¹⁾ Въ концѣ же XVIII в. переставилось: „Серебрѡмъ м. дар., Онъ и зол. сулилъ, И меня, кр. дѣвицу Подговаривалъ съ собой.“

¹⁾ Позднѣе: „Тамъ же.“—²⁾ Старый также вариантъ: „хороша.“—³⁾ „Да раздумала,“ вариантъ еще въ концѣ XVIII в.—⁴⁾ Въ старомъ значеніи: назадъ, обратно.—⁵⁾ Такъ въ большинствѣ; но самыя старшія образцы: „А тамъ буду.“—⁶⁾ Сперва измѣнено „любить,“ потомъ „искать.“—⁷⁾ Съ 1795 г. разбавлено:

„Я совѣтую такую
 „Искать, сударь, тебѣ,

- «Въ вашемъ городѣ»⁸⁾ обычай —
 «Я слыхала ото всѣхъ»⁹⁾ —
 «Вы всѣхъ любите»¹⁰⁾ словныи,
 40. «А на сердце никого»
 «А у насъ-то вѣдь въ деревнѣ»
 «Здѣсь прямая простота»
 «Словомъ мы кого полюбимъ,
 «Тотъ и въ сердце вѣкъ у насъ»
 45. «Вотъ чему я веселюся,
 «Чему радуюсь теперь:
 «Что осталась жить въ деревнѣ,
 «А въ обманъ не отдалась»¹¹⁾

(Чулковъ, Трутовскій, Новиковъ, Браунъ, Соколовъ, Бякузовъ и Ржевскій, Колотилки, Театральный, Мандаловъ, Сенедъ, Гурьновъ и другіе, равно какъ многіе рукописные и устные образцы).

Пѣсня, говорили мы, тотчасъ по сложеніи облетѣла многія уста: но, пока цесаревна не сдѣлалась царицей, ноостерегались публичности. Водареніе воспослѣдовало вскорѣ: тогда все срѣзалося, и печать подготовила себѣ отборнымъ украшеніемъ образецъ знаменитаго произведенія. Разумѣется, она молчала о подробностяхъ и не растолковывала: и безъ того всѣ знали. Но—былое миновало и поустарѣло, сама царица не имѣла прежней охоты, ни нужды выслушивать вокругъ себя; да царица и померла. Если всегда въ подобныхъ случаяхъ, мы знаемъ по прежнимъ примѣрамъ, невольный страхъ, приличіе или этикетъ подтверждаетъ фактъ, то тѣмъ больше этикетъ при государынѣ новой, которая, въ добавокъ, естественно не

«Чтобъ которая родилась
 «И умѣла бъ жить какъ ты.»

Далѣе еще:

«Я совѣтую тебѣ»
 «Искать равную себѣ»
 «Чтобъ которая родилась
 «И умѣла бъ жить какъ ты.»

⁸⁾ Позднѣе: «У насъ въ городѣ.» — ⁹⁾ Позднѣе: «отъ людей.» — ¹⁰⁾ Позднѣе: «Только лишь любить.» — ¹¹⁾ «длинъ.» — ¹²⁾ Такъ мы предпочитаемъ читать, имѣя въ виду образцы 1795, 97, 99 и 1803 года; въ другихъ, старшихъ: «А у насъ-то вѣдь въ деревнѣ Прямая простота (испорченъ стихъ),» а младшихъ: «А у насъ-то вѣдь въ деревнѣ Здѣсь прямая простота.» — ¹³⁾ «И.»

соединить арлеза, разглашение всѣхъ подробностей про Елизавету (Остро-
рожный Шпоръ, въ своемъ отъичномъ писемникѣ, по преимуществу: «при-
дворномъ», помѣщая и сами, послужившія Екаторинѣ и Эрмитажу матеріа-
ломъ, все не рѣшился занести къ себѣ Елизаветинскому. Такимъ образомъ
публика смолкала, а народъ, расцѣвая, начиналъ позабывать прошеходив-
шія и дѣла. — Тогда-то, эпохой въ семь отношеніи, явился сильное дѣло
Сандуновое, поддержанное самой Императрицей. Опера „Федула въ дѣтвнѣ“
написана была Екаториной для Эрмитажа въ концѣ 1790 года. Главную
роль должна была играть знаменитая „Лизавька Урванова“, терпѣвшая
настоящій притѣвленіи отъ навязчиваго обожателя гр. Безбородки; при
поддержкѣ Храповицкаго и Сойманова, которые управляли театромъ и офи-
циально усодить сильному вельможѣ. Сама *Елизавета*, игравшая въ добавокъ
Думашу, рѣшившая въ крайности воспользоваться весьма охотными обсто-
ятельствами, породившими и песню Цесаревны „Елизаветин“ отъ лицъ Шо-
кровской, Думаша или „Авдотышки“. Въ смыслъ такъ называемой „клад-
ной“ ари, Урванова со всѣмъ искусствомъ, ей свойственнымъ и прекра-
снымъ свѣтлымъ голосомъ, восхищавшимъ современниковъ, нежданно для
многихъ, прогнала ихъ — какъ говорится у насъ — хватила и принула „Во-
сель-сель Новоровскомъ.“ Фуроръ былъ немовѣрный: не знавшіе или не
догадавшіеся привѣтствовали всѣмъ знакомымъ, не догадъ не показавшимъ
ся публично, и въ такомъ „высокомъ“ мѣстѣ, почти затертую и пѣсню по-
койной государини; знавшіе, „чье мясо ѣлъ“, и ловко пораженныя прихвѣ-
тными прихвѣтніемъ, не знали, куда дѣваться со стыда. Императрица, сочиня
оперу и вдалась съ актрисой, которой предназначала главную роль; не
знала стимульничать ея дѣла и какой ходъ могла имъ дать оперу; точно слу-
шалась внутренней исполнительницы и могла безъ нахвѣроніи подбавлять крас-
ки, даже самую щекотливую и пѣсню, столь нужную для сей полюбившей. Но,
всего вѣроятнѣе, что и пѣсню даже не предназначалась, а вставлена Урван-
овой, подъ предлогомъ „нотати“, подобно другимъ, также точно вставляв-
шимъ: значе, по строжайшему чувству своего отвѣта и влусу прихвѣтѣ,
особенно столь боясь великихъ скандаловъ, Екаторина заранѣе не за что
не допустила бы въ оперу этой и пѣсню, и не своимъ отношеніямъ къ „ка-
мчат“ Елизаветы, и не примѣнцію къ Безбородковскому скандалу. Во всѣхъ
комъ случаѣ, событіе и успѣхъ его были для государини совершенной не-
ожиданности: услышавъ: вмѣстѣ, и подобной же сценической репликѣ и
со стороны жениха Лизавьки, Сандунова, она, воспользовавшись негоднѣ-
ннѣмъ предъ Храповицкимъ, — „Voilà, ce que fait l'injustice,“ — хотъ до чего
доводить несправедливости. Сама исполнительница, чтобы оправдать тотъ
важный поступокъ, вынуждена была, при представленіи „Федула“ 11-го
Февраля (1791) стать на колѣна и со слезами подать Императрицѣ письмен-
ную жалобу на гонителей. Когда уже „фактъ совершился“ и вѣсело было
съ ними дѣлать, государини, по великодушію и ерственно сложившей
обязанности, приняла его сторону и вала его на свое пощечіе: Хра-
повицкій и Соймановъ немедленно удалены отъ театра; Лизавька обѣщана

съ Сандуновымъ въ придворной церкви; въ печатные экземпляры оперы допущена безпрепятственно щекотливая пѣсня. Сандунова съ мужемъ конечно должна была скоро переѣхать въ Москву, успѣвъ еще впрочемъ надѣлать нѣсколько новыхъ колкостей Безбородкѣ. Въ Москвѣ уже было безпрепятственное поле характерному исполненію роли и пѣсни: здѣсь не было личностей, только знать и интеллигенція могли „по слухамъ“ знать кое-что о случившемся въ Эрмитажѣ, овація же большинства продолжались много лѣтъ и силъ ихъ не было конца. Всѣмъ этимъ торжествомъ, составившимъ даже „моду,“ Сандунова съ тѣхъ поръ обязана была очевидно— не своей личной исторіи, не Эрмитажу, а памяти цесаревны Елизаветы, которая теперь снова воскресла передъ публикою и Русскимъ народомъ во всемъ своемъ любезномъ и обаятельномъ величіи. Здѣсь-то и ошибка нашей литературы съ ея мелкою библиографіей: одни полагаали, что пѣсня сочинена была Екатериною, другіе—Сандуновой, третьи считали вставку ея случайною и неважною, а успѣхъ Лизаньки приписывали другимъ ея манифестаціямъ противу Безбородки (первая статья о семъ принадлежитъ *М. Н. Лонгинову* въ „Молвъ“). Но мы съ самаго начала предостерегали непосѣпныхъ пашихъ библиографовъ, замѣчая, что пѣсня эта гораздо старше ея *примыслия* и основой своею имѣла дѣйствительное событіе, совершившееся въ селѣ Покровскомъ, при чемъ обѣщали разъяснить и доказать это впоследствии, при 9-мъ выпускѣ (подробности о семъ въ упомянутой статьѣ нашей, въ „Зорѣ,“ см. выше). Обѣщаніе свое и выполняемъ теперь со всею обстоятельностью.

Ободренные отважнымъ поступкомъ Сандуновой и вызываемые необходимостью напомнить народу истинное значеніе пѣсни, печатные Пѣсенники, то есть ихъ издатели и составители, съ конца XVIII вѣка (именно, сколько знаемъ, съ 1799 года) попытались прибавлять поясненія: но сперва, смущенные привившимися сюда интригами и сплетнями въ обстоятельствахъ актрисы, боялись видимо, чтобы не понаесться въ какую ни будь театральную и придворную передѣлку (такъ всегда запугана у насъ была литература, то тѣмъ, то другимъ), говорили обще и отвлеченно, полусловьями. Надписывали, на примѣръ: „Пѣсня сія сама по себѣ доказываетъ, на какой она случай сдѣлана и здѣ. Голосъ же ея долженъ быть веселой. Она часто поется на театрѣ г. С. чрезвычайно пріятно, и потому имѣй въ модѣ.“ Пѣсенникъ Театральный (1818) пробовалъ даже отнестя ея значеніе и успѣхъ чисто къ области сценическаго искусства, подавляя всякій смыслъ историческій: „Пѣсня дѣвушка, которую не прельстими ни знатность, ни богатства, *каковы и все Россіянки*. Она, къ величайшему удовольствію Московской публички, неоднократно г-жею Сандуновой пѣта была на театрѣ; *искусство пѣвицы и прекрасной голосъ пѣски* сдѣлали ее весьма употребительною.“ Тѣмъ не менѣе, никто не осмѣливался помѣщать эту пѣсню въ разрядъ „Театральныхъ,“ а всѣ напротивъ настаивали, что она „народная, простонародная, веселая, плясовая“ и т. п. Лишь когда протекло еще лѣтъ двадцать, когда развернулась извѣстная доля свободы

Александровской, когда рѣшились называть и Разина, и Каина, и Тавьку, и Чернышова, когда и самое событіе слишкомъ ушло уже въ даль минувшаго, именно въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія, осмѣлились сказать прямо, въ силу непрерывнаго преданія, что это „сочиненіе знаменитой Россіанки (но какой, еще молчали).“ „Пѣсня дѣвушки, — печатали, — которая, любя простоту и искренность, не прельщается ни знатностью, ни богатствами. Сочиненіе знаменитой Россіанки. Она, къ величайшему удовольствію Московской публички, неоднократно г-жею Сандуновой пѣта была на театрѣ; искусство пѣвицы, и прекрасной голось пѣсни, и натуральное выраженіе чувствъ (прибавляли намѣренно, желая показать, что здѣсь въ словахъ лежала дѣйствительная правда), сдѣлали ее весьма употребительною.“ И только М. Маклаковъ, въ тѣхъ же годахъ, перепечатывая нѣсколько разъ то „Орловскій,“ „Туалетный,“ то просто „Полный пѣсенникъ для особъ обо-его пола,“ вѣроятно обладаемый поддержкою „пола прекраснаго,“ только Маклаковъ *первый* отважился передъ нимъ вполне открыться и открыть печатно давно извѣстную всѣмъ истину. Онъ надписывалъ: „Пѣсня дѣвушки, которую не прельстили ни знатность, ни богатство, каковы и всѣ Россіанки. Произведеніе знаменитой Россіанки, воевѣтой Ломоносовымъ.“ Онъ къ пѣснѣ прибавилъ даже извѣстный эпиграфъ:

„Не льсти меня ты, льстець, сіяньемъ городскимъ, —
„Довольна я своимъ селеніемъ простымъ.“

Съ тѣхъ поръ скрывать уже было нечего и не зачѣмъ: но можно было всё-таки забывать и забыть. Всѣхъ меньше забылъ народъ: въ устныхъ преданіяхъ его держится память о сочинительницѣ до сихъ поръ. Гораздо легче было и естественнѣе забыть литературу: въ романтизмѣ, мечтательности, потомъ въ Байронизмѣ и среди переводовъ съ иностраннаго, а также въ кучѣ мелкой бібліографіи, она постепенно отвыкала ото всего народнаго. Самые Пѣсенники, въ ихъ прежнемъ, пріятно-полезномъ, дѣльномъ и практическомъ смыслѣ, перестали издаваться: явилась одна спекуляція, либо „нѣжные“ пѣсни Цыганокъ, Тиролокъ и Кофеевъ. Черезъ литературу отставала и забывала публичка, вершина нашего—такъ называемаго—общества, а съ тѣмъ вмѣстѣ и наука. Хранилъ кое-какую память, говоримъ мы, народъ; хранились преданія вокругъ насъ, пока росли мы; подтвердились они намъ обильными живыми разсказами въ семьѣ Хомякова; и вотъ намъ пала участь, вмѣстѣ съ другими пѣснями, воздвигнуть на подобающее мѣсто и эту. Надѣмся, еще не послѣднюю.

* * *

III.

ПРИ ГОСУДАРЫНЪ

Екатери́нѣ.

Больше, чѣмъ когда ни будь и гдѣ ни будь, мы обязаны здѣсь, на этомъ предѣлѣ, отличить пѣсню *народную устную* отъ *сочиненной*, дѣйствующей черезъ *письмо* и *печатъ*: отличія той и другой устанавливаются довольно рѣзко, хотя бы мало-опытному взгляду и не замѣтно. Народная устная, какъ скоро она болѣе или менѣе Историческая, по свойству второй половины XVIII вѣка преимущественно является Военною и Походною: этою только стороною народъ обращается къ жизни высшей надъ нимъ, внѣшней, торжествующей на главномъ поприщѣ, и только по этому единственному мѣрилу политической жизни мѣряетъ ростъ воспѣтыхъ героевъ или героинь. Исключенія, гдѣ онѣ, посредствомъ пѣсни, „самъ себя, какъ есть,“ вводятъ на передовую историческую сцену, приглашая всеобщее вниманіе, рѣдки: болѣею частію подобную исторію, если она случится и заслужитъ сего имени, народъ таитъ про себя, какъ бы прятать и тулиться нею въ уголь за порогъ родной избы, тамъ пробавляясь ею, то воспроизводя, то дробя и разлагая, разясняя и толкуя по своему. И такъ, всё еще какъ народъ, народомъ и самимъ собою входитъ онъ въ область Военную, громкую и грохочущую; туда сообщаетъ пѣснотворческія силы свои, приемы, черты и образы: но входитъ туда конечно не весь, не цѣликомъ, не беззабѣтно, оставляя себѣ на долю, и на долю лучшую, много своего собственнаго, не початаго, не заупянаго ни чѣмъ, ни чему не уступленнаго. Потому, въ пѣсняхъ сего рода мы видимъ народность, —но не полную, одностороннюю: самыми легкими качаніями она готова перейти здѣсь въ иную форму, въ солдатчину и въ книжное сочиненіе; нерѣдко даже здѣсь пѣсня, на оборотъ, истекаетъ прямо изъ солдатчины и военщины, только перефразируетъ, только переговариваетъ и перетолковываетъ „по своему“, наводя колоритъ свой „народный.“—Съ другой стороны, и солдатъ того времени или отъ той поры, и военная жизнь, и слава, и вся политура сего слою не есть вовсе рѣзкая противоположность народу и народности: рожденіе, равнее воспитаніе, жизнь до молодыхъ лѣтъ, за-

чатки возрѣній, вѣрованій и преданій, складъ, взглядъ, языкъ, голосъ, первый аккордъ пѣснотворческихъ струнъ,—все это оттуда же по своему началу—изъ народа и народности. И въ пѣсняхъ солдатскихъ-военныхъ должно это такъ или иначе пробиваться отраженіемъ. Только не тѣ послѣдствія: форма, выправка, вытяжка, строй, опредѣленный горизонтъ міросозерцанія, рѣчь, музыка, искусственная вывертка, вершина и завершеніе этого человѣка — не тѣ, совсѣмъ отличныя, не назовемъ — народныя. Если слагалась пѣсня еще самими солдатами, въ низшемъ строю ихъ и въ чернорабочей средѣ, пѣсня еще можетъ отойти въ первый отдѣлъ, къ народнымъ: но здѣсь уже чаще встрѣчается намъ письмо и печать, здѣсь такое „оочиненіе,“ которое дается сверху, внушается, добромъ—а не добромъ, такъ и палкою,—заучивается, заставляеть себя заучивать. И хоръ запоетъ, хоръ дружно грянетъ, и весело, и громко, и совершитъ съ пѣсней чудеса, да подъ палочку регента или капельмейстера, подъ жезлъ тамбуръ-мажора, даже просто подъ палку или угрозу экзекуціи. Такія произведенія иногда поддѣлываются подъ народныя, готовы какъ разъ проникнуть въ народъ: до туда далеко не заходятъ, ихъ тинетъ назадъ—къ своему нѣкому, новорощенному, танетъ неудержимой силою; вымирають они съ разу, при новой войнѣ, вымирають по полкамъ и ротамъ, а если по видимому живутъ, то представляются потомству на листочкахъ, въ печати, какъ отпечатаемыя формуляры такихъ-то лицъ, такого-то времени, мундира, значка и погона.

Таково различіе: и его строго, до послѣдней возможности, наблюдаемъ мы, начиная здѣсь съ *перваго* отдѣла, съ пѣсней *народныхъ устмыль*.

Напомнимъ, что счастливымъ посредникомъ между тѣми и другими отдѣломъ являются пѣсни „Козацкія,“ особенно „Донскія:“ о семъ уже не разъ мы говаривали прежде.

Все это очень естественно: но одна особенность здѣсь покажется большинству совершенно неожиданною, хотя она также вытекаетъ изъ сказаннаго. Въ члѣхъ пѣсней народныхъ оцутятъ передъ нами совсѣмъ не тѣ имена и лица, которыхъ мы ожидали на привычной намъ авансценѣ, не тѣ герои-орлы, которыхъ вѣнчали и вѣнчаемъ за прошлое время, а если и тѣ, то совсѣмъ съ другихъ сторонъ, не громоносныхъ, а гораздо простѣйшихъ. На оборотъ, для кого нынѣшніе „политическіе“ писатели ждали бы самаго горячаго сочувствія и сильнаго слова изъ среды народа, предводители его такъ называемыхъ „политическихъ“ движеній, оказывается, проходятъ молчкомъ и пѣсня объ нихъ вѣщаетъ столько же, сколько объ *любомъ* ворѣ, воршикѣ или „несчастномъ.“—Въ этомъ уже мы не виноваты: у насъ исторія своя особая, та, которую знаетъ и поетъ народъ безъ Погодина, Бѣльева и Соловьева, а намъпаче безъ Костомарова и Мордовцева.

Работы на линіи.

(Сибирск. губ.).

- . Эхъ да какъ задумали солдатъ набирати:
 Ужь не много—тысячъ сорокъ и четыре,
 Сорокъ и четыре,—козаченьки молодые.
 Да какъ погнали солдатъ до Полтавы.
5. Впередъ ѣдутъ да всё генералы,
 А по бокамъ ѣдутъ да всё капитаны,
 А позади ѣдутъ да всё съ барабанами ¹⁾:
 Бьютъ-выбиваютъ ²⁾,—горе утѣшаютъ,
 Молодымъ солдатамъ жалобъ не задаваютъ ³⁾.
10. Эхъ да какъ погнали солдатъ до Полтавы:
 Ихъ заставили и рыть, и копати.
 «Видно намъ же, братья, усѣмъ пропадати!
 «Не будетъ знати ни отецъ, ни мати,
 «Ни отецъ, ни мати, ни родна родина ⁴⁾,
15. «Ни родна родина, жена молодая ⁵⁾»»

(Запис. Дн. А. Валуевымъ).

Этой пѣснѣ соответствовать и Малорусскія: см. ихъ ниже. Сама она обмѣняется въ ихъ сторону и во всякомъ случаѣ возникла среди казаковъ.

* *

Первая Турецкая война.

Румянцевъ

(и Суворовъ).

1.

(Моск., Орловск. и Сибирской губерній).

Еще кто у насъ, ребята, въ каменной Москвѣ бывалъ ¹⁾,
 Въ каменной Москвѣ бывалъ, про визіря кто слыхалъ,
 Про того ли про визіря, про Турецкую войну?

¹⁾ Д. б. „съ барабанами“.—²⁾ Въ барабаны съ музыкомъ.—³⁾ Чтобы не горько было сосдатамъ, не жаловались они. „Задаешь жалобу сердцу“: печальшь меня.—⁴⁾ Семья: Малорусск.—⁵⁾ Ни жена молодая.

¹⁾ Стихъ двойной: потому можете его дѣлать пополамъ.

- Мы подъ городомъ стояли, много горя принимали,
 5. Много горя принимали, стѣну каменну пробивали;
 Мы стѣнушку не пробили, только Турка разсердили,
 Турки изъ пушекъ запалили, нашихъ дымомъ завалили:
 Какое есть красно солнце—не видать его въ дыму.
 Князь Румянцевъ генераль свою силу утверждалъ ²⁾,
 10. А Суворовъ ³⁾ подскакалъ ко Донскімъ козакамъ:
 «Ой вы, братцы, молодцы, вы Донскіе козаки,
 «Вы Донскіе, Гребенскіе, Запорожски ⁴⁾ молодцы!
 «Сослужите такую службу, какую я вамъ велю,
 «Какую я вамъ велю и какую прикажу:
 15. «Вы пейте-ка безъ мѣры зеленое вино,
 «Берите безъ расчета государевой казны,—
 «Не можно ли, робята, караулы Турски свять?»
 ««Не велика, сударь, страсть, караулы Турски скрасть!»»

- Тихо ночью подѣзжали, караулы Турски сирали.
 20. Закидался, забросался самъ Турецкій визирь,
 Чѣрьзень рѣку перешолъ, во постелюшку слѣгъ:
 — Не чаялъ своей силушки въ погибели бывать,
 — А топеря моя силушка побитая лежить,
 — Вся побитая лежить, вся порубленая,
 25. — Побили-порубили всё Донскіе козаки,
 — Донскіе, Гребенскіе, Запорожцы молодцы!—

*

2.

(Оттуда же).

- Что же, робята, вы не весело сидите,
 Вы не весело сидите, ничего не говорите?
 Кто изъ васъ, робята, въ каменной Москвѣ бывалъ,
 Въ каменной Москвѣ бывалъ, про визиря кто слыхалъ,
 5. Про того ли про визиря, про Турецкую войну?

²⁾ Ср. прежде это обычное выраженіе.—³⁾ Онъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, обыкновенно поминается *кстати*.—⁴⁾ Мы знаемъ: если уже Донскіе, то непременно и прочіе.

Мы подъ городомъ стояли, много горя принимали,
 Много горя принимали, стѣну каменну пробивали:
 Мы стѣнушки не пробили, только Турка разсердили.
 Напередъ идти визирь, генераламъ всѣмъ грозилъ:

10. — Въ каменнѣ Москву взойду, всю ногами растопчу!—
 Генералы отвѣчали на визиревы слова:
 «— Не бывать тебѣ, собакъ, въ нашей каменной Москвѣ!—»

- Князь Румянцевъ генераль всеѣ силу утвержалъ,
 А Суворовъ поскакалъ къ Донскимъ козакамъ:
 15. «Ой вы ой еси, робята, вы Донскіе козаки,
 «Вы Донскіе, Гребенскіе, Запорожски молодцы!
 «Ужь вы пайте-ка безденежно зелѣное вино,
 «Вы берите безъ разсчѣту золотой нашей казны,—
 «Сослужите такую службу, какую я велю,
 20. «И какую я велю, какую прикажу:
 «Не можно ли вамъ, робята, караулы Турски скрасть?»
 ««Не велика, сударь, страсть, караулы Турски скрасть!»»
 Тихо ночью подвѣзжали, караулы Турски скрали,
 Мелки пушки заряжали, мы и Турковъ въ полонъ брали.

*

3.

(Оттуда же).

- Охъ, что жъ вы, ребятушки, не вѣсело сидите,
 Не пьете, не ѣдите, ничего не говорите?
 Еще кто бы намъ сказалъ про Турецкую войну,
 Про Турецкую войну, про визиреву пальбу?
 5. Кто въ походѣ не бывалъ, нужды-горя не видалъ,
 А кто въ походѣ-то бывалъ, много нужды принималъ,
 Много нужды принималъ и сухарики ѣдалъ.

- Мы подъ городомъ стояли, мы по городу стрѣляли,
 Мы по городу стрѣляли, свинець-порохъ растеряли:
 10. Мы стѣны-то не пробили,—пошли прочь мы, отвалили,
 Пошли прочь мы, отвалили, въ чисто поле выходили,

Въ чисто поле выходили, солдаты строгие становили,
 А драгунские полки перемѣшаны стоятъ,
 Перемѣшаны стоятъ, они плачутъ-говорятъ:

15. «Не погодушка шумить, Турецкая ¹⁾ силушка валить,
 «Турецкая силушка валить, Турецкой силы смѣту нѣтъ,
 «Турецкой силы смѣту нѣтъ, конца-краю не видать!»»

А Румянцевъ генералъ по арміи разѣзжалъ.

Подѣзжаетъ къ козакамъ, онъ тайно слово сказалъ:

20. «Охъ вы, братцы, козаки, удалые молодцы!
 «Вы берите, что хотите, государевой казны,—
 «Еще кто бы изъ васъ караулъ Турецкой снялъ?»
 Выбиралось молодцовъ пять сотъ козаковъ:
 Они скрали-своровали у визіря караулъ.

*

4.

(Оттуда же).

- Что же мы, робятушки,
 Не вѣсело сидимъ ¹⁾,
 Мы не вѣсело сидимъ,
 Мы не пьемъ, не ѣдимъ?
 5. Кто бы намъ, робята,
 Про мирзірь-городъ ²⁾ сказалъ?

- Мы трое суточки стояли,
 Не пивали, не ѣдали,
 Стѣну бѣлу пробивали:
 10. Стѣны бѣлой не пробили,
 Отъ города отвалили
 Во зелѣные луга.
 Становилась сила вкругъ:
 А Румянцевъ съ ними ввукъ ³⁾

¹⁾ Д. б. „Турекъ.“

²⁾ Здѣсь печатаемъ стихъ пополамъ.—³⁾ Сдѣлано изъ „визіря“.—⁴⁾ Сдѣлано ради рифмы: впрочемъ выводится у Румянцева и сынъ, какъ увидимъ ниже.

15. **Объѣзжать силу вокругъ.**
 Поскорѣ поскакалъ
 Ко Донскимъ козакамъ:
 «Выбирайтесь козакѡвъ
 «Сорокъ тысячъ молодцовъ,
 20. «Что хотите, то берите
 «Государеву казну,—
 «Вы скрадите у мирзѣра
 «Огъѣзжій караулъ.»
 ««Не диковина какая,
 25. ««У мирзѣра караулы скрасть!»»

- Наперѣдъ у насъ пѣхота,
 Козакѣ позади,
 Турецка сила впереди.
 Не дубровушка шумить,—
 30. Турецка силушка валить.
 Не ясень соколъ летить,—
 Наперѣдъ мирзѣръ катить,
 Вострой сабелькой грозить.
 Генералы испугались,
 35. Кой-куда всѣ разъѣзжались;
 А солдатушки стоятъ,
 Они то же говорятъ:
 ««А намъ нѣ куда дѣваться,
 ««Пришло дѣло раздѣваться!»»
 40. Козакѣ силу сѣкутъ,—
 Кровавыя ключи текутъ:
 Коя сила при долинѣ,
 Заметало пескомъ-глиной;
 Коя сила на горѣ,
 45. Стоитъ по поясъ въ кровѣ ⁴⁾!

*

⁴⁾ Ср. выше дѣло Лопухина въ Прусскую войну.

5.

(Губ. и уѣзда Симбирск., село Архангельское).

Что вы, братцы, не пьете—не ѣдите,
 Не вѣсело сидите, ничего не говорите?
 Кто бы намъ, ребята, про мизирь—городъ сказалъ,
 Про мизирскую войну, про Турецкую стрѣльбу?
 5. Кто на войнѣ—то бывалъ, много горя тотъ видалъ,
 А кто въ службѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ.

«Много ль васъ молодцовъ—Донскихъ козакѣвъ?
 «Сорокъ тысячъ молодцовъ—Донскихъ козакѣвъ,
 «Девять тысячъ молодцовъ—Запорожскихъ козакѣвъ?
 10. «Вы подите—ка—скрадите у мизира караулъ!»
 «Не какая, братцы, страсть, караулы крѣпки скрасть:
 «У насъ копыцы долги, па то саблицы востры!»»

Ужъ мы билися—рубились трое соточки,
 Ни пивали, ни ѣдали, съ добрыхъ коней не слѣзали,
 15. Бѣлы стѣны пробивали: бѣлы стѣны не пробили,
 Ядры—порохъ растеряли, пѣхотушку утомили,
 Сами прочь мы отвалили, въ чисто поле выходили,
 Въ чистомъ полѣ во долу становились во строю.
 Утолилася баталья,—стали тѣла разбирать ¹⁾:
 20. Который на горѣ стоитъ, по поясъ въ крови,
 А которы подъ горой, заметало тѣхъ землѣй.
 По утру, братцы, раненько, не соколъ въ полѣ леталъ,
 Князь Румянцовъ разѣзжалъ, прытко скачетъ по горѣ,
 На своемъ добромъ конѣ, близѣхонько подѣзжалъ,
 25. Чорну шляпу скидавалъ, низѣхонько воскланялъ,
 Румянцова, братцы, внукъ ²⁾ объѣзжаетъ силы въ кругъ.

* *

Слѣдующая пѣсня представляетъ свободную народную передѣлку сочиненной (которую увидѣли выше), о переходѣ Татарской степи, о Буджакѣ и о подступѣ къ Кагулу:

¹⁾ Опять черты Прусской войны: ср. выше.—²⁾ См. объ этомъ выше.

Через Турецкое поле.

1.

(Земля Войска Донского).

- Находила туча тёмная
 На силушку царя Бѣлаго.
 А ты поле чистое, Турецкое!
 Мы когда тебя, поле, пройдемъ,
 5. Всѣ бугры твои, дороженьки,
 Всѣ мѣста твои прекрасные,
 Города твои проклятые?
 Черезъ гору перевалимся,
 Мы сойдѣмся съ непріателемъ,
 10. Со Турецкимъ большимъ корпусомъ.
 На Турецкомъ большомъ праздничекъ
 Турки пьяно напивались,
 Сы похвѣлья выхвалялися:
 «Мы Россіюшку на скрость пройдемъ!...»

(Ср. сборн. г. Савельева 1866 г.).

* *

На слѣдующей есть также порядочные слѣды сочиненія:

Средиземное море. Спиридовъ.

1.

(Москва).

- Не цвѣтами синѣ море покрывалось,
 Не лазоревыми Средиземное украшалось:
 Разцвѣтало синѣ море кораблями,
 Бѣлыми-полотняными парусами,
 5. Разными Россійскими флагами.
 Не ясенъ соколъ по поднебесью летаетъ,—

Спиридовъ ¹⁾ генералъ по кораблику гуляетъ,
Онъ Россійскихъ матросовъ утѣшаетъ,
Утѣшаетъ ихъ, забавляетъ:

10. «Не тужите вы, дѣти, по своей отчизнѣ ²⁾, —
«Не вѣсье мы на синѣмъ морѣ погубимъ!»
«Воротимся мы въ Русь со побѣдой ³⁾,
«Увидимся съ отцами—матерями,
«Со братами и съ сестрами,
15. «Со молодыми своими женами,
«Со малыми дѣтьми со родными!»
Матросы печаль забываютъ
И съ радостью еще пробить тамъ желаютъ ³⁾.

(У Новикова в поезде, кое гдѣ въ устахъ).

* *

Зоричъ въ бѣдѣ.

Память о Краснощожовѣ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

- Не чернымъ—то зачернѣлось,—
Зачернѣлось Турецкое чѣсто поле;
Не плугами поле—не сохами пораспахано,—
А распахано поле конскими копытами;
5. Засѣяно поле не всхожими сѣмянами,—
Засѣяно жозачьими головами,
Заволочено поле козачьими черными кудрами ¹⁾.

Какъ не дохавши поля, Зоргинъ ²⁾ генералушка
Становился надъ козачьими головушками,

¹⁾ Въ нѣкотор. „Спиридоновъ“.— ²⁾ Волѣ видные слѣды сочиненія.—

³⁾ Тѣ же слѣды.

¹⁾ Образы и черты Слова о Полю Игоревѣ, известнае намъ по пѣснямъ Петровскимъ.—²⁾ Зоричъ, въ известной бѣдѣ его при Рѣбой Могилаѣ.

10. Становившись онъ прослезился:

«По напрасну эти буйныя головушки пропадаютъ.
 «Безъ вѣрнаго—то служителя съ Дону государева,
 «Безъ Ивана сына Матвѣева Краснощокова ³⁾!»

(Ср. сборн. Самел. 1866).

* *

Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, собственно намъ нужно бы поставить пѣсню о Бендерахъ и Румянцевѣ (съ Панинымъ): но, такъ какъ съ нею, извѣстными развѣтвленіями, связанъ совершенно особый кругъ пѣсенъ, частнаго примѣненія и значенія, то мы пока отлагаемъ ее и повѣстимъ ниже послѣ всѣхъ Румянцевскихъ дѣйствій и послѣ первой Турецкой войны. А теперь пока о 1771 годѣ и Долгоруковѣ (въ пѣсню также проникли слѣды сочиненія):

Долгоруковъ.

Перевождъ. Каѳа.

1.

(Губ. Оренбургской).

Въ семьдесятъ первомъ году,
 Отъ Яицкаго плоту ¹⁾
 Покачались всѣ горы,
 Потряслась сыра земля,
 5. Пошли рыбы всѣ на низъ
 И всѣ птицы съ теплыхъ гнѣздъ ²⁾.

Походъ на весну намъ сказанъ,
 Въ Крымъ итти прямо показанъ.
 Мы въ походъ поидемъ,
 10. Турку дары понесемъ.

³⁾ Еслибы бы онъ былъ здѣсь, только развѣ онъ могъ бы спасти насъ.

¹⁾ Флота, лодокъ: откуда нѣкогда шла помощь и гдѣ пѣлась эта пѣсня.—

²⁾ Произноса „гнѣздъ“.—Первый и сильный походъ на Турцію изображенъ тѣми же почти красками, какъ первые походы Варяжской дружины съ Олегомъ, въ былинахъ объ немъ (см. прежніе вып. и Рыбникова).

Къ Перекопу подходили,
Турско войско находили.
Много ядеръ и картечь:
Мы не станемъ ихъ беречь.

15. Артилерія грешѣла,
Черезъ ровъ на стѣну взошла смѣло.
Предводитель Долгоруковъ,
Не страшай своимъ насъ звукомъ ²⁾

- Видя Турки ту бѣду,
20. Стали рвать безъ чередѣ;
Закричали въ одинъ гласъ:
«Пошадите бѣдныхъ насъ,
«Вы насъ плѣнными сочтите
«И Кифу ⁴⁾ въ полонъ возьмите!»

25. А Татаришки негодны,
Они очень сумазбродны:
До Кифы они бѣжали,
Мы ихъ больше не видали.
Наша армія спокойно

30. Отдыхаетъ, стоитъ стройно.
Ожидаемъ мы курьера,
Гдѣ намъ вѣчныя кварталы:
Расположимся въ Крыму,
Свѣту на диво всему!

(Доставлено В. И. Далемъ).

* *

Неудача подъ Силистріей.

1.

(Губ. Сибирской).

Вся-та наша аржеюшка приуныла.
Запоёмъ-те мы, ребятушки, пѣсню новую,

²⁾ Здѣсь уже сочиненіе врѣзилось безмысленною фразою — ⁴⁾ Кафу.

Мы которую пѣвали ¹⁾...

Во походѣ мы не пѣсенки пѣвали,—

5. Горевали мы, подѣ городомъ стояли,
 Подѣ Галистромъ за быстрою
 За рѣченькой за Дунаемъ.
 А не вѣсело наша армейюшка пѣть-гуляеть,
 А не вѣсело солдатушки во строй собирались;
10. Во строю-то стоять солдатушки—сами плачуть,
 Жалобу-то творять солдатушки на фицеровъ:
 «Загналь-то, загналь Прусской король въ ину землю,
 «Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки,
 «Ни словеснаго отъ батюшки приказа ²⁾...»

(Запис. А. М. Ямковымъ).

* *

Каменскій съ Донцами за Дунаемъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

- За славной-то было за рѣчушкой—быстрымъ Дунаемъ,
 Собиралась тамъ наша армейюшка:
 Повелитель у ней былъ самъ Каменскій графъ,
 У Турецкой было армейюшки—паши-мурзы.
5. Пишетъ папа-мурза ко' графу Каменскому:
 «Прошу тебя, Каменскій графъ, не прогнѣваться,
 «Ты за чѣмъ зашелъ—завелъ армию Россійскую?
 «Я солдатъ-драгунъ повырублю,
 «А Донскихъ-то козаковъ во полонъ возьму,
10. «Со Донскими козаками я служить пойду!»
 А Каменскій-то графъ во отвѣтъ ему:
 — Врешь ты, паша-мурза, облыгаешься,

¹⁾ Дополните, по прежнимъ образцамъ: „сами плакали“.—²⁾ Отдается и вспоминается, при оминомъ случаѣ, страхъ, заданный некогда Прусскимъ королемъ (ср. выше).

- Небылыми рѣчьми ³⁾ забавляешься.
 — Не поймавши гуся сѣраго—ты щипать сталъ;
 15. — Я твою—то братію повырублю,
 — А съ тебя—то кожу сниму, соломою набью! —

(Ср. Сборн. Савел. 1866).

* *

Нападеніе на Шуменъ

и

отпоръ Турокъ.

1.

(Оттуда же).

- На ровной площади, на большой полянѣ,
 Стоялъ тамъ Второй Тацынъ полкъ.
 Стоялъ три недѣлюшки.
 На четвертой—то на недѣлюшкѣ приказъ они получили ¹⁾,
 5. Да иттить—то полку Тацыну подъ Шумной городъ:

Не пошелъ—то молодой полковничекъ большой дорогой:
 Онъ пошелъ, молодой полковничекъ, крутыми горами,
 Онъ крутыми—то горами, большими лѣсами.
 Среди—то, было, пути—среди дороженьки несчастье случилось:

10. Какъ не черные—то вѣроны изъ лѣсовъ солеталися,
 Турки храбрые изъ за крутыхъ горъ на Тацына нападали.

Туть—то мои малолѣточки ²⁾ дюжа ³⁾ перепужалися,
 По темнымъ—то лѣсамъ они разбѣжались.
 Кричить—то кричить молодой полковничекъ своимъ гром-
 кимъ голосомъ:

15. «Ужь вы стойте, мои малолѣточки, стойте—не робѣйте,
 «Государева свинцу—пороха не жалѣйте!»

²⁾ Небылицами.

¹⁾ Отселъ стихъ *двоймой*.—²⁾ Такъ обыкновенно въ гѣсняхъ, присут-
 ствіемъ малолѣтокъ, казаки объясняютъ неудачи.—³⁾ Крѣпко.

Пробилъ-то бы, пробилъ молодой полковничекъ двѣ за-
ставы:

На третьей-то на заставѣ самъ головушку сложилъ.

* *

Теперь-то ми переходить или, лучше, возвращаемся къ *Вендерамъ*, и от-
личную народную пѣсней, которая изображаетъ сборы въ походъ съ Ру-
дичевымъ—Панинымъ:

Сборы подъ Вендеры.

1.

(Москва).

У душечки у красной у дѣвицы
Не дожничкомъ бѣлое лицо смочило:
Смочило бѣло личико слезами,
Тужа-плача по миленькомъ дружечкѣ,
5. По ласковомъ-привѣтливомъ словечкѣ.

Какъ далече-далече въ чистомъ полѣ,
Стояла въ полѣ бѣлая берѣза.
Подъ той ли подѣ бѣлой подѣ березой
Не голубь съ голубушкою воркуютъ,
10. Не сизенькой со бѣленькою воркуеть,
Дѣвица съ молодцомъ рѣчь говорила:
«Ты душечка, удалый ¹⁾ молодецъ!
«Куда ты, моя радость, снаряжаешься,
«Во которую во дальнюю сторонушку,
15. «Во Казань городъ, или въ Астрахань,
«Или во славной городъ Сан-Пѣтербургъ,
«Или во матушку каменную Москву?»
Отвѣтъ держитъ добрый молодецъ:
— Какъ сказана мнѣ, молодцу, царска служба,

¹⁾ Вар. „удалый-добрый.“

20. — Показана широкая дорожка ²⁾,—
— Ко славному ко городу Бендерамъ ³⁾!—

(Ср. пѣсен. В. Шолоховскій и друг.).

*

И. И. Дмитриевъ въ своемъ „Карманномъ пѣсенникѣ“ 1796 года, Богъ знаетъ за чѣмъ, передѣлалъ Бендеры на *Нерчинскіе*, а всю пѣсню—не утерпѣлъ—исказилъ такими нѣжными подправками (соблазнивши тѣмъ и многихъ преемниковъ):

2.

(Сочиненіе).

- У душечки красной дѣвицы
Бѣло личико смочилося
Не отъ дожжичка весенняго:
Ахъ, смочилося отъ жаркихъ слезъ,
5. По привѣтливомъ миломъ дружечкѣ.
Возвѣстили другу милому
Службу царску, государеву.
Объявили путь—дороженьку
Изъ преславной каменной Москвы
10. Къ дальну городу *Нерчинскому*.
«Ото всѣхъ мой другъ прощенье взялъ:
«Лишь со мною не простился онъ,
«Знать стыдится онъ любви моей!
«Такъ прости же ты, мой милый другъ.
15. «Наживай себѣ другую ты!
«Лучше найдешь, такъ забудь меня,
«Хуже найдешь, такъ вспомнишь самъ.
«А вспомнивши вздохнешь по мнѣ!»

* * *

²⁾ „Дороженька“.—³⁾ Въ нѣкоторыхъ: „ко городу *Смоленску*“,—и это, кажется, старшій образецъ, изъ XVII-го вѣка.

Но подъ Бендерами въ пѣсняхъ разыгралась съ Румянцевымъ совсѣмъ другая „исторія“, гдѣ народъ расправился съ событиями „по своей“.

Это стѣитъ того, чтобы разъяснить подробнѣе: и, какъ мы сами долго путались въ массѣ переплетшихся образовъ, чтобы добиться наконецъ толку, такъ точно обязаны мы ввести читателей въ суть дѣла весьма медленнымъ и осторожнымъ шагомъ.

Всѣ пѣсешники, начиная съ Чулкова и Новикова, кончая Гурьяновымъ и Кашиннымъ, видѣли въ предлагаемой пѣснѣ рѣшительную безтолковщину и бессмыслицу: а если тутъ и попадался имъ какой либо намекъ историческій, то, по извѣстному намъ опасенію, не рѣшались воспользоваться этою чертою, какъ случайною, и помѣтить у себя пѣсню, чтобы тѣмъ хуже не попасться въ историческій просакъ или въ передѣлку у какихъ либо вмѣстныхъ лицъ, заинтересованныхъ тутъ родовыми именами. Между тѣмъ пѣть почти уголка среди повшей Россіи, гдѣ бы не знали и не распѣвали этой пѣсни: отъ Витебска до Ярославля, отъ Оренбурга и Саратова до Тулы, Орла и Чернигова, до губерніи Рязанской, Тамбовской, Симбирской, особенно же Московской, — всюду живетъ и растетъ еще она въ устахъ народа; но мѣстамъ сдѣлали изъ нея даже пѣсню игровую и хороводную. Не досадно ли и что въ самомъ дѣлѣ за нелѣпость? Мѣсто въ Швеціи, Пруссіи, и оно же въ Бендерахъ; изъ Бендеръ выходитъ дѣвушка, убранныя по нѣмецки, въ карманѣ съ крадашикомъ; Руманцевъ описывается чертами Краснощочкова; у него не только ввукъ (какъ мы видѣли по другимъ пѣснямъ), но прямо смыслъ и — „Иванъ Ивановичъ,“ Россійскій генералъ; ни съ того, ни съ сего, онъ сватаетъ встрѣчную дѣвку за сына и, послѣ ужаснаго гнѣва, успокоивается тогда лишь, когда Нѣмка соглашается ктти за мужа; а затѣмъ приглашенія на свадьбу по Европѣ и всей Россіи... Что за масса кажушейся чепухи, навязанной и переплетанной!

Но, полно такъ ли? Въ своихъ отношеніяхъ къ народу и его пѣсноптворчеству, руководимые всегда неизмѣннымъ довѣріемъ и уваженіемъ; мы десять лѣтъ съ особеннымъ вниманіемъ прислушивались, слѣдили и соображали. И вотъ выводы, наконецъ истекшіе, опредѣлившіеся и утвердившіеся.

Кубела или Купала, изъ мифологической области разными путями и подъ разными образами перешедшая поздне въ нашъ эпосъ, съ самаго начала представлялась то какъ „Мать“, то какъ дочь ея „Дѣвица.“ Искони ей принадлежащее, строеніе первыхъ городовъ народныхъ и защита ихъ, то, что прозвало ее всюду (равно у Грековъ, даже у Римлянъ) „Матерью городовъ“ и возложило на голову ея вѣнецъ, какъ выражаются, „изъ городской стѣны“, а по нашему „городками (зубцами, зубчатымъ забраломъ)“, осталось въ достояніи роли энической Матери и Дѣвицы повсюду (подробности въ нашемъ изданіи Бѣлорусскихъ пѣсней 1871 г.). Въ Словѣ о Полюху Игоревѣ Всеславъ добываетъ себѣ городъ не иначе какъ подъ видомъ со-

стизательнаго виставля (турнира), на которомъ бросаетъ жребій „о дѣвицу себѣ любу“ и копьемъ достаеъ ее; Ярославна, ища спасенія родному городу и посылая воли къ далекому мужу, являеъ съ обаятельной пѣсней „да забороль“, на зубчатой стѣнѣ. Олегъ, отомскія наследство вѣрному малодѣтку, встрѣчаеъ „Мать городовъ Русскихъ“: виѣсть съ симъ лѣтописъ въ избыткѣ разсыпаеъ вокругъ него мнѣологическія и эпитетскія черты. Почти всѣ старшіе у насъ города—по имени женскаго рода (ср. у насъ выше примѣчанія на стр. 168 и 169, а равно статью Дм. Н. Млоувайскаго о мнимомъ призваніи Варяговъ). По лѣтописамъ или, лучше, вставленнымъ въ нихъ сказаніямъ, какъ только городъ настаеъ бѣдой и разореніемъ, за него и объ немъ, въ его образѣ, „плачеъ“ женщина, частіе дѣвица. Не касаясь столь далекихъ образовъ, какъ въ Стихахъ объ Егорѣ и Феодорѣ, самый Новгородъ, какъ скоро настигъ его разгромъ отъ Суздальскаго князя, увидалъ—по сказанію—спасительницу на стѣнахъ своихъ (ея образъ совершенно отвѣчаеъ древнему изображенію Купалы, даже какъ вытесывалась она въ каменныхъ „Бабахъ“). Съ самаго начала нашего эпоса, сохранившагося въ богатырскихъ Быливахъ, по „стѣнѣ городской“ ходитъ защитницей и представительницей „Турица златорогая (образъ Купалы въ вѣицѣ)“, сама называемая порою прямо „Мать стѣни городской“: вмѣсто нея, позднѣе, какъ только Краснощокъ вступилъ въ Турецкую Землю, ему предстала „Мать сѣра лаша со ланятами (какъ „Мать сѣра земля“ или Турица съ извѣстными 12-ю дѣтьми своими)“. То защитница, то—изъ любви къ пришельцу—предательница города, то невольная за свой городъ полонянка, преимущественно дѣвушка, „Королевна“ и „Королевична“,—на каждомъ шагу эпоса, почти въ исторіи каждаго героя. Напомнимъ, крупнѣе другихъ, Елену Прекрасную, Настасью Королевичу, Апраксию, Маринку (что досталъ Добрыня стрѣлами по терему и зубчатому замку), Лиховидьвену, Лебедь Бѣлую и т. п. Петру являеъ она Королевною въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ (см. прежніе наши выпуски и разныя изданія). Въ Швеціи и Пруссіи для XVIII вѣка она рѣшительно на всегда засѣла: какъ только приходится съ тѣхъ поръ „пробывать каменную стѣну“, дѣвица-королевна тутъ какъ тутъ (см. тотъ выпускъ выше); мы видѣли ее и подъ Кермантомъ, и гдѣ угодно, такъ что иногда она просто, ради практики, обращаеъ въ офицерскую жену и любовницу офицеровъ. Въ Берлинѣ, при Фридрихѣ, возстала она еще въ эпическомъ, чарующемъ величіи и въ яркой обстановкѣ: то Королева, то Королевна, и чаще послѣдняя, она и защищаетъ городъ, запирая его и запираеъ на допросъ, и прикрываеъ вѣщія продѣлки Короля, и, при усиленномъ напорѣ, сдаеъся, сдаеъ и рассказываетъ сокровенныя тайны. Послѣ этого мы нисколько не удивимся, что она же, неизмѣнная, появилась въ Бендерахъ, какъ скоро стали тамъ „пробывать стѣну каменную“; она пришла туда прямо изъ Пруссіи, какъ перешли симъ путемъ многіе образы пѣсень; притомъ прибыла она виѣсть „съ Румянцевымъ“, который въ той же Пруссіи положилъ

начало военнымъ своимъ подвигамъ: теперь естественно, что она Нѣмка и „по Нѣмецкому приубрана,“ даже подъ стѣною самхъ Бендеръ. Мы се встрѣтимъ еще, въ томъ же уборѣ и значенія, кое-гдѣ дальше, и въ Турціи, и обратно въ Западной Европѣ.

Кто же этотъ герой, передъ которымъ Королевни-Дѣвица-Пололявочка непремѣнно встаетъ изъ подъ земли, склонная и къ другимъ, но къ нему какъ прикованная? *Румянцевъ* въ первой своей молодости, перевода древнюю „Дѣву“ и „Жену“ на простой обиходный языкъ, прославился любовными приключеніями съ иностранками по чужимъ землямъ среди походовъ, еще въ Швеціи, потомъ въ Пруссіи. Соответственно сему, въ пѣсняхъ его времени безпрестанно является „енералушка:“ то беретъ полянынокъ, то—появляе для пѣсни—убиваетъ ихъ какъ враговъ; а иногда это по просту, какъ мы встрѣчали примѣры выше, какая ни будь „жена офицерская (надъ которою, въ разныхъ анекдотическихъ случаяхъ, столь извѣстнымъ проказу молодого Румянцева)“. Не боясь нисколько повториться, мы приведемъ здѣсь подобную пѣсню, въ которой явимъ всѣ знакомыя намъ черты и выраженія „Прусскаго похода,“ но въ которой есть и „енералушка,“ съ „офицерскою женою:“

Пруссія. Енералушка. Жена офицерская.

1.

(Губ. Симбирской, Усть-Урень).

- Не бѣлая берѣзенька къ землѣ клонится,
 Не шалкова травенька по чисту полю разстилается:
 По чисту полю разстилается польнь горькая.
 Горька ты, польнушка, изъ всей травы:
 5. Еще горьчѣй-тошнѣй того служба царская,
 Служба царская, нужда крайняя.
 И ни день-то, ни ночь намъ, солдатушкамъ, угомону нѣтъ:
 Темная ночь настанетъ,—мы на часахъ стоимъ,
 Какъ бѣлый день настанетъ,—во строю стоимъ.
 10. Во строю стоимъ, по ружью держимъ.
 И стояли мы, солдатушки, трое сутокъ,
 Не пиваючи и не ѣдаючи.
 И ходить же душа енералушка по армейшкѣ,
 Закупаеть енералушка свинцу съ порохоми,

15. И заряжаеть енералушка сорокъ пушечекъ,
 Пробиваеть енералушка стѣну каменную,
 И убиваеть енералушка жену офицерскую,
 Молодыхъ—то ребягъ во полонъ беретъ.

(Запис. отъ Полякова П. В. Шейномъ; ср. „Чтения“).

*

Но въ Пруссiи начинающему Румянцеву явился соперникъ, уже зрѣлый и завершавшій свои подвиги: это Краснощокъ, бывшій, какъ знаемъ, и въ Швеци за одно съ Румянцевымъ, а затѣмъ въ Пруссiи затмившій его юную извѣстность и привлекшій все главное вниманiе нѣсни. Донской богатырь, намъ извѣстно, также довелъ образы пробитой стѣны, взятаго города и плененной Королевы до высшей апогеи развитiя и до всей яркости эпической. Онъ даже, въ кругѣ нѣсень своихъ, соединилъ образъ древней „Турицы“ и дѣтей ея съ „Матерью строй ланью и ланятами“, которая встрѣчается ему при вступленiи въ Турецкую землю (ср. выше у насъ № 26), а историческую „Марьюшку“ съ невѣсткою Короля Прусскаго и съ эпической „Марьею-лебедью, Марьею Юрьевной, Романовной, Маринкой“ и т. п. (см. при № 11). Да сверхъ всего этого, онъ еще привлекъ изъ старины и привилъ къ себѣ ту эпическую особенность, что, сообразно древности, явился въ нѣсотворчествѣ „кушомъ“ и „купеческимъ смыномъ“, „закуналъ на торгу свинець съ порохомъ (какъ это случалось тогда въ дѣйствительности при скудости нашихъ снарядовъ, — ср. выше),“ былъ въ полону у Короля“ и, захвативъ полонянку, вылетѣлъ „соколомъ отъ чорнаго ворона.“ Образъ былъ такъ яркъ, выраженiя такъ сильны и влиятельны, что съ тѣхъ поръ, мы знаемъ, почти при каждомъ походѣ и подобной осадѣ города повторяются общiя фразы, — „Мы со вечера въ торгу торговали, Свицу-пороху покупали, Стѣну каменну пробивали, Полоняночку въ полонъ взяли“ и т. п.

Однако, опредѣлившись совершенно типомъ художественнымъ и его въ себѣ опредѣливши, а въ дѣйствительности совершивши рядъ блестящихъ военныхъ подвиговъ, Краснощокъ, по закону живучаго историческаго нѣсотворчества, долженъ былъ въ нѣснѣ передать кому ни будь свое наследство, — созданные образы и черты событiй, краски, выраженiя. Случай подошелъ такой, что можно было передать и самое имя. Краснощокъ, по естественному закону языка, нами уясненному, обратился въ *краснощокаго*, сдѣланъ *краснощокиимъ*: отъ него зародился самъ столкнувшiйся Король и вышелъ также „королемъ краснощокиимъ“ Еще шагъ, и самъ герой обращенъ въ „*краснощокаго короля*“, „*князя*“ и „*графа*.“ Если бы заглянуть въ тогдашнее воображенiе поющихъ, если бы пригласить ихъ въ раскраскѣ какой ни будь тогдашней лубочной картины, — конечно мы получили бы

рельефнаго героя—*краснощочаго и румянаго*, какъ и подобаетъ быть Русскому богатырю по представленію сильнаго, здороваго, цвѣтущаго народа. *Графъ Румянцевъ*, сотоварищъ времени и походовъ, вышетъ подъ стать: герой такой же *румяный* (его зовутъ въ цѣсняхъ *Румянчикъ*), какъ Краснощочковъ *краснощочкій*. Съ тѣхъ поръ всѣ помянутыя пѣснотворческія отличія дѣйствительно перешли въ пѣсняхъ отъ Краснощочкова къ Румянцеву, до самыхъ мелочныхъ выраженій; тутъ же и ненамѣтная „половянка“, то Королева, то просто „Нѣмка“, а отличіе лишь въ томъ, что наследникъ Румянцевъ ступилъ шагомъ далѣе: Краснощочковъ неизвѣстно чѣмъ кончаетъ съ половянкою, а Румянцевъ, какъ слѣдуетъ солидному, остепенившемуся въ дѣйствительности герою и отцу семейства, сватаетъ ее за сына (впрочемъ и выше, по нѣкоторымъ образцамъ, герой, плѣняющій половянку, также раздвоился на двоихъ и даже при Краснощочковѣ выведетъ „сытъ“ какъ при Румянцевѣ). Пѣсня, повтораемъ, прошла въ семь видѣ отъ Швеціи черезъ главную Пруссію и потомъ черезъ Россію, гдѣ столь распространена, до самыхъ Бендеръ вмѣстѣ съ Румянцевымъ: шла по началу съ Краснощочковымъ грозной тучею, потомъ, постепенно свиваясь вкругъ геройской головы Румянцева, преобразилась свѣтлымъ облакомъ, какъ блестящій ореолъ въ радужныхъ переливахъ народныхъ. На этой ступени мы проведемъ различныя образцы сей пѣсни передъ глазами читателей:

Румянцевъ въ Пруссіи. Половянка. Сватовство за Россійскаго генерала.

1.

(Черняговскія Слободы).

Купцы съ вѣчера торговали,
Свинцу—пороху покупали,
Мѣдны пушечки заряжали,
Короля въ глаза не видали ¹⁾,
5. Въ каменнѣ стѣну ²⁾ (не) стрѣляли,
Красну дѣвочку вызывали:
Красну дѣвочку въ полонъ взяли.
Къ графъ—Румянцеву приводили.

¹⁾ Это было бы непонятно безъ предыдущихъ нашихъ образцовъ.—²⁾ Такъ тогда же мы исправили при печати, вмѣсто „Москву:“ Москва здѣсь значить вообще „городъ“ и „стѣну.“

Графъ Румянцевъ ливовался,

10. Красотѣ ея любовался:
 Хороша дѣвица, румяна,
 По Нѣмецкому приубрана,
 На ней шубочка парчевая,
 Душегрѣчка золотая,
 15. Въ косѣ ленточка голубая.
 «Ты поди, поди въ Россію за мужъ
 «За любимаго моего сына за Ивана,
 «За Ивановича свѣтъ Ивана,
 «За Россійскаго за енарала.»
 20. — Я не йду, не йду въ Россію за мужъ
 — За любимаго твоего сына за Ивана,
 — За Ивановича свѣтъ Ивана,
 — За Россійскаго за енарала.—

Графъ Румянцевъ разсердился,

25. Онъ безъ милости распалился,
 Востру шабельку вынимаетъ,
 Красотѣ ея угрожаетъ:
 «Ты поди, поди въ Россію за мужъ
 «За любимаго моего сына за Ивана,
 30. «За Ивановича свѣтъ Ивана,
 «За Россійскаго за енарала!»

Красна дѣвица испужалась:

- Я иду, иду въ Россію за мужъ
 — За любимаго твоего сына за Ивана,
 35. — За Ивановича свѣтъ Ивана,
 — За Россійскаго за енарала!—

(Ср. II-й томъ собран. Рыбникова).

*

2.

(Рязанск. губ., у. Зарайскаго, с. Жолчино).

Мы вечеръ въ торгу торговали,
 Мѣдны пушечки заряжали,
 Въ каменнѣ стѣну стрѣляли,
 Короля мы въ глаза не видали:
 5. Красну дѣвицу въ полонъ взяли,
 Къ графу(ъ) Румянцеву подводили.

Графъ Румянцевъ дивовался,
 Въ красоту ея влюблялся:
 Хороша дѣвица, румяна,
 10. По Нѣмецкому разубрана,
 На ней шубочка голубая,
 Душегрѣчка парчевая,
 Въ косѣ ленточка золотая.
 «Ты позволь ¹⁾ со мной поговорити,
 15. «Про мою силушку спросити,
 «А про свою силушку явити ²⁾.
 «Ты пойдѣ ко мнѣ въ Россеею за мужь,
 «За мого за сына любимаго ³⁾,
 «За Иванныча Ивана,
 20. «За Россейскаго генерала.»
 — Не хочу я съ вами говорити,
 — Про вашу силушку спросити,
 — Про свою силушку явити.
 — Не пойду я къ вамъ въ Россеею за мужь,
 25. — За твоего за сына любимаго,
 — За Иванныча Ивана,
 — За Россейскаго генерала.—

¹⁾ Позволь, сдѣлай одолженіе.—²⁾ Черта, возстановляющая военный допросъ: я тебѣ расскажу про нашу, ты Расскажи про свою силу.—То же и объ Королѣ, выпытывавтъ выше, а при Петрѣ отъ „маіора.“ — ³⁾ Дурно раздѣлены стихи.

Графъ Румянцевъ на нее разсердился,
Востру сабельку вынимаетъ,
30. Красну дѣвицу пугаетъ.

Красна дѣвица испужалась,
За Румянцевымъ погналась:
— Ты позволъ, позволъ, графъ Румянцевъ,
— Съ тобою поговорити:
35. — Я хочу съ вами говорити,
— Про свою силу явити;
— Я иду въ Россю за мужъ
— За твоего за сына любимаго,
— За Иванныча Ивана,
40. — За Россейскаго генерала! —

(Ср. „Р. нар. пѣсня,“ собр. П. В. Шейномъ, ч. I, 1870).

3.

(Губ. Ярославской, у. Ростовскаго, село Сущевъ).

Мы вѣчоръ въ торгу торговали,
Свинцу-пороху закушали,
Въ мѣдны пушечки заряжали,
Въ каменну стѣну стрѣляли,
5. Стѣны каменной не разбили:
Красну дѣвицу полонили,
Да къ Румянцеву отводили.

Графъ Румянцевъ варадовѣлся,
Красотѣ ея дивовѣлся:
10. Хороша дѣвушка, румяна,
По Нѣмецкому изубрана,
На ней юбочка голубая.
Душегрѣчка парчевѣя.
Въ косѣ ленточка золотая
15. До шелковаго поясочку,

До Нѣмецкаго до чулочку,
 Графъ Румянцевъ говоритъ ей,
 Графъ Румянцевъ вопрошалъ ей:
 «Ты скажи, скажи, дѣвка Нѣмка,
 20. «Про свою силу про Нѣмецкую,
 «И поди ты въ Россію за мужъ
 «За моего сына за Ивана,
 «За Россійскаго генерала.»

Дѣвка Нѣмка отвѣчала,
 25. На примикъ ему сказала:
 — Не скажу я про нашу силу,
 — И не йду я въ Россію за мужъ
 — За твоего сына за Ивана,
 — За Россійскаго генерала.—

30. Графъ Румянцевъ разсердился,
 До безъ-милости распалился,
 Востру саблю обнажаетъ,
 Красну дѣвицу стращаетъ.

Красна дѣвка испугалась
 35. И во всемъ ему спозналась:
 — Нашей силушки не много;
 — Я иду въ Россію за мужъ
 — За твоего сына за Ивана,
 — За Россійскаго генерала!—

(Ярославск. Губернск. Вѣдомости 1872 г.; то же дословно повторяется въ образцахъ
 Оренбургскихъ и Саратовскихъ).

*

То же подъ Бендерами.

4.

(Ярскля, губ. Сибирск.).

Какъ подъ Бендеромъ мы стояли,
Трое суточекъ простояли,
Мы не пивали и не ѣдали,
Съ добрыхъ коней не слѣзали,
5. Мы бѣлу стѣну пробивали:
Бѣлой стѣны мы не пробили,
Короля въ домъ не застали;
Королевишину ¹⁾ въ полонъ взяли:
Къ бѣлымъ шатрамъ привозили,
10. Предъ Румянцова становили.

Румянцевъ князь дивовался,
Красотѣ изумлялся:
«Что это за дѣвица,
«Бѣлолица, круглолица,
15. «Черноглаза, черноброва,
«Хороша больно уродилась!
«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица:
«Я отдамъ тебя за мужъ
«За лучшаго генерала,
20. «За роднѣго моего брата ²⁾!»

(Записано Явиковымъ).

*

¹⁾ Здѣсь возстановляется королевское достоинство, напоминающее Пруссію — ²⁾ Здѣсь пѣсня уступаетъ дѣйствительной исторіи: женихъ — уже не сынъ его, а собратъ, лучшій Россійскій генералъ. Черта эта важна и намъ пригодится.

Слѣдующій образецъ тѣмъ особенно важенъ, что въ немъ Румянцевъ, чего не нужно бы съ полоняшкою, предлагаетъ ей подписать контрактъ въ согласіи на обрученіе и брака:

5.

(Москва).

Мы вечеръ въ торгу торговали.
Свинцу—пороху закупаемъ,
Мѣдны пушечки заряжали.
Въ каменную стѣнушку стрѣляли.
5. Красную дѣвицу въ полонъ брали

- Красная дѣвица испугалась ¹⁾.
По Нѣмецкому изубрана,
По Россійскому изубрана ²⁾:
На ней шубочка голубая,
10. Душегрѣчка шелковая,
Въ косѣ ленточка золотая.
Ко Румянцеву подводили ¹⁾:
«Ты пойдѣ, пойдѣ въ Росіи ³⁾ за мужъ
«За любимаго моего сына,
15. «За Ивана Ивановича ¹⁾,
«За Россійскаго генерала.»
— Я не йду, не йду въ Росіи за мужъ
— За любимаго твоего сына,
— За Ивана Ивановича.
20. — За Россійскаго генерала.—

Графъ Румянцевъ разсердился,
Онъ безъ милости распалился.

- Красная дѣвица испугалась:
— Я иду, иду въ Росіи за мужъ
25. — За любимаго твоего сына.

¹⁾ Перебѣдо.—²⁾ Совсѣмъ лишнее повтореніе и порча стиха.—³⁾ Если не испорчено, то древнее *Росъ*, *Роси* и *Росы*.

— За Ивановича за Ивана ⁴⁾,

— За Россійскаго генерала!—

«Красна дѣвица, расшумися:

«Ты подай, подай листъ бумаги,

30. «Изъ кармашика карандашикъ ⁵⁾!»

(Запис. Ф. Л. Барыковымъ; ср. Якуш. „Нар. Р. пѣсни“ 1865).

* *

Такъ выдѣлась вся эта пѣсня въ одинъ цѣльный типъ; творчество въ ней совершенно закончено, свобода творческая удовлетворена, удовлетворился и народъ: пусть не записывали и не печатали его пѣсни, считая неблизкой или безтолковщиной,—за то въ ней народу былъ просторъ и онъ обдѣлалъ произведеніе на всей своей волѣ, какъ душѣ хотѣлось. Могло этимъ повершиться и на всегда, безъ всякаго прямого отношенія къ исторіи положительной и къ вѣщей ея правдѣ: внутренняя правда, удовлетворенная созданными образами, не нуждалась въ формальномъ оправданіи какимъ либо наружнымъ фактомъ, всего менѣе политическимъ. Говори проще, Румянцевъ могъ въ послѣднее время не встрѣтить никакой помоячки, не женить сына, даже вовсе не имѣть его, особенно Ивана Ивановича, и красавицы Нѣмецкой могло не существовать въ дѣйствительности: творчество пошло въ началѣ отъ дѣйствительныхъ случаевъ и событій, имѣло основу реальную, точно знало Краснощокаго и Румянаго генерала, вѣдало объ ихъ подвигахъ,—и этого вполне было довольно, чтобы усложниться на выработанныхъ послѣ того краскахъ и образахъ, плодахъ не стѣснявшейся фантазій. Забѣйте при томъ, что пѣсня значительно отдѣлана, въ художественномъ отношеніи весьма законченна, какбы искусно выточена, складенъ ея размѣръ, въ мѣру всякое выраженіе и слово. Не заботясь дальше объ „исторіи“ въ нашемъ смыслѣ, народъ, какъ мы упоминали, сдѣлалъ себѣ изъ этого даже игру, хороводъ: ходить въ серединѣ (воображаемый) генералъ, ходить дѣвица-красавица,—и раскланиваются, утираются платочкомъ, разводять руками...

Судьба рѣшила, чтобы на этомъ не остановилось, этимъ не покончилось. Сперва по арміи, столь преданной любимому полководцу, потомъ по Москвѣ, всегда заинтересованной событіями въ царскомъ семействѣ, быстро и по всему отсюда народу, пѣвшему про Румянцева, разносится слухъ, что онъ ѣдетъ въ иную землю, по приказу Государыни, ѣдетъ съ Салтыковымъ—имя, столь же знакомое пѣснямъ и Москвѣ (ср. выше старшаго Петра Семеновича), ѣдетъ къ знакомцу пѣсни и народа—къ тому же ро-

⁴⁾ Такъ бы слѣдовало и выше.—⁵⁾ Черта, которую нужно принять къ послѣдующему соображенію.

ковому Королю Прусскому, который так памятен, который задал такого страха на вѣчную память. Румянцевъ снова у Короля, этого хитраго и опаснаго чародѣя, въ Берлинѣ, гдѣ покупалъ свинцу-пороху, проби-
 налъ стѣну каменну... задумались, заговорили. Стало быть стѣбитъ, изъ за чего туда ѣхать: и точно стѣять, онъ беретъ тамъ невиданную Нѣмецкую красавицу, обручаетъ за Россійскаго генерала царской крови, присутству-
 етъ при брачномъ договорѣ, готовитъ для Россіи всей громкую свадьбу. *Румянцевъ сопровождаетъ единственнаго сына царицы и наследника, Русскаго генерала Павла Петровича, и въ Берлинѣ присутствуетъ при его обрученіи съ Королевной (принцессою) Виртембергскою, Марьей Федоровной, племянницей Короля Прусскаго (1776-й годъ).* Все, что издавна слагалось въ пѣснотворчествѣ народа для подобнаго случая и выше представлено нами въ образцахъ, всѣ образы, черты и краски воскресли, поднялись со дна души, заговорили громче, раздались въ пѣснь рѣшительнѣе. Образцы сложившіеся, съ ихъ вариантами, поколебались въ своей безграничн ой свободѣ разнорѣчій: наступила опредѣленность болѣе вѣшняя, та историче-
 ская, гдѣ каждое выраженіе и имя бѣетъ прямо въ дѣйствительность, совпадаетъ съ непререкаемой и осязательной былью. Образцы, говоримъ, поколебались въ прежнемъ произволѣ: они выиграли точностью, вновь на-
 бытыми неизгладимыми чертами,—отъ того помянутая выработка, которая довела художество до конца. Отъ того кое-гдѣ, по образцамъ, Королев-
 ною явилась уже *Марьюшка* (ср. на примѣръ выше у насъ № 11); отъ того въ другихъ (ср. № 19) она является „молодой снохою,“ невѣсткою Ко-
 роля; отъ того и выше иногда пѣвнующій герой, какъ здѣсь Румянцевъ, дѣлится на двоихъ лицъ (ср. № № 24 и 25); отъ того получилъ смыслъ „единственный сынъ,“ за котораго сватаютъ (въ одной пѣснѣ, у насъ № 11, выведенъ „сынъ“ и при Краснощокѣвъ); отъ того въ иныхъ не только онъ „Россійскій генералъ,“ но „генералъ лучшій,“ и уже не сынъ Ру-
 мянцева, а собратъ его; отъ того онъ, не по отцу, съ вымышленнымъ имене-
 мъ, *Иванъ Ивановичъ*, какъ „сѣверный графъ,“ инкогнито, подъ которымъ ѣздилъ за границу Павелъ; отъ того рѣчь о „распискѣ,“ контрактѣ. Вотъ какъ слагаются „Историческія“ пѣсни изъ чистаго „Эпоса“ или богатыр-
 скихъ „Былинъ,“ а послѣднія изъ прочихъ пѣсней по мотивамъ окружаю-
 щей дѣйствительности: передъ вами весь процессъ, которымъ можете по-
 вѣрить старшіе и позднѣйшіе образцы. Печать пѣсенниковъ смолкла пе-
 редъ такимъ исходомъ, совершившимся на глазахъ: историческое событіе
 было такъ свѣжо и крупно именами, а кажущаяся прежняя безтолковщина
 пѣсни такъ разительна, что, по извѣстному намъ опасенію, побоялись соче-
 тать ту и другую сторону въ нечятномъ оазисѣ. Тѣмъ не менѣе, не глядя
 на литературу, пѣсня устная продолжала пѣть и доработывать: оказалось,
 уже не въ бровь, а въ самый глазъ исторической дѣйствительности, что
 Королевна, согласившись на замужество, *пригласила самого Короля дядю
 на свадьбу*, чего не сдѣлала бы простая подонанка со скромной участіемъ,

хотя бы шла за сына Румянцева, и пригласила приехать, стало быть свадьба въ Россіи; еще больше—разсмѣются письма по всей Россіи, вся она приглашается на есенье, а такое общее народу веселье случалось лишь при свадьбѣ царской, и точно, самъ Румянцева, какъ названный отецъ, по обороту намъ знакомому, именуется уже „царемъ“, „Румянъ-царемъ (какъ Красноцокій король)“. Дальше нечего спрашивать, передъ нами пѣсня—

Обрученіе Павла Петровича

и

Маріи Федоровны

въ Берлинѣ.

Румянцевъ сватомъ и сходатаемъ.

6.

(Губ. Московской, у. Можайскаго, с. Малатина).

Мы вечеръ въ торгу торговали,
Свинцу—пороху закупаи,
Мѣдны пушечки заряжали,
Въ каменнѣ стѣнушку стрѣляли,
8. Короля въ глаза не видали:
Красну дѣвицу въ полонѣ взяли,
Ко Румянцеву подводили.

Графъ Румянцева дивовался,
Красотѣ ея любовался:
10. Хороша дѣвушка, румяна,
По Нѣмецкому изубрана,
На ней шубочка голубая,
Душегрѣчка парчевая,
Въ косѣ ленточка золотая.
15. «Ты позволѣ¹⁾ съ нами говориши,

¹⁾ См. выше.

«Про мою силушку спросити,
 «Про свою армию сказати ¹⁾);
 «Ты поди, поди, въ Россю ²⁾ за мужь
 «За любимаго моего сына,
 20. «За Ивановича Ивана.
 «За Россейскаго генерала ³⁾!»

— Не хочу съ вами говорити,
 — Я не йду, не йду въ Россю за мужь
 — За любимаго твоего ⁴⁾ сына,
 25. — За Ивановича Ивана,
 — За Россейскаго генерала.—

Графъ Румянцевъ разсердился,
 Онъ безъ милости распалился,
 Востру сабельку вынимаетъ,
 30. Красну дѣвушку онъ стращаетъ:

Красна дѣвушка испужалась,
 За Румянцевымъ погонялась:
 — Ужь ты батюшка, графъ Румянцевъ!
 — Ты позволъ со мной говорити,
 35. — Про мою армию спросити,
 — Про свою силушку сказати;
 — Я иду, иду въ Россю за мужь
 — За любимаго твоего сына,
 — За Ивановича Ивана,
 40. — За Россейскаго генерала!—

Мы со вечера спать ложились,
 По утру мы рано вставали,
 Ключевой водой умывались,
 Шелковымъ платкомъ утирались.
 45. Началъ дѣвица писати,
 Королю письмо отсылати:

¹⁾ См. выше.—²⁾ Первое изданіе „въ Россію.“—³⁾ Перв. изд. „За Россійскаго генерала.“—⁴⁾ Перв. изд. „твое.“

— Пріѣзжай ⁵⁾ ты, Король, на свадьбу,
 — Къ любимому своему сыну.
 — Ко Ивановичу Ивану!—

(Скотница Аннушка; Запис. П. В. Шейномъ, въ 1-мъ изд. 1859, потомъ 1870 г.—То же, по утверженію собирателя, поется въ губ. Тульской и Калужской).

*

Слѣдующій образецъ, обращенный въ хороводъ, по обычаю сего послѣдняго, изъ Берлина сдѣлалъ такъ сказать „общій“ или „отвлеченный“ городъ, столь любимый у насъ въ подобныхъ случаяхъ,—Китай:

7.

(Губ. Витебской).

Какъ во городѣ во Китаѣ,
 Тамъ ходилъ графъ Румянчикъ ¹⁾,
 Выбиралъ себѣ красну дѣвушку.
 Выбравши ея, любовался,
 5. Красоты ея дивовался:
 Хорошо дѣвушка убрана,
 По Нѣмецкому разубрана,
 На ней шубка шелковѣя,
 Кошубѣечка пальцевѣя ²⁾,
 10. Въ косѣ ленты шелковѣя.
 «Позволь, дѣвушка, спроситься,
 «Вашей силушкѣ доложиться ³⁾;
 «Пойдешь ли, дѣвушка, въ Россію за мужъ
 «За любезнаго моего сына,
 15. «За Ивановича Ивана,
 «За Россійскаго капитана?»

⁵⁾ Первое изданіе „Пріѣзжалъ,“ и кажется лучше, т. е. „пріѣзжалъ бы ты (обыкновенная форма при убѣжденіи и повелѣніи, особенно частая у Сербовъ).“

¹⁾ Румяный, какъ Краснощокъвъ—краснощокій.—²⁾ Куцавейка (коротышка) вязаная въ пальцахъ, кружевная.—³⁾ Узнать о вашей силѣ: ср. выше.

- Я не иду ⁴⁾, не иду въ Россеею за мужъ
 — За любезнаго твоего сына,
 — За Ивановича Ивана,
 20. — За Россейскаго капитана.—

Графъ Румянчикъ разсердился,
 Не по милости ⁵⁾ распылился,
 Онъ узялъ востру саблю,
 Онъ стращаль красну дѣвку.

25. Красна дѣвка оробѣла,
 Съ бѣлаго ⁶⁾ личика сполотнѣла ⁷⁾:
 — Я иду, иду въ Россеею за мужъ
 — За любезнаго твоего сына,
 — За Ивановича Ивана,
 30. — За Россейскаго капитана!—

- Вынималъ же графъ Румянчикъ
 Пакъ ⁸⁾ бумаги, со кармана карандашъ ⁹⁾,
 Началъ писемцы писать,
 По Россееюшкѣ разсылать:
 35. «Ты пожалуй-ка, Россей,
 «Къ Румянъ-царю ¹⁰⁾ на веселье ¹¹⁾!»

(Ср. „Р. нар. пѣсни“ П. В. Шейна, ч. I, 1870).

Этимъ кончаются у насъ всѣ народныя устныя пѣсни съ участіемъ Румянцева или изъ его эпохи.

Сравните еще только въ V-мъ выпускѣ отд. VII, стр. 179, гдѣ имя Румянцева взято *вмѣсто* Волковскаго и подобныхъ.

* * *

Между тѣмъ, еще до второй Турецкой войны, въ потокъ событій, воспѣтыхъ пѣсней, вѣззался *Пугачевъ*. Иѣсней объ немъ немного и не наша задача отыскивать здѣсь „политическія движенія“ Русскаго народа, слово *за* или *противъ*, оправданіе или порицаніе. Не только Разинъ оставилъ намъ свою пѣсню и *лѣсни Разинцева*, но не отказалъ народъ въ этой знаменательной собственности даже Капну: у Пугачева, отъ лица его и за него

⁴⁾ „Нейду?“—⁵⁾ Онъ безъ милости.—⁶⁾ Д. б. „съ бѣла.“—⁷⁾ Поблѣднѣла.—⁸⁾ Пачку.—⁹⁾ Д. б. „карандашникъ.“—¹⁰⁾ Такому же, какъ выше „краснощочіи король.“ Но здѣсь еще намекъ на „царское дѣло.“—¹¹⁾ На свадьбу.

отъ народа—нѣтъ особой пѣсни. Народу въ пѣснѣ представляется онъ счастливымъ гулящимъ человѣкомъ, на котораго чешутся руки, либо разбойникомъ-преступникомъ, либо „несчастливымъ,“ либо даже смѣхотворомъ: геройской черты ни одной и хоть какого либо подъема повмше, способнаго настроить творчество величавѣ — не видно нигдѣ. Просто Пугачевъ — и концы въ воду.

Милиція въ войскѣ Яицкомъ.

1.

(Губ. Оренбургской).

- По славной было по низовой линіи
И при славномъ было при Красноярскомъ форпостѣ,
Собиралось небольшо войско Яицко.
Прибѣгалъ къ войску скорой курьеръ.
5. Матвѣюшка сынъ Петровичъ
По фамиліи Шубиченковъ;
Привозилъ отъ Государыни повелѣньяице:
Объявилъ войску службу лиціонну.
Тутъ восплакнули всѣ козѣки горячими слезами:
10. «Знать мы, добрые молодцы, передъ Господомъ согрѣшили,
«Милосердой Государынѣ прослужились!»
- Собирались козѣки во единый кругъ,
Они думали крѣпку думу за едину:
«Нѣтъ ли изъ насъ, козѣковъ, таковыхъ добрыхъ молод-
цевъ,—
15. «Бхать къ Государынѣ съ челобитною,
«Просить о службѣ лиціонной ¹⁾?»»
- Гой еси, милостивая наша Государыня!
— Въ честь мы тебѣ прослужились,
— Или гдѣ измѣну сдѣлали?
20. — Не можно ли отмѣнить службу лиціонну,
— Намъ, войску Яицкому?

¹⁾ За снмъ уже слова посланныхъ.

— Заставь, наша матушка, за себя Богу вѣчно молиться!—
 Принимала Государыня просьбу слезну отъ войска Янцакаго
 И простила во всѣхъ винахъ,
 25. И отъѣхала войску Янцкому службу лиціонну.

(Сообщено В. Н. Далецъ).

* *

Пѣсня въ этомъ образцѣ не кончена; она продолжается въ слѣдующемъ
 (который зато при пѣніи и записываніи лишенъ былъ начала):

Пугачевъ.

1.

(Губ. Симбирской, Головино).

Въ тѣмъ Сударыня ¹⁾ простила ²⁾,
 Жить по старому пустила.
 Полтора года страдали:
 Все царя себѣ искали.
 5. Нашли себѣ царя—
 Донскаго козакѣ,
 Емельяна Пугачѣ
 Сынъ-Ивановича.

Онъ со силой собрался,
 10. Подъ Гурьевъ поднялся:
 Стрѣльба была несносна,
 Стоять было не можно.
 Онъ видитъ, что не взять:
 Воротился въ задъ.
 15. Съ большой силой собрался,
 Подъ Яикъ поднялся:
 Подъ Яикъ подходилъ.
 Батальицу сочинилъ.
 Они зачали палить,

¹⁾ Государыня Екатерина.—²⁾ Козаковъ.

20. Силу—армію валить.

Изъ Яика—городка
Протекла кровью рѣка,
Крутыя горы закачались,
Сыра земля затряслась;

25. Сыра земля затряслась,

Мелка рыба внизъ пошла,
Мелка пташка со гнѣзда.
Мелка пташка со гнѣзда ³⁾
Укрѣпила Пугача

30. Сынъ—Ивановича.

(Записано Языковымъ).

*

2.

Въ Оренбургѣ, на Яикѣ и Самарѣ.

(Губ. Сибирск., у. Корсунскаго, выселокъ Александровъ).

Охъ ты батюшка, Ленбурхъ городъ!

Про тебя, Ленбурхъ, идетъ славушка,
Слава добрая, нарѣчые хорошее:

Будто ты, Ленбурхъ, на красѣ стоишь,

5. На красѣ стоишь, на крутой горѣ,

На крутой горѣ, на желтымъ пескѣ,

На желтымъ пескѣ разсыпчатымъ,

На трехъ рѣчушкахъ, да на устьицахъ ¹⁾.

Да первая рѣчушка течетъ—Самарушка,

10. Другая рѣчушка—Яикъ—рѣка,

Третья рѣчушка—Ураль—рѣка:

По Ураль—рѣкѣ живутъ Козаченьки,

По Яикъ—рѣкѣ Калмыченьки,

²⁾ Какъ выше „малютки“ новобранцы, новые сообщники.

¹⁾ Обыкновенное начало при обращеніи ко многимъ городамъ, особливо Волжскимъ, Ярославлю и т. п.

Но Самарушкѣ живутъ Татарушки.

15. По Уралу гулялъ генералъ Пугачь.

Какъ во матушкѣ было во каменной Москвѣ,

Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,

На часахъ стоитъ, себѣ рѣчи говоритъ:

«Не дають-то мнѣ, доброму молодцу, волюшки—

20. «Во Ленбурхъ сходить, Пугача убить!»

(Ср. сборникъ П. В. Шейна, 1-го изданія.—„Дальше, въ соматнїю, пѣвецъ не поминалъ,
а говоритъ, что пѣсня довольно долгая.“ Запис. отъ К. Ослова).

.*

3.

(Губ. Оренбургской).

Изъ за лѣса-лѣса темнаго

Не бѣла зорѣ занималася,

Не красно солнце выкаталоса:

Выѣзжалъ туто добрый молодець,

5. Добрый молодець Емельянъ козакъ,

Емельянъ козакъ сынъ Ивановичъ.

Подъ нимъ добрый конь—сивъ-буръ-шахматный ¹⁾,

Сѣва гривушка до сырой земли.

Онъ идетъ—спотыкается,

10. Вострой сабелькой подпирается,

Горючьми слезьми заливается ²⁾:

«Что ты, мой добрый конь, рано спотыкаешься ³⁾?

«Али чайшь ⁴⁾ надъ собой невзгодушку,

«Невзгодушку, кроволитьеце?»

15. Мы билися троя суточки,

Не пиваючи, не ѣдаючи,

Со добра коня не слѣзаючи.

(Сообщено. Очевидно не кончено, только начало).

.*

¹⁾ Въмѣсто „космать.“—²⁾ Изображеніе переходитъ отъ коня на самого
козака.—³⁾ Д. б. „Что ты, добрый конь, спотыкаешься?“—⁴⁾ Чаешь.

4.

Судъ надъ Пугачевымъ. Панинъ.

(Губ. Сибирской, Головно).

Судилъ тутъ графъ Панинъ вора Пугачева:

«Скажи, скажи, Пугаченька, Емельянъ Иванычъ,
«Много ли перевѣшалъ князей и боярей?»

— Перевѣшалъ вашей братаи семь сотъ семи тысячь.

б. — Спасибо тебѣ, Панинъ, что ты не попался:

— Я бы чину-то прибавилъ,¹⁾ спину-то поправилъ,— На твою-то бы на шею варовинны ¹⁾ возжи,

— За твою-то бы услугу новыше подвѣсилъ!—

Графъ и ²⁾ Панинъ испужался, руками сшибался ³⁾:

10. «Вы берите, слуги вѣрны, вора Пугачева,

«Поведите—повезите въ Нижній городочекъ,

«Въ Нижнемъ объявите, въ Москвѣ покажите ⁴⁾!»Всѣ Московски сенаторы не могутъ судити ⁵⁾.

(Отъ Ямкова).

*

б.

**Поѣздъ въ Москвѣ. Пугачевъ
и сообщники.**

(Губ. Орловской, у. Малоархангельскаго).

б.

По морю по Латынскому ¹⁾,

Тамъ плывуть два насада,

¹⁾ Варовые, помягче и порастяжнѣе.—²⁾ Только для стиха и.—³⁾ Всплеснулъ.—⁴⁾ Накажите?—⁵⁾ Не дается судъ: всеиъ ловкїи и рѣзкїи отвѣтъ.

¹⁾ Съ тѣхъ поръ какъ, съ Петра, море Верейское — Латынское сочеталось съ прочими Русскими, имя его переносится на другїя и обратно (ср. вып. 8).

- Два насадинка, два зеленыхъ.
 На насадикахъ сидятъ люди,
 5. Сидятъ люди, все Рязанцы,
 Все Рязанцы, все Казанцы.
 На цѣпяхъ они крѣпко прикованы:
 Какъ одинъ Рязанецъ не прикованъ,
 По насадику гулянтъ,
 10. Во звончатія во гуслицы игрантъ,
 Насъ певольничковъ забавлянтъ:
 «Ужъ вы братцы, вы Рязанцы!
 «Мы поѣдимъ по матушки ²⁾ по морю,
 «Мы прїѣдимъ у матушку у Москву,
 15. «Мы кунимъ сибѣ Бога ³⁾—
 «Николая Угодника Чудотворца,
 «А мы станимъ ему Господу молитца:
 «Авось Господи насъ простить!»

(Запис. П. И. Якушевскимъ).

*

Поездъ къ Москвѣ встрѣтился по сказанію, какъ мы знаемъ, съ ѣхавшимъ въ ссылку Андреемъ Селивановымъ: оба Петра Третьихъ; „и повезли,—на голо шпаги, у мужиковъ деревенскіхъ у всякого была палка въ рукахъ, и деревенскія бабы провожали отъ деревни до деревни. Въ ту пору, когда Пугачева везли, и онъ на дорогѣ встрѣтился: и его провожали полкъ полкомъ, и подъ великимъ везли карауломъ, а меня (говоритъ Селивановъ) везли вдвое, и весьма строго везли. И тутъ, который народъ меня провожалъ, за нимъ пошли, а которые его провожали, за мной пошли.“ Ср. выше при Каннѣ.

6.

Судьба Пугачева.

(Губ. Калужск., у. Боровскаго, с. Слобода).

Ужъ при славной было при царицѣ,
 При матуникѣ при царицѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ,
 Ужъ весь—то народъ Русскій жилъ во счастьяцѣ,

²⁾ *Моря*, женскаго рода.—³⁾ Икону.

Во счастьяицѣ, во раздолицѣ, во богатнемъ жмтѣю.

5. Ужь какъ всѣ-то купцы себѣ домъ накопилям,
А бѣдные-то ни въ чемъ нужды не видали:
Всѣ жили и молили за царицу,
За матушку Катерину Алексѣевну.

Но вдругъ ¹⁾ настало время злое,

10. Время злое, несчастливое:

Ужь какъ нанесло-то вихремъ ¹⁾
На святую Русь бѣду пагубную ¹⁾,
Бѣду пагубную, не минуемую.

Проявился у насъ на славной на землѣ,

15. На славной на землѣ, на святой Руси,
Проявился воръ-собака, проклѣтый человекъ,
Проклѣтый человекъ, Пугачевъ козацкій сынъ.

Ужь какъ этотъ-то собака вздумалъ по Руси гулять,
Вздумалъ по Руси гулять, а себя царемъ казать.

20. Много казнилъ, много вѣшалъ, много головы рубилъ,
Много головы рубилъ и во ямушки валилъ.

Какъ пымали-то собаку во чистоѣмъ полѣ,
Привезли эту собаку во Москву-городъ гостить,
Во Москву-городъ гостить, буйну голову рубить.

25. Какъ казнили-то собаку на главной площади,
Ужь казнили, пятерили, буйну голову срубили.

(Записано самимъ П. В. К.—мъ отъ 70-лѣтней старухи Катерины Андреевны).

*

Пѣвица или, лучше, пересказчица намъ извѣстная: она сообщила Петру Васильевичу и другія историческія пѣсни, и много Стиховъ (жила подъ конецъ въ Москвѣ, въ Рогожской; см. прежніе выпуски, особенно 7-й). Усердная, памятливая, говорливая: но скучная и тяжелая. Всѣ у нея выходило „бабьей старинной“ нахватаю изъ разложившихся былинъ, растлупуто, не сложено въ цѣлости народомъ, а пересказано за ново усичіемъ умѣлой рассказчицы. Нельзя этого вытолкнуть изъ области народной: цалѣмъ и принято иначе, какъ что-то натянутае и искусственное.

¹⁾ Не народно.

Таковъ же, совершенно съ обратной стороны, и слѣдующій образецъ: хотѣлось чѣмъ-то насмѣшить, усиленное смѣхотворство. Имя Пугачева взято на прокатъ и въ шутку.

7.

Пугачь-Мигачь

въ Астрахани и въ Москвѣ.

(Москва).

- Что во славномъ было городѣ—Астраханѣ,
 Вдоль по улицѣ Мигачь ¹⁾, вдоль по широкій Мигачь,
 Вдоль по широкій Мигачь всё показивать,
 И онъ съ ножки на ножку прискакиваетъ,
 5. Онъ сапогъ объ сапогъ покалачиваетъ,
 Ко дѣвичьему двору приворачиваетъ.
 «Ахъ дѣвичья красота, засушила ты меня,
 «Засушила ты меня: отпирай ворота,
 «Отпирай ворота, пропускай Мигача,
 10. «Пропускай Мигача сына Ивановича ²⁾!»
 И онъ скокъ на крыльцо, и онъ брякнулъ въ кольцо ³⁾
 Что во то ли кольцо въ ⁴⁾ серебряное,
 Во серебряно колечко, позолоченое.
 Красна дѣвка выходила—прибранивала,
 15. Отпирала ему—приговаривала:
 — Ахъ ты гдѣ, Мигачь, бывалъ и ты что, Мигачь, слыхалъ,
 — И ты что, Мигачь, слыхалъ, что, Ивановичь, видалъ?—
 Въ ⁴⁾ Москвѣ Мигачь бывалъ, три диковинки видалъ,
 Три диковинки видалъ: саламату ѣдалъ ⁵⁾,
 20. Саламату ѣдалъ, и съ дѣвѣцами гулялъ,
 И съ дѣвѣцами гулялъ, съ молодницами бывалъ ⁶⁾.

¹⁾ Мигачь—что подмигиваетъ, волокита; передѣлано, для замаскировки, изъ Пугача (филла), какъ у Малоруссовъ (ср. ниже).—²⁾ Какъ Емельяна Ивановича.—³⁾ Д. б. „брякъ во кольцо“.—⁴⁾ Д. б. „во.“—⁵⁾ Кашицу, розги, плети, казни.—⁶⁾ Въ Астрахани не успѣлъ и только всего успѣлъ въ Москвѣ: вотъ краткій, „отвлеченный“ смыслъ.

Молóдушка молодá, бѣлолица, хороша:
 У ней ѓсмеро въ запасѣ, на девятаго глядѣть,
 На девятаго глядѣть, по десятаго пошлетъ,
 25. А десятой—тогъ придетъ и еще приведетъ.

(Пѣс. Новиковскій и образцы устные).

Ср. Пугача выше у Малоруссовъ.

* * *

Теперь продолжаемъ народную пѣсню тогдашней Русской славы, прерванную было, по обычаю XVIII вѣка, безобразіемъ:

Война Союзникова противъ Турокъ.

Вторая Турецкая война

1.

(Москва).

Пишетъ Князь Цесаринъ ¹⁾ къ Государынѣ въ Москву:
 «Ты Росейская Сударыня, ты пожалуй мнѣ силы войскою ²⁾,
 «Силы войскою двадцать пять полковъ!»
 А Сударыня съ сенатóрами думу думала,
 5. Она думала думу крѣпкую за единое:
 Набирала она силу войскую двадцать пять полковъ.
 Набравши она силушку, перправлять стала
 Черезъ матушку черезъ рѣченьку, черезъ Тихій Донъ.
 Переправивши свою силушку, въ строй поставила.
 10. Въ строй поставивши. Государыня перекликала:
 — Охъ вы гой еси, князя со боярами!
 — Послужите вы вѣрою—правдою Князю Цесарину,
 — Съ бѣлокаменной стѣною—со пѣхотою,
 — Со свирѣпыми людьми—со гусарами,
 15. — Со проворными людьми—со Калмыками!—

(Въ нѣсколькихъ образцахъ).

* * *

1) Цесарь, Австрійскій.—2) О словѣ „войскій“ выше.

Такъ какъ, мы знаемъ, Турецкая война въ пѣсняхъ непосредственно связуется съ предидущей войною Прусскою, поему и слѣдующій образецъ начинается съ Берлина: „Тутъ востужился—восплакался Самъ Прусской король (напечатано у насъ выше при Красноцоконѣ № 20).“ И только полъ этого переходъ къ Очакову:

2.

Очаковъ. Потемкинъ.

(Губ. Самбирской).

.....

Какъ возгворилъ Князь Потемкинъ
Своимъ дѣтямъ солдатушкамъ:

«Начинайте-ка, ребятушки,
«Съ Божьей помощію!»

5. Заряжали солдатушки первую бомбу:

Первую бомбу бросали,—не добросили;

Вторую бомбу потрудились ребятушки,—

И за стѣны бѣлокаменные перебросили,

Но стѣнъ бѣлокаменныхъ не зажгли;

10. Третью же бомбу бросили,—Очакъ—городъ зажгли.

Тутъ возрадовалися Русскіе солдатушки.

Не золотыя трубушки вострубили,

Не серебряны сиповочки заигрывали.

*

3.

(Оттуда же).

Далеченько—далеченько въ чѣстошъ полѣ,

А еще того подалѣ во раздольи,

Не бѣлыя снѣжочки забѣлѣлися,

Забѣлѣлся князь Потемкинъ съ своей силой,

5. Забѣлѣлися знамена—знамя царскія.

Какъ Потемкинъ князь по лагерямъ гуляетъ,
 Онъ солдатамъ—своей силѣ—честь воздаваетъ,
 Свинцу—пороху Потемкинъ закупаетъ ¹⁾,—
 Чтобы были у солдатовъ ружья чисты,
 10. Пистолеты бы были у солдатовъ заряжены,
 Чтобы сабли были у солдатовъ припасены:
 «Стрѣляйте-ка, солдаты, не робѣйте,
 «Свинцу—пороху государева не жалѣйте,—
 «Кабы Боже намъ поможе—Очакъ—городъ взяти!»

(Отъ Ямкова).

*

4.

(Губ. Моск., у. Звенигор., Воронки).

Какъ подъ славнымъ подъ городомъ подъ Очаковымъ
 Собиралася силушка—армія царя Бѣлаго. .
 Они лагери занимали въ чистое поле,
 А палатки разбирались по лиману ¹⁾,
 5. Они пушечки—манерочки становили,
 Они шанцы—батареи покопали,
 Предводителя графа Потемкина обжидали.

Предводитель графъ Потемкинъ приказъ отдалъ,
 Во второмъ часу ночи приказъ отдалъ:
 10. «Ужь вы мѣды ёгори, надѣвайте бѣло вы платье;
 «Ужь у насъ заўтра на праздникъ на Миколу
 «Съ Турками штурмъ будетъ!»

Становились мы при мхахъ—при болотахъ,
 Много голоду и холоду принимали,
 15. Подъ Очаковъ—городочикъ подходили,
 Бѣлокаменные стѣны уробивали,
 Барабанщики на бѣлокаменну стѣну влѣзали,
 Влѣзали и отбой отбивали.

¹⁾ Черта старая: см. выше.

¹⁾ По лиману.

Что Очаковъ городъ взяли, взяли.
20. Закричали: «ура! ура!»

Ключи намъ на золотомъ блюдѣ выносили,
Намъ отъ всѣхъ вратъ ключи выносили:
Слава, слава! Весь Турецкій городъ взяли,
Что всѣ Турки подъ нашею властью стали,
25. Что Очаковъ городъ взяли!

(Запис. П. В. К.—мъ 1833. Авг. 19).

*

Слѣдующій образецъ не много сбивается на „сочиненный“ О полѣ Буд-
жацкомъ и известный „Не спиши ты, зима:“

5.

(Яраки, губ. Симбирск.).

Поле—поле чистое,
Широкó поле Турецкое,
Что Турецкое—Нѣмецкое ¹⁾!
Когда, поле, перейдемъ тебя,
5. Горы—долы перевалимся,
Быстры рѣки переправимся?
Мы дойдемъ—дойдемъ до города,
До города до Очакова:
Станóвима въ зеленыхъ лугахъ,
10. Въ зеленыхъ лугахъ подъ грушею,
Подъ яблонькой подъ кудрявою.

Тутъ Потемкинъ князь похаживаетъ,
Своей арміи приказываетъ:
«Солдатушки ваши батюшки!
15. «Вы стойте грудью бѣлою,
Грудью бѣлой, неизмѣнною ²⁾!»

¹⁾ Нѣмецкое поле перешло сюда изъ Пруссіи, какъ Латвиское-Вереи-
ское въ Черному и Каспійскому: см. выше.—²⁾ За симъ начало известной
сочиненной пѣсни, два стиха.

Не спѣши, зима съ морозами:
 Не замѣна ты Очакову!
 На Николау было въ среду.
 20. Не громъ гремитъ передъ тучами,
 Не молнія блеснитъ передъ дожджичкомъ:
 Загремѣли пушками наши солдатушки,
 Повалились башни каменны,
 Потопляла кровь Турецкая и Нѣмецкая ³⁾.

(Отъ Яныкова).

*

Теперь снова въ Очаковѣ предстанетъ намъ знакомая „Давида-Королева“, какъ представительница города, защитница, а потомъ предательница изъ любви къ пришельцу-завоевателю; пришелецъ же, представитель Руси, „Добрый Молодецъ.“ Кромѣ предыдущихъ ближайшихъ примѣровъ, здѣсь есть и другіе старшіе: послѣ связи съ женою князя Волконскаго, Елена Прекрасная и Настасья Королева Политовская. Образцы, ихъ касающіеся, крайне схолины съ подлежащимъ (кромѣ имени Очакова), изъ разряда „Безымянныхъ, Молодецкихъ“ въ достаточномъ обиліи предложены нами: въ выш. 5-мъ дѣльн. отдѣлѣ VI, особенно № 6, 7 и 8; въ выш. 7-мъ стр. 40—44, особенно №№ 1 и 2, съ объясненіями.

6.

(Губ. Оренбургской).

Перезябъ я, Добрый Молодецъ, передрогъ,
 Въ одномъ полушубкѣ, и то на распашечку,
 Стоячій я, братцы, у стѣнки бѣлокаменной ⁴⁾:
 У стѣнушки ворота больно—крѣпко заперты,
 5. Заперты, запечатаны.
 Караульные солдаты больно—крѣпко спятъ:

³⁾ Какъ в поле Нѣмецкое, и море Верейское: ср. выше.

⁴⁾ Вспомните, какъ долго стояли и забыли наши подъ Очаковымъ: такова участь и нашему представителю, Доброму Молодцу, а отсюда перенесеніе на другіе образцы (указанные выше), гдѣ по видимому совсѣмъ не катати встрѣчаемъ описаніе страшныхъ морозовъ передъ янцомъ Елены Прекрасной и Настасьи Литовской.

Наѣхала наша сила Росейская,
Поколола солдатъ караульныхъ.

- Выходила изъ палатъ Королевна
10. И выносила ключи золотые,
Отворяла ворóты широкіе:
«Ступай, батюшка, Православный Государь ²⁾,
«Во мой ³⁾ крѣпкій городъ Очаковъ!
«Не губите, не рубите мою силушку:
15. «Пусть покорна я буду вамъ ⁴⁾!»

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

7.

(Москва).

- Перезябъ—то я, передрогъ Добрый Молодецъ,
Въ коротенькой одѣжѣ, въ полушубочкѣ,
Во сафьянныхъ во сапожкахъ, во портяночкахъ,
Стоячі, братцы, подъ стѣнной бѣлокаменной,
5. Глядючі, братцы, на городъ на Очаковскій.
Какъ во славныемъ во городѣ во Очаковѣ
Крѣпко заперты ворóтечки, запечатаны,
Караульные солдатюшки очень крѣпко спятъ,
Очень крѣпко спятъ, не пробнются,
10. Къ сраженьицу служивые не готовятся ¹⁾.

Ахъ вы братцы мои, вы товарищи,
Мы сразимся всѣ по Россійскому!
Какъ со полома очи наши стали красныя,
А на личикахъ ²⁾ служивые стали черныя,

²⁾ Здѣсь истолковано на прямикъ: Королевна впускаетъ Русскую армію и Царя.—³⁾ Городъ ея, Королевны.—⁴⁾ Она представительница города и всей его силы, говорить за нихъ.

¹⁾ За симъ переходъ отъ представителя ко всемъ солдатамъ.—²⁾ Личиками.

18. Со прикусочки ³⁾ уста наши прихватилися,
Съ большихъ маршовъ рѣзвы ноженъки спотыкались!

(Въ нѣсколькихъ образцахъ).

Не кончено: за снѣ-то и выходитъ изъ воротъ Королева.

*

8.

(Сибирскъ).

- Подъ городомъ подъ Очаковымъ
Стоялъ Молодецъ подъ стѣнкою бѣлокаменною.
Какъ у города у Очакова
Ворѣты крѣпко заперты,
8. Крѣпко были запечатаны,
И караульны солдаты крѣпко спятъ,
Служивые не прѣснутя.

Одна не сыпала красна дѣвка,
Красная дѣвка—Королевская дочь.

10. Восходила же красная дѣвка
Поздо во свою нову горницу,
Брала она со столика золотые ключи,
Отпирала отъ города отъ Очакова ворѣтчки,
Выпускала во ворѣтчки друга мѣлаго,
15. Называла его «дружокъ миленькій»,
Взвеличала «дружокъ батюшка.»

Услыхала это Королева-матушка:

- Охъ ты с... б... полнощница!
— За тѣмъ же ты всходила поздно въ нову горницу.
20. — На что брала со столика золоты ключи,
— На что ты отпирала отъ города,
— Отъ города отъ Очакова ворѣтчки,
— Кого же ты пускала во ворѣтчки,
— И кого называла «дружкомъ миленькимъ»,
25. — И кого взвеличала «дружокъ батюшка?»

(Записано Дн. А. Вагуевымъ).

³⁾ Не дождали, только успѣвали прикусывать.

Но конечно. По другимъ образцамъ (см. прежніе выпуски) слѣдуетъ обяснительные отвѣты Королевы, притворство ея, а наконецъ прямая измѣна вѣстѣ съ городомъ въ пользу милаго.—Въ практическомъ быту походномъ, какъ мы упоминали, этому отвѣчаютъ, весьма часто помогающія, интриги полководцевъ, офицеровъ и солдатъ съ жителями города.

*

Теперь закончимъ отрывкомъ, который по видимому сдѣлываетъ дѣло съ первымъ Турецкомъ войной и подвигами нашего флота:

9.

(Сыранъ, г. Сибирск.).

Подъ славнымъ было подѣ городомъ подѣ Очаковымъ,
Тутъ ходить—тутъ гуляетъ младъ Турѣтчанинъ,
Глядитъ—то младъ Турѣтчанинъ на синѣ море:
И что по синю морю за корабль плывѣтъ,
5. На кораблечкѣ стоитъ деревцо купарисовое,
На деревцѣ тонки свѣсточки все шелковыя,
А на свѣсточкѣ виситъ рѣишка позолоченая,
На рѣишкѣ тонки парусы, канифасовы,
На кормѣ сидитъ самъ хозяинъ приружнѣе всѣхъ...

(Отъ Ямкова).

Этимъ кончаютъ народныя устныя пѣсни съ Очаковымъ.

* * *

10.

Сборы Донцовъ къ Вендерамъ.
Потемкинъ.

(Земля Войска Донскаго).

Пишетъ—пишетъ Потемкинъ князь къ Исаеву,
Чтобъ былъ готовъ Исаевъ въ легкую партію.
Позамедливши немножко, онъ еще прислалъ
Къ любимому есаулу Филипу Ивановичу,
5. Филипу Ивановичу Араканцеву,
Чтобъ взялъ козаковъ изъ семи полковъ,
Изъ семи полковъ, что ни лучшихъ.

- Шоль—прошоль Араканцевъ подъ Бендеръ—городъ.
 Не дошедши до Бендеръ, Араканцевъ становился.
10. Потревожилъ онъ всю армеюшку Турецкую,
 Потревоживши армеюшку, на отводъ пошоль.
 Тутъ—то Араканцева больно ранили:
 И падаетъ Араканцевъ коню на чернѹ гриву,
 А съ черной гривы на сырѹ землю.
15. Съ сырѹ земли Араканцевъ подымается,
 На любимыхъ своихъ станичниковъ оглядѣется,
 На острую—то свою саблю опирается:
 «Ой вы, станичники мои любимые,
 «Подводите ко мнѣ коня моего черногриваго!»

(Ср. сборн. г. Савельева 1866 г.).

* *

11.

Бендеры и Суворовъ.

(Тулск. губ. в уѣзд.).

- Какъ у насъ было за городомъ за Вендерѹй,
 Не двѣ тученьки не двѣ грозныя онѣ выкатались:
 Выкаталася сила—армїа во чистѹе поле,
 Во чистѹмъ полѣ въ широкое раздолье.
5. Выходилъ тутъ сама—тъ ¹⁾ батюшко графъ Суворовъ,
 Камышевой своей тросточкой онъ комендрѹетъ ²⁾:
 «Становитесь вы, солдатушки, по правому фланку,
 «Вы берите, робята, и не робѣйте,
 «Своихъ бѣлыхъ рукъ не жалѣйте!»

(Записано въ Новгородѣ отъ солдата, 11 Сентября 1834 г., саманъ П. В. К—нъ).

Симъ собственно и кончатся народныя устныя пѣсни о войнѣ Турецкой.

* *

Слѣдуютъ вообще:

¹⁾ Сама—тъ: см. выше.—²⁾ Командуетъ.—Ср. о Суворовѣ ниже.

Донцы при Екатеринѣ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Лежала дорожка изъ Шитера прямо до Черкаскаго:
Пишетъ-то Государыня указъ повторительный,
Чтобъ собрать-то Донское войско во единый кругъ.
Собралъ-то нашъ атаманушка войско Донское во единый
кругъ,

5. Началъ-то нашъ атаманушка указъ во слухъ читать:
Пишетъ-то наша Государыня, чтобъ выдали ей трехъ ви-
новниковъ,—

Перваго-то виновника—сына Есаулова,
Какъ втораго-то—козѣка Стародубова,
А третьяго виновника - сына Гурьянова.

*

2.

(Оттуда же).

Отъ чего Тихій Донъ смущается?
Смущается Тихій Донъ отъ генераловъ трехъ:
Отъ перваго генерала—отъ Поповича,
Отъ другаго генерала—отъ Гудовича,
5. Отъ третьяго генерала—отъ сына Каменцова ¹⁾.

Каменцовъ сынъ всю ночь не спалъ,
Онъ съ Москалями проигралъ,
Не въ шашечки, не въ бирюлечки, а въ карточки:
Проигралъ онъ славный Тихій Донъ.
10. Проигравши, съязъ призадумавшись,
Онъ роняетъ свои слезы на шёлкову скатерть:
«Не бывать мнѣ, сыну Каменцову, на Россейшкѣ.

¹⁾ Каменскаго,

«Не видать мнѣ, сыну Каменцову, отца и матушки,
 «Быть мнѣ, сыну Каменцову, въ застѣнушкѣ!»

* *

Кстати:

Гудовичъ

противъ шаха Персидскаго.

1.

(Оттуда же).

- На зорѣ-то было, всё на зорюшкѣ,
 На бѣлой зорѣ на утренней,
 На закатѣ было мѣсяца яснаго,
 На восходѣ было солнца краснаго.
5. Проявились у насъ вѣсти новыя,
 Вѣсти новыя—Грузинскія:
 Растворились горы крутыя,
 Круты горы Кавказскія;
 Засверкали пики вострыя.
10. Пики вострыя козацкія;
 Какъ пошли войска Россійскія
 На того шаха Персидскаго.

- Напередѣ ¹⁾ идетъ Гудовичъ графъ,
 Онъ грозитъ шаху Персидскому:
15. «Ты собака, ты Персидскій шахъ!
 «Ты по што отрѣзалъ голову
 «Славному князю Цинцанову ²⁾?
 «На кого ты, собака, понадѣялся?»
 — Я понадѣялся ³⁾ на Грузію, на Грузинскихъ князей.
20. — Больше всего на Александрюшку на царевича.—

*

¹⁾ Напередъ?—²⁾ Тицианову.—³⁾ Д. б. „Понадѣялся я.“

Взять Костюшко.

1.

(Земля Войска Донскаго).

- Не ясенъ—то соколъ по крутымъ горамъ летаетъ:
 То Костюшко—варваръ по своей армейшкѣ разъѣзжаетъ.
 Онъ фронты—то свои—знаменушки украшаетъ,
 Своихъ мызничковъ—генералушекъ ¹⁾ убажасяетъ:
 5. «Вы не плачьте же, мои мызнички, право—генералы ²⁾,
 «Не рыдайте жъ вы, мои свирѣбые кавалеры ³⁾:
 «Какъ заўтра у Бѣла царя будетъ праздникъ,
 «Не маленькій праздникъ, праздничекъ Петровъ день ⁴⁾;
 «Всѣ рынушки—трактирушки будутъ растворены,
 10. «Всѣ гусарушки, всѣ уланушки будутъ пьяны,
 «Козакѣ наши Донецкіе всѣ загуляють.»

- Какъ на тотъ—то разъ козаки—други были осторѣжены:
 Всю ночушку козаки—други не спали,
 Во рукахъ во своихъ борзыхъ коней продержали.
 15. На бѣлой—то зорѣ на утренней «ура» закричали,
 Закричали они—загичали: Костюшку поймали.
 Да велѣли жъ его скоро, Костюшку, на крѣпко связать,
 Приказали у него скоро допросъ депросить.

(Ср. сборн. г. Савальева 1866).

Ср. ниже передѣлку Валнорусскую изъ Малорусской.

* * *

Заключается пѣснями или, лучше, плачами о смерти Государини. Происхожденіе ихъ и длинный рядъ послѣдовательныхъ образцовъ достаточно нами объяснены въ выпускахъ предыдущихъ. Образцы Екатерининскіе не прибавляютъ къ прежнимъ никакихъ новыхъ яркихъ чертъ или образцовъ и, кромѣ именъ, ничѣмъ больше „не специализируютъ“ событія, ни пѣснотворческаго типа.

¹⁾ Фермеровъ, одиодворцевъ, шляхту.—²⁾ Настоящіе, въ правду генералы (протія повщихъ).—³⁾ Любопытно, что въ эту эпоху въ Россіи, въ Западныхъ губерніяхъ и въ Польшѣ называли обыкновенно кавалерію, особенно гусаровъ, „свирѣбыми“ (подобно какъ это имя усвоено табузу дилжъ лошадей).—⁴⁾ Свѣшали 29-е Сентября съ 29-мъ Іюля.

**Плачь войска
по Государынѣ Екатеринѣ.**

1.

(Лихайскій уѣздъ).

Ужь ты батюшка, свѣтѣль мѣсяцъ,
Чтò же ходишь по низѣшеньку,
Что жь ты свѣтишь по малѣхоньку,
Ни по старому, ни по прежнему?

5. Въ новомъ городѣ, во Спленскому ¹⁾,
Стоять верем точёныя,
Всѣ точеныя, раскрашóныя;
Дли ²⁾ верей стоитъ молодой солдатъ,
Молодой солдатъ, полковой сержантъ;
10. Онъ не такъ стоитъ,—слезно плачетца,
Онъ не такъ плачетъ, что рѣка льетца:
«Подымитесь, вѣтры буйныя,
«Разнесите всѣ желтыя пески,
«Распахнися, шелковá парча,
15. «Разломися, гробовá доска,
«Подымися, наша матушка,
«Милосердная государыня,
«Катерина Алексѣевна!
«Безъ тебя намъ жить похужѣло,
20. «Всему царству почежѣлѣло,
«При твоёмъ сыну любезному
«Что при Павлу при Петровичу:
«Онъ загналъ силу во Туретчину.
«Поморилъ смертью голодною,
25. «Познобилъ зимой холодною!»

*

¹⁾ Въ Успенскомъ, соборѣ; вариантъ: „во Смоленскому (городу).“—²⁾ Подѣль, возлѣ. *

2.

(Губ. Тверской).

- Какъ во славнымъ было городѣ,
 Въ Петропавловской славной крѣпости,
 Засажоны добры молодцы,
 Засажоны—думу думали.
5. Думу думали, слезно плакали,
 Во слезахъ ови рѣчь говорили:
 «Подымитесь, вѣтры буйные,
 «Вѣтры буйные, полунощные,
 «Вы раздуйте мать сыру землю,
10. «Разнесите вы желты пески,
 «Желты пески, мелки камушки;
 «Раскройся ты, гробовѣ доска,
 «Размахнись, золотѣ парча;
 «Ужь встань—проснись, наша матушка,
15. «Ты Россійская государыня,
 «Катерина Алексѣевна!
 «Посмотри—ка на свои полки,
 «На любезной—то полкъ Семеновской,
 «На Семеновской, на Конную Гвардію!
20. «Какъ у насъ въ полкахъ не по прежнему:
 «Караулы стали частые,
 «Перемѣны стали рѣдкія,
 «А начальство пошло строгое!»

(Запис. г. Тюринимъ).

Это все очевидно вопли со стороны недовольныхъ гоударемъ Павломъ.

*

3.

(Губ. Самбарск.).

Во тошной тюрьмѣ, въ каменной Москвѣ,
 Тутъ сидять и сидять двое молодцы,

Два гвардейскіе, Петербургскіе.

Думу думаютъ, слезно всплѣкнули,

5. Во слезахъ рѣчь говорили,

Рѣчь говорили про буйныя вѣтры:

«Вы подуйте-ка, вѣтры, вѣтры буйныя,

«Вѣтры буйныя, полудѣнные,

«Поснесите-ка, вѣтры, съ горъ желтыхъ песковъ,

10. «Дикіе камешки со могилушки,

«Разступись, разступись-ка, мать сыра земля,

«Ты раскройся-ка, раскройся, гробовѣ доска,

«Распахнись-ка, распахнись, золотѣ парча,

«Ты встань-ка, пробудися, наша матушка,

15. «Наша матушка Екатеринушка:

«И еще всѣ твои полки во походъ пошли!»

(Отъ Ямкова).

* * *

Народныхъ устныхъ пѣсенъ объ Екатеринѣ и изъ эпохи ея у насъ больше не имѣется въ собраніи, ни въ виду, ни въ памяти. Переходимъ къ другому отдѣлу—„сочиненнымъ.“

IV.

Пѣсни Военныя, Солдатскія, Сочиненныя (при Екатеринѣ).

Переходи къ этому отдѣлу, мы не скроемъ нѣкотораго естественнаго чувства отвращенія: но—нельзя и миновать. Литература въ эту пору становилась уже силой, съ которой нужно считаться: что дѣлать, если она являлась въ этомъ, а не въ другомъ видѣ. Есть намъ польза, есть и необходимость: ни изъ чего такъ ясно не усмотримъ высоту и красоту народнаго пѣснотворчества, какъ изъ сравненія его противоположностей; при томъ же, говорили мы выше, многое и въ народномъ устномъ объясняется уже влияніемъ письма и печати.

Больше всего искренно намъ жаль тѣхъ немногихъ нашихъ критиковъ и еще малочислѣннѣйшихъ, внимательно читающихъ памятники и добросовѣстно изучающихъ литераторовъ или ученыхъ, которые, послѣ 6-го и особенно по 8-му нашему выпуску, вообразили, что все это историческое народное пѣснотворчество прогрессивно растетъ, поздравляли себя и насъ съ открытіями, даже радостно печатали: „Погодите-ка, что будетъ даль ше вотъ какъ дойдетъ до Екатерины, увидите, что дѣнется и воспѣвается Русскимъ народомъ!“ Они не внимали давнимъ нашимъ увѣреніямъ, считая ихъ плодомъ лессимизма, — что все это пѣснотворчество медленнымъ, но самымъ вѣрнымъ шагомъ вымираетъ, изсякаетъ силами, клонится къ паденію и разлагается: не зная вѣрно судьбы другихъ пѣсенныхъ отдѣловъ,—ибо изъ нихъ мы мало еще печатали,—оптимисты во всякомъ случаѣ надѣялись на исключеніе въ области эпической и исторической. Самое горькое разочарованіе теперь ихъ ожидаетъ или уже постигло на нашихъ страницахъ. Эпоха Грознаго была точно временемъ самаго обильнаго дѣйствія—именно для пѣснотворчества Московскаго и зависящихъ отъ него круговъ; періодъ Петра былъ величавымъ и блестящимъ напряженіемъ послѣднихъ силъ, счастливо успѣвшихъ отпраздновать: сверхъ внутреннихъ усло-вій пѣснотворчества, лежащихъ въ его *природѣ*, какъ и во всякомъ явле-

ній природи, не указываемъ другихъ причинъ, ускорившихъ паденіе,—объ нихъ мы тамъ и сямъ не рѣдко говорили,—только теперь, какъ можете судить по всѣмъ собраннымъ и объясненнымъ образцамъ, устнымъ и народнымъ, въ XVIII вѣкѣ передъ вами одні коротенькія Былики, мелкіе отрывки, усиленные — и не всегда удачныя воспроизведенія старины, развалины или разложившіяся части былого, а если и счастливыя, и законченныя художественно произведенія, то не въ лады съ современною имъ жизнію высшей исторической сферы, или въ родствѣ съ другими видами пѣсней и на переходѣ къ нимъ, однимъ словомъ совсѣмъ уже не то, что имѣемъ богатаго, обильнаго, широкаго и развитаго въ Былинахъ старшихъ, въ Побывальщинахъ и Старинахъ времени ранняго, въ Эпосѣ и пѣснотворствѣ Историческомъ, тѣмъ болѣе насъ удивляющемъ, что мы сами не живемъ въ древности, что древность унесла съ собою еще гораздо болѣе, а имѣемъ мы уцѣлѣвшее въ устахъ на тысячу разъ менѣе. Вѣкъ XVIII къ намъ близокъ, онъ инимъ намятенъ еще какъ вчера, некогда многого забыть изъ него, некуда разнести и растерять: да только нечего больше взять, нечего забыть, разнести и растерять. Тамъ, въ древности, для насъ „затрудненія богатства,“ и отъ избытка, отъ роскоши, кидались мы въ теоріи г. Стасова и въ наслоенія О. Миллера: здѣсь, напротивъ, просторъ бѣдности, „босоты да наготы изнававшаны шесты, а холоду да голоду амбары стоять.“ Довольствуйтесь тѣмъ, что собралъ П. В. Кирѣевскій въ теченіе 30-ти лѣтъ, да прибавили мы въ теченіе 25-ти, теперь же сравнили, объяснили, отпечатали. Азіатская теорія немногимъ здѣсь пользуется, наслоеніе осядетъ за немногосложностью. Выиграетъ Исторія иная, до сихъ поръ только чаемая: внутренняя исторія „самого“ пѣснотворчества, какъ величайшаго изъ народныхъ явленій; разумѣніе того, какъ самъ „народъ“ понимаетъ исторію и на сколько участвуетъ во всякой исторіи другой, не народной; разрѣзка того труднаго вопроса, гдѣ сама „исторія,“ и тамъ ли, гдѣ мы обыкновенно ищемъ ее или знаемъ.

Для утѣшенія же помянутыхъ, достоуважаемыхъ литераторовъ и ученыхъ, ожидавшихъ прогресса, вящей полноты, обильнѣйшаго развитія, пресловутыхъ именъ и апогеи Екатерининскаго вѣка, предлагаемъ слѣдующія произведенія: здѣсь все это есть,—кромя народа, народнаго и народности.

Впрочемъ, хотя подобной мелочи на самомъ дѣлѣ недостаетъ, нельзя сказать, чтобы къ ней не стремились: всѣ эти сочинители, министры-поэты, кавалерственные сладкопѣвцы, исправители народнаго смысла и слова—очень любили „простой народъ,“ старались войти въ его строй, складъ языка, вообще ласкали себя народностью, приговаривая съ искреннимъ радушіемъ—*j'aime beaucoup tout ça!*“

Откуда беремъ текстъ, мы теперь почти уже не указываемъ: это печатная литература XVIII вѣка, письменныя и печатныя пѣсенники.

Первая Турецкая война.

1.

Во златой вѣкъ на Сѣверѣ,
 Что подѣ мудрымъ правленіемъ
 Тишиной наслаждался
 Всероссійское воинство.

5. Среди самыхъ спокойныхъ дней,
 Загорѣлся Востокъ войной:
 Вѣроломными совѣтами
 Нарушилъ клятву данную,
 Объявилъ войну страшную.
10. Принужденъ былъ Россійской тронъ
 Защитить своихъ подданныхъ:
 Среди лѣта среди краснаго
 Наказать вѣроломнаго.

При струяхъ водъ Дибра-рѣвки

15. Возсіяло оружіе:
 Столь великой герой идетъ,
 Вездѣ слышенъ громъ, молнія,
 Стонъ въ землѣ ¹⁾ непріятельской.
 Разбить въ прахъ вѣроломной станъ,
20. Сокрушено войско вражее,
 Всколебался Турецкой тронъ,
 Затряслись стѣны серальскія.
 Славятъ, славятъ побѣдителей,
 Во концахъ почти всей земли ²⁾.

*

¹⁾ По нѣкотор. „въ полѣ.“ — ²⁾ Есть слѣды этого въ народномъ.

2.

Вѣдь мы Турковъ не боимся
И Татаръ-то не страшимся,
Ой люди, люди, ребята,
И Татаръ-то не страшимся ¹⁾!

5. Коли въ полѣ разобьемъ,
Такъ и городъ мы возьмемъ.
За отечество, за вѣру,
Ради всѣхъ мы кровь пролить:
Или Турковъ всѣхъ побьемъ,
10. Иль на мѣстѣ всѣхъ померемъ.
Наши храбры генералы
Насъ всегда въ ладъ поведутъ:
А Россійскіе солдаты
Никогда назадъ не ѣдутъ.
15. Ну, впередъ ступай, ребята,
Не робѣйте ничего:
Хоть и нужды мы прихватимъ,
Но за славу то почтемъ.
Намъ въ Россіи хлѣбъ-вода—
20. То солдатская ѣда!
А какъ Турковъ мы побьемъ,
Такъ говядины найдемъ.
Пусть безъ кофе и шербету
Янычара никуда:
25. Напротѣвъ мы съ сухарями
Хоть край свѣта такъ пройдемъ.
Пироги наши изъ пѣчи—
Пули, ядра и картечи.
Что за Русской за солдатъ,

¹⁾ Пригласъ, и ниже послѣ каждаго двухъ стиховъ.

30. Когда съ порохомъ не свать?

Янычары еще спягъ:

На коняхъ наши сидягъ;

Нѣжный Турокъ на софѣ:

А Русакъ уже въ ружьѣ.

35. Наши кресла-канапѣ—

Шанцы то и батарен.

Ну, послушайте жь, робята,

Вашего вы земляка:

Твердость ваша и терпѣнье

40. Всѣ труды превзойдутъ.

Такъ-то надобно служить,

Чтобъ монарху ²⁾ угодить!

Вы побѣдою доставьте

Всей Россіи славной миръ!

45. Жоны, дѣти, братья, сѣстры!

Не пускайте на глаза,

Если назадъ повернемся

Безъ побѣды мы въ домѣ.

3.

Перекопъ. Крымскій ханъ.

Пушенинъ. Прозоровскій. Голицыны.

Красно солнце закатилося ¹⁾

И настала мать темная ночь.

Намъ тутъ сонъ на умъ не шелъ,

Загоралися сердца храбрыя.

5. Ночь не молніей освѣщалася,

Не грозныя тучи взгремѣли вдругъ:

Батарея наша вскрылася,

²⁾ Какъ царю, отвѣченно: и при государыняхъ.

¹⁾ Вариантъ: „закаталоса.“

Осыпало крѣпость Перекопскую,
Оглушало Турокъ трескомъ бомбъ.

10. Храбрый Пушкинъ графъ услышалъ тутъ,
Со безстрашнымъ своимъ корпусомъ,
Сѣрдца смѣлости наполненнымъ:
Онъ подъ Крымскую пошелъ линію.
Не остановилъ его картечный градъ,
15. Не боялся онъ ихъ тучъ дождя:
Самъ дорогу имъ показывалъ,
Разъѣзжая на быстромъ конѣ,
Изъ конца въ конецъ въ перѣди ихъ.
Приближался онъ подъ самый валъ:
20. Что къ тому ли глубокому рву,
Ко той ли бездонной пропасти,
Опускали долгія лѣстницы
Какъ былинку во синѣ море.
Что увидя, графъ Мусинъ-Пушкинъ,
25. Не боялся онъ всего того,
Закричалъ тутъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы, братцы и друзья мои,
«Гранадеры вы и егеря!
«Не пришли мы, чтобъ назадъ итти:
30. «Побѣдимъ врага, или умремъ всѣ тутъ!»
Не успѣлъ онъ слова молвити,
Какъ всѣ въ ровъ они бросились,
Позабыли они отъ ушибу боль.
Какъ соколы наши взвивались,
35. Опираясь на штыкахъ однихъ:
Опускался во глубокой ровъ,
По плечамъ онъ ихъ на валъ взошелъ.

Тутъ бѣжалъ ужъ уstraшенный врагъ,
Онъ во ужасѣ кидалъ ужъ всё,
40. Свое платье и оружіе.

Къ удивленію тѣта егери,
 Не довольствуясь всѣмъ этимъ,
 Они брали съ собой двѣ пушки,
 Черезъ глубокой ровъ тащили ихъ,
 45. Заряжали ихъ во скорости,
 На бѣгу врага разили тѣмъ.

Лишь успѣлъ онъ вѣдь отъ нихъ уйти,
 Какъ Прозоровскій съ гусарами,
 На конѣ онъ какъ на вихорѣ,
 50. Что съ князьями со Голицыными,
 Какъ орелъ во птицъ пущался въ нихъ:
 Ему всѣ уже послѣдуя,
 Всю Татаръ кучу разсѣяли,
 По чисту полю по Крымскому.
 55. Чуть успѣлъ уйти и самъ ихъ ханъ,
 Со стыдомъ, съ страхомъ и горестью.

(Старше у Новикова: „поется“ прибавляли, „мужественнымъ голосомъ“).

*

И. И. Дмитріевъ это передѣлалъ и пѣсня дѣлалась въ такомъ видѣ:

4.

То же.

Красно солнце закатилось,
 Наставала мать ночь темная.
 Намъ, солдатамъ, сонъ на умъ не шолъ,
 Разгоралось сердце храброе,
 5. Сердце храброе воинское,
 Что воинское Россійское.
 Не отъ молній освѣтилась ночь,
 Не изъ грозной тучи громъ взгремѣлъ:
 Батарея наша вскрылася,

10. Осыпало крѣпость ядрами ¹⁾,
 О глушало Турокъ трескомъ бомбъ.

Храброй Пушкинъ графъ, услышавъ знакъ,
 Съ безстрашнымъ своимъ корпусомъ,
 Въ сердцѣ смѣлости наполненнымъ,

15. Полетѣлъ подъ Крымску линію.

Не страшилъ его картечный градъ,
 Не боялся онъ ни пухъ дождя,
 Разъѣзжая на быстромъ конѣ,
 Изъ конца въ конецъ предъ воинствомъ,

20. И дорогу показуя всѣмъ.

Приближался онъ подъ самой валъ,
 Ко глубокому Татарску рву:
 Во бездонну страшну пропасть ту
 Опускали долги лѣстницы,

25. Какъ былинку въ море синее.

То увидя, графъ Мусинъ-Пушкинъ,
 Закричалъ тутъ громкимъ голосомъ,
 Возбуждая всѣхъ ко храбрости:

«Ой вы, братцы и друзья мои,

30. «Гренадеры, легки егеря!

«Не пришли мы, чтобъ назадъ итти:

«Побѣдимъ врага, или всѣ помремъ!»

Не успѣлъ онъ слова молвити,

Всѣ какъ соколы взвивалися,

35. Въ ровъ солдатушки бросалися,

Опираясь на штыки одни,

Забытая отъ ушиба боль.

По плечамъ ихъ графъ на валъ взбежалъ.

Тутъ бѣжалъ ужъ утрашенный врагъ.

40. И, гонимый смертнымъ ужасомъ,

¹⁾ Вар. прибавка: «Крѣпость вражь Перекопскую.»

- Въ облегченъе измѣнившихъ ногъ,
 Все срывалъ, бросалъ съ себя долой,
 Платье, сбрую и оружіе.
 Къ удивленью всѣхъ тутъ егери,
 45. Не довольствуясь успѣхомъ снѣмъ,
 Подхвата съ собой двѣ пушки тутъ,
 Черезъ глубокой ровъ помчали ихъ,
 Заряжали ихъ во скорости
 И разили на бѣгу врага.
50. Лишь бѣжать онъ успѣвалъ отъ нихъ,
 Какъ Прозоровскій съ гусарами,
 На конѣ онъ какъ на вихорѣ,
 Со князьями со Голицыны,
 Какъ орелъ во птицъ испуганныхъ,
 55. Онъ пустился въ силу вражеску.
 Войско все, за нимъ послѣдуя,
 Такъ, какъ вѣтеръ вѣетъ легкій прахъ,
 Всю толпу Татаръ развѣяло,
 По чисту полю по Крымскому.
60. Чуть успѣлъ уйти и самъ ихъ ханъ,
 Стыдъ, и страхъ, и грусть неся съ собой:

*
5.

О томъ же самомъ.

Наполнены ¹⁾ духомъ храбрымъ,
 Къ непріятелю мы шли:
 Ихъ сердцамъ дивились слабымъ,
 Что въ пути ихъ не нашли;

¹⁾ Вар. „Напомядса.“

5. Хотъ желали мы подрасться,
 Но, надежду потерявъ,
 Принуждённы ²⁾ дожидаться
 Мы до тѣхъ поръ, какъ узнавъ,
 Что Татары устрашённы
10. Къ Перекопскимъ шли стѣнамъ
 И отчаянемъ вспаленны
 Встрѣчу тутъ готовятъ намъ,—
 Вдругъ сердца всѣхъ загорались,
 Путь казался дологъ намъ,
15. Потому что всё ласкались
 Вѣчну приобрѣсть честь ³⁾ тамъ.
 Но прибавила стремленье ⁴⁾
 Общая къ вождю любовь:
 Всякъ въ немъ видитъ одобренье,
20. Съ нимъ пролить всякъ хочеть кровь.
 Неприятел! Вы бойтесь,
 Побѣдимъ васъ вѣрно всѣхъ ⁵⁾,
 За стѣнами какъ ни кройтесь,
 Нашъ ужъ вѣренъ въ томъ успѣхъ,
25. Лишь пришли къ стѣнамъ мы града,
 На коня самъ князь нашъ сѣлъ,
 Не страшась ихъ ядеръ града,
 Онъ мѣста всё обозрѣлъ;
 На другой день ужъ прихода,
30. Къ штурму ливніи пошли,
 Прежде солнечнаго: ~~всѣгда~~
 Мы до рва уже дошли.
 Тутъ явилась всѣхъ горячность,
 Всякъ стремится напередъ:
35. Пушкинъ графъ презрѣлъ ⁶⁾ опасность,

²⁾ Вар. „Должно было.“—³⁾ Вар. „честь смыскати.“—⁴⁾ „Прибавила намъ стремленье.“—⁵⁾ „Скоро побѣдимъ васъ всѣхъ.“—⁶⁾ „презрѣвъ.“

За собой казалъ всѣмъ слѣдъ.

Егери и гренадеры

Храбро въ ровъ бросались съ нимъ;

Передъ ними ошцеры

40. Въ томъ примѣръ давали имъ.

Чѣмъ враги стояли болѣе,

Тѣмъ честь наша возрасла:

Но связжали ⁷⁾ по неволѣ,

Какъ пѣхота лишь взошла.

45. Глубину рва презирая,

Пушки егери взвезли,

И врага въ тылъ поражая,

Въ крайнюю робость привели.

Князь Прозоровскій тутъ храбрый

50. Ихъ съ гусарами встрѣчалъ,

Черезъ Сивашъ прошелъ путь трудной,

Разбивая ихъ прогналъ ⁸⁾.

Отперты врата днесъ ⁹⁾ Крымскія,

Намъ противниковъ ужъ нѣтъ:

55. Храбры войны Россійскіе,

Нашей славы полонъ свѣтъ ¹⁰⁾.

⁷⁾ „помчались.“—⁸⁾ „Въ достальъ всѣхъ ихъ разогналъ.“—Въ нѣкоторыхъ за смѣть:

Зря одне повсюду бѣдство

И страшася смертныхъ раяъ,

Со своими въ равно бѣгство

Самъ устися Крымской ханъ.

⁹⁾ Вар. „Днесъ врата отверзты.“—¹⁰⁾ Слѣды сего есть въ народномъ.

6.

Море Средиземное. Флотъ.

- Не бушуйте вы, вѣтры буйныя,
 Вы буйныя вѣтры осенне ¹⁾!
 Успокойся ты, море синее,
 Не волнуй ты ²⁾, море Средиземное!
5. Ты постой, постой, лѣто теплое,
 Не теки, постой, солнце красное!
 Не я самъ велю: вамъ указъ водить,
 Вамъ указъ пришелъ ³⁾, съ страны Сѣверной.
 Хоть ⁴⁾ давно течетъ солнце красное,
10. Что ⁵⁾ давно вѣютъ вѣтры буйныя,
 Не видали вы такова дива:
 По указу ли царя Благо ⁶⁾,
 Наказать царя вѣроломнаго,
 На Восточную дальнюю сторону
15. Снаряжался флотъ со бѣлой Руси,
 Со береговъ Невы, рѣки славныя.
 Снарядившись онъ протекалъ моря ⁷⁾,
 Всѣ препятствія ⁸⁾ ни во что вмѣнялъ.
 Приближаяся ко Царю-граду,
20. Адмиралъ вскричалъ громкимъ голосомъ:
 «Ой ⁹⁾ ты гой еси, невѣрной царь!
 «Прогнѣвивши ты своей гордостью
 «Нашу мудрую Государыню,
 «Прогнѣвляешь ты самого Творца.

¹⁾ Такъ начинаются многія народныя пѣсни, сравнивая вѣтеръ съ плачемъ дѣвушки, когда уѣзжаетъ (или идетъ въ походъ) милый.—²⁾ Въ вѣкот. „ты“ опущено.—³⁾ „Со страню указъ пришелъ.“—⁴⁾ „Хоть.“—⁵⁾ „Что“ опущено.—⁶⁾ Такъ часто употребляется, какъ имъ видѣли, и при государыняхъ.—⁷⁾ „протекалъ море.“—⁸⁾ „препятствія.“—⁹⁾ „Ахъ.“

25. «Я за то присланъ наказать тебя,
 «Поспѣши упасть ко стопамъ ея.¹⁰⁾
 «Ты успѣй просить прощенья:
 «Не успѣешь ты просить прощенья,
 «Опровергнуть тронъ невѣрнаго.¹¹⁾»

(Возиковъ, Трутовскій, Шпоръ и друг.; рано подверглось исправленіямъ, въ томъ числѣ
 Н. И. Дмитріева; образецъ подобный увидишь еще ниже; голосъ есть у Пушкина).

*

7.

Буджаць, движеніе къ Кагулу.

Румянцевъ. Долгоруковъ.

- Ахъ ты поле-поле чистое,
 Ты чистое поле Буджацкое¹⁾!
 Ужь когда мы изойдемъ тебя,
 Всѣ²⁾ бугры твои перевалимся?
5. Какъ давно пора сойтится
 Что со той ордой невѣрною,
 Что со той силой Турецкою,
 Намъ исполнить волю царскую,
 Нашей мудрой Государыни!
10. Что не облаки подымались,
 Не грозныя тучи соходилися:
 Собирались тьмы невѣрныхъ врагъ,
 Что острили мечи черные,
 Мечи черные булатные,
15. И хвалилися нахавши
 Не срубить, но отрѣзати
 Буйныя головы солдатскія.
 Не громкѣ труба воскликнула,

¹⁰⁾ „къ ногамъ ея.“—¹¹⁾ „нечестиваго.“

¹⁾ „Буджацкое.“—²⁾ „Черезъ.“

- Какъ возгóворить Румянцевъ граеъ:
 20. «Дóбры мóлодцы, товарищи,
 «Наши храбрые солдатухи!
 «Не дадимъ врагамъ хвалитися,
 «Пойдемъ сами противъ злости ихъ!»
 За нихъ двинулась вся армія,
 25. Восклицая: «Мы пойдемъ съ тобой!»

На разсвѣтъ было въ среду,
 На дорогъ на Трояновой,
 Подошли мы близко къ лагерю:
 Окружили насъ Агаряе
 30. Отовсюду съ разными бѣшенствомъ,
 Янычаровъ тѣма ударила
 На пѣхоту вдругъ Россійскую.
 Буйны головы валилися
 Что отъ звѣрства ихъ и множества.

35. То увидя, съ кавалеріей.
 Гдѣ ни взялся Долгоруковъ князь,
 Съ мечомъ острымъ, такъ какъ съ молніей.
 Онъ пустился въ кучу вражію:
 Гдѣ мечомъ сверкнѣтъ, тутъ улица,
 40. Гдѣ вернѣтъ коня, тутъ площадь тѣлъ.
 Въ то же время съ гренадерами
 Самъ Румянцевъ ли ударилъ въ нихъ:
 Тутъ познали Турки гордые
 Руку тяжку гренадерскую,
 45. Предводительство Румянцово.
 Они бросились бѣжать тогда:
 Но и моста не нашли уже,
 А увидѣли позадь себя
 Храбра Боура ¹⁾ со егерями,

¹⁾ „Храбра, бодра.“

50. Съ легкимъ войскомъ со гусарами:

Поилась тутъ кровь Турецкая,
Не ручьями, рѣкой сильною;
Ихъ остатки потопилися
Во глубокой во Дунай-рѣкѣ;

55. А другіе съ визиромъ своимъ

За нимъ скрыли стыдъ и ужасъ свой.

(Новиковъ и друг.).

*

Рано это также подверглось исправленію, въ томъ числѣ Н. И. Дмитриева:

8.

То же.

- Ахъ ты поле-поле чистое,
Чисто поле ты Буджакское!
Изойдемъ ли мы когда тебя,
Всѣ бугры твои минуемъ ли?
5. Ужъ давно пора войти въ намъ
Со ордой Крымской невѣрною,
Съ злобной силою Турецкою,
Чтобъ исполнить волю царскую,
Нашей мудрой Государыни!
10. Что не облаки вздымались,
Не грозны тучи сходилися:
Собирались тмы невѣрныхъ врагъ,
Что острили мечи черные,
Мечи черные булатные,
15. И хвалилися, нахвавши,
Не срубити, но отрѣзати
Буйны головы солдатскія,

- Не громка труба воскликнула ¹⁾,
 Какъ возгóворить Румянцовъ графъ:
 20. «Дóбры мóлодцы, товарищи,
 «Наши храбрые солдатухи!
 «Не дадимъ врагамъ хвалиться,
 «Пойдемъ сами противъ злости ихъ!»
 За нимъ двинулась вся армія,
 25. Воскликая: «Мы пойдемъ съ тобой!»»

- На разсвѣтъ было въ среду,
 На дорогѣ на Трояновой;
 Подошли мы близко къ лагерю:
 Окружили насъ Агаряне
 30. Отовсюду съ равнымъ бѣшенствомъ;
 Янычаровъ тьма ударила
 На пѣхоту вдругъ Россійскую;
 Буйны головы валилися
 Ото звѣрства ихъ и множества.

35. То увидя, съ кавалеріей,
 Гдѣ ни взялся Долгоруковъ князь,
 Съ мечемъ острымъ, такъ какъ съ молніей;
 Онъ пустился въ кучу вражію:
 Гдѣ мечемъ сверкнѣтъ, тутъ улица;
 40. Гдѣ вернѣтъ коня, тутъ площадь тѣль.
 Въ то же время, съ гранодерами,
 Самъ Румянцовъ графъ ударилъ въ нихъ:
 Руку тяжку гранодерскую,
 Предводительство Румянцово,
 45. Тутъ познали Турки гордые.
 Они бросились бѣжать тогда,
 Но и моста не нашли уже;
 А увидѣли позадь себя

¹⁾ „возкрикнула.“

- Храбра Боура со егерями,
 50. Съ легкимъ войскомъ со гусарами:
 Полилась тутъ кровь Турецкая,
 Не ручьями, рѣкой сильною;
 Ихъ остатки потопились
 Во глубокой во Дунай-рѣкѣ:
 55. А другіе, съ вѣзиремъ своимъ,
 Бѣгомъ скрыли стыдъ и ужасъ свой.

9.

Бендеры. Панинъ.

Этотъ образецъ также потерявъ изъправленія И. И. Дмитріева, который покажемъ въ сноскахъ.

- О ты крѣпкій-крѣпкій Бѣндѣръ-градъ,
 Ты разумный-храбрый Панинъ графъ!
 Ждетъ Европа чуда славнаго,
 Ждетъ Россія славы новыя:
 5. Царь Турецкій и не думаетъ,
 Чтобы Бѣндѣръ было взяти лъзя ¹⁾.
 Петръ великій, храбрый мудрый Петръ
 Далъ Петру ²⁾ свой умъ и мужество,
 И устами Самодержицы
 10. Щедрой, мудрой и великия,
 Говоритъ онъ графу Панину:
 «Не былъ городъ ³⁾ Бѣндѣръ взятъ никѣмъ;
 «Вижу града стѣны крѣпкія,
 «Вижу множество Турецкихъ войскъ;
 15. «Здѣсь число войскъ Русскихъ малое,
 «Да въ тебѣ душа великая.

¹⁾ „было можно взятъ.“ — ²⁾ Петру Ивановичу Панину, — ³⁾ „Еще не былъ.“ —

- «Чада Матери Имперіи ⁴⁾!
 «Будьте славой Самодержицѣ,
 «Будьте пользою отечеству ⁵⁾!»
20. Панинъ на это отвѣтствуетъ
 Отъ Невы пришедшу голосу:
 — Я клянуся передъ воинствомъ,
 — Градъ возьму, или ⁶⁾ умру подъ нимъ!
 — Увѣнчаемъ здѣсь лаврами,
25. — Иль падемъ подъ кипари сами!—
 Слышенъ голосъ войска храбраго:
 «Градъ возьмемъ, иль всѣ помремъ съ тобой!»»

Наступилъ уже рѣшенья часъ:

- Приближается ночь тѣмная,
 30. Скрылось солнце въ море бурное.
 Изъ за лѣса не взошла луна.
 Не мѣшаетъ небо мрачное ⁷⁾:
 Войска двинулись ко Бѣндру,
 Загремѣли свѣтлы ⁸⁾ молніи,
35. Зашумѣли войска Россійскія ⁹⁾,
 Затряслися стѣны градскія,
 Зажигается селеніе,
 Разгарается все зданіе ¹⁰⁾...

- Панинъ, Панинъ, то исполнилъ ты,
 40. Въ чемъ ты клялся передъ воинствомъ!
 Стонуть-стонуть побѣжденные,
 Торжествуютъ побѣдители:
 Славься, славься, Государыня,
 Славься, Панинъ, славься, воинство ¹¹⁾!

(Прибавлялось: „Сія пѣсня поется изъявляющимъ мужество голосомъ“.).

*

⁴⁾ „Покажите вы величество Чадъ и Матери Имперіи!“—⁵⁾ „Имперіи.“—
⁶⁾ „Градъ возьму я иль.“—⁷⁾ Этого стиха нѣтъ.—⁸⁾ „Засверкали яри.“—
⁹⁾ „Загремѣли войска Русскія.“—¹⁰⁾ „Сокрушаются всѣ зданія.“—¹¹⁾ Послед-
 нихъ двухъ стиховъ нѣтъ: но они отзываются у народа.

Пѣсня эта помѣщается также въ члѣсѣ сочиненій Сумарокова со слѣдующими особенностями:

О разумный-храбрый Пашинъ грабь....

Чтобы Бѣндеръ было взяты лъзя...

Не былъ городъ Бѣндеръ взятъ ни кѣмъ...

Покажите вы величество

5. Чадъ и Матери Имперіи....

Будьте пользою отечества...

Градъ возьму или умру подъ нимъ...

Не мѣшаетъ небо мрачное:

Войско двинулось ко Бѣндеру,

10. Загремѣли громы страшные,

Заблестали свѣтлы молніи,

Зашумѣли войски Русскія....

Разгораются всѣ зданія...

Последнихъ двухъ стиховъ также нѣтъ.

(Изд. 2-е Новикова, М., ч. VIII, 1787 г.; но въ изданіи Новиковскаго пѣсенника текстъ различенъ).

*

Слѣдующій образецъ усвоенъ народомъ, съ некоторыми его оборотами и выраженіями:

10.

Крымская линія Перекопъ.

Долгоруковъ.

Перешли мы всю Татарскую степь,

Мы ни въ чемъ нужды не видали,

Про кручину и не знали мы:

Непріятели боялись насъ,

5. Вѣдь боялись, не казались намъ,

Они вдали всю надежду ихъ

На крѣпкую ль стѣну Перекопскую,
 На широкой и глубокой ровъ.
 Только этимъ не спасетесь вы,
 10. Не закроетъ васъ море Черное,
 Не удержитъ насъ тамъ Сивашъ!

Третьяго числа было на десять,
 Что Юня ¹⁾ лѣтна мѣсяца,
 Семдесятъ ли во первомъ году ²⁾,
 15. Что пришли жь мы подь Пѣрекопъ,
 Подь ту ль Перекопскую линію.

Не отъ вѣтру зашумѣлъ тутъ листъ,
 Не на Волгѣ подымался валъ:
 Тутъ летали пули свинцовыя,
 20. Тутъ свистали ядра чугуныя.

Нашъ отецъ Долгоруковъ князь,
 Князь Василій Михайловичъ,
 Ничего не страшился тутъ:
 Близко города развѣзживалъ,

25. Онъ все ли самъ осматривалъ.
 Возвратился онъ, возгворилъ:

«Ахъ вы гой еси, ребятушки,
 «Вы храбрые Русскіе солдатушки,
 «Офицеры вы исправные,

30. «Генералы всѣ друзья мои!
 «Уже ль стануть намъ смѣяться
 «Тѣ ль Татары вѣроломные
 «И тѣ Турки невѣрные?

«Не дадимъ мы имъ опомниться
 35. «И бѣжать отъ насъ собратися:

«Мы пойдемъ на нихъ, товарищи!»
 ««Рады, рады мы съ тобой всюды,
 ««Ты берегъ насъ всё досюдова,

1) По некотор. „Іюль.“—2) Это способъ счета пѣсенный: ср. 7 и 8-й выпуски.

- «Силы наши не ослабляли,
40. «Ты жь прибавилъ намъ храбрости
«Твоимъ умнымъ предводительствомъ!»»
Такъ вскричали въ одинъ голосъ всѣ.

*

Но и это не укрылось отъ И. И. Дмитріева:

41.

То же.

- Перешли мы всю Татарску степь,
Нужды мы ни въ чемъ не видѣли,
Про кручину и не знали мы:
Непріатели боялись насъ,
5. Насъ боялись, не казались намъ;
Они клали всю надежду ихъ
На свою на стѣну крѣпкую,
На высѣку Перекопскую,
На широкой и глубокой ровъ.
10. Только этимъ не спасетесь вы:
Васъ не скроетъ море Черное,
Не удержитъ насъ Сивашъ-рѣка!

- Третій на десять тогда былъ день
Во Юнѣ лѣтнемъ мѣсяцѣ,
15. Въ семьсотъ семдесятъ первѣмъ году,
Какъ пришли мы къ непріателю,
Къ Перекопской крѣпкой линіи.
Не отъ вѣтра зашумѣлъ тутъ листъ,
Не на Волгѣ подымался валъ:
20. Зашумѣли тьмы свинцовыхъ пулъ,
Подымался градъ чугунныхъ ядръ.
Тутъ отецъ нашъ, Долгоруковъ князь,

- Князь Васи́лій князь Миха́йловичъ,
 Не жалѣя головы своей,
 25. Не страшася тмы Татарскихъ стрѣлъ,
 Близко города развѣзживалъ,
 И всё на все самъ осматривалъ.
 Осмотрѣвши жь всё, возговори́лъ:
 «Ахъ вы гой еси, робятушки,
 30. «Храбры Русскіе солдатушки!
 «Офицеры вы исправные!
 «Генералы, всё друзья мои!
 «Не уже ли мы, Россіяне,
 «Надъ собой въ побѣдъ верьхъ дадимъ»
 35. «Вѣроломной сей толпѣ Татаръ
 «И невѣрныхъ Турокъ сонмищу?
 «Не дадимъ мы имъ опомниться
 «И бѣжать отъ насъ собратися:
 «Полетимъ на нихъ, товарищи,
 40. «И свирѣпо все ихъ полчище
 «Срубимъ, сломимъ, опрокинемъ въ адъ!»
 «Всюду рады мы, на всё съ тобой:
 ««Ты берегъ насъ всёхъ какъ чадъ своихъ,
 ««Твоимъ умнымъ предводительствомъ»
 45. ««Силъ ты въ насъ не ослабляя нигдѣ,
 ««А прибавилъ намъ лишь храбрости!»»
 Такъ вскричали въ одинъ годось всѣ.

Румянцевъ.

Намъ нельзя того оставить,
 Чтобъ Румянцева не славить:
 Графъ Румянцовъ нашъ отецъ,

- Мы слетѣмъ ему вънепъ
 5. Изъ своихъ, братцы, сердца!
 Пѣсню нову запоемъ,
 Какъ мы въ лагерѣ живемъ:
 Провіантъ мы получаемъ
 И ни въ чемъ нужды не знаемъ
10. Близъ Дуная мы стоимъ
 И безъ страсти говоримъ:
 Той надеждой обольстима,
 Что мы Турокъ не боимся.
 Какъ Бендеры штурмомъ взяли,
15. Крымъ съ покорностью отдали.
 Фокшаны ¹⁾ и Ибраилъ
 Взяли такъ, какъ Измаилъ;
 Бухарестъ, Журжа, Киля,
 Тамъ баталья была сильна.
20. Графъ Румянцовъ генераль
 По арміи развѣзжалъ,
 Турокъ съ шанцовъ выгонялъ,
 Гранодерамъ подтверждалъ:
 «Гранодеры, вы не бойтесь,
25. «Поскорѣе орунтомъ стройтесь!
 «Я велю васъ подкрѣпить:
 «Изъ пушекъ залпомъ выстрѣлять!»
 Канонеры, бомбандеры
 Знаютъ разные примѣры:
30. Когда время имъ стрѣлять
 И когда пообождать.
 Полковники во строю
 Наблюдаютъ честь свою,
 Приказъ главной исполняютъ,
35. Всѣмъ солдатамъ подтверждають:

¹⁾ „Вакшаны.“ — 2) „Залпъ изъ пушекъ выстрѣлять.“

- Вы солдатики ³⁾ военные!
- На васъ значки почтенны ⁴⁾;
- Заслужили честь отъинну,
- Удивили всю вселенну.—

Прибавлялось: „Сочинена въ лагерѣ находившихся при Дунаѣ однихъ офицеровъ. Понесена съ наделеннымъ подобообразными чувствами сердцемъ.“)

*

13.

Хоръ на миръ съ Портою.

(1774).

Громъ побѣды раздавался,
Веселися, храбрый Россъ,
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потрѣсь!

5. Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать ¹⁾!

Вѣды быстрого Дуная
Ужь въ рукахъ теперь у насъ,
Храбрость Россовъ почитая,
10. Тавръ подъ нами ²⁾ и Кавказъ ³⁾.

Звукъ сигнала ⁴⁾ раздается
Днесь въ подсолнечной вездѣ:
Зависть и вражда мятется,
И терзается въ себѣ.

15. Мы ликуемъ славы звуки,
Чтобъ враги могли то ⁵⁾ зрѣть,

³⁾ „солдаты.“—⁴⁾ „отъинны.“

¹⁾ Призывъ послѣ строевъ.—²⁾ „предъ нами.“—³⁾ За симъ въ некоторыхъ „Звукъ сигнала“ опущено.—⁴⁾ „Измайла.“—⁵⁾ „Чтобъ злодѣи могли.“

Что свои готовы руки
Въ край вселенныя ⁶⁾ простерть.

Зри, премудрая царица,
20. Зри, великая жена,
Что твой взглядъ, твоя десница
Нашъ ⁷⁾ законъ, душа одна ⁸⁾.

Ужь не могутъ орды Крыма
Нынѣ рушить нашъ покой:
25. Гордость нивзятся Селима
И блѣднѣетъ онъ съ луной ⁹⁾.

Зри на блещущи соборы,
Зри на красной этотъ строй:
Всѣхъ ¹⁰⁾ сердца тобой и взоры
30. Оживляются одной.

Зри, монарха ¹¹⁾, утѣшайся
На побѣдъ твоихъ вѣнецъ!
Зри, о мать, и ¹²⁾ восхищайся
На любовь къ тебѣ сердецъ!

(Изданіемъ Моск.: „Сей хоръ по пріятствію и огромности своего голоса въ музыкѣ почитается за наилучшій.“—На гуслихъ играли и пѣли хоромъ до нашихъ дней въ молодомъ лѣтѣ; ноты сохранились).

* *

Война Шведская.

1.

Двинемъ, храбрые солдатушки,
На границы мы на Шведскія:
Не уступимъ мы товарищамъ,

⁶⁾ „Въ край вселенной ихъ.“—⁷⁾ „Новъ.“—⁸⁾ Слѣдующая строфа не во всѣхъ.—⁹⁾ За этимъ въ нихъ: „Звукъ Измайла.“—¹⁰⁾ „Всѣ.“—¹¹⁾ Монархическая. Въ нихъ: „Зри, монархъ, и..“—¹²⁾ „Зри, о мати.“

- Тѣмъ, что бьютъ силы Турецкія!
5. И у насъ сердца Россійскія:
Пусть умремъ мы за отечество,
За велику Государыню,
Нашу мудрую монархиню!
Намъ не страшны вѣйска большія,
10. Отступать мы не училися:
Расхлебавъ съ неприятелемъ
Чашу славы, чашу смертную!
Порохъ намъ—дрова берѣзовы:
Мы затопимъ небо синее,
15. Подогрѣемъ вѣроломну грудь;
А штыки-то къ чести лѣстница.
Шведы помнютъ руку тяжкую,
Не забыли дѣла прежнія:
Не забыли храбрыхъ предковъ мы
20. И побѣду подѣ Полтавою.
Побѣждать намъ не училися:
Съ командирами искусными
Усмиримъ мы душу гордую
И заставимъ насъ бояться.
25. Возвратясь же во Санктпетербургъ,
Мы поздравимъ нашу Матушку
Съ полученьемъ Божьей милости,
Со успѣхомъ надъ коварными.
А потомъ пойдемъ къ красавицамъ,
30. Жонамъ, нашимъ полюбовницамъ ¹⁾:
Онѣ снимутъ аммуницію,
Оботрутъ съ лица кровавой потъ,
Подведутъ къ намъ мылькъ дѣтушекъ;
Тутъ мы станемъ забавляться
35. И побѣдой прославляться.

¹⁾ „Жонкамъ нашимъ и любовницамъ.“

Татищевъ.

- Мы гвардейскіе солдаты
Идемъ съ радостью въ походъ:
Командиръ у насъ Татищевъ,
Никакихъ намъ нѣтъ заботъ.
5. Онъ солдатску нужду знаетъ,
Не оставитъ насъ ни въ чемъ:
Провіантомъ насъ пробавитъ,
Надѣлитъ насъ и харчомъ.
Аммуниціей исправны,
10. Всѣмъ снарядомъ сряжены ¹⁾,
Ружья и штыки преславны ²⁾,
И какъ быть вооружены.
Съ командиромъ симъ въ сраженіе
И въ кравовой идемъ бой
15. Словно такъ, какъ на ученіе
Мы выходимъ когда въ строй.
Лишь бы только намъ случимось
Тѣхъ злодѣевъ поимать,
Отъ которыхъ огорчилась
20. Вселюбезна наша Мать.
Мы бъ умѣли проучити
Злоковарныхъ сихъ сосѣдовъ:
Мы бъ ихъ стали также бити,
Какъ бывали мы ихъ дѣдовъ ³⁾.
25. Намъ вѣдь драться не учиться,
Мы бывали ужъ въ бояхъ:

¹⁾ „снабжены.“ — ²⁾ „У насъ ружья, штыки славы.“ — ³⁾ „Злоковарнѣйшихъ сосѣдовъ Мы бъ умѣли проучить: Какъ бывали мы ихъ дѣдовъ, Также бъ стали ихъ мы битъ.“

- Лишь бы дали намъ сразиться,
 Разщелкаемъ мы ихъ въ прахъ!
 А потомъ въ свою столицу
30. Возвратимся мы опять
 И любезную царицу
 Успокоимъ нашу Мать.

(„Ревностнымъ и радостъ въывлающимъ голосомъ.“)

*

3.

- Наступилъ ужъ мѣсяцъ Мартъ:
 Насъ беретъ крѣпкой азартъ,—
 Въ сердцахъ чувствуемъ мы жаръ,
 Новой дать Шведу ударъ.
5. Открывайся, крыша водъ,
 Дай скорѣй намъ въ море ходъ!
 Спѣвши, Шведъ, опять ты въ шкеры,
 Коль построилъ ужъ галеры,
 Иль, забывши стыдъ и горе,
10. Изъ Кармъ-Кронъ явился въ море!
 Коли есть у те охота,
 Выставляй вдругъ оба флота:
 Ты казался вѣдь остѣръ,
 Острогу развѣ постѣръ?
15. Пусть запасные гостинцы
 Дѣлятъ герцоги и принцы:
 Готеамъ надо за отвагу
 Похмельнѣй стготовить брагу.
 Лишь выдерживайте стойку,
20. Ужъ вамъ сдѣлаемъ попойку:
 Сами скажете вы свѣту,
 Что ужъ лучше ея нѣту,—
 Вкусна, хмельна, разънимаеть,

- Ноги совсѣмъ отънимають,
25. И кто сдѣлался хмелѣнъ,
 Въ змѣю дожитья онъ волѣнъ;
 А кто средственно лишь пьянъ,
 Тотъ ступай къ намъ на арканъ.
 Вы племянники, мы дяди:
30. Принимать васъ къ себѣ ради.
 Заупрямится жъ кто много,
 Тотъ наказанъ будетъ строго:
 И сумнѣнья никакъ нѣтъ,
 Дадимъ паспортъ на тотъ свѣтъ.
35. Тамъ и тѣмъ удивятся,
 Какъ упрямы къ нимъ явятся.
 Тамъ вы, ждавши сей почести,
 Напивайте мовромъ кости:
 Мы жъ себя не станемъ нѣжить
40. И васъ можемъ обнадежить,
 Что по оихъ скоро словахъ
 Въ вашихъ будемъ мы странахъ.

*

4.

Пушкѣинъ.

- Прочь вы, Шведы, удалитесь,
 Намъ ружья не показавъ,—
 Знайте вы и всѣ страшитесь:
 Противъ васъ самъ Пушкинъ графъ!
5. Мы идемъ съ нимъ на сраженъе
 Словно какъ идемъ на пиръ,
 Исполняемъ Той велѣнъе,
 Кой дивится цѣлой мѣръ.

- Мы увѣрены заранье,
 10. Не польетъ онъ даромъ кровь:
 Мы приложимъ все старанье,
 Чтобъ преславиться намъ вновь.
 Крымъ ужь чувствовалъ удары
 И Бендеры знаютъ то,
 15. Что онъ бомбы, пули, ядры,
 Все вибняетъ ни во что.
 Лишь куда онъ обратится,
 Летитъ слава ему въ свѣдъ:
 Все предъ нимъ страшась ваятся,
 20. Онъ родился для побѣдъ.
 Всякой ищетъ того счастья,
 Чтобы съ нимъ всегда служить:
 Средь войны съ нимъ нѣтъ ненастья,
 Онъ отецъ намъ хочетъ быть.
 25. Какъ дѣтей онъ насъ жалуетъ
 И таковъ его есть нравъ,
 Сердце доброе имѣетъ:
 Ты прослався, Пушкинъ графъ!
 Полетимъ мы противъ Шведа
 30. И покажемъ свою мочь:
 Мы накажемъ зла сосѣда
 Утромъ, въ полдень и въ полночь ¹⁾.
 Онъ осмѣлился встревожить
 Нашей Матери покой:
 35. Какъ намъ злобы не умножить,
 Какъ не жертвовать сдобой?

(„Поется показывая храбрость“ или „сильнымъ голосомъ.“).

*

¹⁾ „Завтраку, обѣду и ужинъ:“ Сл. о П. И.

У И. И. Дмитріева находимъ:

5.

- Кинемъ, братцы, бесполезну
 Мы кручинушку свою:
 Обойми каждый любезну
 И потомъ ступай къ ружью!
5. Мы, солдаты, съ тѣмъ родимся,
 Чтобы жизнь вести въ трудахъ:
 Грозной смерти не боимся,
 Сами громъ несемъ въ рукахъ.
 Грянемъ имъ въ коварныхъ Шведовъ,
10. Возмутившихъ нашъ покой:
 По примѣру нашихъ дѣдовъ
 Вражью кровь прольемъ рѣкой.
 Вспомнимъ, други, мы Полтаву,
 Вспомнимъ нашей мочь руки:
15. Купимъ нову честь и славу,
 И лавровые вѣнки!

* *

**Хоръ на возвратъ изъ похода
 Турецкаго и Шведскаго.**

1.

- Возратившись изъ походовъ,
 Принеся ¹⁾ съ собой трофей,
 Среди звуковъ, среди громовъ,
 Плодъ побѣды въ своей,
5. Торжествуйте, Россы бранны,
 Славой, честію вѣнчанны,

¹⁾ „Принесемъ.“

Торжествуйте, ликовайте,
 Наполняйте плескомъ ²⁾ свѣтъ,
 Всей вселенной доказуйте,

10. Что храбрѣи васъ въ свѣтъ нѣтъ,
 Нѣтъ храбрѣе и сильнѣе,
 Насъ царямъ своимъ върнѣе ³⁾!

Вы въ полкахъ ли гдѣ сражались,
 Били тысячи вы стомъ;

15. На моряхъ ли въ бой пускались,
 Флоты рушили огнемъ;
 Гдѣ вы грады осаждали,
 Страшны стѣны ихъ упали,
 Пали съ трескомъ, пали съ громомъ,

20. Раздалося слово въ свѣтъ,
 Что съ Россійскимъ храбрымъ родомъ
 Сопротивника днесъ нѣтъ;
 Нѣтъ имъ спорника во брани:
 Лавры рвутъ вездѣ ихъ длани.

25. Въ лаврахъ мы теперь ликуемъ,
 Изторженныя у враговъ:
 Вамъ, Россіянки, даруемъ
 Храбрыхъ нашихъ плодъ боёвъ!
 Раздѣляйте съ нами славу,

30. Честь, утѣху и забаву,
 Раздѣляйте, ободряйте
 И впередъ къ побѣдамъ насъ,
 Жаръ въ сердца вы намъ вливайте:
 Вашъ надъ нами силенъ гласъ;

35. За единъ вашъ взглядъ любви
 Лить мы рады токи крови.

²⁾ „Влескомъ;“ плескомъ дланей. ³⁾ „Нѣтъ храбрѣе и славнѣе Васъ, царямъ своимъ.“ Этими въ некоторыхъ и кончается.

- За одну Твою щедроту,
 За одинъ Твой кроткій взглядъ,
 Сердце, душу, жизнь, ахоту
 40. Россъ принести на жертву радъ,
 О любезна Мать народа!
 Вѣрь, что щедрая природа
 Съ тѣмъ Тобой насъ наградила,
 Чтобъ Ты звучны чудеса
 45. Съ крабымъ Россомъ сотворила:
 Продолжите, небеса,
 Продолжите Ея дѣла,
 Къ удивленью всего свѣта!

(„Сей есть веселый изъ хоромъ, потому что онъ означаетъ веселіе, какое бываетъ при возвращеніи изъ похода“).

* *

Полковныя.

1.

(Исправленія И. И. Дмитриева въ спискахъ).

- Гренадеры молодцы,
 Други, братья, удалцы!
 Ой кáлина, ой нáлина ¹⁾!
 Станемъ, братцы ²⁾, въ круговую,
 5. Грянемъ пѣсню удалюю,
 Грянемъ пѣсню въ доброй часъ,
 Благо кльбъ-соль есть у насъ!
 Запоемъ мы трыцко-хвацко
 Про житье-бытье солдатако.
 10. Что подъ дожжичкомъ трава,
 То солдатска голова:

¹⁾ Припѣвъ (народный) послѣ каждыя двухъ стиховъ.—²⁾ „ладомъ.“

Весело ³⁾ цвѣтеть, не вянеть,
 Службу царску бойко тянеть ⁴⁾.
 Жизнь мужицкая, прости:

15. Ради службу мы нести;

По позыву или ⁵⁾ по волю,
 Умереть готовы въ полъ ⁶⁾.
 Въ комъ хоть мало есть ума,
 Не страшна тому сума:

20. Овъ ружье, патронникъ, ляжку

Какъ ребенокъ любить мамку:
 А бывало, братцы, въ старь,
 Хоть дубиной приударь,
 Ни изъ чести, ни изъ платы,

25. Не поидеть мужикъ въ солдаты.

Пальцы рубить, зубы рветь,
 Въ службу царскую не йдетъ.
 А когда служить сберется,
 То какъ съ жизнью разстается;

30. Тамъ жена, и братъ, и свать,

Гришка, Сидоръ и Кондрать
 Какъ по мертвомъ зарыдають;
 До кружала ⁷⁾ провожаютъ,
 Всей деревней заревуть:

35 «Ваньку въ рекруты дають!»

—Ахъ, прости на вѣки, Ваня:
 —Вотъ уже тѣ ⁸⁾ будетъ баня!
 А тешеръ чего тужить,
 Какъ съ охотой не служить?

³⁾ „Весела.“—⁴⁾ Прибавлено:

Весело тогда служить,
 Какъ дасть въ покоѣ жить,
 Какъ спящій дубеиъ не тѣшуть
 И скребнемъ волосъ не чешуть.

⁵⁾ „и.“—⁶⁾ Слѣдующіе четыре стиха опущены.—⁷⁾ Кабака, выставки. — ⁸⁾ Тебѣ.

40. Слава Богу: есть отставка,

По два рублика прибавка.

Ой ⁹⁾, спасибо, наша Мать!

Ради въ полѣ умирать,

Жизнь солдатска намъ забава,

45. Польза, счастье намъ ¹⁰⁾ и слава!

(На голосъ дѣвственной народной пѣсни: „Изъ подъ дуба, изъ подъ вяза, Изъ подъ вяза, дороща.“—При этомъ прибавлялись картинки полковыхъ кружковъ въ тогдашней аннунциадѣ).

*

2.

Веселитесь, всѣ наши солдаты,

Славой, честію своей,

Что мы страшны всѣмъ нашимъ злодѣямъ,

Мы ихъ рубимъ, бьемъ и жжемъ.

5. Мы не трусимъ, хоть ихъ числомъ больше;

Только слушаемъ приказы:

Куда скажутъ наши командиры,

Туда всѣ идемъ и бьемъ.

Хотя храбро на насъ наступаютъ,

10. Мы встрѣчаемъ ихъ въ штыки¹⁾!

Бьемъ, разимъ, не порти своей порядокъ,

И кричимъ «ура, ура, ура»²⁾!

«Вѣвать мать наша Екатерина»

По ³⁾ побѣдѣ всѣ кричимъ:

15. Намъ не держать крѣпки ⁴⁾ стѣны градеки,

Мы и въ нихъ врагамъ отмстимъ.

Намъ ни горы ⁵⁾, моря, холмы, рѣки

Не препятствуютъ идти:

⁹⁾ „Ай.“—¹⁰⁾ „всѣмъ.“

¹⁾ „Мы встрѣчаемъ на штыкахъ.“—²⁾ „ура, ура.“—³⁾ „О.“—⁴⁾ „крѣпки“
идти.—⁵⁾ „горы“ идти.

Наша храбрость веѣмъ извѣстна
20. И въ молебѣ ⁶⁾ всѣ знаютъ насъ.

(„Сочиненіе одного умнаго военнаго человека. Поется съ веселымъ духомъ“).

Прочія подобныя, безъ особыхъ историческихъ чертъ и намековъ, помѣстятся послѣ въ своемъ мѣстѣ.

Сочиненныя пѣсни XVIII вѣка, подобно народнымъ, также точно прерываются въ своемъ торжествѣ разными бѣдами и изображеніемъ ихъ: только здѣсь уже не Каинъ, Таяка или Пугачевъ, а на привѣръ Чума, славная бѣгствомъ начальниковъ столицы, высокопріемъ владыкъ и безобразіемъ разъяреннаго народа. Солдаты между тѣмъ спасались крестикомъ и среди его было время, досужимъ стихоплетамъ повѣствовать о горѣ.

Чума.

1.

Какъ во прошломъ во году
Пріѣзжали мы въ Москву:
Въ Головинской домъ ¹⁾ въѣзжали,
Гдѣ кордонъ мы содержали;
5. Разомъ всѣхъ насъ тутъ впустили,
И рогатки затворили,
Караулы становили
И веѣмъ сказанъ намъ арестъ,
Подъ которымъ ²⁾ мы и есть.
10. Поутру рано вставали,
Все несчастье узнавали ³⁾,
Какъ въ Москвѣ многой народъ
Кончилъ язвою животь.
Глазами вокругъ дворца кидали ⁴⁾,
15. Вездѣ выходу искали:
Не могли его найти,
Всѣ остались тутъ и жить.

¹⁾ „На моряхъ.“

²⁾ „Дворецъ.“—³⁾ „Во которомъ.“—³⁾ „Поутру мы рано встали, Все несчастье узнали.“—⁴⁾ „Глазами вокругъ кидали.“

- Къ намъ штабъ-дѣкаръ выѣзжалъ,
 Карантины утверждалъ
20. И курить насъ заставлялъ,
 Самъ съ робости обмиралъ.
 Дни таки были ненастны ⁵⁾,
 А мы все-таки несчастны
 Жили были много дней
25. Не похожи на людей.
 Послѣ многого мученья
 Получили облегченье:
 Намъ прибавлено вино,
 Обогрѣло ⁶⁾ насъ оно.
30. Ничего ужъ не боялись,
 Разными пѣснями забавлялись.
 Постъ весь были мы въ весельѣ ⁷⁾,
 Только дай Богъ намъ терпѣнья.
 Страхъ и трепеть обужалъ,
35. Какъ рейтаръ въ чуму попалъ,
 Мы наружно веселились,
 А внутренно все мутились.
 У рогатки мы стоимъ,
 На Москву всегда глядимъ:
40. Преображенскія ⁸⁾ слободки,
 Прощай, дѣвки ⁹⁾ и молодки!
 Съ горя выпьемъ теперь водки.
 Прощай, Яуза съ заливы,
 Намъ сударушки не мѣлы!
45. Прощай, матушка Москва,
 Во глазахъ видна всегда!
 Только вытти намъ нельзя.

⁵⁾ „напастны.“ — ⁶⁾ „Обогрѣло.“ — ⁷⁾ Это ксати постомъ. — ⁸⁾ Преображенскія, въ Преображенскомъ; перечисляются мѣстности, видима изъ дѣрзца. — ⁹⁾ „Дѣвушки.“

- Графъ Орловъ-тъ ¹⁾ отъѣзжаетъ,
 Всѣхъ насъ въ горѣ оставляетъ:
50. Однимъ только увѣщаль,—
 Въ Петербургъ взять обѣщаль.
 Самъ поѣхаль—поклонился
 И со всѣми тутъ простился.
 Къ намъ пріѣхаль князь Волконскій ²⁾:
55. Опять вновь насъ ободрилъ,
 Отпустить насъ говорилъ;
 Мы надеждою ласкались,
 А всё тутъ же оставались.
 Во концѣ жь ³⁾ прошлаго года
60. Испугались очень много:
 Во второмъ часу съ полночи,
 Какъ сомкнулись только очи,
 Вдругъ тревогу ударяють,
 На пожаръ всѣхъ высылають.
65. Мы не знаемъ гдѣ горить,
 Ужаснулся нашъ тутъ видѣ,
 Всякъ другъ другу говорить:
 «Ахъ, дворецъ совсѣмъ горить!»
 Въ ту минуту побѣжали,
70. Изъ дворца все выбирали.
 На зорѣ былъ битъ тутъ сборъ,
 Въ госпиталѣ данъ намъ домъ:
 Мы тамъ жили-поживали,
 Всего горя мы не знали.
75. Вдругъ встревоженъ былъ нашъ духъ,
 Поразилъ несчастный слухъ,
 Гренадеры говорятъ:
 «Вѣдь ужъ полно намъ гулять,
 Командира мы лишились,—

¹⁾ Орловъ-то.—²⁾ Волынский.—³⁾ А въ концѣ.

80. «Какъ отцемъ всегда хвалились.
 «Мы всё плачемъ, возрыдаемъ,
 «Его милость вспоминаемъ:
 «Прости, батюшка Архаровъ ⁴⁾,
 «Гренадеръ плачетъ не даромъ!»

(„Голосъ печальной“).

*

Къ подобнымъ же событіямъ относится и *прибытіе Слона въ Москву*: среди жизни, бѣдной явленіями развитія, и такой случай сочтенъ мировымъ историческимъ событіемъ, вызвалъ лубочныя картины и вдохновилъ известную пѣсню:

„Что въ Москвѣ за удивленье,
 что такое за явленье“,
 конченную впрочемъ совершенно въ духѣ народной экономіи:
 „Для чего за ту скотину
 Рубль берутъ или полтину?
 Нѣ за что и гривны вѣсть:
 Слонь родился, слонъ и есть.“

* *

Опять война Турецкая. Союзники.

1.

Бирбѣръ Туркамъ сталъ не милъ,
 Алё, алё, имъ не милъ ¹⁾.
 Страхъ развѣвалъ ихъ какъ прахъ ²⁾.
 Крѣпость, пушки и подкопы
 5. Всё бросали, дурносопы.
 Въ ночь исчезли всё какъ бѣсы
 Черезъ тѣмны свои лѣсы.

¹⁾ Известная оашия, сочетавшаяся поздне съ Васильчиковыми.

²⁾ Пригѣвъ такимъ образомъ къ каждому стиху.—²⁾ Въ подлинномъ сочиненіи вѣроятно „какъ пиль.“

- Нынѣ войны Австрійски,
Также точно какъ Россійски,
10. Черезъ дѣйствія удачны
Мусульманамъ стали страшны ³⁾.
Лишь покажутъ стройной маршъ,
Туркамъ драться и шабашъ.
Ужь мнутся и въ Бѣлградѣ,
15. Что имъ скоро быть въ осадѣ.
Вся ихъ крѣпкая твердыня
Имъ мечтается какъ дыня.
Палисады жь, рвы, укрѣпы
Мы считаемъ вмѣсто рѣпы.
20. Такъ смотрите жь вы, невѣжды:
Коль вамъ нѣтъ ни въ чемъ надежды,
Въ бой вступать и не дерзайте,
Такъ крѣпости оставляйте;
Оставаясь здравы, цѣлы,
25. Въ дальны кройтеся предѣлы,
Къ Восточному ближе свѣту,
То есть въ Мекку къ Магомету!

*

Слѣдующая пѣсня очевидно сочинена въ средѣ солдатской и потому близка къ народной:

2.

На Турецкой границѣ.

Долго ли снѣжочкамъ во чистомъ полѣ лежать,
Долго ли солдатушкамъ горе горевать ¹⁾?
Оставимъ тоску-печаль во тѣмныхъ во лѣсахъ,
Станемъ привыкать ко Турецкимъ ко странамъ ²⁾.

²⁾ Искусственность доводила до униженія и явной несправды.

¹⁾ Каждый второй стихъ повторяется.—²⁾ Вѣроятно старше: „во Турецкихъ во странахъ.“

5. Забывай, солдатушки, отца-мать, жену:
 Вспомните, служивые, тесакъ, ружье, суму.
 Плащъ, кафтанъ съ камзоломъ намъ не надо скидавать:
 Стоя въ караулѣ намъ не надобно дремать.
 Съ дѣвками съ молодками ³⁾ полно намъ гулять:
10. Мягкія перинушки пора намъ забывать.
 Солдатско житье, право, лучше всего:
 Чортъ возьми того, кто не хвалить его ⁴⁾!
 Ходя наѣдимся, стоя выпьемся,
 По утру слезами умоемся ⁵⁾,
15. Утремся полой, Богу помолимся:
 Дай, Боже, солдатушкамъ пожить да послужить,
 На чужой сторонушкѣ головки положить!
 Есть у насъ, братцы, мука и крупа:
 Хлѣбовъ напечемъ, еще каши наваримъ.
20. Сложимся по денежкѣ да купимъ мы винца ⁶⁾:
 Выпьемъ мы по чарочкѣ ⁷⁾, позавтракаемъ;
 Выпьемъ по другой, разгуляемся;
 Выпьемъ мы по третьей, сами пѣсни запоемъ:
 «Трахъ, трахъ, трахъ, тарарушечки!»
25. «Гдѣ наши дѣвались прежни душечки,
 «Душечки красны дѣвушки?»

(„Сочинена на Турецкой границѣ солдатами. Поется со изъявленіемъ въ голосъ мужества.“ На сѣверѣ же дѣлѣ пѣлась голосомъ „Нвушка, ввушка, зелѣная моя.“)

*

3.

Кинбурнская коса. Суворовъ.

Нынѣ времячко военно,
 Отъ покоя удаленно:

³⁾ „Съ дѣвушками, съ молодушками.“—⁴⁾ Въ нѣкоторыхъ эти два стиха переставлены.—⁵⁾ „Умываемся.“—⁶⁾ „вина.“—⁷⁾ „по чаркѣ.“

- Наша Кинбурнска коса
Открыла перва чудеса.
5. Флотъ Турецкой подступаетъ,
Турокъ на Косу сажаетъ
И ¹⁾ въ день первый Октября
Выходила тутъ ихъ тьма.
Они шанцы тутъ копають,
10. Изъ судовъ припасъ таскають,
Чтобы Кинбурномъ владѣть
И въ побѣдѣ себя зрѣть.
Но Суворовъ генералъ
Тогда не спалъ—не дремалъ:
15. Свое войско учреждалъ,
Турковъ больше поджидалъ.
Турки вскорѣ накопились,
Во предмѣстїя набились:
Тутъ Суворовъ выступаетъ,
20. Всю опасность презираетъ.
Онъ приказъ войску отдалъ,
Во сраженіе самъ сталъ:
Турки бросились на сабляхъ,
Презирая свою смерть.
25. Ихъ Суворовъ видя дерзость,
Оказалъ тутъ свою ревность,
Поминутно повторялъ:
«Ступай наши на штыкахъ!»
Приказъ только получили,
30. Турковъ били и топили,
И которыхъ полонили,
А оставшихъ порубили.
Ужь не видя предъ собой,
Что вновь скоро будетъ бой,

¹⁾ „Какъ.“

35. Они пѣсенки запѣли,
 На покой въ Кинбурнъ пошли.
 Съ предводителемъ такимъ
 Воевать всегда хотимъ;
 За его храбры дѣла

40. Закричимъ ему: «ура!»

(„Поется показывая голосомъ неустрашимость.“—Герстенбергъ успѣлъ нѣтъ въ своемъ изданіи сохранить нѣтъ на ногахъ).

*

4.

Очаковъ. Потемкинъ.

Не бушуйте вы, вѣтры буйныя ¹⁾,
 Не спѣши ты, зима, съ морозами ²⁾:
 Не защита вы Очакову,
 Не спасеніе ³⁾ врагамъ нашимъ.

5. Сыны храбрыя Россійскіе
 Презираютъ ваши лютости.
 Въ нихъ сердца горятъ вѣрностью ⁴⁾
 Ко премудрѣйшей своей Матери,
 Въ нихъ вся кровь кипитъ усердіемъ

10. Ко прехраброму ко начальнику.

На зорѣ то было на утренней,
 На восходѣ красна солнышка,
 Какъ возгворить Потемкинъ князь:
 «Ой вы гой еси, солдатушки!

15. «Намъ пришла пора Очаковъ взять,

¹⁾ Таково подлинное начало, согласно пѣснѣ „народной“ и приведенной выше сочиненной о Средиземномъ морѣ.—²⁾ Но уже въ 1791 г. находимъ начало:

Не спѣши ты, зима, морозами,
 Не бурлите, вѣтры холодныя.—

³⁾ „Не спасенье вы.“—⁴⁾ „любвию.“

- «Часъ приближился луну сорвать,
 «Со окоповъ бѣлокаменныхъ
 «Разметать башни Турецкія,
 «Покорить враговъ мечу Русскому,
 20. «Скиптру мудрыя Государыни!»
 «— И ты гой еси, нашъ батюшко,
 «— Ой прехраброй предводитель нашъ!
 «— Лишь рукой махни, Очаковъ взять ⁵⁾!
 «— Слово вымолви, Стамбуль падеть ⁶⁾!
 25. «— Мы пойдемъ съ тобой въ огонь въ полове ⁷⁾,
 «— Пройдемъ пропасти подземныя ⁸⁾!—»

- Лишь успѣли ⁹⁾ храбры войны
 Рѣчь окончили геройскую,
 Засверкали ¹⁰⁾ штыки Русскіе,
 30. Загремѣла вдругъ артилерія,
 Полилась рѣкой Турецка кровь ¹¹⁾,
 Повалились башни крѣпкія ¹²⁾.
 Гдѣ луна была, тамъ орлы парятъ,
 Гдѣ бунчукъ стоялъ, тутъ штандартъ блеснеть,
 35. И паша, упавъ предъ Потемкинымъ,
 Вручилъ жизнь свою и ключи града ¹³⁾.

- Тутъ воскликнули побѣдители:
 ««Ой ты гой еси, невѣрной царь!
 ««Посмотри ты ¹⁴⁾ на пашей своихъ,
 40. ««Ты взгляни на кровь Турецкую,

⁵⁾ „такъ Очаковъ нашъ.“—⁶⁾ „Мы Стамбуль возьмемъ.“—⁷⁾ „въ огонь и въ полове.“—⁸⁾ „подводныя.“—⁹⁾ „успѣли такъ.“—¹⁰⁾ „Засверкали тамъ.“—¹¹⁾ „кровь Турецкая.“—¹²⁾ „гордыя.“—¹³⁾ Въмѣсто сихъ двухъ стиховъ, въ нѣкоторыхъ четыре: Сераскирь упалъ предъ Потемкинымъ, Преклоняючи свою главу, Покоряясь со всеѣмъ городомъ, Умоляя жизнь съ яничарами.—¹⁴⁾ „ты здѣсь.“

«Покорись нашей Монархинѣ,
«Не тебѣ, царь, воевать съ нами ¹⁵⁾!»»

(„Поется на голосъ „Не бушуйте вы, вѣтры буйныя,“ т. е. народной извѣстной пѣс-
ни. Нотъ намъ не извѣстно въ печати, но еще въ молодости нашей любилъ пѣть объ
Очаковѣ хоромъ, и напѣвъ намъ памятенъ).

*

Эта знаменитая пѣсня, хотя и сочиненная, но любимая нѣкогда, весьма
распространенная и почти сто лѣтъ прoderжавшаяся, имѣла конечно мно-
жество вариантовъ. Мы приведемъ главные и старшіе. Вотъ еще одинъ изъ
рукописи:

5.

То же.

Не бушуйте вы, вѣтры буйныя,
Не спѣши, зима, съ морозами:
Не защита вы Очакову,
Не спасеніе врагамъ нашимъ!
5. Сыны храбрые Россійскіе,
Въ нихъ сердца горятъ любовію
Ко премудрой своей матери
И ко храброму начальнику.

Какъ возгворитъ Потемкинъ князь:

10. «Охъ вы дѣтушки-солдатушки,
«Сыны храбрые Россійскіе!
«Побѣдимъ врага невѣрнаго:
«Намъ пришла пора сорвать луну,

¹⁵⁾ Въ болѣ позднихъ прибавлено еще:

Твой безсильный другъ на Сѣверѣ
За Арабскіе червонныя
Не войну ведетъ, онъ разбой держитъ:
Тамъ смирать его одни егари,
Одни егари со козѣками:
Не достоинъ онъ гранадерскихъ руки!

«Со окоповъ бѣлокаменныхъ
15. «Разметать башни Турецкія!»

Не успѣлъ онъ слово вымолвить,—
Повалились башни гордыя,
Полилась рѣкой кровь Турецкая.
Гдѣ бунчукъ стоялъ,

20. Тутъ штандартъ блестить.
Сераскиръ упалъ предъ Потемкинымъ,
Преклоняючи свою голову,
Умоляючи жизнь янычарамъ.
Какъ возгворить Потемкинъ князь:
25. «Не тебѣ, царю, воевать съ нами!»

*

6.

О томъ же.

Всѣ армейскіе солдаты,
Слѣдуй грудью во походъ:
Командиры всѣмъ богаты,
Мы пойдемъ точно въ разводъ.
5. Всю солдатску нужду знаютъ,
Ихъ не надобно учить:
Аммуниціей пробавятъ ¹⁾,
Такъ престанемъ же тужить.
Хоть и свѣта кто лишится,
10. Какъ на брани убюютъ,
Къ ликамъ вѣчнымъ премѣнится ²⁾,
Злы дѣла того уснутъ.
Силу къ силѣ приберемъ,

1) „Аммуниція прибавятъ.“—2) „пресеяется?“

- Ничего мы не оставимъ,
 15. Всѣ до éднаго умремъ!
 А Потемкина прославимъ:
 Мы сплетемъ ему вѣнецъ
 Отъ своихъ, братцы, сердець ³⁾!
 Вождемъ будетъ ему Марсъ,
 20. Подъяремникомъ Пегасъ ⁴⁾.
 Артикулъ насъ не пугаетъ,
 Его твердо всякой знаетъ.
 Той надеждой всегда льстимся,
 Что мы Турокъ не боимся.
 25. Ихъ крѣпкіе города
 Не годятся никуда:
 Какъ Очаковъ ни упоренъ,
 Но теперь ужъ намъ покóренъ.

*

А вотъ еще *четвертый* образецъ съ началомъ „Не бушуйте, вѣтры буй-
 ные,“ образецъ очень рѣдкій (ибо черезъ чуръ самонадвѣнный и хвастли-
 вый), напечатанный впрочемъ уже 1791 года:

7.

Море Средиземное.

- Не бушуйте, вѣтры буйные,
 Не волнуй ты, море синее,
 Ты синѣ море, Средиземное!
 Успокойся ты, лѣто красное (?),
 5. Не мѣшай смирять вѣроломнаго,
 Да султана намъ Турецкаго!
 Какъ наѣдетъ прехраброй князь,
 Его свѣтлость, предводитель нашъ,
 Не объявить ли приказа намъ,

³⁾ Это взято изъ пѣсни Румянцеву; см. выше.—⁴⁾ Очень одушевленно для солдатъ.

10. Намъ приказа государева,
 Чтобъ подвинуться подъ стольной градъ ¹⁾,
 Что подъ ту ли древню Грецію?
 Мы бь тотчасъ сгубили мечети,
 Ввели вѣру христіанскую!

*

8.

Поскорѣй бы взять Бендеры.

- Ужь видать ли намъ, дожждаться,
 Намъ въ Бендеры-то забраться?
 Не для того, чтобы драться
 И съ чалмами намъ считаться:
5. Умень сталъ ужь бусурманъ.
 Тѣхъ замѣтя силу знаковъ,
 Какъ пропалъ его Очаковъ,
 Сдалъ до слова Акерманъ.
 То же будетъ, знать, и здѣсь:
10. Не вскричить—«На стѣны лѣзь!»
 И то вѣрно ужь, не враки,
 Что не будетъ съ ними драки.
 Такъ и сила наша—рать
 Ихъ не будетъ обирать:
15. Намъ червонцевъ не видать,
 Ими сумъ не набивать.
 А воздавши хвалу Спасу,
 Ихъ попробуемъ запасу:
 Пивца попьемъ вмѣсто квасу,
20. Пусть хоть тикъ вмѣсто атласу!
 Ихъ повѣртлива нога:
 Вонъ ихъ выѣхалъ ага!
 Знать, упрямества, вѣрно, нѣту:

¹⁾ Царь-градъ.

Смѣло ѣдетъ онъ къ пикету.

25. Что-то скажетъ имъ нашъ Князь ¹⁾?

Ахъ, мы смѣли бѣ всѣхъ ихъ въ грязи

Но не имѣтся тому вѣры,

Чтобъ воспротивились Бендеры!

Чу, и слухи раздаются,

30. Что они ужъ намъ сдаются!

Ну, инъ такъ тому и быть:

Мы не станемъ ужъ ихъ бити!

Пойдемъ въ крѣпость мы, пойдемъ;

Хоть тамъ хлѣбъ съ солью найдемъ!

*

9.

Браиловъ. Гассанъ.

Суворовъ-Рымниескій.

Дней назначенныхъ дождавшись,

Съ сильной арміей поднявшись

Ко Браилову Гассанъ,

Тутъ хотѣлъ держать свой станъ.

5. Но, проведши одну ночь,

Въ кучѣ всю имѣя мочь,

Не лѣниво поднялъ ногу

На Фокшанскую дорогу,

Планъ имѣючи таковъ

10. И совѣты свои дивны,

Чтобъ достигнувъ рѣки Рымны,

Потоптать тутъ Русаковъ,

Или кучами Азійцовъ

Подавить хотя Австрійцовъ.

¹⁾ Потемкинъ.

15. Но вдругъ слышитъ въ войскѣ рѣчи,
 Что идутъ къ нему для встрѣчи
 Не поклонъ свой отдавать,
 А знать—лагерь разбивать,
 Полки арміи Россійской
20. Совокупные съ Австрійской.

- Полюнь вскрылась вмѣсто мѣду:
 Поднимаетъ руки къ небу,
 Онъ молится Магомеду,—
 Не о томъ, чтобъ далъ побѣду,—
25. Въ томъ надежда будетъ ложна
 И побѣда невозможна—
 Но хоть столько бѣ имѣлъ внять,
 Чтобъ помочь весь лагерь снять.
 Коль Русакъ идетъ—хочетъ,
30. Знать, къ рукамъ прибрать все хочетъ,
 Не считая за навозъ—
 И палатки, и обозъ,
 И котлы мѣдны, и блюда,
 И бараны, и верблюды,
35. И буйволы, лошадей,—
 Заберетъ всѣхъ сей злодѣй ¹⁾!

- Но Пророкъ мольбы не внемлетъ:
 Въ раю съ гурьями, знать, дремлетъ.
 А Русакъ ужь на отвагу
40. Поприбавилъ къ стану шагу.
 Хотя Турки и храбрились ²⁾,
 Но безъ всякого успѣха
 И, надѣлавъ только смѣха,
 Всѣ на полѣ повалились;

¹⁾ „Заберетъ сей чудодѣй.“—²⁾ „Хоть Турки и храбрились.“

45. Иль, сказать, такъ Турокъ дули,
 Что сномъ вѣчнымъ всё послули ³⁾.
 Глава высша главъ поганскихъ ⁴⁾,
 Войскъ начальникъ Оттоманскихъ,
 Окончавъ къ нему ⁵⁾ мольбу,
50. По своимъ дѣлалъ пальбу:
 Знать, сердясь на Магомета,
 Что гналъ силы ихъ со свѣта,
 И, устлавъ поле тѣлами,
 Самъ раздѣлался тѣмъ съ нами.
55. Обуяла какъ тоска,—
 Не противно намъ, но мило ⁶⁾,—
 То онъ всё, что его было,
 До послѣдня волоска,
 Въ побѣгъ ударившись самъ ⁷⁾,
60. Вездѣ всё оставилъ намъ.
 Ура, ура, ты Гассанъ!
 Попадай намъ въ руки самъ
 И не дѣлай тамо ⁸⁾ споровъ,
 Гдѣ Рымникской Графъ Суворовъ!

(„Поется мужественно.“—Много вариантовъ).

*

10.

Измаилъ.

- Толика нынѣ слава есть:
 Русаку въ побѣдахъ честь.
 Ступай, не робѣй. 2 (дважды).
 Мы къ Измаилу пришли,
5. Незваные гости:
 Много Турокъ тутъ нашли,

³⁾ „Заснули.“—⁴⁾ „Главный этихъ силъ поганскихъ.“—⁵⁾ „Къ небу.“—⁶⁾ „милало.“—⁷⁾ „удалившись;“ „Въ побѣгу ударившись самъ.“—⁸⁾ „тамъ ты.“

- Ихъ ломать всё кости.
 Всё ужасно испужались,
 Въ разны стороны бросались:
10. Имъ ужь некуда бѣжать. 2.
 У боярина большаго 1)
 Нѣтъ отзыва никакого:
 Стой на мѣстѣ тутъ. 2.
 Мы не будемъ тутъ дремать,
15. Или думать, или спать:
 Пришли работаты! 2.
 Кто и больше ростомъ насъ 2),
 Будь товарищъ намъ въ тотъ часъ,
 Ступай съ нами въ рядъ! 2.
20. Приказъ равной всѣмъ былъ данъ:
 Послужилъ какъ намъ таланъ,
 То намъ и сбилось,
 Чего ждали мы.
 Пушекъ грома не боимся,
25. Пуль и ядеръ не страшимся:
 Не вновь привыкать!
 А картечи какъ горохъ,
 Тонуть въ воздухъ какъ въ мохъ,
 А въ грудь ничего.
30. Какъ къ стѣнамъ поближе стали,
 Тутъ его ужь штурмомъ брали:
 Турокъ, не сердись,
 Лучше помирись!
 Намъ покоиться пора,
35. Закричимъ теперь: «Ура,
 Слава Русаку,
 Слава Русаку!»

(Напѣвъ слѣтъ изъ двухъ— „Ужъ какъ по мосту-мосту“ и „Ахъ вы стѣны мои, стѣны,“ или, извѣстнѣе по пѣсни, развитой особенно впоследствии, „За горами, за долами“).

1) Потемкина?—2) Потемкинъ?

Этот образец, возникшій среди солдатъ, ближе къ народному, а слѣдующій обличаетъ болѣе искусственное желаніе приблизиться къ народному:

11.

О томъ же.

- Гдѣ ты, воронъ, былъ, гдѣ полѣтывалъ?
 Ты скажи, воронъ, что видаль-слыхалъ?
 Что случилось во Турчинѣ,
 Въ грозной арміи Суворова?
 5. Не убить ли мой сердечной другъ,
 Сердцу вѣрному зазнобушка?
- «Я леталь-леталь, полѣтывалъ,
 «По бѣлу свѣту погуливалъ,
 «Въ слѣдъ за арміей православною;
 10. «Я клевалъ-клевалъ, поклѣвывалъ
 «Тѣло вражье-бусурманское;
 «Я видаль диво, диво дивное,
 «Диво дивное, чудо чудное:
 «Какъ нашъ батюшка, Суворовъ князь,
 15. «Съ малой силой соколѣвъ своихъ,
 «Разбивалъ полки тьму-численны,
 «Полонилъ пашей и вѣзирей,
 «Бралъ Измаиль, крѣпость сильную,
 «Крѣпость сильную, завѣтную.
 20. «Много пало тамъ солдатушекъ,
 «За святую Русь, отечество,
 «И за вѣру христіанскую.
 «Я принесъ тебѣ и вѣсточку,
 «Что твой милой другъ на приступѣ
 25. «Палъ со славою Русска война.
 «Онъ велѣлъ отдать кольцо тебѣ
 «Обручально, съ челобитицею,

- «Чтобы красная ты дѣвица
 «Не кручинилась, не печалилась.
 30. «Князь Суворовъ, нашъ отецъ родной,
 «Смерть отмстилъ онъ своихъ дѣтушекъ
 «Надъ главами басурманъ-враговъ:
 «Онъ отпѣвъ тѣла геройскія,
 «Проронилъ слезу отеческу
 35. «И, по долгу христіанскому,
 «Надъ могилой ихъ поставилъ крестъ»

- Я пойду, млада, на улицу,
 Расскажу я эту вѣсточку
 Всѣмъ подружкамъ, всѣмъ голубушкамъ:
 40. Пусть поплачутъ со мной, горькою,
 Облегчать тоску смертельную
 И утѣшать сиротинушку.
 Охъ, мнѣ тошно жить безъ милаго,
 Безъ сердечна друга вѣрнаго!
 45. Я сама бъ себя не видѣла
 И сей бѣлой свѣтъ оставила!
 Еслибъ не было ни матушки,
 Ни роднаго сударь-батюшки,
 Еслибъ Бога не боялся
 50. И суда Его предвѣчнаго,
 Тобъ подняла руки бѣлыя
 На главу свою злосчастную.

Кстати:

*

12.

**Мачинъ. Черезъ Дунай.
 Репнинъ, Голицынъ, Кутузовъ,
 Волконскій, Рибасъ.**

Ужь какъ нутка, кавалеры,
 Расположимъ свои мѣры,

- Про Мачинъ пѣсню сложить
И побѣду подтвердить.
5. Князь Репнинъ повелѣваетъ,
За Дунай переправляетъ,
И карей учредилъ,
Генераламъ поручилъ,
Онъ тѣмъ планъ свой объявляетъ,
10. Во баталію вступаетъ.
Вѣзирь съ войскомъ насъ встрѣчалъ,
Туркамъ онъ «Алла» кричалъ,
Въ драгъ же стоялъ упорно,
Защищаяся проворно:
15. Турки были храбродушны,
Визирю во всемъ послушны.
Штыкъ Голицына сверкаетъ,
Турокъ смѣлыхъ поражаетъ.
Что ихъ каменные горы:
20. Нѣтъ Кутузову упоры!
Вѣзирь, видя ослабленье,
Насылаетъ повелѣнье,
Чтобы музыка играла,
Собой Турокъ ободряла.
25. Турки вновь тутъ укрѣпились:
И на сабляхъ всѣ пустились:
Дерзость ихъ Репнинъ примѣтилъ,
Князь Волконской тотчасъ встрѣтилъ.
Двумъ кареямъ закричалъ:
30. «Стой, равняйся,» и наступалъ;
Съ ними въ гору поспѣшаетъ,
Себя славно отличаетъ.
Рѣбасъ ловить ихъ на уду ¹⁾
И кидаетъ въ одну груду.
35. А визирь не унываетъ,

¹⁾ Игра словами по поводу «амиліи „Рмба.“

- Только свѣжихъ подымаетъ.
 Всѣ карей подвигались,
 Крѣпко съ Турками сражались:
 Турки билися упорно,
 40. Мы кололи ихъ задорно.
 Изъ Браилова десантъ
 Вздумалъ тутъ же помогать:
 Три карей отправлялись,
 Со десантомъ тѣ сражались.
 45. Что вступили во сраженье,
 Такъ пошло вдругъ пораженье:
 Ихъ три судна потопили,
 А другія въ прахъ разбили.
 Турки жару не стерпѣли,
 50. Ну бѣжать, куда успѣли:
 Во Дунай стали бросаться,
 Чтобы тѣмъ отъ насъ опасаться.
 Турки шесть часовъ стояли
 И надежду потеряли:
 55. Своего пашу кидаютъ,
 Съ поля лыжи наостряютъ ²⁾.
 Князь Волконской поспѣшаетъ,
 Лагерь Турской занимаетъ:
 Ставки, пушки забираетъ
 60. И добычу раздѣляетъ.
 Такъ побѣду одержали
 И «ура» мы закричали.
 День, пресчастливый сынамъ,
 Еще радостнѣй былъ намъ!
 65. Пусть въ томъ всякой разсуждаетъ,
 Какъ Россія побѣждаетъ:
 Да никакъ это не дико,—

²⁾ „направлять.“

ослушаніе велико!

Командиры наши хваты,

70. Да и сами мы, ребята,
Въ насъ къ отечеству любовь,
Мы прольемъ до капли крови!
Что жь теперя затѣвать?
Станемъ-ка вѣнки свивать!

75. Мы ихъ множество навьемъ,
Командирамъ разнесемъ.
Решину жь князю вѣнецъ
Сработаемъ изъ сердцець ³⁾!
Его славныя дѣла,

80. Закричимъ ему «ура!»

*

Къ этой войнѣ относятся нѣкоторыя любочныя картины съ любопытнымъ текстомъ въ стихахъ, въ родѣ: „Турки валятся какъ чурки, Россійскіе прямо стоятъ (Хоть и безъ головъ); Только вояхъ одна покаявудя, Лежить во рву на боку, Просить покурить перекъ, смертью трубку табаку (Да еще Фалеру ⁴⁾),“ и т. п.

*

13.

Хоръ на миръ съ Портою.

Звукъ оружія ³⁾ безсмертныхъ

Слышенъ съ громомъ въ облакахъ;

Съ нимъ и слава Россовъ вѣрныхъ

Разлилася въ небесахъ:

5. Торжествуй, Екатерина,

Царствуй, кротко божество!

Здѣ ⁶⁾ твой мечъ Перуновъ ⁷⁾ блестящъ,

Тамъ надежда и успѣхъ;

³⁾ Опять изъ пѣсни Румянцеву.

⁴⁾ Табакъ знаменцой впоследствии фабрики.

⁵⁾ „оружіевъ.“—⁶⁾ „Гдѣ?“—⁷⁾ „Перуновъ?“—

Врагъ страшится и трепещеть,
10. Остается безъ утѣхъ.

Торжествуй, о Мать народа,
Царствуй, кротко божество!

(„Сей—хоръ—также славенъ у шумпантовъ по своему голосу.“).

* *

Польша. Прага. Варшава.

1.

Холя ¹⁾ съ гребнемъ приходила
Буйну голову ²⁾ чесать;
Мыть грозила—отступила ³⁾:
Руска грудь не идетъ назадъ.
5. Слава, слава Руской груди,
Слава Рускому уму!
Исполать вамъ, Руски люди,
Что послушны вы ему ⁴⁾!
Буйну голову—шершаву ⁵⁾
10. Кто влокотила ⁶⁾, кто трепаль?
Руской выступилъ на славу,
Взялъ шершаву—разчесалъ ⁷⁾.

Руской Богъ Россію славить,
Былъ свѣтъ онъ въ ней вмѣститъ:
15. Руской умъ полсвѣтомъ править,
Руска грудь—булатной щить.

¹⁾ Нѣга; слово выбрано особенно по рѣчѣ съ „волей.“—²⁾ Поляковъ.—
³⁾ Хотѣла вмѣсть, привести въ порядокъ, устроить, да спасовала и прочь отступилась.—⁴⁾ Припѣвъ послѣ каждой строфы.—⁵⁾ Все это построено на томъ же остроуміи и созвучіи, которое дѣйствуетъ въ лубочныхъ картинкахъ: „Варшава—шершава;“ „Варшава, гдѣ живетъ бабушка шершава.“—
⁶⁾ Не по Русски: нужно „влокочить, вклокочить.“—⁷⁾ Въ двухъ смыслахъ устроилъ, причесалъ, и—рачесалъ въ цухъ, разбилъ.

Какъ на дѣло гдѣ сойдутся ⁸⁾
 Руской умъ да Руской Богъ:
 Горы треснуть—раздадутся,
 20. Царства цѣлыя у ногъ!

(Старше всѣхъ у Н. Н. Дятлова въ „Карманномъ писаникѣ“ и имъ устроена. Называлась обыкновенно „забавномъ писаномъ“).

Сочинитель въ своемъ тонкомъ остроуміи, какъ говорится, „черезъ чуръ, заравортовался“, а подъ конецъ черезъ мѣру разхвастался. И литераторамъ а недавно солдатамъ, это было вовсе непонятно и дико. Потому для послѣднихъ явилась другая сочиненная пѣсня, къ сожалѣнію до насъ не дошедшая въ подлинномъ видѣ или мы не могли ея смыкать. Мы имѣемъ ее только въ „обратной“ передѣлкѣ, на народную:

2.

О томъ же. Суворовъ.

Какъ не туча находила
 И не сильны дожди льютъ:
 Графъ Суворовъ показался,
 Полки въ Польшу съ нимъ идутъ.
 5. Онъ имѣлъ то повелѣнье,
 Чтобы Польшу усмирять,
 И не мудро угожденье,—
 Взять Аршаву, покорить.
 Гдѣ онъ шелъ скоро' по Польшѣ,
 10. Войско слѣдовало съ нимъ.
 Какъ Аршавъ-городъ узнала,
 Что Суворовъ къ ней идѣтъ,
 Воздохнул' тяжко Аршава,
 Всѣ заплакали мѣстá:
 15. «Лучше скрозь землі пройтить,
 «Отъ Суворова уйтить!»»

⁸⁾ О Русскихъ людяхъ говорить напротивъ пословица, „Гдѣ двое къ дѣлу сойдутся, тамъ на вѣрно подерутся.“

- Не туманъ съ войска поднялся
 И военный грянулъ громъ:
 Городъ ядрами покрылся,
 20. Полчаса не видѣнъ былъ.
 Намъ Суворовъ волю далъ,
 Ровно три часа гулять:
 Погуляемте, ребята,
 Намъ Суворовъ приказалъ!
 25. За его выпьемъ здоровье,
 Мы проздравимте его:
 Здравствуй, здравствуй, графъ Суворовъ,
 Что ты правдою живешь,
 Справедливо насъ, солдатъ, ведешь!
 30. Ты военностей ¹⁾ не тужишь,
 Радъ хочь въ шоду и въ огнѣ,
 Ты царицѣ вѣрно служишь!

(Записано П. В. К.—мъ въ Новгородѣ 1834 г. Сент. 11, отъ солдата изъ Тульск. губерніи и уѣзда).

*

Какъ извѣстно по разсказамъ участниковъ осады и по непрерывному преданію, солдаты Суворова шли на приступъ Праги съ народною пѣсней, которую увидимъ цѣликомъ въ своемъ мѣстѣ:

Ахъ на что бы огородъ ²⁾ городить,

Ахъ на что было капусту садить?!

Ай дѣли, ай люлі, люли, люли,

Ахъ на что было капусту садить?!

* *

Возвращаясь еще разъ къ „пѣснямъ сочиненнымъ“ сей часъ предложимъ, чтобы сказать объ нихъ заключительное слово, мы должны напомнить точку воззрѣнія, на которой осмѣивалось сужденіе наше и высказанъ приговоръ объ нихъ: мы смотрѣли на отношеніе къ народу и народности, особенно къ народнымъ произведеніямъ изъ области историческаго пѣснотворчества. Съ этой стороны литературныя измышленія ниже всякой критики и практическаго приѣвша: они навязывались насильно, волею и неволею, продолжая, черезъ солдатъ, давленіе свое и на всю на-

¹⁾ Военностью, дѣломъ военнымъ.—²⁾ Или: „На что было огороды“.

родную массу; они становились на ходули, преувеличивали, наивно и просто—глупо, фальшивили дорогами чувствами, развивали напускной азартъ и непохрюбую самоадъянность; они создавали привилегированную, невѣжественную, но вмѣстѣ гордую и презрительную къ низшимъ братьямъ корпорацію; они развращали нравственно, они отрывали себя отъ народа, народъ отъ себя, роя въ промежуткѣ бездну, на которую послѣ приходилось плакаться; они подрывали истинный, творческій и художественный, вкусъ, ускоряя надеіе и безъ того клонившейся къ ослабленію народной пѣсни. Строгость такого приговора, конечно не нашего, а историческаго, не колебима: но она справедлива будетъ лишь тогда, когда соединится съ полнотой безпристрастіемъ. — Исторія народа, народнаго творчества, и само историческое устное пѣснотворчество—не есть еще *всѣ, цѣльная и всеобщая* исторія: напротивъ даже, мы доселѣ ведемъ исторію, живемъ исторически, собираемъ матеріалы по исторіи, изслѣдуемъ ее и пишемъ—вовсе минуя поминутый народный отдѣлъ, какъ часть и частное явленіе, а иногда и какъ мелочь, и какъ ненужное. Подъ взглядомъ сего рода *нашей* исторіи, „пѣсни сочиненныя“ означеннаго вида не только представляютъ важный историческій *матеріалъ*, но даже *саму* исторію и даже замѣчательное *явленіе* ее или *произведеніе*: думаемъ, что положивши на это трудъ, единственно только намъ возможный при обиліи нашихъ средствъ, собравши несобранное доселѣ и отпечатавши съ объясненіями (хотя и не во всей еще полнотѣ), мы оказали порядочную посильную услугу, не одному только народному повѣстическому слову. Въ самомъ дѣлѣ, въ представленныхъ образцахъ, такъ или иначе изложенная (а въ исторіи критика нужна повсюду), все-таки проходить передъ вашимъ взоромъ довольно полная исторія полувѣка завоеваній, славной Екатерининской эпохи, съ громкими лицами ее и именами. И исторія, самой фальшью своей часто, такъ сказать, правдивая, ибо правда пробивается насквозь, сквозь безграничныя торжества и навязчивые восторги: по мѣрѣ, какъ слово касается здѣсь устъ солдатскихъ и излетаетъ изъ чисто-солдатской груди, вы слышите въ немъ дѣйствительную богатырскую отвагу и храбрость, безпредѣльное мужество, вѣру въ Бога, въ народъ и въ себя, безграничное терпѣніе, готовность переносить все и вся ради высокой дѣли, дѣйствительную горькую долю—голода, жажды и бѣдности, хотя бы эту долю сочинители расхваливали какъ наше достоинство и преимущество передъ другими. Въ той же мѣрѣ пробивается вмѣстѣ и неподдѣльное Русское чувство, и вѣское народное слово, и юморъ, и наша просія. Пользуясь симъ такъ или иначе, литература по необходимости должна была поддѣлываться, а поддѣлка хоть и не къ чести, но при ней по крайности приходилось вслушиваться, подмѣчать, переимать. Какъ болѣе яркій примѣръ плодовъ сего, нужно указать на *размѣръ* стиховъ: послѣ Ломоносова, это совершенно новая эпоха, нигдѣ на другомъ поприщѣ литературы не предупредившая. Размѣръ сей именно есть тотъ, которому послѣ усвоено имя *народнаго* (хотя онъ есть собственно тысячная доля, тысячный видъ народнаго дѣлага), которымъ увлекался

Державинъ и Шишковъ, пробовалъ писать Карамзинъ; и за него долго писали и спорили отъ Гвѣдича и Востокова, Уварова и Капнина, до Церегелева, Остапонова и Кубарева. Именно:

 о о - о о о о - о о
Не спѣши ты, зима, съ морозами, и т. п.,
совершенно то же, что

 о о - о о о о - о о
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,

 о — о о о о — о о
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ.

Литература, стало быть, исполняла здѣсь свою лучшую задачу—*слилія* устной и письменной области послѣ періода ихъ непосредственнаго совместнаго жительства или исключительнаго противоѣдствія. Слѣдуетъ критиковать ея частные образцы порознь: но не смѣяться на нихъ и не прости- рать сужденій на цѣлое. Когда цѣлое все (почти) теперь передъ вами, когда оно объемлетъ значительный историческій періодъ, когда вспомнимъ что это цѣлось многими тысячами по землѣ Русской, иногда въ поддѣль- номъ, но на чистую душу и въ искреннемъ восторгѣ, и шли съ этими зву- ками на исполнскіе подвиги, и покрыли съ ними славою память свою и отчизну, когда и кто видѣлъ, засталъ, какъ мы, хоры, продолжавшіе это пѣть черезъ пятьдесятъ лѣтъ, съ одушевленіемъ Русскаго сердца и слезами на глазахъ,—тогда намъ всѣмъ это отнюдь уже не шутка. Кромѣ *народной* области есть еще *національная*, воспитанная въ кругозорѣ—какія есть— политическихъ идей и явленій, та область, въ которой большинствомъ мы живемъ, „люди образованные,“ скромно такъ называющіеся: вездѣ есть и была, и у насъ была и есть отвѣчающая сему „національная“ литература, та, которой нынче спѣшитъ присягать вся публицистика. Не будь того, вспомнимъ, за время Екатерины, что же осталось бы тогдашнимъ совре- менникамъ при разлагавшейся области народной, скудные образчики кото- рой подобрали мы выше? И нынче, ради нея, еще болѣе оскудѣвшей, а от- части и внезапно пополнившей трудомъ собирателей и издателей, вскры- шихъ неожиданныя сокровища, и нынче, представьте, что ради нея отка- зались бы мы отъ Пушкинской группы „письменныхъ“ поэтовъ или отъ романовъ и повѣстей имѣя „народствующей“ литературы, отъ тѣхъ явле- ній, которыя, по масштабу современнаго состоянія народной словесности, собранныхъ памятниковъ ея, вкуса и разумнія, стоятъ нисколько не вы- ше, чѣмъ стояли „военныя сочиненныя пѣсни“ относительно своей эпохи. И такъ, литература сего рода, на свой паи и на свое время, дѣлала и сдѣ- лала свое дѣло: это не только матеріалъ для чего ни будь, но и замѣчатель- ное произведеніе само по себѣ.—Не имѣя времени и призванія специально сему отдаться, приглашаемъ послѣдователей для разработки такого любо- пытнаго и не початаго вопроса. Между прочимъ, мы видѣли почти не при- водили именъ *сочинителей*, хотя они и наворачивались или цитовались въ печати: истекало это изъ того убѣжденія, подтвержденнаго многими опм-

тами, что произведенія такіа, возникая на почвѣ полународной, такъ сказать средней, носили и отпечатокъ, знаменующій произведенія народные и имъ подобныя, то есть, личность сочинителя въ нихъ скоро забивалась, или вовсе царствовала безличность; потому многое, вставленное въ „сочиненія“ извѣстныхъ нашихъ писателей, мы встрѣчали въ пѣсенникахъ годовъ гораздо болѣе раннихъ. Вопросъ здѣсь, стало быть, можетъ касаться только „исправлений“ или „редакцій“ (это совсѣмъ не то, что послѣдующія, въ примѣръ, пѣсни, проникшія и въ народъ, но въ точности „написанныя“ Нелединскимъ, Долгорукимъ, Мерзляковымъ, Дельвигомъ, Некрасовымъ). Ту же осторожность въ выводахъ мы рекомендуемъ и послѣдователямъ. Однако крайне будетъ интересно, если, подвергнувъ матеріалъ разработкѣ подробнѣйшей, они вскроютъ вновь нѣкоторыя имена сочинителей, года, мѣсто и ближайшее время сочиненія. То будетъ истинное приобритеніе для литературы, котораго отъ всей души ей желаемъ.

V.

Канты XVIII вѣка

послѣ Петра.

Обращаясь къ *Кантамъ*, мы переходимъ къ той, болѣе глубокой, ступени литературы, съ которой поднялись отчасти и „дѣсныя сочиненія“ XVIII вѣка. „Кантъ (Cantus),“ „Канта“ и „Кантычка“—Польская и Западно-русская форма того же самаго произведенія, которое извѣстно было у насъ въ древности подъ именемъ „Стиха.“ Оторвавшись отъ основы народной и сдѣлавшись плодомъ литературы искусственной, которая только могла развиться на Сѣверо-западѣ и Юго-западѣ Россіи, Канта вмѣстѣ съ тѣмъ отъ исконныхъ духовныхъ произведеній Церкви и отъ религиозныхъ преданій области народной естественно перешла къ изображенію „всякихъ“ торжествъ, сколько религиозныхъ, столько же общественныхъ, школьныхъ и даже политическихъ, военныхъ триумфовъ и коронацій. На этой самой точкѣ стояла нѣкогда въ Западной Европѣ, при проснувшейся литературѣ XVII вѣка, такъ называемая „Ода.“ Ода же перешла и къ намъ, какъ первая форма для тѣхъ писателей-поэтовъ, которые воспитались новѣйшими иностранными образцами XVIII вѣка. Но, еще раньше того, съ XVII вѣка, хлынулъ къ намъ потокъ, въ источникѣ изъ Польши, въ ближайшемъ разливѣ изъ Западной Россіи, потокъ ея литературы искусственной, вмѣстѣ съ массою вліятельныхъ переселенцевъ, къ намъ прибывшихъ. Объ этомъ событіи и вѣковомъ вліяніи нами такъ много и подробно было уже говорено въ прежнихъ изданіяхъ и статьяхъ, что остается только отослать туда любопытствующихъ *). Нашъ собственный древній Стихъ (Carpen) не

*) При 4-мъ, 5-мъ и 6-мъ выпускѣ „Калѣкъ Перехожихъ,“ въ статьяхъ („Православнаго Обзорѣнія“) „О судьбѣ нотныхъ пѣвческихъ книгъ,“ „Юрій Крижаничъ,“ особенно „Знаменательные года.... въ исторіи Церковнаго Русскаго пѣнопѣвѣія (а отчасти и при другихъ нашихъ изданіяхъ).“ Къ сожалѣнію, въ послѣдней статьѣ, отъ выпуска цѣлой тирады изъ текста при печатаніи, произошла значительная несообразность на стр. 69—71. Говорится о дѣлахъ Елизаветы, продолжавшихъ начинанія Петровы, и въ

сделал на прямку сей новой текущей литературы, чтобы поддѣлываться и служить ей интересамъ: онъ остановился на старой ступени и почти кристаллизовался въ устахъ слѣпыхъ пѣвцовъ съ прежнимъ народнымъ характеромъ, если только не успѣлъ попасть раньше въ рукопись и затвердѣть тамъ намятникомъ. За то дѣлкомъ пересажены, восприняты и послѣдовательно развиты у насъ записки Канты (частіе „верши, вирши, псалмы“ и т. п.): судьба ихъ примѣненія, иногда даже въ поддѣлкѣ подъ народный складъ или въ передѣлкѣ на древній ладъ, самая разнообразная **). Вліятельные владыки, проповѣдники и ораторы, архіерейскіе дома и подворья, духовныя (долго бывшія общинами) школы, массы школяровъ, архіерейскіе, соборныя и „вольныя“ пѣвческіе хоры, семья духовенства, отчасти раскольниковъ, и т. п., все это долго было для Кантъ и убѣжищемъ, и пристанищемъ, и мѣстомъ широкаго развитія, и учрежденіемъ пропаганды.—Съ этого же предѣла шло возникнуть и остальная наша, собственно—Великорусская литература, когда начала высеободѣться отъ кверкальности къ мірскому или свѣтскому характеру и не успѣла еще овладѣть блестящими, но слишкомъ еще новыми и занятими издавна, тѣми формами письменной поэзіи, которыя такъ сказать брошены были въ образъ и на удивленіе Россіи талантливымъ Ломоносовымъ. Долго, почти до 2-й четверти XIX вѣка, дѣйствовало послѣ обаніе его Одѣ и прочихъ подобимыхъ формъ: но еще прочіе должно было утвердиться и дальше протануться по имени сродное, но старой памяти Стиховъ прѣвичное, вседѣйствіе Кантъ, къ тому же усиленно втѣсняемыхъ авлачскими выходками Западной Русе: отсюда, въ страшномъ общія, всё это, столь извѣстное,—„гимнь, пѣсь (не пѣся), предложение, размышленіе, гласъ, вопль“ и т. п., прѣше и ближе,—но старой же памяти,—„Стихъ; Стихотвореніе.“ Въ Versus у Западныхъ Славянъ и Русскихъ родился „виршъ“ и „вершъ;“ для обозначенія нащой стихоримованной строки: у насъ, по вызову и возбужденію Кантъ, но по имени древнему, отлѣчавшему нехожей области, названіемъ для цѣлаго произведенія утвердилось — „Стихотвореніе (Сягтен),“ для отдѣльной строки и ряда строкъ—„Стихъ, Слика.“ Ясно, что собственное начало всякаго нашего Стихотворчества идетъ—отъ Стиховъ древнихъ по имени, отъ Кантъ по сущности, предмету и ближайшему употребленію. Самъ Ломоносовъ, при всей его рѣшительности, напоминавшей Мѣтра и съ разу поставившей насъ съ глаза на глазъ передъ Западною Европою, въ роень съ ея письменной поэзіей, мжуя всѣ переходные мосточки образованности Западно-русской и Польской, самъ Ломоносовъ да-

томъ члелъ, за пересмотромъ Библейскаго текста, о переомотрѣ текста поэтаго. Но далѣе, вслѣдствіе комянутаго выпуска, самое печатаніе летныхъ книгъ, совершившееся *десятью лѣтъ* спустя при Екатеринѣ, рассказываетъ такъ, что ссылки на „императрицу“ незнающіе могутъ ошибивъ отнести къ Елизаветѣ, вѣсто Екатеринѣ.

**). Подробнѣе см. тамъ же

леко не чуждъ былъ направленія „стихотворческаго,“ истекавшаго изъ Кантъ: преемникъ ему въ лучшихъ и подлинныхъ чертахъ поэзіи, еще болѣе его склонился къ „кантическому“ направленію Державина, а подавно уже Сумароковъ, Херасковъ и имъ подобные. Возбудительный источникъ такого вдохновенія и поддержка въ такомъ настроеніи были для каждаго слишкомъ близки и общи, подъ бокомъ: весь XVIII-й вѣкъ не дремалъ, работали и дѣятельно подвизались на Великой Руси помнятые „духовные“ родоначальники, покровители, приверженцы и создатели всякаго рода Кантъ. Для литературы дальнѣйшей, если не желала она замореть, выходя отсюда, изъ закодированнаго круга—то иностранныхъ образцовъ, то возвращенныхъ дома стихоплетствъ кантическихъ, взаимно скрещавшихся, возможенъ былъ только *на единственномъ лучи*: по мѣрѣ обращенія, какъ говорятъ нынче, къ національности, а лучше и прямѣе, и черезъ нее саму,—но мѣрѣ искренняго сближенія съ народомъ, народнымъ словомъ и пѣснотворчествомъ, или, еще иначе, по мѣрѣ возвращенія заблудшаго сына къ своему родному и исконному. Литературѣ, ей первой и передовой, предстояло совершить сію великую задачу и сослужить эту Русскую службу, со всеми, уже обильными, ея средствами, съ письмомъ и печатью, со школьнымъ правиломъ и образованнымъ вкусомъ, съ помощію тысячелѣтныхъ преданій и опытовъ, которые не улечувывались въ воздухѣ виѣсть съ устнымъ словомъ и груднымъ звукомъ (какъ это было у народа), напротивъ бережно конились и уцѣляли въ массѣ прочныхъ письменныхъ памятниковъ. Но такое широкое дѣло требовало, разумѣется, не узкаго кабинета: до развитія новѣйшей общественности, оно шло весьма туго подъ перомъ даровитыхъ, но сидачихъ и кабинетныхъ, нашихъ писателей-поэтовъ, не смотря на тотъ убѣдительный признакъ и внушительный урокъ, не всегда лишь, къ сожалѣнію, сознававшійся, что все лучшее у сихъ художниковъ и весь ихъ успѣхъ зависѣли единственно отъ степени сближенія ихъ съ народомъ и вѣковѣчными образцами его творчества въ преданіи, словѣ, сказаніи, пѣснѣ, сказкѣ, пословицѣ, игрѣ, обрядѣ, обычаѣ и бытѣ. Чтобы шагъ къ перевороту былъ твердъ и рѣшителенъ, нужно было какое ни будь поле пошире: вышвъ попрактичнѣе, побужденіе поживнѣе, интересъ почувствительнѣе, голосъ погромче. Это и совершилось первый разъ на полѣ битвъ, въ обаяніи военной славы, черезъ среду героическую и солдатскую. „Пѣсни сочиненныя“ были именно здѣсь первымъ крупнымъ поворотомъ, самою яркою звѣздой возрожденія, не замедлившемъ увлечь и самихъ писателей, и ихъ письменную поэзію, и всякое творчество ихъ слова, и литературный оборотъ всякаго слова: вотъ почему, опять, мы должны правѣтствовать сію эпоху какъ дѣйствительную эру. Лѣтъ черезъ 40, когда такое направленіе перешло въ XIX-й вѣкъ и началó питаться соками патріотизма Отечественной войны, хорошее и благодарное дѣло опять было затянудось и завяло подъ руками обильныхъ безталанныхъ писакъ; но пропасть оно не могло, для безплодности было уже слишкомъ поздно: „Пѣсни сочиненныя“ связались тѣсно съ „Пѣсенниками,“ играющими

столь важную роль, о которой вскорѣ скажемъ подробнѣе; тѣ и другіе затрунули прямо сферу „народную,“ частію ее эксплуатировали, частію, отвѣдавши ее и сроднившись, совсѣмъ были завлечены ею; началось собираніе народныхъ памятниковъ, открытіе, печатаніе, изслѣдованіе, — и дѣло рѣшилось, дѣло подготовилось къ торжеству — уже не одного пѣснотворчества устного, а „литературы народной,“ — понятія и слова дотолѣ почти несомнѣстными, — по крайности въ лучшихъ ея представителяхъ, хотя бы доселѣ рѣдкихъ, или извѣстныхъ одними „опытами.“ Не забѣгалъ впрочемъ такъ далеко впередъ, и прежде еще всего этого, благополучно совершившагося на глазахъ нашихъ, — заглазно и до насъ, повторяемъ, уже рѣшенъ былъ переворотъ литературный. — Намъ понятны теперь связи и отношенія „народнаго“ творчества къ „сочиненному,“ а старше и выше — связи подобнаго сочиненія какъ со „стихотворствомъ кантическимъ,“ такъ и съ „иностранными образцами,“ привитыми помощію перевода или счастливаго подражанія со временъ Ломоносова. Одно вытекало изъ другаго и другъ за другомъ послѣдовало, либо другъ друга смѣняло. Понятно также, что Канты всего болѣе процвѣтали при Петрѣ (онѣ и отпечатаны нами въ порядочномъ обиліи при 8-мъ выпускѣ) или непосредственно въ слѣдъ за ними: то была жаркая пора ихъ ревностнаго нововведенія у насъ; онѣ были то единственны на широкомъ полѣ „художественной“ литературы, не встрѣчая себѣ соперниковъ; онѣ звучали громко и — не безъинтересно, ибо забрали себѣ изображеніе не только триумфовъ и коронацій, но и текущихъ побѣдоносныхъ событій, сдѣлавши ихъ своего рода Кантами „Историческими,“ подобно какъ „историческая сочиненная пѣсня,“ какъ „историческое пѣснотворчество народа;“ рѣчь ихъ была оригинальна и внушительна, успешенная Церковно-Славянскими формами, не только почтовыми для всей нашей древней письменности, но и обновленными, и возсозданными, и обогащенными талантомъ церковныхъ тогдашнихъ витій, школъ духовныхъ, или хоть одного такого писателя, какъ краснорѣчивый Димитрій Ростовскій. Не то уже было съ Анны, а особенно при Елизаветѣ: явились счастливые соперники — иностранные образцы въ примѣненіи, переводѣ или передѣлкѣ; Канты продолжаютъ, но уже слабѣютъ, теряя самое содержаніе или приложеніе „историческое,“ захваченное теперь Одами, похвальными Рѣчами и зарождавшеюся Военною пѣсней, напротивъ по необходимости ограничившись однимъ триумфомъ и торжественными возгласами на праздникахъ, всѣмъ этимъ безконечнымъ „ликовствуемъ, торжествуемъ, даю, согласно.“ И формы ихъ, чувствовалось, ветшаютъ, и образы повторительны, и полуцерковная славянщина тяжела, и рѣчь не внятна, натянута, школярна. Еще шагъ — и раздался громко сочиненныя военныя пѣсни: Канты совсѣмъ примирѣли, начали смолкать или прятаться по угламъ, куда не проникалъ звукъ славнаго оружія, да по кабинетамъ, которые продолжали „стихотворствовать“ въ прежней узкой мономаніи. При Екатеринѣ, наконецъ, Канты уже вовсе мало, почти нѣту: учитель Павла, митрополитъ Платонъ былъ послѣднимъ ихъ настоячивымъ ревнителемъ и

покровителемъ, на спецъ болѣе или менѣе публичной. Это все мы сей часъ увидимъ и провѣримъ на самихъ образцахъ. Кантическіе приверженцы думали еще послѣ того спастись отчасти рутиню, отчасти поддѣлкою подъ наступившую эру новыхъ патріотическихъ торжествъ, новыхъ военныхъ „пѣснопѣній“ 12-го года: но ихъ была свѣтская общественность, которой присягнули Карамзинъ, Жуковскій и Пущинъ; ихъ была всеобщность искусства, связующая всѣ народы и сказавшаяся у насъ усвоенными въ переводѣ или передѣлкѣ Западными Европейскими образцами; ихъ была національность, не та, что подражалась литературою, а та, что тянула къ практической дѣятельности и къ политической жизни, заговорившей новымъ языкомъ газетъ и журналовъ; а больше всего ихъ была и убила народность, сама ли воспрянувшая дивными памятниками во очю, проникшая ли въ художественную литературу и здѣсь воцарившаяся.

Итакъ, будемъ снисходительны и во всякомъ случаѣ любимыи къ блитымъ и добитымъ, нынѣ лежащимъ, столь недавно еще торжествовавшимъ:

Анна.

1.

Да здравствуетъ днесь императриксъ 1) Анна,
 На престолѣ сѣдиши, увѣнчанна!
 Се благодать 2) всѣмъ отъ небесъ лиется,
 Что днесь вѣнцемъ Анна вьзается 3).
 8. Небо все нынѣ весело играетъ,
 Солнце на немъ лучше катаеть 4),
 Вѣнны въ брегахъ станутъ своихъ токи,
 Выбѣгутъ всѣ мезаки пороки.
 Прочь всѣ отсюду, враждебныя сеоры:
 10. Анна краснѣйша ауроры.
 Торжествуйте всѣ, Россійсти народы:
 У насъ идутъ златые годы,
 Идемъ мы днесь радость учреждену 5),
 Новсему славно разнесену!

15. Да здравствуетъ днесь императриксъ Анна,
 На престолѣ сѣдиши, увѣнчанна,
 Краснѣйша солнца и звѣзда сіяюща нынѣ
 Въ императорскомъ чинѣ,

1) Императрица.—2) Значеніе имени Анны.—3) Увизается, вѣнчается.—
 4) Катится.—5) Пиршескую.

- Да здравствуетъ на многа лѣта
 20. Порѣпрою златомъ одѣта!
 Вѣдутъ къ намъ изъ всей мѣчи Сатурновы вѣки:
 Радуйтесь, человекѣи!
 Миръ, обиліе, счастье полно
 Всегда будетъ у насъ довольно.
25. Земля при Аннѣ вездѣ плодovitа будетъ
 И всякъ нужду избудетъ ⁶⁾.
 Воздухъ всегда въ Россіи здоровъ:
 Переменятся злыя нравы.
 Правда, благочестіе Анну окружаютъ ⁷⁾,
30. Тѣмъ Анну прославляютъ.
 Любовь къ подданнымъ, судъ и милость
 Изъ всѣхъ сердець гонять унылость.
 Всѣхъ въ любовь себѣ сердца преклонила вѣчну ⁸⁾:
 Вѣрность имутъ сердечну.
35. Всѣ почитаютъ должно Анну,
 Самодержицу Богомъ данну.
 Воспримемъ съ радости полныя стаганы,
 Мы, вѣрныя гражданы!
 Восплещемъ громко и руками,
40. Заскачемъ весело ногами ⁹⁾!
 Анна надъ Россіею воцарилась всею,
 Признаютъ всею душею.
 То-то есть прямая царица,
 То-то бодра императрица,
45. Краснѣйши солица и звѣздъ сіяющихъ нинѣ
 Въ императорскомъ чинѣ!
 Да здравствуетъ на многа лѣта
 Порѣпрою златомъ одѣта!

2.

Торжествуй, Россія, съ воиномъ преславнымъ ¹⁾,
 Егда есть вѣнчанна орломъ двоглавымъ!
 Съ небеси корону царственныя силы
 Мы подъ щитомъ твоимъ людіе пожили ²⁾.

⁶⁾ Забавится отъ нужды.—⁷⁾ Если это не наивность, то вѣроятно полное невѣдѣніе.—⁸⁾ Въ любовь вѣчну.—⁹⁾ Любопытно представить въ этомъ положеніи сдѣленныхъ покровителей Кантъ.

¹⁾ Остатокъ памяти о торжествахъ побѣдителя Петра.—²⁾ Мы, люди, подъ щитомъ твоимъ, получили (черезъ тебя) съ неба корону царственной сиди...

5. Нашей императрицѣ силе возопиѣмъ,
 Анна есть камень вѣры, зри, что возглаголемъ:
 „Императрицѣ нашей даждь скипетромъ владѣти ³⁾),
 „Многа лѣта жити,
 „Врага побѣдити,
 10. „Вивать, вивать, вивать!“
 Мы вси днесь непрестанно, усердно,
 Звѣствуемъ ⁴⁾ императрицѣ
 Радость, привѣтствуемъ сице:
 „Вивать, вивать, вивать!
 15. „Днесь, царица Россійская, торжествуй преславно:
 „Се ти есть данно,
 „Требѣ ⁵⁾ вѣнчанно!
 „Вивать, вивать, вивать!“

*

3.

- Прочь устунай, прочь,
 Печальная ночь ¹⁾):
 Солнце всходитъ,
 Свѣтъ возводитъ,
 5. Свѣтъ возводитъ,—
 Радость рѣдитъ.
 Колѣнѣи у насъ мразъ
 Билъ и ужасъ!
 Солнце Анна возсіала,
 10. Свѣтлѣи намъ день даровала.
 Богомъ вѣнчанна,
 Августа Анна,
 Ты нашъ лѣснѣи свѣтъ,
 Ты и краснѣи цвѣтъ,
 15. Ты добрѣи,
 Ты красѣи,
 Ты веліи
 Веселіи!
 Твоя держава—
 20. Наша то слава!

³⁾ Читай: „владити (Малорусское произношеніе).“—⁴⁾ Возвѣщаемъ.—⁵⁾ Какъ слѣдуетъ, какъ нужно и необходимо.

¹⁾ Начало многихъ, и старшихъ Кантъ, въ разномъ примѣненіи.

- Да вознесетъ Богъ
Силы твоей рогъ,
Враги твоя побѣждая,
Тебе въ бѣдахъ заступаи!
25. Рцйте, вси люди:
„О буди, буди 2)!“

*

4.

- Триумфуй свѣтло, Сіоне избранный,
Свыше отъ Бога обрадованный!
Слава твоя днесъ исходитъ ясна:
Императрица во славу красна.
5. Красуйся днесъ, царская порфира,
Ликуй, веселися, христіанская вѣра 1)!
- Торжествуй свѣтло, Сіоне новый,
Украши златомъ стѣны и всѣ кровы:
Алчнымъ людямъ дадеся манна,
10. Намъ же днесъ государыня Анна!
Тако пребуди невредима во вѣки,
Сіюща между человѣки.
Слава ея днесъ процвѣтаетъ,
На главѣ вѣнецъ свѣтлости блистаетъ:
15. Скипетръ держащи во своей десницѣ,
Аяла дражайша въ монаршемъ лицѣ 2).
Что Тебѣ, Творче нашъ, принесемъ
О дни днесъ о торжественномъ семъ?
Велий Богъ нашъ, Ты еси съ нами,
20. Прославленъ буди во вѣки нами!
Прослави славно ея корону
Во общу славу и оборону!
Яко отъ Тебе сія намъ данна
Императрица славная Анна.

2) Впослѣдствіи та же Канта передѣлана на Елизавету со слѣдующими измѣненіями:

Солнце мнѣ возсіяло,
Свѣтлый намъ день даровало
Богомъ вѣнчанна Августа

Елисаветъ

Ты нашъ ясный свѣтъ. И проч.

1) Читайте „вѣра.“—2) Когда она въ ликѣ, въ сонмѣ и числѣ монарховъ.

25. Возопіємъ вси днесь согласно,
 „Вівать“ Императрицѣ глаголемъ ясно.
 Ликуй, преславна и пресильна,
 Ликуй, Росія, отъ всѣхъ одина:
 Мы за сіе радость ти приносимъ,
 30. „Вівать, вивать,“ отъ Бога ти просимъ.
 Осіянна свыше свѣтомъ отъ Бога,
 Царствуй мирно на лѣта многа!
 Многа лѣтъ, многа лѣтъ, на многая лѣта!

* *

Елизавета.

1.

Да здравствуетъ днесь императрицезъ Елисаветъ,
 На престолѣ сѣдши, увѣчаниа!
 Се благодать всѣмъ отъ небесъ лїется:
 Елисаветъ вѣнцемъ вьзается.

И прочее.

Это передѣлка одной и той же Кавты съ Анны на Елизавету, столь поспѣшная, что даже не измѣнила перваго стиха въ рѣчю (прежде „Анна — вѣчаниа“).

*

2.

- Вівать преславна, Самодержавна,
 Благостей дверь,
 Елисавета На многа лѣта,
 Петрова дщерь, Петрова дщери!
 5. Вивать возшедша Чрезъ Бога ведша
 На Россій тронъ;
 Ничто безбѣдно, Ибо наслѣдно ¹⁾:
 Ея былъ оны, Ея былъ оны!
 Вивать толь щедра, Для утѣхъ вѣдра ²⁾,
 10. Подданнымъ веѣмъ:
 Винныхъ простивша, Свѣтъ удививша
 Безмѣрно тѣмъ, Безмѣрно тѣмъ.

¹⁾ Бѣдъ тутъ не было, ибо тронъ наслѣдственный.—²⁾ Въ радости ясной.

- Вивать желанца, Ужь увѣщанна
 Драгимъ вѣнцемъ,
 15. Скипетръ, державу Носяща въ славу,
 Красна лицемъ, Красна лицемъ!
 Вивать подданства, Всего гражданства
 Честь-красотѣ,
 И благородства, И полководства
 20. Щитъ-высота, Щитъ-высота!
 Вивать для чина ³⁾, Коимъ одина
 Вѣра цвѣтетъ:
 Елисавета Духовна свѣта
 Отъ нихъ всѣхъ ждетъ, Отъ нихъ всѣхъ ждетъ!
 25. Вивать, котору Мы въ сію пору
 Должно поемъ:
 Здравствуй, дѣвица, Императрица,
 Для всѣхъ при семъ, Для всѣхъ при семъ!

*

3.

- Златые вѣки нинѣ наступили,
 Златую радость всемірно явили
 Входомъ ¹⁾ дивныя Елисаветъ сущи,
 Во славу цвѣтуши.
 5. Ты виновница радости толики:
 Бряцайте днесь, вси тимпаны и лики ²⁾!
 Прочь всё отсюду, враждебныя сеоры,
 Во дальныя горы ³⁾!
 Бѣжите скоро, Россійсти народы,
 10. Уже златые настали намъ годы;
 Вплещемъ весѣло и громко руками:
 Царствуетъ надъ нами!
 Гряди, гряди днесь, мати всего царства,
 Ты возделѣнна Русска государства:

³⁾ Духовнаго.—¹⁾ Вступленіемъ (на престоль).—²⁾ Варіантъ за симъ:
 „Усрѣтаючи монархиню славу,
 Отъ Бога вѣщанну.“—

³⁾ За симъ варіантъ:
 „Ощутили мы радость учрежденну,
 Съду и съду тую вознесенну.“

15. Тебѣ радостно быти вси желали ⁴⁾,
 Но и ожидали!
 Тобой вси къ намъ триумфы приспѣли,
 Тобой златыя времена наспѣли;
 Теперь, Россія, не престай бряцати
 И совосклицати:
20. „Боже всеильный, въ триехъ ипостасехъ,
 „Управи престоль, возносимый въ гласѣхъ,
 „Императрицы Елисаветъ славны,
 „Отъ Бога вѣнчанны ⁵⁾!“
25. Вивать вѣнчанна, вивать вознесенна,
 Вивать преславна, вивать предпочтенна,
 Вивать, вивать, днесъ усты восклицаемъ,
 Много лѣтъ желаемъ!

*

4.

- Вселенная торжествуетъ,
 Что Россія господствуетъ;
 Все едиными повтъ гласы,
 Новымъ вѣнцемъ покрывъ власы (2; дважды).
5. Торжество днесъ се ново,
 Россіаномъ слышать ¹⁾ слово:
 Новымъ вѣнцемъ покры главу ²⁾,
 Нову Россюжъ носить славу (2).
 Любимая чадомъ мати,
10. Юже звали Богъ вѣнчати,
 Подъять труда зѣло много
 За отечество и за Бога (2).
 Мзду воспріять—вновь корону,
 Честно взмде на холмъ трону ³⁾:
15. Россійская вивать мати,
 Яко звали честь пріяти (2)!
 На престолѣ посажденна,
 Во вѣкъ Россіи проявленна,
 Льва зѣнца ⁴⁾ укротила,
 20. Гибѣдо орлу ⁵⁾ умягчила (2),

⁴⁾ Всѣ радостно желали тебѣ быть царицей.—⁵⁾ Славной, отъ Бога вѣнчанной.

¹⁾ Слышно (какъ „видать“—видно).—²⁾ Императрица.—³⁾ На возвышеніе трона.—⁴⁾ Зіяющаго; Шведію.—⁵⁾ Пруссію.

- Гордой луны ⁶⁾ сотрѣ роги,
 Подъ христіанъ мечеть ноги.
 Все радостно торжествуйте,
 Въичанную привѣтствуйте (2):
25. „Россійская вѣвать мати
 „Божественной благодати,
 „Вивать, вивать многа лѣта,
 „Поки ⁷⁾ станеть всего свѣта ⁸⁾ (2)!“

*

5.

- Россіе, торжественно благоукрайсѣ,
 Во радости премнозѣ (2; дважды),
 Днесь возвеселися (2):
 Яко дадеся тебѣ сугуба корона,
 5. Елисаветъ предрагая (2),
 Россійскаго трона (2),
 Соединенна купно союзомъ доброты
 И увѣчанна вѣнцемъ (2)
 Божія красоты (2).
10. Петръ величайшей прежде отецъ благодати:
 Днесь же Елисавета (2)
 Россійская мати (2),
 Коровою вѣчанна Россійскія державы,
 Въ порфирѣ облеченна (2)
15. Безсмертныя славы (2).
 Тѣмже вси днесь въ тимпаны, въ гусли ударяйте,
 Въ лицѣхъ и органѣхъ (2)
 Свѣтло восклицайте (2):

⁶⁾ Турція.—⁷⁾ Пока.—⁸⁾ Свѣтъ весь стоитъ: пока хватить всего свѣта.—
 Подобная Канта, болѣе краткая, составлена была и раньше на коронацію:

Слава Богу всемогущу,
 Въ тріехъ ипостасѣхъ сущу:
 Благосердѣ намъ зрится быти,
 Надъ рабами милость явити.
 Днесь вселенна торжествуетъ,
 Что Россія господствуетъ:
 Елисаветъ воцарися,
 Новымъ вѣнцемъ одарися!

20. „Вѣвать Елисавета, вивать наша мати,
 „Вивать державствующи (2)
 „Въ Божьей благодати!
 „Вивать Елисавета, вивать въ концѣхъ свѣта,
 „На престолѣ сѣдѣща (2),
 „На многая лѣта (2)!“

*

6.

- Воспоемъ пѣснь нову (2) Господеву Богу,
 Яко даровалъ есть (2) Намъ радость премногу,
 Увѣнчавъ нову Есѣврь вѣнцемъ славы (2),
 Посадивъ на оронѣ Россійской державы (2).
 5. Органы съ псалтири (2) Благовосклицайте,
 Цесареву Росску ¹⁾ (2) Всѣ дѣсь величайте,
 Пѣсни триумфальны Оной приносяще (2),
 „Вѣвать многа лѣта,“ Весело гласяще (2)!
 Вивать, вивать, вивать (2) Въ вѣкъ Елисавета,
 10. Вивать цвѣтъ чистѣйшій (2) Благовонна крина ²⁾!
 Вивать вѣнецъ славы И скипетръ посяща (2),
 Вивать на престолѣ Россійскомъ сѣдѣща,
 Вивать, вивать, вивать Этъ бене вивать ³⁾,
 Вивать, вивать, вивать Этъ бене вивать!

*

7.

Боже триностасный, въ Троицѣ хвалимый,
 Отъ ангель славимый!
 Приими отъ насъ земныхъ пѣніе хвалебно,
 Дабы Тебѣ было я сіе потребно.

¹⁾ Вариантъ „Монархию нашу.“ За симъ начало слѣдующаго: „Како воз-
 величимъ мы ее достойно?“—²⁾ Очевидно, по рѣшѣ, что здѣсь должна
 быть „Екатерина.“ Это мы приводимъ какъ курьезъ, въ примѣръ передѣл-
 ки Кантъ съ одного мѣня на другое; первоначально же къ Елизаветѣ
 обращены были по рукописямъ слѣдующіе стихи:

Вивать Дѣвица (2), днесъ Императрица,
 Вивать Елисаветъ (2), благовонный цвѣтъ.

³⁾ et bene vivat.

5. Ты Царю Творче, предвѣчный Боже,
Начати сіе дѣло ¹⁾ Ты поможе ²⁾!
Который рабъ Твой жаеаетъ начати,
И честно предъ Тобою хошетъ оковчати ³⁾.
Снидитея скоро, вси окрестны страны,
10. Несите съ собою согласны органы:
Радостно възграйте орлу двоеглаву ⁴⁾.
„Вѣвать, вивать,“ воспоемъ согласно,
„Вѣвать, вивать,“ кликнемъ велегласно ⁵⁾.

- Радуйся славно
15. Богомъ вѣнчанна,
Елисавета предивна!
Наша монархія дивна
Дѣлаетъ смѣло
Честное дѣло!
Вивать, вивать!

*

8.

- .Гряди нашъ свѣтъ, Елисаветъ,
Во градъ самодержавный, Петромъ основанный,
Великій во вѣки ¹⁾.
Гряди смѣло ¹⁾, всешастливо,
5. Гряди, о всѣхъ Мати, полна благодати,
И лицемъ, и сердцемъ
Гостя вождѣнна, радость презѣнна,
Милости пучина, доброта едина,
Красота и слава, гряди мирна, здрава,
10. Въ домъ наслѣдныи ²⁾,
Въ день сей велий, полнь веселій,
Муромъ освященна, порфирой почтенна,
За многу честь къ Богу,
За любовь къ отчизнѣ во всей твоей жизни,

¹⁾ Дѣло вопаренія.—²⁾ Второе лицо: ты поможь.—³⁾ Оковчить.—⁴⁾ За смѣ пропускъ одного стиха въ нашихъ экземплярахъ.—⁵⁾ За смѣ припѣвъ ко всей Кантѣ; разный размѣръ стиха и напѣва обыкновенно сбивалъ пѣвцовъ, а еще болѣе издателей въ печати.

¹⁾ Читайте: „вики; смило.“—²⁾ Ниже см. римоу „бѣдныи.“

15. За то, что навѣты, толь многими лѣты,
Храбро всѣ терпѣла ³⁾, нока свободила
Народъ бѣднѣй!
Ибо мѣръ весь славится днесь ⁴⁾,
Ты бо страхи и замахы
20. Всѣ прочь отвратила, вѣкъ возобновила
Сладчайшій, дражайшій,
Въ которомъ побѣды—Петровы слѣды,
Надъ Львомъ новымъ ⁵⁾, безъ пролитой крови,
Дщерь Екатерины,
25. Щастьемъ то единымъ.
Гряди убо, и сугубо,
Какъ Петръ, твой родитель, преславнѣй владѣтель ⁶⁾,
Наляцай, успѣвай ⁷⁾,
И надъ люди буди-буди
30. Царствуй пресильно, вездѣ, безпредѣльно ⁸⁾,
Богато и свято.
И всѣ тебѣ чини, мати благостыни,
Старые и млада, родители съ чады,
Въ стрѣчу исходя, слѣды лобызая,
35. Всѣ желаемъ!

*

9.

Приспѣ день краснѣй, возсіяло вѣдро:
Милость Россіи небеса прещедро
Давно желанну зрѣти показали.
Прочь всѣ печали!

5. Изъ всѣхъ сторонъ весело смотрѣти ¹⁾:
Вдругъ сталъ свѣтъ дивнѣй свѣтити ²⁾,
Се премѣнися вѣтръ ³⁾ зимнѣй хладнѣй
Въ зефиръ прохладнѣй,

Аки полудень полунощъ сияеть,
10. Самая стужа плоды намъ являеть.

³⁾ Чит. „терпила.“—⁴⁾ За смѣхъ въ вариантѣ безтолковщина:

Что какъ ты выну
Зрѣти не може никто же.

⁵⁾ Шведомъ.—⁶⁾ Чит. „владитель; безпредѣльно.“—⁷⁾ Изъ псалма.

¹⁾ Чит. „смотри.“—²⁾ Вар. „на свѣтъ;“ „свѣтъ дневнѣй свѣтити;“ „свѣтъ дивнѣй и свѣтъ озареннѣй;“ „свѣтъ дивно власть свою имѣти.“—
³⁾ „Все премѣнися, и вѣтръ.“

- Такъ Богъ содѣла, Россю озаря,
 Вся созерцаа ⁴⁾.
 Не одно, ни два, но многая лѣта
 Все дождь проливаль и не было свѣта;
 15. Тако жъ и пучина и слезъ безъизвѣстна ⁵⁾,
 Богу извѣстна:
 Сей Единъ свыше видѣлъ всѣ печали,
 Въ нихъ же кто призрѣлъ, вси далече стали,
 Сѣрдца и жизни хотя не щадяще,
 20. Умрети хотяще ⁶⁾.
 А теперъ тая гдѣ туча презвѣльна?
 Нѣтъ аквилона, ярость ужъ безбѣдна ⁷⁾,
 Зло, видишь, знати не мощно: дорѣги
 Сдѣланы многи ⁸⁾.
 25. Тогда ⁹⁾ Богъ велѣлъ вѣтромъ умолчати,
 Тишина стала: кто могъль противъ стати?
 О перемѣна! Богъ достойну выну
 Вознесъ едну.
 Буди же Богомъ въ вѣкъ благословенна,
 30. Чрезъ Его милость дѣломъ совершенна!
 Се человекъ назвалъ достойнымъ
 Стадомъ избраннымъ ¹⁰⁾.
 Буди и ведро на всегда ¹¹⁾ сіяя,
 Императрица, Петра дщерь драгаа!
 35. Свѣтъ, наша мати ¹²⁾, присѣщай, отрада,
 Россійскія чада!
 Свѣтло встрѣчаемъ, свѣтло восмицаемъ,
 Твой, Елисаветъ, скипетръ, всѣ желаемъ ¹³⁾,
 Да править Россю въ несочтенны годы,
 40. Въ роды и роды!

(Много вариантовъ; между прочимъ одинъ, вставленный и у насъ, въ день въѣзда Императрицы въ Москву пѣтъ былъ воспитанниками Славяно-Греко-Латинской Академіи, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вѣнками на головахъ и лавровыми вѣтвями въ рукахъ, на Никольской передъ воротами, когда

⁴⁾ „содѣлалъ, Россю одарилъ, Вся созерцаа“—⁵⁾ „Така жъ пучина И слезъ бѣ безизвѣстна.“—⁶⁾ оконч. *иш.*—⁷⁾ Безъ бѣдъ.—Вар. „бездѣльна.“—⁸⁾ Испорчено.—Вар. „За обиды жъ знати Не мощно дорѣги Здѣланы многи.“—⁹⁾ „Когда“—¹⁰⁾ „Буди же Бога Въ вѣкъ благословенно Имя, имже се дѣло совершенно, Со человекъ, Христовымъ названнымъ Стадомъ избраннымъ.“—¹¹⁾ „во всегда.“—¹²⁾ „Свѣтъ нашъ, о Матерь.“—¹³⁾ „встрѣтая, восмицаа;“ „скипне трѣ свѣтъ желаемъ.“

мимо вѣхала государыня. Помѣщенъ въ „Обстоятельномъ описаніи“ коро-
нованія, С. П. Б. 1844, folio).

*

10.

- Днесъ торжествуйте вси купно нынѣ ¹⁾...
 Всякъ веселися, что воцарися
 Императрица, самодержица,
 Крестною силою, Христовой вѣрою ²⁾,
 5. Едина мать...
 Хвалима буди, убо прила за своя труды
 Чего желала...
 Да узримъ прекрасну, надъ всеми ясну
 Елисавету самодержицу надъ нами...
 10. Со славомъ честно, вси нелестно
 Сынове—„Вивать,“
 Съ Россіей Россы, уже мати
 Изволи Творецъ послати,
 Вивать на лѣта, на многа лѣта!

*

11.

- Торжествуй, непорочна
 Церковь Россовъ восточна,
 Зря дни пріятны, дни благодатны,
 Вѣкъ щастливой, вѣкъ всѣмъ видѣмой.
 5. Твоему вертограду
 Тщится выну ограду
 Распространяти Августа ³⁾ мати,
 И се успѣлъ уже предѣль,
 Прицѣпляется нова
 10. Въ немъ вѣтвь, расти готова:
 Чистится лоно земли, чтобы оно
 Было не косно, плодоносно.
 Терніе не угодно,
 Съ нимъ и волчець, всё бесплодно,

¹⁾ По излишней длиннотѣ многое выпускаемъ.—²⁾ Чит. „вѣрою.“

³⁾ Августѣйшая.

15. Прочь-прочь бываютъ, да не вреждатъ
 Шишки красны, красны-ясны.
 Источники свободны
 Лить струи многоводны:
 Не чѣмъ преняти воду истоцати
20. Во прохладу вертограду.
 Злымы нѣтъ, Фебъ твой выну
 Творить весну едину:
 Лѣсъ стройнѣ крметъ, древо не иметь,
 Всегда цвѣты можно зрѣти.
25. Матерь убо державы
 Торжествуя прослави,
 Чудну въ порфирѣ проповѣждь въ мѣрѣ
 Елисаветъ, полнѣ Петра цвѣтъ!

*

12.

- Россійская слава повсюду летаетъ,
 Триумфы многи всѣмъ днесь составляетъ,
 Вѣнчану (3) всѣмъ хвалить и величать:
 Вивать Елисавета на многа лѣта ¹⁾!...
5. Емуже со страхомъ припадемъ подъ нозѣ,
 Да веселимся о Тебѣ всл, Бозѣ ²⁾:
 Соблуди державу нашей днесь царицы,
 Императрицы,
 Еяже возлюбилъ есь ³⁾ и сохранилъ днесь,
 На многая лѣта!

*

13.

- Торжествуй, Россійска земля, ликуй, веселися:
 Се бо днесь мати твоя вѣнцемъ украсица,
 Порфирю, и виссономъ, и златыми рясы;
 Пой гимны красны, пой гимны красны!
5. Не такъ солнце сіяеть на широкомъ небѣ,
 Егда ходъ свой имѣеть въ златовидномъ Фебѣ,

¹⁾ Пропускаемъ за сѣмъ многое, ради длинноты и помѣщенія ниже.—

²⁾ О Тебѣ, о Богѣ.—³⁾ Еси.

Яко императрица на Російскомъ тронѣ,
Въ златой коронѣ (2).

- Славою великою повсюду сіяеть,
10. Російскихъ сыновъ своихъ тако прославляеть,
Яко всходъ, западъ, полдень, полунощь чудится,
Весь міръ дивится (2).
Ей рецемъ ¹⁾: „Вивать, вивать Російская мати,
Елисавета, нынѣ въ новой благодати,
15. Вивать, вивать, вивать!“ Ей „вивать“ буди,
Рцйте вси люди (2)!
Днесъ вивать Всеросійская императрица,
Чудная и славная, благая дѣвица!
Да покрметъ ю во вѣкъ Божія десница:
20. Склоняемъ лица, склоняемъ лица!

*

14.

- Днесъ всѣхъ радостей радость приближися,
Всему мірови радостна явися:
Ибо Елисаветъ императрица
На престолѣ вѣчная славою дѣвица ²⁾....
5. Мы же, дѣти, будемъ пѣти:
Вивать (3)!

*

15:

- Торжествуйте (2), музы, ясно,
Ликовствуйте (2), музы, красно:
Пулхерія ³⁾ воцарися,
Въ тронѣ отческомъ посадися (2).
5. Слезы зѣницъ (2) отираеть,
Да Греція (2) не рыдаеть:
Аркадія бывъ лишена,
Но днесъ пакы утѣшена (2).
Радость нова (2) наступила,
10. Печаль всяку (2) потребила:

¹⁾ Вар. „За сердцемъ.“—²⁾ Выпускаемъ всю середину по меньшей длинотѣ.—³⁾ Красавица.—Канта съ хитростію представляеть Грецію и Аркадію, а тамъ царицу Пулхерію.

Малы купно и велики
 Сорадостно пойте дикы (2)!
 Царствующей (2) монархйнѣ
 Восклицайте (2) „вивать“ нынѣ,
 15. Державнѣйшу чтите въ роды,
 Непрестанно, по вся годы!

*

Побѣда Турецкая и Шведская изображены передѣлкою Кантъ Петроп-скихъ: 1) „Днесь, орле Россійскій, прости своя крыль („Днесь *Императрица* вивать много лѣта“)“ и 2) „Радуйся, Росска земле („Турокъ побѣдися и Шведъ уязвися... Ликуй, *Императрица наша*; грады у нихъ изыша“).“ Ср. выпускъ 8-й.

Въ заключеніе мы не можемъ не привести распространеніемъ Канты изъ времянъ Елизаветы, гдѣ довольно характерно изображена Россія, а вмѣстѣ отчасти Елизавета, одна другою. Это напоминаетъ Ломоносова, употребившаго тотъ же самый приемъ и конечно имѣвшаго передъ глазами самую Канту (въ его „Отвѣтъ Анакреону:“ „Тебѣ я нынѣ подражаю И живописца избираю;“ Конецъ: „О, коль изображеніе сходно, Красно, любезно, благородно! Великая, промолви, мать, И повели война́мъ престаты!“):

16.

Россія при Елизаветѣ.

Начну на флейтѣ стихи печальны ¹⁾,
 Зря на Россію чрезъ страны дальны ²⁾,
 Ибо всѣ днесь мнѣ ея доброты
 Мыслить умомъ есть много охоты:
 5. Россія, мати, свѣтъ мой безмѣрный!
 Позволь то, чадо прошу твой вѣрный.
 Ахъ, какъ сѣдишь ты на тронѣ красно,
 Небу Россійску ты солище ясно!
 Красятъ нинѣ всѣхъ златые скиптры
 10. И драгоцѣнна ³⁾ порѣбра, митры:
 Ты собой скипетръ твой украсила
 И лицемъ свѣтлымъ вѣнецъ почтила ⁴⁾.
 О благородствѣ твоємъ високомъ
 Кто бы не вѣдалъ въ свѣтѣ широкомъ?
 15. Прямое сама вся благородство,

¹⁾ Элегію, по образцу древнихъ на флейтѣ.—²⁾ По неизмѣримымъ ея прострѣностямъ.—³⁾ Вариантъ; „И драгоцѣнность.“—⁴⁾ Своимъ лицомъ дала почетъ вѣнцу.

- Боже, ей ⁶⁾, ты свѣтло изводство ⁶⁾
 Въ тебѣ вся вѣра благочестивымъ,
 Къ тебѣ примѣру ⁷⁾ вѣтъ нечестивымъ:
 Въ тебѣ не будетъ вѣры двойной ⁸⁾,
 20. Къ тебѣ не смѣють приступить змиа.
 Твои вси люди суть православныи
 И храбростію повсюду славны ⁹⁾.
 Чада, достойны таковой матери,
 Вездѣ готовы за тебя стати.
 25. Чѣмъ ты, Россія, не изобильна?
 Гдѣ ты, Россія, не была сильна?
 Сокровище всѣхъ добротъ ¹⁰⁾ едина,
 Всегда богата славы причина.
 Коль въ тебѣ ¹¹⁾ звѣзды всѣ здоровіемъ ¹²⁾ блещутъ
 30. И Россіяне коль громко плещутъ!
 Вивать Россія, вивать драгая,
 Вивать надежда, вивать благая!
 Скопчу ¹³⁾ на олейтѣ стихи печальны,
 Зря на Россію чрезъ страны дальны:
 35. Сто мнѣ языковъ надобно бѣ было,
 Прославить все то, что въ тебѣ мило!

Эта Канта относительнымъ достоинствомъ своимъ искупаетъ пустословіе и скуку остальныхъ.

Мы сказали прежде, и видѣли здѣсь, что многія Канты Елизаветинскія передѣланы изъ Петровскихъ: ср. вып. 8-й. Потому и Петровскія извѣстны болѣе въ семь видѣ, въ печати второй половины XVIII вѣка.

* *

Екатерина.

1.

Россійская слава повсюду летаетъ,
 Трлумфы многи всѣмъ днесь составляетъ,
 Вънчанну (3) всѣмъ хвалить и величаетъ:

⁶⁾ Клятва.—⁶⁾ Произведеніе, твореніе (какъ „изводъ“—редакція).—⁷⁾ Прикосновенія; вар. позднѣйшій „примѣру.“—⁸⁾ Унія: слышенъ Закавказскій Русскій.—⁹⁾ Вар. „явны;“ „ясны.“—¹⁰⁾ Вар. „добръ ты.“—¹¹⁾ Вар. „тебѣ.“—¹²⁾ Вар. „здравы.“—¹³⁾ „Окончу.“

- Вивать императрица Екатерина ¹⁾
 5. На многая лѣта!
 Россія радостно тако возшумѣла,
 Егда отъ славы весель гласъ имѣла ²⁾.
 Вѣнчану, на тронѣ предсѣдашу,
 Всѣхъ веселяшу,
 10. „Ликуй, любезна мати, во благодати,
 „На многая лѣта,“
 Россійсти народи съ лики ликоствуйте ³⁾,
 Съ радостны гласы тако венеруйте ⁴⁾.
 Тебя вси днесь хвалятъ, буди всѣмъ хвалима.
 15. Превозносима!
 Играйте, вси органы и со тимпаны,
 На многая лѣта!
 Богу хвалу нынѣ отъ сердца приносимъ,
 Гласы шумящи громко днесь возносимъ:
 20. Даде намъ во вѣки превелю радость,
 Сущюю сладость ⁵⁾,
 Избра въ мѣръ царицу, императрицу,
 На многая лѣта.
 Емуже со страхомъ принадемъ подѣ нозѣ,
 25. Да веселимся о Тебѣ вси, Бозѣ:
 Соблуди державу нашей днесь царицы,
 Императрицы,
 Еяже возлюбилъ еси и сохранилъ днесь,
 На многая лѣта!
 Предѣлана изъ Елизаветинской: см. выше № 12.

*

Екатерина и Павелъ.

2.

- Да радуется днесь Россія славна,
 Во славу славна издѣвна,
 Судьбою нынѣ Бога вышняго спасенна!
 Да здравствуетъ Екатерина,
 5. Объемля дономъ Павла сына,

¹⁾ Такъ и видно, что была прежде „Елисавета.“—²⁾ Когда получила отъ молвы извѣстie (voeset de fama).—³⁾ Вариантъ „ликовствуемъ.“—⁴⁾ Вар. „привѣтствуемъ.“—⁵⁾ Вар. „благодать.“

- На царство возведена!
 Се Вышній милость намъ свои являетъ,
 Отъ бѣды рукою избавляетъ:
 Петрова твердость, Богомъ падша, сокрушился ¹⁾,
 10. Догматы церкви процвѣтають,
 Противныхъ козни ниспадають,
 Надежда утвердися.
 Внутрь отечества всѣ пользы не упали,
 Которы расхищены стали ²⁾:
 5. Страхъ нашъ и ужасъ темной въ радость превратися,
 Украсимъ мы себя вѣнками,
 Примемъ лавры со цвѣтами ³⁾:
 Враговъ рогъ нязложися.
 Щедротамъ мы всѣ сія царицы,
 20. Толкии императрицы,
 Въ союзъ златаго вѣка крѣпко соплетемся;
 Исполнимъ сѣятость всѣхъ законовъ.
 Судь воспримемъ Соломоновъ.
 Блаженны наречемъ.
 25. Прочь отъ насъ всѣ ний противныя ссоры,
 Прочь суевѣрные раздоры ⁴⁾:
 Екатерина миромъ всѣхъ въ любовь связуетъ,
 Надежду Павелъ общаетъ
 И милымъ взоромъ то являетъ,
 30. Всѣхъ миромъ привѣтствуетъ.
 Воскликнемъ всѣ Россійскіе народы:
 Текуть у насъ златые годы,
 Екатерина намъ есть какъ Елизавета!
 Восплещемъ весело руками,
 35. Воскликнемъ громко и устами:
 „Съ Россією Богъ свѣта!“
 О Творче вышній, міра Вседержитель,
 Единъ Россіи покровитель!
 Мы вси Тебѣ взываемъ мыслию своею:
 40. Екатеринѣ даждь корону,
 Россіи твердо оборону,
 Молимъ всей душею!

¹⁾ Разумѣется латинство Римское въ Западной Россіи —²⁾ Опять пользы Православныхъ, расхищенные было Католиками.—³⁾ Такъ и являлись духовные воспитанники предъ публику съ кантами; см. выше встрѣчу Елизаветъ.—⁴⁾ Расколы церковные.

То же.

Что так сильно движеть днесь къ веселю всѣхъ духъ?
Отчего наполненъ разговорами воздухъ?

Что вси радостью пылають
И съ любовію срѣтають

5. Днесь пришедша гости.

Гость вождѣнный отъ восточныхъ странъ грядеть,
Прекрасная планета и Россійска солнца свѣтъ:

Путь, которымъ протекаетъ,
Дивнымъ свѣтомъ озаряетъ,

10. Грады всѣ и села.

Радостно течете на священный сей позоръ,
Вси сердца прострите, возведя веселый взоръ!

Се грядеть покровъ, одежда,
Всѣхъ благъ твердая надежда,

15. Князь Великій Павель.

Восклоните, старцы, ужь согбенный свой хребеть,
Юноши, возарите, гдѣ сей чудный блещетъ свѣтъ:

Зрите вси въ наслѣдной крови
Праведны слѣды Петровы

20. Въ Великомъ Князѣ Павлѣ.

О, времена блаженны, что къ Россійской красотѣ
Ужь Екатерина во всей царской льпотѣ

Судъ и милость всѣмъ вѣщаетъ:
Павель то жь намъ общаетъ

25. Къ святости ¹⁾ законовъ.

Вы жь, Россійски чада, умножайте въ сердцѣ жаръ ²⁾,
Огнь любви вжигайте, да Божественный сей даръ

Долго лѣтъ не оскудеетъ,
Въ совершенный возрастъ свѣтъ

30. При Екатеринѣ!

*

(Изъ рукописей нашего собранія, В. М. Удольскаго, О. Н. Вуслаева и другихъ, а также печатныхъ изданій и Добрынина 1799 года).

¹⁾ Вариантъ: „Святости.“—²⁾ Ср. ниже такое же (взятое отсюда?) выраженіе въ „Хорѣ“ Павлу.

Мы не приводимъ здѣсь, но все-таки напоминаемъ разные „хоры,“ сочиненные на повторявшійся день коронаціи Екатерины или тѣ, на примѣръ, которые сочинены Сумароковымъ и, въ обстановкѣ Волкова, пѣты въ масленицу 1763 года.

Всѣ приведенныя по рукописямъ Канты на нотѣхъ, такъ что ихъ можно пѣть до сихъ поръ, кромѣ изданій печатныхъ и Добрынина.

* *
*

VI.

Пѣсни Малорусскія.

Мы говорили выше, что со времянъ Петра Былевалъ-Историческая пѣсня Малой Руси дружится съ Московскою или Великорусскою, правильнѣе сказать—обще-Русскою, и вторитъ сей послѣдней. Но само это творчество Малорусское было не многовѣчно: оно началось на старой Великорусской почвѣ, занятой пришельцами, тогда лишь, когда успѣли они развернуть здѣсь свое вольное козацество подъ властью самостоятельныхъ гетмановъ, съ XVI вѣка. То были „Думы,“ отвѣчающія отчасти нашимъ Былинамъ, только моложе нѣсколькими вѣками противу нашихъ Богатырскихъ-Владиміровыхъ, испорченныя складомъ, который уже съ самаго начала сбивалъ стихи, смѣшивалъ розный размѣръ или переходилъ въ скороговорку пересказа (подобно речитативу); не помогли здѣсь и инструменты, богато развитые и сохранившіеся гораздо дольше, чѣмъ у Москвы (прочіе козаки, особенно Донскіе и гулявшіе по Волгѣ, были еще счастливѣе въ семъ музыкальномъ отношеніи): не помогли потому, что народъ еще рѣшительнѣе нашего спускался въ низшій слой „простой,“ болѣе или менѣе невѣжественный, подъ панствомъ, которое шляхетствовало по Польски, а потомъ боярствовало по Московски; всего же больше, не смотря ни на какіе инструменты, повредило здѣсь школярство съ его искусственнымъ языкомъ и возлюбленною рѣмой, — рѣмой, которая съ тѣхъ же самыхъ поръ отличаетъ или, что то же, губитъ всѣ Малорусскіе образцы, даже древнѣйшіе по происхожденію. Такъ, уже въ цвѣтущую пору гетманства, какъ судимъ по удѣлѣвшимъ примѣрамъ, Дума, во многомъ ясная нашей Былины, спустилась противу сей послѣдней еще ниже, на ту степень, которую мы у себя называемъ Побывальщиной, Бабьей Старшиной и всякою „Женскою“ пѣсней: раздробились и вновь образовались такъ называемыя „Думки,“ болѣе краткія, мелкія, слабыя и узкія кругозоромъ, какъ бы сказать—наши „Былины.“ Во всякомъ случаѣ Былево творчество Малоруссовъ всю первую свою эпоху держалось строго интересовъ мѣстныхъ, областныхъ, исключительныхъ, словомъ своихъ лишь Украинскихъ да частью Запорожскихъ: широты древней Богатырской, Владиміровой-Кіевской, въ немъ не было никогда и не могло быть. Извѣдать такую ступень

пришлось лишь поздне. Именно, всеобщее историческое движение, расшевеленное гением Петра для всей и всякой Руси, отозвалось и здесь: Думы и Думки поднялись своим содержанием до этой общей Русской истории и стали вровень с нашими песнями Историческими, переливались с ними то тьмой, то другим взаимным отголоском, как бы лозунгом или царелем великой эпохи. Но такой, довольно поздний для народа подъем, блеском своим не искушавший долгого ожидания и многих вьков младенчества, в котором успевали состариться прежде достижения зрѣлаго возраста, такой неожиданный подъем не мог длиться долго и продолжаться прогрессивно: как и у нас, относительно народа это было напращение послѣдних сил, бесспорно великих, но насмженных сиднем подобно Ильѣ богатырю и вдруг изъ долговременнаго сидня раскодившихся. Думки, вѣрныя одинъ разъ данному толчку и направленію, продолжают вторить нашимъ Историческимъ песнямъ и послѣ Петра во весь XVIII-й вѣкъ: но участь ихъ еще бѣдственнѣе Историческаго пѣснотворчества нашего. У насъ еще, какъ мы видѣли по образцамъ, цѣлый преобразованный вѣкъ продолжала твердо держаться концепція старой Москвы, сложившаяся вмѣстѣ съ сею послѣднею,—разумѣемъ складъ, размѣръ, строй, пріемъ и оборотъ Вылины „Московской,“ сжатый, краткій, весьма художественно законченный, выразительный при всемъ, столь частомъ, лаконизмѣ, ясный своею логичностью. Искуснымъ указаніемъ причинъ и послѣдствій воспѣтаго событія, на сколько это доступно было творчеству безъ искусства личнаго и науки; у насъ помогло содержаніе, внезапно выросшее побѣдами, завоеваніями и всемірною славой; а когда и это все не спасло у насъ народнаго Историческаго творчества, на смѣну его у насъ подоспѣли „пѣсни сочиненныя,“ литература, которая то вбирала, то старалась реформировать, то для многихъ замѣняла и замѣнила народную пѣсню. Совсѣмъ не такъ откликнулось все это въ Малороссіи и не такъ было тамъ послѣ Петра. Думы и Думки, носившія внутри себя сѣмя неудержимаго разложенія, нами очерченнаго, не имѣли въ замѣнъ того опоры или регулирующаго образца; какимъ въ области творчества конечно *могъ быть*, но на самомъ дѣлѣ *не былъ* Кіевъ въ параллель Москвѣ; громкія, занявшія у насъ всю сцену, военныя событія, для Малорусскаго свободнаго участія въ нихъ и отклика, не имѣли теперь на мѣстѣ прежней подставки и основы, еще существовавшей иькогда при Петрѣ: не имѣли прежняго гетманства, свободной по старому Украйны и даже вскорѣ не имѣли уже и Запорожья; не было базиса, на которомъ бы удержаться въ ровень съ нами и зацѣпъ за одно съ нами братскимъ голосомъ. Славные наши подвиги слышались тамъ, издали и вблизи, но слышались большею частію *какъ наши* и висли надъ головами какимъ-то господствомъ, родственнымъ и однако же стороннимъ: не были въ равной степени дѣломъ, соучастіемъ и торжествомъ мѣстнымъ, не были общими въ прежней мѣрѣ—Петровскою, казались скорѣе исключительными — Московскими и Петербургскими. И центръ тяжести, а базисъ козачества передвинулся изъ прежней террито-

ріа: на Дюнь, на Волгу, на Яикъ, на Сибирскую Украйну, на Азовъ и Черноморье въ новой ихъ обстановкѣ, даже на Кубань и воздѣе на Кавказъ; *туда* уже, а не по прежнему въ Малой Руси, видѣли мы параллель пѣсней Московскихъ, *туда* явилось козачество такъ сказать „Московское“ и даже „Подмосковное;“ *отсюда* оно двигалось, въ дѣйствительности и въ пѣснѣ, съ Азовскаго моря на Варяжское, съ Варяжскаго на Каспійское, изъ Чернаго моря въ Швецію, изъ Пруссіи въ Казань и Астрахань. Послѣ этого, въ чемъ же могъ быть выходъ для Малорусскаго пѣснотворчества, выходъ подобный тому, какъ у насъ въ подхватившей „пѣсенной литературѣ?—Выходъ оставался одинъ—въ Кантахъ и къ Кантамъ: ступень еще болѣе глубокая, грубая и невѣжественная, чѣмъ наши „сочиненныя пѣсни;“ ступень тѣмъ болѣе ветшавшая на мѣстѣ, что и она передвинута была для прогресса въ Мессаву, и она уже успѣла замѣниться тамъ болѣе счастливымъ соперникомъ. Такова была роковая судьба: сама Малороссія (въ связи съ Сѣверо-западомъ) породила изъ себя, при помощи Польской, это гнусное школярство и типъ его искусственныхъ стихоплетствъ,—ей же самой пришлось и вкусить всю горечь своего плода, его нецитательность, его ничтожество. А за тѣмъ развѣ оставались уже для спасенія блины, испеченныя Скородою (въ видѣ искусственныхъ пѣсенъ), да вѣжные, но слишкомъ слабые, звуки козака Климовскаго. Только горожанство-мѣщанство съумѣло еще воскресить тамъ какую-то пеструю смѣсь Канта и народной Пѣсни, съ пестрымъ языкомъ и характеромъ: но то уже были пѣсни не Историческія, а всякія другія „Женскія“ и преимущественно любовныя. Такимъ образомъ, при всякомъ изслѣдованіи нашего предмета за XVIII-й вѣкъ, мы можемъ итти весьма рачіонально отъ нашихъ „народныхъ“ Историческихъ пѣсенъ къ ихъ сестрамъ „сочиненнымъ,“ коренившимся на старомъ письменномъ стихотворствѣ; отъ нихъ къ самому „Стихотворству;“ отсюда къ заноснымъ „Кантамъ,“ какъ литературной служени еще болѣе низкой и ветхой; а отсель къ мѣсторожденію Канта, къ Западной Руси и частице къ Малороссіи, къ ея уцѣлѣвшимъ, подо всѣмъ этимъ хламомъ, „пѣснямъ народнымъ, Думкамъ.“ Это ходъ ретроспективный. Но можно итти и обратно, то есть впередъ, и тогда мы пройдемъ отъ народныхъ Думъ Малороссіи къ ея Кантамъ, отъ тамошнихъ Канта къ нашимъ заноснымъ, отъ сихъ послѣднихъ къ пѣснямъ сочиненнымъ и, наконецъ, къ нашей Великорусской народной пѣснѣ, которая, можно сказать, не столько уцѣлѣла, сколько воскресла въ собранныхъ памятникахъ, а самой смертью, изъ подъ памятника, взошла за могилы, одушевила народнымъ дыханіемъ всю нашу новую литературу. Это подлинное воскресеніе и жизнь совершенно новая, преобразившаяся,—минута, въ которой только теперь мы начинаемъ жить сознательно: литература приняла завѣщанный ей народный духъ какъ священнѣйшее наслѣдіе, сперва почти какъ мистерію, потомъ какъ смутный образъ, далѣе какъ оживляющее начало, нынѣ же какъ дѣйствительную силу, самую реальную изъ реальныхъ, самую классическую изъ классическихъ. Съ Малороссіей не случилось и сего послѣд-

него, столь отраднаго, явленія: собирателей народной Малорусской поэзіи не смотря на воли вѣрныхъ сыновъ отчизны, нашлось мало, и тѣ на половину Великоруссы, а изслѣдователи и издатели ожидаются пока исключительно изъ сихъ же послѣднихъ. Вотъ почему и всякая литература тамъ, сколько ни будь съ лозунгомъ народности, являлась и является сенсационною, а какъ скоро избавляется отъ сего неблагоприятнаго признака, тонетъ въ литературѣ обще-Русской, то есть Великорусской по основамъ и почти по синонимическому значенію.

И такъ вотъ чего мы можемъ ожидать отъ народной Исторической, частію и сочиненной, пѣсни въ Малороссіи XVIII вѣка, послѣ Петра, и вотъ что найдемъ въ предлагаемыхъ за симъ образцахъ.

Предупреждаемъ, что эти пѣсни, дабы еще больше не дробить ихъ, обнимаютъ нѣсколько шире, чѣмъ періодъ Екатерининскій и, подобно приведеннымъ у насъ Кантамъ, простираются отъ Анны до Павла *).

*

1.

Посылка на Линію а), на работы.

У Глухови у городи у вси ¹⁾ дзвоны дзвбнють:

Да вже ²⁾ нашихъ козаченькивъ на Линію гонють.

У Глухови у городи стрѣ(ѣ)льнули ³⁾ зъ гарматы ⁴⁾:

Не по однимъ козаченьку заплакала маты.

5. У Глухови у городи стрѣльнули зъ ручніци ⁵⁾:

Не по однимъ козаченьку плакали сестрици.

У Глухови у городи поплѣтены ситки:

Во Глуховѣ во городѣ всѣ звонн трезвонять:

То нашихъ козаченьковъ на Линію гонять.

Во Глуховѣ во городѣ стрѣльнули изъ пушки:

Не по одномъ заплакали матери-старушки.

5. Во Глуховѣ во городѣ стрѣльнули ручницы:

Не по одномъ козаченькѣ плакали сестрици.

Во Глуховѣ во городѣ поплѣтены сѣтки:

а) 1731 г. и далѣе.—¹⁾ Варианта „да й вси.“—²⁾ „Да вже жь.“—³⁾ „стра-
лево.“—⁴⁾ Отъ „армата,“ „армада.“—⁵⁾ ружье, пищаль.

- Не по однимъ козаченьку заплакали дѣтки.
 На быстрому ⁶⁾ на озерѣ геть плавала качка ⁷⁾:
 10. Не по однимъ козаченьку плакала козачка.

- У Грицькови огни горять ⁸⁾, а въ Полтави дымно:
 На могили гетьманъ сидить,—геть тамъ ёго видно ⁹⁾.
 «Допевняйся жъ, нашъ ¹⁰⁾ гетьмане, допевняйся платы:
 «Якъ не будешъ допевняти, будемо втекати!»
 15. —Ой идѣть-же вы, панове, до Петра до свѣта ¹¹⁾,—
 —Ой тамъ буде вамъ, панове, велика заплата:
 —По заступу у рѹченъки, да ще ¹²⁾ и лопата!—

- Сидить козакъ на могилѣ, сорочку латае:
 Ой кинувся до черешкѣ—копѣйки ¹³⁾ не мае.
 20. Сидить пугачъ ¹⁴⁾ на убочу, на витирь надувся:
 Иде козакъ въ Украину, на лихо здобувся.

- Не по одномъ козаченькѣ заплакали дѣтки.
 На быстромъ на озерѣ вонь утка шескалась:
 10. Не одна жена по мужъ слезьки заливалась.

- Во Грицьковѣ огни горять, а въ Полтавѣ дымно:
 На пригоркѣ сидеть гетманъ, вонь тамъ его видно.
 „Домогайся же, нашъ гетманъ, хлопочи о платъ:
 „Коль не будешъ домогаться, будемъ утекати!“
 15. —Ой идите, господа вы, ко Петру ко свѣту,—
 —Ой тамъ будетъ, господа, вамъ велика заплата:
 —По заступу во рѹченъки да еще лопата!—

- Сидить козакъ на пригоркѣ, чинить рубашонку:
 Не копѣйки не найдеть онъ, заглянувъ въ кошонку.
 20. Сидеть филинь на закраѣ, отъ вѣтру надмится:
 Пойдетъ козакъ на Украину, ликомъ поживится.

⁶⁾ „На быстренькомъ.“—⁷⁾ Утка.—⁸⁾ „огонь горить.“—⁹⁾ „гетьманъ стоять, геть намъ ёго видно.“—¹⁰⁾ „панъ.“—¹¹⁾ У Максимовича „свѣта;“ но здѣсь другой стихъ съ рѣшомъ пропущенъ, а это вѣроятно по памяти указаніе на Петра I-го и урочныя его работы.—¹²⁾ „еще.“—¹³⁾ „копѣйки.“—¹⁴⁾ Филинь.

Ишовъ ¹⁵⁾ козакъ на Ляню, да ѿ вельми надулся:
Ишовъ козанъ и-зъ Лянн, — якъ лихо согнувся.

(Помѣчалось въ старинахъ нашихъ писемницяхъ; ср. у Максимовича, пог. 2-е).

*

2:

Пикинеры ¹⁾.

Ой надъ Бугомъ надъ рѣкою, на Турецкій на граници,
Тамъ стояли пикинеры ¹⁾, зъ ними компанійци ²⁾.

Зеленой Недилоньки ³⁾ орда наступае:

«Гей, панове, уступимо! Запасу не мае!»

5. — «Ой чого жъ намъ уступати, чого боемоба?»

— «Ой хочъ орды багато ⁴⁾ иде, мы ий не дамобса!»

Иде орда изъ-за Гарда много зъ прапорами:

Наложите жъ, пикинеры, отъ тутъ головами!

Шель козакъ на Ляню, — да какой надутый:

Пришелъ козакъ съ Лянн, — какъ лихо согнутый!

3.

Ой надъ Бугомъ надъ рѣкою, у Турецкой у граници,
Тамъ стояли пикинеры ¹⁾, съ ними компанійци ²⁾.

На Зеленой на Недѣль ³⁾ орда наступае:

„Эй, господа, отступить бы, запасъ не хватаесть!“

5. — „Ой, чого жъ намъ отступать-то, чого побоймся?“

— „Хоть орды и вѣлить много, мы ей не дадимся!“

Идетъ орда изъ-за Гарда, всё-то съ знаменами:

Подумайте жъ головами, что тутъ будетъ съ вами!

¹⁵⁾ „Ихавъ.“

¹⁾ Съ 1738 г. и далѣе: полки, вербовавшіеся изъ Малоруссовъ въ болѣе регулярную службу.—²⁾ Название, долго державшееся и послѣ за охочеконными полками: поздиѣ поступили они въ регулярную конницу и карабинерные полки.—³⁾ На Зелѣныхъ Святкахъ, обнимающихъ собственно ту недѣлю, которую занимаетъ Семиць и отвѣчающій ему въ Христіанствѣ Троицынъ день, праздникъ куцей среди первой зелени.—⁴⁾ Богато, много.

- Иде орда изъ-за Буга, и въ Бугъ не знабится ⁵⁾:
 10. Стали бидни пикинеры въ Бугъ-рику топиться.
 Идутъ батьки и матери да сынивь пытаются:
 «—Да вже, батькѣ, вашихъ сынивь орлы доглядають ⁶⁾!
 «—Не зхотѣли ваши сыны въ пикинер(а)хъ служити:
 «—Сили соби слободою надъ Бугомъ-рикою.—»
15. Погорили степы, поля и зелени байраки,
 Идутъ зъ войска у города голыи козаки.

*

3.

Кистринъ ¹⁾.

Ой на морѣ—на морѣ синенькимъ,
 Тамъ плавала била лебедонька
 И-зъ маленъкими лебедятами.

- Идетъ орда изъ-за Буга, и въ Бугъ не набится ⁵⁾:
 10. Стали бѣды пикинеры въ Бугъ-рѣку топиться.
 Идутъ отцы-матери, про сыновъ пытаются:
 „—Сыновей вашихъ, отцы, орлы поджидають ⁶⁾!
 „—Не хотѣлось вашимъ дѣтямъ служити въ пикинерахъ:
 „—Сѣли себѣ слободою надъ Бугомъ-рѣкою.—“
15. Погорѣли степы, нивы, зелены байраки,
 Идутъ съ войска въ городѣ голыи козаки.

3.

Ой на морѣ-морѣ синенькомъ,
 Тамъ плыла бѣла лебедушка
 Со малыи лебедятами.

⁵⁾ У Максимов. „не знобится,“ не студится: и ноги еще не опускаетъ въ воду, не переходитъ еще.—⁶⁾ Стерегуть для добычи: выраженіе, извѣстное еще по Слову о П. Игор.

¹⁾ Намъ извѣстный, связанный далѣе съ Гостинимъ-Хотинимъ (отчего и орда: см. объ этомъ выше, при войнѣ Прусской).—

Да ся взявъ сизопирый орелъ:

5. Ставъ лебедку бити ѿ забивати;
 Стала лебедка до ёго промовляти ²⁾:
 «Ой не бій мене, сизопирый орлоньку,
 «Скажу тобі всю щирую правдоньку.

«Якъ у тимъ мисци у Кистрѣни

10. «Да бьеться орда уже трѣ дни,
 «Бьеться вона трѣ дни ѿ три години:
 «Розбилася вона на три половини.
 «Течуть рички—да все кровавыи,
 «Черезъ ты рички мостять мосты—
 15. «Мостять мосты да все головками ³⁾,
 «Головками да все Московьскими.»

*

Гдѣ не взялся сизопѣръ орелъ:

5. Ну бити-забивать лебѣдушку;
 А лебѣдушка промовилась ²⁾:
 „Не бей меня, сизопѣръ орелъ,
 „Скажу тебѣ правду истинну.

„Какъ во городъ во Кистрѣниъ,

10. „Тамъ орда бьется уже трѣ дни,
 „Бьется она трѣ дни, три часочка:
 „Разбилася она на три рукавочка.
 „Течуть рѣчки—да все кровавыи,
 „Черезъ рѣчки мосты мостили,
 15. „Мосты мостять да все головками ³⁾,
 „Головками да все Московьскими.“

*

²⁾ Начало почти одинаковое съ известной хороводной пѣсней. ³⁾ Напоминается Слово о П. Игор.

4.

Гостинь-Хотинь ¹⁾.

- Ой мала вдова сына сокола,
 Выговдала—въ войско оддала.
 Ой старша сестра коня сидяла,
 А середуца ²⁾ хустку качала,
 5. А наймолодша выпроважала,
 А мати ёго выпытовала:
 «Сыну мій, коли прійдешъ до насъ?»
 —Тоди я, нене, прійду до васъ,
 —Якъ павине перья на спидъ потоне,
 10. —А млиновѣй камень на верхъ выплине ³⁾!—
- Вже жъ млиновѣй камень на верхъ выплинувъ,
 Вже й павине перья на спидъ потонуло:

4.

- Имѣла вдова сына сокола,
 Воспитавъ его—въ войско отдала.
 Старшая сестра—коня сѣдала,
 А середняя платкомъ махала ²⁾,
 5. А меньшая сестра провожала,
 А мати его—та выпытовала:
 „Сынъ ты мой, когда жъ прійдешъ ты къ намъ?“
 —Тогда я, родима, буду я къ вамъ,
 —Какъ павино перье потонеть на низъ,
 10. —А камень жерновный выплыветь на верхъ ³⁾!—
- Вотъ камень жерновный выплылъ уже въ верхъ,
 Вотъ павино перье на низъ потонуло:

¹⁾ О смѣщеніи именъ (за одно съ мѣстомъ дѣйствія) см. у насъ выше.—
²⁾ „Середульша?“—³⁾ При провахъ: народный обычай.—⁴⁾ То же, что у насъ на первыхъ страницахъ лѣтописи („Оли камень начнетъ плавати“ и проч.), въ Былинахъ о Садкѣ и другихъ народныхъ памятникахъ.

- «А ще мого сына зъ Гостинá не видно!»
 Выйшла на гóру: «Ой вси полки йдутъ,
 15. «То мого сына коника вѣдутъ!»
 Пытала вона всей старшиннѣ:
 «Чи не бачили сына сокола?»

- Чи не то твѣй сынъ, що семъ полковъ вбивъ,
 — За вóсьмымъ полкомъ головку зхилывъ?
 20. — Зозуля литала надъ нимъ куючѣй,
 — А коники ржали ёго везучѣй,
 — Колёса скрипѣли пидъ нимъ котючѣсь³⁾,
 — Служеньки плакали за нимъ идучѣй!—

Климовскій еще раньше, по старшему образцу, сочинилъ въ этомъ родѣ о побѣдкѣ козака за Дунай знаменитую пѣсню „Ихавъ козакъ за Дунай“, которая имѣла въ Западной Россіи и у насъ въ 18—19 вѣкѣ разнообразнѣйшія судьбы (см. о томъ прежнія наши изданія и ниже).

Нѣкоторые впрочемъ читаютъ такъ: „Коли жъ ты придешь до насъ у гостину,“—въ побывку; потому „А ще мого сына зъ гостинны не видно,“—не видно изъ побывки, изъ отлучки (или съ большой дороги). Но это, кажется, скорѣе порча, проникшая въ пѣсню Историческую.

*

-
- „А всё мого сына съ Хотина не видно!“
 Взошла на гору: „Всѣ полки идутъ,“
 15. „Да сыновяго коника вѣдутъ!“
 Пытала она начальства всего:
 „Не видали ль сокола, сына моего?“

- Что тотъ ли твой сынъ,—семь полковъ разбѣлъ,
 — За вóсьмымъ полкомъ головку склонилъ?
 20. — Кукушка летала сверхъ кукуючѣй,
 — А коники ржали его везучѣй,
 — Колёса скрипѣли подъ нимъ бѣгучѣй,
 — Служеньки плакали за нимъ идучѣй!—

*

³⁾ „котючѣй,“ форма очень возможная?

5.

Хотинь ¹⁾.

Въ славимъ мѣста подъ Хотинемъ,
Гей, гей, у потоку,
Ой, бѣся Турокъ зъ Москалемъ
Бильше якъ пивъ-року.

5. Коли стали тай Москали
Видъ рана до ночи,
Та не еденъ Турокъ-баша
Замкнувъ свои очи;
Коли стали тай Москали
10. Якъ у ²⁾ половини,
Не хай знае Турокъ-баша,
Который день ныни;
Коли крикнувъ Турокъ-баша
Та на свои Турки,

5.

- Подъ Хотинемъ славнымъ градомъ,
У рѣки у брода,
Бьется Турокъ съ Москалями
Болѣ полгода.
5. Коли примется Москаль бить
Съ утра и до ноци,
Не одинъ паша Турецкій
Замкнетъ свои очи;
Коли примется Москаль бить
10. Днемъ, на половинѣ,
Будеть знать паша Турецкій,
Который день нынѣ;
Коли крикнетъ паша-Турокъ
На свои на рать ту,

¹⁾ Текстъ по Вацлаву зъ Олеська. — ²⁾ Вар. „Насъ въ.“

15. Голосъ гуде ³⁾: «Досить буде, погинемо тутки!

«Утикаймо въ Волощину,

«Въ Волоськее мисто:

«А-чей бы насть боронило

«Видъ Москаливъ мицно!»

20. Чорни кавы, чорни вроны, круту гору верыли:

А молодыхъ Туркивъ-бацивъ Москали побили.

*

6.

Степанъ Жадченко,
набѣгъ на Ялту ¹⁾.

Ой кто въ Крымѹ не бувавъ,

Той и дива не видавъ:

А мы въ Крымѹ бували,

Мы тамъ диво видали ²⁾.

15. Гудить голосъ: „Нѣтъ, довольно,

„Намъ не погибать тутъ ²⁾!

„Побѣжимте мы въ Волохи,

„Къ Волошскому граду:

„Не дастъ ли отъ Москалей намъ

20. Крѣпкую ограду!“

Чорны враны и ворбы круту гору криви:

Молодыхъ пашей Турецкихъ Москали побили.

6.

Ой кто въ Крымѹ не бывалъ,

Тотъ и дива не видалъ:

А мы во Крымѹ бывали,

Мы тамъ диво увидали ²⁾.

²⁾ Вар. „Голосъ иде.“—Довольно, иначе здѣсь погибемъ.

¹⁾ Около 1771 г.—У Максимовича отнесено, предположительно, къ 1736 году.—²⁾ Ср. выше почти такое же точно начало у некоторыхъ нашихъ народныхъ пѣсней о Турецкой войнѣ.

5. Перекопський комендантъ
 Запорозьцямъ дає знать:
 «Ой годѣ жь (вамъ), Запорозьци,
 «Въ Калантаѣ пробувать,—
 «Ой ходимо на Ялты ³⁾);
 10. «Козаченькивъ ратовати!»

Запорозьци якъ пишли,
 Впередь голову найшли:
 А въ Жадченка Степана
 Облуплена голова;
 15. Въ Московського копитана
 Спина обидрана.
 Лежать наши козаченьки
 Якъ биленьки смычки:

5. Перекопский комендантъ
 Запорожцамъ даетъ знать:
 „Запорожцы, будетъ вамъ
 „Въ Калантаѣ пробывать,—
 „Ой пойдѣте на Ялту,
 10. „Козаченькамъ помогати!“

Запорожцы какъ пошли,
 Впередь голову нашли:
 У Жадченка у Степана
 Облуплена голова ⁴⁾);
 15. У Московска капитана
 Вся спинишка ободрана.
 Лежать наши козаченьки,
 Бѣлые ⁵⁾, какъ мѣчки:

³⁾ У Максимов. „Ялты.“—⁴⁾ Азіатскій (перешедшій и къ Южнымъ Славянамъ) обычай сдирать кожу и волосы съ головы убитаго, особенно „чубъ“, косу, какъ троей.—⁵⁾ Бѣдые, съ испуга: лежатъ лежми, пластомъ, растянувшись.

А въ Жадченка: у Степана
20. По-за нѳгтями спички.

По времени и значенію нашей Пугачёвщины отвѣчаетъ у Малоруссовъ „Уманская рѣзня“, воспитанъ нѣсколькими пѣнами, которыя всѣ однако мѣстныя и исключительныя, безъ общаго Русскаго интереса, а потому здѣсь не приводятся нами.

Пугачевъ и самъ собою на Украинѣ имѣеть откликъ, но какъ у насъ скрывали опасное имя подь перодѣлками (см. вышн), такъ и тамъ воспользовались названіемъ „пугача“—филіи:

7.

Пугачъ—Пугачевъ.

Ой спавъ Пугачъ на могилѣ ¹⁾ да й крикнувъ винъ «Пугу!»
Чи не дасть Богъ козаченькамъ хоть теперъ потугу?
Що день, що ничь,—усѣ ждемо: поживы не маемъ,
Давно була: Хмельниченька уже не згадаемъ ²⁾!

5. Ой коли-сь мы воѣвали; да больше не будемъ!

У Жадченка жь у Степана
20. Подь ногтями спицы-спички ⁶⁾.

7.

Ой спавъ Пугачъ на могилѣ ¹⁾, да й крикнулъ „Пугу!“
Не дасть ли Богъ козаченькамъ хоть теперъ подмогу ²⁾?
Что дѣнь, что нѳчь, всѣ-то ждемъ мы: и нѳту поживы,
Давно была: Хмельниченька нѳту уже въ живѣ ³⁾!

5. Когда-то мы воевали; да больше не будемъ!

⁶⁾ Остатокъ пѣтки, которую его мучили.

¹⁾ И въ словопроизводствѣ, и особенно потому, что весь Югъ нашъ усы-
явъ могилами—курганами и холмами, „могила“ часто значить простой
„приговорокъ.“—²⁾ Угъху.—³⁾ Ни вадумать, ни зглядѣть его (ср. Слово о П.
Игор.): не воротить.—Юрій Хмельницкій.

Того счастья и той доли по вѣкъ не забудемъ!
 Да вже сабли заржавили, мушкеты безъ кѣрковъ:
 А ще сердце козацкое не боится Турковъ!

*

8.

Пропала Сѣчь Запорожская ¹⁾.

Да встань, Харьку ²⁾, да встань, батьну: годъ вже намъ
 спати!

Ой ходимо до Царицы милости прохати:

«Ой Царице, наша мати! Змилуйся надъ нами,

«Ой дай же намъ прежни степы зъ темными лугами!»»

5. — Не дозволю Запорозьямъ степомъ обладати,

— Да прикажу Москалеви всю Сѣчь розорати!—

Ой ходить нашъ панъ Кошовый, шабельку стискае,—
 Таки жъ бо вонъ Москалеви виры не дѣймае—:

Того счастья и той доли по вѣкъ не забудемъ!
 Заржавѣли наши сабли, мушкеты безъ кѣрковъ:
 А все сердце козацкое не боится Турковъ!

8.

Встань-ко, Харько ²⁾, встань-ко, батько: будетъ же намъ спати!

Ой поидемъ мы ко Царицѣ милости прашати:

„Ой Царица, наша мати! Змилуйся надъ нами,

„Отдай же намъ прежни степы съ темными лѣсами!“»

5. — Не дозволю Запорожцамъ степью обладати,

— А прикажу Москалю я всю Сѣчь разорати!—

Ой ходить нашъ Кошевой панъ, сабельку сжимаеъ,—
 Вѣдь все-таки Москалю онъ виры не имаеъ—:

¹⁾ Просьбы Запорожцевъ Екатерицѣ относятся къ 1774, уничтоженіе Сѣчи къ 1775 году.—²⁾ Герой Уманьскаго дѣла: по воспоминанію.

«О хто хоче зъ шабельками, а мы зъ кулаками, —
10. «Не хай пйде наша слава по-межъ козака́ми!»

*

9.

О ТОМЪ ЖЕ.

Изъ-за горы, зъ-за Лиману, вѣтеръ повивае:
Да вже жъ Москва Запоризья кругомъ обступае.
Ой облягла, обступила, да въ городъ вступила,
Московскими знаменами городъ закрасѣла.
5. Пишла Москва по куренямъ запасу збирати ⁴⁾...
Ой набрали сребра-злата да й стали гадати:
«Ой якъ бы намъ, мили братья, Запоризья взяти?»
Взяли сотню Кошового й Писаря Полкового,
Щобъ не було Запоризья поки свита сѣго.

„Иной хочеть съ сабельками, а мы съ кулаками ³⁾, —
10. „Пусть же поидеть наша слава между козаками!“

9.

Изъ загорья, съ-за Лиману, вѣтеръ повѣваетъ:
Москва уже Запорожье кругомъ обступаетъ.
Облегла и обступила, и въ городъ вступала,
Московскими знаменами городъ украшала.
5. Пошла Москва куренями, запасъ въ нихъ збирати ⁴⁾...
Ой набрали сребра-злата и стали гадати:
„Какъ бы намъ, милые братья, Запорожье взяти?“
Взяли сотню Кошевого да Писаря Полкового,
Чтобы Запорожья въ свѣтъ не стало другого ⁵⁾.

³⁾ Иди на насъ: а мы противъ сабель съ кулаками!—⁴⁾ За сямъ пропущенъ стихъ, выразившій конечно негодованіе и кончавшійся словомъ „мати.“—

⁵⁾ Чтобъ не было Запорожья пока свѣтъ стоить.

10. Ой покрылось Запоризье густыми лозами:
Да вмылися Москалики дрибными слезами!

*

10.

О томъ же ¹⁾.

- Та казавъ еси, Калнышъ кошовый ²⁾, що у Сичи мудро:
Ой якъ выйшли изъ Сиченькы, на серденьку нудно:
Та казавъ еси, Калнышъ кошовый, що у Сичи гречи:
Ой якъ выйшли изъ Сиченькы, оббивъ ворогъ плечи.
5. Ой у Сичи на базари побыто колочки:
Идутъ наши Запорозци та и безъ сорочки.
Та у Сичи на базари загачена гребля:
Ой якъ выйшли изъ Сиченькы, побывъ ворогъ ребра.

*

10. Ой покрылось Запорожье густыми лозами:
Умылися Москалики слезными слезами ³⁾!

10.

- Говорилъ ты прежде, Калнышъ ⁴⁾, что въ Сичи все стройно:
Какъ мы вышли изъ Сиченьки, въ сердцѣ неспокойно.
Говорилъ ты прежде, Калнышъ, что въ Сичи есть гречи:
Какъ мы вышли изъ Сиченьки, оббилъ ворогъ плечи.
5. А у Сичи на базарѣ побиты колочки:
Идутъ наши Запорожцы, кто и безъ сорочки.
Да у Сичи на базарѣ загачена гребля:
А какъ вышли изъ Сиченьки, побилъ ворогъ ребра.

*

³⁾ Не разъ послѣ вспомнили и пожалѣли, глядя на пустыню и не имѣя передоваго оплота противъ Татаръ-Турокъ.

⁴⁾ По тексту Метлинскаго.—⁵⁾ Последній яшевой атаманъ Запорожскій: ревнитель и—по преданію—даже пѣвецъ Запорожья. Хорошо было въ Запорожьѣ по словамъ его: и точно, по выходѣ постигло Запорожцевъ зло и горе.

11.

О томъ же ³⁾.

- За лисомъ—за пролисомъ, за калыновымъ мостомъ,
 Тамъ стоялы хмары вѣйска Запорожецька.
 Помижъ козакамы молодой отаманъ йде,
 Винъ ходе, винъ гуляе, такъ росказуе:
5. «О нуте жъ вы, осаулы молодѣнькыи!
 «Ой збирайте вы худобу Запорожецькую,
 «Вычищайте коныченькивъ все Украиньскыхъ,
 «А сидайте сиделечка все Черкеськыи:
 «Ой у ранци, Запорозци, на Дунай широкий!»
10. Ой якъ выйшовъ нашъ отаманъ на крутую гору,
 Якъ ударывъ нашъ отаманъ объ сырую землю:
 «Сыра земля, мать-матинька, хмары вѣйска прыняла,

11 ³⁾.

- За лѣсомъ-перелѣсьемъ, за мостомъ калиновымъ,
 Тамъ стояли тучи войска Запорожскаго.
 Молодой отаманъ ходитъ межъ козакамы,
 И онъ ходитъ, онъ гуляеть, онъ приказъ даеть:
5. „А нуте-ка, есаулы молодѣшеньки!
 „Собирайте-ка вы бѣдность Запорожскую,
 „Вычищайте вы коньковъ своихъ Украинскихъ,
 „А сѣддайте вы сѣделечки Черкасска:
 „Ой за-утра, Запорожцы, на широкъ Дунай!“
10. Какъ взошелъ ли отаманъ на крутую гору,
 Какъ ударился ли онъ объ сырую землю:
 „Приняла ты войска тучи, мать сыра земля,

³⁾ Оттуда же. Предыдущая пѣсня рисуеть выходъ: а эта переходъ на Дунай (и за Дунай). Самъ отаманъ, съ гора по отчизнѣ покинутой, умираеть.—Пѣсня замѣчательна, между прочимъ, своимъ размѣромъ и складомъ, очень древнимъ и сходнымъ съ нашими Былинами.

«Бурлацкаго, Крымскаго, Запорожскаго, —
«Прыйми жъ ище, сыра земля, мене молодого!»

*

Г. Костомаровъ („Малорусскій сборникъ“ 1859) изъ Запорожцевъ передѣлалъ Донцовъ, ввелъ ихъ на Балканскую гору—то есть заставилъ служить въ войскѣ Русскомъ при Турецкомъ походѣ, отослалъ въ Москву „на квартиры“ и, вмѣсто кончины отъ скорби по родинѣ,—заставилъ полковника искать смерти съ этого тяжелаго „Московского“ зла.

12.

О томъ же.
Галка ¹⁾.

Ой полети, ой полети,
Да чорная галка,
На Донъ рыбы исти:

„Что бурлацкаго, изъ Крыму, Запорожскаго, —
„Прими жъ еще молода меня, сыра земля!“

12.

Полети-ка, полети-ка,
Ты чорная галка,
На Донъ рыбу исти:

¹⁾ Какъ „Чайку (см. ниже)“ приписываютъ некоторые Мазепѣ, другіе Кальшашу или еще некоторымъ лицамъ, такъ сочиненіе и этой пѣсни относятъ къ тому же Кальшашу, послѣднему Кошевому Запорожскому атаману: этого не можетъ быть, она нѣсколько позднѣе и принадлежитъ хору войска строеваго. Важно намъ то, что сами ученые Малоруссы, какъ на примѣръ Максимовичъ, видятъ здѣсь пѣсню „сочиненную“, надъ которою, стало быть, напрасно такъ умиляются и льютъ слезы наши пристрастные (тенденціозные) писатели о Малороссіи, снабжая пѣсню для эффекта подправками и вывода изъ нея чудовищныя заключенія или передѣлывая ее на „Полтаву“ и относя къ старшимъ Великорусскимъ завоеваніямъ (ср. вып. 8, стр. 174, 175 и друг.). Пѣсня дѣйствительно рисуетъ познѣйшее разрушеніе Сѣчи, но вмѣстѣ относится къ нему съ яркимъ юморомъ, даже

Ой принеси, ой принеси,
5. Да чорная галка
Д' кошового ²⁾ висти!

Принеси-ка, принеси-ка,
5. Ты чорная галка,
Кошевыя ²⁾ вѣсти!

наемъшкою: конечно она возникла на Украинѣ, и при томъ при сближе-
ніи со строевыми полками Московскими, при чемъ явился козацко-солдат-
скій хоръ, въ которомъ Малоруссы всегда отличались счастливымъ изоб-
рѣтеніемъ, музыкальнымъ исполненіемъ и прекрасными голосами. — Дѣло
въ томъ, что „напѣвъ“ Галки вполне сохранился доселѣ и усвоенъ нашему
современному „солдатскому (также „сочищенному“) хору“, напѣвъ отчасти
протяжный, отчасти отрывистый и веселый. Именно это—

Эй ребята, Русскіе солдаты (естъ и другое начало)!

А гдѣ жъ ваши матки?

Наши матки

Бѣлыя палатки,

Вотъ гдѣ наши матки!

Эй ребята, Русскіе солдаты,

А гдѣ жъ ваши сестры?

Наши сѣстры

Сабли, сабли востры,

Вотъ гдѣ наши сѣстры! И т. д.

Здѣсь тройкій размѣръ: а) Дважды 4 слога или звука = 8; б) 6 слоговъ
или звуковъ; в) 4 слога или звука, то есть половина стиха осмысленнаго.
Этому совершенно соотвѣтствуетъ музыка, напѣвъ и дѣленіе на колына:
осмысленный стихъ начинается запѣвалой, четырехсложный и шести-
сложный подхватывается хоромъ, при чемъ слышенъ (какъ во всѣхъ по-
добныхъ хорахъ) строевой маршъ, звукъ барабана и рожокъ или клар-
нетъ. — Отъ того, при настоящемъ печатаніи, мы имѣемъ возможность при-
вести весь размѣръ въ порядокъ и правильно раздѣлять стихи, чего на-
прасно стали бы вы искать въ Малорусскихъ изданіяхъ, доселѣ имѣвшихъ
руководствомъ *одина текста*. „Черная галка“—обыкновенный образъ при
началѣ многихъ солдатскихъ хоровыхъ пѣсенъ (естъ и въ дѣтскихъ: „Чор-
ная галка, далеко ли была, Много ли вѣстей подъ крыломъ привнесла?“)
Но упоминаніе тутъ же черѣдко „Марусеньки“ указываетъ на вліяніе Ма-
лороссів. Такъ и для подлежащей сочиненной „Галки“ была основа въ
народной пѣснѣ — „Ой полети, галко.“

²⁾ Сокращалось при пѣніи изъ „одѣ“ (съ концомъ предыдущей „галко“
это и составляло „одѣ“). Но въ подлинникѣ вѣроятно было „кошевыя, ко-
шевыя,“ вѣсти кошевыя, что дѣлается въ кошѣ.

- Да вже жь мени не летати
 — На Донь рыбы всти,
 — Да вже жь мени не носити
 10. — Д' кошового висти!—
- Ой вы Запорозци,
 Ой вы молодцы!
- Повдавались 'динь въ одного
 Якъ братья ридны!
15. Ой вы Запорозци,
 Ой вы молодцы,
 А де жь ваши кони?
 «Наша кони ³⁾
 «Въ пана на пригони ⁴⁾,
 20. «Сами жь мы въ неволи.»»
- Ой вы Запорозци,
 Ой вы молодцы!
 А де жь ваши узды?

- Миѣ ужь больше не летати
 — На Донь рыбы всти,
 — Миѣ ужь больше не носити
 10. — Кошевыя вѣсти!—
- Ой вы Запорожцы,
 Ой вы молодцы,
 Уродились другъ во дружку
 Какъ братья родны!
15. Ой вы Запорожцы.
 Ой вы молодцы,
 А гдѣ жь ваши кони?
 „Наша кони
 „На панскомъ пригонѣ ⁴⁾,
 20. „Сами жь мы въ неволи.“
- Ой вы Запорожцы,
 Ой вы молодцы!
 А гдѣ жь ваши узды?

³⁾ Это и есть половинный стихъ сравнительно съ осмысленнымъ.—⁴⁾ Въ крѣпостной работѣ на пана.

- «Наши узды
 25. «Въ коней на заузды,
 «Сами жъ мы у нужди.»»
- Ой вы Запорозци,
 Ой вы молодые!
 А де жъ ваши списы ⁶⁾?
 30. «Наши списы
 «У пана у стриси ⁷⁾,
 «Сами жъ мы у лиси.»»
- Ой вы Запорозци,
 вы молодые!
 35. Де жъ ваши ручници?
 «Наш' ручници
 «У пана въ свѣтлицѣ,
 «Сами жъ мы въ темницѣ.»»

- „Наши узды
 25. „У коней въ заузды ⁶⁾,
 „Сами же мы въ нужды.“»
- Ой вы Запорожцы,
 Ой вы молодые!
 А гдѣ жъ ваши пикки?
 30. „Наши пикки
 „Пану шли на крышки ⁷⁾,
 „Намъ лѣса велики ⁸⁾.“»
- Ой вы Запорожцы,
 Ой вы молодые!
 35. Гдѣ жъ ваши ручници?
 „А ручници
 „У пана въ свѣтлицѣ,
 „Сами жъ мы въ темницѣ.“»

⁶⁾ Уздами нашими взузданы кони на чужую работу; или просто висеть на заузды, а кони на волѣ.—⁶⁾ Съ Нѣмецкаго.—⁷⁾ Пошли пану въ слѣги на стрѣху, въ соломенную или тростниковую крышку пана.—Пожалуй «Наши копыя Въ крышу шли на сполья.»—⁸⁾ Сами же мы въ лѣсу, бѣжали „до ласу:“ намъ самимъ велики, просторны лѣса, можно тамъ надѣлать новыхъ пикъ.

- Ой вы Запорозци,
 40. Ой вы молодцы!
 А де жъ ваши луки?
 «Наши луки
 «Побрали гайдѹки »),
 «Сами жъ мы въ розлуки.»»
- Ой вы Запорозци,
 45. Ой вы молодцы!
 Де жъ ваши жупаны?
 «Наш' жупаны
 «Ноносили паны,
 50. «Сами жъ мы пропали!»»
 Ой полети, ой полети,
 Да чорная галко (и прочее, въ концѣ повторяется на-
 чало)...
 *

- Ой вы Запорожцы,
 40. Ой вы молодцы!
 А гдѣ жъ ваши луки?
 „Наши луки
 „Побрали гайдѹки »),
 „Сами жъ мы въ разлукѣ.“»
- Ой вы Запорожцы,
 45. Ой вы молодцы!
 Гдѣ жъ ваши жупаны?
 „А жупаны
 „Износили паны,
 50. „Сами жъ мы пропали!“»
 Полети-ка, полети-ка,
 Да чорная галка (и прочее, въ концѣ повторяется начало).

*

*) Не хайдуки-разбойники, какъ у Южныхъ Славянъ, а господскіе велико-
 рослые служители, легко вооруженные, лишь для красоты.

13.

То же объ Украйнѣ.

Чайка ¹⁾).

а)

Ой беда, беда чайци небози,
 Що вывела дитки при битій дорозѣ!
 «Кигі, Кигі ²⁾!» Злетивши въ гору ³⁾,
 Тильки втопиться въ Чорному Морю ⁴⁾!

5. Жито поспило,
 Приспело діло ⁵⁾:
 Йдуть женьци жати,

13.

а)

Ой бѣда тебѣ, чайка убога:
 Вывела ты дѣтокъ, гдѣ торна дорога!
 „Киги, Киги ²⁾!“ Влетѣть высоко
 Да пасть ей въ море Чорно-глубоко ⁴⁾!

5. Жито поспѣло,
 Приспѣло дѣло ⁵⁾:
 Идутъ жнецы жати,

¹⁾ Это кстати. „Гаака“ породила „Чайку:“ уже явно сочиненную, лирическую и даже тенденціозную, стало быть позднѣйшее сочиненіе поэта, котораго называютъ различно, хотя до сихъ норъ безъ точныхъ доказательствъ. Здѣсь уже не Запорожье, а вся Украина, вся Малороссія, вѣжная мать дѣтокъ; въ куликѣ видятъ Польшу, въ „бугаѣ-бугу“ („бугу“ его крикъ),“ то есть въ быкѣ или быкѣ-птицѣ, выпя, узнаютъ Москву, Великую Русь. Вариантовъ много (волѣдствіе большаго употребленія); мы печатаемъ сначала по Максимовичу.—²⁾ Крикъ чайки.—³⁾ Въ верхъ.—⁴⁾ Это припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.—⁵⁾ Размѣръ здѣсь имѣняется противу начала: начинается стихъ „двойной“, съ рѣзкою въ концѣ обѣихъ половинъ.

Дѣтокъ забираги.

«Киги, Киги!» и проч.

10. «Ой дити, дити!
«Де васъ подити?
«Чи мени втопиться,
«Чи зъ горя убиться?»»

И куликъ чайку

15. Взявъ за чубайку;
Чайка кигиче:
«Згинь ты, куличе!»

А бугай-бугу

Гне чайку въ дугу:

20. — Не кричи, чайко,
— Бо буде тяжко! —

«Якъ не кричати,
«Якъ не летати?»

Дѣтокъ забираги.

„Киги, Киги!“ и про ч.

10. „Ой дѣти, дѣти!
„Гдѣ васъ мнѣ дѣти?
„Что мнѣ, утопиться,
„Иль съ горя убиться?“

Взялъ куликъ чайку

15. За хохоль-чубайку;
Чайка вопити:
„Сгинь, пропади ты!“

А бугай-бугу

Гнѣтъ чайку въ дугу:

20. — Не кричи, ну же,
— Иль будетъ хуже! —

„Какъ не кричати,
„Какъ не летати?“

«Дѣтки малѣньки,

25. «А я ихъ мати!»

«Киги, Киги!» Злетивши въ гору,
Тильки втопиться въ Чорному Морю!

*

Мы прибавимъ къ этому варианту изъ собранія кн. Церетелева, такъ какъ пѣсня очень распространена:

б)

Ой беда, беда

Чайци небоги,

Що вывела дитокъ,

Край самой дороги!

5. «Киги, Киги!» Взлетивши въ гору,

Прійдется втопиться въ Чорному морю!

Жито пожовтило,

Подобно ¹⁾ поспило:

Идутъ женци жаты,

10. Дитокъ забирають!

И кулыкъ чайку

Взявъ за чубайку;

Чайка кигиче:

«Эгинь ты, кулыче!»

15. А бугай въ лугу

Гне чайку въ дугу:

— Не кричи, чайко,

— Буде тобі тяжко!—

„Дѣтки малѣньки,

25. „А я имъ мати!“

„Киги, Киги!“ Взлетѣть високо.

Да пасть ей въ море Чорно-глубоко!

*

^{б)} Пѣсня не народная, а потому мы не гоняемся за точными и лучшими переводами.

¹⁾ Видимо, по всему.

- «Якъ не кричаты,
 20. «Якъ не литаты?
 «Детки маленьки,
 «А я ихъ маты!»
 «Киги, Киги!» Взлетивши въ гору,
 Придется втопиться въ Черному морю!

*

14.

Кинбуръ ¹⁾.

- Ой стоялы на гавани, протывъ Яныкбля,
 Ой тамъ була хуртовына изъ Чорного моря.
 Ой въ недилю по раненьку, якъ стало свитаты,
 Ой ставъ нашъ ²⁾ Головатый на хлопцивъ гукаты:
 5. «Пидыймайте, добри хлопци, паруса вси въ гору,
 «Ой бье Турокъ изъ Кинбуръ зъ пущокъ на тревогу!»
 Пиднялы ³⁾ добри хлопци вси паруса въ гору,
 Пийшлы Днипромъ протывъ воды корабли на воду.
 Пийшлы наши добри хлопци Днипромъ протывъ воды:
 10. Набралыся сердешныи превелькый биды.

14.

- Ой мы въ гавани стояли, противъ Еныкбля,
 Всѣ держала злая буря отъ Чорнаго моря.
 Въ воскресенье ранымъ-рано, какъ стало свѣтати,
 Началъ панъ нашъ Головатый на хлопцевъ кричати:
 5. „Подымайте, добры хлопцы, паруса въ дорогу,
 „Вонъ бьетъ Турокъ изъ Кинбуръ пушками тревогу!“
 Поднимали добры хлопцы паруса въ дорогу,
 По Днѣпру протывъ воды шли корабли на воду.
 Хлопцы шли Днѣпромъ рѣкою, протывъ ихъ шли воды:
 10. Сердешные набралися великой невзгоды.

¹⁾ Текстъ по Метлинскому: ср. пѣсни „сочиненныя.“—²⁾ „нашъ панъ?“—
³⁾ „Ой пидняамъ?“

Ой оглянувъ ¹⁾ нашъ Головатый въ прозорную трубу:
«Ой теперъ я вражихъ Туркивъ бояться не буду!»

*

15.

Очаговъ.

Збиралися комисары пидъ царьски палаты,
Пишуть листы ¹⁾ на Вкраину—пидъ аршины брати ²⁾.
Написали на Вкраинѣ вдовиного сына:
«Ой то жъ козаць уродливый ³⁾, доходить аршина!»

5. Ой зачуе жъ стара ненька, Ивасѣва мати:
—Ой де жъ тебе, мій сыноньку, я маю сховати?—
«На що жъ менѣ, матусенько, ты маешъ ховати?
«Буду тобі изъ столици червонными слати.»
—На що жъ мени, мій сыноньку, червонными твои,
10. —Що некому поховати головоньки мени?—

Глянуть трубкою подзорной атаманъ оттуда:
„Вотъ теперъ я вражихъ Турковъ бояться не буду!“

15.

Сбиралися комисары подъ царьски палаты,
Пишуть листы ¹⁾ на Украйну—подъ аршины брати ²⁾.
Записали на Украйнѣ вдовиного сына:
„Хорошь козаць уродился, по жъркѣ аршина!“

5. Заслышитъ стара родима, взговорить дитяти
Ваяюшкина мати:—Смиочекъ, гдѣ жъ тебя дѣвати?—
„На что меня, матушка, ты будешъ сберегати?
„Буду тебѣ изъ столицы червонными слати.“
—На что мнѣ твоихъ червонныхъ, сыночекъ мой, горы,
10. —Какъ некому схоронить здѣсь головушки хворой?—

¹⁾ „Ой глянувъ?“ Всего этого требуетъ размѣръ стиховъ...

²⁾ Грамоты, указы (письма).—³⁾ Вербовать по росту и жъркѣ.—⁴⁾ По природѣ хорошій, „по уродѣ“ у насъ „хорошь уродился.“

«Поховають, моя нене, тебе добри люде,
«Ой якъ мене, молодого, до тебе не буде.»

- Вдовинъ сынокъ, вдовиченко, коня наповае:
Его ненька старесенька въ окно поглядае.
15. Вдовинъ сынокъ, вдовиченко, коника сидлае:
Его ненька старесенька сильненько рыдае.
Вдовинъ сынокъ, вдовиченко, на коня сидае:
Его ненька старесенька крыжемъ упадае ⁴⁾.
Вдовинъ сынокъ, вдовиченко, зъ двора выизжае:
20. Его ненька старесенька за стремёнъ хапае.

Ой въ городи въ Очакови вдали изъ лука:
Да вже жъ тоби, вдовинъ сыну, зъ матерью розлука!
У городи въ Очакови вдали зъ гарматы ⁵⁾:
Уже жъ тоби, вдовинъ сыну, матки не видати!

*

„Похоронять, родимая, тебя добры люди,
„Какъ меня здѣсь, молодого, при тебѣ не будетъ.“

- Вдовинъ сынокъ, сиротинка, коня себѣ понть:
Родимая старѣшенька въ окно на то смотреть.
15. Вдовинъ сынокъ, сиротинка, коника сѣдлае:
Родимая старѣшенька сильненько рыдае.
Вдовинъ сынокъ, сиротинка, на коня садится:
Родимая на земь пала и крестомъ ложится ⁴⁾.
Вдовинъ сынокъ, сиротинка, съ двора выѣзжае:
20. Родимая старѣшенька за стремя хватае.

Во городѣ въ Очаковѣ стрѣльнули изъ лука:
Это тебѣ, вдовинъ сынокъ, съ матерью разлука!
Во городѣ въ Очаковѣ стрѣльнули изъ пушки:
Больше тебѣ не видати матери старушки!

*

⁴⁾ Обычай, отъ католиковъ, ложиться „крыжемъ“, крестомъ на землю для молитвы: такъ выражается порож и горькое отчаяніе, которому остается приближенъ одинъ крестъ.—⁵⁾ См. выше.

16.

Тамъ же ¹⁾.

Ой изъ низу зъ-за Лиману витерь повивае,
 А вже Супрунъ до Калныша лысты посылае:
 «Ой чи звельшь, пане Калнышу, у недилю ²⁾ рушаты,
 «Ой чи звельшь, пане Калнышу ²⁾, понедилка ждаты?»
 5. — Ой не велью тобі, козаче Супруне ³⁾, у недилю рушаты,
 — А велью тобі, козаче Супруне ³⁾, понедилка ждаты.—

Ой не знавъ же козакъ Супрунъ, якъ славы защиты:
 Веде вѣйсько Запорозьке пидъ Очакивъ, вельть орду бити ⁴⁾.
 Ой выстрѣливъ зъ малой пушки, а зъ однеи двичи:
 10. А сунула вража орда а осой въ вичи.
 Ой козакови Супрунови та назадъ ⁵⁾ руки вьлжуть,

16.

Съ низу было съ-за Лиману вѣтеръ повѣваетъ,
 А Супрунъ козакъ Калнышу письма посылаетъ:
 „Не велишь ли въ воскресенье, Калнышъ, подыматься,
 „Или лучше въ понедѣльникъ и его дожждаться?“
 5. — Не велью я въ воскресенье, Супрунъ, подыматься,
 — А велью я въ понедѣльникъ и его дожждаться.—

Ой Супрунъ козакъ не знаеть, какъ славы добыти:
 Ведеть войско подъ Очаковъ, орду велить бити ⁴⁾.
 Выстрѣлялъ изъ малой пушки, изъ одной два раза:
 10. Налетѣла орда вражья осой въ оба глаза.
 Ворогъ козаку Супруну руки назадъ вьжетъ,

¹⁾ По тексту Метлинскаго.—²⁾ Судя по размѣру стиховъ, должно быть: „Ой чи звельшь, панъ-Калнышу,“ „пане Калнышъ“, или „Чи звельшь, пане Калнышу;“ „въ недилю.“—³⁾ Д. б. „Не велью тобі, Супруне;“ „А велью тобі, Супруне.“—⁴⁾ Д. б. „Веде вѣйсько пидъ Очакивъ, велить орду бити;“ а еще вѣроятнѣе, Очаковъ вставленъ позже, съ начала же было: „Веде вѣйсько Запорозьке, вельть орду бити.“—⁵⁾ Д. б. „Козакови Супрунови назадъ.“

А козакъ Супрунъ двоимъ ⁶⁾ мурзакамъ правдонькы не ка-
жетъ:

«Ой поведить мене, та два мурзакы, а на Паліеву могилу ⁷⁾,
«Не хай же я самъ побачу, де марно загыну!»

15. Ой якъ глянувъ та козакъ Супрунъ а на свою та великую
сылу ⁸⁾:

«А берите двоихъ мурзакивъ, бо я ще не згыну!»

Отселѣ идуть собственно пѣсни Черноморскія.

*

17.

Тамъ же ¹⁾.

Ой хотивъ же та панъ Супрунъ та славы зажиты,
Веде війско пидъ Очакивъ, велить Турка биты ²⁾.

Били Турка денно-нично и храбро ступады,

А въ середу по раненьку зъ Кубани рушаламъ,

5. А восьмой недиленькы у Варшави стали ³⁾.

А Супрунъ мурзамъ поганымъ правды все не скажетъ.

„Поведите-ка меня вы на мою могилу ⁷⁾,

„Дайте прежде посмотрѣть миѣ, гдѣ напрасно сгину!“

15. Какъ завидѣлъ тамъ Супрунъ свою велику силу:

„Эй, берите мурзъ поганыхъ, я еще не сгину!“

17.

Захотѣлъ же панъ Супрунъ нашъ славы придобити,

Ведеть войско подъ Очаковъ, велить Турка бити ²⁾.

Били Турка денно-ночно, храбро подвизались,

А въ середу по раненьку съ Кубани подвнялись,

5. На восьмую на недѣлю Варшавы добрались ³⁾.

⁶⁾ „двоимъ“ лишнее.—⁷⁾ Замѣтно, что должно быть первоначально: „Пове-
дять мене, мурзакы, на мою могилу;“ древняго и славнаго Палія очевидно
пѣвецъ вставилъ ради поэтической вольности и красоты.—⁸⁾ Въ подлин-
никѣ конечно было: „Ой якъ глянувъ козакъ Супрунъ а на свою силу.“

¹⁾ Оттуда же.—²⁾ Смотри такой же стихъ въ предыдущемъ образцѣ, по
требованію размѣра.—³⁾ Пѣсня предупреждаетъ послѣдовавшее вскорѣ дви-
женіе козаковъ подъ Варшаву.

- А въ недилю по раненьку коныкъ розыгрався,
 А къ вечеру нашъ панъ Супрунъ въ неволю попався.
 Надъ ричкою надъ Дунаемъ орлы загравалы,
 А козаки отамана зъ неволи досталы.
10. Надъ ричкою надъ Дунаемъ короговка вьеться:
 Ой тамъ-то нашъ та панъ Супрунъ зъ Татарыномъ бьеться.
 Надъ ричкою надъ Дунаемъ короговка мае:
 Десь нашего та Супруна на свити не мае.
 Ой не стрилы громовыи, гарматы ворожськыи ⁴⁾
15. Напираютъ на козакивъ та на Запорозцивъ.
 «Бійте, бійте та Супруна, пана коменданта,
 «Бійте, бійте, не жалуйте, хочъ ридного брата!»
 Ой не орла, не сокола збираються вбиты:
 Ой то жъ пана та Супруна ведуть загубиты.
20. «Ой не ведить мене, братця, въ глыбоку долину,

- Въ воскресеньє ранимъ-рано конѣкъ разыгрался,
 А къ вечеру панъ Супрунъ нашъ въ неволю попался.
 Надъ рѣчкою надъ Дунаемъ орлы заиграли,
 А козаки атамана изъ неволи взяли.
10. Надъ рѣчкою надъ Дунаемъ хоруговка вьеться:
 Тамъ-то, было, панъ Супрунъ нашъ съ Татарыномъ бьеться.
 Надъ рѣчкою надъ Дунаемъ хоруговку видно:
 Что-то нашего Супруна на свѣтъ не слышно.
 Ой не стрѣлы громовыи, а пушка ворожья
15. Напираетъ на козакѣвъ, ввуковъ Запорожья ⁴⁾.
 „Бейте, бейте вы Супруна, пана коменданта,
 „Бейте, бейте, не жалѣйте, хотъ роднаго брата!“
 Не орла, не соколѣ тамъ сбираются бити:
 Ужь какъ пана тамъ Супруна ведуть загубити.
20. „Не ведите меня, братцы, въ глыбоку долину,

⁴⁾ Д. б. „ворожськыи“ или, пожалуй, еще старшая форма „ворожсьци.“ — Черноморцы были ввуками Запорожья нослѣ истыхъ смыловъ или дѣтей его

«Ой поведить мене, ворогы, на високу ⁵⁾ могылу:
«Не хай буде знаты ⁶⁾ Украина, де панъ Сунрунъ згн-
нувъ!»

*

18.

Измайлъ ¹⁾).

Видъ Кылыи до Измайлова ²⁾ покопани шанци:
Ой вырубалы Туркы Новодинцивъ ³⁾ у середу въ ранци.
А Черноморци, храбри Запорожци, черезъ Дунай переиз-
дылы,
Воны жъ тую проклятую Измайливьску орду зъ батареи
збили.
5. Ой дали жъ, дали Измайливьски Туркы Надольскому баши
знаты:

„Поведите на високу, вороги, могилу ⁴⁾:
„Пусть узнаетъ Украина, гдѣ я, Сунрунъ, сгину!“

18.

Отъ Килии къ Измаилу шанци покопали:
Въ среду рано Новодонцевъ ²⁾ Туркы вырубали.
Козаки же Черноморци, славны Запорожци,
Черезъ рѣку чрезъ Дунай они переѣзжали,
5. Орду тую проклятую съ батарей сбивали.
Измайловскіе Турки дали панѣ знати:

⁴⁾ Д. б. „Ой поведить на високу, ворогы, могилу,“ а еще проще, и вѣро-
ятно старше, „Ой поведить мене, братця, на мѡю могилу.“ Ср: выше преды-
дущій образецъ.—⁵⁾ Конечно „Не хай знае.“

¹⁾ Оттуда же.—²⁾ По размѣру, которому и мы обычно слѣдовали, нужно
бы „до Измайла,“ или, какъ приведенъ г. Метлинскимъ вариантъ, „до Шмай-
лова.“ Но размѣръ уже явно попорченъ и по два стиха втиснуто въ одинъ.—
³⁾ Донцовъ, „новыхъ“ козаковъ сравнительно съ Запорожскими и Украин-
скими.

«Що не мусишъ, Анадольскій башо, противъ Черномор-
цевъ стояты.»»

Ой ставъ же та Измайлівскій баша бѣлый флагъ выкидаты:
Ой тоди стали славны Запорозци запасы й ружья видби-
раты.

10. Ой брали ружья й кони вороныи,
Брали й сукна дорогыи,
Усе розмылише... которихъ порубалы,
То тихъ у вострови поховалы,
А котори поранени, у Кылію одиравлалы.

*

19.

**Тамань. Гетманъ Потемкинъ.
Пѣсня Черноморская ¹⁾.**

Ой годи намъ журитися, пора перестати:
Дождалися отъ Царицы за службу заплаты!

„Что паша ли Анадольскій, паша, глава наша,

„Нельзя противъ Черноморцевъ тебѣ устояти.“»

Ой с аль паша флагъ свой бѣлый со стѣвъ выкидаты:

10. Ста и Запорожцы ружья, запасъ отбирати.
Брали ружья, брали коней, кони вороныи,
Брали коней, брали сукна, сукна дорогія.
Все побрали, растрепали... Кого порубили,
Тѣхъ на острову, какъ должно, въ землю хоронили,
15. А который былъ пораненъ, въ Кылію возили.

19.

Полно же намъ тосковать, пора перестати:
Дождалися отъ Царицы за службу заплаты!

¹⁾ Потемкинъ набралъ изъ Запорожцевъ охочее войско, подъ именемъ Черноморцевъ, и, послѣ Очакова, гдѣ они отличились, самъ получалъ ги-

- Дала ²⁾ хлѣбъ-соль и грамоты за вирныя службы:
 Отъ, теперь мы, мили братця ³⁾, забудемъ вси нужды!
5. Въ Тамани жить, вирне служить, границу держати,
 Рыбу ловить, горилку пить: ще й будемъ багати!
 Да вже треба женитися и хлиба робити,
 А хто приїде изъ невірныхъ ⁴⁾, то якъ чорта ⁵⁾ бити ⁶⁾!
 Слава Богу и Царици, а покой Гетьману ⁷⁾:
10. Заличили въ сердцахъ нашихъ ⁸⁾ великую рану!
 Благодаримъ мы Царицю, молимся Богу,
 Що вона намъ указала на Тамань дорогу!

*

- Дала ²⁾ хлѣбъ-соль и грамоты за вѣрныя службы:
 Вотъ теперь мы, мили братья, забудемъ всѣ нужды!
5. Жить въ Тамани, служить вѣрно, границу держати,
 Рыбу ловить, пить горѣлку: вотъ будемъ богаты!
 Да ужъ нужно намъ жениться, свой хлѣбъ заводити,
 А кто придетъ изъ невѣрныхъ, ихъ какъ чорта бити ⁶⁾!
 Слава Богу и Царицѣ, а покой гетману ⁷⁾:
10. Заличили въ сердцахъ нашихъ великую рану!
 Мы благодаримъ Царицу, молимся мы Богу,
 . Что она намъ указала на Тамань дорогу!

*

туть ихъ Гетмана, а Черноморцы въ 1792 г. поселены на Тамани. На праздникъ, по случаю присланныхъ утвердительныхъ Царскихъ грамотъ, 15 Августа 1792 года, явилась и пѣта означенная пѣсня: сочиненіе ея приписываютъ Войсковому Судѣѣ, который привезъ въ Черноморскій кошь и грамоты, *Головатому*, извѣстному также „Вершею“, которуя отъ произнесъ Потемкину отъ лица Запорожцевъ въ Свѣтлое Воскресенье („Христосъ воскресъ, радъ миръ увесъ:“ собственно это его передѣлка, ср. „Калѣки Перехожіе“). Пѣсня помѣщалась и въ нашихъ Пѣсенникахъ, но тамъ она приводится какъ „сочиненіе извѣстнаго *Сковороды* (такъ шатки вообще всѣ эти указанія на лица при пѣсняхъ „сочиненныхъ:“ ср. во многихъ мѣстахъ выше).—²⁾ Варіантъ „Дали.“—³⁾ Вар. „миле братья.“—⁴⁾ „Хто приїде къ намъ изъ невірныхъ.“—⁵⁾ „Якъ враги.“—⁶⁾ Значительный варіантъ (послѣ встрѣчи съ Черкесами): „Туть-то мы будемо жити, и рыбу ловити, И вражого да Черкеса по кручамъ (высотамъ) гонити.“—⁷⁾ Потемкину.—⁸⁾ Вар. „Заличили намъ въ сердцахъ нашихъ.“—Между прочимъ лѣченьемъ указана наставшая безжоннымъ и безработнымъ Запорожцамъ необходимость—жениться и обрабатывать пашню для хлѣба.

Костюшко.—Потоцкій ¹⁾.

На широкомъ поли бѣлый орелъ вбитый:
 Пишли жъ наши Ляшки Французамъ служить.
 Костюшко Французамъ за надежду служить:
 Охъ, якъ же винъ дуже за Польщю тужить!

5. Домбровского ²⁾ пришлють насъ всехъ вызволити:
 Не будемъ Москалямъ видъ души платити.
 Въ тотъ часъ вдаримъ твердо на наши сусиди,
 Що насъ набавили нужды и всей биды:
 А де очерета, тамъ люде сидали,
 10. А де жизни ³⁾ поля, Москали стояли;
 Матери и батьки очи выплакали,
 Що ихъ сыны чужи вѣска въ рекруты забрали.
-

На широкомъ полѣ бѣлый орелъ вбитый:
 Пошли наши Ляхи Французамъ служить.
 Костюшко Французамъ по надеждѣ служить:
 Да какъ же о Польшѣ онъ крѣпко и тужить!

5. Домбровскаго ²⁾ пришлють насъ освободити:
 Москалямъ не будемъ подушны платити.
 Мы ударимъ твердо, пусть знаютъ сосѣды,
 Отъ которыхъ вышли всѣ нужды и бѣды:
 Плетень тростниковый,—тамъ люди садились,
 10. Гдѣ житное поле,—съ Москвы становились;
 Матерямъ ли, батькамъ, слезъ имъ не достало,
 Какъ дѣтей чужое войско въ рекруты забрало.
-

¹⁾ По тексту О. М. Бодянского, изъ „Чтеній“.—Образецъ не хорошъ по складу и язшкѣ.—²⁾ Генерала того времени.—³⁾ „Житны?“ Хотя по лѣтописамъ жито именуется и „жизнью“, и „жиромъ“ (ср. Слово о П. И. Игор.).“

Ой ты, пане Потоцькій, Воеводській сыну ⁴⁾,
 Запродавесь ⁵⁾ Польшу, Литву й Украйну!
 15. Твоя гадка була королёмъ зистати:
 Пишовсь ⁵⁾ до Царици помощи прохати!
 Прийде тотъ часъ, прийде, и тая година,
 Счезнешъ, бисе проклятый, и твоя родина!

*

(Текстъ Малорусскихъ пѣсень приведенъ нами всего чаще по Максимовичу, Метлинскому и некоторымъ другимъ.)

21.

Костюша ¹⁾.

(Губ. Московск., у. Звенигор., с. Шльмиское).

Лежать Ляхи на три шляхи ²⁾, москаль на четыре ³⁾:
 Лежать ранены Поляки по сту по четыре,
 По сту по четыре, ни каждой долинь.
 Л жить ранень панъ Костюша у бѣлаго камня.
 5. Къ нему панья ⁴⁾ приѣзжала, жена молодая,
 Она плакала-рыдала, слезно причитала:
 «Не я ль тебѣ, панъ Костюша, не я ль говорила,
 «Говорила я, Костюша, не ѣди въ Бѣлой городъ ⁵⁾,

Ой ты, панъ Потоцькій, Воеводській сыну ⁴⁾,
 Запродавъ ты Польшу, Литву, Украйну!
 15. Думаль и гадалъ ты королемъ въ нихъ быти:
 Пошоль ты къ Царицѣ помощи просити!
 Придетъ тебѣ часъ тотъ, придетъ тое время,
 Исчезнешъ, проклятый бѣсъ, семья твоя, племя!

*

⁴⁾ Глава конфедерации.—⁵⁾ Запродавъ еси, пошоль еси.

¹⁾ Помѣщаемъ въ концѣ Малорусскихъ пѣсень, такъ какъ это явная передѣлка изъ нихъ.—²⁾ По тремъ большимъ дорогамъ (съ Нѣмецк., см. выше).—

³⁾ Это начало чисто-Малорусское изъ некоторыхъ тамошнихъ пѣсень.—

⁴⁾ Госпожа.—⁵⁾ Вѣвостокъ?

«Полно, полно, панъ Костюша, съ Москвой воевати,—
10. «Москва славна и велика, больше нашей Польши »!)»

(Записано П. В. К.—мъ въ 1833 году).

Эта Великоорусская передѣлка изъ Малорусской пѣсни крайне замѣчательна, и по характерности, и потому, что подлинника Малорусскаго не имѣемъ.

Г. Мордовцевъ („Литературный сборникъ“ 1859) вздумалъ было напечатать какую-то хитрую „Малорусскую (хотя плохимъ Малорусскимъ языкомъ писанную)“ сказку, гдѣ очень тонко выводитъ злую бабу „Катерину“ съ войскомъ, „Короля“ и несчастную жертву ихъ „Поланина (не лучше ли назвать собственнымъ именемъ?):“ но мы здѣсь, разумеется, не помѣстимъ ни такихъ выдумокъ г. Мордовцева, ни фантазій почтеннаго г. Костомарова. При всей внутренней порчѣ, о которой мы говорили, при всей тенденціозности, которая хвѣстами сюда проникла по мѣрѣ „сочиненія“ и которая вовсе не помогаетъ, а напротивъ вездѣ вредитъ искусству, наконецъ при всей нескладности или складности искусственной и рѣмъ, вложенной школярствомъ, приведенныя Малорусскія пѣсни, въ лучшихъ и избранныхъ образцахъ своихъ, достойны величайшаго вниманія и высокой безотнестельной цѣны. Многія изъ нихъ, въ борьбѣ внутренней за народность пѣсни и борьбою сей побѣждая трудности, оказываются равны современнымъ для нихъ Великоорусскимъ (Московскимъ по началу) краткимъ Былинамъ или пѣснямъ Историческимъ, въ своей концепціи, сматой и художественно законченной, въ меткомъ образѣ и словѣ: рѣзкость же и грубость нѣкоторыхъ Великоорусскихъ (вездѣ почти проскользающая) замѣняется, восполняется, счастливо вознаграждается и сглаживается нѣжностью, деликатностью и какой-то дѣвственностью Малорусской. Кромѣ того, относительно древности, мы встрѣчали (и отмѣчали) столько параллелей со Словомъ о Полку Игоревѣ, старѣйшей лѣтописью, нашими лучшими Былинами и пѣснями старины: а это значитъ, что нить, связующая народное творчество съ его высокимъ прошедшимъ, у Малоруссовъ до конца эпохи, нами оглянутой, была жива и дѣйствена въ значительной снѣтъ. Такое пѣснотворчество сулитъ много и будущей мѣстной, и всякой Русской литературѣ, если она захочетъ во время воспользоваться естественными стихіями своего искусства. Слабые, какъ опытъ, наши переводы старались поддерживать по возможности такое впечатлѣніе.

* * *

*) Отзывъ уже чисто-Великорусскій, но умѣвшій выдержать и дражнѣніе „нашей Польши.“

VII.

Историческія пѣсни Сербскія

(связанныя съ Русскими послѣ Петра).

Мы говорили уже прежде, что со времяя Петра расширились предѣлы какъ *сюжета* самого пѣснотворчества, вслѣдствіе сближенія народнаго съ личнымъ, устнаго съ письменнымъ, хотя и ко многимъ невыгодамъ перваго, въ знакъ его наступившаго ослабленія, такъ точно раздвинулись границы *стильскія*, въ силу союза съ пѣснями Малоруссовъ и Южнихъ Славянъ. Но мы также сказали, что съ той же самой поры, какъ и у насъ, и на Украинѣ, самое представительное творчество Историческое, — „Юнацкія пѣсни“ Сербовъ, то есть произведенія эпоса героическаго, Богатырскаго и Молодецкаго, постепенно начали разлагаться и клониться къ упадку, еще „повторяя“ прошлое, еще „воспроизводя“ его, но безостановочно скупая „производительность“ при откликѣ на текущую, новѣйшую исторію. Была, правду сказать, не утѣшительна тѣмъ и сама исторія вѣшняя: безконечныя, мѣстныя, одиночныя драки съ Турками не могли уже вызвать такого вдохновенія, какъ на примѣръ судьбы былого самостоятельнаго царства или времена Королевича Марка; примѣнялись еще приемы, обороты, выраженія, рѣчи и слова, образы и краски эпоса стараго; но именно лѣшь примѣнялись, не создавались вновь для жизни, и Турецкое вліяніе скорѣе было способно воротить Сербовъ въ ихъ старыя эпосы, чѣмъ возбудить къ новой исторіи въ пѣснѣ, къ новой пѣснѣ въ области исторической. На оборотъ, когда уже самъ народъ, какъ у насъ и у Славянъ повсюду, спустившійся здѣсь въ низшіе и простѣйшіе слои, освободился наконецъ отъ вѣстовъ, изстари его давившихъ, и почва, подъ натою Турка, одинаково изъ всѣхъ слоевъ претворилась въ единый земледѣльскій черноземъ; когда и сама пята Турокъ принуждена была искать иного поприща, оставляя за собою только старыя слѣды на почвѣ Сербской; другими словами, когда возникло „Княжество“, а съ нимъ ожидаемая или ожидаемая самостоятельность прочихъ областей Сербскихъ: и тогда „Пѣсенъ Юнацкихъ“ сложилось не довольно много, и не особенно онѣ ярки, счастливы, живучи и вліятельны. Новое доказательство тому, что исторія и здѣсь

опоздала помочь пѣснотворчеству устному, а эпосъ перервался развитіемъ и не въ силахъ уже подняться до уровня исторіи текущей, ему вѣшней. То есть, въ *собственной своей исторіи*, Эпосъ и пѣсня Историческая приблизились къ концу своего „естественнаго,“ природнаго существованія; возможенъ остался одинъ исходъ,—взаимный союзъ съ литературою, печатаніе того, что осталось памятникомъ народнымъ и вновь вызвано къ общественной жизни, а съ другой стороны живая память самой печати о томъ, что служило, должно служить и всегда будетъ служить для письменной поэзіи неизсякаемымъ источникомъ одушевленія.—Понятно, что, при такомъ положеніи дѣла, между самими Сербами не довольно находится охотниковъ собирать и записывать „песне новегъ времена,“ болѣе краткія, сбивчивыя, слабыя и плохія сравнительно со старыми, притомъ не столько любимаыя по собственному содержанію, которое и безъ того слишкомъ извѣстно изъ положительной исторіи. Желая ознакомиться съ ними, мы должны довольствоваться кой-чѣмъ. Скорѣе, напротивъ, если попадется Сербамъ въ руки наше изданіе, жадно схватятся они за Русскіе образцы, мало имъ вѣдомыя и пополняющіе ихъ собственную пѣсню: такимъ образомъ, для народнаго устнаго творчества дѣлается теперь могучимъ посредникомъ литература, обобщающая и связующая концы Славянства (дай Богъ, чтобы концы по территоріи, не по времени и существу). Стало быть, не отъ холодности къ Русскимъ, находимъ мы у Сербовъ мало образцовъ послѣдняго времени, касающихся Русской исторіи. Изъ Славянъ Южныхъ одни лишь Болгаре до сихъ поръ въ этическомъ кругѣ своего пѣснотворчества заняты исключительно внутреннимъ процессомъ своего народнаго возрожденія, а потому мѣстными интересами, событиями, лицами и именами: Сербамъ уже давно вышли изъ этихъ тѣсныхъ границъ къ Славянскому общенію со всѣхъ сторонъ. Въ уцѣлѣвшихъ Сербскихъ пѣсняхъ, какъ скоро дѣло касается Руси, нѣтъ даже этого чувства къ чему-то „стороннему,“ чувства вездѣ столь замѣтнаго у Малоруссовъ пріимчивою къ Руси Великой и Общей: для Сербовъ эта область отнюдь не сторонняя, подавно не чужая; они горячи ко всякому Русскому дѣлу и имени, гдѣ бы оно ни подалось, а особенно въ привычной имъ повѣстной формѣ. Русь, безъ различія ея вѣтвей, остается для нихъ великою страной, „стороною“ далекою, но стороною родною, любимою, привлекательною, сочувственною. Тѣмъ болѣе интересна Сербамъ Историческая наша пѣсня съ половины XVIII вѣка, и всякая собственная ихъ пѣсня Юнацкая, простертая на ту же эпоху въ соприкосновеніи съ Русью; тѣмъ болѣе, говоримъ, интересна, что здѣсь на сценѣ—ихній и нашъ общій врагъ—Мусульманинъ, а за нимъ въ пѣснѣ, какъ и въ самой исторіи, стоитъ всегда Южный Славянинъ, обыкновенно затянутый во всякую Турецкую войну: и въ былые янычары, и въ современные гарнизоны крѣпостей, въ инженеры, пионеры, саперы, наконецъ, среди массъ народа, волею и неволею отъ войны всѣхъ больше страдающій. При такомъ „сложномъ“ интересѣ, каждая Историческая пѣсня, сви-

зующая Турка и Славянина, приобретает еще новый и увлекательный отливъ, какъ скоро мѣръ Турко-Славянскій освѣщается отблескомъ Россіи, той или другою Русскою чертою, проникающей сюда какъ свѣтлый лучъ изъ братскаго, сильнаго и могучаго, края: тутъ оживаетъ и надежда, и бодрѣетъ духъ Славянскій, и разъясняются грядущія судьбы полуострова Балканскаго въ связи со всѣмъ Востокомъ, и внимательнѣй слушается, и скорѣй заносывается такая пѣсня. Потому, какъ съ полной достовѣрностью можно ожидать теплаго приѣма нашему изданію, особенно настоящему выпуску, въ средѣ Сербской, и это конечно заохотитъ многихъ Славянъ собирать ревностнѣе ихъ собственные пѣсни новыя: такъ и мы, по тому же закону взаимности, обязаны дополнить и характеризовать нашъ 9-й выпускъ какими-бы то ни было народнымъ произведеніемъ пѣвучей Сербіи въ точкахъ сближенія міра Русскаго, Турецкаго и Славянскаго, изъ занимающаго насъ XVIII вѣка.

1.

**Москва подарила,
Турки отдалили.**

<p>Ситне книге землю приедѣше, Приедѣше землю и градове, Докле вниде к дивану додѣше, Муезиту цару Турачкоме.</p> <p>5. Ево книге од Москвѣ простране</p> <p>И уз книге господски дарови:</p> <p>Самом цару од злата синия, На синии од злата джамия, Око на е змя исплетена,</p> <p>10. На глави ѣй адем камен драги, При коме се ходити видяше</p> <p>Усред тавне ноћи без месеца,</p>	<p>Чѣтки письма проѣзжали землю, Проѣхали землю съ городами, Пока письма прибыли къ дивану, Къ Муезиту ко царю Турецку.</p> <p>Вотъ и письма отъ Москвы широкой, Вотъ при письмахъ и дары господски:</p> <p>Самому царю подносъ ¹⁾ изъ злата, На подносъ мечеть золотая, Вокругъ ней змѣя переплелася, Въ головѣ змѣи дорогой камень, Самоцвѣтный яхонтъ,—при немъ видно Безъ мѣсяца среди тѣмной ноци,</p>
--	--

¹⁾ Собственно низенькій столикъ для кушанья: взято Турками съ Лативскаго *соела* (наше *слѣнь*, *слѣни*—мѣсто сидѣнья, *сани*—садики).

- Бако у дан, када грис сунце;
 Ибрахи́му, сину царевоме,
 15. Додѣше му двѣ сабле бритке:
 На сабляма два гайтана златна,
 На гайтанамъ два камена драга;
 Найстарѣй царевой султани,
 Нѣй бияше од злата бешика ²⁾,
 20. На бешици соко тица сива.
 А кад цару дари допануше,
 Од дара се царе узмучио,
 Ёр не има дара за уздаре.
 Све мислио, ние с' домислио:
 25. Когодь цару беше доходно,
 Свакоме се царе пофалюе,
 Какви су му дари допанули
 Од великог цара Московскога ³⁾,
 Не би ли га ткогодь научно,
 30. Шта те послат' у землю Московску.
 Доде нему паша Соколовить ⁴⁾,
 Фали му се царе за дарове;
 По том доде ходжа и кадѣн ⁵⁾,
 Смерно ми се цару поклонише,
 Словно днемъ ходи, какъ солнце
 слѣтитъ;
 Ибрагиму, царя Турска сыну,
 Пришли ему двѣ вострыя сабли:
 На сабляхъ двѣ перевязи злат-
 ныхъ,
 Всяка перевязь съ дорогимъ кам-
 немъ;
 Самой старшей у царя султаншѣ,
 Ей прислана зыбка золотая,
 А на зыбкѣ соколь, птица сива.
 Какъ царю дари эти достались,
 Отъ даровъ измучился онъ мукой:
 Нѣтъ равнаго дара—отдарити.
 Все онъ думалъ, да нѣтъ, не при-
 думалъ:
 Кто бы ко царю ни приходилъ бы,
 Похваляется царь передъ каждыиъ,
 Каковы дари ему достались
 Отъ великаго царя Московска ³⁾,
 Авось либо кто его научить,
 Чтò послать ему въ Московску
 землю.
 Разъ приходит паша Соколо-
 вичъ ⁴⁾,
 Хвалится обычно царь дарами;
 Потомъ входятъ ходжа и кадѣн ⁵⁾,
 Поклонилися царю смиренно,

²⁾ Съ Лат. *vesica*, пузырь (у насъ изъ рыбы *vesiga*): потомъ все легкое, качающееся и надуваемое—колыбель, зыбка; далѣе у Сербовъ—мѣхъ (к. можно надуть), „мехур“, вслѣдствіе чего Латинское *sinas* (колыбель и дѣтскія пеленки, подстилки) сходится съ нашимъ *куни*—мѣха, кожи. А потому обратно *vesica* можно роднить съ нашимъ *вис-ить* и *вис-ть*, какова вислая колыбель и везига въ видѣ жилъ.—³⁾ Мы видѣли и въ Русскихъ пѣсняхъ, что такъ нерѣдко называется царь даже *при государыняхъ*.—⁴⁾ Изъ Славянъ, потурченный.—⁵⁾ Представители духовной и судной власти.

35. Любише му руку и колено;
Пака с' и нима царе пофалюе,
Кавви су му дари допанули;
По том царе нима беседио:

«Слуге мое, ходжо и кадише!

40. «Не бисте ли мене научили,
«Шта тю послат' у землю Москов-
ску

«За ударе из моего царства?»

А они му стидно беседише:

«Воляя царе, драги господару!

45. ««Ми внесмо од наука твога,
««Нит' можемо тебе научити;
««Но дозови старца патриарха:
««Хоте тебе стараца научити,

««Шта теши послат' у землю Мо-
сковску

50. ««Великоме цару Московскоме.»»

А кад царе речи разабрао,
Брже посла своего гаваса ⁶⁾,
Те дозваше старца патриарха.
А кад доде стараца патриархе,

55. И нему се царе пофалюе,

Кавви су му дари допанули;
Пака му по том царе беседио:

«Слуга моя, стари патриархе!

«Не би л' мене научио, слуга,

60. «Шта тю послат' у землю Москов-
ску?»

Цѣловали его руку и колѣно;

Царь и передъ ними похвалился,

Каковы дары ему достались;

А потомъ бесѣдовать сталъ съ ни-
ми:

«Мои слуги, ходжа и кадия!

«Какъ бы вы меня понаучили,

«Что послать мнѣ во Московску
землю,

«Отдарить ее отъ моего царства?»

Они ему сиромно отвѣчали:

«Воля твоя царска-государска!

«Мы не вѣдаемъ твоей науки

«И тебя не можемъ научить мы;

«Ты призови старца патриарха:

«Онъ тебя, тотъ старецъ, и на-
учитъ,

««Что послать тебѣ въ Московску
землю

««Для великаго царя Московска.»»

Разобравши таковыя рѣчи,

Скоро царь послалъ своего гаваса ⁶⁾,

И призвали старца патриарха.

Старецъ патриархъ на зовъ прихо-
дитъ,

Похваляется предъ нимъ султанъ
Турецкій,

Каковы дары ему достались;

А потомъ съ нимъ держитъ раз-
говоры:

«Ты слуга моя, патриархъ старецъ!

«Ты меня, слуга, понаучилъ бы,

«Что послать мнѣ во Московску
землю?»

⁶⁾ Полицейскаго, служителя исполнительнаго.

- Нему старац стидно беседио:
 — Султан-царе, огрияно сунце!
 — Я ннесам од наука твога,
 — Ср е тебе и Бог научно.
65. — Имаш, царе, у твоему царству,
 — Ти имадеш дара за уздаре,
 — Бои нису теби за потребу,
 — А нима би врло мило било:
 — Пошли штаку Неманитя Саве ¹⁾,
70. — Златну круну цара Костантина,
 — И одежду светога Јована,
 — Брсташ баряк Српског княз-
 Лазара ²⁾.
 — То ти, царе, ништа не требуе,
 — А нима те врло мило бити.—
75. А кад царе речи разабрао,
 Он приправи господске дарове
 И даде их Московским делиям ³⁾.
 Испрати их старац патриаре,
 Юш их учи старац патриаре:
80. — Ид'те с Богом, Московске
 делие!
- Ему старецъ скромно отвѣчаетъ:
 — Царь-султанъ нашъ, пресвѣт-
 лое солнце!
 — Я не вѣдаю твоей науки,
 — Научилъ тебя, султана, Богъ
 самъ.
 — А имѣешь, царь, въ своемъ ты
 царствѣ,
 — Ты имѣешь, чѣмъ бы отдарити,
 — Есть дары, совсѣмъ тебѣ не
 нужны,
 — А Московскимъ были бѣ очень
 милы:
 — Пошли посохъ Неманича Сав-
 вы ¹⁾,
 — Вѣнецъ зомоть цара Констан-
 тина,
 — Да одежду свята Іоанна,
 — Да князь-Лазаря ²⁾ крестово
 знамя.
 — Всѣ это тебѣ, царю, не нужно,
 — А имъ всѣ то будетъ очень
 мило.—
- Разобравши таковыя рѣчи,
 Царь дары господски приготовилъ
 И Московскимъ удальцамъ ³⁾ ихъ
 отдалъ.
 Старецъ патриархъ ихъ провожа-
 етъ,
 Провожая старецъ еще учить:
 — Теперь съ Богомъ, удальцы Мо-
 сковски!

¹⁾ Известнаго Сербскаго святителя, сына Немани.—²⁾ Крестовое знамя Сербскаго князя Лазаря, съ которымъ велъ онъ войско и погибъ на Косовомъ полѣ.—³⁾ Посланнымъ: предполагается, что они были отборные, герои, удальцы.

- «Тко е тебе на то научно?» —
- Цар му каже право и липо:
105. «Научи ме старац патрияре.»
- Нему паша тихо беседно:
— «Султан-царе, огривно сунце!
- «Буд ти посла хриштыанска
 зламена,
— «За шт' не посла ключе од
 Стамбола?
140. — «Послие теш дат' их на сра-
 моту:
— «Оно ти еи држало царство!» —
- Кад е царе пашу разумно,
Овако му беше беседно:
- «Иди, пашо, моя верна слуго,
145. «Те покупи Турке яничаре,
 «И достигни Московске делие,
 «Нак ти отми хриштыанска зламена,
 «А погуби Московске делие.»
Хитро нега паша послушао,
140. Он покупи Турке яничаре,
 Па одоше друмом широкнем,
 Те тераю Московске делие:
 Ал делие нигде не стигоме.
 Пак се натраг они повратише,
- «Вто тебѣ такову кады нау-
 ку?» —
Царь отвѣтилъ прямо и пристойно:
«Старець патріархъ, онъ надоу-
 милъ.»
Тихую повежъ паша бесѣду:
— «Царь-султанъ нашъ, пресвѣт-
 лое солнце!
— «Будь послалъ ты знаменья
 хриштыански,
— «Что не отдалъ ключи отъ
 Стамбула?
— «Послѣ ихъ отдашь, еще со
 срамомъ:
— «Знаменьями царство и дер-
 жалось.»
- Разумѣвши, что паша вѣщаетъ,
Такъ султанъ Турецкій ему мол-
 вилъ:
«Ты иди, паша, слуга мой вѣрный,
«Собери ты Турокъ янычаровъ,
«Догоняй ты удалцовъ Москов-
 скихъ,
«Отними ты знаменья хриштыански.
«А самихъ посланцевъ погуби ты.»
Въ томъ паша послушалася провор-
 но,
Собираетъ Турокъ янычаровъ,
Двинулись не медля путемъ цар-
 скимъ⁵⁾,
Гонятся они за удалцами:
Но нигдѣ Московскихъ не настиг-
 ли.
Тѣмъ же слѣдомъ слуги вороти-
 лись,

⁵⁾ То же, что выше „большою дорогою.“

125. И паша се царю куняше,
Да не виде Московске делце.

Онда царе наши говорио:
«Иди, пашо, моя верна слуго,
«Те погуби старца патриарха!»

130. Хитро нега наша послушао,

Онъ увати старца патриарха;
Хоче паша да погуби старца,
Ма е старец наши беседио:
— Аман мало, пашо господару!

135. — Не губи ме на земљици сухои:

— Ер те за мною обратиш суша ⁹⁾
— Три године дана без престан-
ка!—

А кад паша старца разумио,
Поведе га на то море сине;

140. Кад на море он доведе старца,

Ту га хоче паша да погуби;

Опет нему старец говораше:

— Аман, пашо, ако Бога знадеш!

— Не губи ме на мору синему:

145. — Ер те за мною обратит' врие-

ме ¹⁾;

— Устапути море и звора,

— Потопите ладе и ланге,

И паша царю о бывшемъ клялся,
Чте Московскихъ удалцовъ не ви-
дѣль.

Говорилъ пашѣ султанъ Турецкій:
«Ну иди, паша, слуга мой вѣрный,
«Погуби ты старца патриарха!»

Въ томъ наша проверно его
слушалъ,

Ухватилъ онъ старца патриарха;
Хочетъ Соколовичъ смерти старца,
А пашѣ промовить старецъ рѣчи:
— Заплинаю, подожди не много!

— Не губи меня на земль твер-
дой:

— Оборотится за мною суша ⁶⁾
— Безъ дождя на цѣлѣхъ на три
года!—

Разумѣвши, что старикъ вѣщаетъ,
Вель его паша на сине море;

Какъ привелъ паша на море стар-
ца,

Хочетъ его тутъ предать злой
смерти,

Старецъ снова говоритъ съ моль-
бою:

— Заплинаю, если Бога знаешь!

— Не губи меня на синемъ морѣ:

— Иль за мною встанетъ непо-
года ¹⁾;

— Приподнимутся моря; озѣра,

— Стоятъ они лодки съ мораб-

лики

⁹⁾ Во сѣдѣ за мною веротителъ, посѣда и станеть бездождя.—¹⁾ По Сербск. и время, какъ у насъ «погода (идъ смисль дедогоды)», дора дожд-лива.

<p>— И сву землю на четири стра- не!— Вараше га стари патријаре, 150. Ал се паша варат' не даваше: Саблѣм ману, осече му главу ⁸⁾.</p> <p>Погубише старца патријара: Бог му дао у раю населе, Нама, братѣ, здравле и веселе!</p> <p style="text-align: center;">*</p>	<p>— И всю землю на четири краја!— Обмануть хотѣлъ его нашъ ста- рецъ, Но паша обману не давался: Махомъ сабли голову отсѣкъ оиъ ⁸⁾.</p> <p>Загубили старца патриарха: Дай ему въ раю Господь Богъ мѣсто, А нашъ, братья, вправдѣ и веселье!</p> <p style="text-align: center;">*</p>
--	--

Записавшій эту Историческую пѣсню ¹⁾ прибавляетъ, что «по всему народу Сербскому существуетъ мысль, будто помянутыя драгоценныя и святыя вещи были у Турокъ, а потомъ отнесены въ Россію.» Въ другой пѣснѣ, приводимой у него вариантомъ, называется, какъ Московская царица «госпа Елисавета (государыня Елизавета)» писала письмо Турецкому царю «султанъ-Сулейману,» что у царя хранится ея отцовское наследство:

<p>Златна круна цара Симеуна ²⁾, И одежда светога Іована, Брстат баряк цара Костантина, Златна штана светога оца Саве, Бритка сабля Сильнога Стефана ³⁾ И икона оца Димитрія ⁴⁾;</p>	<p>Вънецъ золотъ цара Симеона ²⁾, И одежда свята Іоанна, Царя Костантина съ крестомъ знамя, Златой посохъ свята отца Савы, Востра сабля Сильнога Стефана ³⁾ И отца Димитрія ⁴⁾ икона;</p>
--	--

такъ пусть же царь пошлетъ ей это, а она ему за то, въ отплату дара, даруетъ миръ на тридцать лѣтъ, а пшеницы на девять лѣтъ кормить войско, и сверхъ того сольетъ ему мечеть изъ золота,

<p>На джамии тридесет мунара, А джамате све од сува злата, И од злата дванаест ябука</p>	<p>На мечети тридцать минаретовъ, А верхушки всѣ изъ красна злата, Да еще дванадцать златыхъ ябуковъ</p>
--	--

⁸⁾ Въ слѣдъ за симъ прииѣвъ иѣвца.

¹⁾ Покойный В. Ст. Караджичъ (ср. его 3-ю кн. „пѣсень“).—²⁾ Сербскаго.—³⁾ Душана.—⁴⁾ Солунскаго, чинаго общеславянскаго подвижника, героя Стиховъ и Эпоса.

И у свакој бесцен камен драги. | И во всякомъ бѣзъ цѣны драгъ
намень.

Бодла е од злата джамия,— | Бакова мечеть та золотая,—
Д' у ней кланя дванаест Турака, | Въ ней двѣнадцать кланяются Ту-
рокъ,

Да се сян насред Цариграда. | Пусть сянеть среди Цареграда
У по ноти од злата джамия, | Въ саму полночь мечеть золотая,
Као ярко усред подне сунце. | Словно ярко солнце среди полудня.
«Ако ли ми не даш очевине, | «Если жь мнѣ отцовскаго наслед-

«Войску купи, царе Сулеймане, | «Не отдашь, царь Сулейманъ, то
войско

«Войску купи, айде на Биево ⁵⁾, | «Собирай и къ Киеву ⁵⁾ иди съ
нимъ,

«Да юначки мейдан ⁶⁾ поделимо | «Да подѣлимъ богатырскя поле ⁶⁾

«И сабляма землю размеримо: | «И мы саблями раздѣримъ землю:

«Яг' повратит' мою очевину, | «Либо отчину мнѣ воротити,

«Яг' Московску саблю отнаести!» | «Саблю ли Московску отпоясати!»

На это ей Турецкій царь отвѣчалъ пристойно и мирно, что отчина ея больше уже не находится у него, «Ветъ у Брму у цара Татара,» «Но во Брымѣ у царя Татарска.» Тогда она написала царю Татарину и просила его, дабы послалъ ей должное, а она обѣщаетъ миръ еще дольше, и пшеницы больше, и мечеть еще лучше. Но царь Татаринъ отвѣтилъ ей очень грубо и непристойно, говоря, что отцовское ея наследство точно у него, но что онъ не отдастъ его, а напротивъ подвигнетъ на нее войско, «Петрибора (те) с' землѣмъ поравнати,» «Петербургъ сравняетъ онъ съ землею,» сыновой же, дочерей и самоё неё возметъ въ полонъ да потуречить ⁷⁾. Такъ отырылась война, и «госпа Елисавка (смѣшанная здѣсь съ Еватериной)» завладѣла Брымомъ, придобывъ отцовское наследство.

⁵⁾ Сербское „Кіево (поле, мѣсто)“ есть здѣсь древнѣйшая форма послѣ женскаго рода („Кіева, Кіѣва, Куява“), старше рода мужскаго („Кіевъ“): ср. у насъ выше объ именахъ городов.—⁶⁾ Поле единоборства, поединокъ.—⁷⁾ Ср. выше Русскія пѣсни: „Писеть-писеть—король и султаны“ къ государынямъ.

Намъ особенно бросается здѣсь въ глаза уверенность Сербовъ: что Русскихъ свяжутъ связь съ Греціей до самопожертвованія; что святыни Сербскія суть общія Славянамъ, а Русскіи составляютъ даже, «отцовское наследство;» что все это возвращено отъ Турокъ либо Татаръ и хранится теперь на Руси; что этии-то и держалось Турецкое царство, а безъ того должно пасть; что мы прежде всего добиваемся сихъ драгоценностей и готовы изъ за нихъ, въ случаѣ неудачи, «отпоясать свою Московскую саблю;» что Востокъ волея-неволей подчиняется намъ въ концѣ концовъ, и т. д., и т. д.

* * *

Желаая вращцѣ очертить общій характеръ Екатерининской эпохи относительно народнаго пѣснотворчества, мы не имѣемъ надобности повторять здѣсь тѣ подробности, которыя одинъ разъ обстоятельно уже изложены нами по этому вопросу въ журналѣ „Зоря *);“ только перечислимъ оттуда выводы или имена и названія, да нѣсколько пополнимъ недостававшее. Извѣстны слова самой императрицы, благосклонно отозвавшейся о томъ народѣ, который поетъ пѣсню или, лучше, продолжаетъ еще пѣть ее: „народъ, который веселится и поетъ, худа не думаетъ;“ но слова эти нужно понимать условно, если хотимъ вѣрно уразумѣть смыслъ отзыва. Не столько народная, какъ Елизавета, по рожденію, воспитанію, образу жизни, воззрѣніямъ и убѣжденіямъ, сама Екатерина не могла конечно снизойти до этихъ массъ, распѣвающихъ громко по деревнямъ и полямъ, по рѣкамъ и лѣсамъ, на завалинкѣ избы въ будни и при каждомъ раздолѣ праздника, на работѣ и на досугѣ, съ радости и горя: не могла сочувствовать этому всеобъемлющему дѣлу-бездѣлю, ни даже выслушивать съ любопытствомъ, или хоть равнодушно, этого оглушающаго гула и рѣзкихъ его звуковъ. Она понимала и цѣнила эту область литературно, съ литературной точки зрѣнія, которой принадлежала сама долею собственной профессіи: она видѣла здѣсь „литературное“ занятіе народа, полезное ему и развивающее, безъ различія, все равно, устное ли вѣковое, или вновь сочиненное въ родѣ пастушеской элегіи и патріотическаго гимна; съ другой стороны, по необыкновенному таланту своему, она не могла не усмотрѣть здѣсь обильнаго матеріала и живительной стихіи для литературы высшей и общественной, личной и искусственной, художественной. Такъ точно взглянула она, извѣстно, и на самый языкъ, такъ точно обращалась съ его вопросами, въ своихъ литературныхъ и сравнительно - научныхъ изысканіяхъ. Подобнымъ же образомъ, и мы доказали это нѣкогда окончательно, императрица воспользовалась отчасти Былинами, гораздо богѣе Сказками, а всего обильнѣе чисто-народными Пѣснями: цѣликомъ вставляла ихъ въ свои драмы (ср. выше („Во селѣ Покровскомъ,“ а также „Перекатно красно солнышко,“ „По сѣнечкамъ-сѣнечкамъ,“ „Ты расти, расти, чадо милое“); поручала или позволяла дѣлать выборку пригодныхъ стиховъ и выраженій; передѣлывала или давала обрабатывать для хоровъ; занимала содержание пѣснь изъ Былинъ и Сказокъ. Прямое дѣло литературы и литературы лучшей, въ которой даровитая писательница симъ способомъ далеко

*) Апрель, 1870: „О вліяніи народнаго творчества на драмы императрицы Екатерины и о цѣльныхъ Русскихъ пѣсняхъ, сюда вставленныхъ.“ Почтенный П. К. Щебальскій, въ послѣдующихъ статьяхъ своихъ о сочиненіяхъ Екатерины, воспользовавшись нашими указаніями и выводами, умолчалъ однако же о самой статьѣ нашего имени, хотя она и шла даже черезъ его руки (къ сожалѣнію, по заглазному печатанію, сюда вкралось нѣсколько самыхъ грубыхъ опечатокъ).

опередила не только свой вѣкъ, но и начало будущаго. Любопытно же спросить: что служило здѣсь источникомъ для сочиненія и черезъ какое посредство? Прямаго, непосредственнаго отношенія къ устному творчеству, мы говорили, Екатерина не имѣла никакого; собранія памятниконъ, въ нынѣшнемъ смыслѣ ради нихъ самихъ и для наданія, тогда еще не существовало. Произведенія народныя, цѣликомъ или скорѣе по частямъ, издревле у насъ проникали въ письменность, весьма отъ нея отличаясь передъ опытнымъ взглядомъ: вставлялись, служили для примѣненія, пользованія, или ссылки и сноски. Позднѣе, особенно съ XVII вѣка, а именно со старшаго пока примѣра — знаменитой тетрадки Ричарда Джемса, начали у насъ появляться „отдѣльныя рукописи,“ которыя уже вполне передавали разныя Былны и нѣкоторыя Стихи, порою же — хотя рѣже — и прочія пѣсни, но записывали ихъ случайно, или по требованію извѣстныхъ обстоятельствъ, или по желанію заинтересованныхъ лицъ, или по личному влеченію досужаго иѣвца: это совсѣмъ еще не то, что послѣдующіе „Пѣсенники;“ образцемъ остается до сихъ поръ трудъ Кириши Данилова. Изъ трехъ драгоценныхъ манускриптовъ, тѣсно связанныхъ судьбами, Остромирово Евангеліе, Слово о Полю Игоревѣ и Кириша Даниловъ, всѣ три сдѣлалась извѣстны въ Екатерининскую эпоху: два послѣдніе нынѣ уже исчезли въ подлинникахъ; два первые, въ спискахъ, найдены были въ покоехъ и бумагахъ императрицы: почти несомнѣнно, что тамъ же, въ рукахъ писательницы, побывалъ и третій изъ нихъ. Но то были — памятники языка и Вѣры, или древнѣйшей художественной литературы (на основѣ Былинъ), или цѣликомъ народныя устныя Былны (Кириша), которыми драматическая сочинительница воспользовалась, вмѣстѣ со Сказками, весьма не много (преимущественно въ драмѣ „о Васильѣ Буслаевѣ“). Стало быть, существовали источники еще болѣе подручныя, ближайшіе и обильнѣйшіе: это были „Пѣсенники,“ о которыхъ сейчасъ скажемъ пространнѣе, а теперь, относительно Екатерины, прибавимъ, что они — въ современной тогдашней печати — сохранили намъ тотъ самый матеріалъ, которымъ для своей драмы пользовалась императрица, удержали всѣ черты ея эпохи и употребленія, сберегли намъ даже пѣсни объ ней, или же съ примѣненіемъ и отношеніемъ къ ней. Собственнымъ теченіемъ исторіи возникшіе, „Пѣсенники“ при поддержкѣ и подъ покровительствомъ Екатерины, а всего ближе по ея примѣру, послужили въ ея вѣкъ посредствомъ между устами и печатью, народною словесностью и художественною литературою.

Не только прежде, но даже, мы видѣли, при Елизаветѣ вся область Русской жизни, особенно семейной и бытовой, отчасти же исторической (по мѣрѣ уцѣлѣвшаго отношенія къ жизни общей и государственной), оглашалась громко народною пѣсней и переполнена была живѣйшими къ ней интересами. Когда стало замѣтно народному чутью ослабленіе пѣснотворческой памяти; когда начали забываться, а вмѣстѣ съ тѣмъ разлагаться и теряться лучшіе образцы; когда не видѣлось дви-

женія впередъ, а приходилось лишь повторять или воспроизводить старое; когда для народа исчезали вокругъ, одинъ за другимъ, прочіе интересы, общественные, церковные и политическіе; но когда въ то же время представляла услуги свои грамотность и распространявшаяся литература своимъ вѣянiемъ манила къ опытамъ на письмѣ и бумагѣ: тогда, и первымъ дѣломъ, явилось стремленіе послужить своему исконному творчеству, записать ходячія, знакомыя, любимыя и подручныя пѣсни, во всей ихъ подлинности, про себя и про домашній обиходъ, для семьи, круга пріятелей и собственнаго досуга; чтобы кодъ часъ обратиться къ этому забытому другу, съ нимъ побесѣдовать и поупѣть. Произошло это, разумѣется, прежде всего по городамъ; особенно Москва сдѣлалась средоточіемъ: въ посадскихъ, мѣщанскихъ и купеческихъ домахъ развелись сего рода тетради и рукописныя книжки. Проникшія изъ Западной Россіи подобныя же рукописи и ноты съ Псалмами, Каптами, Виршами, со стихотворствомъ своего рода и съ передѣлкою нашихъ Стиховъ древнихъ—поддерживали соревнованіе, въ которомъ однако духовная область скоро уступала первенство мірской и свѣтской. Переводы и передѣлки иностранныхъ образцовъ также втѣснялись изъ литературы; наконецъ поднялись и завладѣли вниманіемъ „сочиненныя пѣсни“ военныя, современныя текущей эпохѣ. Помогло этому и соощило бойкій ходъ особенное обстоятельство: „боярство“ или „барство,“ разставаясь съ прежними условіями жизни и переходя съ одной стороны въ „дворянство“ позднѣйшаго смысла, съ другой въ новую казенную „службу,“ весьма отличную отъ старыхъ „служилыхъ людей,“ а съ третьей—въ жизнь „помѣщичью“ по усадьбамъ и по палатамъ для отдыха въ Москвѣ, — все это сопровождалось явленіями совершенно особаго быта, столь еще не давно развитаго у насъ и только теперь на глазахъ нашихъ исчезающаго. Образованность смысла высшаго, связанная въ этомъ быту съ литературою, и національный духъ, охватившій тогда своимъ подъемомъ, не замѣнили собою простой народности, напротивъ побудили склониться къ ней и трактовать ее особыми приемами. Крѣпостныя отношенія были дурною, близость къ народу и привычки совѣстной жизни съ нимъ, при обмѣнѣ взаимныхъ интересовъ, были хорошею стороною сего быта, и, между прочимъ, поддерживали старый, привычный пѣсенный строй, либо давали ему новый ходъ и движеніе усиленными средствами. Посадскіе и слободскіе сборники смѣшались барскими или помѣщичьими, а чрезъ нихъ поднялись градусомъ: очистились вкусомъ, развились пособіями. Они вошли еще выше, даже ко Двору, вмѣстѣ съ самими лицами, окружавшими тамъ и подвизавшимися, а равно и по сходству быта, разнившагося только нѣсколькими ступенями: и тамъ былъ свой домашній обиходъ съ пѣснями, были лица руководившія, были обученные исполнители и руководство въ письменныхъ сборникахъ. Царствованіе Елизаветы, сказалъ Державинъ, было вѣдомъ пѣсенъ: „правленіе Еватерны,“ прибавилъ, „было вѣкомъ Пѣсенниковъ.“ Въ „вѣкѣ пѣсенъ,“ кромя самой царев-

ны, воспитались, и остались вѣрны воспитанной склонности—Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ, Румянцевъ Задупайскій, Потемкинъ, Суворовъ, Державинъ. И любопытно, по вліянію наступившаго тогда печатанія подлинныхъ церковныхъ напѣвовъ, а главное, по тѣсной связи ихъ съ пѣніемъ народнымъ, большая часть помянутыхъ лицъ и имъ подобныхъ извѣстна одинаково расположеніемъ къ пѣнію церковному; къ нему охотно прибѣгали при торжествахъ своихъ, особенно Потемкинъ и Румянцевъ, и среди жизни частной (Чернышовъ и Державинъ), и на простомъ клиросѣ (Суворовъ). „Вѣкъ Пѣсенниковъ,“ отсюда же истекшій, еще обильнѣе былъ яркими явленіями, ибо охватывался съ печатью и всею литературой: сборники рукописные, разумеется, великъ печатнымъ. Каждый крупный барскій, и даже многіе мелкіе помѣщичьи дома имѣли у себя оркестръ домашнихъ музыкантовъ и хоръ пѣвчихъ, большею частію изъ дворовыхъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, между которыми цѣнились по голосамъ Малоруссы подъ управленіемъ доморощенныхъ артистовъ, а нерѣдко и нанятыхъ пріѣзжихъ, изъ коихъ выдавались впередъ Чехи. Но они же, еще ревностнѣе, берегли у себя про домашній обиходъ, какъ дѣло и развлеченіе праздничное, какъ занятіе для семьи и какъ угощеніе гостямъ, въ качествѣ своего рода домашней дѣтониси, цѣннаго искусства и даже извѣстнаго хозяйственнаго запаса,—„рукописные сборники народныхъ пѣсенъ:“ всеобщихъ и любимыхъ, слагавшихся вновь для цѣлой Россіи или даже фамильно принадлежавшихъ по преимуществу тому или другому дому. Такіе сборники дошли до насъ, въ значительномъ обидѣ, и всего чаще изъ временъ Екатерины. Кстати замѣтимъ, что и П. В. Кирѣевскій имѣлъ ихъ довольно, и мы собрали у себя еще больше. Къ сожалѣнію, С. А. Соболевскій, съ которымъ мы такъ часто мѣнялись рѣдкими книгами, спасши нѣкогда отъ погибели рукописный сборникъ *Сомкиевскій* (нынѣ опять затерянный *) и построивши великолѣпный шкафъ, какъ хранилищу, для листочковъ Кирѣевского **), взялъ наши рукописи къ себѣ, не за долго до своей смерти ***), собирався составить бібліографію „Пѣсенниковъ:“ по кончинѣ, съ помощію наследниковъ, мы рылись въ его бібліотекѣ,—и увы,—ничего уже не нашли тамъ, такъ что лишены были пособія при изданіи настоящаго выпуска. Но счастію, мы успѣли прежде хорошо ознакомиться съ содержаніемъ сихъ рукописей, которое вошло послѣ дѣльвомъ и въ Пѣсенники печатные. Составлялись онѣ въ главныхъ пунктахъ государства Московскаго и особенно въ Москвѣ: потому, изъ Былинъ, содержать въ себѣ только *Судамскія* да *Московскія*, особенно же съ *Грозною*; ни Владимиро-

*) См. означенную статью въ „Зорѣ.“—**) Ср. въ выпускѣ 8-мъ.—***) Но уже послѣ „Этнографической выставки,“ гдѣ еще помѣщались онѣ между нашихъ собраніемъ; съ рукописными были вмѣстѣ старшіе и лучшіе Пѣсенники печатные, которыхъ также не нашлось, но которымъ есть по крайности въ нашихъ рукахъ дублиаты.

выхъ-богатырскихъ, ни Новгородскихъ, нѣтъ здѣсь ни одной, исключая позднихъ отрывковъ; за тѣмъ идутъ, Московскія же по своему началу и употребленію, *Историческія пѣсни*, до послѣднихъ годовъ, современныхъ сборнику, а при нихъ военныя „сочиненныя,“ немного ходячихъ *Малорусскихъ*, частію и Кантъ, и школьныхъ; всего же больше, по поламъ того и другаго, а) переведенныя, или передѣланныя съ иностраннаго, по чужеземному образцу, *стихотворенія*, т. е. романсы, элегіи, идилліи, эклоги, съ именованіемъ „пѣсней нѣжныхъ, пастушескихъ, любовныхъ, забавныхъ, критическихъ“ и т. п., да б) *пѣсни чисто-народныя*, всѣхъ временъ, разрядовъ и видовъ; преимущественно мелкія, бытовыя, семейныя или женскія, по нашему „лирическія (о тѣхъ и другихъ мы скажемъ подробнѣе при выпускѣ 10-мъ и далѣе);“ наконецъ въ нѣкоторыхъ, по вліянію театра и литературы, прибавлялись еще *театральныя* или (гораздо позднѣе) *Цыганскія*. Благодаря такому общему явленію, воспитались въ немъ и выросли изъ него сперва „національныя,“ потомъ даже „народныя“ наши поѣты и музыканты, производившіе уже во сферѣ личной, художественной и письменной, вплоть до самого Пушкина и Глинки, не цитую болѣе мелкихъ. Обычай многаяхъ частныхъ, и притомъ знатныхъ домовъ, повторяемъ, отозвался еще громче при Дворѣ, на его внутреннихъ занятіяхъ и увеселеніяхъ, при обиліи средствъ и пособій.

Еще одинъ шагъ, отсегъ уже обратный, ибо онъ шелъ больше съ верху,—и всѣ эти „рукописные сборники,“ цѣлкомъ того же состава и употребленія, превратились помощію печати въ „*Пѣсенники*,“ оттиснутыя книжки, за которыми удержалось на всегда это техническое и распространенное названіе. Печатные Пѣсенники возникли: *исключительно во времена Екатерины* и съ ея эпохи; старшіе *въ Петербургѣ*, болѣе или менѣе *вокругъ Двора*, стало быть по его литературному вліянію (исконн въ дѣлахъ „національной цивилизаціи“ задавалось оно съ верху); по вызову и съ пособіемъ *знатныхъ особъ*, къ которымъ обменовенно обращалось посвященіе; *трудомъ лицъ, ближе стоявшихъ къ силъ послѣднимъ и ко Двору*; спустя немного, и то сначала перепечаткою, *въ Москвѣ*, а за нею уже, позднѣе, *и въ другихъ городахъ* (на примѣръ въ Орлѣ, Твери, Ярославлѣ); сперва *для текста*, но скоро и *для нотъ*, съ нотами (объ этомъ постарался Петербургъ, гдѣ раньше привилась музыкальность иностранная подъ именованіемъ всеобщей, гдѣ не могли знать хорошо голоса „съ наслышки,“ такъ, какъ въ Москвѣ, и гдѣ раньше вывелись гусли, связанныя съ Кантами и школярными произведеніями).—Главными дѣятелями и издателями, *по части текста*, были: 1) *Чулковы*, Василій (собиратель-владѣлецъ-исполнитель) и Михаилъ (издатель) въ сотрудничествѣ съ М. А. Поповымъ (см. выше; *С. П. Б.* 1770—74,—*первое* изданіе; второе 1776, при немъ „Прибавленіе“).—2) *Н. И. Новиковъ* (М. 1780—81,—*первое Московское* изданіе; за нимъ *третья* перепечатка Чулкова, въ видѣ Чулковскихъ 4-хъ частей съ Прибавленіемъ, но съ экземпляра Нови-

ковскаго, именуемая иначе „старымъ Московскимъ изданіемъ“, собственно же второе Новиковское, четвертое въ общей сложности, 1783—88). Составъ здѣсь нѣсколько разнится отъ Чулковскаго, вслѣдствіе прибавленія 5 и 6-й частей, съ пѣснями „сочиненными“ и „романсами.“—4) *И. К. Шноръ*, сего и *Т. П.* издвигеніемъ (вскорѣ за Чулковымъ и Трутовскимъ, въ Петербургѣ же: пѣсенникъ *третьяю* особаго состава, преимущественно „придворнаго“ по выбору и вкусу, уже въ 1791 г. *вторымъ* изданіемъ).—4) *В. Ст. Сопиковъ*, Петербургскій сидѣлецъ Новикова, послѣ самостоятельный книгопродавецъ и библіографъ (рукописный подлинникъ пѣсенника найденъ и снова пропалъ, см. „Зорю;“ это редакція *четвертая*, С. П. Б. 1792; въ Москвѣ 1795 и 1797, съ „прибавленіями“ изъ Чулкова).—5) *В. Ив. Окороковъ*, преемникъ въ Новиковской типографіи и торговлѣ (отпечатавшій только отобранныя уже Новиковымъ пѣсни новѣйшія „сочиненныя;“ М. 1791).—6) *Василій Гмзунговъ*, одинъ изъ старшихъ книгопродавцевъ, удержавшихъ торговый домъ доселѣ (М. въ типогр. Рѣшетникова, откуда Пѣсенникъ называется еще „Рѣшетниковскимъ,“ 1799 г.; выборка изъ прежнихъ, но самостоятельная и послѣ повторившаяся съ дополненіями).—7) На переломѣ двухъ столѣтій, въ 1801 г., „Веселая Эрата на Русской свадьбѣ,“ пѣсни свадебныя, пока еще насъ не касающіяся (М. у Рѣшетникова).—По части *пѣтъва*, *музыки*, и притомъ съ *текстомъ*: 1) *Василій Ѳедоровичъ Трутовскій*, придворный священникъ, Малороссъ, гусларь и пѣвецъ (пѣсни употребительнѣйшія при Дворѣ и въ высшихъ кругахъ, съ хорошимъ выборомъ и вкусомъ, въ томъ числѣ Малорусскія; музыка имъ самимъ „положена“ или, какъ говорили, „переложена“—съ народнаго; С. П. Б., 1-я часть въ 3-хъ изданіяхъ. 1776, 1782 и 1799 г.; 2-я, 3-я и 4-я, по одному изданію, въ 1778, 1779 и 1795 годахъ; текстъ разнится отъ Чулковскаго и Новиковскаго, музыка отъ ближайшихъ преемниковъ).—2) *Прачь*, Чехъ, докторъ (вслѣдствіе чего, между прочимъ, изданія его разосланы были по губернскимъ Медицинскимъ Конторамъ и, сдѣлавшись рѣдкимъ, тамъ только и находились искателями; *вторая* редакція по тексту и музыкѣ, съ обѣихъ сторонъ удовлетворительная для своего времени, хотя и уступаетъ Трутовскому въ оригинальности; С. П. Б. 1790 и потомъ еще два изданія, послѣ смерти, съ дополненіями, 1806 и 1815, года. Самъ Прачь издавалъ пѣсни и тетрадками или „книжками:“ по это уже такая рѣдкость, что дай Богъ кому ни будь хоть увидать глазами).—3) *Герстенбергъ* съ Дитмаромъ, музыкантъ и умный издатель-продавецъ, съ практическими цѣлями, безъ особенностей текста (музыкальный магазинъ былъ въ П. Б. на Большой Морской, въ домѣ Шарова; „Пѣсенникъ“ собственно въ двухъ частяхъ, 1790, но есть и отдѣльныя книжки до 1795 г.).—4) *Матвей Гютри*, Французъ, медикъ, писавшій самъ по Французски (главное его сочиненіе извѣстно подъ заглавіемъ „Dissertations sur les antiquités de Russie,“ гдѣ, зромѣ пѣсенъ съ нотами, рисунки старыхъ инструментовъ, умныя замѣтки и дѣльныя

указанія о народной Русской музыкѣ).—5) Безъ текста или только съ началомъ его, ноты и музыкальныя „переложенія:“ *Хандошкина, Козловскаго, Ребенштейна, Борденау* („Бордспафъ“); *Кайзера, Нерлиха, Бѣме, Себастьяна Жоржа, Мекера, Пиллау, Баумбаха, Бродскаго*, и т. д., все въ Петербургѣ; при чемъ слѣдуетъ помянуть и знаменитаго *Марча* (по Польски *Matztes*), Чеха, творца пресловутой „роговой“ музыки, композитора и исполнителя на ней.—Таковы *въ главнѣйшіе, до нашего столѣтія* *).

Замѣтимъ здѣсь очень важное обстоятельство, хотя и забѣжимъ этимъ нѣсколько впередъ. Пѣсенники первой и даже отчасти второй четверти нашего столѣтія, за маловажными исключеніями, *почти ничего народнаго не прибавили* противу конца XVIII вѣка, то есть противу вѣка Екатерины и помянутыхъ нами тогдашнихъ нѣсколькихъ редакцій: они только *перепечатывали* изъ прошлаго вѣка и другъ отъ друга, такъ или иначе перетасовывая, иногда съ неминуемою порчею и обмолвами, даже съ пропусками; такъ, на примѣръ, они постоянно обходили отличный пѣсенникъ Шпоровскій и художественный трудъ Трутовскаго, которые уже не повторялись больше, потому ли, что служили ближе Двору и не достигали массъ, а вѣрнѣе по страху передъ ними и по извѣстному намъ опасенію, „какъ бы не попасться.“ Постепенно подбавляя вновь „сочиненныя“ и „правленныя,“ особенно „романсы“ и всякія пѣсни „нѣжныя,“ они полнѣли преимущественно „театральными,“ куплетами, аріями и хорами, а послѣ „Цыганскими,“ „Тирольскими,“ изъ разныхъ трактировъ и кофеенъ, отъ публичныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, пока въ наше время совсѣмъ обратились въ постыдную спекуляцію, эксплуатирующую и развращающую народъ изъ за мелкаго барыша, посредствомъ разсчитанной порчи послѣдняго его вкуса. Однако и тутъ Богъ не безъ милости: на спасеніе явились ревностные „собратели“ подлинныхъ памятниковъ народныхъ, а за ними выдвинулись „издатели,“ въ рукахъ которыхъ видимо сплѣтъ счастливая будущность для словесности народной. Тѣмъ поучительнѣе и любопытнѣе выводъ: стало быть „Пѣсенники XVIII вѣка“ или „Екатерининскіе“ собственно и суть только „единственные Пѣсенники,“ создавшіе и получившіе это званіе въ особомъ его смыслѣ; что они представляютъ собою своеобразное явленіе литературы, на рубежѣ между устами и книгою, голосомъ и печатью, Русскимъ и Европейскимъ инструментомъ, творчествомъ народнымъ и искусствомъ личнымъ. Обойти ихъ въ исторіи нашей словесности и литературы никакъ нельзя: и вотъ новая плодотворная задача молодымъ силамъ для занимательныхъ монографій.

Теперь, минуя пѣсни „чисто-сочиненныя,“ о которыхъ довольно уже говорено у насъ въ отдѣлѣ Историческомъ и придется еще говорить въ

*) Богѣе подробна, съ величайшимъ трудомъ собранна, свѣдѣнія о сихъ лицахъ и изданіяхъ см. въ помянутой статьѣ „Зоръ.“

другихъ отдѣлахъ; опуская изъ виду и тѣ вынужденныя измѣненія, которымъ подвергалась пѣсня черезъ чуръ уже близкая къ современнымъ лицамъ и щекотливая: остается сказать нѣсколько словъ о другихъ произвольныхъ „поправкахъ, передѣлкахъ и поддѣлкахъ.“ Къ чести старшихъ и собственныхъ Пѣсенниковъ слѣдуетъ упомянуть, что поддѣлки въ родѣ Сахаровскихъ, достаточно нами обличенныхъ, равно какъ увлеченія въ родѣ Костомаровскихъ, были совершенно для нихъ невысказанными и невозможными. Исправленія проскользали лишь случайно, всего чаще по недоразумѣнью или просто отъ неразборчивости подлинныхъ рукописей (какъ у Чулкова и Новикова). Мелкія передѣлки зависѣли отъ тѣхъ, кто самъ дѣлалъ и сочинялъ, стало быть простирались только на сочиненное, „намѣренной“ же и „крупной передѣлки“, сверхъ вынужденныхъ обстоятельствъ, долго не рѣшался простереть никто на „тексты народныя.“ Пѣсенники были простыми лишь передатчиками и посредниками, болѣе и менѣе точными, осторожными, полезными и предприимчивыми. Первый покусился на то *М. А. Поповъ*: но коснулся однихъ пѣсенъ лирическихъ, женскихъ и кое-какихъ ходячихъ, да и то вскорѣ встрѣтилъ осужденіе, по крайности не вызвалъ ни въ комъ сочувствія. Смѣлый шагъ, предсказавшій печальное будущее вблизи, и отважный походъ, при томъ прямо на пѣсни Историческія, принадлежалъ даровитому *И. И. Дмитріеву* („Карманный пѣсенникъ“ 1796 г. М.). Онъ одинъ собственно въ XVIII вѣкѣ положилъ силу своего таланта, хотя иногда съ замѣчательною меткостью, на жалкую и недостойную профессію сего рода, которая смутила Пѣсенники XIX вѣка до того, что между ними безпрестанно приходится сомнѣваться въ подлинности, либо заглядывать отсюда къ Дмитріеву, не понесъ ли извѣстный образецъ слѣдовъ реформации его пера. Но эти несчастныя послѣдствія переходятъ уже въ наше столѣтіе, а XVIII-е все-таки остается само по себѣ непричастнымъ сему и чистымъ въ его общемъ направленіи.

Послѣ этого не трудно изложить заключительные выводы о плодахъ Екатерининскаго времени въ дѣлѣ пѣснотворчества. Кромѣ сближенія по существу и кромѣ общенія *внутренняго*, между областями разными и передъ тѣмъ далеко было разошедшимися, между областью народною-устною и между литературною, произошли новыя явленія въ самомъ пространствѣ и территоріи, въ *объемѣ, во внѣшности* и въ *видимомъ соотношеніи* сяхъ областей. Народное творческое устное слово, пѣ-когда исключительно царившее, а недавно ослабѣвшее или подавленное, прошло теперь снова отъ низшаго простонародья и крестьянства по всѣмъ среднимъ и высшимъ общественнымъ слоямъ до самаго Двора; литературная дѣятельность, и особенно форма, со всѣми своими средствами, по преимуществу черезъ печать, черезъ это скорѣйшее и вѣрнѣйшее орудіе, проникла и спустилась также точно, по ступенямъ искусства, отъ высшихъ сферъ, блестящихъ, могучихъ, образованныхъ, обладающихъ своего рода тактомъ и вкусомъ, черезъ всѣ сферы безъ исключенія:

отъ палатъ царскихъ и боярскихъ, отъ усадьбъ помѣщичьихъ, запертыхъ крѣпко купеческихъ хоромъ, домовъ и семействъ духовенства, мѣщанскихъ и посадскихъ жилищъ, до порога самой послѣдней, лишь бы грамотной, крестьянской избы. Пѣсенники *все* это соединили подъ рядъ и въ ровень. Мы на примѣръ встрѣчаемъ въ нихъ, особенно же въ „придворныхъ“ и поставленныхъ подъ какое ни будь знатное покровительство, всевозможные этикеты и шарканья, присѣданья и поклонны: то передъ Чернышовымъ, то передъ старою Лопухиной, то передъ пѣснями Елизаветы или передъ театральными интригами эпохи Екатериинской, то даже передъ самою Екатериной, до того, прибавимъ образчикъ, что пѣсню „Какъ пошли наши подружки, въ дѣсь по ягодки гулять“ долго *не пускали* въ ея подлинномъ видѣ и *Катеринушку* замѣняли вездѣ выраженіемъ „млада сельская дочушка (въ подлинникѣ „хороша была подружка Катеринушка“).“ Но... рядомъ же пробирался сюда и Разинъ, и Канинъ, заглушала Тапъка, разыгрывалось все прѣстѣйшее и беззащитнѣйшее, даже ухорское, нагое или голенькое, ибо въ чувствѣ матери - природы XVIII-й вѣкъ не такъ былъ щепетливъ и придирчивъ, какъ мы. Сколько этимъ способомъ *безразличія* спасено *отличнаго*, отъ забвенія и смерти! Съ переворотомъ въ дѣлаъ Западной Европы и въ воззрѣніяхъ самой Государыни, Пѣсенники попались подъ бѣду въ лицѣ Новикова, даже были осуждены и потерпѣли кару, ибо, по извѣстному отзыву *Московского* Платона, поставлены были въ числѣ книгъ „сумнительныхъ, могущихъ служить къ разнымъ волнымъ мудрованіямъ, а потому къ заблужденіямъ и разгоряченію умовъ.“ Но и это уже не могло остановить потока: Пѣсенники плодились, росли, проникали всюду и до того „употреблялись“, что нынче почти невозможно найти стараго, не только порадочнаго, но даже сноснаго или хоть бы истрепаннаго экземпляра (только мы счастливы этимъ въ нашемъ личномъ многолѣтнемъ собраніи. Не все же произведенія литературы изъ прошлаго вѣка или другихъ временъ могутъ похвалиться подобнымъ сбытомъ, потребленіемъ и пользованіемъ! Такимъ образомъ, если ожидалось еще обильнѣйшее „собраніе“ и научное „изданіе“ памятниконъ, а на передней сценѣ недооставало „самихъ памятниковъ“ во всей ихъ древности, красотѣ и величіи; если оставалось еще впереди единеніе *народное* и торжество всѣхъ вліаній со стороны *исснотворчества народнаго*: то все-таки, какъ дѣло XVIII вѣка и какъ даръ Екатерининской эпохи, мы должны пріѣтствовать *на поприщѣ литературы* созданное начало единства *національнаго* и первое вкушеніе *плодовъ національныхъ*, при посредствѣ объединяющей пѣсни и объединеннаго пѣсеннаго слова.

*

Время государя Павла ничѣмъ особеннымъ не отличается въ нашемъ дѣлѣ отъ предшествующаго и отъ всего XVIII вѣка вплоть до Петра. По краткости сего періода и малочисленности пѣсенныхъ образцовъ, мы не разиѣщаемъ народныхъ и устныхъ порознь отъ сочиненныхъ или отъ кантъ и тому подобныхъ, печатая все подъ рядъ.

VIII.

ПРИ ГОСУДАРЬ ПАВЛѢ.

1.

Суворовъ въ Италиі и противъ Французовъ.

(Борисоглебск. у., Тамбовск. г.).

- Не двѣ тученьки, братцы, не двѣ грозныя, братцы, ахъ,
изъ горъ выкатались,
Ахъ, изъ горъ выкатались:
Выходила да наша сила - армія, братцы, ахъ, во чистое поле,
Ахъ, во чистое поле;
5. Выходилъ да онъ, всё нашъ родный батюшка, братцы,
ахъ, да нашъ графъ Суворовъ,
Ахъ, да нашъ графъ Суворовъ.
Онъ своею да генеральской палочкой, братцы, ахъ, да онъ командруеть,
Ахъ, да онъ командруеть:
«Ой вы братцы, да братцы вы солдатушки, братцы,
бейте, не робѣйте,
10. «Ахъ, бейте, не робѣйте,
«Свинцу-пороху, братцы, вы солдатушки, братцы, ахъ,
да вы не жалѣйте,
«Ахъ, да вы не жалѣйте!
»У государя, да братцы, вы солдатушки, братцы, ахъ,
у него ¹⁾ казны много,

¹⁾ „У“ въ сихъ случаяхъ, какъ и выше „у государя,“ произносится почти какъ *оу*.

«Ахъ, у него кавы много.

15. Самого-то вы врага Француза, братцы, ахъ, на штыкъ
посадите,

«Ахъ, на штыкъ посадите,

«А молодую-то всё его хозяйку, братцы, ахъ, на во-
струю саблю!»

(Записано и сообщено намъ покойнымъ Н. Е. Лясковскимъ въ 1869 г.).

*

Суворовъ въ народныхъ пѣсняхъ не очень выдается, и постоянно въ од-
номъ образѣ: командуетъ своей палочкой да убѣждаетъ свою армию „не ро-
бить, свинцу-пороху не жалѣть,“ или, какъ вообще выражаются пѣсни,
„свою силу утверждалъ (нашъ Суворовъ генералъ).“

Слѣдующую пѣсню о томъ же, хотя и „сочиненную,“ можно назвать от-
части „полународною“:

2.

О томъ же.

Батюшка Никола съ нами
И Суворовъ, другъ его,
Павелъ царь: ура, горами
Сплющимъ чорта самого!

5. Цѣлый свѣтъ на штыкъ поднимемъ.

А Французъ лишь чорту свать:

Въ адъ его, мы въ адъ закинемъ,

Чтобъ не сталъ бурлить опять!

Экой варваръ! Безъ управы

10. Ладно жить, онъ говоритъ:

А безвиннымъ для забавы

Головы вездѣ пилить;

Скипетръ королей ломаетъ,

Вѣру ставить ни во что,

15. И такую комедь играетъ,

Что не слыхивалъ никто.

Полно жъ, полно упиваться

Кровью, слѣзами людей:

- Часть пришелъ тебѣ кивтаться,
 20. Выставляй богатырей!
 Вивать, Русскіе солдаты,
 Вивать! Время работать:
 Царь изъ Невскія палаты
 Всѣ изволить примѣчать ¹⁾.
25. Храбрымъ скажетъ онъ: «Ребята,
 «Вы какъ надо молодцы!
 «Здѣсь изъ лавра вамъ заплата,
 «Въ небѣ же изъ звѣздъ вѣнцы!»
 Маршъ впередъ, впередъ скорѣе,
 30. Залпъ, поближе подлетѣвъ,
 Въ мигъ въ штыки, коли ловчѣе,
 Намъ музыка—пушекъ ревъ!

*

Слѣдующая совсѣмъ уже „сочиненная“, безъ всякой поддѣлки подъ народность:

3.

При Требиѣ.

- Къ ружью ¹⁾! Друзья, летите,
 Ударъ въ рукахъ несите:
 Россійскіе сыны
 Къ побѣдамъ рождены!
5. Отечество прославимъ,
 Царю вѣнокъ сплетемъ,
 Враговъ дрожать заставимъ,
 Къ Парижу потечемъ!
- Суворовъ, мы съ тобою!
 10. Полночный зри народъ:
 И грудью, и душою
 Съ тобой идемъ впередъ ²⁾!
- Какъ облакъ сизо-чорный
 Стремится Галль упорный

¹⁾ Варіантъ: „Изъ-за Невскія палаты царь изволить примѣчать.“

²⁾ Вар „Къ оружію!“—²⁾ Какъ припѣвъ повторяется послѣ каждой строфы.

15. На насъ со всѣхъ сторонъ:
 Нѣтъ мужеству препонъ!
 Изъ рукъ перуны мечеть,
 Градъ огненный пустиль,
 Земля подъ нимъ трепещеть
20. И воздухъ помутиль.
 Но Россовъ—князь предводитъ
 И лавръ въ поляхъ находить
 На Требскихъ берегахъ;
 Побѣда на штыкахъ
25. Россійскихъ веселится;
 Смирился гордый Галль,
 Повергнуть мечъ стремится
 И самъ къ ногамъ упалъ.
 Исчезнетъ Галловъ слава,
30. Россійская держава
 Оливой процвѣтетъ ³⁾:
 Суворовъ насъ ведетъ!
 Побѣдою владѣя,
 Не дастъ ей убожъкать:
35. Царей карать умѣя,
 Умѣетъ и спаеать.

*

4.

Хоръ императору Павлу по прибытіи въ Москву.

- Громы славы раздаются,
 Громы радости несутся,
 Торжествуй, Москва, ты днесъ:
 Милосердый царь твой здѣсь!
5. Слався, Павелъ несравненный,
 Слався, первый въ міръ царь ⁴⁾!
 зри тобою оживленныхъ
 И щедротой изумленныхъ:

³⁾ Посоветавшись при вопросѣ, по какимъ губерніямъ процвѣтетъ олива, позднѣе исправили „со славою процвѣтетъ.“

⁴⁾ Повторяется какъ призывъ послѣ каждой строфы:

Всѣ отцомъ тебя зовуть,
10. Слезы умиленья льютъ.

О, веселія содѣтель!
Будь усердія свидѣтель,
Зло, коварство истребляй,
Вѣчной мудростью сіяй!

15. Духъ мы кротостью питаемъ,
Въ ней блаженство обрѣтая,
Къ мыслямъ склонимся твоимъ,
Честь имъ должну воздадимъ.

Подъ твоею мы державой
20. Всякой трудъ почтемъ забавой:
Множь къ себѣ въ насъ сердца жаръ,
Дай намъ пѣсней дары!

Воскресають здѣсь утѣхи,
Игры, рѣзвости и смѣхи;
25. Ты монаршій бросилъ взглядъ:
Всякъ принесть жизнь въ жертву радъ.

И Марія кроткимъ взоромъ,
Тихихъ прелестей соборомъ,
Наши души оживить,
30. Будто солнцемъ озарить.

Ваши отрасли драгія
Намъ залогъ судьбы златыя:
Уже скрылася война,
Низлетаютъ миръ, весна!

(Сочиненъ былъ для „Польскаго“).

*

Напомнимъ также разныя „стихи“ съ хоромъ, поднесенныя Павлу въ дни коронаціи, на примѣръ известныя — „Россія въ сердцахъ — во Кремлѣ — Царь Павелъ пребывалъ И милости отътоль народу проливалъ;“ или: „Какіе солнцы озаряютъ Великолѣпный Русскій тронъ?... Не возвращенъ ли намъ судьбиной Великій Петръ съ Екатериной? Се Павелъ Первый и Марія, Се поданныхъ отецъ и мать,“ и т. п.

Заключается снова пѣсней народною:

5.

Умеръ Павелъ императоръ.

(Губ. Калужской, у. Лихвинскаго, с. Андроновское).

Что жь это въ каменной Москвѣ за тревога?

Во призывный новый большой колоколъ прозвонили,

Въ печальны славны барабанчики указы били ¹⁾?Переставился нашъ родный батюшка Павелъ импе-
раторъ,5. По всей матушкѣ каменной Москвѣ ладонъ спотни-
баеть ²⁾,

Изъ палатъ несутъ его гробницу, несутъ золотую:

Во передь-то идутъ самой гробницы попы-патріархи,

Позади идутъ самой гробницы всё князья-бара,

По правую руку идетъ гробницы самъ сынъ царевъ ³⁾.10. Онъ ни такъ плачетъ, младый сынъ царевъ ³⁾,—
только что рѣка льётся ⁴⁾.Онъ ни такъ плачетъ, младый сынъ царевъ,—только
что быстра льётся.« Ты не плачь-ка, младый сынъ царевъ, не плачь,
не печалься! »

— Да и какъ-жэ мнѣ не плакать, да какъ не тужить?

— Подошли-то года плохія, госнода лихія:

15. — Изведуть-то меня, млада царевича ⁵⁾, за младыя
лѣта ⁶⁾,— Ни дадутъ мнѣ, младу царевичу, да мнѣ спому-
жати ⁷⁾! —

(Запис. П. И. Якушкинымъ).

* *
* ***IX.**Мы переходимъ къ послѣдному отдѣлу, очень любопытному и по-
учительному.

¹⁾ Указы читали при звукѣ барабановъ. — ²⁾ Бьетъ въ носъ, пахнетъ. —
³⁾ Рѣдкая, хотя естественная, форма прилагательнаго (гдѣ ъ=й, подобно
какъ „Алексѣй—Алексѣевъ“). — ⁴⁾ Извѣстное намъ отрицательное сравненіе
(гдѣ само сравниваемое стоитъ съ отрицаніемъ): онъ плачетъ—что рѣка
льется. — ⁵⁾ Подобно какъ отъ „Алексѣй“—„Алексѣичъ“ ви. „Алексѣевичъ.“ —
⁶⁾ Въ молодыхъ еще лѣтахъ. — ⁷⁾ Возмужать, созрѣть.

Не разъ мы замѣчали, что *въ пѣснотворчествѣ* народномъ есть своя исторія и, кромѣ того, *для самаго пѣснотворчества*, какъ и для цѣлаго народа, существуетъ также совершенно *своя особая исторія*, которая служить иногда вызовомъ или содержаніемъ пѣсни Исторической, нисколько не освѣдомляясь объ насъ и объ томъ, какъ относится этотъ историческій предметъ, любезный или важный народу, къ остальной *нашей исторіи*, въ которой мы думаемъ фигурировать членами, носителями или представителями. Не рѣдко тутъ совершается и послѣ попадается нашему взору или слуху, очерченная разсказомъ или воспѣтая творчествомъ, такая „исторія,“ которой мы вовсе не дали бы подобнаго имени, которую сочли бы случаемъ мелкимъ, частнымъ, бытовымъ, короче такимъ, какой отнюдь не достоинъ подняться до высоты исторической, болѣе или менѣе обязательной всѣмъ и каждому, всей Россіи, всякому интересу и вниманію.

Нижеслѣдующее событіе и сложенная объ немъ Историческая пѣсня, со всѣми потребными признаками подлинной исторіи и вдохновеннаго пѣснотворчества, всѣмъ почти, ближе или дальше, извѣстныя, распространенныя по всей Россіи и въ ней пропѣтыя или поющіяся, занявшія собою страничку въ каждомъ порядковомъ Пѣсенникѣ, а слѣдовательно въ литературѣ вѣща, наконецъ не вымышленныя и не „сочиненныя,“ а реально прожитыя и естественно сложившіяся, съ полною свободою повѣствующаго и творящаго народнаго духа, наконецъ, вмѣстѣ съ симъ, на вѣки оставшіяся неколебимымъ народнымъ „памятникомъ,“—служать всему сказанному совершенно яснымъ доказательствомъ и яркимъ подтвержденіемъ.

Какъ скоро мы по слухамъ и свѣдѣніямъ, хотя давно уже къ намъ доходившимъ, убѣдились въ такой важности и въ такомъ интересѣ явленія, мы сочли долгомъ ближе ознакомиться съ нимъ *на мѣстѣ*, во всѣхъ его подробностяхъ, чтобы исчерпать и положительныя данныя, и уцѣлѣвшія преданія, и округленныя фантастически сказанія, и черты, издалека болѣе или менѣе туманныя, въ самой пѣснѣ: мы поспѣшили переѣхать въ Кусково, прожили тамъ два лѣта и при помощи того сообщаемъ здѣсь результаты изысканій, доставшіяся довольно сложною работою, какой не пойметъ лишь развѣ тотъ, кто не пробовалъ собирать и издавать, такъ какъ мы, народные памятники во всей ихъ обстановкѣ, и притомъ пѣсни „Историческія,“ обязующія ко многимъ опытнымъ познаніямъ и приемамъ сверхъ вопросовъ одного творчества какъ творчества.

Благодаря геройской личности и любезному для народа образу Бориса Петровича, весь кругъ Петровскихъ пѣсень, а отсюда и нашъ 8-й выпускъ, проникнуть участіемъ и обогащенъ именемъ графскаго рода *Шереметьева*. Такого же происхожденія событіемъ и именемъ начинается нашъ 9-й выпускъ: ему суждено тѣмъ же самымъ и заключиться.

*

Грaсина Прасковья Ивановна Шереметова...

урожденная крестьянка села Кускова.

Примеръ Московскихъ государей и государынь, въ окруженіи ополсанныхъ окрестности Москвы загородными селами, съ дворцами, садами и пародами, пуданьями, отъ Тайницкаго до Коломенскаго и до самыхъ Веробьевыхъ горъ, оглозая подражаніемъ наближихъ боярхъ, затемъ на крупныхъ барахъ Петровскаго времени, искавшихъ въ Москвѣ отдохновенія и спокойствія, я надоевъ на прочихъ богатыхъ дворянахъ-помѣщикахъ XVIII вѣка. Военничихъ новизнъ, «Подмосковиди», со всеми соединенными дарми природы, искусства и образованія, не было конца; теперь это достояніе равнодушнаго кудчества, гдѣдо примитившихся мелкихъ дачъ или — дуетыръ. Въ той же мѣрѣ процвѣтали здѣсь пѣвчды и домашніе оркестры, дѣвчскіе хоры, а въ концѣ XVIII вѣка «Пѣвчды», дога на вновь уже записанце чѣ устъ, а только неопавшіеся на притнѣй до нечадному, — и преимущественно снтой дворовой челядью. Новыхъ причинъ и возбужденій, которыя вызвали бы вдохновеніе народнаго дѣснотворчества, съ каждымъ годомъ становилось все меньше и меньше около центровъ сей загородной жизни: сны крестьянства непронивъ, всячедн истопдались и днн — либо на пополненіе дворовыхъ, гдѣ бѣсѣдво, мѣневали, либо на рекрутскую службу за границу, либо на громадныя работы въ поддержку веденія «Подмосковныхъ», либо на удовлетвореніе барскихъ прихотей и страстей. Мы знаемъ, что народъ въ своей пѣвчѣ заключалъ XVIII вѣкъ отъчуждомъ: «Подоспан-то года, длохіе, господа, дхіе». Намного было неключеній и, въ числѣ ихъ, такой приговоръ не достоявался единственно на одинъ только родъ боярскій. — Шереметовы: сколько, ни славились они благодѣтельной щедростью за всѣ вѣка, и сколько разъ, ни оскудѣвали на невѣстнѣй промежутокъ времени, — для возобновленія его богатства и довольства ихъ не было длинныхъ годовъ длохихъ; сколько ни надвигались докргъ нихъ и какъ ни задуотребляли ихъ довѣрїемъ довѣренныя, до самаго того періода, когда, въ нашу пору, многіе ихнїе крестьяне, при вопросѣ освобожденія, принуждены были отойти безъ угодій, столь имъ привычныхъ, прежде, — сами «господа» никогда не были для народа «длхими», напротивъ привычными и всегда были искренно любимы народомъ. Такъ хорошо жились у нихъ, что крѣпостные не откунались, когда имѣли къ тому всю возможность, на

оборотъ все свое подписывали на имя графское: „графа Шереметева“ — видѣлась надпись на тысячѣ домовъ, имуществъ, сдѣлокъ, подрядовъ, и это было всегда символомъ достатка, залогомъ общаго довѣрія. Съ другой стороны, господа весьма рѣдко отпускали „на волю,“ хотя бы за нее предлагались громадныя суммы: не нуждались въ томъ, а если нуждались, то довѣряли текущей бытовой жизни; и это довѣріе оправдалось, когда настала пора всеобщаго выкупа, когда въ замѣнъ накопившихся долговъ притекли въ графскую казну многія миллионы. Шереметевскіе крестьяне знали хорошо историческую и дѣйствительную славу своихъ графовъ: пѣли объ нихъ и пѣснями разносили ихъ народную извѣстность по тысячѣ селъ и деревень, по всему лицу необъятной Россіи, — причина, почему между прочимъ дошло къ намъ столь много пѣсенъ съ именемъ Шереметевскимъ. Эти массы „простого народа“ живо интересовались всѣмъ, что касалось ихнаго владѣльческаго дома, имущества, угодья: такъ, что даже за послѣдовавшимъ отчужденіемъ, даже при послѣднихъ поводахъ недовольства, можетъ статься изъ всѣхъ освобожденныхъ крѣпостныхъ одни только бывшіе Шереметевскіе крестьяне съ напряженнымъ вниманіемъ оцѣнять по прежнему за ходомъ барскаго хозяйства, радуются радостнымъ извѣстіямъ объ немъ, скорбятъ о разореніи древностей, о развалившихся дорогихъ зданіяхъ, о запущенныхъ великолѣпныхъ садахъ, о погравленныхъ лугахъ, объ уничтожаемыхъ въковныхъ, въкогда заботливо разсаженныхъ, рощахъ. Черезъ это именно посредство, и не иначе, какъ черезъ посредство любящаго народа, имя, благо, достоинствъ и преемство рода Шереметевыхъ сдѣлалось, не частнымъ уже, а Все-россійскимъ и Историческимъ: принадлежитъ нашей общей Исторіи и цѣлой Россіи, ее интересуетъ, ее привлекаетъ вниманіемъ и озабочиваетъ.

За смертью старшаго сына отъ перваго брака ¹⁾ и за денежнымъ вознагражденіемъ меньшаго ²⁾, сынъ графа Бориса Петровича отъ втораго брака ³⁾, рожденный въ Прилукахъ 1713 г. и воспитанный гетманомъ Скоропадскимъ, *Петръ Борисовичъ* остался единственнымъ наследникомъ славы и состоянія побѣдъ отца (1719 г.). Начавши военнымъ поприщемъ, онъ при Елизаветѣ обратился на болѣе сродную придворную дорогу и достигъ здѣсь высокихъ почестей. Будучи близокъ къ Петру II-му, онъ съ тою же придворной ловкостью устранился отъ несчастной судьбы Долгорукихъ и собственной сестры своей, знаменитой Натальи Борисовны (на что она намекаетъ въ своихъ запискахъ). Впрочемъ, послѣ кончины супруги своей и некоторыхъ другихъ семейныхъ оторченій, онъ въ время умѣлъ удалиться отъ

¹⁾ Михаилъ Борисовичъ отъ Евдокіи Алексѣевны, урожд. Чириковой. ²⁾ Сергій Борисовичъ. — ³⁾ Съ Анною Петровною, урожд. Салтыковой, семнадцатилѣтнею вдовою послѣ близкаго царскаго родственника Льва Кирилловича Нарышкина († въ М. 1728 г., девятью годами переживши престарѣлаго мужа).

любопытнаго участія въ событіяхъ Двора и, только по назначеніи „выборовъ“ при главнокомандующемъ, Захаръ Григорьевичъ Чардышевъ, являясь первымъ Московскимъ предводителемъ дворянства. Тогда-то, среди полного досуга, по обычаю эпохи отдался онъ загородной жизни; но при этомъ напрасно иные полагаютъ, что онъ самъ по себѣ не достаточно владѣлъ средствами: отду его жаловали и дарили много помѣстій, хотя конечно болѣе отдаленныхъ, и между ними знаменита на примѣръ Малорусская „Борисовка“, названная такъ по имени владѣтеля, съ домою самого Бориса Петровича, а вмѣстѣ съ жилищемъ Петра Великаго. Во всякомъ случаѣ, село *Кусково* (воздѣе „Спасское“ по церкви), отъ Москвы въ 7 верстахъ между Рязанскою и Владимірскою дорогою, по прозванію, какъ думаютъ, отъ „куска“ родоваго имущества, а въ самомъ дѣлѣ точно такое же, какъ „Кучково“, какъ ближнее „Перово“, „Останьково“ и т. п., Кусково, говоритъ, было изстару Шереметевыхъ родовою ихъ Подмосквовою. Здѣсь-то (на мѣстѣ нынѣшняго оранжерейнаго зданія, гдѣ уцѣлѣла старая домовая церковь) стоялъ *первый* домъ владѣльцевъ, за которымъ, въ память эпохи Петровской и для собранія во едино Голландскихъ памятниковъ, сооруженъ дальше второй, „Голландскій (1749 г.)“ ⁴⁾. Но, разумеется, всѣ главные источники для своихъ причудливыхъ плановъ приобрѣлъ молодой графъ, женившись на *Варварѣ Алексеевнѣ Черкасской* ⁵⁾, дочери извѣстнаго Алексѣя Михайловича ⁶⁾ и наследникѣ несомнѣнныхъ, въ томъ числѣ Сибирскихъ, богатствъ, прибывшии—наследникѣ особаго изящнаго вкуса, ибо отецъ завѣдывалъ строеніемъ дворцовъ и садовъ, равно какъ устройствомъ художественныхъ ремеселъ. Съ нею достались счастливицу: „Останкино“, не менѣе славное своимъ домою, отдѣлкою, утварью, садами и прудами, празднествами, народнымъ до сихъ поръ гуляньемъ, а главное—достались всѣ ближнія и отличнѣйшія имѣнья, простирающіяся, кромѣ Владимірки и прочихъ направденій, отъ Москвы чуть не до Коломны. Въ томъ же числѣ, на Рязанской дорогѣ, примкнуло къ селу Кускову „Вешняково“, лежащее между Владимірскою и Измайловскимъ Звѣриномъ съ одной стороны, между Перервою и селомъ Коломенскимъ съ другой: то бывшее жемчужное убѣжище кн. Одоевскихъ ⁷⁾, куда, мы знаемъ, навѣщать сына

⁴⁾ Къ удивленію мало поворченъ до сихъ поръ. — ⁵⁾ Родилась 1711, † 1787 г. По матери была Трубецкой Марья Юрьевна дочь Юрья Юрьевича.

⁶⁾ Род. 1680, † въ М. 1742: богатый наследникъ послѣ Сибирской службы отца, отличнаго самаго чина, хотя и недостаточно дѣятельный капитанъ Алин и Елизаветы — ⁷⁾ Сынъ Дмитрія Ивановича Яковъ приобрѣлъ много въ супружествѣ за Шереметевомъ, дочерью боярина Федора Ивановича; потомъ, безъ чиновъ, за его доварью перешелъ въ чинѣ Черкасскимъ, а наконецъ, снова возвратился къ Петру Борисовичу. Въ томъ числѣ состояло и смежное съ Кусковымъ Вешняково, о которомъ фамильямъ преданія еще поминать и сообщалъ намъ признанный Кн. В. Ф. Одоевскій.

и угнать отца сворачивалъ вѣкогда къ Никитѣ Ивановичу: страстный охотникъ и всадникъ царь Алексѣй: Свадьба совершилась въ 1743 году: понынѣ рассказываютъ, какъ поѣздъ ея, прибывая въ Вешняки, кондомъ своимъ танулъ еще у Московскаго вала. Молодая графиня здѣсь провела свое дѣтство: чтобы связать мѣсто дорогихъ для ней воспоминаній, отъ любимаго ея Вешнякова до Кускова предприняты и потанулись первыя великолѣпныя постройки и блестящія улучшения ⁹⁾.

Грядя со стороны Кускова, между нимъ и Вешняковимъ, въ травѣ отъ соединяющей дороги, разбитъ былъ вѣковой лѣсъ на пробы и аллеи, съ посадкою деревьевъ и съ особымъ зданіемъ „Рунчъ“ по срединѣ ⁹⁾.—Въ лѣво, среди купъ засаженныхъ по роцѣ липъ, изъ которыхъ многія сдѣлались теперь уже вѣковыми, раскинулся громаднй „Звѣрянецъ“, занимавшій, съ жильемъ служителей по краямъ и воротами, 1.383 сажени вокругъ, обнесенный весь оградомъ, съ прекрасною въ центрѣ каменною круглою бесѣдкою, украшенною колоннами: жилище всевозможныхъ дикихъ животныхъ и искусственное поприще для большой охоты, подъ смотрѣніемъ особыхъ звѣрячиковъ ⁹⁾.—Еще лѣвѣе его, поднялся смежный, построенный обшпрнымъ замкомъ, „Конюшенный дворъ“ со „Скотнымъ“ и „Псарнымъ“, или „Охотничьимъ“, гдѣ жили со своими сворами псаря и ловчіе ⁹⁾.—Все это про-

⁹⁾ Достопримѣчателюности Кускова описаны были въ десяти книжкахъ (въ „Моск. Вѣдом.“ старшихъ годовъ, „Отѣх. Зап.“, „Сѣв. Цѣвѣлахъ“, „Вѣстникѣ Европѣ“, въ Путеводителяхъ по Москвѣ и окрестностямъ, въ соединеніяхъ Долгорукова, Воейкова, у С. М. Любецкаго и отдѣльными книжками); но или отрывками, или по слухамъ, или по памяти безъ надлежащей точности, а отъ того со множествомъ ошибокъ и путаницы. Въ краткомъ нашемъ очеркѣ точность добыта съ большимъ трудомъ изъ документовъ и разысканія на мѣстѣ.—¹⁾ Лѣсъ нынѣ совсѣмъ заброшенъ и заросъ. Остатки прежняго, съ подростками и лугами, истребляются настоящими, отханными въ нѣкныя годъ гурты воловъ, прибывающихъ съ сосѣдней Разинско-Козловской дороги: это бичъ молодого лѣса, гуляющихъ дачниковъ и мѣстныхъ частныхъ стадъ; безпрерывно отъ того поражаемыхъ болѣзнями.—Руина построена въ 1786 году „да подобія развалишагося строения въ дѣв. пирамиды“; она стояла долго и разобрана не такъ давно, когда камень понадобился, чтобы починить въ Вешняковѣ ограду и кое-какія постройки при церкви.—²⁾ Звѣрячиковъ достало всегда двое; по штату 1786—89 к. положено было содержать: оленей Нѣмецкихъ 20; Американскихъ 100, волковъ Сибирскихъ черныхъ 12, сивей Американскихъ 6, зайцевъ божьихъ отету; въ 1799 г. было уже оленей Нѣм. 9, Америк. 140; котомъ съ каждымъ годомъ меньше, пока въ 1809 г. много вывели и распродали; съ 1810—17: отдѣляли уже Звѣрянецъ подъ локось, а нынѣ, безъ слѣда вѣдній и ограды, подвергся оцѣ однаковой участи съ прочими родами.—³⁾ Конюшенный и Скотный в. Конюшный построенъ въ одно время съ Рунной: уцѣлѣлъ лишь полуразрушенный черныи. Конюховъ было 11, послѣ меньше. Псарей и ловчихъ въ концѣ XVIII вѣка то больше, то меньше.

странство, сверхъ соединительной проѣзжей дороги, прорѣзано было особенною „просѣкой,“ черезъ которую видно было Кускову все Вешняково. Лицомъ къ сему послѣднему и къ просѣкѣ, въ протяженіи поперечномъ, рукою знаменитаго архитектора Вали, воздвигнутъ былъ, на каменныхъ сводахъ и подвалахъ, деревянный двухъ-этажный „Домъ,“ великодушный по тому времени, прочный, прекрасный и удобнѣйшій доселѣ, третій по порядку упомянутыхъ нами зданій, извѣстный съ тѣхъ поръ подъ именемъ „Большаго:“ полный какъ чаша всѣмъ, столь извѣстнымъ имуществомъ знатныхъ богачей изъ XVIII вѣка, въ томъ числѣ Гобеленовыми работами, древнимъ оружіемъ, библіотекою, картинною и преимущественно портретною галлереей (о которой скажемъ ниже), бюстами, вазами и т. д. ⁴⁾. По фокамъ его уцѣлѣла еще жемчужная рѣшетка, сдѣланная по рисунку, который во время пребыванія здѣсь на досугѣ набросалъ Екатерина.—На двѣ отъ дома, и въ одно время съ нимъ, построена вторая, послѣ первой домовая, каменная „Церковь“ во имя Спаса (царяго, августа 1-го), куда изъ старой перенесена главная утварь и юстиция нѣсколько драгоценностей ⁵⁾.—

⁴⁾ Благодаря удивительной прочности и достоинству материала, домъ доселѣ, кромѣ незначительныхъ желочей внутри, таковъ точно, какъ въ сто почти лѣтъ. Верхній этажъ собственно — антресоли; подрами назывались „Фражскими погребами,“ съ Фражскими винами. Послѣднихъ, въ томъ числѣ очень старинныхъ, рѣдкихъ и дорогихъ, при перевозкѣ въ Москву, 1810 года, нашлось 1023 бутылки и посуды. По добротѣ, что въ опекунскомъ реестрѣ оказались по наличности совсѣмъ другія, болѣе простые и дешевыя вина, даже наливки и воды, вмѣсто числившихся дорогихъ по прежнимъ бумагамъ. Тутъ же, въ подвалахъ, была часть провѣндала и содержались кладовыя, между прочимъ пушки — трофеи Бориса Петровича, употреблявшіяся послѣ для стрѣльбы по праздникамъ и увеселеній.— Библіотека была довольно велика, на разныхъ языкахъ, и теперь больше не существуетъ на лицѣ; въ ней стояли бюсты Вольтера, Руссо, Франклина, множество фигурокъ, зрительныя и слуховыя трубы, географическія карты, камеръ-обскура и т. д. Когда, въ 1810 г. книги всѣ отправлены были въ Московскій Восточнѣйскій домъ, ихъ оказалось 40-сундуковъ съ 11,668 нумерами. Старшимъ библіотекаремъ при нихъ былъ Вас. Воробьевскій, оставшій намъ „Литическіе переводы“ — „Оружейная“ или „Кригсъ-камера“ содержала 573 №№, въ 1817 г. отправленныхъ въ Останкино; между ними было Кара, отбитое при Полтавѣ и подаренное герою битвы Петромъ. Подлѣ дома кухня и уничтоженная цинкъ „Оффиціалька“ съ „Досыиннымъ фангалемъ“.—

⁵⁾ Между прочими кресты, бывшій постоянно на груди фельдмаршала, теперь виданный въ ружку для употребленія. Переправленъ въ 1801 и 1818 году. Замыка же домъ въ перелѣтанъ въ 1830 г. и раскопанъ живописцемъ Михайломъ Давыдовичемъ. Въ прѣдѣхъ состояли — старшія: священникъ Александръ Федоровъ, а потомъ Петръ Матвѣевъ и Дмитрій Ивановичъ; дѣвочы Петръ Васильевъ, потомъ Григорій Ивановичъ и Водворъ Христофоровъ; дѣвочы Иванъ Павловъ, потомъ Иванъ Егоровъ; поповарь Дмитрій, Илья и Иванъ Васильевъ; санитъ, пророкунья Анна Федорова. Жалко она състала за Слюдинымъ орудиомъ

Передъ лицомъ дома, между нимъ и помянутою просѣкою, съ которой открывался видъ на Вешняково, воспользовавшись болотистой мѣстностью, вырыли громадный „Прудъ“, съ теченіемъ времени обратившійся въ озеро, съ трубами и каналами, отъ которыхъ зависать три пруда ниже въ лѣво, пруды и каналы въ саду. Какъ всѣ работы по Кускову, обыкновенно Шереметевыхъ, щедро оплачивались, такъ и для этой, весьма тяжелой, употребили силы бѣдняковъ, дабы дать имъ средства въ годъ 1770 года. Вообще прудовъ, профѣзавшихъ и опоясавшихъ Кусково, до 17-ти: главный превосходилъ ихъ затѣмною украшеніемъ. Тамъ, гдѣ онъ къ Вешнякову вдавался въ просѣку узкою полосой, при входѣ въ сію послѣднюю съ обѣихъ сторонъ поставлены два каменныхъ „Обелиска“, а при концѣ полосы на берегу устроена была превосходная „вездка съ каскадами“ поднятой воды; по среднѣ пруда островъ съ другою „Китайскою“ бесѣдкой; по берегамъ,—противъ дома „щитъ на подобіе рунны“, а по бокамъ его искусственныя „рыбачьи хижинки“ съ развѣшанными снастями ловли; на поверхности пруда, сверхъ разнаго вида лодокъ, большая раззолоченная „Яхта“ съ пушками, „Китайское судно“, „Баржа“ и „Шлюпка“, доставленная изъ Петербурга и т. п., а для нихъ особые матросы и гребцы; по праздникамъ мелькали здѣсь ночные огни и горѣли блестящіе фейерверки; внутри—рѣдкое обиліе саженой рыбы *).—Между тѣмъ, вырытая съ прудоваго дома земля перенесена за домъ, по другую его сторону, и пошла на уравниеніе или планировку нѣсколькихъ десятинъ подъ садъ и подъ дальнѣйшія сооруженія въ немъ. Выстъ съ тѣмъ мы сами теперь оборачиваемся на другую сторону Большаго дома и смотримъ съ задняго его фасада, гдѣ устроена терраса.—„Садъ“, открывавшійся съ нея взору, вплоть до означеннаго выше оранжерейнаго зданія (какъ и доселѣ), разбитъ

на углу Старой Слободки, потомъ, послѣ артистовъ, въ ихъ корпусахъ по линіи Большой дороги. Нынѣ церковь приходитъ въ ветхость и штукатурка обваливается. — *) „Обелиски“ поставлены въ 1786 году, тогда же „щитъ рунны“ и тогда же устройство яхты (отдѣлана архитекторомъ А. Мироновичемъ Матросовъ, состоявшихъ при яхтѣ и сначала нанятыхъ для обученія другихъ съ Сухаревой башни, было трое, въ шкиперскихъ кафтанахъ и суконныхъ шароварѣхъ, кофейнаго или вишневаго цвѣта, съ бѣлыми пуговицами; для работъ камзол и шаровары парусныя, шляпы круглыя поарковныя съ желтыми лентами, галстуки кумачные, кушаки стамедовые, башмаки, чулки гарусные или бумажные; гребцовъ 18; въ кафтанахъ и штанахъ суконныхъ желтыхъ съ бѣлыми пуговицами или въ камготовныхъ полосатыхъ камзолахъ, кафтаны и шляпы съ серебряными позументомъ, илиновыя ленты, башмаки, чулки; пряжки, подвязки. Изъ пруда вынута была разъ раковина съ жемчугомъ; рыбы столько, что за разъ, на привѣсь, снастями вылавливалось до 2000 карасей. Ничего главный прудъ уже начинаетъ заростать травой; бесѣдки съ каскадами, рунны и рыбачьи хижинки нѣтъ, нѣтъ ничего и на острову; яхта со шлюпками и лодками сгнила въ баракахъ; рыба часто дохнетъ; стоятъ нѣсколько безобразныхъ, полуразрушенныхъ шумленъ.

былъ, на квадратѣ въ 200 сажень, во французскомъ вкусѣ, съ открытыми клубами разнообразнаго рисунка для дорожекъ цвѣтовъ, но бранивъ се шпалерами подстриженныхъ лицъ и березъ, образовавшихъ аллею, а за ними косячками, за лиственницей и кедрами, съ рядами елей, тополей, рябины, черемухи, сосенъ и т. д., чѣмъ дальше отъ средины въ краишъ, тѣмъ гуще. Овъ дѣлился на двѣ неравныя половины, поперегъ разгороженныхъ узеристою рѣшеткой ⁷⁾, и названъ садомъ „Большимъ“ (въ отличіе отъ „Малаго“, старшаго, о которомъ ниже). Въ самой срединѣ сада помѣщался прудъ, цинѣ, зарощенный лугоми; дорожки, перекрестки и переходы украшались множествомъ мраморныхъ статуй, подаренныхъ Екатериною и дополненныхъ другими простѣйшими, алебастровыми на гранитѣ, своей Московской работы ⁸⁾. Садовая кайма шпалеръ и аллея отдѣлялась отъ крайней части другихъ саженныхъ деревьевъ, съ права, съ лѣва и впереди (за оранжереей) ровомъ или довольно глубокимъ каналомъ съ проведеніемъ отъ прудовъ чистого водоемъ на высомомъ берегу канала, мануарищемъ края сада, съ трехъ же сторонъ обнесена была высочая ограда въ каменныхъ столбахъ ⁹⁾.—Красивѣйшія аллеи, воздвигнутыя въ одно время съ Большимъ домомъ, принадлежатъ оному же водянному обводу, среди аллей. То были: на прѣво отъ домовой террасы, каменный такъ называемый „Гротъ“, выложенный внутри разнообразными морскими раковинами, съ тинчскими статуями приморскихъ жителей, въ томъ числѣ и нагихъ, съ рѣдкостями въ родѣ мамонта и т. д. ¹⁰⁾; съ боку его, между нимъ и Итальянскимъ домомъ, прудъ съ особенно-рѣдкою рыбою, ходившею по звонку, а на берегу, на пригоркѣ, мраморная статуя Сирены надъ фонтаномъ ¹¹⁾; далѣе „Итальянскій домъ“, предназначенный собственно для памятниковъ Итальянскаго искусства, преимущественно дорожныхъ картинъ,—передъ нимъ статуи, фонтаны, цвѣтники ¹²⁾; тутъ же, правая сторона обводнаго канала служила для плаванія рѣдкихъ птицъ, особенно лебедей, съ ихъ жилищемъ на высо-

7) Рисунокъ Екатерины, той самой, что послѣ перенесена къ Большому дому (ср. выше). — 8) По видимому ради неименнаго ихъ достоинства: предназначались прежде для садовъ Петербургскихъ, ихъ до 70-ти. Гипсовые бюсты въ 1786 г. дѣлалъ Мартинъ Андреевичъ. — 9) Слѣди ея столбовъ видны доселѣ. — 10) Полъ въ залѣ изъ Орлеанскаго мрамора, въ кабинетахъ—синяго и бѣлаго мрамора; 12 статуй: деревянныхъ съ перламутромъ и раковинами; стены со мраморными досками. Дни нѣкоторой порчѣ в ветхости, сохранился доселѣ, хотя въ пыли и грязи. — 11) Порядочная рыба есть доселѣ; статуя Сирены слета. — 12) Видность дома обезображена, внутри теперь жилище вѣков, съ мебелью Петровскаго времени, картины и рѣдкости ввезены. Прежде вслѣдъ, крошкѣ картины и статуи, были мраморъ, золото, хрусталь, бисеръ, рѣдкости по дереву, штофы, атласъ, живописные плафоны и фрески. Поврежденъ послѣ отдачи въ наймъ и куда жила здѣсь Н. П. Щ. Особый садикъ передъ домомъ былъ огороженъ: въ немъ бассейны и фонтаны (вода изъ Волдавской башни, ср. ниже), мраморныя вазы, статуи, пирамиды, отдѣльныя и т. д.

вомъ берегу, что къ оградѣ;—такъ называемая „Менажеря“ (Ménagerie) или „Менажеря“, пять изящныхъ каменныхъ дощиковъ съ окнами и воротами, рѣшетками и колоннами ¹²⁾; наконецъ, влго дальше, на перекресткѣ аллеѣ въ правомъ углу, круглая деревянная зеленая бесѣдка; вершина куполомъ съ 8-ю окошками, служившая и именовавшая сначала „Бильведеромъ“ ¹³⁾.—Настоящій же „Бильведеръ“, вѣнечный; сооруженъ немного спустя, въ крайнемъ углу сада съ той же правой стороны: иначе „Круглая бесѣдка“, а позднѣе „Обсерваторія“ ¹⁴⁾. На льдо отъ террасы, прежде всего, по ея сторону прудика, соединившаго съ главнымъ прудомъ посредствомъ пролива, стояла деревянная „Сквозная, Раскрытая, Столбовая (т. е. съ колоннами) бесѣдка“ или Разрѣзная Галлерея, съ двумя кабинетами по бокамъ; а напротивъ, по другую сторону прудика, при садовой загородкѣ на валу, стояла такая же каменная въ родѣ триумфальныхъ воротъ, служившая для подъѣзда въ садъ со стороны Москвы: она отличалась необычайною красотою и величавостью постройки, въ верху съ Діаной на скалѣ и нѣсколькими статуями; съ боку на возвышеннѣйшій мостъ черезъ проливъ на дорогу къ подъѣзду Большаго дома ¹⁵⁾.—На третьемъ берегу прудика, съ третьимъ спускомъ для катанья и купанья; отомъ поминутый двухъ-этажный „Голландскій домъ“, весь выложенный внутри изразцами или плитками самаго разнообразнаго рисунка, съ мраморнымъ поломъ, украшенный по стѣнамъ множествомъ картинъ съ Голландскими видами, Фламандской школы и Итальянской, рисовавшей природу или домашній бытъ (Итальянскій домъ напротивъ) выдала

¹²⁾ Отъ Итальянскаго дома черезъ валь сюда велъ мостыкъ; круглой дощиковою оградой, рѣшетки позолочены; фронтоны съ позолоченною рѣзбовою. Лебедей было до 20 и болѣе, при нихъ „лебединчикъ“, журавли, Американскіе гуси, фазаны; утки красныя Американскія и хриповося Голландскія, Куры Цесарскія и лучшія Русскія, воздѣе Пеликанъ, и при нихъ лѣбѣ питомники (старшій Николай Соколовъ). Теперь, кромѣ какой-то избушки, нѣтъ этому лѣбдовъ, рѣзъ вездѣ сухой. — ¹³⁾ До постройки каменнаго (см. ниже). Въ потолкѣ была люстра въ видѣ куста ровновою; по стѣнамъ, обитыя золоченою травчатую кожей, висѣли анды Кускова. Потолъ уничтоженъ. — ¹⁴⁾ Внутри раскрасной шпатель, купидоны съ вазами, вокругъ зала четыре кабинета, надъ одного вѣсница въ верху, а съ верху четверо дверей на балконы, чтобъ любоваться видами (bel-veder); снаружи площадка вокругъ съ вазами и антурами. Удѣлять въ полуразрушенномъ цѣдѣ. — ¹⁵⁾ Первая цѣдѣ въ полуразрушенномъ состояніи: кабинеты съя, съ зеркалами и картинами; служилъ для почта: гостямъ, а постѣ отдавался въ наемъ. Вторая цѣдѣ еще была въ 1812 г.; но послѣ совсѣльшества и только удаленъ наемъ на карендахъ Подземный мостъ ея, черезъ проливъ, отличалъ другому на протавулодѣ немъ концы, на церковны и купелью. И точно, эта триумфальная бесѣдка для подъѣзда сдѣлалась практичѣсти пѣ нужна, какъ скоро къ торжеству 1786 и 87 года (см. ниже) устроена была новая подъѣздъ при Большому дому; прежде не существовавшій.

картины, историческія, библейскія и евангельскія); при немъ отличная кухня, буфетъ, погребныя, а сзади дома Голландскій садикъ съ тѣльниками, съ дводвижной и хозяйственнѣй огородъ; видимость дома, довольно грубая, хоть и орнаментная, выигрываетъ отъ красноты при-строекъ, но боками, ополбидовъ, рѣшотовъ, местиновъ, снарядовъ для уженъ, вѣданыя и катанья, ²⁾.—Между этими пристройками, среди галлерей, стоялъ „Шагоденбургъ“, иначе называемый „Индійскому въсадку“ ³⁾: сюда пологая была, расписана „небожъ“, но стѣнамъ глѣные виды и особо большая картина, изображавшая Куковскій про-спектъ на Перово, съ профилемъ сего, послѣднѣяго. Совокупъ исчезнѣи-ннѣ, отъ зачѣненъ довольно безобразною „Китайскому въсадку“, и пересеченною на Англійскаго сада (см. ниже) и матервшею своа ста-рня, Китайскія или Японскія, укрѣпенія, внутри. Сюда же принадле-жали двѣ раскинутыхъ „Палатки“, такъ называемыя „Персидскія“ и „Битайскія“, въ дорогихъ восточныхъ тканей и съ восточными узорами ⁴⁾.—Отъ Голландскаго дома, поворотъ, съ каменными столбами и рѣшотками, велъ къ устроенной въ аллеѣ „игра Мали (jeu de mail)“ ⁵⁾. Наконецъ, рядъ крупныхъ и дорогихъ акацій въ Большомъ саду; ближе къ срединѣ его отъ Голландскаго дома и дальше отъ террасы дома Большаго, въ перекресткѣ лѣноты аллеѣ замыкалъ другъ-отажный красивѣйшій „Эрмитажъ“, построенный въ Мауритавскомъ мушѣ-тѣтѣ, же Вали, съ лепными выступами наружу, навѣшонани или по старому каменнотани, откуда съ балконовъ открывались вокругъ виды, съ бюстами въ наружныхъ нишахъ и статуей Ганимеда на пролѣ. Укра-шенія его отличали всей остальной ~~конн~~ конн, но превозвели ея извѣ-ствомъ: плафоны зала и кабинетовъ прекрасной живописи, зеркала на стѣнахъ и простѣнкахъ, пилястры и десюпорты, карнизы съ фризомъ и архитравомъ, и все это, въ цѣльныхъ рамахъ, на панеляхъ и двер-цахъ или прѣ особыхъ крошечнѣшахъ, отдѣлено дубомъ съ подороженою

1) Приходъ этотъ явилъ домо, въ особомъ стилѣ, особый характеръ Голланд-децъ; теперь, кромѣ разбитыхъ плитокъ, внутри не осталось никакой утвари, нѣтъ ни садика, ни огородка; но зрители продолжаютъ мнѣтъ невольность сводовъ и стѣнницъ, удобствъ и прочности постройки, къ сожалѣнію страдающей отъ сырости безъ вентиляции, а особенно главный кабинетъ или залъ, весьма до-рошо сохранившійся. — 2) Не признаю объясненій Голландцевъ, думаю, не этия данныя, что то были „Индійская Лягушка“, въ оячтѣ отъ Вольведера; послѣ того лавъ онъ остроносъ изъ камня. Къ сомнѣнію, чѣтъ совѣтъ вѣтвеннаго рѣзника и на картинкахъ по бокамъ Голландскаго дома и вѣ-днѣе только украшенія своа пристройки, свѣлаго цвѣта (свѣтѣ дома нево-красный, ярничшій). — 3) Онъ хранился носѣ въ сараѣхъ для лошаки на обшкѣ стѣнъ и мебели; отсюда-то, нѣтъ это редакціонъ и каталогъ, рас-сѣно кромѣ въ Перенетевскихъ домахъ стояло „Индійскія“, Японскія, Индѣйскія и Персидскія челошей. Въ Мескѣ носѣ было средъ „Индѣй-скій домъ“, дѣланный украшеніемъ съ Куковскимъ. — 4) Нѣтъ ни осталось слѣда.

рѣзбовъ. Сколько привлекаетъ знатока эта, удѣлѣнная изъ всего про-
чара, отдѣла, столько ничѣмъ не занимающаго конечно обы-
кновенная принадлежность тогдашнихъ „отшельническихъ жилищъ“, да-
вавшая возможность интимному кружку наверху обходиться безъ при-
слуги вѣкругъ; — машина, поднимавшая съ пазу диванъ и столовый при-
боръ на 16 человекъ, по знаку проведенныхъ колокольчиковъ ¹⁾. — Отъ
Эраштажа, параллельно серединѣ сада, унизавшагося въ Оранжевую,
шла, сохранившаяся монументъ въ томъ же направленіи, большая аллея
къ выходу въ Англійскій садъ, на Сѣверъ. Здѣсь, во первыхъ, гдѣ ничто
круглый запущенный цѣтникъ, помѣщалась, въ каменныхъ стѣнахъ,
„Карусель“ съ разными затѣйливыми играми ²⁾. — Далѣе, на томъ же
проспектѣ, деревянный „Балосейтъ“, но срединѣ мраморная статуя Плу-
тона, вокругъ Миносъ, Евридика, Персефона, Орфей, 16 фонтанныхъ
трубокъ, скамьи и двѣ мраморныя собаки ³⁾. — Въ заключеніе передъ
самымъ выходомъ, гдѣ слѣдомъ остался теперь трехугольный выступъ
сухого рва при оградѣ, „Пещера огнедышащаго дракона“, стража
выходу и входу, а подлѣ, для маскированія входу, декорация руины и
деревьевъ, да два шалама, покрытые мехомъ, въ одномъ капуцины, въ
другомъ деревенская дѣвушка. Все это рано было сломано и перенесено
съ измѣненіемъ въ сосѣдство Дома Уединенія (о которомъ ниже), а по-
ближе къ сѣверу послѣднему (ибо отъ Вольшаго дома далеко) устроены
были съ зраю пещеры въ столбахъ „Фряжскій погребъ“ для винъ ⁴⁾.

Намъ остается теперь „Оранжевый домъ“, старшее Кусковское
зданіе (см. выше), въ которое упирался разбитый средній Вольшій садъ
и въ который выйдя въ Сѣверу (обратно Воль-

¹⁾ Уцѣлѣли внутренніа украшенія по стѣнамъ и попорченная машина; въ
верху при тарелкѣ графа помѣщалась шестерня, для движенія приборовъ
сверху и кругомъ стола. — ²⁾ Здѣсь былъ деревянный досчатый кругъ на ходу,
на кругу двѣ деревянные лошади съ полными уборомъ для ѣзды и двѣ одно-
колки; 6 раллеръ; 6 дретиковъ съ желѣзными наконечниками; 15 стрѣлъ съ
желѣзными копейдами; разныя кольца, мячи и столъ съ прорѣзаннымъ кру-
гомъ, куда шли металы; одинъ колдъ на 4-хъ столбахъ съ висящими шаромъ.
другіе въ ладкѣ; фертуна, ладкѣ съ жолобомъ для шаровъ и коловоачи-
номъ; на столбахъ цѣль—деревянная утка съ носомъ и крыльями желѣзными;
столъ съ кругомъ, на кругу литтеры; качели висѣли и кругляки на стол-
бахъ, и т. п. Теперь все уничтожено. — ³⁾ Нѣтъ слѣда. — ⁴⁾ Въ пещерѣ на-
ходилась одна большаго дракона съ крыльями и два маленькихъ, „двѣ гадюки
ползающихъ“, свѣтъ изъ холстинн, обвившіяся вокругъ дерева, надъ вхо-
домъ надписи: „Non facit, sed indomitus“, Не явится, но не укротитъ (послѣ
сдѣлали пещеру „львиною“, см. ниже); тутъ же была каменная плита съ ока-
мѣлыми морскими раковинами, найденная близъ Кускова. — Подъ наско-
номъ капуцина была командный черныи стулъ, на столкѣ черныя лавка и ше-
сточница, черныя глиняныя: когда послѣ, въ Англійскомъ саду, сдѣлали вы-
сто того Дюгена, народъ по наматъ капуцина звалъ и зоветь философа де-
селъ „монахомъ“. Дѣвушка держала блюдо съ грибами.

шюу дому), отъ времени Бориса Петровича оставалось оно въ такомъ видѣ: вытянутое въ длину, по серединѣ имѣло оно круглый залъ подъ куполомъ съ хорами, съ 4-ми дверьми на выходъ, съ нѣсколькими статуями внутри въ нишахъ, стоячими большими канделябрами и вожакой мебелию; изъ двухъ половинъ по обѣимъ сторонамъ, каждая въ два этажа, одна, на лѣво къ Карусели (см. выше), представляла два особыхъ покоя, или, какъ говорили тогда, „кабинета“, раздѣленныхъ кухнею, съ висящими люстрами, каминами; нѣсколькими бюстами и самой простой мебелью, — это жилие покоя; въ другой половинѣ, на право къ церкви, двѣ галлерей, — съ оружіемъ, съ картинами и рѣдкостями¹⁰⁾. Когда молодой наслѣдникъ, устроившись съ дѣлами своими при началѣ правленія Елизаветы, сталъ чаще посѣщать подмосковную, онъ поправилъ въ 1742 году церковь во имя архангела Чуда (6 сентября), похѣдавшуюся на правомъ концѣ здания, и по радней архитектурной страсти своей началъ отдѣлывать покоя. Женитьба вскорѣ дала ему лучшія средства: тогда, изъ наполнившихся галлерей; Голландскіе и тому подобныя старыя памятники съ картинами перенесены въ соответственный второй домъ 1749 г. (см. выше), портреты помѣщены въ первой „Портретной“ сего имени кладовой или галлерей надъ церковью, а оружіе поступило позднѣе въ Кригъ-Камеру при Большой домѣ. Въ одно время съ постройкою сего послѣдняго, въ 70-хъ годахъ, обращенная къ нему вся задняя половина, состоявшая изъ одного высокаго этажа, передана въ Оранжерею, стеклами на Югъ, въ садъ. Сѣверная половина, уменьшившаяся вдвое, тѣсна, стала для жилыхъ покоевъ; здѣсь позднѣе назначено жилье главнымъ садовникамъ, а въ опустѣвшихъ галлерейхъ устроена „Кордъгардія“ для прочихъ садовниковъ съ учениками. Такъ возникла „Большая Оранжерья“, смѣнившая старую, что въ Маломъ саду за Управительскимъ домомъ (см. ниже; тамъ было 5 деревянныхъ оранжерей и 2 грунтовыхъ сарая): теперь въ Большой помѣстилось самое рѣдкое и цѣнное, доставшееся особенно отъ Черкасскихъ, между прочимъ безцѣнные лавровныя и померанцовыя деревья, громадной величины и нѣсколькихъ сотъ лѣтъ; съ боку къ Слободкѣ раскинулось со временемъ еще нѣсколько оранжерей, теплицъ и грунтовыхъ сараевъ, доселѣ замѣчательныхъ, а въ старину снабжавшихъ всѣ окрестныя помѣстья и самую Москву. Въ промежуткѣ ихъ оставались старшія людскія, кухни, погреба, кладовыя. Такое устройство постепенно совершалось въ пер-

¹⁰⁾ Въ залѣ образъ св. Іоанна Предтечи, 4 гипсовыхъ статуи, 4 напольныхъ дерева съ выгочеченными трубками для свѣтъ; въ кабинетахъ висѣла „паннадила“ съ кустомъ розовымъ, 11 гипсовыхъ бюстовъ, 2 трофеи съ составными зеркалами, занавѣси, виды Кускова, о которыхъ ниже. Корпусъ въ зданіи покояхъ часто послѣ переправы, и каждый разъ въ худшему, пока для живущихъ здѣсь дачниковъ сдѣлался источникомъ драматизма.

выхъ 70-хъ годахъ, въ концу ихъ почти окончилось и въ частности за ново исправлено къ 1786 году ¹⁾).

Сооруженія, сей часъ нами описанныя, при всей портѣ, во внѣшнемъ видѣ своемъ болѣею частію сохранились доселѣ на лицо, благодаря относительной прочности матеріала, не поддававшася времени и управителямъ: отчасти на картинахъ и рисункахъ, а еще болѣе въ описанъ,

¹⁾ Церковь, послѣ постройки Спаской, обращена въ домовую и зимний; здѣсь былъ прежде грудной крестъ, тѣльничъ фельдмаршала. Кладовая надъ ней, превращенная въ первую Портретную галерею, вмѣщала тогда 26 портретовъ, на половину фамильныхъ, нѣсколько эстамповъ и Кусковскихъ видовъ. — Старшіе главные садовники были: *Петръ Ракъ* съ 1786; *Іоанъ Шредеръ* съ 1798; Англичанинъ *Романъ Кернсъ* съ 1808; *Романъ Маннерсъ*; за нимъ нѣсколько Русскихъ, съ которыми начался злоупотребленіа; снова иностранцы *Детмерсъ* и *Гамскъ*; и снова Русскіе, запустившіе дѣло! Садовыхъ подмастерьевъ въ станину 4, учениковъ 13 и болѣе, изъ нихъ многие женаты съ семействами. Вешникомъ при Черкасницѣ и особенно Остапкинѣ имѣла свои богатѣйшія оранжереи, откуда и деревца главныя рѣдкости, постепенно разросавшіяся и поднимавшіяся. Такихъ лавровыхъ и померанцовыхъ деревьевъ, до рѣдкости и величинъ, нѣтъ въ Россіи, а только на югѣ Европы при знатнѣйшихъ палацахъ и въ образцовыхъ садахъ; но и кромѣ нихъ много драгоценнаго: только наши ученые Московскіе ботаники не знаютъ этого, не видятъ и не изслѣдуютъ. По старшимъ описанъ, лавровыхъ „съ мѣрою“ было 23, безъ мѣры 13, молодыхъ отъ 9 до 17; лимонныхъ болѣе 130; померанцовыхъ до 80, нѣкоторые огромной величины; апельсиновыхъ 21; абрикосовыхъ до 70 (и до 100), персиковыхъ до 80 кромѣ молодыхъ (а съ ними до 225); фиговыхъ 48; мелкыхъ до 80 (почти всѣ пропали); яблонныхъ болѣе 100; грушевыхъ до 200; сливовыхъ дичковъ; вишневыхъ столько же; сливовыхъ около 150, кромѣ молодыхъ; миндальныхъ, виноградныхъ (въ грунтѣ 33, въ горшкахъ 135), лавровишневыхъ, лугусы, гранатовыхъ, арабикъ, оладкомыя, каштаны, бананы, олеандръ; ананасныхъ плантовъ 950; ягодныхъ кустовъ всякаго рода безъ счету; цвѣтовъ до 120 званій, нима въ нѣсколькихъ видахъ, однихъ розонныхъ до 300 кустовъ. Въ случаяхъ болѣзни или порчи дерева наряжалось слѣдствіе или съѣзжался совѣтъ изъ окрестныхъ лучшихъ садовниковъ, отъ которыхъ отбирались мнѣнія и голоса. Употреблялось, дарилось и продавалось фруктовъ и ягодъ возами; отсюда заводились сады другіе, учились и выходили садовники въ Москву и по окрестностямъ. Это важный періодъ для исторіи ботаники и садоводства въ Россіи (не тронутый доселѣ наукою и печатью). Неотринула же невнимательность и алчность опекуновъ по смерти Николая Петровича и въ малолѣтство Дмитрія Николаевича; нишъ одинъ Богъ хранить и одинъ вѣдаетъ плоды столѣтій, все еще по виду насъ удивляющіе.

Передѣла Деллевы „Сады.“ А. Воейковъ вставляя сюда описаніе нѣкоторыхъ Русскихъ, между прочимъ:

„Придворъ Двора священъ вельможамъ, богатцамъ;“

„Во всѣхъ родимаея страсть являющая къ садамъ;“

Въ Архангельскомъ саду, чертоги и аллеи,

Какбы твореніе могущей нѣкой Фей,

хота и отрывочных^{*)}). Обыкновенно думали и уверились до сих поръ, что все это, созданное съ помощью средствъ Варвары Алексѣевны, дѣлалось именно для нея и она тѣмъ утѣшалась: точно, задумано было для нея, въ частныя годы жизни съ нею, но исполнено было графомъ, когда она давно уже была въ могилѣ, именно съ 70-хъ годовъ и далѣе. Петръ Борисовичъ все это выполнилъ не для кого либо; даже, скажемъ, не для себя самого и не для посѣтителей, а ради одного искусства. Но видя наконецъ задуманное въ осуществленіи и самое дѣло какъ бы завершившимся, а между тѣмъ безъ подруги жизни, умершей въ могилу, вдовецъ графъ успѣлъ этимъ скоро наскутить. Другой бы опустилъ руки, продолжалъ бы только пользоваться или монички бы смертію: предприимчивый безъ усталости, графъ такъ смазываетъ перекинулся на другую сторону и съ тѣмъ нѣтъ переводъ перешелъ къ Сѣверу, къ саду и оранжерей.

Все, что мы кратко очертимъ въ слѣдъ за нимъ, начато непосредственно послѣ поманутыхъ сооружений; но нѣсколько поздне, а отдѣлялось еще медленнѣе: то-есть съ конца 70-хъ годовъ, а въ отдѣлкѣ

За диво бы почли и въ Англіи сабой.
Ольо Кускова, гдѣ боиринъ жила большой,
Любимый Русское старинно-дѣлосоздатель,
Народни праздниціи и во трудѣхъ снѣдойство. —

По случаю праздниціи (см. ниже), въ 1796 г. оранжерейный корпусъ превращенъ былъ на арсеналъ въ вооруженіи, а залъ его въ танцевальный.

*) Кроме стѣнныхъ вѣдыва Кускова, болѣею частію поврежденныхъ и исчезшихъ, есть нѣсколько прекрасныхъ масляныхъ картинъ, хотя гадше попорченныхъ; 13 гравюръ, въ сомаѣмъ не совсѣмъ четкихъ, слѣдующихъ мастеровъ *Михаиломъ Махаевымъ*, который самъ воспитался въ Кусковѣ, съ Русскимъ и Французскимъ текстомъ (впоследствии онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *Махова*); прекрасная инкрустація на столѣ (въ Большомъ домѣ) съ видомъ Кускова; видъ, вырѣзанный на столѣ изъ дерева (почти исчезъ, ибо на немъ умывался и дерево разодрано); планъ, составленный и отпечатанный геодезистомъ *Александромъ Ивановымъ*, жившимъ въ Кусковѣ (см. ниже) и т. п. Всѣ они берутъ время *Петра Борисовича*, болѣею частію 70-хъ годовъ: есть еще „Круглая деревянная Песѣнья“ въ саду, вторая „Сказанная“ пристройка при домѣ Голландскомъ, Карусель, бесѣдка „съ Капсадами“, планъ Англійскаго сада и Лабиринта, видъ „Перетрѣтой-телеграфъ“ и т. п., но нѣтъ еще „Дона уединенія“, ни сооружений: возмуть чего, ни даме Театра, а тѣмъ болѣе позднѣйшихъ вѣдывъ. — „Описи“ мы разумеюъ извѣщавшия (о печатныхъ выше), вторыми мы занимаюсь, разбираюъ составленныя г-номъ Архивъ Кускова, помещенныя въ Театрѣ. — До сихъ поръ ни видны въ виду сооруженія, ограниченныя прострѣяемъ. Большаго (Сада и его орудия): они, кромѣ Большаго дома, почти всѣ каменные и этому много помогали „Кирпичный заводъ“, нарочно для сего устроенный. Н. В. — членъ въ Вешняковъ и продолжавшій дѣйствовать до конца вѣка. Напротивъ слѣдующія за сими постройки, въ Гай, около сего, но свободныя и въ саду. Водяной башни уже не болѣею частію деревянна.

при началѣ 80-хъ, не за долго до смерти графа и даже до его сдѣлѣ. Именно, отъ фасада, Оранжереи и Большаго сада на Сѣверъ (къ теперешней желѣзной дорогѣ), распланировано было обширное лѣсное мѣсто, съ посадкою новыхъ деревьевъ, съ дорожками и аллеями, въ двухъ большихъ половинахъ. Лѣвая (глядя на Сѣверъ), или Западная, къ Гирееву и Тетерькамъ, разбита въ „Английскій Садъ“, съ тѣнистыми аллеями среди природной чащи; глубина его называлась и называется „Гаймъ“, имя, которое вѣроятно унесъ къ себѣ еще Борисъ Петровичъ изъ любимой Малороссіи и которое равно дорого было ему, тамъ родившемуся. Средняя дорожка, аллея, приходилась прямо противъ того входа въ Большой садъ, гдѣ мы видѣли Драконову пещеру и за тѣмъ Эрмитажъ: при концѣ ея, подлѣ перекрестка съ другими дорожками, раньше прочихъ построекъ воздвигнута была „Портретная галлерей (вторая)“, куда, вслѣдствіе пощаденій, перенесены портреты изъ кладовой надъ церковью. Это было четырехугольное, продолговатое и довольно высокое деревянное зданіе съ деревянною крышею. Стало оно къ немянутой аллеею поперекъ, входъ былъ изъ аллеи наискось въ средину, такъ что приходился почти противъ дорожки, съ которой видѣны были Эрмитажъ; на оборотъ, отъ Эрмитажа прямо, вышедши изъ Большаго сада, по аллею Английскаго входили въ переднія сѣни Галлерей. На право и на лѣво, на оконечностяхъ длины, стояло по кабинету съ извѣстнымъ убранствомъ; по бокамъ у дверей правды были портреты Бориса Петровича и супруги, у лѣвыхъ портреты Алексѣя Михайловича и Марьи Юрьевны Черкасскихъ. Въ срединѣ зданія, въ залѣ, по четырехъ стѣнамъ, обитымъ холстиною и выбѣленными, сверху до низу въ три ряда, а также въ простѣвкахъ у дверей, висѣли портреты, почти все въ рѣзныхъ золоченыхъ рамахъ, съ извѣстною системою размѣщенія, въ огромномъ уже количествѣ — *ста двадцати восьми*. Когда послѣ, безъ поддержки, зданіе обветшало и крыша стала протекать, портреты, почти того же количества, въ первыхъ 10-хъ годахъ сего столѣтія перенесены въ Большой домъ, а зданіе срыто⁴⁾.—Правая или Восточная половина всего расписаннаго и об-

4) Гай теперь весь заросъ и въ немъ пасется стадо; зданія же здѣшнія все, и даже переиспеленныя, не поддержанныя въ теченіе онекуства надъ Дмитриемъ Николаевичемъ, опали и разобрали; нынѣ отъ нихъ лишь слѣды фундамента, по мѣстамъ разбросанные камни, да на мѣстѣ ихъ кучи крапивы и бурьяна; аллея и кое-гдѣ англійскія дорожки еще замѣтны.—Кабинеты Галлерей были расписаны, съ покойными канале. Залъ былъ убранъ очень просто. Кромѣ портретовъ, между окнами и дверями въ простѣвкахъ было 4 историческія картины „биталій“, по угламъ висѣли военные вымпелы. Изъ портретовъ, въ первыхъ 8-хъ рядахъ, начинаясь Грѣзнаго, царственинцѣвскихъ, Русскихъ, потомъ иностранныхъ намъ родственныхъ, 47; помянутыхъ 4 родоначальницъ; въ одномъ кабинетѣ особе. Романовской, въ другой особе же цесарь Іосифъ 2; далѣе передовые Русскіе дѣятели XVIII. вѣка (царь А. А. Матвѣевъ и Сумароковъ, министры П. П. Голыцинъ и Гердошинъ В. Юрланд-

саженнаго пространства, на Востоку от Англійскаго Сада къ Глободу, обращена въ „Лабиринтъ“, совершенно правильный пятиугольникъ, изъ подстригавшихся тѣнотныхъ березъ, со входемъ съ Запада (отъ Портретной галлерей): дорожки среди березъ, сами по себѣ тѣнотныя и кромѣ того непроходимыя отъ частыхъ вуставъ до бокамъ, представляли видъ двѣтла, такъ что въ середкахъ были круги, а отъ него денести на подобіе округленной звѣзды; входившій долго могъ путаться?).—За Англійскимъ Садамъ и Лабиринтомъ все углубляе до Сѣверъ (или собственный „Гай“) занато было тѣнотомъ рощей съ прудами; оно прорѣзывалось большимъ „Проспектомъ“, который однимъ концемъ велъ къ Сѣверному выходу, а началомъ своимъ приходился противъ Оранжевыхъ Большаго сада, какъ и донынѣ. Гдѣ не-рекрецировался Проспектъ аллею Поперечной, при самомъ Сѣверо-Западномъ углѣ Лабиринта, не много поглубже выходящей безобразной деревянной лавочки, отдаваемой по найму, въ слѣдъ за Портретною Галлереею построены, несомненно по атегу (см. выше), барскій „Домъ Уединенія“, окончательно отдѣланный въ 1782—86 годахъ. Сюда ушелъ, какъ отдѣльщикъ, Петръ Борисовичъ, покаявъ опосылѣвшій Большой Домъ и Сады: здѣсь отчасти повторилъ, въ ваванъ видѣ, прежнія сооруженія, отчасти, увлечшись, въ изобиліи создалъ новыя, еще болѣе затѣйливыя. Въ премныхъ массивность, крепность, дороговизна, великолѣпіе, иностранныя образцы, въиозѣлище памятники искусства, обширность для публичныхъ приемовъ: здѣсь разсчитанное фтмелничество, нагѣренная простота, уютность и удобство, малые узоры, вкусъ болѣе Русскій. „Домъ Уединенія“ или, иначе, „во уединеніи“, повторилъ собою.— только по Русски — премній Эрмитажъ. Онъ былъ четвероугольный, продолговатый, деревянный, на каменномъ фундаментѣ, съ тесовою крышею; фасадъ на Сѣверъ, однаково со старимъ Оранжевымъ домою, отворотившись отъ Дома Большаго; 3 крыльца съ сѣнями: съ передняго буфетъ, проходная, гостинная съ каминомъ,

ская), 21 + 3 + 3 + 5 + 5; за тѣмъ 3 Русскихъ дамы и Прокоповичъ, 4; владѣтели и владѣтельница иностранцы, 18 + 8; царь Алексѣй Михайловичъ (портретъ второй, въ латахъ, и потому вѣроятно онъ попалъ сюда), Грузинскій Ираклій и Королева Прусская, 8; наконецъ нѣсколько королей и королевъ, особенно Польскихъ, да напа Клементъ XIV, 4 + 4 + 2. Въ Кусковѣ есть еще нѣсколько дублетовъ снмъ портретамъ, тамъ и самъ, разбросанныхъ; въ Большомъ же домѣ прибавилось нѣсколько еще, прежде тамъ бывшихъ, или вновь написанныхъ, равно какъ фамильныя Шереметевыхъ и изъ кладовой надъ церковью. Вообще эта исторія въ лицахъ, по выбору и исполненію, въ Кусковѣ одна изъ дущихъ на всю Россію. —?). Въ 1810-хъ годахъ, при поманутыхъ обстоятельствахъ, нашли измѣннимъ продолжать подсадку, березки безъ ухода и подстрижки вытянулись въ вышину, кусты пологаны, дорожки затоптаны или измѣнены, и заущенный Лабиринтъ обратился въ прибѣжище вышнѣшаго чаенія, для гуляющихъ и особенно для богомольцевъ между Москвою и Косинымъ.

спальня; будуаръ; за тѣмъ спальня Анны Николаевны, весьма важная въ Бусковъ лица; Валишны, постоянно жившей съ графомъ, а послѣ перебравшейся въ Большой Домъ (и тогда служила адъютантъ уборной Николая Петровича, предназначенная и контора или конторка для хозяйственныхъ дѣлъ; это отдѣленіе въ срединѣ крыльца); наконецъ, соединенная коридоромъ, собственно женская половина, но видному строенная въ память Варвары Алексеевны, — спальня (послѣ обращенная въ гостиную и биліардную), узкая переходная, уборная и наугольная гостиная. Всего 12—13 комнатъ, убранныхъ не столько роскошно, сколько комфортно и хозяйственно; вверху чушочки, рѣшетка въ столбахъ и противъ хороша на каменномъ столбѣ соинтерьерные часы. Домъ началъ вѣнчать съ 1810-хъ годовъ, его архитекторомъ для дѣтней дачи, между прочимъ столь известная *Евгения Семковна Сандунова*, въ 1812 году, ирещенная преданіями старинны и Бусковскаго театра; а послѣ, чтобы не поправлять, былъ отъ сломавъ и оставилъ нѣтъ руды слѣды фундамента^{*)}. — Отсюда-то Петра Борисовичъ постепенно раскинулъ свои вѣтви вплоть до крайней Сѣверной границы рожи. Въ первыхъ, на поперечной аллеѣ; что шла ютъ Дома Уединенія къ Галлерей и кончалась Западной выходомъ изъ Гал. въ направленіи къ Террасной рождѣ и въ Москвѣ, по сторонамъ воротъ, которыми въѣзжали гости въ Домъ Уединенія, для лучшаго вида ихъ взорамъ, поставлены были на столбахъ три большіе „Дикораціи“ изъ тоса, въ разныхъ краскахъ изображены были красные ландшафты и страсія (какъ дѣлывалъ Петемилль для провада Елагерина). За воротами, въ

*) Въ 14, чушковой половинѣ, находилась: барометръ, столбы: нарочитые и шамаляные, образа Бариса и Елиза (Борисъ Декретиль), и Ан. Петра (Ангель графа); у окна Анны Цинзоерин. колокольница для приманиванія голубей (см. выше); въ конторѣ барометръ, баруда и 2 ступки календари 1782, 85 и 86 г.; письменные приборы, шкафъ для книгъ, большою частію съ гравюрами въ ящичкахъ и съ книгою „объ операхъ,“ подзорная трубка; въ половинѣ женской образъ Св. Варвары, роскошная спальная кровать, утварь для бѣлья, термометры, комоды, картины „свадьбы,“ вообще въ домѣ много картинъ на мѣди, стеклѣ, атласѣ, а болѣе на бумагѣ съ пастерильными сюжетами или сельскими видами, статуетки, кораблики, чучела птицъ. Вещи перенесены послѣ въ „Новый домъ (см. выше)“ или въ Останкино (съ 1795 г.). — Весною 1812 г. нанялъ было купецъ І-й гильдіи Чертковъ, но отказался; за тѣмъ въ юнѣ нанялъ М. Ф. Вестужевъ, за 500 р., и также отказался изъ опасенія сырости; уже въ юль явилась „придворная актриса“ Сандунова и давала 350 р. рѣди улушеннаго времени; но опекуны, дѣли домъ тысячъ въ 50 и болѣе, разсудили отказать „политическимъ образомъ,“ а въ самомъ дѣлѣ потому, что она жила съ мужемъ въ разводѣ, состояніе ея было неизвѣстно и платались „неблагопристойныхъ компаній.“ Судьба спасла Сандунову отъ послѣдующей встрѣчи здѣсь съ Французами, а ограбленный ими домъ былъ вкорѣ сломавъ (объ этомъ курьезѣ наша особая статья).

сада, полагаясь быть большой деревянный „Скотный дворъ“ (впоследствии перешедший, когда отстроили каменный Коюшенинъ корпусъ *). Вокругъ самаго дома, кромѣ „лакейскаго флигеля,“ ближе всего была „Голубятня,“ въ столбахъ, деревянная, рѣшетчатая, шестиугольная, о 3-хъ этажахъ, съ бѣлою желѣзною крышею, а по угламъ колокольчики, на верху желѣзный шпиль съ кольцами и вызолоченный драконъ; при ней „Птичникъ“ плетеный изъ жестяной проволоки, въ верху шаръ съ рѣзными золочеными ястребомъ: это было повтореніе Менажеря, съ дорогими птицами, домашними и пѣвчими *). — Тутъ же, въправо (глядя отъ дома на Сѣверъ) знаменитый „Сѣноу Стогъ“ — снаружи, а внутри его расписная бесѣдка съ плафономъ, съ 4-мя окнами, двумя стеклянными дверями, на стѣнахъ съ шестью зеркалами, вокругъ которыхъ кусты розановъ для свѣчей и тутъ же деревянные стѣнные часы, бой съ кукушкой, а по срединѣ большой круглый столъ *). — Близъ Стога „Костры“ или „Костеръ,“ расписанная на подобіе костра бесѣдка изъ бревень. — Далѣе „Открытый Воксалъ,“ для музыки и танцевъ, съ наугольными кабинетами, снаружи и внутри фойе-ри и колокольчикъ, деревянный (вмѣсто каменнаго оранжерейнаго; равно слеманъ, ср. ниже). — При его выходѣ, но въ связи съ нимъ, такъ что воксалъ обращался въ зрительную залу, столъ старый „Театръ,“ заступившій мѣсто „Домашняго“ и въ свою очередь сломанный для „Новаго“ въ 1786 г. — Потомъ бесѣдка „Трефиль,“ снаружи и внутри обитая рвандукомъ, съ расписанными стеклами, на ней надпись: „Найти здѣсь окошко;“ напротивъ ея живописная досчатая „Декорация,“ представлявшая домики, при ней ворота съ замкомъ и скобками (то и другое рано сломано). — „Блѣвдедь трельяжный (вмѣсто столѣшняго въ Большой садъ; ср. выше),“ рѣшетчатый деревянный, внутри винтовая лѣстница на верхъ, напротивъ двѣ башенки трельяжныя съ золочеными флюгерами и также досчатая „Декорация,“ съ видами бесѣдки, снамянъ и воротъ по срединѣ (также рано сломаны). — „Философскій домикъ,“ надъ дверьми Французская и Русская надписи золотомъ; стѣны и потолокъ обиты березовою корбою съ уборкою коздреватаго кална; травяные или дерявные диваны, внутренней бѣфетъ, на столѣ мраморныя книжки и накладки (прессъ-папье), полъ бѣлыми и синими плитками, двѣ статуйки — одна изъ нихъ Діана. — Возлѣ, изъ коздреватаго кална, „Львиная Пещера,“ повторившая извѣстную намъ Драконову, съ тою же самою надписью золотыми литерами: „Отъ Декорацій и Скотнаго двора теперь изъ и слѣва.“ — *) Видно еще мѣсто въ деревьяхъ. Голубей козырнхъ и протмхъ содержало до 20 паръ; были черные Турецкіе красноглазые; глинистые; бѣлые грибастые; бѣлые трубастые; бѣлые черноокромые и т. д.; изъ пѣвчихъ: чижей 70; зябликъ 30; щегловъ 70; чечотокъ 20; жаворонковъ 10; снегирей 10; снегирокъ 5; раполовнхъ 30; овсинокъ 30; урковъ 20; влестовъ 5 и т. д. (1786 г.). — *) Прежніе описатели почему-то сочинили, что здѣсь сидѣли „мужички, пьяная компания:“ см. ниже.

рами на мраморной доскѣ и съ медными фонтанами возмуть: внутри изъ глины расписанный левъ. — Наконецъ, въ томъ же направленіи, ближе къ Восточному входу за Лабиринтомъ, противъ Озерка (см. ниже), вмѣсто поманутаго какудина, „Диогенъ“ притѣи въ землю дубовый чанъ со снимавшейся крышкою, обожженный камнями (они уцѣли до сихъ поръ), „внутри того чану (говоритъ описъ) сидитъ философъ Диогенъ, сдѣланный изъ адебастра и расписанъ подлѣ цвѣтъ натуральнаго тѣла. На немъ обожжено байки сѣрой два аршина; передъ нимъ поставлено двѣ чашечки муравленныя, внутри зеленныя, а снаружи выкрашены мумією, горшочекъ муравленый (кувшинъ) и чашечка, книга шнуровая въ кожаномъ переплетѣ; въ правой рукѣ держитъ перо (его то и звалъ народъ, и доселѣ вспоминаетъ „монахомъ“). — Видъ Лабиринта, по Восточной его сторонѣ, за Театромъ, вблизи посаженныхъ кедровъ, поднималась сдѣланная „на подобіе улитки“ гора, сохранившаяся доселѣ: въ верху, на шести точеныхъ столбахъ, стояла бесѣдка, съ обитымъ холстиною и выбѣленнымъ потолкомъ; внутри, на деревянной подставѣ, глиняная, съ металлической обдѣлкою, статуя особенно чтимой графомъ „Дианы“, съ лукомъ и колчаномъ стрѣлъ; подлѣ нея ястребъ, по сторонамъ подставы четыре головы животныхъ. — Въ самомъ Лабиринтѣ на центральной площадкѣ сооруженъ быкъ „Храмъ Тимони“, съ 4-мя окнами, 3-мя дверями, до колодины стѣланными, и прѣстолъ сосновымъ поломъ: внутри стояли тодько, въ звалъ молчанія, двѣ гипсовыя вазы, замѣнутыя крышками. — Такова была вся лица сооружений, шедшая вдоль поманутой поперечной аллеи, мимо Портретной Галлерей и Дома Уединенія, отъ Западнаго до Восточнаго входа, позади Англійскаго Сада и Лабиринта, отдѣлая сѣмъ послѣдше отъ Гаа или отъ той глубины роши, которая продолжалась на Сѣверъ.

Но и глубина высокой чащи скоро оживилась. По самой Сѣверной ея границѣ, на оконечности къ Гирееву, къ полю и Владичну, съ Запада на Востокъ текъ среди болота быстрый „Ручей“, который играетъ важную роль въ нашемъ дѣлѣ. Онъ былъ расчищенъ, углубленъ, обложенъ по берегамъ камнемъ и обращенъ въ такъ называемую „Рѣчку“, отъ Рѣчки сдѣланы отводы и каналы, между ними вырыты четыре довольно большихъ водоема: такъ возникли новыя четыре пруда, уцѣлѣвшихъ доселѣ, соединенныхъ между собою двѣнадцатью рѣчками, отлично въ ту пору отдѣланныхъ, обставленныхъ и разукрашенныхъ, съ живописными берегами, островками, переходными мосточками, на мосточкахъ золоченыя перила, тамъ башенки, тутъ бесѣдки. Первый, съ Запада, „Локсанскій“; потѣмъ, востѣмъ извилинами протекавшей сѣвозъ него рѣчки, „Длинный“ или „Везъинянный“, дальше „Круглый“, и на самомъ Востокѣ „Озерокъ“, болѣе глубокой и природный: отъ Озерка Ручеекъ (или Рѣчка), поворачивая, входитъ подлѣ мостъ, который велъ и ведетъ вонъ изъ Кускова къ деревнѣ Владичну и дальше къ Косину, — мѣстность столь же завѣтная для нашихъ во-

просовъ 4). — Здѣсь-то, между прудами и между линіей означенныхъ сооружений, въ самой глубинѣ роуца, возникла новая и послѣдняя черта затѣи Петра Борисовича. — Начиная съ Запада, къ Локасиному пруду спускалась маленькая, искусственная или образцовая деревенька, населенная впрочемъ особо помѣщавшимися здѣсь выборными крестьянами, по имени Основателя (Петра Борисовича) Деревил, или же иначе „Тентерева,“ названная такъ въ параллель лежащихъ въ виду за лѣсомъ Тетерекъ (намъ уцѣлѣлъ лишь срубъ отъ колодца при деревенькѣ). — Немного выше ея, на пригоркѣ къ Портретной Галлерей, построенъ былъ въ 1785 году прекрасный домикъ „Локасино“ или „Локасино,“ отличавшійся внутри и снаружи особеннымъ изяществомъ, какъ дорогая игрушка: деревянный въ столбахъ, покрытый тростникомъ; входная дверь съ Востока, дверь разрывная къ пруду и въ садъ; комната о двухъ окнахъ съ каменною, передняя, буфетъ, внизу погребецъ, вверху свѣтлка. Долго еще въ нашемъ вѣкѣ любовался этимъ памятникомъ Кусковскіе жители 5). — Нѣсколько правѣ или Восточнѣе, подъ Голубятнею къ пруду, поставлена была „Метрѣя (maitre)“ или, какъ называли, Матеря, маленькій образцовый светлый дворъ, подъ надзоромъ самого графа, для рациональнаго хозяйства: со стороны Дома Уединенія обнесена была чугуною рѣшеткой, надъ воротами башня съ фальшивыми часами и колоколомъ. Здѣсь, на право со двора, рабочая или крестьянская изба; въ сѣняхъ 55 футляровъ съ чучелами птицъ и одинъ съ чучелами пѣтуховъ; въ просторной и рѣзной избѣ стоялъ столъ съ ковромъ, браные завѣсы, зеркала и нѣсколько картинъ. На лѣво покой самого хозяина: въ сѣняхъ картины съ видами городовъ, дачь, охоты, прпстѣной, судовъ; комната съ каминою, выложена Голландскими плитами (вообще внутренность напоминала собою Голландскій домъ); кухня съ очагомъ; ска-тертная съ русскою печью, полная дорогой посуды, чашъ, корзинъ,

4) Ручеекъ теперь бистръ и силенъ только ниже моста, среди болота, подъ лѣсочкомъ, что къ Косину; выше моста, гдѣ онъ спускался къ мосту изъ Озерка, его заваляли; отчасти перерылъ, отчасти онъ заросъ травою, а отъ того и всѣ пруды лѣтомъ заиживають, они заростають или неуютны; только весной, въ разливъ, Ручеекъ беретъ свое и пруды занасаются водою на все лѣто; еще же выше прудовъ, на Западѣ, видъ Кускова, идетъ онъ ниже подъ мостомъ желѣзной дороги Владимірской. а началомъ своимъ теряется подъ Гиреевскою рощей и Тетерьками. — 5) Теперь его нѣтъ. Приходило на мысль, что при прудахъ и озерахъ это было старое „le Casino,“ близъ лежащее Косино: на самомъ дѣлѣ это, съ Итальянскаго, казино, увеселительный домикъ, la Casina или lo Casino. — Стѣны были обиты Нѣмецкими обоями, потолокъ въ четверо холстиною, полъ крашеный и лащенный; зеркала, пятнадцать портретцевъ, маленькія картины, мраморные медальоны, мраморная статуя Юноны, мраморные — столики, шандалы, вазы, пирамидки; вездѣ легкая позолота; въ стеклянныхъ ящикахъ „Китайскій маскарадъ;“ стулья съ рѣшетчатыми раскрашенными спинками; уворчатныя навѣсы, и т. и

лотковъ, ставцовъ, грѣловъ. Изба скотника убрана была также старинною работою; въ погребѣ полки съ фарфоровой посудой и разную утварь для молока. По сторонамъ два хлѣва, въ нихъ стояла съ лучшими коровами и быками; Американскіе и Китайскіе поросята; на дворѣ утки шишувы съ селезнями и отборныя Русскія куры; позади двора садикъ. Все это хозяйство рушилось со смертію Петра Борисовича. — Еще правѣе отъ Метрен, то спускаясь къ прудамъ, то соединяясь съ Діогеномъ, Трефиломъ и Трельяжемъ, шло еще нѣсколько подобныхъ построекъ, между прочимъ: „Кофейная,“ съ очагомъ о двухъ большихъ камфорахъ и Голландскою печью (рано перенесена и обращена во фидгель для танцовщиковъ на слободѣ, см. ниже); „Рыбачій домикъ“ съ неводами, сѣтьми, кошелами, вершами, удочками шелковыхъ лесъ, позади домика Мамонтовы кости; на плотинѣ, откуда съ Запада спускалась Рѣчка каскадомъ, стояла статуя „Венеры“ съ дельфиномъ (взята послѣ къ Итальянскому дому); на островѣ Круглаго пруда „Китайская Бесѣдка (см. выше)“ съ Китайскими фонарями, картинами, посудой, мебелью, вазавѣсами; противъ бесѣдки къ мостку по обѣимъ сторонамъ два шеста съ разноцвѣтными флагами; на берегу, близъ дороги, отъ солнца „Китайскій парасоль,“ на деревянномъ столбѣ огромный зонтикъ, съ краснымъ чехломъ и желѣзными прутьями, подъ нимъ канале, на шпигѣ колокольчики, и т. п. Наконецъ при самомъ мостѣ, что ко Владычню надъ Ручейкомъ, „Водовзводная башня,“ снаружи выкрашенная подъ кирпичъ, съ лѣстницею вверхъ, гдѣ стоялъ наполненный чанъ, снизу два насоса, на крышѣ золоченный флюгеръ: отсюда шли фонтанныя трубы ко „Львиной пещерѣ“ и „Китайской бесѣдкѣ;“ отсюда же, къ величайшему удивленію многочисленныхъ прохожихъ по мосту, особенно богомольцевъ, по желанію ихъ въ жары или для шутки сюрпризомъ и невзначай обрызгивали ихъ съ ногъ до головы мелкимъ дождемъ изъ брызгалокъ (рано сломана и отъ трубъ ея остался нынѣ колодезь близъ Театра; ей отвѣчала другая для Мыдьян, на Восточной сторонѣ сада, о чемъ ниже).

Таково было все углубленіе на Сѣверѣ; но ко Восточной окраинѣ Лабиринта и близъ дороги, гдѣ мы видѣли храмъ Діаны, неходяго его и Театра, стояло еще нѣсколько сооруженій, изъ которыхъ замѣчательнѣе два „Шюмьера (шапшюге, хижина, крытая соломой),“ одинъ старый и другой — въ 80-хъ годахъ — новый. Первый по стѣнамъ былъ выложенъ мхомъ и фигурами изъ раковинъ, потолокъ въ листьяхъ и раковинахъ (то было отчасти повтореніе „Грота“), зеркала въ томъ же убранствѣ, скамьи на березовыхъ сучьяхъ въ видѣ пней; на столѣ, съ подстольемъ пня во мху, стоялъ столовый полный приборъ изъ перламутра, перламутровые — чайникъ, чайница, сахарница, шкатулка, чернилица и песочница, подносъ съ чарками въ перламутрѣ; въ томъ же родѣ, цвѣтами и листьями, убранъ былъ буфетъ, выходившій дверью къ Слободѣ. Другой, болѣе новый, всего сильнѣе распространилъ басно-

словные рассказы о Кусковѣ, не столько убраннымъ, весьма простымъ, съ двумя стеклянными дверьми, четырьмя окнами, Русскими обоями и гравюрами по стѣнамъ, сколько своимъ круглымъ столомъ съ знаменитыми фигурами застольныхъ гостей, представлявшихъ разные характерные типы: къ сожалѣнію, онъ еще въ первыхъ 90-хъ годахъ былъ обокраденъ, стѣны же сломаны очень не давно, гораздо позже другихъ памятниковъ Кускова ³⁾. — Памятники эти на Восточной сторонѣ

³⁾ Портной Иванъ Пучковъ и обойщикъ Нефедъ Никитинъ въ ночное время перебили куклы, отшибли имъ голову, другимъ руки, изломали хлѣбъ и колбасу, платье обокрали, похитили и продали въ Москвѣ; остальное довершила мышь. Вѣроятно вслѣдствіе такого раннаго опустошенія возникла ошибка описателей, относящихъ застольную группу къ Сѣвному Стогу и видѣвшихъ въ ней „мужичковъ,“ какими дѣйствительно казались изуродованныя фигуры, особенно передъ взоромъ простаго народа. Между тѣмъ старинная опись такъ рассказываетъ о группѣ въ первобытномъ видѣ: „Въ срединѣ онаго Шомбера поставленъ столъ круглый на 6 точеныхъ ножкахъ; на немъ доска бѣлая, выкрашена изъ масла, бортъ выкрашенъ ярью. На томъ столѣ поставлено 6 блюдечекъ овальныхъ и одна тарелка фаянсовая; на нихъ, на первомъ сдѣланная изъ воску жаркая курица; на второмъ изъ воску 5 лимоновъ соленыхъ; на третьемъ изъ воску 4 съ половиною яйца куриныхъ; на четвертомъ салатъ и три четверти яйца; на пятомъ три хлѣба французскихъ и половина колбасы; на шестомъ пять яблокъ, одна зеленая маконица и одна груша; на тарелкѣ 5 сливъ и 3 огурчика... Вокругъ онаго стола 6 стуловъ березовыхъ рѣзныхъ, сидѣнья и спинки обиты золотой травчатой кожей, ветхія. На нихъ сидятъ пять куколъ мужскихъ и одна женщина, головы и руки сдѣланы изъ воску.—Первая *Виліусъ*. На немъ кафтанъ и камзолъ перленевой, штаны черные саржевые, рубашка коротенькая бѣлая холстинная, манжеты миткалевныя, галстукъ полотняной бѣлой, на пучкѣ кошелькъ черной тафтяной, на ногахъ чулки бѣлые шелковые штопаные, башмаки черные старые, пряжки шлифныя стальные, а башмачныя просметалныя бѣлыя.—Вторая *Господинъ бѣлъ печамъ, веселой братъ*. На немъ шафорокъ набойчатой кофейной полосатой на набойчатой же пестрой подкладкѣ, камзолъ суконной фіолетоваго цвѣту и обложенъ мяшурными красными гасомъ, рубашка коротенькая холстинная, манжеты бѣлыя кисейныя, на головѣ картузь зеленый клееношной, тулья бѣлая тафтяная, по краямъ зеленая ленточка и пришитъ кругомъ узенькой желтой позументикъ, штаны черные саржевые, пряжки стальные, на ногахъ сапоги черные кожаные старые.—Третій *Французъ*. Въ правой рукѣ держитъ и читаетъ Французскія газеты, на немъ кафтанъ шелковой матеріи съ полосками и черными крапинками, камзолъ шелковой же матеріи мелкополосатой, — бѣлая, зеленая, оранжевая и съ черными пятнышками, и обложенъ шелковой же тесемочкой, пуговицы обтесаны и изтѣнены подъ цвѣтъ же матеріи, штаны черные шелковые канфовые, рубашка полотняная, манжеты шитыя кисейныя съ кружевомъ, галстукъ бѣлой кисейной съ кружевомъ, кошелькъ черной тафтяной старой, пряжки шлифныя мѣдныя, чулки шелковые бѣлые штопаные, башмаки черные кожаные новые съ рантомъ, пряжки мѣдныя прорѣзаны посеребренныя.—Четвертая *Турка*. На немъ фуфайка стамедная брусничнаго цвѣту на

отъ Лабиринта или, лучше, въ Юговосточномъ углу всего занимающаго насъ пространства, заключались самымъ достойнымъ — Театромъ.

Говоря о Кусковскомъ „Театрѣ“ вѣрнѣе, нельзя умолчать того, что изъ Русскихъ частныхъ театровъ это былъ самый старшій и лучший, не уступавшій Петербургскимъ придворнымъ и далеко превосходившій устройство тогдашняго Московскаго, содержавшагося Медовсомъ; послѣдній жаловался даже по начальству на отбой зрителей, и получилъ такое же форменное объясненіе графа, что „театръ у него бываетъ не ежедневно и притомъ входъ въ него безплатный.“ Деревянный, вырубленный изъ цѣльныхъ, громадныхъ и отличныхъ брусевъ, а потому прочный доселѣ, превосходно расположенный внутри, по своей акустикѣ, по своей сценѣ и локамъ въ три яруса, съ партеромъ, онъ объемомъ зрительной залы равнялся нынѣшнему Московскому Малому и Народному, но, разумѣется, удобствомъ, вкусомъ, изяществомъ и богатствомъ отдѣлки, блестящей до сихъ поръ, превышалъ и превышаетъ ихъ, вышедши изъ рукъ того же знаменитаго Валли (по его плану), обрисовавшись рисунками даровитаго Гонзаго и напоминая близко подобныя сооружеія Западной Европы. Начать онъ, по единогласному преданію, годъ спустя послѣ „барскаго дома“ (вѣроятно „Дома Уединенія“): но, такъ какъ, мы знаемъ, домовъ этихъ послѣдовательно воздвиглось нѣсколько, а отстранялись они медленно, притомъ и театръ былъ не одинъ, посему позднѣйшій и послѣдній, извѣстный нынѣ, отличался постоянно названіемъ „Новаго“ или „Новоустроеннаго.“ Сначала былъ „Домашній,“ потомъ „Старый,“ при Воксалѣ въ Гай (см. выше), съ теченіемъ времени совсѣмъ сломанный, наконецъ „Новый,“ о построй-

холстинной бѣлой подкладкѣ и по борту обложено узенькимъ бѣлымъ мишурнымъ гаскомъ, камзолъ зеленой стамедной, около рукавовъ и на брюхѣ обложено широкимъ и узенькимъ бѣлымъ мишурнымъ гасомъ, кушакъ желтой стамедной, шаровары такіе жъ стамедные желтые, на ногахъ туфли желтыя сафьянныя новыя, на шеѣ галстукъ бѣлой мяткалсовой, на головѣ чалма розовая китайчатая и вокругъ оной обвито Голландскимъ бѣлымъ полотномъ и приткнутъ изъ бѣлыхъ перьевъ султанчикъ. — Пятая *докторъ Вамбасъ*. На немъ кафтанъ суконной старой коришневаго цвѣту съ золотыми петлицами и съ мѣдными позолоченными пуговицами, вокругъ воротника обложено узенькимъ золотымъ позументикомъ, камзолъ суконной алой старой съ нашивными золотомъ городками и съ мѣдными золочеными пуговицами, штаны черные саржевые, пражки просметальные бѣлые, рубашка коротенькая холстинная, манжеты бѣлыя филейныя, галстукъ бѣлой полотняной, кошелекъ черной тафтяной новой, чулки бѣлые шелковые штопаные, башмаки черные кожаные старые, пражки оловянныя круглыя. — Шестая *Дама*. На ней робондъ и юбка пукетовая, по голубой землѣ разныя цвѣты и клѣточки, мантия бѣлая тафтяная съ кашпономъ, обшита шелковымъ кружевомъ, манжеты кисейныя бѣлыя съ кружевомъ, космичка бѣлая полотняная, на шеѣ ленточка аленіевая тафтяная, въ ушахъ серьги мѣдныя съ бѣлыми хрустальными камушками (одна была вырвана коммунными ворами), въ головѣ приткнутъ цвѣтокъ и бѣлыя перушки.“

къ котораго пьютія начинаются съ 1784 года, но который съ полным отдыхомъ посѣлъ во всемъ убранствѣ лишь въ 1786—87 годахъ. Такимъ образомъ, въ новомъ видѣ онъ дѣйствовалъ весьма не долго, передъ кончиной Петра Борисовича и въ первые лишь годы Николая Петровича, особенно по причинамъ, которыя увидимъ ниже въ подробностяхъ, ибо онъ играетъ важную роль въ нашихъ вопросахъ. Громную славу стяжалъ онъ у современниковъ и образованнѣйшихъ посѣтителей отличными исполненіемъ богатаго репертуара и счастливымъ выборомъ главныхъ исполнителей, которые все не были многочисленны, но за то хорошо поддержаны массою танцовщицъ, особенно же благоустроеннымъ оркестромъ музыкантовъ и хоромъ пѣвчихъ. Обиэіе и красота декорацій, гардероба, занавѣсовъ и прочей обстановки отвѣчали устройству существенному. Лѣтомъ, въ избранные дни, исполнители его и средства переходили въ другой Театръ „Воздушный“, помѣщавшійся подъ открытымъ небомъ въ Большомъ саду между Итальянскимъ домомъ и деревяннымъ Бельведеромъ, гдѣ и теперь уцѣлѣвшіе слѣды привлекаютъ вниманіе искуснымъ выборомъ мѣста для сцены и замѣчательною акустикой для стороны зрителей. Давались — нѣсколько Драмъ, съ десятокъ Комедій, до 20 Балетовъ и особенно Оперы, болѣе 40. Иныя пьесы своимъ появленіемъ упрямдши здѣсь Дворъ и Эрмитажъ, другія были единственными для своего времени, почти все было „лучшимъ по исполненію“).

Остается нѣсколько словъ о сооружеііяхъ и предметахъ „служебныхъ“, подчиненныхъ или служившихъ главному искусству, которое вдохновляло, и вкусу, который руководилъ графа въ нестоимой его дѣятельности.—Почетные и званые гости, прибывавшіе въ Кусково толпами, размѣщались по господскимъ домамъ и бесѣдкамъ разнаго рода: но были еще гости нужные для всякихъ дѣлъ и вольноприходящіе посѣтители. По построеніи Большаго дома немедленно въ близн его, около Церкви, поставленъ былъ для нихъ деревянный, огромный и богатый, „Гостиный флигель“ въ 17 оконъ, съ нѣсколькими пе-

*) Театръ былъ рано запечатанъ, съ начала нашего столѣтія, а потому уцѣлѣлъ лучше, почти въ томъ самомъ наружномъ видѣ, въ какомъ дѣйствовалъ: онъ только мѣстами покосился и при незначительныхъ поправкахъ могъ бы быть пущенъ въ ходъ даже теперь; если же нынче опасенъ для посѣщенія, то это потому, что въ небреженіи, полъ продолжаетъ осѣдать, ямки не закрыты, внизу подмостковъ вода, самад впрочемъ серьезная изъ враговъ искусства и древности, ибо до сихъ поръ не успѣла поднять и сгноить строенія. Было даже время, когда, лѣтъ 12 тому назадъ, въ запустѣломъ театрѣ поселились, говорятъ, мошенники цѣлою шайкою и едва были оттуда выгнаны: *res nullius cedit primo occupanti*. По крайности, принадлежности движимыя въ послѣдній годъ, при описи, нѣсколько прибавили. — Къ сожалѣнію, меньше всего можно узнать объ его прошломъ въ Кусковѣ: архивъ, здѣсь хранящійся, замѣтно посѣщаемъ былъ какимъ ни будь театраломъ прежде (издана была и книжка — „Кусковский перевозчикъ“), а можетъ статься, какъ увидимъ далѣе, очищенъ давно отъ жекотливыхъ подробно-

тами, Нѣмецкими обоями, занавѣсами, ширмами, зеркалами, мебелью, рѣзьбой. По удаленіи въ Домъ Уединенія къ простотѣ, флангель естественно былъ сломать (уже въ 1786 г.) и близъ новаго барскаго помещенія, въ Гаѣ, на мѣсто поманутаго Воксала, построены „Домикъ для пристанища хорошимъ людямъ“, деревянный, въ одну просторную комнату съ сѣнями и кухней, простой, но все еще красивый и удобный, съ зеркалами, карточнымъ столомъ и т. п. Между тѣмъ, онъ не всегда же бывалъ занятъ и еще болѣе мужицъ были подручные исполнители: тамъ онъ обратился въ Домикъ „Приказщій“ съ пристройками для офиціантовъ.—Съ другой стороны, при всей любезности хозяина, большинство гостей хлопотливо было держать возлѣ себя, а кромѣ того прибывало много богомольцевъ въ Косино, по дорогѣ туда и обратно: потому, вмѣсто прежняго пристанища, нансось отъ Театра и по другую сторону большой дороги, тамъ, гдѣ это зданіе существуетъ почти безъ перемѣнъ до нынѣ, въ замѣнъ старой маленькой по-

стей по приказанію самого хозяина: только все почти, касающееся Театра, отсюда внуго, такъ что даже въ оберткахъ „Описи Театру“ вставлены совсѣмъ другія бумаги. — Вали начерталъ только планъ; самъ Петръ Борисовичъ соображался еще съ планомъ и профилемъ стараго театра Московскаго: довершеніе было постѣ дѣломъ Гонзаго, равно какъ „своихъ“ художниковъ и мастеровъ, во главѣ которыхъ стоялъ архитекторъ Мароновъ.— Постѣ „Домашняго“ и „Стараго“, что при Воксалѣ въ Гаѣ (см. выше; сломанъ 1785 г.), въ теперешней конструкціи Театръ документально извѣстенъ съ 1784-го, когда начать, доработанъ же снаружи и въ фундаментѣ 1786—87 года, частію и позднѣе. Потолокъ былъ обить холстомъ и выбѣлецъ, съ него свѣшивалась люстра, по бокамъ большія жирандолы (статуетки) и шандалы для освѣщенія; обить бумагами; на авансценѣ между колоннъ четыре гипсовыхъ статуи; въ ложахъ пилъ, на скамьяхъ алое сукно; простѣнки расписаны по холсту; медальоны гипсовые съ масками; много краски, хрустала, золота, но съ большимъ вкусомъ.—Расписанныхъ по холсту занавѣсовъ 8, одинъ цѣльный зеленый и одинъ малиновый камчатный; 194 живописныхъ декораций на холстѣ, главныхъ, до 59 подставныхъ (почти всѣ уничтожены дѣлкомъ) и 68 мелкихъ декоративныхъ аксесуаровъ—ва холстѣ, на бумагѣ или изъ дерева; нѣсколько еще взорванныхъ издавна (въ сараѣ) и 30 „поддухъ“ или облаковъ; колеса, арматуры, бревна, гири и т. п.; одна классическая деревянная колесница съ золоченою рѣзьбой, любопитная для насъ своимъ употребленіемъ. — „Кабинеты“, уборныя и гардеробныя весьма удовлетворительны. — Много помогали здѣсь собственныя, изъ крѣпостныхъ, живописцы (каковъ, на примѣръ, при Петрѣ Б. извѣстный *Иоанъ Леонтьевъ Армуновъ*), маляры, обойщики, столяры и т. п.—О полнотѣ и богатствѣ гардероба можно судить по тому, что въ 1810 году, при опекунахъ, по сдѣланной описи, „театральнаго платья“ парчеваго, бархатнаго, шелковаго, суконнаго, шерстянаго и бумажнаго, оказалось на лицо большаго *семнадцати сундуковъ*; а когда опекуны, въ 1811 году, по обычаю присудили продать „излишнее, порченное и никуда не годное“, нашлось изъ Театра платьевъ, ubоровъ, обуви, военныхъ оружій, бунчуговъ, знаменъ, звѣрныхъ кожъ, яндуръ, масокъ, разноцвѣтныхъ перьевъ, занавѣсовъ и т. п., *званій* съ 423

стройни выведенъ былъ вновь обширный деревянный „Гостиный флигель“ (второй этого имени и собственно третій по назначенію), въ двѣ большихъ половины, правую и лѣвую, каждая снова раздѣлена продольнымъ коридоромъ на переднюю и заднюю часть, лицама огна на большую дорогу и къ Театру. Матеріалъ и пошибъ постройки указываютъ на одно время съ новымъ Театромъ, вѣроятно тотчасъ въ слѣдъ за нимъ. Внутри большое удобство, изразчатая печи кафлями, зеркала, подзоры, замазки, красивые обои, покрытый холстомъ и выбѣленный потолокъ, тамбуръ при дверяхъ, обильная—хотя и простая—мебель. Дѣленіе флигеля на двѣ половины и четыре части давало возможность удовлетворять гостей и прохожихъ, но въ то же время пользоваться частью и „Прикащику;“ послѣднее же быстрое развитіе дѣлъ уложило собою управленіе и требовало высшаго ранга, отсюда надъ Прикащикомъ явился „Управитель,“ и флигель постепенно перешелъ въ помѣщеніе его и „Канторы,“ подъ именемъ „Управительскаго“). Сзади флигеля нѣкоторое время оставались еще отъ эпохи

по 559 № (=136 №№), въ 76 сундукахъ, картонахъ и ящикахъ.—О развитіи музыкальной части для исполненія Оперъ свидѣтельствуетъ показаніе, что въ томъ же 1810 году изъ Кускова въ Москву отправлено было 3 сундука съ нотами, „113 папокъ съ симфоніями, увертюрами, Русскими партіями, сонатами, дуэтами, концертами и трио, коихъ числомъ 913 партій“.—Исполнители помѣщались въ особыхъ корнусахъ близъ Театра (см. ниже), „свои“ же иногда и по собственнымъ домамъ; пѣвчіе, родоначальника знаменитой Щереметевской канцелли, къ несчастію нынѣ распавшейся, изъ „своихъ,“ преимущественно Малороссовъ; пѣвцы—солисты, музыканты, актеры и актрисы (танцовщики и танцовщицы особо)—изъ своихъ и приглашенныхъ за плату; въ старшихъ музыкантахъ было много иностранцевъ, главнѣе *Файеръ* и *Фамиль* или *Фациусъ*, а изъ „своихъ“ Русскихъ *Дмитрій Трехваловъ*, позднѣе *Алексѣй Скворцовъ*, *Осипъ Домоколовъ* и *Василій Зайцевъ*. Любопытно, что музыкантамъ иностранцамъ, особенно же актерамъ и актрисамъ, предпочтительно предъ прочими сожителами и на равнѣ съ семьей графскою, отпускались изъ ярудовъ къ столу „караси,“ иногда (напр. Русскимъ въ посты) въ большомъ количествѣ на весь корнусъ, такъ что, глядя на счеты, можно бы съ перваго раза подумать, не считалось ли это принадлежностью и лучшимъ питаніемъ жрецовъ сценическаго искусства.—Стражами Театра состояли—старшій „Гусарь“ (при П. Бор. *Иванъ Билый*)“ съ шестью рабочими.—Отъ Воздушнаго театра уцѣлѣли—расширенная сцена, мѣста для подставныхъ декораций, кулисы, оркестра и зрителей.—Прочія указанія прежнихъ описателей, о томъ, на примѣръ, что Театръ выстроенъ въ 1771 году, въ пологую, къ именинамъ графа и т. и., принадлежатъ воображенію.—Этотъ важный эпизодъ для исторіи нашего искусства ждетъ особенной и обширной монографіи —¹) Мы теперь понимаемъ, почему въ бумагахъ всѣ эти домики называются то Гостиными и Прикащиками, то Прикащичьими и Управительскими. При Петрѣ Борисовичѣ и даже послѣ долгое время, возвышенный изъ Прикащиковъ, Управителемъ или, иначе, „Главнымъ Командиромъ“ состоялъ Алексѣй Алексѣевичъ Агаповъ, по которому Управительскій

фельдмаршала пять старших оранжерей и два гурта, существовавшие здесь, под именем „Малаго Сада,“ при маленьком жилищѣ садовниковъ, до отдалки Оранжереи каменной при Саду Большомъ (см. выше; нынѣ уцѣлѣлъ какой-то глухой и заросшій чащею пустырь, окруженный полуразвалившейся оградой); самый же флигель, сохранившійся очень хорошо снаружи и внутри, дорогъ намъ воспоминаніями, о которыхъ ниже. Еще шагъ, послѣдній, — и вмѣсто флигеля, стоившаго въ Управителю и его „Конторѣ,“ оказалось нужнымъ ставить еще „четвертое“ зданіе, самое уже простое, для прохожихъ богомольцевъ: по той же сторонѣ большой дороги, не много ближе къ Владыченскому мосту, при лѣсохвѣ, гдѣ нынѣ остались слѣдами рывины, насупротивъ затѣливыхъ, но бесполезныхъ бездѣлушекъ отцовскихъ, добросердечный Николай Петровичъ поставилъ деревянный „Круглый покой для орогованія гоогивныхъ людей“ зпномъ, для отдыха лѣтомъ (такой же и тогда же сдѣлалъ онъ въ Останкинѣ).

Вмѣстѣ съ нами выбрались теперь на „Большую дорогу:“ она шла собственно съ Коломенской и Рязанской, сворачивая при Вешняковѣ на Кусково и Косино; Кусковымъ же тянулась по краю Звѣринца, а потомъ между прудами — Большимъ и тремя Нижними, отсюда мимо Большаго сада, Театра и Лабиринта, дона, миновавъ Шомъеры и Водозводную Башню, вступала на Владыченскій мостъ, послѣ котораго или прямо шла во Владычно, или, главнымъ образомъ, для чего и была проторена, поворачивала на Косино въ 3½ верстахъ отъ Кускова. Ею шли, какъ и теперь идутъ многія тысячи богомольцевъ (железной Владычрки еще не было). Слѣдовательно, на Кусковской Шереметевской землѣ, Большая дорога соединяла два крайнихъ пункта: Вешняково и Владыченскій Мостъ; съ Моста видно было Вешняково, изъ Вешнякова видѣнъ былъ Мостъ, гдѣ, на границѣ Кускова и при началѣ земли Владыченской, стояли тогда, какъ и теперь подъ шлагбаумомъ, въѣздные Кусковскіе „Ворота.“ Эти двѣ оконечности прямой линіи пригодятся намъ послѣ для параллели: на одной, въ Вешняковѣ и изъ Вешнякова, взята богатая мѣста, рѣшившая судьбу воздвигнутого въ славу Кускова; на другой, отъ Моста и Ручейка, взята бѣдная дѣвушка; судившая Кускову паденіе. — А пока, идя по Восточной

флигель доннѣ часто еще зовутъ „Агаловскимъ.“ — Управитель съ теченіемъ времени, за графомъ, перебрался на лѣто въ Останкино, на зиму былъ въ Москвѣ и Петербургѣ; Прикащикъ (старшіе *Модестъ Балагановъ, Иванъ Арсуповъ, Алексѣй Вахтемировъ, Алексѣй Визневъ, Петръ Александровъ* и др.), подобно какъ теперь, живя постоянно въ Кусковѣ, соединялъ распоряженіе близъ лежащими вотчинами, Вешняковимъ, Вихонью, Жулебинимъ, Вязовками, Остролицкою, иногда и Константиновскою волостью — При Кусковской Конторѣ его, въ томъ же флигелѣ, куда послѣ Управителя перебрался Прикащикъ, состоялъ „Пищикъ,“ иначе — позднее — „Подъязычій,“ еще позднее „Повытчицъ,“ „Капцеллярствъ,“ „Копіистъ“ и „Конторщикъ (при Петрѣ Вор. *Петръ Козельской и послѣ Семѣй Кондыревъ).*“

сторонѣ Большой дороги отъ Моста, мы получаемъ во первыхъ поманутый Круглый Гостиный Покой, потомъ Управительскій флигель съ Конторою и Оффиціантскимъ, далѣе еще рядъ нѣсколькихъ деревянныхъ флигелей, помѣщенныхъ насупротивъ Большаго Сада и сохранившихся большею частію доселѣ, но теперь отдаваемыхъ въ наймъ дачникамъ или занятыхъ Кусковскими службами, а въ старину служившихъ искусству и наукѣ.—Именно, изъ флигелей, слѣдующихъ за Управительскимъ, первые два (съ колоннами) заняты были *Актерами и Актрисами*,— „Актерскіе.“ Третій и четвертый (длинный, со множествомъ оконъ) были „Пѣвчскій“ и „Музыкантскій.“ Пятый, болѣе просторный, флигель посвященъ былъ „Больницѣ“ ⁶⁾. Послѣдній, самый нижній, къ прудамъ — „Школа,“ заведенная Петромъ Борпсовичемъ, особенно поддержанная сыномъ его и полвѣка процвѣтавшая въ Кусковѣ, пока въ началѣ нашего столѣтія переведена въ Останкино ⁷⁾. Въ связи съ нею, кромѣ обыкновеннаго мастерства, развивалось преимущественно искусство „Живописное,“ оставившее намъ нѣсколько выдающихся именъ, но послѣ также съ успѣхомъ пересаженное въ Останкино ⁸⁾. При всѣхъ флигеляхъ находились сады, а сзади ихъ, на Востокъ, около „Скотнаго Пруда,“ стояла Словодка, именуемая нынѣ „Старою,“ съ домами церковнаго причта и дворни, изъ которыхъ нѣкоторые были довольно обширны и отдѣльны, съ своими садами и огородами. — Па-

⁶⁾ Здѣсь состоялъ Нѣмецъ (старшій штабъ-лѣкарь *Ростъ*, потомъ *Занденъ*) и при немъ „лѣкарскій ученикъ (*Петръ Герасимовъ*),“ впоследствии самостоятельный „подлѣкарь.“—⁷⁾ Школа состояла изъ трехъ комнатъ, 2 для классовъ и 1 для учителя; дѣлилась сначала на 3, потомъ на 2 класса; штатъ назначенъ П. В.—чемъ въ 12 человекъ изъ дѣтей дворовыхъ, по 4 на классъ, а съ 1791 г. въ 24 человекъ, на годъ же бывало гораздо больше, до 30 слѣжкомъ; и изъ стороннихъ жителей; ученики, кромѣ полнаго содержанія, получали еще денежное (въ старшемъ 8-мъ классѣ по 3 р. на человека). Грамотѣ и письму обучалъ Дьячекъ (старшій *Иванъ Павловъ*, потомъ *Петръ Наумовъ*); ариметикѣ Архитекторъ, имѣвшій и своихъ спеціальныхъ учениковъ (старшій, при Петрѣ Бор., *Алексѣй Мироновъ*); „Словесныя науки“ долго преподавалъ особый учитель *Стенанъ Носовъ*, изъ ружейниковъ, отличавшійся вышивкою, а позднѣе *Савинъ Фед. Рябининъ* (изъ крестьянъ) и *Ермолай Маткинъ*; были экзамены, давались аттестаты, представлялись барину списки и отчеты. При опекунахъ, въ концѣ 1810 года, школа уничтожена, принадлежности перешли въ Останкино къ первому тамошнему учителю *Михайловскому*, а шесть послѣднихъ Кусковскихъ учениковъ отданы въ Москву учиться Геодезіи.—⁸⁾ Изъ живописцевъ, кромѣ поманутаго *Ивана Архимова* и сына его *Якова*, въ XVIII в. извѣстны *Кондратій Фунжусовъ*, *Семенъ Калининъ*, *Семенъ Михайловъ*, *Назаръ* и *Петръ Машковъ*, *Григорій Бурятинъ*, *Алексѣй Поддубецъ* и сынъ его *Петръ*, *Авдѣяно Балагасовъ* съ сыномъ *Петромъ* и ученикомъ *Никитой Васильевымъ*, *Никита Бубениковъ*, *Григорій Патокинъ*, и др.; въ Останкинѣ искусство началось съ *Семена Калинина* и ученика его *Николая Шамаева* (въ концѣ прошлаго и началѣ нашего вѣка), а продолжалось до современнаго нашего *Николая Иван. Подмиотчикова*: конецъ.

параллельно Скотному пруду, по обѣ стороны Большой Дороги стояли разные сараи: два Театральныя съ декораціями, Каретныя съ вѣшаками и сбруей, большой Матеріальный, Ельники — одинъ съ мебелью, другой съ гребными судами и т. п.: часть ихъ со стороны Сада снесена прочь при Николаѣ Петровичѣ, когда на этой сторонѣ воздвиглась новая барская постройка (см. ниже). — Наконецъ, при поворотѣ съ Большой дороги на Юго-Востокъ къ Нижнимъ прудамъ, стояла „Кузница“ (гдѣ и нынче), а за ней, прямо противъ подъемнаго моста, замыкалъ все большой деревянный, „Старый Конюшенный дворъ;“ служившій до постройки каменнаго, да и при немъ еще „Черногавочью конюшней.“

Къ Москвѣ, Владиміръ и Тетерьямъ (гдѣ нынѣ желѣзная дорога и усадьба Куріановская) шелъ густой Кусковскій лѣсъ (впослѣдствіи Разумовскаго, Лукаша и прочихъ раздробившихся владѣльцовъ). Сквозь него, отъ Кусковскаго Большаго дома, сада, пруда и подъемнаго моста велъ одинъ только громаднѣйшій „Проспектъ;“ обсаженный деревьями и уцѣлѣвшій доселѣ большою дорогой: тамъ, гдѣ теперь Столбы и шлагбаумъ, на выѣздѣ съ Кусковской земли въ сторону Перова и Опекунова, при поворотѣ къ Тетерьямъ, стоялъ деревянный столбъ съ надписью, приглашавшею посѣтителей Кускова „веселиться, какъ кому угодно, въ Дожь и въ Саду.“ И точно, благодаря радушію хозяевъ и рѣдкостямъ хозяйства, число посѣтителей гуляющихъ въ XVIII вѣкѣ доходило по праздникамъ до 50.000, званыхъ гостей до 2.000, да „своихъ“ всегдашнихъ жителей состояло въ Кусковѣ до 1.000. Съ начала нашего вѣка число посѣтителей и жителей уменьшилось значительно. Но быстрое сооруженіе недавнихъ желѣзныхъ дорогъ, при которомъ Кусково очутилось въ углу между двумя — Владимірскою и Рязанскою; освобожденіе дворовыхъ, вслѣдствіе котораго создавалась „Новая Слобода;“ въ сторону Гиреева и Тетерекъ; наконецъ послѣдніе годы жизни Дмитрія Николаевича, проведенные лѣтомъ въ Кусковѣ, — все это отчасти обновило, хотя и не воскресило, прежнюю жизнь Кускова ²).

всѣ они были вмѣстѣ иконописцами. Кромѣ того приглашались живописцы и со стороны, напр. въ 1785 г. служитель кн. Голицыной *Александръ Петровъ*, расписавшій снаружи Лавасину, куполь въ Гротѣ, Бесѣдку въ Звѣрицѣ. — При живописцахъ состояли — Лѣшникъ (старшій *Иванъ Хожбинъ*), Мраморщикъ (*Григорій Страховъ*), Золотарь (*Петръ Рыбаковъ*), съ учениками: ученики при каждомъ мастерѣ поддерживали постоянное развитіе вперед. — ²) Въ эти послѣдніе годы, хотя не было уже прежнихъ званыхъ приемовъ и увеселеній, а въ саду становилось жутко отъ часовыхъ, остальная мѣстность пользовалась еще совершенною свободою для всѣхъ и каждаго, на старинѣ отличавшемъ владѣнія Шереметевыхъ: потому снова устремились сюда гуляющіе, а дачь настроилось громадное множество. — Что касается до жителей постоянныхъ и дворовыхъ, то, по штату Петра Ворясовича, 1786 года, кромѣ упомянутыхъ нами выше, на прикѣрѣ Главнаго Командира или Управителя, Прикащика съ конторою, Са-

Естественно, что, при такомъ рѣдкомъ устройствѣ подмосковной, владѣлецъ дождался къ себѣ посѣтителей самыхъ знатныхъ и высокихъ по тому времени. Имѣя въ своемъ воспитаніи, характерѣ, взглядѣ, образѣ мыслей и дѣйствій весьма мало народнаго, а еще менѣе прямой связи съ народомъ, императрица Екатерина тѣмъ болѣе любила показываться народу и собственными очами видѣть возбужденіе его патристическія чувства. Она не создала и не оставила по себѣ, подобно предшественникамъ, въ Москвѣ и подъ Москвою, какого ни будь постоаннаго мѣста, которое упрочило бы память ея имени въ народѣ, поддерживало бы общій народъ или вызвало его къ празднеству, гульбищу, пѣсені и пѣнопотворчеству. Со стороны Петербургской дороги начала она Петровскій дворецъ, но и тотъ довершенъ въ подробностяхъ лишь впоследствии, а гульбища и увеселенія въ его саду никогда не шли дальше официальныхъ и ниже слоевъ привилегированныхъ. На протяжении известной намъ старой линіи подмосковныхъ, именно за Перервовъ и Коломенскимъ, въ сторонѣ, откуда приходилось государствѣ совершать торжественныя вѣзды послѣ успѣховъ на Югѣ, начатъ былъ для нея дворецъ Царицынскій, въ мѣстности и обстановкѣ, обѣщавшей удачу,

длинна, Архитектора, Лѣкаря, Церковнаго причта, Квартирмейстера, управляющаго матрадами и гробами (старшій, при П. Бор., *Никита Емельяновъ*), художниковъ и артистовъ, Звѣрищниковъ, Ловчихъ и Псарей, Конюховъ, Лебеднищика и Птичниковъ, Скотниковъ и Скотицъ, Учителей, Живописца, Малара, Лѣщика, Мраморщика, Золотаря и т. д., — все это по большей части со своими подмастерьями или учениками, — состояли еще для непрерывной громадной планировки или разбивки участковъ восточный „Геодесикъ (старшій *Александръ Невановъ*, оставившій намъ планъ Кускова, потомъ *Александръ Дубровинъ*);“ „Санскъ,“ т. е. Швейцаря (народъ произносилъ и доселѣ называетъ „Санотъ:“ „онъ служить санотомъ“), въ вышивки параднаго, въ кафтанѣ и камзолѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, въ возровой или кузовой шинѣ съ документомъ, съ желтой перелезью, блестящими пуговицами, башмаками, позументомъ и влнеомъ въ отдалѣ; особый советскъ, при Вольшовъ домѣ (главный, старшій, любимецъ графа, *Петръ Кузнецовъ*), особый при домѣ Голландскомъ, Итальянскомъ, Уединеніи, при Мильѣ и Вельведерѣ, при Портретной и Картинной галлерей, вообще въ главныхъ пунктахъ, гдѣ ко-мѣщался или долго оставался владѣлецъ. Изъ нихъ при Голландскомъ — Голландецъ, а впоследствии Русскій, носившій это имя (уже при Пѣтра Бор. *Иванъ Бушуевъ*), ходилъ въ „шиперскомъ“ платьѣ. Далѣе Влчичскъ, праводарасходчикъ хлѣбныхъ запасовъ (въ Суннѣ) и на погребѣ (*Павелъ Халдинъ*); Рушейникъ и „Ложный мастеръ,“ Саесаръ съ ученикомъ; Полощискъ; 6 Буздецовъ; 2 Печивка и ученикъ; 5 Стояровъ и 8 ученикъ; 3 Рѣшня; 2 Плотника; Колесникъ; Обойщикъ съ ученикомъ (прославившійся *Народъ Никитичъ*); Палыщикъ съ ученикомъ; 2 Текля и ученикъ; Саночникъ съ ученикомъ; Башмачникъ; Порникъ 2 и ученикъ; Оконничкомъ 2 и ученикъ; Обручникъ; 2 Трубочиста; Васманниковъ и Квасниковъ по 1; Лѣсниковъ 4; Приемщикъ матеріаловъ 2; Дворникъ на парадѣ для просмотра; Дре-вляникъ и Угольщикъ; караульные и сторожа; мальчики въ послугахъ; Наряд-

среди прекрасных прудовъ и обильныхъ рощей, съ садами, цвѣтниками, между населеніемъ, отличающимся пѣвучестью и яркими особенностями манѣва: но предпріятіе не вызвало удовольствія императрицы и было брошено на половинѣ. Тѣмъ сильнѣе однако желала всегда Екатерина дарить народу торжества временныя, кстаті или при случаѣ, разливая вокругъ себя мгновенный блескъ и поражающую милость. Если здѣсь не много выигрывалъ народъ съ его народностью, то за то поднималось чувство національное и, при свѣтѣ какого либо историческаго событія, составлявшаго предметъ празднику, при разсчитанномъ искусствѣ въ его устройствѣ и при пособіи воспѣвавшей литературы, спланивавшей связи или узы націй, ликующей по мановенію царской десницы и по указанію жезла государственнаго. Таковъ, въ семь рядѣ, былъ „для деа“ устроенный „народный“ праздникъ во славу Турецкой войны, послѣ выгоднаго мира и въ честь героя Задунайскаго, извѣстный праздникъ на Ходынкѣ, среди лагера и полковъ. Марта 22-го, бывши въ Москвѣ, а послѣ Ходынскаго торжества въ Августѣ 23-го числа 1775 года императрица, въ сопровожденіи двора и иностранцевъ, посѣтила Кускову. Устройство сего послѣдняго держалось тогда еще на первой своей половинѣ, далеко не было завершено и не представляло достаточной лица празднеству: мы видѣли, что высокая гостяя сама еще чертила рисунки послѣдующихъ украшеній сада (на примѣръ рѣшетки). Она отиѣтила, чего Кускову недоставало, подарила саду статуи и—

чкъ на конюшнѣ (*Гаврило Новожиновъ*); 12 Гусаровъ, во главѣ съ „Гусарскими командиромъ (старшій *Василій Дубовъ*) и потомъ долго *Иванъ Валинъ*); „Метръ д-отель (старшій *Григорій Тереховъ*); „Куховшрейберъ (*Смакинъ*)“ и Повара (*Осипъ Андреевъ*, *Гаврило Жуковъ*); Мушкетеръ (*Себастіанъ Валачевъ*); Кофешенкъ (*Харитонъ Трапичъ*), Скороходы и т. д. Штатъ сей не „сжирался“, напротивъ, когда „обновлялся“ и совсѣмъ „прекратился (въ концѣ жизни Николая Петровича и при послѣдующихъ опекунахъ),“ образовались „зайтатине“, получавшіе содержаніе, особо пенсіонеры и особо въ богатѣльнѣхъ. По штату же шло всѣмъ силамъ лицамъ жалованье деньгами и содержаніе жуковъ, круцами, печенымъ хлѣбомъ, соедамъ, квасомъ, полнитою, мясомъ, рыбою, масломъ, квартирою, освѣщеніемъ, дровами, угельми; одендѣю, да еще награды и въ извѣстную пору подарки. Всего при Петрѣ Борисовичѣ, около 1786 г. и послѣ до 90-хъ годовъ, ежегодныхъ штатныхъ расходовъ по Кускову оставалось слишкомъ на 16.000, а за неплученіемъ отсюда домашнихъ западовъ, деньгами почти на 8.000. Это было свое особбе княжество или герцогство: хозяинъ всегда назывался въ бумагахъ и словесно „Его сіятельство графъ государь.“ У него были свои табельные дни, когда, подобно праздникамъ, никто у него не работалъ (на пр. 28-е Юня — день рожденія сына и 29-е — именинъ хозяина). Онъ съ извѣстной стороны самъ входилъ въ штатъ⁴ и Метръ Борисовичъ получалъ изъ своего „казначейства“ по 1.000 р. въ мѣсяцъ „на собственные расходы“, обыкновенно серебряными рублями въ мѣсяцѣ. Кромя того въ Вешняковѣ поддерживались нѣкоторое время прежнія оранжерея, устроена обширная богатѣльня на мужчлихъ и женщлихъ, состоялъ смотритель, церковный причетъ, сторожа и т. д.

особенно—массы народа, зная очень хорошо, что при обработке его конечно не забудут имени и дѣяній десницы дарующей. Притомъ послѣднее посвященіе было лишь проѣздомъ: съ тою же свитой, да еще съ батальонами гвардіи, посѣтительница направилась изъ Кускова верстъ за десять, въ пивные, недавно предъ тѣмъ приобретенное Румянцевымъ, въ село Троицкое, чтобы продолжить тогдашній триумфъ героя въ его собственномъ домѣ и владѣніи. Влестъ встрѣтившаго и проводившаго императрицу тамошняго праздника конечно позабыла въ народѣ безъ слѣда; скоро уничтожены были все наметники, которые напоминали бы тамъ кратковременную жизнь полководца (онъ уѣхалъ оттуда и скончался далеко); напротивъ яркія краски, рисующія бытъ его наследниковъ, эти „Фенино“ и „Земно“, названія, по спласкому для насъ обычая даннымъ участвую въ память любимицъ и дочерей посѣдующаго владыка (Афины, Зинаида), а вмѣстѣ съ ними переводъ помѣстья изъ Румянцевскаго рода въ руки другихъ фамилій, — все это не могло привлечь вниманія народнаго, ни заинтересовать ламити исторической въ массахъ самого народа. Тѣмъ не менѣе „Кайнарджи“, имя, подаренное здѣшнему дому и селу изъ устъ державной гостыи, „Кагуль“, которымъ понынѣ прозвана ближняя ферма, а наиболѣе мраморный цѣмачникъ, водвинутый среди села въ честь Екатерины сыномъ Задушавскаго, — эти звуки, хотя бы ни въ коверкались въ устахъ безучастнаго народа, эти слѣды, хотя бы затирались колесами мужицкихъ телегъ, не помнящихъ давняго историческаго явленія за грубыми нуждами дня, — все-таки говорятъ образованному слуху и взору, все-таки принадлежать исторіи, если даже и не дошла она до народа, не разсказывается и не воспринимается его устами. Исторія эта ждетъ будущаго времени, когда съ нею познакомится народъ черезъ нашу литературу. Такое же точно, безъ всякаго притязанія на смѣхъ народный, наступило вскорѣ торжество въ Кусковѣ, приготовленное для той же государыни. Толпы, недавно главѣшія на разную дивизию въ селѣ Троицкомъ, допущены были вдоволь поглазѣть на дивными еще болѣе рѣдкія. Конецъ 1785 и начало 1786 года посвященіи были въ Кусковѣ ревностному сооруженію „Обелисковъ“ изъ царскаго дарованнаго мрамора: подрядчики усердно строили, привѣтливо умибаясь хитрымъ затѣямъ графа, весьма щедро платившаго къ сѣбѣ. День коронованія Екатерины, день рожденія сына и кажуль графскихъ именинъ, 28-е Іюля 86-го года назначено было для открытія: установленныхъ наконецъ Обелисковъ⁴⁰⁾. Одинъ, поставленный въ глубинѣ Большаго Сада, тамъ, гдѣ вѣкогда перегораживала его рѣшетка по рисун-

⁴⁰⁾ Обелиски дѣлалъ „мраморныхъ дѣлъ мастеръ *Василій Павловъ* (онъ же вѣроятно и часть статуй или бюстовъ);“ помогалъ *Мартынъ Андреевичъ*. — А такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ и Театръ получилъ окончательную отдѣлку, то отсюда возникли помянутые разсказы, что онъ построенъ на скоро къ именинамъ графа.

ку императрицы, имѣлъ (и сохранилъ) на вершинѣ статуя—якобы Мидервы, но гораздо похожѣ фигуру самой государыни (вмѣсто шлема скорѣе Фригійскій колпакъ, символъ тогдашнихъ свободныхъ учрежденій), съ надписью о посѣщеніи 1775 года. „въ память чего благодарность сей монументъ изъ пожертвованнаго Ея Величествомъ мрамора соорудила.“ Другой, близъ Большаго дома, пирамидальный, гласитъ, что „Екатерина II показала графу П. Б. Шереметеву (мраморъ) въ 1785 году, во время бытности его губернскимъ предводителемъ Московскаго дворянства.“ Для открытія задуманъ и выполненъ былъ праздникъ со всѣмъ Шереметьевскимъ искусствомъ и богатствомъ: съ иллюминаціей, прозрачными картинками и пирамидами, отъ которыхъ горѣла вся окрестность, съ хорами пѣвчихъ и оркестрами музыкантовъ, съ танцующими въ Оранжереѣ, которая превращена была въ громаднѣйшій вояль (см. выше), и т. п. Однако все это было лишь расчитанною репетиціей: слухъ о затѣлливомъ весельѣ дошелъ до Екатерины и, ровно черезъ годъ, отправадившись въ Москву того же 28-го іюня двадцатипятилѣтіе своего царствованія, на третій день—іюня 30-го 1787 года,—въ 3 часа по полудни, императрица отправилась въ Куеково со всѣмъ дворомъ, блестящемъ свитомъ и великолѣпнѣйшимъ княземъ Тавриды. То было послѣднее зрѣніе въ ряду триумфальныхъ торжествъ, начавшихся путешествіемъ въ Крымъ, продолжавшихся подъ Коломенскимъ, при Серпуховской заставѣ и въ Москвѣ. Тамъ, гдѣ нѣкогда при Тетерькахѣ, со стороны Перова, остановился шагъ Елизаветы, Екатерина ступила дальше на Куековскую землю: чрезъ великолѣпнѣйшую арку; при вѣздѣ къ саду, въ невѣстной намъ разрывной триумфальной Бесѣдѣ¹⁾, убранный дорогами деревьями и дѣвками, размѣщенны были символическія картины, съ прѣдговѣстными надписями²⁾, а сверху галлерей играла музыка; на Большой врудѣ съ многочисленными убранствами флагами, судовой и съ береговъ гремѣлъ шумчине салютъ; отъ Большому дому вала галлерей живая,—здѣсь стояли попарно жители и служители Куекова съ корзинками цвѣтовъ, дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ и вѣнкахъ разсыпая букеты по пути. Черезъ Большой садъ хозяинъ провелъ государыню въ садъ Англійскій и Лабринтъ, гдѣ при вечернемъ солнцѣ показала свои прихотливыя сооруженія и рѣдкости, а отсюда пригласилъ въ Театръ, гдѣ давали оперу „Семитарскіе браки“ и въ заключеніе балета. Ревнивая служительница сценическаго искусства одобрила достойно пѣвнй его храмъ, только что отданный и завершенный³⁾; она доуспѣла артистовъ къ руцѣ

¹⁾ Не знаяши ея, прежніе описатели увѣряли, что триумфальныя ворота сооружены были нарочно вновь, среди проспекта. — ²⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ картинъ уцѣлѣли до сихъ поръ. — ³⁾ Представленія предшествующія можно считать репетиціями: только съ этихъ поръ піисы вступили на свою настоящую дорогу, при окончательномъ устройствѣ Театра (ср. выше). Впослѣдствіи давали здѣсь собственныя произведенія императрицы, на прѣдмѣхъ „Февей.“

и раздава имъ подарки; восторгъ отъ милости, столь рѣдкой тогда, былъ неописанъ и разлился по всему Кускову въ ходившихъ долго воспоминающихъ и разсказахъ. На возвратномъ пути изъ Театра Большой садъ весь уже блестялъ огнями; передъ Большимъ домомъ, на главномъ пруду, разнообразно иллюминированы были суда, казались посетители и писальники съ пѣснями; два обелиска,—колонны на противоположномъ берегу, извѣстныя намъ и къ тому же времени отдѣланныя, обращены были въ маяки; между ними съ вензелемъ государыни щить; вдали, при концѣ рукава къ Венякову, каскады воды изъ знакомои намъ бесѣдки сиялись разноцвѣтными огнями ⁴¹⁾. Подобно древней Ольгѣ, Екатерина нуткала изъ рукъ голубя съ огнемъ: загорѣлся щить, начался громадный и дорогой фейерверкъ, безчисленныя толпы народа любовались, гуляя цѣлую ночь. Ужинъ былъ въ „Галлерей“, въ теченіе его пѣвчіе исполняли Екатерининскую канту („Славься симъ, Екатерина,“ см. выше). По дорогѣ, освѣщенной фонарями, фонарями и смолянныи бочками, государыня воротилась въ Москву къ утренней зорѣ. Разооченный графъ повторилъ праздникъ и гулянье, уже болѣе для мѣстныхъ жителей, въ престольный праздникъ 1-го Августа или Перваго Спаса, потомъ 6-го Августа въ Спасъ Преображенье: по совершеніи этого по видимому ничего болѣе не оставалось графу дѣлать, и онъ умеръ, заснувши сномъ праведника, 30-го ноября 1788 года ⁴²⁾.

Образецъ Екатерининскаго вельможи-богача, ловкій, хотя не слишкомъ услужливый и довольно самостоятельный придворный; съ хитростью, блестящею въ его—нѣсколько скошенныхъ—глазахъ; важный, но не надменный и со всѣми до низшихъ ласковый; не любившій головоломнаго труда, но очень крѣпкій природнымъ умомъ и образованный по Французски; членъ знати Европейской и вмѣстѣ хлѣбосольный Русскій баринъ; артистъ въ душѣ для всѣхъ искусствъ—строительнаго, скульптурнаго, живописнаго и сценическаго, съ отличными во всему вкусомъ—до изысканной гастрономіи и равно до тяжелыхъ дѣдовскихъ блюдъ; дѣятельный въ теченіи каждаго дня и готовый на всякую затѣю, хотя далеко не расточительный и весьма осторожный въ расходахъ; превосходный хозяинъ, устроившій систематическую экономію и строгіе штаты со смѣтами; наконецъ безстрастный, ничѣмъ безъ края не увлекавшійся и во всемъ способный успокоить душу свою; отчасти благочестивый, сколько требовало достоинство его сана, нравственный въ мѣру порядочнаго человека,—Петръ Борисовичъ провелъ долгій вѣкъ свой безмятежно. Плакавъ раннюю смерть жены и нѣсколькихъ дѣтей ⁴³⁾, онъ сохранилъ довольно энергію, чтобы послѣ нихъ обога-

⁴¹⁾ Особенно иллюминирована была, на подобіе дорогихъ разноцвѣтныхъ лампъ, триумфальная сквозная бесѣдка, которую описатели вторично сочли здѣсь новымъ сооруженіемъ.—⁴²⁾ Похороненъ въ монастырѣ Новосвасскомъ.—

⁴³⁾ Сынъ *Алексѣй* и дочь *Марья* скончались дѣтми 1748 г.; *Борисъ*—уже корнетомъ и 13-ти лѣтъ, 1758 г.; самая любимая *Анна Петровна*, блестя-

тить любимое Кусково всім дворянами свѣта, показавъ ихъ всему людскому свѣту, прославиться передъ свѣтомъ вѣшнимъ, а уходя на другой свѣтъ, бросить спокойный взоръ надежды на единственнаго сына и наследника, графа Николая, въ цвѣтущемъ возрастѣ общаваго поддерживать честь, богатый достатокъ и достоинство рода ¹⁷⁾.

Мы перечислили вкратцѣ только тѣ памятники Кускова, созданные ревностью Петра Борисовича, которые наиболѣе замѣчательны, не были прежде описаны или изображались невѣрно, исчезли въ настоящее и даже вовсе исчезли бы изъ памяти исторической безъ нашего изслѣдованія на мѣстѣ. Между тѣмъ всякой теперь видѣть, что они занимаютъ важную страницу въ исторіи искусства и цивилизаціи

шая флейрина при Екатеринѣ и невеста Никиты Ивановича Панина, умерла внезапно (отъ бѣсы? Ср. записки гр. Блудовой), 24-хъ лѣтъ, въ 1768 году, на другой годъ послѣ матеря: это обстоятельство и оторчило особеннѣ отца, удалило его отъ службы и — заняло дѣятельностью въ Кусковѣ (онъ увлеченъ 29 июля 1768 г. а въ 1770 г. уже за постройками Большаго дома и зданій Большаго сада). Въ живыхъ остались только Николай Петровичъ да *Варвара Петровна* (род. 1750 г., вышедшая за *Алексея Кирилловича Разумовскаго* (1774 года) и унесшая съ собою въ приданое значительную часть имѣнья около Кускова; вотъ, кромѣ мѣстнаго сосѣдства и исторической связи черезъ Тетерьки, еще семейная связь Перова, Гиреева и Горенкохъ (конфискованныхъ послѣ Долгорукихъ и поступившихъ къ Разумовскому) съ Кусковымъ. — ¹⁷⁾ П. М. Долгорукій, родной внукъ Наталіи Борисовны, такъ описывать и поминалъ Кусково:

Дворецъ роскошнаго вельможи,
 Москвы любимый вертоградъ,
 Гдѣ жизни день бывалъ дороже
 Среди безчисленныхъ оградъ,
 Чѣмъ годъ въ иной странѣ прекрасной:
 Тебѣ ли знать удѣлъ несчастный?
 Земли лѣскутникъ *) драгоцѣнный,
 Кусково, милый узелокъ,
 Эдема сколокъ сокращенный,
 Въ которомъ самый тяжкій рокъ
 Въ воскресный день поздравдася
 И всякой чѣмъ ни будь пѣвался.
 Восторги новыя всечасно
 Мѣнялись тамъ какъ облака:
 Кусково было всѣмъ запасно,
 Проси хоть птичьаго молока.
 Куда пать пальцевъ ни протянешь,
 Вездѣ пріятности достанешь.
 Свобода, мать увеселенья **).

*) Намекъ на производство имени отъ *куска*. — **) Указаніе надписи на столбѣ при въѣздѣ въ Кусково.

вообще, темъ болѣе въ Россіи, гдѣ такъ жалуются до сихъ поръ на слишкомъ малое количество созданныхъ крупныхъ дѣяностей. Безъ сихъ памятниковъ и безъ участія Шереметевскаго рода исторія нашего XVIII вѣка не полна, теряетъ много жизни и красоты своей. Если же прибавить сюда историческое значеніе Шереметевыхъ *около Кускова*, а съ другой стороны массу переходныхъ историческихъ нашихъ лицъ и событій, оставившихъ пропасть слѣдовъ своихъ въ Кусковѣ, то тамъ, то здѣсь, и доселѣ памятныхъ мѣстнымъ жителямъ: тогда мы поймемъ, что на основѣ нашего, черезъ чуръ простаго, народнаго быта всѣмъ этимъ слагалась известная историческая сфера, известная среда впечатлѣній, возрѣній, воспоминаній и убѣжденій; въ которой народъ волею и неволею воспитывался, въ которой онъ жилъ и доселѣ живётъ исторически. Сверхъ самого Кускова, окрестности его, —

И роскошь съ нею за одно
Изобрѣтали наслажденья
Для тѣхъ, кому судьбой дано
Кидать сребра и злата кучи,
Какъ сыплютъ градъ небесны тучи.
Завяли мягкія равнины,
Цвѣтами воздухъ не курятъ;
Лужайки, тропочки, долины
Мальчишки всячиной соряютъ;
Валятся стѣны залъ огромныхъ
И въ нихъ не слышно звуковъ стройныхъ. *)
Пустыни **) нѣтъ ужъ для капризу,
Въ которой множествомъ пружинъ
Могли на верхъ подняться съ нату
Безъ лѣстницъ гости и господины,
И молча требовать оттуда
Въ звонокъ на столъ различны блюда.
Исклиа мраморны фонтаны,
Нептуновъ сухъ водопроводъ ***)
И брызговъ челюсти мѣданы
Не шлуютъ столпомъ въ небесный сводъ:
Прохлады нѣтъ при солнцѣ яромъ
И зной полдня варитъ все варомъ.
Подохли карни златоперы,
Которыхъ звонъ въ колокола ****)
Сзываетъ на край пруда материй:
Волна ихъ сизая несла,
Ирнуть на пристань, усь разложить

*) Это могло только относиться къ Вокзалу, который замѣненъ новымъ Театромъ: проѣе не валялось и не валяется до сихъ поръ.

) Эрмитажъ, отлично сохранившійся доселѣ. — *) Водозводная башня, близъ Владичьяскаго моста. — ****) Итальянскій прудъ при Гротѣ.

Измайловскій Звѣринаецъ, Перово, Гиреево, Тетерьки, Вешняково, Троицкое, и т. д., живутъ до сихъ поръ памятью прошлаго и разсказами. Торжества Петра Борисовича не заглушили воспоминаній о злополучной сестрѣ его, отъ которой нѣкогда съумѣлъ онъ отстраниться. Въ галлерейхъ помѣщались и теперь въ Большомъ домѣ двѣнадцать портреты Натальи Борисовны, невѣстою и монахиней: тутъ же и мужъ ея, а изъ удѣлѣвшаго въ рукахъ наследниковъ, съ конца прошлаго вѣка до 1812 года, хранилось при домѣ, послѣ князя Ивана Алексѣевича, нѣсколько Долгоруковскихъ вещей, простой бѣдной мебели и посуды ¹⁸⁾. Между тѣмъ, по близости на Владиміркѣ лежатъ еще „Горняки“, старое имѣнье Долгорукихъ, отлично устроенное, съ знаменитымъ одинаково садомъ и съ церковью, гдѣ вѣчались несчастные супруги ¹⁹⁾. Разсказываютъ, что по той же Владиміркѣ, на дорогѣ изъ Сибири, княгиня съ ребенкомъ свернула въ Кусково и въ темный осенній ве-

И хлѣбъ изъ рукъ господскихъ гложутъ.

Цари, царицы *), косящая
Москву-старушку иногда,
Какъ боги въ самоѣ нѣдрѣ рая,
Въ Кусковѣ тѣшились всегда;
И тамъ веселой черни смѣхи
По роцамъ разносили эхи.
Куда владыка твой дѣвался,
Кусково, царство всѣхъ страстей?
Графъ Петръ Борисовичъ казался
Безсмертнымъ бытъ на тверди сей:
Его нечати не касались **)
И всѣ затѣи удавались.
И ты, сей точки обладатель,
Великолѣннѣйшій богачъ,
Столицы всей очарователь,
Въ улыбку превращавшій плачь,
И ты съ Кусковымъ распростился,
Въ землянкѣ тѣсной уложился!
Отъ восхода солнца до заката
Промча въ забавахъ жизни кругъ,
Последній вздохъ пустилъ на злато,
Готовилъ ниръ — и умеръ вдругъ!....

И т. д. „Прогулка въ Кусковѣ“.—Воспоминаніе его о театрѣ см. ниже.

¹⁸⁾ Шкафы, ставцы, кровать, столы и стулья, блюда и тарелки. Объ этомъ особая наша статья.—¹⁹⁾ Послѣ Долгорукихъ, при Разумовскомъ Горенки соединены были съ Перовымъ красивою дорогою — проспектомъ (черезъ Гиреево).

^{*}) Екатерина, Павелъ, Іосифъ—Фалькенштейнъ, эрцъ-герцогъ Карлъ, Станиславъ Понятовскій. Позднѣе Марія Федоровна, Елена Павловна. — ^{**)} Какъ съ гуся вода, легко ему обходилось, хотя очень часто случалось.

черъ подошла въ старому родительскому дому: все было заморто и ни огонька. Путница провела ночь въ домѣ священника, и не братная любовь, а милость государыни вскорѣ возвратила ей спокойствіе и средства жизни, честь и достоиніе ²⁰⁾. Такъ держатся и помнятся здѣсь изъ исторіи не одиѣ свѣтлыя стороны, а и страданія, и участь бѣдности съ спрототвомъ. Подобное настроеніе жителей, а вмѣстѣ всѣхъ вообще Шереметьевскихъ крестьянъ, соединенныхъ, говорили мы, тѣсною нравственною связью съ судьбами знаменитаго рода, настроеніе, постоянно обращенное къ прошедшему и поддержанное яркими его памятниками, не могло и не можетъ оставаться безслѣднымъ: оно воспринимаетъ, оно учитъ смотрѣть, говорить и жить сообразно настроенію, оно сказывается словомъ, если не пѣсней, то охотною повѣстью; или живучимъ преданіемъ, или по крайности не умирающей наматвю, складомъ ума и сердца, обычаемъ и приеомомъ. Вы убѣждаетесь въ этомъ на каждомъ шагу: слышите ходъ собою почву, по которой прошла вѣстная исторія, обильная своеобразными лицами, дѣяніями и событиями; и прошла такъ, что съ верхняго слоя проникла до прагатовъ самыхъ ясныхихъ, простыхъ и глубокихъ. Почва народа простаго замечена здѣсь со многими сторонами своихъ къ участію въ судьбахъ нации, открыто предлагающей здѣсь для всякаго долю извѣстной цивилизаціи. Сколько принадлежитъ неотъемлемой Русской исторіи родъ графовъ, жизнь ихъ, созданное ими Кусково и все его памятники, столько же глубоко входитъ въ эту область и та благодарная почва, на которой и

²⁰⁾ Преданіемъ этимъ, крѣпко утвердившимся и всюду распространеннымъ, прекрасно воспользовался Козловъ въ извѣстной своей поэзіи. Онъ очень метко касается того, что Наталья Борисовна провела свое дѣтство въ Кусковѣ, но, не зная холодныхъ къ ней отношеній брата, не могъ постичь, почему путница прямо не пошла къ нему, и потому засталъ его жить въ Петербургѣ, тогда какъ именно Петръ Борисовичъ засѣлъ тогда въ Кусковѣ и началъ свататься за княжну Черкасскую („Простаясь съ родимой Москвою, Въ столицѣ пыльной надъ Невой Живеть наследникъ молодой“). Только уже возстановленная государынею въ правахъ своихъ, сестра рѣшилась поѣхать къ брату въ его Петербургскомъ домѣ. За то, какъ чуткій поэтъ, Козловъ не пропустилъ перстня, игравшаго, мы знаемъ, такую роль въ жизни страданца и въ самыхъ пѣсняхъ объ ней. Если мужикъ сохранился у наследниковъ, то собственный перстень свой, какъ извѣстно, полная всюду драматизма Наталья Борисовна, наканунѣ своего монашескаго постриженія въ 1757 году, бросила съ высокаго берега въ волны Днѣпра. Поэтъ „добылъ“ объ этомъ историческую пѣсню народа:

На Днѣбрь, вдохнувши, посмотрѣла,
Сидя вѣнчальное кольцо...
И вѣрой грудь ея дышала,
И жертва тайная въ мечтахъ:
Она кольцо къ устамъ прижала, —
Оно блеститъ, оно въ волнахъ...

для которой, силами и средствами ее, совершилась местная история. Одним словомъ, мы очевидно оказываемся на такой почвѣ народной, изъ которой, при всѣхъ цивилизующихъ началахъ и водѣйствіяхъ, могли легко воззрѣть новые историческіе герои и героини, могли занять страницу исторіи, одушевить историческую пѣсню и сами дѣйствовать въ пѣснотворчествѣ, слыгая въ немъ громкій по себѣ памятникъ историческій. Такова именно героиня и пѣсня, которую мы скоро здѣсь встрѣтимъ.

Но, если народная почва окраилась здѣсь извѣстнаго рода цивилизаціей съ правами на исторію, то съ другой стороны исторія приобрѣтала здѣсь характеръ народный. Событія графскаго дома и двора, памятники, случаи и диковинки, вѣсти и рассказы входили въ массу народа, фильтровались и просачиваясь туда по всѣмъ направленіямъ, а на пути приобретая новую окраску и особенный отцвѣтъ, толкуясь и перетолковываясь по своему: изъ самаго простаго имени и явленія создавались въ сей порой, и громадной, средѣ образы самыхъ фантастическихъ размѣровъ и чертъ; на оборотъ, самыя зачѣпчивыя графскія выдумки переводились на понятіе и слово крайне простое. Мало того: народный бытъ Кускова и окрестностей встрѣтилъ исторію верхнюю и заносилъ данными своей исторіи старшей, живогрѣшной, ладанна-сладкощѣйся въ оригинальный образъ и готовое слово. Нужно сказать, что съ этой именно черты, Гиревской, Шаровой, Кусковской, Владимірской и Косинской въ населеніи начинаются особенности „Владимірскія“, постепенно возрастающія отсюда вплоть до Владиміра, Суздаля и Муромъ: начинается верхняя одежда (извѣстная у насъ въ городахъ по Владимірамъ-штуатурамъ) — желтоватый шерстяной охабень съ широкимъ отложнымъ воротникомъ; начинаются, по бывшему обіаю лѣса, лучшія деревянные постройки, не рѣдко въ два этажа; опрятность въ избахъ, по стѣнамъ картины, наследіе старой Суздалящины; въ характерѣ степенность, серьезность и стойкость, близкая къ суровости и упрямству; промышленная предпринимчивость и энергія; выговоръ на о, и, при общей лѣвучести, пѣсня особая, глубоко отличная отъ Тверскаго и Тульскаго тракта ²¹⁾. И вездѣ до сихъ поръ пѣсня, съ пѣсней свои хоры и хороводы, свои старинныя преданія. Вспомнимъ, что въ одномъ углу Владимірскаго округа лежитъ Корочарово, родина Ильи Муромца: а подъ Москвою, близъ Вешняковъ и рядомъ съ Владиміркой, существуетъ Корочарово другое. Въ сосѣдствѣ Троицкаго, замыкая рядъ древнихъ кургановъ, надъ обрывомъ берега рѣки Пехорки уцѣлѣлъ народный памятникъ, бытъ можетъ единствен-

²¹⁾ Самне гребни на судахъ по Кусковскимъ ярусамъ, перешедшіе отсюда позднѣе въ Останкино, выбирался, со временемъ Петра Борисовича, изъ крестьянъ, отличавшихся своимъ голосомъ: ихъ хоръ звучалъ громко и удалой пѣсней. Таковъ, на примѣръ, былъ извѣстный здѣсь изъ гребцовъ пѣвецъ *Халдина*, отецъ послѣдующаго соловьяка.

ный во всей Россіи Великой, изъ періода мисіологіи еще Куладской: это два камня, окруженные глубокимъ уваженіемъ народа и сгоронившіе подъ собою „Ивана да Марью,“ сочетавшихся брата съ сестрою, убитыхъ за невольное нечестіе громомъ; и много подобнаго. Но все это затѣвается славомъ „Косина,“ въ 3-хъ съ половиною верстахъ за Куковымъ, между ними и Троицкимъ. Это самый старшій и крупнѣйшій подмосковный памятникъ сѣдаго язычества и двойной народности. Съ незапамятной поры, „Святое озеро,“ явившееся на мѣсто, говорятъ, обрушеннаго храма и храмовыхъ жилищъ, служило здѣсь предметомъ самаго усерднаго поклоненія. Не только величій дожданъ здѣсь искупаться, а больные, особенно дѣти, получаютъ отъ купанья немедленное исцѣленіе, но въ нашихъ еще раннихъ лѣтахъ совершались здѣсь непремѣнныя жертвоприношенія: въ воду бросали съ себя одежду, металлическія вещи, деньги, утварь; дѣлалъ классъ людей существовалъ вокругъ, искусствомъ плаванья и нырянья, добывая изъ подъ воды принесенную жертву. (съ большой опасностью, ибо озеро крайне глубоко). Христіанство освятило приношенія явленною икозою иконою: но слѣды язычества упорно пробиваются доселѣ и налѣгающе существовавши только то, что изъ прочимъ жертвамъ присоединились красны и образы съ тѣла; нигдѣ въ семь родѣ нельзя достать старинныхъ памятниковъ, если, бывало, не купите добытыхъ со дна. Рядомъ со „Святымъ“ простирается, ближе къ Кукову, озеро „Большое“ или „Бѣлое“ и за тѣмъ „Черное“ или „Чертова,“ со временемъ, и давно уже, уехулившее славу свою Святому. Мѣстныя взглядомъ отличивши ту и другую особанность, счастливую мѣстность и фанатизмъ древнаго поклоненія, Петръ I въ волокомъ перетащилъ сюда, съ Яузы изъ подъ Намайлова, на приволье глубокихъ озеръ, новорожденную свою флотилію²²⁾; съ другой стороны, желая понизить языческое рвеніе и подаять духъ христіанскій, оны, часто посѣщая Косино до поводу флота, подарили сюда вывезенную имъ изъ Италіи, изъ Модены, икону Богоматери, съ тѣхъ поръ названную Моденскою²³⁾. Прямыхъ послѣдствіемъ было то, что икона Св. Николая, явившаяся некогда на водѣ и связанная съ мѣстнымъ „Бѣлымъ озеромъ“ такими же народными сказаніями, какія удѣлѣли въ устныхъ Былинахъ о Бѣдоозерѣ и Волховѣ Сѣверномъ, получила рядомъ еще другой христіанскій памятникъ, предметъ новаго почитанія, а старшая деревянная церковь (отстроенная

²²⁾ Слѣды ея остановокъ замѣтны доселѣ: но чествованіе Петра въ семь году забыло совсѣмъ эту историческую мѣстность.—²³⁾ Древней Италійской живописи, близкой къ стилю Византіи. Можетъ быть именно эта связь съ Италіей и искусствомъ ея побудило Шереметева, какъ мы видѣли, дать двусмысленное названіе своей Дамскій, наполнившей Италію и лѣзотѣ Косино на берегу водоемовъ. А съ другой стороны, нѣкоторые путешественники, на пр. Свиньянъ („Отч. Зап.“), самое Косино писали и объясняли именемъ „Кассино.“

въ послѣдній годъ жизни царя Алексѣя съ тѣми же цѣлями, какия руководили Петромъ) смѣнена новымъ каменнымъ храмомъ, гдѣ соединились обѣ иконы. Но ни сами богомольцы, ни причетъ, богатый дарами, не имѣли причины устранить слѣды, намятники и внушенія отдаленной древности: обстановка неизмѣнилась, но сущность осталась та же. Ревность поклонниковъ противу прежняго еще (возрасла и растетъ: до 100.000 и болѣе собирается сюда богомольцевъ въ теченіе лѣта. На-сиженное или, лучше, искоженное мѣсто народной святини, какъ водится, вызвало себѣ всегдашняго своего сосѣда и спутника: носгѣ Сергіева монастыря у Троицы нигдѣ не было, а ничто послѣ Кіевскихъ пещеръ нигдѣ нѣтъ, въ такомъ количествѣ и обитая, какъ здѣсь, извѣстныхъ „Калѣвъ переходихъ“ съ ихъ духовными Стихами. Вся дорога отъ церкви до Святаго Озера, чуть не съ версту, усажена ими, по одиночѣ и кучами, такъ что идете вы между двухъ поющихъ стѣнъ; мы сами, прежде изданія сихъ пѣсноуѣній, получали, да и по нынѣ получаемъ отсюда самый богатый матеріалъ народныхъ памятниковъ. Между тѣмъ, Кусково служило всегда неизмѣннымъ перенутьемъ между Косиннымъ и Москвою, по дорогѣ туда и обратно: богомольцы, направляясь изъ Москвы на Перово или Вешняково, а ипотомъ черезъ Кусково, заходили бывало въ Старую Слободку, жилище дворовыхъ и церковниковъ, по краю дороги, закусывать, пить квасъ и пиво, отдыхать и почевать; самъ баринъ, повинуваясь явленію народному, долженъ былъ, какъ мы видѣли, строить для посѣтителей-прохожихъ особыя зданія, одно за другимъ, то лучшее близъ себя, то попроче и подалше. Ничто богомольцы, черезъ Перово и желѣзную Владимірку, прямо входятъ въ Кусково и на отдохъ пьютъ чай въ бывшемъ Гаѣ или Лабринтѣ: народное пережило всякую искусственность и обратило ее на свою потребу. Тѣмъ же путемъ, разумѣется, идутъ и Калѣки Переходіе, и Стихи ихъ, а вмѣстѣ вслкіе рассказы, слухи, преданія, такъ что живущимъ въ Кусковѣ нѣтъ возможности не слышать ихъ, не интересоваться ими, не пропитаться и не воспитываться: особенно же тѣмъ, въ старину, кто жилъ или имѣлъ свой домъ на Старой Слободкѣ, гдѣ долженъ былъ неуклонно принимать у себя тысячи богомольцевъ, пѣвцовъ и сказателей со всѣхъ странъ, бесѣдовать, выслушивать, увлекаться и умиляться. Ту же самую школу народной религіозности и поэзіи, по мѣсту жизни своей, прошла и героиня нашего очерка въ своей ранней молодости, среди отцовскаго дома на Старой Слободкѣ.

Единственный въ живыхъ сынъ и наследникъ Петра Борисовича, графъ *Николай Петровичъ* Шереметевъ получилъ отличное воспитаніе, довершилъ образованіе за границею, быстро поднялся въ чинахъ при Дворѣ, развернулъ передъ всѣми блескъ искусствъ и богатствъ отцовскихъ, и—подъ конецъ безповоротно уединился въ домашней жизни, сошелъ съ громкой сцены свѣта, умеръ, при всей знатной обстановкѣ своей, почти одиноко. Не подмосковная, подобно отцу, не уединеніе природы и широкое развитіе артистическое отвлекли его съ блестящаго

поприца: это былъ бракъ, бракъ тайный, и однако же всѣмъ извѣстный, женитьба на *Прасковѣ Ивановнѣ* изъ рода шляхтичей *Ковалевскихъ*, какъ говорятъ официальные показанія, — на крестьянѣ села *Бускова*, какъ знали и знаютъ объ этомъ всѣ въ Русскомъ народѣ. Долго таинственность и загадочность покрывала собою эти явленія, во всемъ ихъ противорѣчій: никто не нарушалъ завѣтнаго молчанія, кто по официальности своего положенія и принятой вишней оболочкѣ всего дѣла, кто изъ этикета и приличія, своеобразно по тому времени нонатаго, кто изъ опасенія и страха, а кто—и болышею частью—по совершенному незнанію. Не заглянула сюда и литература съ *Карамзиннымъ*, хотя бы получила богатое содержаніе; молчала и печать, не разъясняя намековъ пѣсни народной. Даже многимъ близкимъ въ родѣ и семействѣ подробности оставались до сихъ поръ невѣдомы. Только наше время получило всѣ права на голосъ громкій, а интересъ пѣснотворческой области, равно цивилизованной и народной, печатной и устной, исторической и бытовой, интересъ, глубоко здѣсь затронутый, придалъ силы, рвеніе и досугъ, помощію изысканія, возстановить все дѣло въ его подлинномъ свѣтѣ. Мы обязаны только предупредить, что, по сущности и требованію нашей области, въ нее входитъ исторія самая многосторонняя, не одна какаѣ ни будь, и всего менѣе такъ называемая положительная: слои жизни бывшихъ „дворовыхъ“ придаетъ иногда историческимъ показаніямъ характеръ „лакейскій;“ исторія народа простаго, сюда также вступающая на свою долю, скажется иногда черезъ чуръ простымъ, грубоватымъ воззрѣніемъ, понятіемъ и словомъ. Заранѣе предостерегая тонкій и нѣжный слухъ передъ такимъ кажущимся диссонансомъ, прибавимъ, что онъ разрѣшается сполна только стройностію пѣснотворческой, въ той пѣснѣ, которая заключила событіе для народа.

Родившись 28 іюня 1751 года, годомъ моложе сестры *Варвары*, графъ вмѣстѣ съ нею провелъ дѣтскіе годы, по обычаю числясь въ гвардіи, подъ ближайшимъ попеченіемъ матери и, при всемъ отличномъ воспитаніи, какъ единственный сынъ, былъ, разумеется, очень балованъ матерью и извѣженъ. Портреты его рисуютъ намъ худощаваго, блѣднаго и слабонервнаго мальчика, созрѣвашаго послѣ въ стройнаго, хотя и не высокаго, красавца, въ даровитаго и образованнаго юношу, но съ тѣми же отличительными чертами характера и, какъ всегда при этомъ бываетъ, очень страстнаго: страсти его, если не были сильны и глубокы, то быстро воспламенялись до крайности и погасали также скоро, чтобы снова вспыхнуть, именно такіа страсти, какія вовсе были невѣдомы отцу его. Старикъ графу послѣ семейныхъ катастрофъ, смерти жены и любимой дочери, не подъ силу было приневолить его въ окружавшему систематическому строю: не оставалось ничего болыше дѣлать, какъ только отпрать сына за границу. Съ 1769 года *Николай Петровичъ* долго путешествовалъ по Западной Европѣ, былъ въ Англіи, Франціи, Германіи, Швейцаріи, всюду запасался познаніями, глубоко западавшими въ его душу, но волѣ его недоставало энергіи, чтобы прямо при-

ложить ихъ къ жизни или дѣять плоды практическіе. Всего больше утѣлся онъ въ Лейденѣ, въ томъ знаменитомъ университетѣ, который столь славился на Руси и подарилъ намъ не однимъ крупнымъ дѣятелемъ эпохи. Въ 1773 году пришла пора возвратиться: путешественники встрѣтили отцовскія затѣвливаша сооруженія и тѣ старшіе памятники Кускова, къ которымъ юноша 22-хъ-лѣтъ питалъ естественное уваженіе, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ отцу, но которыхъ не могъ любить и которыми не могъ увлекаться въ мѣрѣ отцовской, уже ради своего новаго образованія и многаго лучшаго, видѣннаго за границей. Предлагалъ пока одинъ исходъ: лично представленный императрицѣ въ числѣ Московскихъ дворянъ предводителемъ отцомъ (1762 г.), онъ ринулся въ службу придворную, начатую подобно всѣмъ людямъ его положенія весьма рано, и быстро съ той поры возвысился до оберъ-камергера, гофъ-маршала, д. тайнаго совѣтника, потомъ сенатора и всевозможныхъ орденовъ кавалера, не исключая Іоанна Іерусалимскаго и Андрея; но, до мѣрѣ движенія этимъ путемъ, страстный и Европейски образованный графъ постепенно остывалъ въ каждой новой фазѣ, скоро ему надѣдавшей. Тѣмъ больше, по прїѣздѣ въ Кусово, дичего особенно не привязывало дома: разошедшійся съ опечаленнымъ прамышлемъ и съ первымъ половникомъ своихъ сооруженій, старый графъ, мы знаемъ, отступилъ въ глубь своего Гаа и Лабиринта, осмывавшійся по преимуществу въ Домѣ Уединенія. Сколько видимымъ протравствомъ мѣло, на столько же и характеромъ внутреннимъ онъ расходился съ сыномъ: передъ послѣднимъ ему какъ будто приходилось соизвѣсно за свои, пожалуй для нѣаго ребяческія, затѣи. Совершенно въ то же самое время, съ 1785-го и всего больше въ 1786-мъ году, нагнѣрно и усложненно отдѣляется Большой домъ съ его садомъ „ддд. Николая Петровича:“ ему отводилось особое жилище, какъ бы отдѣльное царство, гдѣ была съ нимъ библіотека, перемѣнная галерея картинъ и портретовъ, да по смерти отца старый другъ дѣтства, калмычъ Ашиа, Николаевичъ, егда же мѣребравшаяся нѣвъ „Уединенія.“ Кончина родителя зарѣвъ передала въ руки только что соавѣвшему 37-мѣ-лѣтнему бѣлому все-то, чѣмъ бы онъ могъ гордиться, а вмѣстѣ всѣ тѣ памятники и нлавы, которые онъ считалъ до тѣхъ поръ исключительно отцовскими и; которыхъ нѣакакъ не могъ признать своимъ личнымъ дѣломъ. По обязанности сына и наследника, онъ поддерживалъ, кое-что поправлялъ или подновлялъ, отдѣлялъ себя покой въ „Уединенія:“ но, остановиться здѣсь съ утѣхой или, вѣсти шагъ далѣе, онъ не чувствовалъ въ себѣ ни охоты, ни силы. Искусство интересовало его, но не поглощало; отлучный вѣдочелчестъ, онъ ограничивался однако музыкою въ уединенной кабинетѣ, подучивъ отвращеніе отъ публичности, такъ какъ покойный отецъ „заставлялъ“ его играть при гостяхъ въ оркестрѣ; самый театръ натурѣ его нравился не сценою искусства, а дѣйствующими лицами. Подготовасныя неродозностью, отчасти воспитанныя и указаыныя самимъ отцомъ, — другаго онъ не могъ придумать, до характеру сына, — страсти получили исклю-

учительное и весьма узкое русло: то была полевая охота, связанная съ нею лошади, да близкія къ искусству — женщины. Охоту любилъ въ свою мѣру и отецъ: но у сына рано начались „любимыя“ виды охоты, „любимыя“ охотники и псы; къ лошадямъ прибавилась „любимая“ Англійскія; образъ жизни старика-вдовца распахнулъ совѣтъ въ другомъ видѣ для холостого сына, среди громаднаго числа дворовыхъ дѣвухъ, окружавшихъ его въ Цольномъ домѣ и манившихъ барина въ труппы артистокъ. Бусково, привыкшее къ величайшему разнообразію веселаго дня, увидало подлѣйшее однообразіе въ цѣлѣдномъ повтореніи: цѣнче охота и лошади, завтра то же: днемъ охота, ночью другая Баринъ обходилъ, — не сооруженія, не памятники и залы, а комнаты. Баринъ по минутной прихоти оставалъ то въ той, то въ другой комнаткѣ и цѣнокъ: за платкомъ являлся онъ ночью, безъ постороннихъ свидѣтелей, кромѣ той, которая должна была возвратити ему платокъ. Въ извѣстномъ родѣ степное, до извѣстной степецъ, богомольное, Бусково начинало теперь сживаться съ явленіями совѣтъ другаго рода. Такъ длилось, такъ, по смерти старика обѣщало длиться безконечно, пока одинъ день, одинъ день подъ исходъ лѣта 1789-го года, все перевернулъ и перевернулъ вверхъ дномъ. Графъ встрѣтилъ *Парашу*, . . .

Между графскими вотчинами, изъ которыхъ ближайшія отирались между подѣлку или доставляли крупицы дворовыхъ, чернобочіе дѣла больше изъ Мещеринова и особенно изъ Константинова (съ Коломенскы). Около 1719 года въ Петербургскій домъ Бориса Петровича взятъ былъ кузнецомъ Юхотской волости, села Большаго, деревни Березина крестьянинъ Степанъ Сергѣевъ: по 2-й ревизіи 1746 года онъ значился въ Московскихъ дворовыхъ при Петрѣ Борисовичѣ, 35 лѣтъ, съ женою Оленою Ивановой 46 лѣтъ и сыномъ *Иваномъ* по 6-му году (родился въ 1739 г.). Не смотря на нѣкоторыя странныя претензіи (которыя увидимъ мы ниже), семейство это приписано было въ подушный окладъ по Мещериновской вотчинѣ и, по смерти Степана, къ ревизіи 64-го года, переведенное опять въ Юхотскую волость, продолжало въ ней числиться съ нисходящими до самаго 1795 года. Воспитанный въ бѣдности матерью-вдовою, сынъ Иванъ наследовалъ занятія отца и сдѣлался кузнецомъ, а повторявшаяся профессія утвердила за всѣмъ родомъ его фамилію *Кузнецовыхъ*, которая встрѣчается равно и при отцѣ, и при дѣтяхъ. Онъ обреченъ былъ къ тому и самою природою: это былъ *горбунъ*, долго носилъ самъ личное прозвище „Горбуна“ и сообщилъ его дѣтямъ, которые также именовались *Горбуновыми*. Это уже фамилія вторая: 1-я возникла по занятіямъ и званію, вторая по лицу и отцовской фигурѣ. Къ 4-й ревизіи 1782 года мать Ивана умерла; онъ самъ, 43 лѣтъ, женился на Варварѣ Борисовой, 35 лѣтъ, изъ графскихъ же дворовыхъ, и прижилъ съ нею пятерыхъ дѣтей: *Парашею* — въ ревизію 14 лѣтъ, Аванасья 11-ти, Матрею 8-ми, Николая 5-ти и Михайлу 2-хъ лѣтъ. То Юхотскій, то Мещериновскій крестьянинъ и графскій дворовый, жилъ онъ на работѣ выданныхъ мѣстахъ (такъ сынъ Аванасій родился у него въ *Восемьинновѣ*, а тебѣ

конецъ, по общему преданію, въ Константиновѣ: именно отсюда, въ первыхъ 80-хъ годахъ, взятъ онъ по извѣстной опытности на открывшуюся вакансію къ Петру Борисовичу въ Кусково. Съ тѣхъ поръ, по штатамъ съ 1785 года, старшимъ изъ кузнецовъ Кусковскихъ значится „Иванъ Степановъ Горбунъ,“ съ семействомъ и прибавившимся сыномъ Васильемъ. Онъ даже сдѣланъ былъ „кузнецкимъ старостою“ и порою поминается въ числѣ наказанныхъ за несправность или вино. Самъ ли, по обычаю Горбуновъ, сердился онъ за данное прозвище, или другіе, при баринѣ, любившемъ для всѣхъ почетъ, хотѣли смягчить уворъ тѣлеснаго недостатка, только въ слѣдующихъ годахъ—вмѣсто Горбуна—называютъ его порою *Горимъ*, а когда и это не нравилось, еще — *Зоримъ*: вотъ уже 3-я и 4-я фамилія счастливицу. Гораздо болѣе отличала его пригѣрная старательность объ дѣтахъ, къ чему представлялось много поводовъ и средствъ въ разумномъ устройствѣ Кускова при Петрѣ Борисовичѣ: и вотъ почему дочь сохранила къ отцу на всегда пламенную привязанность, несравненно болѣе, чѣмъ ко всѣмъ прочимъ членамъ семьи. Сына Аванасья отдалъ онъ учиться при дворѣ ремеслу портному, Михайлу также; Николая, поумнѣе, съ 8 лѣтъ обучилъ грамотѣ и сдѣлалъ послѣ музыкантомъ при Театрѣ вблизи сестры.

Старшая дочь П р а с к о в ѣ я, наша героиня, родилась 20 іюля 1768 года; по гдѣ—неизвѣстно съ достовѣрностью: во всякомъ случаѣ не въ Кусковѣ; по общему устному преданію въ Константиновѣ; а можетъ быть и въ Вожажниковѣ, вмѣстѣ съ ближайшимъ по возрасту братомъ Аванасьемъ, или въ другомъ какомъ либо имѣннѣ Долгорукихъ, такъ какъ она въ малыхъ лѣтахъ воспитана была княгиней *Марѳою Михайловною Долгорукой* ¹⁾, по свидѣтельству одного весьма важнаго показанія ²⁾. Въ Кусково переехала она съ отцомъ лѣтъ 14—15. Здѣшній домъ ихъ, въ числѣ прочихъ дворовыхъ, находился на Старой Слободкѣ (гдѣ теперь домъ Скуратнаго), недалеко отъ Скотнаго пруда и кузницы: мы можемъ до извѣстной степени представить впечатлѣнія и обстановку первыхъ лѣтъ дѣвицы ³⁾. Внутренность дома, объ одной русской печкѣ взадъ, съ перегородочками для членовъ семьи, на улицу выходила просторною свѣтлою комнатою, гдѣ въ переднемъ углу помѣщались образа, свидѣтельство Богомоля и зажиточности: Спасителя и Богоматери (благословеніе брака), Ивана Предтечи (хозяйскаго ангела), Казанской въ окладѣ съ позолоченымъ вѣнцомъ, Рождества Богородицы съ мѣдными полями и вѣнцами, В. М. Варвары (ангела хозяйки) въ посеребренномъ окладѣ и на конецъ Всѣхъ Скорбящихъ съ мѣдными полями и вѣнцами, — икона, къ которой Прасковья Ивановна съ дѣт-

¹⁾ Дочерью Михайлы Борисовича, старшаго сына фельдмаршала, въ замужествѣ за кн. Алексѣемъ Михайловичемъ Долгорукимъ, умершимъ 1725 г.—

²⁾ Оставшагося послѣ друга Прасковьи Ивановны, о которомъ ниже. — ³⁾ Удѣламъ подробная опись дома Ивана Степановича въ концѣ XVIII вѣка; дополняется штатными описями Кускова.

скихъ лѣтъ до смерти сохраняла особенное усердіе (ей много досталось скорби на долю). Передъ кіотою 6 жестяныхъ подсвѣчниковъ для свѣчь хрустальный пузырь съ гробомъ Господнимъ внутри, подъ образами написанныхъ 6 янчекъ. По стѣнамъ отъ иконъ висѣли, въ рамкахъ за стеклами, печатный на бумагѣ образъ Богоматери и Успенія, да 9 картинокъ въ рамкахъ деревянныхъ; далѣе восковая картина въ глухой рамѣ, — Петръ 1-й на конѣ, и въ футлярѣ за стекломъ восковыя фигурки гуляющихъ людей между деревьями. Въ другомъ углу комнаты наугольникъ съ посудой: тамъ 2 чайника, чашки, расписанная дѣтскими шкатулочка для чаю и сахару, хрустальная солонка, 2 алебастровыя фигурки — женщины и старика, да 2 статуйки. По срединѣ 2 деревянныхъ стола и 2 скамьи, на нихъ щипцы для свѣчь и кузнечныя орудія; кухонная утварь близъ печки; оконъ всѣхъ десять; на маленькомъ дворикѣ куры, двѣ коровы и большая дѣнная собака. Художникъ и любитель природы, владѣлецъ Кускова хотѣлъ, чтобъ и слугители окружали себя подобною же обстановкою: всѣ почти имѣли сверхъ надѣла лишнюю землю вокругъ, кто подъ травой, огородамъ, грядами. У кузнеца, сверхъ 60 квадратныхъ сажень надѣла, состояла еще 141 сажень (23¹/₂ длины, 6 ширины) „подъ крыжовникомъ и яблонями:“ было гдѣ погулять и позабавиться, и дѣвущкѣ, и прочимъ дѣтямъ. Безбѣдное содержаніе, удѣлавшееся щедрымъ графомъ и простиравшееся до мелочей, разливало въ жизни довольство, въ характерѣ спокойствіе и веселую безпечность. Среди Кускова не было недостатка въ красотахъ, а потому и въ чувствѣ природы: она съ избыткомъ наполнялась еще цивилизующими памятниками и новостями искусства. Ревностное благочестіе семьи, благочестіе жителей вокругъ, массы богомольцевъ черезъ Кусково, въ немъ на ночлегѣ и по близости въ Косинѣ, все говорило и непрерывно напоминало о Богѣ: за Богомъ и природою съ искусствомъ, оставалось только воспитать умъ и сердце. Съ этой стороны, мы видѣли, историческія, столь образующія, событія и воспоминанія, на мѣстѣ и изъ окрестностей, сами просидись въ душу: по счастливому условію, ихъ сопровождалъ и оживлялъ повсюду характеръ здравой, сильной народности. Ранній возрастъ подъ сѣнію Долгоруковскихъ и Шереметьевскихъ преданій училъ не одной грамотѣ: вмѣстѣ съ близостію Горенокъ и Кусковскимъ ночлегомъ Натальи Борисовны, всего сильнѣе и вліятельнѣе говорили они женскому уму и сердцу о роли женщины, о возможномъ женскомъ подвигѣ, о необходимой жертвѣ, равно соединенной и съ торжествомъ, и съ искупляющимъ страданіемъ; они способны были приготовить одинаково и къ славѣ, и къ мученичеству. Рассказы о „благодѣлительномъ расположеніи графа Петра Борисовича и супруги его,“ обращенномъ на дѣвущку, ради „отличныхъ ея достоинствъ въ характерѣ и поведеніи,“ рассказы о развитіи ея „при домовомъ Театрѣ, въ числѣ упражняющихся, для забавы, дѣтей графа Петра Борисовича, въ томъ числѣ самого графа Николая Петровича и прочихъ благородныхъ лицъ,“ а вслѣдствіе того

о раннемъ, особенномъ, но непорочномъ объ ней вниманіи со стороны молодого графа; принадлежать конечно въ области неудачныхъ вымысловъ ⁴⁾). Тѣмъ не менѣе достоверно, что въ ту пору, для Театра сперва домашняго, потомъ пробнаго при Воксалѣ и наконецъ вновь отдѣланнаго, хлопотливѣмъ владѣльцемъ отовсюду прінсипиалась лица и силы: не могла укрыться отъ вниманія и пробы крѣпостная, даровитая дѣвушка, со всѣми задатками успѣха. Какъ всѣ дворовые, и она была близка къ дому, ко „дворцу,“ или, какъ еще говорили тогда по привычкѣ отъ царской старины, къ „верху:“ она тотчасъ приобрѣла тамъ завѣтнаго и вѣрнаго друга на всю жизнь и за моголу, *Татьяну Васильевну Шлыкову*, которой суждено было во всѣхъ судьбахъ подруги играть съ тѣхъ поръ ближайшую роль и которая сама съ семилѣтняго возраста жила въ домѣ графа, какъ дочь Елены Ивановны Шлыковой, состоявшей при Варварѣ Алексѣевнѣ. Сама привлекательная ⁵⁾, сама столь же даровитая и представительная, Шлыкова всѣхъ тѣснѣе сошлась съ Парашей и помогала ей. Последняя уже 17-ти лѣтъ поминается въ штатахъ Кусковскихъ „при верхѣхъ актрисою:“ то были первыя пробы, оказавшія въ дѣвушкѣ способность артистки и въ особенности прекрасный голосъ, который данъ былъ ей отъ природы, развивался на дѣвичьей волѣ среди благопріятной среды, а послѣ составилъ заслуженную славу пѣвицѣ сценической. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ первымъ участіемъ при Театрѣ заронилась искра, которая зажгла потомъ и освѣтила природный талантъ, а самому лицу прибавилась послѣдняя, заключительная, недостававшая прежде, черта развитія, черта драматическая; конечно при этихъ раннихъ опытахъ могъ присутствовать и даже въ нихъ участвовать молодой графъ, а слава вновь отстроеннаго Театра, озарившагося торжествомъ 1787 года, одобреніемъ и милостью Императрицы, должна была возбудить соревнованіе артистовъ и артистокъ, убѣдивши начинающихъ, посвятить сценѣ свой талантъ и всячески развивать ихъ. При всемъ томъ, Параша оставалась еще по прежнему крестьянкой, дочерью кузнеца или, какъ долго звали и доселѣ зовутъ ее въ народѣ, — „кузничихой;“ продолжала жить съ отцомъ, заниматься домашними и сельскими работами; развивала свой прекрасный голосъ не столько на сценѣ, куда при новомъ болѣе помѣ театрѣ допускалась вѣроятно лишь для полноты хора, сколько на раздольѣ природной и народной пѣсп. Графъ Николай, хотя бы порою издавши ее и слыхавшій, естественно долженъ былъ забывать ее среди массы тогдашней челяди и набранныхъ артистокъ, тѣмъ болѣе, что за это время былъ еще довольно холоденъ и безучастенъ къ затѣямъ

1) Это показаніе, о дѣторихъ скажемъ еще ниже и котораго грѣшатъ здѣсь тѣмъ, что Параша родилась годъ спустя послѣ смерти графини Варвары; что графъ Николай былъ старше ея на 17 лѣтъ и не могъ быть сверстникомъ ей въ играхъ дѣтства; что особенное вниманіе его сначала, именно сначала, вовсе не было такъ „непорочно,“ и т. п. — 2) Портретъ ея, раннихъ молодыхъ лѣтъ, сохранился въ Большомъ домѣ Кускова.

родительскимъ. Между тѣмъ умная, сердечная, даровитая, Богомольная, горячо преданная семьѣ и особенно приваиваемая къ отцу, съ дѣтскихъ лѣтъ порядочно обученная первымъ началамъ, нужнымъ женщинамъ, воспитанная природою, облажающая искусствомъ и всѣмъ мѣстнымъ влеченіемъ, историческимъ и народнымъ; глѣвица, узнавшая цѣну своему голосу среди сельскихъ хорошедовъ и опытовъ сценическихъ, захваченная недавно интересомъ артистки и затронутая драматизмомъ, коренившаяся въ ея натурѣ, а теперь нежаившимъ мши и поприща, вѣрная подруга графскихъ домашнихъ и трудолюбивая крестьянка, дѣвушка росла и, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, выросла и сформировалась летою, зрѣлою красавицей Кускова. Разсматривая теперь столько сохранившихся ея портретовъ, писанныхъ съ ранняго возраста до смерти замѣчательными художниками времени, слыша и читая столько разназоровъ про нее и описаній, мы видимъ, что это вовсе не была такъ называемая „Русская красота,“ которую скорѣе было бы ожидать отъ крестьянки и дитяти природы, съ извѣстною овалностью или круглостью лица, глазами на выкатѣ или съ паволокою, ясностью взора, бѣлизною и румянцемъ, мягкими приглаженными волосами и роскошною шею. Ни античной, ни классической, ни художественно-правильной красоты въ ней также не было: напротивъ, съ этой точки зрѣнія люди нашли бы малость, глаза не достаточно обрисованы ясными линиями и не велики, а по кривизнѣ нѣсколько растянуты по Восточному, въ волосахъ нѣтъ роскоши, скулы выдаются слишкомъ замѣтно, колоритъ лица то нѣжно-слабый, то смугловатый и запаленный. Но въ общемъ это именно то, что называется красотою выразительной и красотою отраженія: а выражается здѣсь душа, со всѣмъ тѣмъ цѣлымъ и цѣльнымъ, которое пытались мы выше пересчитать по частямъ и чертамъ. Цѣлое этого лица и этой фигуры дѣйствуетъ неотразимо и поразительно: это типъ, рожденный отъ типа и способный воспроизвести рядъ характерныхъ типовъ. Въ минуту обаянія, которое невольно охватываетъ насъ при взглядѣ, приобретаютъ весь смыслъ и все свое значеніе: и эта казавшаяся неправильность въ овалѣ лица; и эти глаза, равно-сильные и нѣжные во взорѣ своей глубиною и влажностью; и эта томность, близкая къ слабости, разбитая поведоу и насмѣдованная вѣронтно, какъ часто встрѣчается, отъ болѣзненнаго отповскаго организма, но въ то же время смуглый колоритъ, готовый засвидѣтельствовать твердость воли и силу натуры; и эти небрежные волосы, отражающіе общей небрежности убора и всей позы, и вмѣстѣ энергія, видимо готовая поддаться и до послѣдней стойкости, и до крайней напряженной дѣятельности. Что-то зовущее, приковывающее и вѣнчующее съ собою влекущее. Фигура эта будто встала передъ вами внезапно или встрѣчена незначай на пути: а идетъ она на подвигъ, и путь ей есть предначертанный, рѣшенный путь побѣды и жертвы, торжества и мученичества. Раньше вы ее не знаете и не можете представить, какова была она, но теперь, когда она созрѣла и видите ее созрѣвшею, вы, хотя бы разъ ее увидали, никогда ее не позабудете и вѣчно она

будетъ съ вами.—Внимательный отецъ не позже другихъ замѣтилъ эту зрѣлость: онъ уже хлопоталъ, чтобы дочь пристроить, то есть выдать за мужа. На такую невѣсту скоро сыскался и женихъ, хорошо извѣстный по устному преданію и памятливымъ разсказамъ землякъ Ивана Степанова (взятый изъ Мещеринова въ 63 году), *Егоръ Ивановъ Ушаковъ*, сперва басманникъ (печарь хлѣбовъ), потомъ лѣсникъ при Звѣриницѣ, сваталъ сына своего *Ивана* ⁶⁾. Конечно искатель не стоялъ Параше: она могла только жалеть его искреннюю привязанность, питать къ нему не любовь, а жалость.

Выгонъ скотины со Старой Слободки, гдѣ жилъ Иванъ Степановъ, какъ и нынче, былъ съзиданъ въ лѣсочкѣ, по направленію къ Косину: утромъ ходили черезъ лѣсъ и за лѣсъ, на полдни пригоняли къ ируду, что и теперь зовется „Скотнымъ“ передъ Слободкой, потомъ опять въ лѣсъ и изъ лѣсу вечеромъ домой. Строго наказано было, чтобы всѣ хозяева выходили сами за скотиною при ея возвратѣ: иначе она забѣгала, черезъ дорогу въ барскія отдѣланныя угодья и къ саду. Отъ лѣсу и Слободки идетъ спускъ къ тому Ручейку, на которомъ видѣли мы (и увидѣлъ доселѣ) мостъ ко Владычю: а на Западной сторонѣ моста начинались уже затѣйливыя постройки Петра Борисовича, при ирудахъ въ Гаѣ. Когда пригоняли скотину изъ лѣсочка къ опушкѣ, сюда выходили за нею владѣльцы: взявши скотину нужно было спуститься къ ручейку, пройти нѣсколько сажень его берегомъ и отсюда поворотить къ верху, чтобы подойти къ заднимъ воротамъ, въ томъ числѣ къ двору кузнеца. Поворотъ приходился у моста, за мостомъ же, по ту сторону Ручеечка, лежало поле, къ Гирееву, Владычю и особенно къ Косину, съ привольемъ для охоты, съ болотами, до сихъ поръ полными дичью. Въ одинъ изъ послѣднихъ лѣтнихъ дней 1789 года, вечеромъ, дѣвушка двадцати съ небольшимъ лѣтъ (ей только минуло 21 годъ), Параша ведетъ изъ лѣсочка пригнанныхъ отцовскихъ двухъ коровъ, спускается къ Ручью, а за мостомъ ѣдетъ „баринъ“, т. е. Николай Петровичъ, ѣдетъ „съ поля“, съ охоты, съ двумя своими любимыми собаками. Мы не повторяемъ словъ ибси: повторамъ мы не могли бы передать разсказа въ такой прелести правды, простоты и изящества. Пораженный красотой и озадаченный съ перваго взгляда, узнавши, что это его собственная крѣпостная крестьянка и дворовая, припомнивши, какъ видѣлъ ее и слышалъ ея прекрасный голосъ когда-то прежде, а недавно принималъ просителя, просившаго дѣвушку за сына, Николай Петровичъ могъ только сказать себѣ: „Такъ вотъ она, эта Параша, о которой такъ говорятъ и на дняхъ еще шли рѣчи!“ У него вырвались слова: „Не къ тому ты рождена!.... Ты родилася крестьянкой, завтра будешь госпожа!“ Параша вернулась домой смущенная: звукъ рѣчей отдавался въ ея слухѣ, смыслъ ихъ кружилъ голову; толь-

⁶⁾ Иванъ былъ также лѣсникомъ, а послѣ караульникомъ въ Вешняковѣ, и имѣлъ свой собственный домъ, вѣроятно полученный въ награду отказа.

ко на завтра можно было успокоиться, собраться съ мыслями, пересказать подругамъ и съ ними посоветоваться: эта самая минута и выбрана исходною точкою, откуда поднимается и раздается голосъ пѣсни,—вспоминають вчерашній вечеръ, и, выслушавъ рассказъ, подруги подають совѣтъ свой, свой судъ о судьбѣ, уже предрѣшенной барининомъ. Въ теченіе сутокъ конечно были уже шаги впередъ и дѣло любви было рѣшено. Такъ по содержанію пѣсни и процессу внутренняго ея творчества: по въ своей формѣ создавалась она конечно нѣсколько поздиѣе. Параша освоилась съ новымъ положеніемъ, силы творческія настроились въ спокойствіи любящей души: нѣсколько мѣсяцевъ, годъ, два послѣ событія, и могла созрѣть пѣсня, его воспѣвшая какъ близкое прошлое, еще длившееся въ счастливомъ настоящемъ.

Пѣсня до послѣдней мелочи отвѣчаетъ натурѣ, характеру и воспитанію Парашы: это пѣсня совершенно народная, но вмѣстѣ со всѣми чертами личнаго дарованія и возможной образованности, возвышающими ее надъ слоемъ грубымъ; и сама она, и особенно языкъ ея стоитъ на удачной ступени между словесностью устной и художественнымъ произведеніемъ литературы, подобно какъ весь конецъ XVIII вѣка, для котораго служитъ она лучшимъ типомъ и выразителемъ; нѣжность, легкость и мягкость, разлитая въ ея созданіи, обличаетъ женскій умъ, женское сердце, женскую руку; напѣвъ ея говоритъ объ отличной пѣвницѣ, напѣвшей всервнѣ, и повторяться можетъ только изъ устъ пѣвицы такой же, равно замѣчательной; для нея нуженъ голосъ далеко обработанный, съ народными свойствами соединяющій элементы личнаго вкуса и драматизма; красота ея достигла высшей простоты, краткости и непринужденности формъ; это одинаково наша Русская, народная, крестьянская пѣсня, и романсъ въ его лучшемъ, западномъ Европейскомъ смислѣ, когда положеніе и слово женщины достигло свободы въ вѣкъ рыцарства. Въ нашемъ обществѣ оцѣнить и исполнить эту пѣсню могла только Е. С. Сандунова: она и славилась этимъ, при всѣхъ немолодыхъ уже своихъ лѣтахъ; она и была почитательницею Кускова, любила его и преданія его героини, искала постоянной жизни въ немъ на лѣто, и вѣроятно, ближе съ нимъ ознакомившись, оставила бы намъ свои живыя воспоминанія, если бы, мы видѣли, не помѣшало тому невѣжество управляющихъ и 1812-й годъ не потрясъ бы окончательно тогдашняго порядка вещей.

Въ народѣ пѣсня сдѣлалась извѣстна и быстро распространилась изъ Кускова черезъ тысячи Шереметьевскихъ крестьянъ, столь заинтересованныхъ ею, по всему лицу Россіи. Скоро не было Русскаго уголка, гдѣ бъ ея не знали, преимущественно между дворовыми, мѣщанами, купечествомъ, чиновниками, духовенствомъ, вообще въ среднемъ классѣ, а отчасти и въ высшемъ, кто только изъ него любилъ и любитъ пѣсню. Изъ этой массы, за исключеніемъ развѣ лунныхъ жителей Петербурга, намъ положительно не случалось встрѣчать человека, который не былъ бы знакомъ съ пѣсней хоть въ отрывкахъ, разумѣется—не въдала коро-

шенько, о комъ она и откуда. Средній же классъ въ особеннѣе сохранилъ пѣсню потому, что она сама, какъ говорили мы, средняя по своей концепціи и голосу, не совсѣмъ доступна въ исполненіи простому народу при огрубѣвшей музыкальности и требуетъ уже нѣскольکو личнаго, болѣе цивилизованнаго развитія: а Шереметьевскіе крестьяне, наиболѣе зажиточные, бывалые и образованные, послужили въ семь случаевъ первыми проводниками для остальныхъ членовъ средняго слоя. По сему въ той же средѣ вы можете услышать цѣлую пѣсню: до сихъ поръ, если встрѣтите хорошаго пѣвца и преимущественно хорошую пѣвицу; чѣмъ ниже слой народа и изъ простаго дѣлается одичалымъ, тѣмъ рѣже попадается пѣсня или уже въ искаженномъ видѣ по составу и напѣву; а больше ее говорятъ говоркомъ или напѣваютъ кое-какъ, не въ силахъ будучи справиться съ голосомъ пѣвчимъ и значительно „образованнымъ.“ Что касается до вопроса, о комъ эта пѣсня и когда возникла, то въ народѣ простомъ исчезло уже почти всякое преданіе: догадываются только, и то со многими ошибками, люди образованнѣе, старики, наиболѣе по происхожденію изъ „Шереметьевскихъ,“ да нынѣшніе старожилы Кускова. За то въ самомъ Кусковѣ она вовсе нынче не поется, а если вспоминается и передается на словахъ, то съ таинственнымъ видомъ и какимъ-то страхомъ, до сихъ поръ еще не остывшимъ. Дѣло въ томъ, что, быстро разошедшійся отсюда, она однакоже, чѣмъ ближе къ Кускову, а еще болѣе въ немъ самомъ, состояла довольно долго подъ строжайшимъ запретомъ: Николай Петровичъ самъ долженъ былъ наблюдать за этимъ; пѣть о громко значило бы говорить объ его тайной любви, потомъ обличать происхожденіе графини, а потомъ упрекать барина былью. Явленіе это, мы знаемъ, постоянно повторяется при всѣхъ историческихъ пѣсняхъ о крупныхъ и выдающихся лицахъ: здѣсь же прибавились еще суровыя обстоятельства, о которыхъ скоро скажемъ. Такимъ образомъ, подавляемая на мѣстѣ происхожденія и искореняемая въ корнѣ, но распространенная далеко и широко, тѣмъ самымъ пѣсня забыла происхожденіе и свои историческія черты, а отъ того получила нѣкоторыя добавки и постепенныя искаженія. При такомъ положеніи дѣла, въ печати, то есть въ „Пѣсенникахъ,“ сколько мы знаемъ, появилась пѣсня только въ 1819 году, и то вдалекѣ отъ мѣста происхожденія, въ Петербургѣ у Глазунова, съ передѣлкою имени; распространилась же сильнѣе съ 1820, особенно благодаря извѣстному Маклакову, служившему „для особъ прекраснаго пола“ и сослужившему подобную службу Елизаветѣ, равно какъ трудолюбивому, кѣмъ связанному неограниченностью отношеній, иностранцу А. И. Семену²⁾. Время было благо-

²⁾ Мы еще встали въ живыхъ этого замѣчательнаго человека, столь много сдѣланнаго для Русской печати вообще и для Синодальной Московской Типографіи въ особенности: мы видѣли служилъ съ этимъ добродѣтельнымъ милымъ

приятно: Николай Петрович скончался, наследницею быть малъ, опекуны кромѣ доходовъ ничего не вѣдали. За то съ самаго начала печати прибавлялось, что пѣсня „извѣстна по голосу,“ ибо она была уже очень распространена: и тѣмъ не менѣе, никто до насъ не рѣшился, а впоследствии по незнанію и не могъ сказать на вѣрное, кѣмъ пѣсня сложена, о комъ, въ какомъ случаѣ и мѣстѣ. По порядку изданія, дошедши до предѣла, гдѣ представлялось мѣсто пѣснѣ, мы поселились нарочно въ Кусковѣ и собрали всевозможныя подробности для ея объясненія, которыми теперь и дѣлимся съ читателями.

Пѣсня Кусковской крестьянки Парашы Кузнецовой-Горбуновой.

1.

(Москва и Кусково).

Вечоръ ¹⁾ поздно, изъ лѣсочку ²⁾

Я коровъ домой гнала.

Лишь спустилась къ ручейку

Возлѣ нашего села ³⁾:

5. Вижу,—баринъ ⁴⁾ ѣдетъ съ поля ⁴⁾,

Двѣ собачки ⁵⁾ впереди.

Поровнявшись со мною,

Онъ привѣтливо сказалъ:

«Здравствуй, милая красотка.

10. «Изъ какого ты села?»

— Башей милости крестьянка,

Отвѣчала ему я.

и образованнымъ старикомъ; помнѣе его рассказы, какой отваги передъ обществомъ и цензурою, какаго презрѣнія къ упрекамъ и страхамъ стоило ему напечатать пѣсню пѣльникомъ въ 20-хъ годахъ,—тогда еще некто зналъ, о комъ она, и боялись оскорбить (!) графскій родъ.

¹⁾ Вчера вечеромъ. Стучилось, что пѣсня Парашы начиналась одинаково съ любимой пѣсней Елизаветы („Я вечеръ млада,“ см. выше). — ²⁾ Подробности о всей этой мѣстности см. выше. — ³⁾ Не „какой ни будь,“ а извѣстный, Кусковскій, графъ Николай Петровичъ (въ Западныхъ жонкахъ былъ бы поставленъ „опредѣленный“ членъ). — ⁴⁾ Технически: охотничья, съ охоты.

⁵⁾ Любимица, всюду его провожавшая: *Сервантъ* (чернопѣлая) и *Ханъ* (черный); прочія изъ своры были Троякъ, Швырь, Мушгасъ, Обрѣвъ, Дѣлъ, Пѣйка, Арапка, Завитка, Лихотка, изъ молодыхъ Крилатъ, Тиранъ, Лихотѣй и т. д.

- «Не тебя ли, моя радость,
«Егоръ за сына ⁴⁾ просилъ?
15. «Онъ ⁷⁾ тебя совсѣмъ не стóитъ,
«Не къ тому ты рождена:
«Ты родилася крестьянкой,
«Завтра будешь госпожа ⁸⁾!»

- Вы голубушки, подружки,
20. — Посовѣтуйте вы мнѣ!—
А подружки усмѣхнулись:
«Его ⁹⁾ воля, его власть!»

(Отъ Куковскихъ старожиловъ и старшихъ пѣвцовъ Московскихъ: образецъ основной, наиболѣе распространенный по Россіи въ устахъ лучшихъ пѣвцовъ и пѣвицъ.)

*

Слѣдующіе за сими образцы представляютъ или видоизмѣненія, или постепенные варіанты къ основѣ.

2.

(Губ. Тверской, у Старцаго).

- Вечоръ поздно, изъ лѣсочку
Я коровушекъ гнала,
Подгоняла къ ручейчку,
Оглянулася назадъ ¹⁾.
5. Вижу, баринъ ѣдетъ съ поля,

¹⁾ Егоръ Ушаковъ за сына Ивана: см. выше. — ⁷⁾ Иванъ. — ⁸⁾ Здѣсь собственно конецъ основной пѣсни, по героинѣ, предмету и содержанию: слѣдующее за сими поется уже не такъ часто и всеобще, но представляетъ однако обѣщанное „завтра“, когда героиня, собралась съ подругами и мыслями; съ этой же послѣдней точки зрѣнія слагавшая, такъ сказать, обернулась назадъ и, вспоминая случившееся „вчера“, запѣла. Вслѣдъ за словомъ барина, первый актъ на завтра конечно былъ актъ любви; для Параша и пѣсни первый послѣдующій актъ—совѣтъ собравшихся подругъ. — ⁹⁾ Баринова.

²⁾ Пóетъ также, подобно первому образцу: „Линь спустилася къ ручейчку Воалѣ нашего села.“ Но эти подробности вдали неизвѣстны и скорѣе забылись.

- Двѣ собачки впереди,
Два лакея позади ²⁾).
- Поровнялся, поклонился:
«Здравствуй, милая моя,
10. «Чьего дому, чьего роду,
«Чьей деревни красота ³⁾)?»
— Вашей милости крестьянка, —
Отвѣчала ему я.
«Не тебя ль, моя красотка,
15. «Егоръ за сына просилъ?
«Его сынъ тебя не стѣбитъ,
«Не къ тому ты рождена:
«Ты родилася крестьянкой;
«Можешь быть и госпожа ⁴⁾!»
20. — Ахъ вы дѣвушки, подружки,
— Вы голубушки мои!
— Вы сходитесь ко мнѣ,
— Потужите обо мнѣ ⁵⁾:
— Меня баринъ любить, лестно ⁶⁾,
25. — А Ванюшу очень жаль ⁷⁾.—
Всѣ подружки усмѣхнулись
И въ отвѣтъ сказали ей:
«Его воля, его власть,
«За кого хочеть, отдасть ⁸⁾!»

(Отъ А. А. Панина и друг.)

*

²⁾ Могло быть это въ дѣйствительности, съ охоты ѣхалъ не одинъ: тѣмъ не менѣе прибавка „лакейская,“ видимо желавшая придать барину подобающую важную обстановку. — ³⁾ Уже разбавлено: но поэтъ также и согласно первому образцу. — ⁴⁾ Слишкомъ неуверенность, но невѣднiю того, что крестьянка дѣйствительно сдѣлалась послѣ госпожею. — ⁵⁾ Разбавлено и растлунто, а вмѣстѣ не вѣрно и дѣйствительности: задуматься было естественно, но не тужить и горевать. — ⁶⁾ Мнѣ конечно лестно, что любитъ баринъ. Вставка отчасти лакейская, отчасти видимо поздная, ибо представляется, что баринъ „уже любить,“ состоитъ въ любви и связи. — ⁷⁾ Черта драгоценная: народъ и пѣсни не могли себѣ представить, чтобы не пожалѣть перваго жениха; въ дѣйствительности Параша, имъ знакомая, могла только „жалѣть,“ не больше: она создавала, во сколько выше своего искателя. — ⁸⁾ Отвратительная лакейская прибавка, испортившая весь образецъ (хотя она и вѣрна тогдашнему воззрѣнiю на дѣйствительность).

(Губ. Вологодской.)

- Вечоръ поздно, изъ дѣсочку,
Я коровь гнала домой,
Лишь спустилась къ ручейку,
Близь зелѣнаго лужка ¹⁾;
5. Вижу, ѣдетъ баринъ съ поля,
Двѣ собачки впереди,
Два лакея назадъ,
Повстрѣчавши оцъ со мною,
Бросилъ взоръ свой на меня ²⁾;
10. «Здравствуй, милая красотка,
«Изъ котораго села?»
— Вашей милости крестьянка,—
Отвѣчала ему я.
«Ты скажи, моя милая,
15. «Чьего дому, чьего матери-отца ³⁾?»
— Вы изволите знать Петрушку:
— Я его, сударь, сестра ⁴⁾. —
«Не тебя ли, моя радость,
«Егоръ за сына просилъ?»
20. «Нѣтъ ⁵⁾, Егоровъ сынъ не стѣбитъ,
«Не къ тому ты рождена:
«Вотъ ты завтра же узнаешь,
«Какова судьба твоя ⁶⁾!»

¹⁾ Общія черты въ рамѣ картин, такъ какъ подлинной мѣстности владѣль не знали. — ²⁾ Книжные обороты и фразы, явно выразившея поддѣлу. — ³⁾ Должно быть, какъ во второмъ обращѣ: «Чьего дому, чьего роду, Чьего матери-отца (сложное склоняется вмѣстѣ, по мужескому роду)?». — ⁴⁾ Вставка болѣе поздняя, но идетъ изъ Кускова и отъ Шереметьевскихъ людей или крестьянъ; это, вѣроятно, приняла *Петра Кузнецова*, старшаго и любимца у Петра Юриновича; Свиста⁴⁾ при Большомъ домѣ: и по фамиліи его, указавшей на родство съ Парашей, и по особенной извѣстности его для всего двора, а можетъ статься еще потому, что онъ былъ двоюроднымъ бракомъ Парашинъ, изъ того же рода. — ⁵⁾ Книжное. — ⁶⁾ Владѣль предполагали, что теромня не знала этого барина: и участь, послѣ встрѣчи, была для нея тай-

- Я пришедши домой ¹⁾,
25. Всѣхъ подружекъ собрала:
— Вы послушайте, подружки,
— Что мнѣ баринъ говорилъ,
— Что мнѣ барыня говорилъ,
— За себя за мужъ просить ²⁾.
30. Всѣ подруженьки взглянули,
Улыбнулись надо мной ³⁾:
«Его воля, его власть,
«Куда хочеть, и отдасть ⁴⁾!»
Хоща барыней я буду,
35. Я Ванюшу не забуду:
Я Егорову семью
Всю оброкомъ слобожу ⁵⁾,
Вотъ я милаго Ванюшу
На волю отцущу!

Пѣсня Семейная—Протяжка. Образецъ хотя растянутый, но очень хороший, ибо держится очень близко основ. Ср. Сборникъ г. Студитскаго 1841 г.)

*

Изъ образцовъ этого рода составилъ слѣдующій „сокращенный“

4.

(Кусково и Москва).

Вечоръ поздно, изъ лѣсочка
Я коровъ домой гнала.

ноу; а отчасти и сами не вѣдали, какова была эта участь въ действительности. Но замѣьте, что во всѣхъ образцахъ пѣсни упорно держатся этого „вечоръ“ и „завтра“, указывая, что событие совершилось въ два дня и пѣсня обнимаетъ собой разстояние двухъ дней, — ¹⁾ Не, вѣрно, время и не могло быть тотчасъ, „поздно вечеромъ“. Но обратите вниманіе: какъ скоро невѣрность действительности, и самый стихъ большею частію испорченъ. — ²⁾ Самое повтореніе стиховъ облачаетъ наирѣзшею прибавку, а прибавка, далекая по мѣсту происхожденія, не знаетъ действительности и разошлась съ нею: объ замужествѣ не было пока и намека. — ³⁾ Слова подругъ представляются ироніей и какбы отзвонъ зависти: слишкомъ ты зазналась и завралась. — ⁴⁾ За этимъ уже 3-й актъ въ развитіи действительности и пѣсни: выставлена мечта о томъ, что послѣдовало гораздо позднѣе, когда Параша пріобрѣла вліяніе на графа. По тому самому, какъ предупрежденіе, эта добавка еще болѣе поздняя. — ⁵⁾ Освобожу отъ оброка.

Лишь спустилась къ ручейку
Близъ зелёнаго лужка:

5. Вижу, ѣдетъ баринъ съ поля,
Двѣ собачки впереди.
Лишь со мною поровнялся,
Бросилъ взоръ свой на меня:
«Ты откудова, красотка,

10. «Изъ котораго села?»
— Вашей свѣтлости ¹⁾ крестьянка, —

1 Отвѣчала ему я.
«Не тебя ли, моя радость,
«Егоръ за сына просилъ?»

15. «Его сынъ тебя не стоить,
«Не къ тому ты рождена:
«Завтра, милая, узнаешь,
«Какова судьба твоя ²⁾!»

(Отъ В. Хр. К—ра и друг.).

* *

Отселѣ у насъ, подлѣ главныхъ образцовъ, исторія въ развитіи пѣс-
ни по печатнымъ „Пѣсенникамъ:“

5.

(Петербургъ).

Вечоръ поздно, изъ лѣсочка

Я коровъ домой гнала.

Лишь спустилась къ ручейку,

Оглянулась назадъ:

5. Вижу, баринъ съ поля ѣдетъ,
Двѣ собачки передъ нимъ.

¹⁾ Указаніе на то, что встрѣтившійся баринъ былъ именно графъ. — ²⁾ Оста-
новка на этомъ рубежѣ убѣждаетъ еще болѣе, что здѣсь кончалась нѣкогда
первая основа пѣсни; небольшое продолженіе могла прибавить впоследствии
сама Параша. — О различіи „краткой основы подлинника“ отъ образцовъ
„сокращенныхъ“ говорено нѣсколько разъ выше.

- Лишь со мною поровнялся,
Бросилъ взоры на меня:
«Ты откуда красotka,
10. «Чьей деревни и села?»
— Вашей милости крестьянка,—
Отвѣчала я ему.
«Не тебя ли, моя радость,
«Дмитрій ¹⁾ за сына просилъ?»
15. «Его сынъ тебя не стѣбитъ
«И не съ тѣмъ ²⁾ ты рождена:
«Завтра, милая, узнаешь,
«Какова судьба твоя:
«Ты родилася крестьянкой,
20. «Завтра будешь госпожой!»

(Ср. Пѣсенникъ „Глазуновскій“, П. Ш., 1819 года. Пѣсня, въ числѣ „пастушескихъ“, подъ 282 №, поставлена послѣднею, какъ самая новая, только что дождавшаяся громкаго пѣнія).

*

6.

(Москва).

- Вечоръ поздно, изъ лѣсочка
Я домой коровъ гнала.
Въ лѣсъ ¹⁾ спустилась съ ручейка
Близъ зѣлѣнаго лужка:
5. Вижу, ѣдетъ баринъ съ поля,
Всѣ ²⁾ собачки передъ нимъ.
«Здравствуй, милая красotka!
«Изъ котораго села?»

¹⁾ Въ Петербургѣ, не зная хорошенько дѣйствительности, пригѣняли имя къ сну, тогда единственно извѣстному, Дмитрію Николаевичу. — ²⁾ Какъ это плохо сравнительно съ подлиннымъ „не къ тому!“

¹⁾ Произошло ослышкой изъ „лишь.“ Въ лѣсъ нельзя было спускаться, а надо было подниматься, и это значило бы не домой гнать коровъ, а вести ихъ назадъ къ стаду. — ²⁾ вмѣсто „дѣвъ“ (всѣхъ же было нѣсколько десятковъ и разугѣется ихъ не брали заразъ).*

- Вашей милости крестьянка, —
10. Отвѣчала ему я.
- Если знаете Петрушу ³⁾,
- Я его, сударь, семь.—
- «Не тебя ль, моя красotka,
- «Егоръ ⁴⁾ за сына просить?»
15. «Что Егоровъ ⁵⁾ сътъ не стѣтъ,
- «Не къ тому ты рождена:
- «Ты родилася крестьянкой;
- «Можешь быть и госпожой ⁶⁾»

Мнѣ дворянкой быть хотѣ лестно;

20. Но Петрушу очень жаль!

(Въ Пѣсенникѣ „Рѣшетниковскомъ“ 1820 года, и здѣсь помѣщена предпослѣдней, какъ недавно приобретенная печать, а въ старшихъ изданіяхъ того же Рѣшетникова ея вовсе еще нѣтъ; за тѣмъ у „Семена“ 1822 года, и вставлена съ особеннымъ трудомъ, какъ говорили мы, вслѣдствіе цензуры и толковъ: также предпослѣднею подъ 47-мъ №, а передъ этимъ № 65, дагѣ № 67, выше же подъ 47-мъ № другая пѣсня на своемъ мѣстѣ; то есть, Семень, отчаявшись, не хотѣлъ было вовсе помѣщать, но, увидявши возможность, выбросилъ другую пѣсню, стоявшую подъ № 66-мъ, и на скоро вставилъ лобопытную и щекотливую диковинку, позабывши даже исправить прежній ея 47-й №).

*

Въ обоихъ означенныхъ Пѣсенникахъ, какъ и въ некоторыхъ современныхъ имъ другихъ, указано, что пѣсни на „голосъ Чѣмъ тебя я огорчила.“ Но это ошибка: голосъ Паралиной пѣвщи совершенно особый и оригинальный, дѣло пѣвицы, богатой природою и искусствомъ; только ея „погласица,“ какъ называеиъ ии В. О. Одоевскій по примѣру нашей древности, то есть простѣйшая схема и основа въ диатонической гаммѣ, дѣйствительно сходна съ „Чѣмъ тебя я огорчила,“ за то „рисунокъ“ совсѣмъ уже другой, гораздо прѣче и излѣчнѣе, чѣмъ въ сей послѣдней, гдѣ искусственность бьетъ въ уши и лѣтъ печальнаго начала странно переходитъ къ веселому концу. Которая изъ этихъ пѣсней старше (и могла бы занять одна отъ другой), нечего и гово-

³⁾ Мы говорили, что это шло изъ Кускова, изъ подъ Москвы, только гораздо позднѣе (см. выше).—⁴⁾ Въ Москвѣ были вѣрнѣе дѣйствительности.—

⁵⁾ За нимъ прибавка, какъ отрывокъ изъ разговора съ подругами и думъ съ самой собою. „Дворянкой“ ошибочно, по деянью: на самомъ дѣлѣ нужно бы „графиней.“

рить: совершенно искусственная. „Чѣмъ тебя я огорчила“ появилась въ употребленіи лишь около 20-хъ годовъ и тогда же отпѣвалась въ Пѣсенникахъ, на примѣръ въ томъ же Рѣшстниковскомъ, какъ „новая пѣсня, которую поетъ всякой по веселому ея голосу;“ ее также скоро стали въ напѣвъ смѣшивать съ другимъ—„Выду ль я на рѣченьку“ и „Вечеркомъ руману 'вѣри.“ Пѣсня Парашина имѣетъ „одно колѣно“ въ двухъ стихахъ, изъ которыхъ каждый второй повторяется еще новымъ „припѣвомъ,“ и въ этомъ припѣвѣ особая предѣсть; совсѣмъ на оборотъ, въ „Чѣмъ тебя я огорчила“ припѣва нѣтъ, а „два колѣна,“ каждое по два стиха и каждый второй стихъ одинаковъ съ первымъ:

1-е колѣно	{	Чѣмъ тебя я огорчила,
1-е колѣно	{	Ты скажи, любезный мой,
вторично	{	Или гдѣ, что пошобила,
2-е колѣно	{	Потеряла свой покой?
2-е колѣно	{	Потеряла свой покой?
вторично	{	

Парашина пѣсня породила совсѣмъ другую, о которой ниже. Сама же она такого склада въ голосѣ:

Одно ко-	}	Вечеръ поздно, изъ лѣсочка
лѣно		Я коровъ домой гнала,
Особый	}	Я коровъ домой гнала.
припѣвъ		

Ее можно исполнять доселѣ, и навѣрно съ отличнымъ успѣхомъ. Ея припѣвъ—сущій кладъ для канарейки.

*

Вечеръ поздно, изъ лѣсочка

Я коровъ домой гнала.

Лишь спустилась къ ручейку

Близъ зелѣнаго лужка:

5. Вижу, баринъ ѣдетъ съ поля,

Двѣ собачки впереди.

Лишь со мной онъ поровнялся,

Взоръ свой бросилъ на меня!

«Здравствуй, милая красotka!

10. «Чьей деревни и села?»

- Вашей милости крестьянка,—
Отвѣчала ему я.
«Ты скажи, моя милая,
«Изъ которой ты семьи?»
15. — Коль изволишь знать Петрушу,
— Я его, сударь семьи.—
«Не тебя ли, моя радость,
«Егоръ за сына просилъ?
«Его сынъ тебя не стоить,
20. «Не на то ты рождена.
«Завтра, радость, ты узнаешь,
«Для кого ты суждена,
«Гдѣ судьба твоя скрывалась,
«Для кого ты рождена ¹⁾»
25. — Собирайтесь, подружки,
— На подворье на мое,
— Собирайтесь поскорѣ ¹⁾,
— Посовѣтуйте со мной:
— Хоть и льститъ ²⁾ быть госпожею,
30. — Да Ванюшу очень жаль.—
Всѣ подружки улынулись,
На отвѣтъ сказали ей:
« «Что же съ бариномъ намъ дѣлать?
« «Его воля, его власть.
35. « «По утра́ завтра́ ³⁾ узнаемъ,
« «Гдѣ судьба крылась твоя.» »

(Избранный Пѣсенникъ для прекрасныхъ дѣвушекъ и любезныхъ женщинъ,
М. 1820, передъ самымъ концомъ; но въ томъ же изданіи 1818 г. этого еще
вѣтъ).

*

¹⁾ Разбавлено совсѣмъ излишнее, а потому дурно. — ²⁾ Лестно. — ³⁾ Слыша
„вечоръ“ и „завтра“, дальнѣйшее движеніе пѣсни сдѣлало отсюда еще *третій*
день, въ слѣдъ за бесѣдою съ подругами. Излишекъ этотъ обличается на-
праснымъ повтореніемъ стиховъ.

8.

(Петербургъ).

- Вечоръ поздно, изъ лѣсочка
Я коровъ гнала домой.
Подошла лишь къ ручейку
Близъ зелѣнаго лужка:
5. Вижу, баринъ ѣдетъ съ поля,
Двѣ собачки впереди.
Лишь со мной онъ поровнялся,
Взоръ свой бросилъ на меня:
«Здравствуй, милая красotka!
10. «Чьей деревни и села?»
— Вашей милости крестьянка,—
Отвѣчала ему я.
«Ты скажи, моя милая,
«Изъ которой ты семья?»
15. — Коль изволишь знать Петрушу,
— Я его, сударь, семья. —
«Не тебя ли, моя радость,
«Егоръ ¹⁾ за сына просилъ?
«Его сынъ тебя не стѣбитъ,
20. «Не на то ты рождена.
«Завтра, радость, ты узнаешь,
«Для кого ты суждена,
«Гдѣ судьбина твоя крылась,
«Для кого ты рождена.»

(И прочее, какъ въ предыдущемъ образцѣ; конецъ:)

25. У Успенскаго собора
Въ большой колоколъ звонять:

¹⁾ Такъ поправилъ Петербургъ, вмѣсто прежняго „Дмитрія,“ съ пѣсенниковъ Московскихъ и согласно правдѣ.

*Нашу милую Парашу
Вънчать съ бариномъ хотятъ ²⁾.*

(Пѣсенникъ „Замѣнскій“ 1820 г.; пѣсня въ числѣ *простонародныхъ*).

*

Съ тѣхъ поръ измѣненія пошли быстрыми шагами:

9.

(Москва).

- Вечоръ повдно, изъ лѣсонку
Я коровъ домой гнала
Лишь спустилась къ ручейку,
Оглянулася назадъ
5. Вижу, баринъ съ проля вдетъ,
Двѣ собачки передъ нимъ.
Лишь со мною поровнялся,
Бросилъ взоръ свой на меня:
«Ты откуда! красотка,
10. «Чьей деревни и села?»
— Вашей милости крестьянка,
Отвѣчала ему я.
«Не тебя ли, моя радость,
«Андрей ³⁾ за сына просилъ?»
15. «Его сынъ тебя не стбитъ,
«И не съ тѣмъ ты рождена.
«Завтра, милая, узнаешь,
«Какова судьба твоя!»

²⁾ Развитие пѣсни дошло ее даже до Успенскаго собора: это представлено о торжественности брака внушено, очевидно, сколько рѣдкостью случая и важностью его въ глазахъ народныхъ, столько же Кусковскимъ воспоминаніемъ о пышной свадьбѣ Варвары Алексѣевны. Но за то явилась *Параша*: кто бы сомнѣвался въ прелесть пѣсни, чертъ она съ личнымъ именемъ героини, засвидѣтельствованная печатью 20-хъ годовъ, рѣшаетъ вопросъ безповоротно, устраняя всякія колебанія.

³⁾ Новая маскировка *Елору*, когда въ Москвѣ совершенно уже убѣдились, къ какому важному лицу относится пѣсня.

«Ты родилася крестьянкой,
20. «Завтра будешь госпожой»

(Пѣсенники „Повомаревскіе“, М. 1823—34 и дѣлѣ).

*

Г. Авдѣва подправила еще больше и нашла нужнымъ вставить „му-
жичкое“ ния Панкрата (отвѣчаемъ поправки курсивомъ):

10.

(Петербургъ).

Вечоръ поздно, изъ лѣсочка

Я коровушку гнала.

Подошла лишь къ ручейку

Близъ зелѣнаго лужка:

5. Вижу, баринъ ѣдетъ съ поля,

Двѣ собачки впереди:

Лишь со мною поровнялся,

Взоръ свой бросилъ на меня:

«Здравствуй, милая красотка!

10. «Изъ котораго села?»

— Вашей милости крестьянка,

Отвѣчала ему я:

«Ты скажи, моя милая,

«Изъ которой ты семьи?»

15. — Коль изволишь знать *Панкрата*,

— Я его, сударь, семьи. —

«Не тебя ли, моя радость,

«Егоръ за сына просилъ?»

«Его сынъ тебя не стойтъ,

20. «Не къ тому ты рождена.

«Завтра, *завтра* ты узнаешь,

«Для кого ты суждена,

«Гдѣ судьба твоя скрывалась,

«Для чего ты рождена.»

25. — *Ахъ, собирайтесь, подружки,*
— *Крѣпкую думу разгадать,*
— Собирайтесь поскорѣе,
— Посоветуйтесь со мной.
— *Если буду госпожею,*
30. — *Мнѣ Ванюшу очень жаль.—*
Всѣ подружки улыбулись
И сказали ей въ отвѣтъ:
« Чтò жь и съ бариномъ намъ дѣлать?
« Его воля, его власти!
35. « Завтра, завтра ты узнаешь,
« Какова твоя судьба!» »

(Пѣсенникъ „Авдѣевскій“, С. П. В. 1848 г. .

*

11.

(Москва).

.....¹⁾
«Ты скажи моя милая,
«Изъ которой ты семьи?»
— Коль изволишь знать Петрушу,
— Я его, сударь, семьи.—
«Не тебя ли, моя радость,
«Егоръ за сына просилъ?
«Его сынъ тебя не стоить,
«Не на то ты рождена:
«Завтра, радость, ты узнаешь,
«Для кого ты рождена,
«Гдѣ судьба твоя скрывалась,
«Для кого ты суждена!»

— Собирайтесь, подружки,
— На подворье на мое,

¹⁾ Начало одинаково съ предыдущими образцами.

— Собирайтесь поскорѣе;

— Посовѣтуйте со мной!—

(Пѣсенникъ „Эриста“, М. 1854 г.).

Дальнѣйшіе Московскіе и Петербургскіе пѣсенники, сохраняя имя „Егора“, не представляютъ ничего новаго и особеннаго противу прежнихъ: „Смирдинскій“ 1859, „Матвѣевскій“ 1861 или „Манухинскіе“ до послѣдняго времени, „Салаевскіе“ и т. п.

*

Пѣсенники, какъ на примѣръ „Маклаковскій“ М. 1822, надписывали „Встрѣча крестьянки съ барининомъ, известная по голосу пѣсни“, но въ точности записать и представить на цотахъ голосъ, довольно развитой и не совсѣмъ легкой, никто пока не принялъ на себя труда. Если онъ и напоминаетъ отчасти что либо, ближе ему современное, проносившееся въ слухъ нѣкоторымъ подобіемъ, то развѣ „Я вечеръ въ лугахъ гуляла (кн. Хованскаго)“, или сочиненіе „Русскаго Мильтона (Николева)“ — „Вечеркомъ румяну зорю:“ впрочемъ все это сочинено и происхожденіемъ своимъ по времени моложе, а потому средство, если не перенято у Парашы, то еще скорѣе произошло отъ „смѣшенія“, вслѣдствіе одинаковаго начала „вечеромъ“ въ текстѣ пѣсни. Во всякомъ случаѣ за наѣвомъ Парашининой пѣсни остается на всегда типичность, оригинальность и относительное старшинство.

За то, съ 20-хъ же годовъ нашего столѣтія, по пѣсенникамъ юды спустя послѣ появленія въ печати пѣсни Парашининой, рядомъ съ нею показалась, обыкновенно тотчасъ послѣ нея помѣщавшаяся и „новая“, другая пѣсня, сложенная отчасти въ духѣ того же содержанія и по тому же напѣву, прямо скопированному съ пѣсни Парашининой. Это известная, отчасти вытѣснявшая Парашину въ области „искусственной“, — „Если бѣ завтра да нечасть.“ Сочиненіе ея приписывается по преданію знакомѣйшей нашей, Сандуновой. Классическая пѣсня ея, такъ сказать „официальная“ по торжественному употребленію, по фурору приѣма и по отношенію къ самой дѣвицѣ, была, какъ мы знаемъ, Елизаветинская „Во селѣ-селѣ Покровскомъ“, а другая — за урядъ и такъ сказать „будничная“, хотя и принимавшаяся слушателями съ одинакимъ увлеченіемъ, была пѣсня полународная, узвоенная народомъ въ обработкѣ (если не въ сочиненіи) Мерзлякова — „Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить.“ Но обѣ, хотя близкія къ сердцу и жизни Сандуновой, все-таки были „чужія“, не свои, первая цесаревны, вторая профессора: хотѣлось создать еще „свою“, и на это созданіе любимая пѣвица эпохи имѣла, по своему положенію, таланту и голосу, правъ и средства одинакія почти съ предшественницей Парашей Кузнецовой. Почитательница сей послѣдней и любительница Кускова, Сандунова

взяла напѣвъ цѣлкомъ у Парашы, а въ текстѣ примѣнилась къ образцу, хотя уже безъ исторической основы, съ большею искусственностью и совершенно въ родѣ романса. Именно, въ этой пѣсни героиня-крестьянка мечтаетъ объ завтрашнемъ днѣ, какъ бы ненастье освободило ее отъ урочныхъ работъ и по обычаю деревенскому пустило бы въ лѣсъ за малиной, какъ ходятъ и за грибами по дождю. Кромѣ личнаго положенія героини-крестьянки, здѣсь сходство еще въ тѣхъ образахъ и выраженіяхъ, что она мечтаетъ „съ поля идучи домой“ и хочетъ остановиться „возлѣ рѣчки ни луку“, гдѣ ее смѣшитъ милый, и т. п. Какъ бы то ни было, только пѣсня, воспроизведя напѣвъ Парашинъ и примѣнивъ его къ содержанію, любимому въ то время—романтическому, а съ другой стороны не столь щекотливому (безъ всякаго отношенія къ Шереметевымъ), получила особенный успѣхъ благодаря голосу и таланту сочинительницы: потому, въ кругу ея почитателей и близкихъ знакомыхъ, сочиненная пѣсня отчасти вытѣснила пѣсню Парашину, хотя намѣреніе было собственно напомнить и оживить въ употребленіи сію послѣднюю. Пѣсенники, говорили мы, Сандуновскую пѣсню ставили обыкновенно рядомъ съ Парашиной, не только по времени появленія въ поющемъ обществѣ, но и по одинаковости голоса, и по сходству „Парашы“ съ „Лизанькой“ въ многихъ отношеніяхъ, такъ какъ обѣ были „пизкаго“ происхожденія, обѣ актрисы и пѣвицы, обѣ сыгравши въ свѣтѣ между современниками видную героическую роль. Разумѣется, при всемъ этомъ сходствѣ, съ нашей и всякой истинной точки зрѣнія, была вмѣстѣ громадная разница, какъ небо отъ земли: между дѣйствительною героиней и героиней подмостковъ; между невольною и частною, хотя и страшною, актрисою и между актрисою „казенною;“ между послѣдующей графиней и между артисткой, скончавшеюся почти въ безвѣстности послѣднихъ ея дней; между пѣвицею старшею и младшею; между пѣсней подлинною и между ея воспроизведеніемъ или подражаніемъ; между народностью пѣсни одной и между искусственностью поддѣльнаго романса, оставшагося, и то не на всегда, въ однихъ только слояхъ тогдашняго „общества *).“ Все это такъ: и все-таки данная остается та, что обѣ героини и обѣ ихъ пѣсни соединились тѣсною судьбою, по крайности въ области печатной и поющей по нотахъ. Потому кстатѣ мы считаемъ не лишнимъ привести и другую пѣсню-романсъ, о которой говоримъ, въ лучшемъ ея текстѣ и въ нѣсколькихъ искаженіяхъ или поправкахъ:

*) Прибавимъ еще, что Параша сложила народную пѣсню по вызову дѣйствительнаго событія, перешедшаго въ область историческую, и сложила въ молодости, въ цвѣтѣ силъ: Сандунова, занявши напѣвъ, искусственно и почти отвлеченно примѣнилась къ этому образцу, будучи въ лѣтахъ уже преклонныхъ и теряя свѣжесть своего голоса. Вотъ почему и пѣсню эту исполнила она не столько публично и театрально, сколько, „между своими, для немногихъ.“

Пѣсня Лизаветы Семеновны Сандуновой

(ЕѲ СОЧИНЕННАЯ, ОБРАБОТАННАЯ И ПѢТАЯ).

(Москва и другія мѣстности Россіи).

«Еслибъ завтра да ненастье,

«Тото бѣ ¹⁾ рада я была;

«Если бѣ дождикъ, мое ²⁾ (счастье, —

«За малинкой въ лѣсъ пошла ³⁾;

5. «Я бы милому сказала,

«Чтобы онъ за мною пошлъ;»

Вотъ какъ ⁴⁾ Маша ⁵⁾ рассуждала,

Съ поля идучи домой.

«Завтра съ свѣтомъ я проснуся

10. «И въ окошко погляжу;

«Если дождикъ, попрошуся,

«Вотъ что матушкѣ скажу ⁶⁾!

« «Идѣтъ дождикъ, нельзя въ погѣ»

« «Намъ сего дня работать;

15. « «Мѣшкать нечего намъ болѣ,

« «Пойдемъ въ лѣсъ малину брать.

« «Отпусти меня, родная,

« «Я малинки ⁷⁾ наберу:

« «Тутъ дорожка есть ⁸⁾ большая,

20. « «Я продамъ всю ⁹⁾ въ вечеру.»

«Лишь отпустить ¹⁰⁾, въ мигъ сберуся ¹¹⁾,

«Я умоюсь ¹²⁾, побѣгу;

¹⁾ Варианты: „То бы.“ — ²⁾ „То бы.“ — ³⁾ „Пошла бѣ.“ — „За малинкой бы пошла.“ — ⁴⁾ „Что.“ — ⁵⁾ „Лиза, „Нада, „Аша“ и т. д.“ — ⁶⁾ „Съ свѣтомъ рано, чуть проснуся, Я въ окошко погляжу; Если дождикъ, попрошуся, Вотъ какъ маленькѣ скажу.“ — ⁷⁾ „малины.“ — ⁸⁾ „Тутъ дороженька.“ — ⁹⁾ „все.“ — Въ нѣкоторыхъ перестановлено, и за этимъ: „Теперь дождикъ, мокро въ погѣ, Намъ не можно работать; Ну чего же мѣшкать долѣ, Я малинки пойду брать.“ — ¹⁰⁾ „отпустить (дурно).“ — ¹¹⁾ „я сберуся.“ — ¹²⁾ „умоюсь.“ и умѣться (дурно).⁴

- «Лишь на часъ остановлюся ⁴³⁾
«Воздѣ рѣчки на дугу ⁴⁴⁾.
25. «Наберу ⁴⁵⁾ цвѣточковъ въ полѣ,
«За собой буду ⁴⁶⁾ брѣсать»
«Чтобы миленькой не долѣ
«Меня могъ, какъ въ мигъ, сыскать ⁴⁷⁾.
«А не, то аўкну въ горѣ:
30. « «Ты ау, ау, мой свѣтъ ⁴⁸⁾!
« «Долети мой голосъ, восторѣ,
« «Гдѣ мой миленькой живеть!
«А намедни ⁴⁹⁾ мой любезный ⁵⁰⁾
«Разсердился на меня,
35. «Но, увидя взоръ мой: слезный,
«—Поцѣлуй, скажы, моя!—
«Я сама проста не буду,
«И надѣлаю проказъ:
«Если миленькой захочеть,
40. « «Поцѣлуй, скажу, сто разъ ⁵¹⁾!»
Такъ мечтавши, приснула,
Будто на крутой горѣ ⁵²⁾,
Вдругъ проснулась, встрепенула ⁵³⁾,
Ясно-ясно на дворѣ,
45. Изголовница, смочила,
Давъ обильно течъ слезамъ,
«Не увижусь, говорила,
«Ахъ, сегодня съ мильцъ я ⁵⁴⁾!»

(Въ разныхъ издѣніяхъ, Московскихъ и Петербургскихъ, въ употребленіи держится по мѣстамъ до сихъ поръ).

⁴³⁾ Вотъ до какихъ ловкостей доводитъ сочиненіе. — ⁴⁴⁾ „Подлѣ рѣчки на дугу.“ — ⁴⁵⁾ „Я нарву.“ — ⁴⁶⁾ „стану.“ — ⁴⁷⁾ Это уже по Латини. Переизмѣнилось: „Чтобы миленькой мой Лѣля (или „Чтобы милый мой Никодѣ“). По слѣдамъ бы могъ сыскать.“ — ⁴⁸⁾ „А потому аўкну свѣло, Голосъ лѣсомъ отнесеть.“ — ⁴⁹⁾ Древнее „ономъ дни“ переизмѣнилось „какъ недарно.“ — ⁵⁰⁾ „Вчера съ миленькой любезный.“ — ⁵¹⁾ Это мечты уже не съ поля науки, а дома на постели, какъ видно изъ послѣдующаго — ⁵²⁾ Увидѣла во снѣ, что валится, и съ испугу проснулась. — ⁵³⁾ „встрепенулась.“ — ⁵⁴⁾ Конечъ переизмѣнился иногда такъ: „Все сердился и рѣвился, Поцѣлуй,

Но уже здѣсь въ разнорѣчіяхъ мы могли замѣтить, какъ изъ среды „общественной“ пѣсни проникала въ „лакейскую,“ а отсюда, низменными ступенями, въ народъ. Дошедши до послѣдняго, пѣсня совершенно измѣнилась, но, разумѣется, удерживая печать отверженія на своемъ содержаніи, нѣсколько поисправилась языкомъ и оборотами. Вотъ тому образецъ:

2.

(Губ. Олонецкой).

Разсуждала душа Маша

Съ поля идучи домой:

«Съ утра ¹⁾ завтра день прекрасенъ,

«За малинкой въ лѣсъ пойду ²⁾».

10. «Я умоюсь, уберусь,

«Родной матери спрошусь:

«Родимая матушка,

«Спусти въ лѣсъ по ягоды!

«Если спустишь ты, не спустишь,

14. «Я утрадуся—уйду,

«Себѣ малинки наберу.»

«Я малинки наберу,

«Во Тальянской ³⁾ платъ свяжу,

«Ко милому поднесу.

15. «Если миденкой не приметъ,

«Вечерочкомъ распродамъ:

«Я со садика ⁴⁾ пойду,

«Алыхъ цвѣтиковъ нарву;

сказалъ, меня. Ня за что не поцѣлю, Говорила я ему: Ты нападъ не да, та-
кую. Побѣжала ко двору. Въ мысляхъ твоихъ и спать ложилась: Встану рано
на зорѣ. Но проснувшись смутилась: Ясно-ясно на дворѣ. Изготовьнице ско-
чила Горючьми слезами я: Не увижусь, говорила, Ахъ, сегодня съ минимъ я!
Я упрямитесь не буду, Не надѣваю проказъ: Если миденкой захочетъ, По-
цѣлю, скажу, сто разъ:»

¹⁾ Древнее „съ утра,“—Сербское „сытра.“ Повтореніе за снмъ „завтра“
такое же, какъ „вчера“ „вечеромъ,“ въ Словѣ о П. И. „далеча“ рано“ предъ
зорями,“ Сербск. „у ютру ютро освануло“ и т. п. (т. е. въ кристаллизацион-
номъ шарѣнъ выливается корель и наошьяняется новымъ фэрномъ). ²⁾ Мали-
нкой второй стлхъ повторается, подобно нагълу пѣсни Парашиней.—³⁾ Искри-
лискій.—⁴⁾ „до садика.“

- «Стану цвѣтиковъ срывать,
20. «За собою слѣдъ бросать;
«Чтобы мой дружокъ любезный —
«Меня по слѣду нащолъ,
«Ко мнѣ въ рожицу пришолъ.
«Поцѣлюю дружка разъ,
25. «Не надѣлаю проказъ.»

(Ср. сборн. г. Студитскаго, 1841 г.).

* * *

Такова судьба дѣлам Парашиней въ народѣ, общественномъ употребленіи и въ печати, въ развѣтвленіяхъ и послѣдствіяхъ.

Тридцативосьмилѣтній, страстный и уже преснищенный графъ, одинъ изъ первыхъ въ Россіи по знати и богатству, икражень былъ встрѣчей крестьянки: красоты самобытной и оригинальной, умной, развитой, созрѣвшей, нѣжной и изящной. Воскресли раннія воспоминанія объ ней, слышанныя по Кускову рѣчи; ревность затронута была недавнимъ разговоромъ о предстоящемъ замужствѣ: графъ рѣшилъ овладѣть дѣвушкою, безъ того ему принадлежавшею по праву крѣпостному. Образованный человекъ своего времени, выдавшій и знавшій Европу, а потому умѣвшій различить предрассудки, благородный по старому преданію Шереметьевскаго рода и по слову новаго поэта, любезный и ласковый по отцу, великодушный по личной натурѣ, съ горяча провозгласилъ и общалъ онъ: „Не къ тому ты рождена, завтра будешь госпожа!“ Но къ чему же рождена и *какимъ путемъ* сдѣлается госпожою, въ ту пору крѣпостныхъ условій и общественныхъ понятій? Легче было это сказать, чѣмъ исполнить: для исполненія по крайности нуженъ былъ твердый характеръ, и характеръ твердости чрезвычайной, а этого-то именно и недоставало Николаю Петровичу. Въ слѣдъ за удовлетвореніемъ перваго порыва страсти, лучшимъ шагомъ новаго пути представлялось: дать Парашѣ ходъ по тропѣ, только что извѣданной въ первыхъ опытахъ, вести по дорогѣ артистической въ званіи актрисы, доставить здѣсь извѣстность, славу и положеніе, а между тѣмъ сообщить постепенно лучшее образованіе и устроить матеріальныя средства. Буковскій Театръ, только что вновь отдѣланный, но которому по смерти Петра Борисовича грозило запустѣніе, внезапно развѣлъ до рѣдкаго совершенства: графъ отдалъ ему всю свою душу, занятую другою дущею, здѣсь игравшею. Параша, обратившись въ Прасковью Ивановну, вѣдь была изъ ордонскаго дома и помещена во флигелѣ, гдѣ жили актрисы, близъ Управительскаго дома: здѣсь усилія ея обученію, въ особенности по Русски и „на другихъ языкахъ“, въ чему графъ не

жалѣль издержекъ и въ чемъ подругою Параша сдѣлалась теперь неизмѣнная Т. В. Шлыкова; въ то же время, для сценическаго дѣла, учили декламацин, игрѣ, танцамъ и всего больше музыкѣ. Напряженнымъ стараніямъ отвѣчали успѣхи: менѣе извѣстная въ комедіи и балетѣ, хотя и принимала въ нихъ участіе, Горбунова скоро прославилась отличною оперною пѣвицею. За недостаткомъ документовъ, живыхъ преданій и печатныхъ показаній того времени, нельзя сказать многого о составѣ Кусковской труппы: сохранилось только перечисленіе обильныхъ пѣснь ея исполненія да заслуженная слава. *Музыканты*, съ иностранцами во главѣ, помѣщались особо, *нѣмцы* также: тѣ и другіе составляли отличный оркестръ и хоръ. Потомъ, особо жили *актеры*, изъ которыхъ мы знаемъ по имени только *Петра Петрова* и *Чужнова*. *Танцовщицы* также отдѣльно: современницы Параша, долго ее пережившія, были—помянутая *Т. В. Шлыкова*, жившая впрочемъ въ Большомъ домѣ, да еще такъ называемыя *Тюринга* и *Елизарина*, дочери дворовыхъ, Андрея Тюринга и Елизара Нешоронина ¹⁾. Наконецъ, особенное мѣсто занимали *актрисы*, иначе называвшіяся *комедіантками*, въ числѣ ихъ пѣвицы и Параша: въ старшую пору, при первыхъ успѣхахъ Горбуновой, ихъ было *шесть*, въ томъ числѣ передовая *Марья Черкасова* и *Арина Калмыкова* ²⁾; при нихъ же состояли „учительницы Француженки,“ именно, при старикѣ графѣ, *Дюверги* и *Шевалье* ³⁾. Актрисамъ оказывали преимущественное вниманіе и, вѣдѣсть съ двумя иностранцами музыкантами да Петромъ Петровымъ, шло самое лучшее содержаніе ⁴⁾: присутствіемъ Параша въ ихъ числѣ еще болѣе улучшилось ихъ положеніе; „заштатнымъ“ давалось также помѣщеніе съ прислугою и содержаніемъ. Театръ, повторяемъ, быстро расцвѣлъ и еще скорѣе Параша сдѣлалась лучшимъ его украшеніемъ. Въ 1790 году, 1 августа (въ приходскій праздникъ), данъ былъ, съ великолѣпною обстановкою, не игранный еще придворно, балетъ „Инеса ди Кастро („Нинетъ а ла куръ“).“ Но, изъ числа, превышавшаго сорокъ, первою, и удачнѣйшей оперою, въ которой прославилась пѣвица, была та, которую слышала она еще раньше въ присутствіи совершенно довольной

¹⁾ Онѣ скончались не давно и рассказы ихъ еще живы въ памяти многихъ.—

²⁾ Последняя, въ числѣ заштатныхъ, жила еще на пенсію въ 1800 г.—³⁾ Онѣ были „разсчитаны“ въ 1785 г. (на точность первой фамилии нельзя полагаться вполнѣ.—⁴⁾ Ежедневно по Французскому бѣлому хлѣбу, привозившемуся нарочно изъ Москвы отъ иностранца хлѣбника (любопытно, что, за исключеніемъ Н. П—ча, всѣ остальные, и самъ Петръ Борисовичъ, ѣли хлѣбъ черный, либо домашнее бѣлое неченъе); карасы изъ прудовъ, Русскимъ въ постные дни, по 10 меляхъ на человѣка; Смоленская манная крупа, Сарачинское пшено, кусокъ красный и Ремскій, денежное жалованье, и т. д. Хуже всѣхъ было положеніе танцовщицъ: ихъ держали въ черномъ тѣлѣ, помѣщеніе было холодное и особо испрашивалось дозволеніе протопливать, въ случаѣ болѣзни какой либо изъ нихъ (за исключеніемъ привилегированной Т. В. Шлыковой, жившей при господахъ въ Большомъ домѣ и потомъ оставшейся другомъ дома).

Императрицы,—это „Самнитскіе браки.“ Здѣсь играла она роль *Элианы* въ блестящемъ рыцарскомъ уборѣ среднихъ вѣковъ (вмѣсто классическаго) и въ шлемѣ: въ этомъ видѣ, очень еще молодая, снята она на своемъ старшемъ удѣлѣвшемъ портретѣ³⁾. Въ глубинѣ Театра сохранилась до сихъ поръ та классическая колесница о двухъ колесахъ, на которой выѣзжала Параша передъ зрителей и слушателей: старожилы не могутъ забыть впечатлѣнія красоты ея и голоса въ этой роли. Кусково, при Императрицѣ, въ числѣ посѣтителей видало у себя такихъ знатныхъ, какъ императоръ Иосифъ, Эрцъ-герцогъ Карлъ, многіе принцы и Станиславъ Попятовскій: послѣдній въ 1797 году, 1-го іюня, посѣтилъ и Останкино. На этотъ разъ Параша предстала на тамошнемъ домовомъ театрѣ, и опять въ „Самнитскихъ бракахъ,“ среди обстановки и декораций, устроенныхъ знаменитымъ Гонзаго (въ заключеніе шелъ балетъ). Фуроръ былъ необыкновенный: пѣвица въ тотъ разъ имѣла на себѣ бриліантовый уборъ во 100.000 рублей. Вспоминая торжество ея, уже по смерти графа, родной вѣкъ Натальи Борисовны, поэтъ Иванъ Михайловичъ Долгорукій (прозванный „балкономъ“) писалъ такъ о Кусковскомъ театрѣ:

Театръ волшебный подломился⁴⁾;
Хохлы⁵⁾ въ немъ оперъ не даютъ,
Парашинъ, годось прекратился,
Князья въ ладоши ей не бьютъ:
Умолкли цѣлной груди звуки
И „Креза меньшей“ скончался въ скукъ⁶⁾.

Вся эта блестящая обстановка и внѣшность, которою съ избыткомъ удовлетворилась бы дюжинная натура, скрывала однако за собою, для графа и Парашы, самую глубокую драму, полную тревогъ, огорченій и волненій, рядъ непытаній, страданій и жертвъ. Въ самое первое время, вопреки завѣренію бумагъ о „непорочномъ вниманіи“ со стороны графа, это было напротивъ явленіе избалованныхъ страстей: но послѣдняя вспышка измѣнчивой страсти, встрѣтивши существо достойнѣйшее, сдѣлалась первымъ шагомъ страсти постоянной и единственной; скоро увидѣлъ самъ графъ и увидѣли всѣ, что онъ любилъ лишь одну и больше ни кого любить не можетъ. Удовлетворивши мгновенную прихоть свою на одной изъ вѣрныхъ душъ, онъ въ этой одной

³⁾ Въ Вольшомъ домѣ: уборъ великолѣпный; при всей красотѣ, лицо слишкомъ еще молодо и вѣчно, нѣтъ страсти и той, видной на послѣдующихъ портретахъ, душевной силы, которая побѣдила и умиротворила страсти. О прочихъ портретахъ ниже.—⁴⁾ Правильнѣе покосился: до сихъ поръ онъ твердъ и не подломлен.—⁵⁾ Изъ Малорусскихъ вѣнныя графа, украшавшіе хоръ своими отличными голосами.—⁶⁾ Николай Петровичъ въ отличіе отъ „Креза старшаго,“ отъа. Это строфа изъ приведенной выше „Прогулки въ Кусковѣ.“

встрѣтилъ дѣйствительную, рѣдкую и высокую душу: нельзя было отдѣлаться здѣсь мгновеніемъ, пришлось считаться и за все прошлое, и на долго. Устроено было положеніе актрисы и за тѣмъ,“ казалось,“ готовъ былъ покончиться расчетъ: за актрисой представало существо, горячо и все больше, все больше любимое, существо все больше и больше развивавшееся, явившее образцы необыкновенныхъ качествъ, невольно поражающихъ своею необыкновенностью въ сферѣ знатной и богатой,—существо любви безпредѣльной, терпѣнія и смиренія безграничнаго, вѣри живѣйшей, благочестія искреннаго, человеколюбія всемію открытаго, постоянства неколебимаго, вѣрности испытанной, ума образованнаго лучшимъ образованіемъ женщины; изящества все проникнутаго. „Я питалъ къ ней,“ пишетъ впоследствии графъ завѣщательное письмо своему малолѣтнему сыну, „чувствовать самыя нѣжныя, самыя страстныя. Долгое время наблюдалъ я свойства и качества ея: и намолъ умиренный добродѣтелью разумъ, искренность, человеколюбіе, постоянство, вѣрность; нашелъ въ ней привязанность къ святой вѣрѣ и усерднѣйшее Богопочитаніе: Сія качества плѣнили меня больше, нежели красота ея, ибо они сильнѣе воѣхъ внѣшнихъ прелестей и чрезвычайно рѣдки.“ Живя съ нею, возлѣ нея самъ графъ съ каждымъ часомъ совершенствовался и возвышался, и не могъ этого не чувствовать. Онъ растаялъ съ прежними мелкими страстями и увлеченіями, постепенно бросилъ охоту, забылъ праздную жизнь, предался сценическому искусству съ постоянствомъ и настоящимъ пониманіемъ, одѣлся хорошимъ хозяиномъ, распространилъ и усовершенствовалъ школу, покровительствовалъ художникамъ, много читалъ, допустилъ служителейъ и крестьянамъ значительную долю самоуправленія^{*)}; обращаясь къ религіи: не въ одной только формѣ; больше и больше дѣлалъ добра ближнимъ. Тѣмъ не менѣе, недостатка физическаго, природнаго и воспитаннаго, онъ не могъ избѣжать съ разу: слабость характера отзывалась частыми колебаніями, и колебаніями тѣмъ сильнѣйшими, тѣмъ сильнѣе были искушенія вокругъ и чѣмъ больше требовалось жертвъ. Разстояніе его и подруги было слишкомъ велико, для всякаго времени; а тѣмъ паче для тогдашняго: упреки, замѣчанія, намеки, косые взгляды, двусмысленныя улыбки готовы были при каждой встрѣчѣ. Простили бы прегнѣнія увлеченія, и даже распутства, не знавшія предѣла постоянства въ этихъ случаяхъ всего меньше прощаютъ; одной любви рѣже всего понимаютъ въ подобномъ положеніи. Но что бы еще ничего, и тутъ легче было справиться: неотразимы вопросы нравственныя, стоитъ лишь пробудить ихъ въ себѣ и вокругъ, какъ то царство духовъ, которое не

*) Такъ на примѣръ во всѣ „должности,“ не только крестьяне, но и служащіе дворовые выбирали изъ среды своей по общему приговору и приговоръ утверждали подписами: баринъ принималъ избраннаго и назначалъ содержаніе.

словамъ поэта возстаетъ изъ подъ земли, затроутое держимъ привосновеніемъ. Дочь взята была отъ отца, и отца связаннаго особенной любовью, изъ семейства, которое однако продолжало жить рядомъ: оттуда чувствовался либо укоры молчаливаго негодованія, либо слышались дерзкія рѣчи и доносились притязанія обнадеженнаго баловства; то поднималось недовольство постороннихъ на излишнее потворство новымъ „роднымъ“, то готовилось оправданіе всякаго безпорядка ссылкой на дурной примѣръ, поданный сверху. А вѣдь вмѣстѣ и около жила громадная дворня, эта пучина Аргуса стоглазая, эта вѣчная оплетая стоустая, всезнающая, подсматривающая и подслушивающая. Къ имени „Прасковьи Ивановны“ графъ прибавилъ артистскіе постоянное прозвище „Жемчужной“¹⁰⁾,—такъ звали ее на сценѣ, какъ рѣдкую жемчужину, звали между артистовъ и на афишахъ, звали самъ графъ и приказывалъ звать,—это была уже пятая фамилія Кузнецову роду; по свои, но всѣ дворовые и близкіе, межъ себя и громко продолжали звать ее „Параша, Прасковья, Кузнецова и Кузничиха, Горбунова“, иногда усиленно, и впрочемъ, и съ усмѣшкой на это налегая. Изъ семьи, сестра Матрена съ хорошимъ приданымъ выдана была за графскаго служителя, брата помилушкой актрисы, Петра Калмыкова, отпущеннаго на волю и поступившаго „на службу.“¹¹⁾ Братья Василій и Михайло рано умерли; Иванъ, отпущенный на волю, состоялъ постоянно при домѣ графа и сестры въ Петербургѣ (умеръ въ Кусковѣ 1819 г.); Николай, бывший музыкантъ, служилъ въ Московскои Университетскои типографіи, уволенъ канцелярствомъ, но, затанувшій въ поиски дворянства (о чемъ ниже) и потерпѣвъ неудачу, умеръ 1803 г., числался при Петербургскомъ почтовомъ управленіи,—по счастью всѣ они умерли холостыми; и всѣ однако успѣли пожить, чтобы надѣлать хлопотъ своимъ высокимъ родственникамъ. Оставался дольше въ живыхъ отецъ, умный и добрый старикъ, горячо любимый дочерью, но до смерти любившей выжить и требовавшей попечительнаго ухода; да старшій братъ Аванасій, самый притязательный, всѣхъ больше тревожившій сестру и графа за самымъ ихъ гробомъ. Улаживая подобныя неприятыя отношенія, нужно еще было рѣшить одинъ изъ ближайшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ: о мѣстѣ жизни Прасковьи Ивановны. Вопросъ не такъ легкій въ тогдашнемъ положеніи, какъ бы казалось. Сначала она жила во „флигелѣ“ съ прочими актрисами, но слишкомъ выдавалась изъ нихъ, и графъ перевелъ ее рядомъ въ „Управительскій домъ“, уцѣлѣвшій донынѣ (въ правую половину, гдѣ въ садикѣ посажено огромное дерево черемухи). Но и тутъ влюбленный случай, меудержима была потребность жить вмѣстѣ, а между тѣмъ въ „Домѣ уединенія“ женская половина слишкомъ напоминала мать Вар-

¹⁰⁾ Т. В. Шлякову, вопреки ея желанію, въ параллель заставили также называться *Жемчужной*.—¹¹⁾ Матрена жила послѣ долго вдовою въ Малорусскомъ имѣннѣ и получала паспортъ изъ графской конторы.

вару Алексѣевну, а мужская отца: для деликатнаго графа это былъ святыня. Въ „Вольшомъ домѣ“ слишкомъ было набито народомъ, наполнено глазами и ушами, или, какъ говоритъ Шекспиръ, тамъ „въ самыхъ стѣнахъ были голосники:“ тамъ была и калитчка Анна Николаевна съ сестрою, Алёна Степановна, Т. В. Шлынова, Настасья Петровна, Яковъ Петровичъ, — росшія маленькія „дѣти съ мамамою,“ Марса Черясова и хоръ вреннихъ любимицъ по дѣвчьиамъ. Новал, единственная и чистая, любовь искала новаго жилища и уединенія. Взоръ графа остановился на „Мыльнѣ“, обширномъ деревянномъ зданіи, построенномъ еще при Петрѣ Борисовичѣ, съ великолѣпными ваннами, будуарами, столовою и буфетомъ, картинами и статуями: она помѣщалась въ Сѣверо-восточномъ углу Большаго сада, рядомъ съ каменнымъ Бельведеромъ, наискосокъ отъ Театра и Управительскаго дома. Графъ сломалъ и передѣлалъ „Мыльню“, срылъ ограду и валъ сада, отвелъ отсюда воду и поставилъ, въ 1790 году, такъ называемый „Новый Домъ“, каменный домъ для барскаго жилья послѣ корпуса Бориса Петровича.

Новый Домъ былъ деревянный, съ каменнымъ фундаментомъ, вырешень дншою кривою, на 17 саженахъ длины и 4 саженахъ (слишкомъ) ширины, о 13 комнатахъ, съ двумя входами—изъ сада съ Западной, и отъ театра съ Сѣверовосточной стороны. Внутри все было просто, но уютно и комфортабельно въ высшей степени. При входѣ изъ сада сѣни, на лѣво официантская и столовая съ буфетомъ, на право пріемная, наугольная гостиная, по фасу къ Слободѣ спальня графа, гардеробъ, комната проходная, кабинетъ, и проходная „въ студию Прасковьи Жемчужовой.“ Мы обошли домъ вокругъ и теперь въ Сѣверовосточномъ его углу, въ новой пристройкѣ въ корпусу передѣлаваемой Мыльни, въ покояхъ Параша. Здѣсь было три комнаты съ прихожею, окна въ вреннему жилью — флигелю актрисъ и Управительскому дому, къ Театру и въ садъ. Въ спальнѣ образъ Богоматери, съ вызолоченными полями и вѣнцами, французскіе обои, въ двухъ окнахъ занавѣсы изъ аттрапеза и серианки, въ простѣнкѣ зеркало, два дамскихъ портрета, двѣ картины отъ пастушками, ниша для самой простой постели съ ситцевымъ подзоромъ, два сосновыхъ столика, березовыя кресла, поцоловъ подбитъ холстомъ, полъ сосновый. Отсюда ходъ въ дѣвичью. Въ двухъ остальныхъ комнатахъ образа—пр. Іаіи (день рожденія хозяйки) и Богоявленья, въ недорогихъ окладахъ, русскіе обои, такое же простое убранство и скромная мебель, ольховый комодъ и сосновый шкафикъ, прихожая и особня сѣни съ крыльцомъ. Единственному роскошь составляло искусство, въ картинахъ, принадлежавшихъ впрочемъ графу и размѣщенныхъ какъ здѣсь, такъ и по смежнымъ комнатамъ: Моисей, Самсонъ у Давиды на колѣняхъ, Сусанна, усѣиновеніе Предтечи, Христосъ среди дѣтей, Луcreція и Тарквинія, Время и Кундонъ, жертвоприношеніе Ифигени, Геркулесъ, Венера, Градин, Нимфы, Аполлонъ съ Музами, Дафнисъ, пейзажи и цвѣты, женщина на колесницѣ

и другая съ нотами въ руках—изображеніе самой хозяйки¹²⁾. Трудно представить что ни будь проще и дѣвственнѣе не таковы бывають покойныя мыльшникъ эманципированныхъ женщинъ и особенно у многихъ актрисъ или пѣвицъ. Фасадъ дѣлаго дома выходилъ на Восточную сторону и съ постройкою этого новаго барскаго жилья должно было много измѣниться воокругъ. Отдѣлены фангела артистовъ, стоявшіе передъ лицомъ и взоромъ; направо, „в то г а я В о д о д ѣ в о д н а я в а щ и я (о первой выше),“ служившая прежней Мыльшн и фонтанамъ при Итальянскомъ домѣ, сдѣлалась теперь не нужна и скоро сломана, оставивъ по себѣ мыльшникій комодезъ; снесены въ другое мѣсто ранние матеріальные саран, ельники и т. п., въ саду же прибавлены вушка, погребя, конюшни (въ сторонѣ отъ оражжерей). Девять лѣтъ, съ 1790 года, когда построена эта домъ, до 1799-го длилась здѣсь внутри, въ тишинѣ и уединеніи, между природою и искусствомъ, жизнь влюбленныхъ. Прасковья Ивановна знала одну дорогу—въ театръ да въ садъ, по большой крайней аллеѣ при Сѣверной оградѣ. Она помнила только молиться дома, заниматься искусствомъ, послушно любить графа. Какъ сама жила скромно, такъ не давала зазнаваться родницѣ, тѣмъ больше, что это навлекло бы непріятности владѣльцу: родные скорѣе сердились на нее, чѣмъ радовались счастью или помогали. За то, гдѣ не предстоило столкновеній щекотливыхъ, она дѣлала добро всякому, кому могла и чѣмъ только могла. Отъ нея не видали ни спѣси, ни притѣвленія, ни выматательствъ: не было человѣка, кого бы она обидѣла, хоть бы словомъ; въ массѣ крестьянъ и особенно обидчивыхъ дворовыхъ не было и нѣтъ человѣка, кто бы помянулъ ее чѣмъ либо дурнымъ. Но за это всечаски жетия: счастье прерывалось ежедневными тревогами, сплетнями, слухами, угрозами, пересудами, вторгавшимися внутрь уединенія. „Актриса, барская барыня, кузничиха Прасковья,“— вотъ что шепталось и при случаѣ кричалось вокругъ всѣми недовольными, кто мало пользовался; или не успѣлъ еще извлечь выгоды, или былъ совершенно уже доволенъ и больше не дорожилъ. Усердной богомолницѣ запрещалось даже ходить въ Церковь, во избѣжаніе косыхъ взглядовъ и сплетень. Это скорѣе была затворница и обреченная жертва. Графъ съ своей стороны дѣлалъ все для ея—и виѣсть собственнаго—счастья, на сколько его понималъ, кромѣ того, въ чему не доставало силъ, кромѣ стойкости, которая часто изживала ему. Забыть себя какъ графа, знатнаго богача, придворнаго, общественнаго человѣка, — а все это увеличивало разстояніе отдѣлившей бездны, — было ему тяжело: онъ боролся, крѣпился, прибѣгалъ также къ молитвѣ, но порою изнемогалъ. По разсказамъ старыхъ людей, онъ входилъ не рѣдко въ комнаты Парамы и заводилъ съ ней бесѣду, какъ ему такко, какъ его зовуть куда ни будь далеко, то онъ собирается жениться (на ров-

¹²⁾ По описи 1790 г., сравненной съ позднѣйшими.

но»), то проседь приходится или разстаться: Параша не возражала, не выражала ни упреков, ни жалоб; только послѣ, какъ видѣть графа, все она плачетъ да плачетъ, обнимаетъ руками образъ Божьей Матери, а больше скорбныхъ, да все цѣдуетъ его, молятся и льетъ слезы. Испытывалъ ли графа, или слабѣлъ какъ человекъ? Это ли значило — „Не къ тому ты рождена, завтра будешь тешожа?“. Наконецъ гѣбра страдавшая истощалась; правда, милость и любовь вдохнули рѣшимость графу. Первымъ дѣйствіемъ этого былъ въ 1798-году отъездъ на волю (дѣтихъ поръ, 30 лѣтъ, она все еще была вѣрноподданною!). Но дать по какому же фамиліи, послѣ ревизіи 1795-го года, гдѣ они все еще числилась въ вѣрноподданствѣ по Юхотской волости? Кузнецова; Горбунова, Горина, Зорина, Жемчужова, — все это же годимось, слишкомъ напоминало; слишкомъ указывало на происхожденіе. Остановились на томъ (вѣроятно думавшіе табукою думою совѣтники), что „кузнецъ“ по Вѣлорусскіи, Малорусскіи и Польскіи „коваль“, что „Кузнецова“ будетъ „Ковалева“, по частію и въ Константиновѣ, мѣстѣ прежняго жительства, нашлись между крестьянами „Ковалева“. Прасковья Ивановна сдѣлалась свободною *Ковалевой* ⁽⁴⁾. У Шереметевыхъ отпускиныя всегда были рѣдки: новалъ возбуждалъ негодованіе, толки и притѣвленія, отъ самихъ даже родныхъ, тогда же исказилихъ. Оставаться въ Кусковѣ было уже невъносимо: случай рѣшилъ освобожденіе. Гуляя по большой аллеѣ, Ковалева встрѣтила сторонника посѣтителей, пріѣзжавшихъ также гулять и забавляться: подученные или ради забавы бросились къ ней съ вопросомъ слишкомъ званю каменъ, — „Гдѣ здѣсь кузница, кто кузнецъ и есть ли у него дѣти?“. Огорченная бросилась отъ деревни въ свои помоя: графъ началъ собираться въ Остапкино, — во второй ноябрь 1799 года. — Расставался онъ съ Кусковыми чуть не въ слезахъ; въ безпокойствѣ въ цѣлостъ памятникы отъосланныхъ, съ заботою о поддержкѣ: онъ весьма поручалъ беречь, требовалъ письменнаго ружательствъ съ присягою на счетъ ревности храненія, перефлавиши спрашивалъ и ежѣдневно получалъ отсюда письменные рапорты, что все обстоитъ благополучно, цѣли печати, стоять статуи, не видать ни звѣринецъ съ охотою, лебѣди плаваютъ, въ особенности печи осмотръ рѣки и трубы вычищены; и т. д. Между прочимъ, къ 1800-году и *Театръ былъ замечателенъ*; наложены печати на гардеробы, на вѣсъ его отдѣленія: съ тѣхъ поръ больше не отирывался онъ для представлений; замолокъ и заглохъ послѣ 15-тилѣтняго существованія и 10 или 11-ти лѣтъ процвѣтанія, заткнуто паутиной, заселены ласточками и летучими мышами; но, благодаря тому же, онъ лучше другихъ памятникы чуждымъ и въ глубинѣ сцены стоитъ еще классическая колесница; какъ будто вы сейчасъ видите и слышите на ней лавицу Жемчужову. Не то послѣдовало ея „Новымъ дономъ“. Прасковья Ивановна, жилица не оти

⁽⁴⁾ Отпуская отъ 15 Декабря 1798 г. Записана въ С.-Петербургской Гражданской палатѣ (подальше отъ Москвы).

сего міра, взяла съ собою не много, только главное — образа, а графа и кодавно; нѣсколько времени все стояло нетронутымъ. Но черезъ 10 лѣтъ, по смерти графа, опекуны начали пускать сюда наемныхъ жильцовъ: въ 1811 г. майорна Н. П. Зубова, въ 1812-мъ Ст. Сов. Ф. К. Соколовъ, послѣдними были — Влад. Петр. Веневитиновъ и въ 1820 г. вдова его, Анна Николаевна (урожденная Оболенская). Съ тѣхъ поръ опекуны нашли дорогимъ поддерживать: домъ — памятникъ столь дорогой для Шереметевыхъ, жилищемъ Прасковьи Ивановны — скрыть до основанія и всякого слѣда, мѣсто его заглажено будто какое-то проклятое. Только серебряные тополи, посаженные здѣсь и столь отличные отъ всего окружающаго сада, растутъ съ каждымъ годомъ роскошнѣе и шапчутся въ листьяхъ о быломъ.

Разставанье съ Кусковымъ рѣшило участь и остальной родственной семьи. Мать Прасковьи Ивановны не дождалась ея счастья и скончалась около 1799 года. Въ Декабрѣ 1801 года, послѣ рѣшительнаго перелома въ жизни графа, всѣмъ оставшимся въ живыхъ роднымъ дана вольная ⁽⁴⁾, которой воспользовался и отецъ Иванъ Степановъ 62-хъ лѣтъ, и сынъ его Аѳанасій 30-ти лѣтъ, женатый уже на Аннѣ Акимовой съ дѣтьми Петромъ и Аленою. Въ 1803 году, оба, отецъ и сынъ, по ихъ просьбѣ, записаны въ Московскіе кунцы 3-й гильдіи (Батареинской слободы): но разумѣется не торговали, не промышляли и ничѣмъ не занимались, первый по старости, а второй по лѣни. Кромѣ дароваго помѣщенія и прислуги, имъ отпускалось изъ домовой канцеляріи, Ивану Степанову по 500, сыну по 800 р. сер. въ годъ, а по завѣщанію графа еще болѣе въ единоразовенную выдачу: „Отпущеннымъ отъ меня на волю съ выданными отпущеными, Ивану Степанову сыну, прозывающемуся *Кузнецовымъ*, *Ковалевымъ* и *Ковалевскимъ*, а также и сыновьямъ его, на раздѣлъ во волю ею отцовской, дать всего 50.000 рублей.“ Здѣсь мы видимъ еще новую, седьмую фамилію — *Ковалевская*, о которой скажемъ ниже, и которую, по прежнему образцу, усиливались скрыть прошлое, либо „облагородить“ безъ того честное дѣло. Тѣмъ не менѣе, не смотря на эти хлопоты, пока Иванъ Степановъ оставался въ Кусковѣ, его продолжали звать, и во всѣхъ бумагахъ, „бывшій кузнецъ Иванъ Степановъ Горбунъ“, „Иванъ Горбуновъ“, потомъ „бывшій кузнецъ Иванъ Степановъ“, наидѣе „Иванъ Ковалевъ“, только духовенство, желая угодить, прописывало его „Иванъ Степановичъ сынъ Кузнецовъ.“ За нимъ, по настоянію горячо любившей дочери, ухаживали, особенно остерегая отъ излишествъ, и для того не оставляли одного дома, а приставленъ былъ къ нему особый дядька Харитонъ Сорокинъ. Потому въ рапортахъ изъ Кускова въ Останкино, рядомъ съ Театромъ, статуями, оранжереями и лебедями, обыкновенно прибавляли: „Иванъ Степановъ благополученъ.“ Но дочь скучала по немъ, не рѣдко вызывала, а скоро со-

⁽⁴⁾ Записана въ Московскомъ Уѣздномъ судѣ.

всѣмъ соскучилась и потребовала его на житье къ себѣ: Апрѣля 23-го 1801 года, взявши свой кузнечій молотокъ да курь, старинѣ перебрался въ Останкино ¹⁴⁾. Тамъ помѣстили его на слободѣ въ особомъ домѣ и онъ пережилъ еще и дочь, и самого графа. Бѣдовый Аванасій остался и по просьбѣ сестры поселился въ дому отцовскомъ ¹⁵⁾. Его въ бумагахъ мѣстныхъ прозывали также по просту „портной Аванасій Горбуновъ“ или „Кузнецовъ,“ и только позднѣе „Ковалевъ,“ а съ конца 1801 года „Кавалевскій“ и еще позднѣе „купецъ Ковалевскій,“ съ деликатною замѣткою, что онъ „Московского штата,“ „Ваштатный,“ получаетъ жалованье „пзъ казначейства“ и „какой онъ по положенію отъ Его сіятельства окладъ получаетъ, при Кусковѣ неизвѣстно,“ „состояніе же его домовому правленію извѣстно.“ Въ началѣ 1802 года ему вновь перестроенъ и отдѣланъ „казенный,“ т. е. графскій домъ, съ обращеніемъ въ его собственность, на Старой Слободѣ: но онъ не переставалъ непрерывно вопить до самаго 1820 года, то о прибывахъ, то о подаркѣ лошади, о даровомъ сѣнѣ для коровы и т. д.; наконецъ потребовалъ себѣ каменнаго дома, пока наконецъ при извѣнчившемся порядкѣ вещей, послѣ графа и при опекунахъ, вовсе былъ удаленъ изъ Кускова, какъ говорятъ, въ Малорусскую Борисовку.

Кусково опустѣло, и здѣсь собственно долженъ кончиться нашъ очеркъ, который мы добавимъ нѣсколько лишь для округленія и для „не многихъ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ поднялось Останкино, дотогѣ не столь видное и обязанное Кускову своими садовниками, растеніями, убранствомъ, переѣхавшими хозяевами и увеличившимся числомъ посѣтителей. Послѣ Кускова это сдѣлалось вторымъ любимымъ мѣстомъ дачъ и народнаго гулянья, гораздо прежде нынѣшнихъ Сокольниковъ: въ кругъ Останкина снова воскресли—Марьяна Роца, Свирилово, Медвѣдково, Леоніово, Растокино,—такъ возвратилась старина, а послѣ того, въ наше время, старина самая старшая, Романовская,—въ Сокольникахъ.—Въ Останкинѣ чета вздохнула свободнѣе: тутъ не было обязательныхъ преданій, подругу графа только видѣли да знали по слухамъ, не было у нея тысячи тяжелыхъ связей, заботливо отсюда удаленныхъ. Графъ, по обычаю людей его характера, разъ вырвавшись изъ Кускова и положивши блюсти его неприкосновенность, кончилъ тѣмъ, что постепенно пересталъ вовсе посѣщать мѣсто дорогихъ, но щекотливыхъ воспоминаній, мало по малу приказывалъ перевозить въ Останкино оружіе, картины, памятники, драгоцѣнности, перевелъ школу, живопись, мастерства, театральную труппу: повторились тѣ же представленія, оркестры музыки, хоры, катанья по прудамъ съ пѣснями, фей-

¹⁴⁾ Успѣвши впрочемъ при отъѣздѣ заложить свое платье за рубаш. долги были выкупить. — Говорятъ, что хранящійся въ Театрѣ портретъ лекачаго во гробу — списанъ съ него: сходство съ дочерью есть. Онъ умеръ въ Останкинѣ 27 Апр. 1813 г.—¹⁵⁾ Въ сходственность изустнаго Его сіятельства, на просьбу *Прасковьи Ковалевой*, приказанія. Отъ 22 февр. 1800 года.

ерверья и т. д. Театръ былъ тамъ „домашній“: допускались только избранные, меньше было огласки, болѣе свободы для главной его героини. Потому и прежде, не желая вводить въ нитиммы подробности Кускова, графъ предпочиталъ принимать и чествовать высокихъ посѣтителей въ Останкинѣ, какъ на примѣръ Павла I-го и Понятовскаго. Въ эти годы, живя зимою въ Петербургѣ какъ близкій придворный императора, графъ допускалъ однакоже немного открытыхъ приемовъ и, разумѣется, всего рѣже показывалась тамъ Прасковья Ивановна. При Шереметьевскомъ домѣ на Фонтанкѣ, въ саду, поставленъ былъ деревянный домъ, напоминавшій собою убѣжище Кусковское: городское уединеніе графа оживлялось другою жизнью. Между тѣмъ духъ освобожденія, повѣявшій въ Останкинѣ, былъ такъ силенъ, что ее, какъ хозяйку дома, навѣщала императоръ Павелъ, признавая этимъ „совершеннѣйшаго фактъ“; еще болѣе любилъ и уважалъ ее за высокія качества души московскій митрополитъ Платонъ, свѣтло своего времени ¹⁷⁾. При воцареніи Александра пахнула свобода уже по всей Россіи и конечно нашла себѣ готовую почву въ домѣ Останкинскаго владѣльца. Осенью 1801 года, къ увеселеніямъ, длившимся тогда въ Москвѣ и окрестностяхъ, изъ Кускова въ Московскій домъ и Останкинскій окончательно перешли принадлежности Театра, декораций, часть гардероба, труппа, особенно танцовщицы и актрисы. Октября 1-го посѣтилъ Останкино и самъ государь, разливавшій вокругъ себя любезность, доступность, непринужденность: мы не знаемъ въ точности происходившихъ при этомъ встрѣчъ, объясненій и переговоровъ; только рѣшимость графа окрѣпла окончательно. Посовѣтовавшись съ добрымъ своимъ другомъ, митрополитомъ Платономъ, „съ апробаціи и благословенія его ¹⁸⁾“, графъ вступилъ въ законный бракъ и объявился. Бумаги передаютъ, что это произошло „въ Москвѣ торжественно ¹⁹⁾“, народъ же мы видѣли, такъ радъ былъ сему событію, что сдѣлалъ объ этомъ добавку къ пѣсни Прасковьи Ивановны и увѣряетъ, что свадьба была въ Успенскомъ Соборѣ, или же, по разсказамъ, въ Вешняковѣ, съ необъятнымъ свадебнымъ поѣздомъ отъ Московскаго вала вплоть до села. На самомъ дѣлѣ избрана была деревня Симеона Столпника на Поварской, самая уютная, между переулками съ двухъ сторонъ, такъ что посѣтители, кромѣ особо знавшихъ, не могли набѣжать со стороны. Здѣсь-то, 6-го Ноября въ среду, въ день св. Павла, 1801 года въ семь часовъ вечера совершился бракъ. Свидѣтелями были самые близкіе люди: родственникъ кн. Андрей Николаевичъ Щербатовъ; извѣстный археологъ, начальникъ Московскаго архива дворянинъ

¹⁷⁾ Разъ онъ въ живой бесѣдѣ увлекся до того, что всталъ откровенно и подѣловалъ у Прасковьи Ивановны руку (семейное преданіе). — ¹⁸⁾ Какъ прямо говорить заниска, объ этихъ обстоятельствахъ, которую мы увидимъ ниже — ¹⁹⁾ Та же, сейчасъ поманула, заниска.

дѣлъ, А. Ѳ. Мадновскій; Синодскій канцеляристъ Николай Никитичъ Бемъ (проживавшій въ Кусковѣ на графскомъ содержаніи), и знакомая намъ, другъ невѣсты, Т. В. Шлыкова, живо помнившая всѣ подробности, а скончавшаяся 90 лѣтъ въ 1863 году, такъ что отъ нея можно было почерпнуть самыя вѣрныя показанія.

Къ сожалѣнію, хотя весьма естественно и понятно, суетность и тутъ нашла себѣ мѣсто. Отысканная фамилія „Ковалева“ (см. выше)“ подала мысль о связи съ извѣстной фамиліею *Ковалевскихъ*, столь распространенныхъ между шляхтичами по Бѣлой и Малой Русѣ, особенно же въ Польшѣ. Для убѣжденія въ этомъ сродствѣ, изъ Малорусскихъ кнѣжнѣй графскихъ, выписанъ былъ нарочно въ 1800 г. Моисей *Ковалево* и помѣщенъ въ Кусковскіе кузнецы: онъ долженъ былъ наглядно связывать предполагаемую фамилію Ивана Степанова съ Западною Русью и Константиновскими крестьянами. Между тѣмъ, передъ самымъ бракомъ, выскандя писака-стряпчій, изъ служителей кн. Голицына, „Борисъ Меркуловъ“, обѣщавшій найти родъ Ковалевскихъ въ Бѣлорусскомъ краѣ. Ему дано было вѣращее письмо, чтобы „исходатайствовать справки о семь, а отъ Дворянскаго Собранія доказательства,“ самъ же графъ, „не препятствуя сему, приказалъ по домовымъ своимъ актамъ, о крѣпостномъ на предковъ ея (Прасковьи Ивановны) правѣ, учинить достовѣрныя выправки.“ Мы знаемъ уже, о чемъ прямо говорить такого рода подлинныя уцѣлѣвшіе акты. Но, благодаря старанію, между ними „нашлось и донинѣ хранится въ оригиналѣ ²⁰⁾“ письмо предка, Степана Сергѣева, въ которомъ онъ, не смотря на то, что былъ записанъ по ревизіи 1746 г. графскимъ кузнецомъ и Кузнецовымъ, объяснялъ Петру Борисовичу, что „дѣдъ его родной Яковъ Семеновъ и отецъ Сергѣй Яковлевъ *Ковалевскіе* были природные Польскіе шляхтичи, имѣли свой гербъ,“ Сергѣй же былъ у графа лишь „вольнымъ послуживцемъ, не крѣпостнымъ,“ а потому онъ просилъ графа не числить его въ подушномъ окладѣ. Тѣмъ не менѣе положительнымъ фактомъ остается то, что Степанъ все-таки записанъ Мещериновскимъ крѣпостнымъ и потомство его, какъ мы видѣли, числится дворовымъ Юхотской волости даже по ревизіи 1795 года. И послѣ, когда братъ Параша Николай, обнадеженный подобными „справками,“ просилъ герольдію объ утвержденіи его въ дворянскомъ достоинствѣ Ковалевскихъ по пращуру Якову Семенову, ему рѣшено было, „за непредставленіемъ точнаго засвидѣтельствованія, подлинно ли онъ (Яковъ) ему прапрадѣдъ, доказывать о томъ въ Дворянскомъ Собраніи,“ чего, разумѣется, онъ не доказалъ. Съ своей стороны и почтенный Мадновскій пособилъ найти, между бумагами Иностранныхъ дѣлъ, указаніе въ Разрядномъ архивѣ: что 1664 года, въ числѣ взятыхъ въ полонъ Цольскихъ и Литовскихъ людей, точно состоялъ, присланный изъ полку кн. Боратинскаго, шляхтичъ

²⁰⁾ Помянутая чашка.

Якубъ Ковалевскій; что въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, по росписи Полоцкой шляхты, взятой на государеву службу, 1667 года числится рядовымъ тотъ же Якубъ Ковалевскій, по показанію коего на допросныя рѣчи, родомъ былъ онъ изъ Полоцкаго воеводства, маетность отцовская и его собственная тамъ же—деревня „Водячи“ пзъ 7 дворовъ крестьянскихъ, а въ Польшѣ служилъ онъ шляхетскую службу; по заключеніи же мира съ Польшею, какъ свидѣтельствуется переписная книга того же года, Якубъ (съ сестрою Настасьею) пожелалъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, остаться на Русской службѣ. Въ удовлетвореніе этой вопіющей справедливости стараго дворянскаго рода и въ возмездіе не менѣе вопіющей несправедливости о зачисленіи въ крѣпостные; далъ графъ, въ слѣдъ за бракомъ, Декабря 1801 года, вольную Ивану Степанову съ семействомъ, назвавши ихъ „Ковалевскими,“ или, какъ говоритъ курьозная записка, „по содержанію таковыхъ выправокъ (помянутыхъ выше), графъ Н. П—чь, какъ во вниманіе на бывшія въ древнія времена, въ Польшѣ и въ Россіи, обыкновенія, пребываніе у знатныхъ дворянъ въ послугахъ вольныхъ и свободныхъ людей; а потому, считая за имовѣрное, что означенные Якубъ Ковалевскій и по немъ сынъ его Сергій оставались въ послугахъ у дѣда его графа Бориса Петровича, по знаменитости его званія и чиновъ; яко вольные и свободные по ихъ природѣ, не давая на себя никакой кабалы, которой нѣтъ и не оказалось; потомъ, за смертію ихъ, Якуба и Сергія, оставшіяся перваго внука, а послѣдняго сына, Степанъ при родителяхъ его гр. Петрѣ Борисовичѣ во время 2-й ревизіи включенъ въ число крѣпостныхъ управляющихъ домами и вотчинами (виновать былъ управитель), не взирая на его противурѣчіе, и въ разсужденіи сего, *а притомъ изъ любви къ ней, супруги его, послѣ совокупленія съ нею законнымъ бракомъ* (здѣсь неволью сказалась суцая правда),“ далъ, говоритъ помянутая не разъ записка, отпускную ея роднымъ, прозвавши ихъ Ковалевскими. Записка эта осмѣлилась даже самый бракъ вывести изъ тѣхъ же соображеній, съ одной стороны, будто бы, „во вниманіи на присвоеную отцомъ ея природу (дворянскую),“ а съ другою, гораздо вѣрнѣе, хотя и въ совершенномъ противурѣчии, будто бы онъ это сдѣлалъ „отторгая предразсудки о неравенствѣ и различіи ихъ природы.“ Какъ бы то ни было, существовала тутъ доля правды или нѣтъ, вѣрилъ сему искренно графъ или только „не противурѣчилъ,“ но ревизскія и архивныя сказки, оказавшіяся настоящими сказками, могли еще вызвать отпускную всѣмъ „Ковалевскимъ“ и прикрыть благовидно ея побужденія; самой же Прасковѣ Ивановнѣ лично, для устройства ея положенія, званія и брака, такихъ отвлеченныхъ основаній было недостаточно. Сила она была отпущена *Ковалевою*, не *Ковалевскою*: чтобы перейти въ послѣднюю, требовалось еще посредство живое, осязательный соргичъ. Этому окончательно пособилъ Борисъ Меркуловъ, рыскавшій и рывшійся въ Бѣлорусскомъ Краѣ. Имъ сыскавъ дѣйстви-

тельный шляхтич Ковалевскій, живой и наличный, пожилых лѣтъ, притомъ такой, который согласился усыновить или удочерить себя Прасковью Ивановну. Всѣ обстоятельства его и свѣдѣнія объ немъ, разумѣется, крайне туманны, ибо таковы были они въ сущности и тѣмъ нимѣнѣе выставлены ихъ. Только по долгомъ изслѣдованіи знаемъ вотъ что: шляхтичъ явился въ Россію, зачисленъ гдѣ-то въ службу, получилъ Русскіе ордена; существуетъ портретъ его, въ Кусковскомъ Большомъ домѣ, между друмиш, въ качествѣ „лица неизвѣстнаго,“ не подписаннаго и никому нынче не знакомаго; онъ пожилой, близкій къ старости, но бодрый и пріятный, въ красномъ мундирѣ, съ орденскими лентами. Удивительнымъ образомъ, этотъ же самый портретъ, въ формѣ медальона на цѣпочкѣ, оказывается на груди Прасковьи Ивановны въ ея изображеніяхъ, болѣе раннихъ, предназначенныхъ для показа и не столь „семейныхъ,“ какъ позднѣйшія. Значить, бѣдная Прасковья Ивановна обязана была въ первое время носить на груди образъ челоуѣка, совершенно ей чужаго, называть его отцомъ, вспоминать объ его отцовской любви, и такъ далѣе, въ удостовѣреніе своей „порядочной природы.“ Ему, пришлецу, говорятъ старожилы, гдѣ-то купленъ былъ даже титулъ „барона:“ Прасковья Ивановна вынуждалась считать себя баронессою. Этимъ, а ничѣмъ другимъ, объясняемъ мы существованіе какого-то „барона Ложницъ,“ который, судя по штатамъ, жилъ въ графскомъ домѣ и получалъ очень большое жалованье. Впрочемъ, во времени брака это послѣднее обстоятельство не послѣло: довольно было, что въ вѣнчальной записи Прасковья Ивановна, 33-хъ лѣтъ, обозначена была *Ковалевскою* ²¹⁾. Долго останавливаясь на подобной цѣпи соображеній, графъ, по извѣстной намъ слабости, видимо вчитался, всмотрѣлся и вслушался въ нихъ до того, что подъ конецъ жизни самъ уже имъ повѣрилъ: по вѣрности поставленный супругъ его надгробный памятникъ увѣряетъ, что „здѣсь предано землѣ тѣло графини Пр. Ив. Шереметовой, рожденной отъ фамиліи Польскихъ шляхтичей Ковалевскихъ....“

Прасковѣ Ивановнѣ суждено было навѣдать страданія во всей ихъ постепенности, такъ что никакой шагъ, близившій къ концу, нельзя еще было назвать послѣднимъ, и всякій успѣхъ, всякая побѣда, всякое торжество тотчасъ же сопровождалось новою мукою. Въ послѣдніе года супруги жили зимою въ Петербургѣ, а въ слѣдъ за бракомъ и совсѣмъ перешли въ домъ Николая Петровича на Фонтанкѣ: спальня Прасковьи Ивановны находилась близъ домовою церкви и послѣдняя

²¹⁾ Съ этихъ-то поръ и заставили, хотя кое-гдѣ, употреблять при ея родныхъ прованіе Ковалевскихъ и дана имъ отпуская съ тѣмъ же именемъ, а послѣ, въ завѣщаніи, вѣрно прописаны они „Кузнецовыми-Ковалевыми-Ковалевскими,“ такъ что самая эта постепенность указываетъ на послѣдовательный рядъ вымысловъ.

была единственнымъ ея утѣшеніемъ. Дѣло въ томъ, что бракъ, уже совершенный во храмѣ, продолжалъ оставаться въ тайнѣ: бѣдная жена одного изъ первыхъ богачей и знатныхъ людей не смѣла при всѣхъ назвать его своимъ мужемъ. Февраля 3-го 1803 года родила она сына и назвала его именемъ особенно чтимаго Дмитрія Ростовскаго, образъ котораго, вмѣстѣ съ портретомъ отца его, хранился постоянно въ ея комнатахъ ¹⁾. То былъ единственный наслѣдникъ, извѣстный въ послѣдствіи графъ *Дмитрій Николаевичъ*: но мать, вслѣдствіе опять тайны, не могла открыто признавать его сыномъ своимъ и графскимъ, а потому судьба самого ребенка оставалась на будущее въ совершенной безвѣстности. Кромѣ того, какъ у всѣхъ владѣтельныхъ и слишкомъ богатыхъ фамилій, естественно было чувство опасенія за самую жизнь ребенка. По этому, послѣ родовъ, очена слабая, мать непрерывно спрашивала о новорожденномъ; выражала боязнь, чтобы его не похитили; требовала, чтобы часто вносили къ ней и показывали младенца; единственно радовалась, заслышавъ въ сосѣдней комнатѣ крикъ его. Но дни ея были уже сочтены: вскорѣ послѣ родовъ почувствовавши себя очень дурно, она скончалась 23-го Февраля, въ 3 часа по полудни, того же 1803 года, и погребена въ Александро-Невской лаврѣ, съ означенной надписью на памятникѣ розоваго мрамора и съ прибавленіемъ—въ первый разъ, уже надъ тѣломъ,—что это тѣло „супруги“ такого-то графа, вступившей въ супружество 1801 года Ноября 6.

При жизни ей посвящено было не мало восторженныхъ стиховъ, въ томъ числѣ Французскихъ (подобно какъ Петру Борнсовичу); надгробный памятникъ прибавилъ сюда слѣдующіе:

Храмъ добродѣтели душа ея была,
Миръ, благочестіе и вѣра въ ней жила,
Въ ней чистая любовь; въ ней дружба обитала.
Она и въ смертный часъ, въ предѣльности своей,
Всю чувствовала скорбь оставшихся по ней.
Какая же судьба несчастнаго супруга,
Сужденнаго влачить всю жизнь свою безъ друга?
Безплодны вздохи, плачь, тоска и тяжкій стонъ...

И это были не одни слова. Мужъ заказалъ портретъ лежавшей въ гробу и надписалъ его: „Наказуя наказа мя, смерти же не предаде мя (этотъ текстъ былъ девизомъ покойной и вырѣзанъ на ея печати),“ Изъ спальни устроилъ онъ моленную или образную, завѣщавъ не прикасаться къ сей комнатѣ и блюсти ее какъ святыню; надпись о томъ сохранилась доселѣ ²⁾; другая на полу, гдѣ скончалась Прасковья Ива-

¹⁾ А теперь въ Кусковѣ. Ея собственною рукою переписано Дмитріево сочиненіе „о повседневномъ исповѣданіи грѣховъ.“—²⁾ „Сіе мѣсто было обитаніемъ въ Бозѣ покоящейся матери твоей (обращеніе къ сыну), а моею много почитаемой и обожасмой супруги, графини Пр. Ив. Шерем., рожденной

новна. Вообще весь домъ и садъ въ Петербургѣ испещрены надписями въ ея память и сувенирами: здѣсь сидѣла она, здѣсь проводила пріятно время и т. п.; волосы ея сохранились въ перстнѣ. На бронзовой доскѣ мраморной тумбы въ саду начертано:

Je crois voir son ombre attendrie
Errer autour de ce séjour,
J'approche,—mais bientôt cette image chérie
Me rend à ma douleur en fuyant sans retour...

Въ Большомъ Кусковскомъ домѣ уцѣлѣла картина, въ квадратный аршинъ, шитая шелками, съ надписью графа: „Труды жены моеи Прасковьи Ивановны Шереметевой.“

Все это свидѣтельствуетъ какъ о любви графа, такъ объ ужасномъ состояніи, въ которое онъ былъ повергнутъ смертію. Въ приведенномъ завѣтномъ письмѣ къ малолѣтнему сыну онъ продолжаетъ: свойства и качества ея „заставили меня поспать свѣтское предубѣжденіе, въ разсужденіи знатности рода, и избрать ее моею супругою.... Когда кончина супруги моеи повергла меня почти въ отчаянное состояніе, весьма мало нашлось утѣшителей и участниковъ печали моеи, тогда, когда капля слезы, малѣйшій вздохъ или одно чувствительное слово искренняго друга, честнаго человѣка, могли бы дать хотя слабую отраду душѣ моеи.“ То была участь всѣхъ сильныхъ, знатныхъ и богатыхъ, которыхъ боятся, уважаютъ, эксплуатируютъ, но не любятъ: въ настоящемъ случаѣ вина была на той судьбѣ, которая находила справедливымъ таять—не любовь, подлежащую тайнѣ,—а происхождение и лучшіе годы женщины, таланты ея и самый бракъ. „Я пребывалъ въ безчувственности (онъ не могъ даже присутствовать при наняидакахъ). Когда тѣло супруга моеи сопровождали къ погребенію, никто изъ множества моихъ знакомыхъ и называемыхъ моими друзьями, кромѣ весьма малаго числа искренно ей и мнѣ преданныхъ, не изъявилъ чувствительности къ сему печальному происшествію и послѣднаго долга христіанскаго въ сопровожденіи гроба ея, въ мегеніи объ отлученіи грѣховъ и успокоеніи души ея.“ Эта исповѣдь обладаетъ ужасомъ: судь-

Ковалевской... На семь мѣствъ съ удивительнымъ терпѣніемъ перенесла она двѣ тажіа, едва не смертоносны болѣзни, ич... чудесно избежалась отъ смерти... Ея текстъ, часто ею повторяемый, что „Наказу наказа на Господь, смерти же не предаде“, сей текстъ видѣнъ и на ея печати. Самый же покой сей есть мѣсто, гдѣ почтенная мать твоя разрѣшилась отъ бремени тобою и, давъ тебѣ жизнь, по 27-дневномъ страданіи съ терпѣніемъ мужественнымъ предала душу свою въ руки живаго Бога... Отецъ твой вкушалъ всѣ потребности блага земнаго, но лилась матери твоеи, потерялъ съ нею покой и все благополучіе... Если пожелаешь узнать подробности, то найдешь пространнѣе описаніе здѣсь въ особомъ листкѣ (на этомъ основаніи и для той же дѣли составлена послѣ „Задиска“, котораго увидимъ ниже).“

ба рѣшила, чтобы даже гробъ страдалицы, этого прелестнаго и высокаго существа, не былъ достаточно оплаканъ, чтобы не было толпы молящихся въ церкви, чтобы не проводили слезами до могилы. Всѣ были запуганы прежними страхами и угрозами тайны: и такой „мезальянсъ“ можно было создать въ Россіи, среди такого сильнаго, могучаго народа, изъ котораго вышла героиня, среди такой зыбкой знатности и l'aristocratie flottante!

При жизни, чѣмъ только могла, Прасковья Ивановна благотѣльствовала каждому и, обращая все усердіе свое къ церкви, когда получила возможность, дѣлала богатые вклады и раздавала дары по храмамъ, по иконамъ. Особенно, съ малыхъ лѣтъ привыкли притекать къ иконѣ „всѣхъ скорбящихъ“, она, по разрѣшеніи сыномъ, 12-го февраля успѣла пожертвовать въ сей иконѣ, въ Воскресенскую Петербургскую церковь, драгоценную цѣпь съ камнями¹⁾ и туда же отдала обручальное кольцо свое: въ самомъ дѣлѣ, едва ли кто другой на землѣ стоялъ этого кольца; ему, по правамъ, равнялось лишь обручальное кольцо Натальи Борисовны, посвященное волнамъ Днѣпровскимъ. Но она продолжала разсыпать благотѣвія и по смерти: богатые вклады ровданы на ея помяновеніе; въ Тихвинскій монастырь къ образу Богоматери принесена была супругомъ въ 1806 году лампада необыкновенной цѣны²⁾, съ надписью, вспоминавшей Прасковью Ивановну; ежегодно по завѣщанію ея выдается значительная сумма сиротамъ, бѣднымъ, *убогимъ ремесленникамъ*, на выкупъ за долги и на вклады въ церковь³⁾. Но всего важнѣе тотъ посмертный даръ, которымъ она утѣковѣчила свою память въ Москвѣ. Это благотѣльнѣйшее учрежденіе Шереметьевскаго „Страннопріимнаго дома“ съ больницею и богадѣльнею, основаннаго мужемъ по мысли ея и на средства, ею указанныя (въ нѣсколько милліоновъ рублей, деньгами и доходами съ имѣній). Продолжая письмо къ сыну, графъ говоритъ объ этомъ: „Я давно уже чувствовалъ тягостное состояніе людей, лишенныхъ въ старости, въ болѣзняхъ и нищетѣ, всякаго пособія. Сіе чувствованіе скрывалось во взаимномъ тайномъ согласіи нашемъ съ матерію твоею (въ мысли, въ которой мы сходились, хотя и скрывали ее отъ другихъ), — еще при жизни ея, — облегчить страждущее челоѣчество, а по кончинѣ ея приведено въ дѣйствіе учрежденіемъ Страннопріимнаго дома и разными вспоможеніями бѣднымъ по ея завѣщанію. Тяжка, несносна, мучительна была мнѣ утрата любезнѣйшей моей супруги, о коей горестнѣйшее воспоминаніе приближало меня къ гробу. Но сокровенное утѣшеніе, происходящее отъ чувствованія сего богоугоднаго дѣла, услаждало мои горести.“ Въ самомъ дѣлѣ, какъ

¹⁾ Это, кажется, та самая цѣпь, которую она надѣвала на сценѣ въ своихъ лучшихъ роляхъ: она стояла до 12.000.—²⁾ Болѣе 30.000 по тогдашнему курсу.—³⁾ „Возможнымъ дѣвцамъ сиротамъ 6.000; бѣднымъ семействамъ 5.000; убогимъ ремесленникамъ 4.000; на выкупъ за долги и на вклады 5.000“

Татьяна Васильевна до конца жизни своей не могла вспомнить о своей дорогой подругѣ безъ слезъ и восторга, такъ Николай Петровичъ не могъ выносить воспоминанія безъ глубокаго душевнаго потрясенія: его успокоивала нѣсколько, и единственно лишь, облегчаемая участь бѣдныхъ и страждущихъ, которымъ онъ посвятилъ съ тѣхъ поръ всѣ свои мысли и усердіе.

Между тѣмъ странности не прекращались и послѣ рѣшенія объ устройствѣ Страннопріимнаго дома. Бракъ, совершившійся два года назадъ, возвѣщенъ былъ дому, двору, народу и всему свѣту *только на другой день по кончинѣ Прасковьи Ивановны*: графъ отправилъ въ домовую контору, а отсюда по всѣмъ конторамъ и управленіямъ, для чтенія дворовымъ и крестьянамъ, бумагу, въ которой говорилось о законномъ бракѣ, о признаніи его Государемъ, о родившемся сынѣ, съ этой лишь минуты воспринимавшемъ права наслѣдства. Намъ примиряетъ съ симъ документомъ присоединенное къ нему письмо Дм. Прок. Трощинскаго, черезъ котораго велось дѣло, съ отзывомъ Государя, достойнымъ Александра I-го. „Милостивый государь, графъ Николай Петровичъ! Я имѣлъ уже честь по Высочайшей волѣ увѣдомить В. С.—во изустно, а теперь письменно сообщая, что Государь Императоръ, прочитавъ поданное мною письмо Ваше, извѣщающее о женитьбѣ Вашей, по всѣмъ обрядамъ церкви воспослѣдовавшей въ Москвѣ еще въ 1801 году, и о рожденіи Вамъ сына, Высочайше отозваться изволилъ, что Вы властны были совершить первую, когда и на комъ хотѣли, и что обстоятельства сего брака не перемѣняютъ къ Вамъ милостиваго расположенія Его Императорскаго Величества, которымъ Вы всегда пользовались. Осталось мнѣ приповокупить къ сему собственное мое желаніе, чтобъ новорожденный сынъ Вашъ, возрастая къ утѣшенію Вашему, съ правами рода своего наслѣдовалъ и всѣ его добродѣтели, а тутъ же изъяснить искреннее сожалѣніе о безвременной кончинѣ супруги Вашей, которую Ваше избрало, а любовь поставила было превыше ея состоянія. Имѣю честь и проч. Дм. Трощинскій.“ Хотя и здѣсь, по смерти своей, Прасковья Ивановна не избавилась отъ зова о „превышеніи ея состоянія,“ но все-таки съ такимъ документомъ намъ легче выйти изъ XVIII-го вѣка въ XIX-й.

Однако, повторяемъ, какъ благодаренія, такъ и месть за нихъ сопровождали Прасковью Ивановну даже по смерти ея и за могилой. На этотъ разъ преслѣдованіе возникло изъ лишняго усердія къ услугамъ: оно породило „Записку,“ нами не разъ выше цитованную и которую нельзя иначе назвать, при всей ея благонамѣренности, какъ святотатствомъ, простертымъ на достояніе самой священной памяти. Записка составлена была уже по смерти графа, однимъ изъ нѣсколькихъ опекуновъ надъ его сыномъ, съ цѣлю применить къ другимъ бумагамъ, приведеннымъ у насъ выше, и „облагородить“ все дѣло Прасковьи Ивановны въ глазахъ близкихъ людей, наслѣдниковъ и потомства. Она носитъ за-

главіе: „О родѣ покойной супруги покойнаго графа...., и о обстоятель-ствахъ, какъ собственно о ней, такъ и ближнихъ ея.“ Мы не приводимъ этихъ жалкихъ кощунствъ, старавшихся выиграть ложью. Жутко лишь себѣ представить, что правды о Прасковѣ Ивановѣ, во всей яркости ея свѣта, не зналъ никто, ни даже отецъ ея, ни самъ Государь (на при-мѣръ о бракѣ), до самой ея смерти и другаго дня послѣ смерти: на жен-щину ложился весь позоръ, дѣйствительный или мнимый, всѣ грѣхи, ея собственные и чужіе, безъ всякаго выкупа, который хоть чѣмъ ни будь обѣлилъ бы ее; и сошла она въ могилу не оправданная передъ взора-ми свѣта ни по существу, которое было безупречно, ни даже по самой внѣшней и официальной формѣ. А съ другой стороны, даже по смер-ти, помянутая Записка составляла единственный, болѣе или менѣе до-ступный, документъ съ подробностями о жизни и судьбѣ такой жен-щины, съ фальшею ради „различія природы“ и тому подобнымъ, въ те-ченіе дѣлхъ 70-ти лѣтъ до сей минуты, до сихъ самыхъ страницъ! И послѣ этого говорятъ, что исторія памятлива, справедлива или благо-дарна, и послѣ этого есть какая ни будь исторія у народа и общества, сверхъ политическихъ формъ и владѣтельныхъ именъ, заглавій и титу-ловъ! Оказывается, что пѣсня, простая и скромная пѣсня—не вытека-етъ изъ исторіи и не пользуется ею въ объясненіе себѣ, какъ бы слѣ-довало, а напротивъ вынуждена сама вызывать громкимъ голосомъ исто-рію изъ подъ спуда, какъ будто „Лазаре, гряди вонъ,“ изъ могилы на свѣтъ Божій!

Кусково, говорили мы, постепенно было исчерпано Останьинскою, Московскою и Петербургскою жизнью графа: сначала чуть не плававши при разставаньи и соблюдая тамъ наслѣдіе памятниковъ какъ свя-тыню, онъ потомъ, по свойству своего характера, не только сталъ скоро забывать Кусково и бросилъ посѣщать его, но оттуда извлекъ и перевелъ почти все лучшее, въ томъ числѣ живой памятникъ—сцени-ческую труппу. Оставались собственно стѣны зданій, садъ, опечатан-ный театръ, да послѣднее—заселенное живыми существами—Звѣринецъ. И изъ него графъ постепенно перебралъ оленей къ столу; о другихъ животныхъ заглазно перестали радѣть и усердно извѣщали, что тѣ или другія пали, а приплоду новаго нѣтъ; наконецъ дѣнные одени, борзны и гончіи собаки, волторны и рога (полубушурь, присталы, завывщики) уступлены или проданы разнымъ лицамъ, славившимся въ ту пору охотою, — сгермейстеру кн. Петру Алексѣевичу Голицыну, гр. Ивану Петровичу Салтыкову, владѣльцу Никольскаго, И. Дм. Уварову, Аннѣ Никитичнѣ Нарышкиной. Къ 1811 году Звѣринецъ былъ уже совсѣмъ поконченъ и началъ сдаваться подъ цокось. Къ довершенію я самъ „Крезъ меньшей скончался въ скукѣ:“ онъ умеръ въ Петербургѣ, снѣ-даемый горестью по Парашѣ и среди единственнаго утѣшенія отъ рас-точаемыхъ благодѣяній, 2-го генваря 1809 года. Впрочемъ такую массу средствъ и памятниковъ, какая создана была артистичностью,

стараніемъ, трудомъ и экономіей Переметевыхъ, трудно ослабить, обезсилить или расточить простыми, обыкновенными и естественными путями: сама внѣшняя природа и время для этого безсильны, если не присоединится сюда причинъ особенныхъ и неожиданныхъ, чрезвычайныхъ и случайныхъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ, роковыхъ бичей, посылаемыхъ судьбою, является время отъ времени „опека,“ дѣйствующая въ малолѣтство наслѣдниковъ или до ихъ раздѣла, подобно какъ въ междоцарствіи государствъ. Въ долговременный ростъ Дмитрія Николаевича, опекуны свозили, уничтожали, продавали—даже съ аукціона — все, попадавшееся подъ руку, имущество движимое, памятники искусства, зданія, сооруженія, то прикрываемъ недостаткомъ средствъ для штата, то трудною поддержкою, то необходимостью и выгодною для наслѣдника, ибо въ теченіе его малолѣтства многого могло обветшать, выйти изъ моды, употребленія, цѣны и годности. Вскорѣ показался, какъ нарочно, другой чрезвычайный бичъ,—нашествіе Французовъ, въ 1812 году навалившихся на Кусково: впрочемъ они не столько унесли и пограбили, сколько уничтожили, а еще больше испортили; они по просту, безъ особаго намѣренія, дурачились и издѣвались, проваливая или раврубая, на примѣръ, мебель, стрѣлая въ портреты и картины, и т. п. (см. о томъ особую нашу статью). За то пришлось это какъ нельзя лучше на руку опекунамъ: они исписали громадные тетради перечнемъ уничтоженныхъ и награбленныхъ Французами вещей, которыя впрочемъ не ушли дальше извѣстныхъ кармановъ. На знакомомъ для насъ рубежѣ, между Перовымъ съ Тетерьками и Кусковымъ, возникло даже особое помѣстье съ слободою — „Опекуново (нынче зовутъ Пякуново):“ это дѣлая засада и крѣпость для обстрѣливанья Кускова. Собственно говоря, если взять въ расчетъ долги, симъ способомъ накопленные, наслѣднику при его возмужалости осталось весьма немного: и только опять простой народъ, крестьянство, въ настоящую пору денежнаго выкупа раскрывшее свои нажитыя громадные средства, они-то спасли и возстановили достатокъ древняго рода въ недавнее время. Но Кусково, хотя его отчасти и подновилъ, и разчистилъ Дмитрій Николаевичъ, послѣдніе свои годы здѣсь жившій, сдѣлалось непоправимо: съ каждымъ днемъ оно ветшаетъ и рушится, перехода въ настигнущее гуртомъ волось, такъ, что невольно вспомнишь стихъ Овидія — „Мѣсто святилища такой настигнущей стало волось...“ Если же мы безпристрастно взглянемъ, кто собственно въ самомъ началѣ и въ корнѣ потрясъ сооруженное Петромъ Борисовичемъ, мы должны признать, что это была Прасковья Ивановна: своимъ появленіемъ и своей судьбою она расторгла прежнія затянутыя связи и превратила со дна сложившійся прочно порядокъ вещей. Въ этомъ существѣ, пришедшемъ изъ селенія по Рязанской дорогѣ и представшемъ столь внезапно избалованному графу на рубежѣ Кускова, при поворотѣ съ Владиміремъ, была какъ будто роковая отплата за ту странницу, ко-

торая была отвергнута холодностію брата, по Рязанской дорогѣ отправлялась въ ссылку, по Владиміркѣ возвращалась убогою изъ Сибири и ночевала у чужихъ людей на краю Кускова *). Передъ всѣмъ этимъ, долго создававшимся, графскимъ величіемъ, богатствомъ, знатнымъ родомъ, искусствомъ, роскошнымъ памятникомъ, какъ бы выросло изъ земли лицо, разбившее въ дребезги драгоценный монументъ со всѣхъ привлекательныхъ сторонъ его. А въ лицѣ этомъ, изъ земли и отъ земли, дѣйствовать, разумѣется, самъ народъ, разрушая несвойственную, чуждую ему исторію, пользуясь ею для своихъ цѣлей, но пролагая новые пути для исторіи совсѣмъ иного рода.

Прасковья Ивановна оставила намъ нѣсколько своихъ портретовъ, писанныхъ лучшими художниками, отъ самой ранней поры, когда мы выше видѣли ее въ цвѣтущей молодости и въ блестящемъ уборѣ для сцены, до изображенія во гробѣ. Домашніе или семейные портреты представляютъ ее въ крайней простотѣ, обшитою въ капотѣ съ красными и черными полосами. Но всѣхъ выразительнѣе четыре, сохранившіеся въ Кусковскомъ Большомъ домѣ. Изъ нихъ, за первымъ сценическимъ †), слѣдуетъ портретъ (въ парадныхъ комнатахъ)—лучшихъ зрѣлыхъ лѣтъ и примиреннаго взгляда на жизнь, разлитаго во всемія существѣ невозмутимымъ, твердымъ, сильнымъ и сознательнымъ спокойствіемъ: бѣлое платье, перекинутый въ родѣ плаща красный большой платокъ, на головѣ кружевной чепецъ, на груди—на золотой цѣпочкѣ—медальонъ съ портретомъ „названнаго“ отца, въ лѣвой рукѣ ридикюль, въ правой вѣеръ, статура почти до ногъ ‡). Типъ лица здѣсь именно тотъ, который выразительно—и вѣроятно на долго, если не на всегда—переданъ въ родѣ Шереметевыхъ, а всего ближе повторился въ лицѣ сына Дмитрія

*) Удивительное стеченіе противоположныхъ событій въ однихъ и тѣхъ же рамахъ мѣстности и годовъ. На Рязанской дорогѣ, которою пошла отторгнутая сестра въ Сибирь, женился и вѣнчался, въ Вешняковѣ, восторжествовавшій братъ, извлекшій отсюда важнѣйшіе источники своихъ богатствъ и затѣй: и съ той же дороги, по происхожденію своему, явилась въ Кусково Прасковья Ивановна. Петръ Борисовичъ началъ радъ главныхъ сооруженій своихъ съ Большаго дома, въ 1771 году: именно съ того года, какъ кончилось все съ злополучной его сестрою и своею кончиною она развила брату такія узлы воспоминаній. Путница изъ Сибири свернула съ Владимірки на Кусково и не встрѣчая брата: на томъ же поворотѣ, у моста, встрѣтила сына мстятельница, вина давшаго Кускова и разрушенныхъ горделивыхъ затѣй его. Наконецъ страдальческой перстень Натальи Борисовны, сгибшій въ волнахъ при обѣтѣ Богу, повторился въ перстихъ другой страдальцы, который также посвященъ былъ Богу и иконѣ.—†) Противъ него тутъ же портретъ молодой и милой Т. В. Шликовой.—‡) Портретъ приписываютъ Як. Ио. Аргушову: изъ Шереметевскихъ дворовыхъ, любимый графомъ Николаемъ и самъ его любившій, даровитый молодой художникъ сопровождалъ его за границей и оттуда почерпнулъ средства образованнаго искусства; любовь къ родно-

Николаевича *). Третій портретъ, поясной же, въ уборной графини: дикое платье и галетный¹ платокъ шарфомъ вокругъ стану, съ бѣлымъ обвитымъ покрываломъ на головѣ и съ волосами въ беспорядкѣ, явно изъ дней и годовъ напряженной душевной тревоги. Последній, ступень отъ предыдущаго, какъ бы нарочно рисуетъ убранство, сходное съ портретомъ вторымъ — бѣлое платье, красный платокъ шарфомъ, медальонъ на груди: но какое равстояніе между тѣмъ и другимъ, какая глубокая разница! Лицо страдальческое, силы надломлены, близость неминуемой смерти. Говорятъ, что, по роковой судьбѣ, даже эти портреты долгое время скрывались и явились свѣту благодаря лишь особымъ обстоятельствамъ въ семьѣ графской. Какъ бы то ни было, глядя на два первыхъ невольно подумаешь: какое дивное существо разрушено последующими муками! При двухъ послѣднихъ всякой зритель, сколько ни будь внимательный, по неволѣ скажетъ: какіе ужасные слѣды страданій и какаѣ же бездна страданій, здѣсь, въ этомъ лицѣ, повѣданныхъ! И однако же Прасковья Ивановна была счастлива, по крайности считала себя счастливою, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ считали другіе: она безпредѣльно любила. Любовь же, одинаково искренняя, предастъ забвенію ошибки графа, достаточно искупленныя страданіями его по смерти подруги. Но подивнись судьбѣ дѣлъ человѣческихъ: оба они любили и — страдали; для четы источникомъ страданій было то, что нынѣ предъ взоромъ всего свѣта обратилось бы — и обращается — въ торжество и славу; напротивъ, всякое ихъ тогдашнее торжество, побѣда, слава, внѣшность блестящая, — все это и было поводомъ къ мукамъ.

Такова эта героиня, которую породилъ и подарилъ Россіи изъ вѣдръ своихъ Русскій народъ. Она стѣбитъ, она заслуживаетъ подробностей изображенія, и еще болѣшихъ, еще выразительнѣйшихъ: какъ Русская типическая женщина, истая дочь народа простаго, плодоносный привокъ къ знаменитому роду, существо рѣдкой красоты и души, талантливая артистка, создательница народной пѣсни, удостоенная высочайшей чести, выпадающей на долю немногимъ, — удостоенная быть и остаться героинею широко и далеко распространенной пѣсни народной. Пѣсня поетъ о героинѣ, даже не зная ея: узнавши, тѣмъ долѣе должна оставаться при ней.

му Кускову и къ его лучшей героинѣ вдохнула въ изображеніе особенную правду и живость. Кисть Аргунова какъ будто создана была для одной Прасковьи Ивановны: она схватывала самое неуловимое, на лету, въ движеніи жизни. — *) Именно въ верхней половинѣ лица: изящный, артистическій, хотя и не большой лобъ; глаза, — нѣсколько растянутые по Азіатски, — съ тѣмъ выраженіемъ, о которомъ мы уже говорили; замѣтно выдавшіяся скулы; необыкновенная нѣжность и доброта въ чертахъ. Все это, очевидно новое, отличіе присоединилось къ древнимъ Шереметьевскимъ признакамъ, изъ которыхъ особенно повторяется въ роду выдавшіяся впередъ подбородокъ и выдавшіяся нижняя губа.

Выпускъ 9-й начался и кончается Шереметовыми: лучший конецъ послѣ добраго начала и лучшее вступленіе къ нашему XIX вѣку, который найдемъ на слѣдующихъ страницахъ.

* * *

Конецъ вѣсны 9-го выпуска.

ДОПОЛНЕНИЯ
КЪ VIII И IX ВЫПУСКУ ПЬСНЕЙ,
СОБРАННЫХЪ П. В. КИРЪЕВСКИМЪ.

THE
MUSEUM OF
ART AND
ARCHITECTURE
OF
THE
CITY OF
NEW YORK
AND
THE
METROPOLITAN MUSEUM OF ART

Часть III.

Выпускъ 8-й.

приобрѣли еще устный образецъ пѣсни о *рожденіи Петра*: но, желая хорошенько разъяснить ее въ связи съ напечатанными прежде образцами, которые подали поводъ къ страннымъ недоумѣніямъ, отлагаемъ до слѣдующаго выпуска.

Слѣдующая историческая пѣсня, дополняя немногія, намъ извѣстныя, но тѣмъ болѣе драгоцѣнныя пѣсни о Стрѣльцахъ, изображаетъ намъ пору разыгравшейся ихъ бурной удали передъ концомъ, но вмѣстѣ, при воцареніи Петра, безнадежность ихъ положенія: проступившись, они могутъ еще пожаловаться въ Москвѣ начальству, чтобы выпутаться, а все-таки будутъ „слыть виноватыми“ и потому рѣшаются смиренно разойтись по домамъ. Въ особенности любопытно, что здѣсь представляется встрѣча этого послѣдняго дружиннаго и служилаго царскаго войска, въ его древней формѣ, съ земствомъ, именно съ *крестьяниномъ*: встрѣча почти такая же, и съ тѣми же послѣдствіями, какъ въ старшихъ Былинахъ знаменитая встрѣча первой дружины Олеговой съ крестьяниномъ Микулой. Очень важно сличить эти двѣ крайнія сопоставленныя точки и отмѣтить различія, которыя по времени возникли въ историческихъ чертахъ и въ отгѣнкахъ пѣснотворческаго образа.

Стрѣльцы и крестьянинъ.

1.

(Губ. Орловской, у. Болховск.)

Шли Стрѣльцовъ молодцовъ
Пятьдесятъ человекъ ¹⁾,

¹⁾ Стихъ начинается расказывать по полямъ и на этомъ пути образуетъ повозничатую прибаутку въ родѣ прибава: ср. объ этомъ явленіи ниже по многимъ мѣстамъ.

Сами сговорились, сами смóвлился:

«Ежели бы намъ, ребятушки,

5. «Кобылушку соловую ²⁾!

«Намъ бы только экипажъ ³⁾ везла:

«Сами бы мы пѣшки шли!»

Вдѣтъ крестьянинъ ⁴⁾, дубъ волокъ ⁵⁾:

Подъ крестьяниномъ кобылушка соловая ²⁾.

10. Взглянули они, сами смѣхнулись ⁶⁾:

«Что въ Христа ⁷⁾ молили, то Господь намъ далъ!

«Ну-ка, сѣмъ-ка ⁸⁾ мы, ребятушки,

«Навалимся!»

Видитъ крестьянинъ неминуемое свое ⁹⁾.

15. Распрягаетъ кобылушку соловую,

На колѣно дугу распрямливаетъ ¹⁰⁾:

Всѣхъ перебилъ, будто волкъ, перебилъ.

Слины понабилъ, какъ свѣтуля снарядилъ ¹¹⁾.

«Ну-ка, ребята, челобитную писать,

20. «Челобитную писать, къ Москвѣ посылать,

«Къ Москвѣ посылать, ко царю подавать!

«Къ Москвѣ дамъ дѣтить, —

²⁾ Такой же стихъ. — Та же, самаа, кобылушка соловая, какъ при Маджугѣ и Олгѣ. — ³⁾ Новая вставка вмѣсто стараго слова, вѣроятно «обоза»: стрѣльцы скучаютъ тащить на себѣ военную броню, сбрую и снаряды, подобно какъ Олегъ очень давно желалъ запретъ въ свои дѣла крестьянскую подводку и силу. — ⁴⁾ Старше вѣроятно «крестьянушка»: такъ по стиху и древнимъ образцамъ. — ⁵⁾ Угачилъ, вывезъ изъ гѣсу: а вмѣстѣ указаніе на стѣну и т. д. — ⁶⁾ Усмѣхнулся. — ⁷⁾ В. Христа. Подобныя выраженія очень часты въ пѣснахъ, при нечаянной встрѣчѣ, которая отвѣчаетъ завѣтной думѣ. — ⁸⁾ Древній, еще въ Церк. Славянскомъ, глаголь *сл-ми* (съ носовымъ) и *сл-ти*, отсюда *сл-ить* (съ носовымъ, догадливый), въ дальнѣйшемъ развитіи *слѣтити*, какъ въ Сербск. (и др.) догадаться, придумать. Сѣмъ 1-е л. Ед. и Множ. (вмѣсто *сѣми*), какъ *сѣмъ*, дамъ. Сѣмъ-ка: вотъ мысль, вотъ что пришло въ голову; давай-ка дѣлушка! Еде дамѣ! Изъ *сѣмка* или *сѣмка* (е изъ носоваго) глаголь *сѣмѣти*, *сѣмѣти*, *сѣмѣти*, а наконецъ, когда обшное с принято за предлогъ, приставка другихъ предлоговъ, причемъ корень глагола древняго совсѣмъ исчезъ: *на-мѣтъ*, *на-мѣкато* и т. д. — ⁹⁾ Чего ему не женовать умѣт горе, бѣду. — ¹⁰⁾ Та же болѣе старая форма, какъ у Маджуг. — ¹¹⁾ Сдѣлалъ имъ слины; какъ набивалъ и снаряжалъ свѣтуля, сумки, распаренный, съ начинкою.

- «Намъ и правыми быть,
 «Правыми быть, виноватыми слыть ¹²⁾.
 25. «Ну-ка, ребята, по своимъ домамъ!
 «Заставимъ мы жонъ банюшки топить,
 «Банюшки топить, свои ¹³⁾ спинушки лѣчить.
 «Раны на насъ не копейчатые ¹⁴⁾:
 «Раны на насъ—всѣ дубинный шляхъ ¹⁵⁾!»

(Доставлено намъ и записано М. П. Лисицынымъ со словъ Болховской мѣщанки, лѣтъ 50-ти, дѣвицы Аक्सиньи Гугнюшиной).

Въ параллель этому „старому“ войску является у народа изображеніе и „новаго“, Петровскаго, съ жалобой изъ собственныхъ устъ сего послѣдняго на тяжелые порядки, заведенные начальниками „Нѣвцами“ въ учебномъ строю Петра I-го на Воробьевыхъ горахъ:

Петровы новобранцы на горахъ Воробьевыхъ.

1.

(Москва).

- За славною рѣкою за Москвою ¹⁾,
 За высокими горами Воробѣвы,
 Пролегала тутъ широкая дорожка:
 Широкиѣ-то она, дороженька, не широка,
 5. А пробоемъ то она, дороженька, не пробойна ²⁾.
 Ужь по той ли по дорожкѣ по широкой
 Еще шли-прошли солдаты новобраны.
 Идучи они, солдаты, сами плачуть,
 Во слезахъ они дороженьки не видать,
 10. Въ возрыданьицѣ словечушка не молвятъ ³⁾:
 «Что гораздо мы предъ Богомъ согрѣшили,

¹²⁾ Хотѣ и будемъ оправдываться, а все прослывемъ виноватыми, одна будетъ намъ слава—виноватыхъ. Ср. въ Былинахъ „На Волгѣ жить, ворами слыть.“ — ¹³⁾ Наши. — ¹⁴⁾ Не отъ коня, не отъ битвы. — ¹⁵⁾ Дорога, проложенная по спинамъ дубиной. О „шляхѣ“ см. выше.

¹⁾ Гдѣ Воробьевы горы. — ²⁾ Описание отрицательное, подобно отрицательному сравненію (которомъ часто говорено выше): на самомъ дѣлѣ выходитъ, что дорожка широкая. Не объ томъ рѣчь, что она широка, а шли по ней новобранцы, для нихъ она тѣсна была и тяжела, не пробойна. — ³⁾ Тотъ же отрицательный оборотъ: на самомъ дѣлѣ слѣдуютъ рѣчи.

VI.

«Государя мы царя распрощивили!

«Ужь какъ отдавъ насъ не-русскому началу ⁴⁾,

«Что не Русскому начальнику, — Нѣмчину:

15. «Онъ и бѣтъ-губить солдатешекъ напрасно.»

(Старше появилась въ пѣсенникѣ Новиковскомъ; известна доселѣ).

*

Кстати мы прибавимъ сюда остальные образцы пѣсенъ о войскѣ Петровскомъ, соединенные въ одномъ XXIII отдѣлѣ нашего 8-го выпуска:

Походы въ земли Шведскія и Турецкія, уроны и потери.

1.

(Губ. Рязанской).

- Какъ во городѣ во Вереюшкѣ,
Во большомъ селѣ во Купелюшкѣ,
Порасписаны всѣ квартирушки,
Поразставлены всѣ солдатешки,
5. Всѣ солдатешки полку Тульского,
Гранадерскаго, мушкатерскаго.
Вотъ охочи были солдатешки
По ночамъ гулять съ красными дѣвчушками,
Со молодками съ деревенскими.
10. Какъ со вечера приказъ отданъ былъ,
Ко полуночи ружья чистили,
Ко бѣлѣ свѣту во строю стоять,
По ружью держатъ, ружью чистому.
Капитаны стоятъ передъ ротами,
15. Офицерики передъ взводами,
Младъ полковничекъ передъ всѣмъ полкомъ.
Капитанъ скричалъ: «На плечо ружьѣ!»
А майоръ скричалъ: «По ремнямъ спущай!»
Младъ полковничекъ «Во походъ» сказалъ.
20. Всѣ солдатешки ружьями брякнули,
Ружьями брякнули, пѣсни взгъркнули,

⁴⁾ Начальству; сохранилось у духовенства въ выраженіи «бить подъ началомъ.»

VII.

А Вереѣскія дѣвушки заплакали ¹⁾:

«Хорошо намъ было свыкаться,

«Теперь трудно намъ разставатися!»

25. Изъ за горъ-то, было, горъ высѣкихъ,
Выходила тутъ сила-армія,
Сила-армія царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго:
Наперѣдъ идутъ барабанщики,
30. Позади идутъ—знаменá несутъ.

- Подъ знамечкомъ молодой солдатъ,
Молодой солдатъ, полковой сержантъ.
Онъ идѣтъ-идѣтъ, самъ шатается,
На всѣ стороны покланяется,
35. Съ отцемъ съ матерью онъ прощается,
Съ молодой женой не прощается;
Отъ того онъ не прощается:
Молода жена—змѣя лютая,
Отъ жены и пошолъ во солдатушки,
40. Во солдатушки, въ службу царскую,
Въ службу царскую—королевскую ²⁾.

(Записано П. В. К—иъ).

*

2.

(Губ. Орловской).

- Въ томъ городѣ въ Вереюшки,
Въ селѣ было во Купелюшки,
Тамъ фатерушки порасписаны,
Солдаты поразставлены,
5. Солдатушки полка Тульскаго,
Полка Тульскаго мушкатерскаго.

¹⁾ Старше д. б. «всплакнута» — ²⁾ Противъ короля (Шведскаго).

VIII.

- Какъ сы вечера во полкъ приказъ пришоль,
 Сы полуночи ружья чистили,
 Со бѣлой зорѣй по строю стоять,
 10. Во строю стоять, по ружью держать.
 Передъ ротою стоялъ молодой капитанъ,
 Середь роты стоялъ молодой маіоръ;
 Капитанъ вскричалъ: «На плечо ружьё!»
 Маіоръ вскричалъ: «По ремнямъ спущай,
 15. «По ремнямъ спущай, во походъ ступай!»
 Всѣ солдаты призадумались,
 Призадумавши они слово молвили:
 «(Ужь вы) Братцы товарищи!
 «Хорошо было намъ свыкатися,
 20. «Таперь какъ же намъ разстатися?!»»
 Изъ того города изъ Вереюшки,
 Изъ села-ть изъ Купелюшки,
 Ни бѣла зоря занималася,
 Ни краснѣ солнце выкаталося:
 25. Выкаталася тамъ Русска армія,
 Русска армія императорска,
 Нашего царя Бѣлаго.
- Въ томъ полку молодой солдатъ,
 Молодой солдатъ, молодой сержантъ,
 30. У рукахъ несетъ знамя царское,
 Знамя царское, государское.
 Онъ не пьянъ идѣтъ—шатаетца,
 Съ своимъ съ отцомъ съ матерью прощаетца,
 Съ молодой женою, съ шельмой, не прощаетца:
 35. Черезъ нее онъ пошоль въ службу царскую,
 У заботушку великую.

*

3.

(Губ. Симбирской).

Собиралися всѣ солдатушки въ Вереюшской градъ.
 Имъ со вечера приказъ отданъ бѣлѣтъ,

IX.

- Ко полуночи ружья чистили,
 По утру рано сборъ ударили,
 5. Сборъ ударили, въ строй поставили.
 По край стрію капитанъ стоять,
 По середѣ-то стрію маіоръ стоять,
 Въ передѣ строю самъ полковничекъ.
 Капитанъ кричить: «На плечо ружьё!»
 10. Маіоръ кричить: «Въ ремень ружьё!»
 А полковникъ кричить: «Въ походъ пошодь!»

- По утру-то было ранёшенько,
 На зорѣ-то было на утренней,
 Не бѣла-та зоря занималася.
 15. Не красно-то солнце выкаталося:
 Наша армія въ походъ пошла,
 Во походъ пошла, во Туретчину.
 Наперёдъ пошли знами ¹⁾ царскія,
 Знами царскія—цари Бѣлаго;
 20. Подъ знамёнами барабаны бьютъ,
 Барабаны бьютъ, играютъ во флѣички ²⁾,
 Игаютъ во флѣички, въ сиповочки ³⁾
 И во всѣ игры государевы:
 И разыгрываютъ всю армію ⁴⁾.
 25. И полковничекъ уговаривать:
 «Вы не плачьте, наши ребятушки,
 «Новобраны наши солдатухи:
 «Ужь мы какъ дойдемъ во Туретчину,
 «Ужь мы какъ дойдемъ—короля ⁵⁾ возьмемъ,
 30. «Короля возьмемъ, да назадъ пойдемъ,
 «Назадъ пойдемъ, въ каменную Москву!»

*

¹⁾ Такъ называемое филологами (и въ Нѣмецкихъ граматикахъ) «слабое» склоненіе, безъ раскрытія древняго носоваго звука въ окончаніи, чему у насъ много примѣровъ (*время, время* и т. д.) въ отличіе отъ «сильнаго», — *знамени, знаменъ, знамена* и т. д. — ²⁾ Флейточки. — ³⁾ Иначе *сотли, сотлики*: употреблены еще при Петрѣ. — ⁴⁾ Развеселяютъ, чтобы солдаты не горевали. — ⁵⁾ Извѣстное намъ сопоставленіе; по связи войнъ Шведскихъ (и послѣ Прусскихъ) съ Южнми, Турецкими.

Губ. Оренбургской).

Во селѣ было до Купелюшкѣ,
Въ городу было во Вереюшкѣ,
Всѣ квартирушки поразписаны,
Всѣ солдатушки поразставлены.

5. Какъ со вечера приказъ отданъ былъ,
Со полуночи ружья чищены,
Ко бѣлѣ свѣту въ походъ пошли.
Ружьями брякнули,
Сами всплакнули:
10. «Ты прости-ка—прощай, отецъ и мать,
«Молода жена и малы дѣтушки!
«Еще прощай, красны дѣвушки,
«Красны дѣвушки Заверейскія,
«Молодушки деревенскія!»»

(Сообщ. В. И. Далемъ).

*

5.

(Губ. Моск., у. Звендгородскаго, Воронки).

- Какъ во городѣ во Вереюшкѣ,
Во селѣ-то было Покровскиемъ ¹⁾,
Какъ стояли тутъ солдатушки,
Что того ль полку—Тарутиницы,
5. Перва ротушка гарнадерская.
Какъ охочи эти солдатушки
По дочамъ гулять съ красными дѣвками,

¹⁾ Село Покровское—любимое въ устахъ народа съ михаила Федоровича и особенно Елизаветы (см. выше).

XI.

Съ красными дѣвками со Верейскими,
Со молодками деревенскими.

10. Съ половина-дня ¹⁾ указъ присланъ былъ,
Чтобъ со вечера ружья чистили,
Со полуночи шапки свѣтлили,
Ко бѣлѣ свѣту во строю стоять.
Капитанъ кричить: «Отъ ноги ружье!»
15. А маіоръ кричить: «По ремнямъ спущай!»
А полковничекъ: «Во походъ ступай!»
Всѣ солдатушки въ ружья брякнули,
Красны дѣвушки слезно всплакнули:
«Охъ вы свѣтъ-то, наши солдатушки,
20. «Разпобѣдныя ²⁾ ваши головушки!
«Что вы рано очень въ походъ пошли?
«Вы бѣ дождалися поры-времечка,
«Поры-времечка, тепла лѣтечка!»»

(Запис. самимъ П. В. К.—въ Авг. 16, 1833 г.).

*

6.

(Губ. Владимирской).

Во городѣ было во Покровскіимъ ¹⁾,
Всѣ фатерушки расписаны,
Всѣ солдатушки поразставлены.

- Какъ со вечера приказъ отданъ былъ,
5. Чтобы ружья-то были чистыя,
Чтобы кремни были вострые.
Какъ съ полуночи ружья чистили,

¹⁾ Склоняется какъ слово сложное (поль-день) и притомъ въ одной послѣдней полублѣ, ибо въ подобныхъ случаяхъ мужской родъ у насъ преимуществу передъ женскимъ (ср. *мать-отекъ* и многіе примѣры выше). — ²⁾ *Водо-выи* и вѣсть *бѣдыи*, бездольныя.

³⁾ Здѣсь уже городъ Царевъ.

- Ко бѣдой зорѣ во строю стоятъ,
 Во строю стоятъ, по ружью держатъ.
10. А маіоръ стоитъ подъ знамѣнами,
 Капитанъ стоитъ передъ ротою;
 Младъ полковничекъ среди полка.
 Маіоръ кричитъ: «На плечо ружье!»
 Капитанъ кричитъ: «По ремню спусти!»
15. Младъ полковничекъ: «На походъ ступай²⁾!»
- Всѣ солдатушки ружьемъ взбрыкнули,
 Красны дѣвушки слезно всплакнули:
 «Охъ вы ой еси, вы солдатушки!
 «Что вы рано больно во походъ пошли?»»
20. — Мы не сами собой во походъ пошли:
 — По указицу государеву, по велѣнницу командер-
 скому, —

*

7.

(Губ. Калуж., у Боровскаго, село Слобода).

- Изъ за горь-то горь высокихъ,
 Ни краснѣ солнце выкаталося:
 Наша армія поднималася.
 Какъ во городѣ во Вереюшкѣ,
5. Во селѣ было во Купелюшкѣ,
 Всѣ квартирушки порасписаны,
 Всѣ солдатушки разстановлены.
 Какъ охочи наши солдатушки
 Вечеру¹⁾ гулять съ красными дѣвками,
10. Съ красными дѣвками со Вереевскими,
 А съ молодками съ деревенскими.
- Какъ и съ вѣчеру указъ насланъ былъ,
 Со полүночи приказъ отданъ былъ,

²⁾ Всѣ эти приказы и артикулы потому повторяются въ пѣсняхъ — такою точностию, что были новы тогда и остановили народное воображеніе.

¹⁾ Старый мѣстный (и времени) падежъ, что послѣ «предложеній» въ вѣчеру.*

XIII.

- Ружья чистили ²⁾,
15. Ко бѣлѣ свѣту во строю стоять ³⁾,
Во строю стоять, по ружью держать.

- Во передъ идетъ молодой сержантъ,
Онъ несеть-несеть знамя царское.
Онъ не пьянъ идетъ—самъ шатается,
20. На всѣ стороны покланяется,
Съ отцомъ съ матерью онъ прощается:
«Прости, батюшка, прости, матушка,
«Прощай, милыя мои дѣтушки!
«Съ молодой женой не прощаюся:
25. «Молода жена—моя пагуба.
«Отъ неѣ пошелъ во солдатушки!»

Запис. П. В. К.—мъ въ 30-хъ годахъ отъ 70-лѣтней старухи).

* *

Этихъ образцовъ такое множество доселѣ въ устахъ народа по среднимъ губерніямъ, что ихъ еще можно бы набрать съ сотню.

8.

- Не бѣла зоря занималася,
Не красно солнце выкаталося:
Выкаталося знамя царское,
Государево, царя Бѣлаго,
5. Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
На значекѣ есть написано,
Есть написано, напечатано,
И про насъ ли же ⁴⁾ добрыхъ молодцевъ.

²⁾ Раздѣливши прежде уже „вечеръ“ и „полночь“, старуха не нашлась, чтобы выбрать къ чисткѣ ружей. — ³⁾ Т. е. приказъ отданъ былъ.

⁴⁾ Варіантъ „дѣше“, „дѣше“. — Про насъ—солдаты: про насъ пѣсня, про нашего молодца (какъ будто она написана на знамени, съ него читается или поется, словно изъ книги). — Знамя войское позднѣе замѣнило собою старшій наместъ Алатырь и Книгу Голубиную, гдѣ происывались разныя диковинки.

Изъ подъ значечка идетъ добрый молодець.

10. Онъ не пьяной идетъ—самъ шатается,
 За ковыль-траву запинается,
 Горючѣми слезами заливается.
 Съ отцемъ съ матерью прощается:
 «Прости, батюшка, прости, матушка,
 15. «И прости ты, весь родъ и племя,
 «Вы простите, мои милыя дѣтушки,
 «Только не прости ²⁾, моя молодá жена!
 «Молодá жена, пагуба моя:
 «Погубила мою буйную головушку,
 20. «Отъ тебя пошолъ, отъ тебя пропалъ,
 «Отъ тебя спозналъ чужú стóрону,
 «Нужду крайнюю, службу царскую!»

*

9.

Ни бѣла зоря, гусары ¹⁾, занималася,
 Ни красно солнышко выкаталася:
 Тридцать три полка гусаръ появлялися,
 Царя Бѣлаго, Петра Перваго.

5. Какъ у насъ ли во сенатѣ ²⁾ уронъ сдѣлался,
 Уронъ сдѣлался,—генералъ помѣръ.
 Самого ли генерала на главахъ несутъ,
 Воронá его конѣчка въ поводú ведутъ.
 Понесли же генерала во чисто поле,
 10. Во чисто поле, на синѣ море ³⁾:
 «И схоронимъ мы генерала на крутой горѣ,
 «На крутой горѣ на Сионскія ⁴⁾.

¹⁾ Онъ не прощается: а изъ этого *разказа о герояхъ* любопытнымъ оборотомъ сдѣланы слова *отъ лица самого героя*, но общему способу, который мы такъ часто видали въ пѣсняхъ историческихъ

²⁾ Обращеніе повѣщихъ гусаръ къ самимъ себѣ. — ³⁾ Мы видали подобный случай и „въ синодѣ.“ О постепенномъ развитіи образовъ въ пѣснѣ см. наши примѣчанія въ 8-мъ выпускѣ. — ⁴⁾ За этимъ словомъ „нашихъ гусаръ.“

⁴⁾ Какъ скоро „крутая гора,“ то по вліанію духовныхъ стиховъ весьма часто Сионская: ср. „Калѣки Перехожіе“ и старшія были въ нашихъ вѣдѣніяхъ.

XV.

«Мы могилушку вырѳимъ между трехъ дорогъ,
«Между Питерской, Московской, славной (большой)
Кіевской.

15. «На могилушкѣ положимъ камень мраморный,
«Во головушкѣ поставимъ позлачѣнный крестъ,
«Во рѣзвѣхъ ногахъ поставимъ коня вороная,
«По правую сторонушку строево ружьѣ,
«По лѣвую сторонушку саблю вострую ⁵⁾!»»
20. — Кто ни пойдеть, ни поѣдетъ, всякъ нарубится,
— Строевымъ моимъ ружьцомъ настрѣляется,
— На ворономъ моемъ конѣ всякъ нагуляется,
— На позлачѣнный крестъ всякъ помолится,
— Самого ли душу-генералушку ⁶⁾ всякъ навспомни-
нается!—

*

10.

Не бѣла зоря, гусары, зоря занималася:
Занималася, выкаталася вся сила солдатская.
Какъ пошли наши гусары, пошли со знамѣнами,
Со знамѣнами гусары, еще съ барабанами.

5. Во второмъ полкѣ гусарскомъ погромъ сдѣлался,
Погромъ сдѣлался, гусары, енараль помѣрь,
Енараль помѣрь, гусары, своей скорой смѣрточкой.
Понесли же енарала—на главахъ несутъ,
Понесли же енарала черезъ три поля,
10. Черезъ три поля, гусары, чрезъ синѣ море.
Енаральскаго конѣчка во трехъ поводѣхъ ведутъ,
Енаральскую шляпу во рукахъ несутъ.
Схоронили жъ енарала промежь трѣхъ дорогъ:
Промежь Курской, промежь Тульской и Воронежской.

(Въ этомъ образцѣ очень любознательны повторительные обороты, которыми народъ старается устроить разложившій старшій и подлинный стихъ пѣсни).

*

⁵⁾ За сими словами означеніе самого умершаго: обычныя ступени переходовъ, намъ уже известныя во многихъ пѣсняхъ историческихъ. — ⁶⁾ Обычное названіе генералу: ср. выше въ походахъ Шведскихъ и Прусскихъ (позднѣе однако этого не встрѣчается).

- Ни бяла зоря, гусарушки, занималася,
 Ни ясна сонца, гусарушки, выкаталася ¹⁾:
 Охъ да шла-выступала сила войская ²⁾,
 Сила войская, гусарушки, царя Бѣлаго,
 5. Царя Бѣлаго, гусарушки, Петра Перваго.
 На перёдъ идутъ гусарушки съ знамѣнами,
 Съ знамѣнами идутъ, гусарушки, съ позлачоными:
 По задѹ идутъ гусарушки съ барабанами;
 Барабанушки пробили по весѣлому,
 10. Яй ³⁾ указушки прочитали по печальному:
 Вы второмъ полкѹ, гусарушки, уронъ сдѣлали ⁴⁾.
 Уронъ сдѣлали, гусарушки,—генералъ помѣръ,
 Ни своей смертью генералъ помѣръ,—воръ Французъ
 убилъ.

- Самого-то генералушку на плечахъ нясутъ,
 15. Молодую генеральшу шестерней вязутъ;
 Молодая генеральша слезно плакала:
 «Вы несите генералушку черезъ три поля,
 «Черезъ три поля генералушку на круты горы,
 «Вы заройте, закопайте вы жолты пяски ⁵⁾!»

*

Изъ за лѣсу, было, тѣмнаго
 Не бѣла зоря, гусары ¹⁾ поднимались:
 Не красно солнце высоко изъ горъ выкаталось:
 Выкаталось-выступало войско сильное ²⁾,

¹⁾ Извѣстное намъ старшинство женскаго рода предъ среднимъ, воскресающее нынче часто благодаря (позднему) произношенію *о п е* какъ *а в я*.—

²⁾ Старшее названіе: оно служить типическимъ отличіемъ этихъ образцовъ пѣсни и нынче уже часто коверкается.—³⁾ А и. — ⁴⁾ Сдѣлался. — ⁵⁾ Древнѣе творительный.

¹⁾ Изъ обращенія гусаръ къ самимъ себѣ сдѣлавъ разговѣръ о гусарахъ, когда пѣсня отъ гусаръ перешла къ остальному народу, обративъ способу, встрѣченному у насъ выше).—²⁾ Любопытная перестановка старшаго выра-

XVII.

5. Войско сильное—гусары,
Словно тридцать три полка,
Во всём снаряжонные, въ походъ наречённые,
Наречённые гусары—въ походъ—на сраженьице ³⁾.

- На перёдъ полка гусаровъ идутъ со знамёнами,
10. Позади полка гусаровъ идутъ—барабаны бьютъ.
Барабаны пробили по весёлому,
А указы прочитали по печальному:
Во второмъ полку гусарскомъ вёрный ⁴⁾ генераль по-
мёрт.

Генеральскаго конёчка-коня въ поводы ведутъ.

15. Самого-то генерала,—его на головахъ месутъ.
«Вы снесите мое тѣло,—тѣло на синё море,
«Вы умойте мое тѣло свѣжей моревдой водой,
«Вытрите мое тѣло мягкой шелковдой травой,
«Сохраните ⁵⁾ мое тѣло,—тѣло промежъ трёхъ дорогъ:
20. «Промежъ Питерской, Московской, еще славной Киев-
ской.
«Вы поставьте на главу чудный ⁶⁾ крестъ серебряный,
«На скорыхъ ногахъ поставьте мого ворона коня!»

*

13.

(Губ. и у. Симбирск., село Архангельское).

Царя Блага гусары, Петра Перваго,
На перёдъ идутъ гусары со знамёнами,

женія „сила войска.“—³⁾ Замѣтьте опять стараніе возстановить прежній стихъ посредствомъ изворотовъ и нѣсколькихъ повтореній, а вмѣстѣ необходимость многословнаго описанія „сила войска“, когда это послѣднее выраженіе утратилось и пѣсня изъ усть войска, которому хорошо были знакомы техническія фразы, перешла къ земству.—⁴⁾ Эпитетъ *обычный* при слугахъ и *длинныхъ* людяхъ, параллельно „души генералушкѣ.“—⁵⁾ Любопытное употребленіе формы (письменной) въ народѣ вмѣсто обычнѣйшаго (устнаго) *схоронить*: нѣмче то различіе формы Церк. Славянской и чисто-Русской обратилось въ различіе числа по употребленію (первая—сберечь, вторая—закопать; первоначально однѣ и то же).—⁶⁾ Эпитетъ *обычный* при крестѣ: чудотворный.

XVIII.

Позади́ идутъ гусары съ барабанами.

Становилися гусары у крутой горы.

5. Какъ читали же гусарушкамъ указы печальныя:

«А у насъ, гусарушки, уронъ сдѣлался,—
«Человѣкъ пропалъ ¹⁾), генералъ померъ.»»

Генеральскаго коня въ поводѣ ведутъ,

А Черкасское сѣдѣльцо на возу везутъ,

10, Самого-то генерала на плечахъ несутъ:

«Понесите тѣло бѣлое ко синю морю,
«Вы обмойте тѣло бѣлое (моревой водой),
«Вы заройте въ мать сырѣ землю,
«Вы поставьте мовзолей ²⁾ ему!»»

* *

Слѣдующіе образцы имѣютъ уже непремѣннымъ своимъ признакомъ „силу войскую:“

14.

(Губ. Тульской, у. Ефремовскаго).

Выходила-выступала сила войская,

Сила войская, гусары царя Бѣлаго,

Царя Бѣлаго гусары, Петра Перваго,

Наперѣдъ идутъ гусары со знамѣнами,

5. Назади идутъ гусары—барабаны бьютъ,

Барабанный бой пробилъ по печальному,

Славно пѣсенки запѣли по веселому ¹⁾).

Какъ у насъ ли во ширингѣ уронъ сдѣлался:

Уронъ сдѣлался, гусары, генералъ померъ.

¹⁾ Сгибъ (гибнуть и губить, терять и тратить: обычныя старыя выраженія о вещахъ и объ жизни; „коня потерялъ“, выше у насъ „жизнь тратителю“, въ Р. Правдѣ пропаша при уголовныхъ дѣлахъ и т. д.); убитъ (убить) — подлинниковъ пѣсни, не дошедшей до насъ, былъ „сочиненъ“ въ старинныхъ полкахъ.

²⁾ Испорчено изъ подлиннаго выраженія и стиха — предидущихъ образцовъ, а потомъ осмыслено по своему.

XIX.

10. Генеральскаго конёчка въ поводѣ ведутъ,
Генеральскаго сыночка на рукахъ несутъ,
Генеральское сѣдельце на возу везутъ,
Самого генерала шестернёй везутъ:
«Вы везите ли, гусары, черезъ три поля,
15. «Черезъ три поля на четвертое!»

*

15.

(Губ. Орловск.).

- Изъ за лѣсу-лѣсу тѣмнаго
Выступала-выходила сила войская,
Сила войская, гусары царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
5. На перѣдѣ идутъ гусары съ знамѣнами,
Позади идутъ съ барабанами:
Барабанушки пробили по унывному,
Всѣ указы прочитали по печальному,
Они пѣсенки запѣли по веселому ¹⁾.
10. Во второмъ полку гусарскомъ уронъ сдѣлся,
Уронъ сдѣлся, генераль помѣрь.
Самого генерала на главахъ несутъ,
Генеральскаго конёчка въ поводѣ ведутъ,
Самоё генеральшу шестернёй везутъ.
15. Во слезахъ генеральша слово молвила:
«Вы подите, гусары, вы зелёную рощу,
«Вы срубите кипарисъ-древо,
«И сдѣлайте кипарисовъ крестъ,
«И поставьте между трехъ дорогъ,
20. «Между Курской, между Тульской, между Кіевской:
«Какъ во Курской онъ родился,
«А во Тульской крестился,
«А во Кіевской женился ²⁾»

*

¹⁾ Ср. образецъ предыдущій.—²⁾ Любопытно, какъ это значеніе трехъ дорогъ и перекрестка омонимно противу древности и привѣилось къ простѣйшему, бычюму житейскому, потерьвъ яркіа черты творческіа.

(Оттуда же).

- Села войскаго ¹⁾, гусары царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго гусары, Петра Перваго,
 Петра Перваго гусары во походъ пошли,
 Во походъ пошли гусары со знамѣнами,
 5. Со знамѣнами, гусары, съ барабанами ²⁾,
 Съ барабанами, гусары, съ музыкантами.
 Музыканты заиграли по весѣлому,
 Всѣ указъ прочитали по печальному,
 Они пѣсенки пропѣли по унылому.
 10. Во второмъ полкѣ гусарскомъ уронъ сдѣлался,
 Уронъ сдѣлался, гусары,—генераль померѣ.
 Генеральскаго конѣчка въ поводахъ ведутъ,
 Самого ли генерала на главахъ несутъ.
 «Какъ несли ль мы генерала черезъ три поля,
 15. «Черезъ три поля—полянства ³⁾—за синѣ море,
 «Схоронилн генерала между трехъ дорогъ,
 «Между Питерской, Московской, третьей Кіевской.»»

*

(Оттуда же, у. Малоархангельскаго, село Кривоно).

Соловойскіе ¹⁾ гусары Петра Перваго,
 Петра Перваго, царя Бѣлаго,
 Во походъ полкѣ ²⁾, гусары, уронъ сдѣлался:
 Уронъ сдѣлался у. гусаръ, генераль померѣ.

¹⁾ Вотъ что явилось уже изъ „силы войсвой.“—²⁾ Опять любимыя повторительныя обороты, три—четыре, чтобы возстановить какой ни будь одинъ старшій стихъ.—³⁾ Любопытное и очень ловкое вставочное слово, чтобы дотянуть стихъ до подлиннаго размѣра.

¹⁾ Еще дальнѣйшій шагъ впрчи.—Вотъ почему, говорили мы, здѣсь нѣкоторые видѣли даже *Соловейскихъ* гусаръ.—²⁾ Во время полковаго похода

5. Самого ли генерала на главахъ несутъ,
Его генеральшу шестернёй везутъ.
Понесли ли генерала черезъ три поля,
Черезъ три поля далече, чрезъ синё море.
10. «Схороните генерала между трехъ дорогъ,
«Между Тульской, Петербургской, славной Кіевской,
«Во главахъ его поставьте живъ-творящій ³⁾ крестъ,
«Во ногахъ его поставьте воронà его коня,
«Въ руки ему дайте саблю вострую:
15. «Кто ни идетъ, кто ни ѣдетъ,—Богу молятся,
«На коня его глядятъ,—слёзы ка́тятся,
«На вострую ли саблю,—шляпа ва́лится.»»

(Записано и сообщено намъ К. А. Бороздинимъ.—Въ этомъ образцѣ всего рѣшительнѣе стихъ разоиисъ уже по ногамъ и сдѣлался «двойнымъ».)

* *

Слѣдующій образецъ отвѣчаетъ №№ 6-му и 7-му въ томъ же XXIII-мъ отдѣлѣ 8-го выпуска:

18.

- «Ты взойди-ка, милой, во горенку,
«Погляди-ка, милой, въ окошечко!
«У насъ на дворѣ туманъ-туманъ,
«На синёмъ-то морѣ непогодушка:
5. «Есть у дѣвушки зазнобушка.
«Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
«Дѣтинушка дворянскій сынъ;
«Зазнобя-то сердце, самъ въ походъ пошелъ,
«Охъ, во тѣ ли страны во незнамыя,
10. «Во незнамыя, во Турецкія,
«Изъ Турецкихъ онъ во Швеція ⁴⁾).

³⁾ Живое, не успѣвшее еще кристаллизоваться, сочетаніе составныхъ частей сложнаго слова.

⁴⁾ Ср. выше о связи сихъ странъ.

«Охъ, и тутъ мы съ другомъ разставалися.

«Намъ всѣ люди Москвой ¹⁾ дивовалися,

«Какъ мы съ другомъ разставалися:

15. «Да и что́ это за диковинка,—

««Либо ²⁾ братъ съ сестрой разставалися!»»

* *

Между тѣмъ этотъ же образецъ служить переходомъ къ дальнѣйшимъ, въ которыхъ изображается горемычная жизнь молодца, и даже „боярскаго сына,“ въ чужой дальней незнакомой сторонѣ, именно *Петербургской*, а по общему единогласному завѣренію пѣсни сего рода относятся къ *основанію Петербурга* и къ первоначальной, принудительной жизни тамъ, налагавшейся обязательно для работъ разнаго рода или хоть просто для заселенія:

Петербургская дорожка, Петербургская сторонка.

1.

Ты злодѣй-злодѣй, чужа-дальна сторона!
Ужъ сколько мнѣ ни жити,—всѣ тужити,
Мнѣ родимыя сторонки не забыти ¹⁾).

Ты злодѣй-злодѣй, ретивоѣ мое сердце,
5. Къ чему ты, сердце мое, ноешь-унываешь?
Не скажешь ты ни радости, ни кручинны:
Не можешь ты мила́ друга забыти;
Ни дѣнною порою, ни ночью,
Ни утренней зорею, ни вечерней ²⁾).

10. Со той ли тоски великія, злой кручины,

¹⁾ Какъ мы шли Москвой... ²⁾ Должно быть, вѣрнѣе слова встрѣченныхъ людей по Москвѣ.

¹⁾ Это старая пѣсня обо *всякой* чужой-дальней сторонѣ: она принадлежала къ разнымъ историческимъ эпохамъ, какъ мы видѣли прежде, а окрѣпла въ образцахъ темничныхъ и тюремныхъ. — ²⁾ Это начало другой пѣсни и также встрѣчалась среди историческихъ; она принадлежала преимущественно ко вѣстѣ Шлюссельбурга (внп. 8, стр. 144—146), а среди бытовыхъ къ изображенію одиночества любящаго сердца и разлуки съ милымъ.

- Пойду-пойду, младёшенька, погуляю,
 Я найду-найду два камышка алмазны,
 Я камышекъ о камышекъ ударю.
 Не во всякомъ драгомъ камнѣ огонь-искра:
 15. Не во всякомъ добромъ мѣлодцѣ любовь-правда.
 Любилъ меня милъ-сердечный, да покинулъ.
 Я на шуточки милу́ другу отказала ³⁾:
 «Тебѣ полно, милъ-сердечной другъ, гуляти!
 «Ужь поря ли, милъ-сердечной другъ, жениться
 20. «Что на душечкѣ на красной на дѣвицѣ ⁴⁾».

- Что у душечки у красной у дѣвицы
 Не дожжичкомъ бѣлое лицо смочило,
 Не морозомъ бѣлое личико ознобило:
 Смочило бѣлое лицо слезами,
 25. Ознобило ретиво сердце кручиной.
 Тужить-плачетъ ⁵⁾ по миленькомъ дружечкѣ,
 По ласковомъ-привѣтливомъ по словечкѣ.
 Хорошъ-пригожъ мой миленькой уродился,
 Онъ не долго со мною, съ дѣвицей, поводился:
 30. Какъ сказана милу́ другу царская служба,
 Показана широкая путь-дорожка
 Ко славному ко городу Петербургу.
 Со всѣми милъ-сердечной другъ простился:
 Со мной съ одной красной дѣвицей не простился.
 35. Съ половины пути-дороженьки воротился,
 Подъ косящетымъ окошечкомъ колотился:
 — Ты прости-прости, душа моя дѣвица,
 — Наживай ты себѣ друга милѣго;
 — Если лучше наживешь, меня забудешь,
 40. — Если жъ хуже наживешь, меня вспомнѣшь,
 — Сама, красная дѣвица, слезно заплачешь ⁶⁾».

(Печатано старше у Шнора, 1791, котомъ дождѣ во многихъ четникъ
 образцахъ).

³⁾ Я шутокъ разъ ему отъчала.—⁴⁾ Третья гдѣня жезкала, восходящая къ
 мисеогическимъ основамъ, но послѣ пригнѣнная къ изображенію любви
 и резулки любви.—⁵⁾ Сердце.—⁶⁾ Эту вѣсно ми также видѣли выше,
 кале, начиналась Смоленскомъ, перешла она въ заключеніе въ Бендерамъ.

Пѣсня эта, напечатанная нами прежде какъ вариантъ, по ея началу, къ исторической пѣснѣ о Шлюссельбургѣ (вып. 8, стр. 144—46), повторяется здѣсь на собственномъ своемъ мѣстѣ, съ подробнѣйшими объясненіями. Въ ней, чтобы рассказать объ новой Петербургской дорожкѣ и объ тяжелой жизни въ Петербургской сторонкѣ, творчество пробуетъ разные образцы старинныхъ пѣсней, примѣняя ихъ къ наставшей эпохѣ, пока останавливается на одномъ образцѣ, гдѣ въ старину жаловались на походъ къ Смоленску, потомъ къ Шлюссельбургу, а наконецъ Петербургъ повернули на Бендеры и сдѣлали пѣсню исключительно военною, походною. Вотъ почему и Дмитріевъ, какъ мы видѣли выше, желая выгородить почтенный для него Петербургъ, замѣнилъ его Нерчинскомъ, хотя тутъ-то именно всего больше и высказалась невольная пропія.

* *

Но вопросъ былъ слишкомъ близокъ къ сердцу и затрогивалъ его глубоко; творчество попробовало примѣнить сюда еще старшій образецъ пѣсней „воинскихъ“ или походныхъ, раздававшихся обычно весною, когда, за вскрытіемъ ея, начинался призывъ на службу въ походы:

О томъ же.

1.

(Губ. Тверской, у. Старицкаго).

Ахъ ты матушка Россія!
 Выгоняютъ насъ отсель ¹⁾,
 Насъ отсель, не таперя.
 Мы дождемся поры-время ²⁾,
 5. Поры-время, тѣпла лѣта.

Ужь какъ нонѣшній день—скука:
 Миѣ съ милымъ дружкой разлука.
 Разлучаетъ насъ невѣля:

¹⁾ Изъ Россіи: Россія тамъ, гдѣ прижилъ народъ; война мѣстности для земли намуча сначала чужина, не-Русскими; а тѣмъ болѣе таковой представлялась Ингерманландія.—²⁾ Помянутое „слабое“ сложеніе, родит. надеж.— Дѣло идетъ объ веснѣ.

Чужа-дальная сторонка,
10. Петербургская дорожка.

Какъ по этой по дорожкѣ
Много разъ я проѣзжала,
Много пѣше проходила,
Много горя принимала,
15. Много слезъ я проливала,
Много писемъ я писала,
Къ милу дружку посылала.
Мои письма не доходятъ,
Слуги вѣрны не доносятъ ³⁾.

20. «Ахъ ты матушка родима!
«За чѣмъ на горе родила,
«Горькимъ счастьемъ надѣлила,
«Въ чужу сторону пустила!»

(Отъ А. А. Панина и другихъ).

Однако и этотъ образецъ, развѣтвившися на множество подобныхъ, перешелъ позднѣе въ простыя пѣсни „солдатскія-рекрутскія,“ когда наборъ и сборъ рекрутовъ отождествлялся съ дорогою къ Петербургу. Вариантовъ множество и мы ихъ встрѣтимъ въ своемъ мѣстѣ, гдѣ увидимъ даже цѣльное произведеніе, отсюда возникшее, полународное, полукнижное, „Ахъ, любезная весна...“

* *

Изъ пѣсень же этихъ, какъ элементовъ, составился и окрѣпъ цѣльнымъ типомъ собственно одинъ образецъ, который на всегда уже и преимущественно примкнулъ къ Петербургу, вспоминая первыя его времена и всю тяжесть жизни тамъ на чужой сторонкѣ. Онъ именно представляетъ переходъ отъ древняго быта, служилого-военнаго и притомъ боярскаго-дворянскаго, къ новому строю жизни, сосредоточенному въ Петербургѣ рукою Петра, но для одиночныхъ лицъ слишкомъ еще тяжелому:

³⁾ За снѣгъ рѣчь уже самого дружка.

Петербургъ и Нева
со времянъ Петра.

1.

(Губ. Вологодской).

За рѣчкой за Невагушкой,
За широкою перебрагушкой ¹⁾,
Не полынь-трава въ полѣ
Зашаталася ²⁾:
5, Что во полѣ за-душа
Миленкой мой ³⁾.
Онъ не самъ (сюда) зашолъ,
Не своей охотушкой,
Не охотою:

¹⁾ *Нева-га* хотя можетъ относиться къ древнѣйшимъ формамъ, обозначающимъ ходъ и теченіе рѣкъ (*га*—идущая, текущая), но у народа перешла въ значеніе ласкательное и уменьшительное (какъ *бѣдняга*, *малышга*, *словца* и т. п.). Отсюда и названіе известной рѣки.—Далѣе слѣдуетъ въ пѣснѣ „широкая перебрага (черезъ широкою рѣку),“ гдѣ, общно на перебрагѣ, надряде рисуются бѣды молодца: но ради рѣимъ сдѣлана отсюда „перебрага,“ а осмыслена—пѣнстая, влпучая, бурливая.—²⁾ Отрѣзокъ стиха, обращающійся при повтореніи въ припѣвъ.—³⁾ Зашаталася.—*За-душа*, въ повдѣйшемъ, почти отвлеченномъ, смыслѣ то же, что *задушный* (другъ, пріятель). Но, по старшему образованію формъ, *за-душа* (такъ употребляетъ часто народъ нашъ, преимущественно на Сѣверѣ) есть дальнѣйшее развитіе формъ *душа* и есть то же самое, что уменьшительное и ласкательное *душ-ка*, *душечка-ка*. Только заключительное *ка* переставлено здѣсь къ началу слова (подобно какъ упомянутое *га* ставится иногда и въ началѣ: *га-грань*). Тѣмъ же способомъ образованъ *со-рока*, *ка-мѣка*, Санскр. *ка-га*, *ка-патга*, *ка-сара* и т. п. (*а* долгое), при чемъ уменьшительное и ласкательное обращается часто и естественно въ уничижительное и бранное (подобно нашему *малышечка*, *ручонка*, *душонка*). Есть множество подобныхъ формъ Санскритскихъ (*кин-пуруша*, *кин-пара* и т. д.), которыя всѣ по нашему слѣдуетъ переводить въ точности: „что за путь, что за котокъ, что за человѣкъ:“ съ одной стороны показала, восторгъ впечатлѣнія, съ другой презрѣніе и брань. Совершенно также и *за-душа* предполагаетъ старшій оборотъ, родившійся впечатлѣніемъ при сильномъ впечатлѣніи: „что за душа!“ Этотъ цѣлый оборотъ и сократился послѣ въ форму *за-душа*.—О явленіяхъ сего рода въ языкѣ сказано нами еще очень дѣбно, при наданіи „Востарскія-пѣсень“ 1855 г. стр. 19—21, гдѣ много примѣровъ.

XXVII.

10. Занесло дружка великою
 Погодушкою;
 Не погодушкой,—великою:
 Неволушкою,
 Неволею ⁴⁾.
15. •Подневольная жизнь наша
 •Боярская,
 •(Жизнь боярская) служба
 •Государева,
 •Государева служба,
 20. •Царя Бѣлаго,
 •Царя Бѣлаго,
 •Петра Перваго.
 •Тяжело служить служба ⁵⁾
 •День до вечера,
 25. •Что со вечера служить
 •До полуночи,
 •Со полуночи служить
 •До часу девятого,
 •(Отъ девятого часу) служить
 30 •До бѣлой зори!»

(Ср. сборн. г. Студитоваго, 1841).

*

2.

За Невагой рѣчкою, перебрагою,
 Не полынь-травка въ полѣ шатается:
 Загулялся-то милый, да душа моя,
 Что за душечка ⁴⁾ удалъ-добрый молодець.

⁴⁾ Вторичный отрѣзокъ, уже чисто-припѣвъ.—За сими рѣчи самого дружка.—⁵⁾ Древнее словосочинение.

⁶⁾ Подтверждается сказанное нами выше о пропущенной формѣ *за-душа*.

5. Онъ не самъ зашолъ, не своей охотою;
 Завела его, мѳлодца, неволюшка,
 Зло великое, жизнь боярская,
 Жизнь боярская, служба государская,
 Государева служба, царя Бѳлаго,
10. Царя Бѳлаго, Петра Перваго
 (Что наслѳдника Николая Павловича)²⁾.
 Тяжелѳшенько служба начиналася,
 Начиналася служба—день до вечера,
 День до вечера, часу до десятаго,
15. Со десятаго до полуночи,
 Со полуночи звѳзды съ неба сыпались.
 То не звѳзточки съ неба разсыпались:
 Разсыпалася наша сила-армя,
 Сила-армя, конно-гвардія.

*

3.

(Губ. Орловской).

Што за рѳчкой было за Невою,
 За Невою было съ переправою¹⁾,
 Ни ковыль-травка во полѳ шаталася:
 Што шатать-качать²⁾ удакъ-добрый мѳлодецъ.

5. Онъ ни самъ зашолъ, ни своей охотою;
 Завела его, мѳлодца, неволюшка,
 Его нѳжда крайнія,
 Жизнь наша боярская,
 Ещѳ служба царская,
10. Жизнь наша солдатская³⁾,

¹⁾ Позднѳйшая вставка.

²⁾ Отсюда возникла приведенная выше „перебрага.“—²⁾ „Шатать-качать, шатать-валить, катать-валить, качать-валить“ и т. п.: синонимы для движенія и переходовъ, возникшіе изъ кочевой эпохи нашего народа; ср. о томъ въ нашемъ изд. „Вѳлорусскихъ пѳсней“ 1871 г.—³⁾ Связь службы боярской-дворянской съ военною, а послѳдней съ солдатскою.

Еще царя Бѣлаго,
Еще Петра Перваго.

*

4.

(Губ. Архангельской, Мезень).

- За Невагою, за второй рѣчкой Перебрагою ¹⁾,
 За дорожкой было за широкою,
 За стороночкой было за Московскою ²⁾,
 Не польнь-травиа въ полѣ шатается:
 5. Зашатался въ полѣ да душа ль моя,
 Ты раздушечка ³⁾ мой добрый молодецъ ⁴⁾.

- «Я не самъ зашолъ, не своей охотою:
 Занесла меня, добра молодца, неволюшка,
 Жизнь наша боярская, служба государева.
 10. Тяжела служба—день до вечера,
 Что со вечера служба до полуночи,
 Со полуночи служба часу до девятого,
 Со девятого часу до десятого,
 Со десятого часу мѣсяць высоко взошолъ,
 15. Съ неба звѣзды сыпались.
 Разсыпались звѣзды по чисту полю:
 Разъѣжались наша армія,
 Сила-армія наша, конна гвардія,
 Лужкамъ по зеленениимъ ⁵⁾».

(Сообщено В. И. Далець; записано г. Портаговымъ).

*

¹⁾ «Перебрага» сдѣлана уже другой рѣкою. — ²⁾ Тамъ какъ «за стороною за Московскою», вотъ почему иѣстность эта сдѣлалась «стороною чужою». — ³⁾ То же, чтоъ зыме «за-душа» или «что за душа» (за чередуется въ употребленіи съ частицею и предлагается разъ). — ⁴⁾ Отсюда слова самого молодца. — ⁵⁾ Любопытная перестановка предлога ради развѣра стиховъ: съ иѣногда употребленіи въ нашей письменности.

5.

- Какъ за рѣчушкой за Невагою,
 За другой рѣчушкой Переправою¹⁾,
 За третьей за большой дороженькомъ
 Какъ не пылъ въ полѣ запылился,
 5. Не дубровушка разшатаалася:
 Разшатаалася ²⁾ удалъ-добрый молодець,
 Добрый молодець, человекъ бѣдный,
 Человекъ бѣдный, солдатъ бѣглый ³⁾.
 Онъ ни самъ пошолъ, ни своєю охотою:
 10. Довела-то его нужда крайняя,
 Нужда крайняя, служба царская,
 Царя Бѣлаго, Петра Перваго.

*

6.

(Новг. губ., у. Череп.; дер. Запразье).

- Что за рѣчишкой было за Небрагою⁴⁾,
 Не полынь-то травонька шатаалася:
 Что шатаалася-вадилася ²⁾ за-душа моя,
 Что за душечка душа ³⁾ добрый молодець,
 5. Добрый молодець самъ своєю охотою ⁴⁾.
 Что охота-охота,—жизнь боярская,

¹⁾ Вотъ и „переправа“ сдѣлана второю рѣкою.—²⁾ Поминутое чередованіе *за и разъ* (въ прежнихъ образцахъ *зашатаалася*).—³⁾ Тяжесть жизни, господствующая въ изображеніи, понята здѣсь съ позднѣйшей точки зрѣнія положеніемъ бѣлаго солдата.

⁴⁾ Составлено изъ *Не-ваги* и *Нере-брани*.—²⁾ Ср. выше объ этихъ выраженіяхъ.—³⁾ Удивительнымъ образомъ сооставлены всѣ послѣдующія ступени поминутой выше формы; то, что произошло въ разныхъ эпохи и употреблено порознь, сплутано здѣсь подъ рядъ: *душа*; *душечка*; *за-душа*; *что за душа*; *что за душечка*.—⁴⁾ Здѣсь уже *своя охота*: смягчившійся взглядъ на сторону Петербургскую; а отчасти можетъ быть иновъ выставленная „жизнь

- Жизнь боярская, служба государева,
Государя царя Бѣлаго, Петра Перваго.
Что со вечера было, со полуночи,
10. Не частымъ ли то звѣзды поразсыпались:
Разсыпалась сильна армія по святой Руси,
По святой Руси, каменной Москвѣ ¹⁾).

(Доставлено В. И. Дьяковъ).

*

7.

(Лихвинскій уѣздъ).

- Въ насъ ¹⁾ за рѣчку право за Ни-волгою ²⁾,
Ни ковыль-травка въ полѣ зашаталася:
Што ни добрый молодецъ ³⁾ загуляси.
Юнъ ни волею, право, ни охотою:
5. Воля барская ⁴⁾, служба царская,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
Што во полюшку бялы сняжки выпали,
Што по этимъ сняжкамъ шли нивольнички ⁵⁾.
Шли нивольнички, музыканчички ⁶⁾.

*

Въ слѣдующихъ образцахъ мѣстность и время пѣсни совсѣмъ забыты:

боарская," которая нинѣшнему простому народу иначе не можетъ представляться, какъ *охотою*, жизнью охотною, привольною.—⁶⁾ Въ Новгородѣ, гдѣ записана пѣсня, далекою стороною является скорѣе Москва, чѣмъ Петербургъ. Впрочемъ, если „святая Русь," то радомъ уже прославя въ пѣсню Москва.

¹⁾ У насъ.—²⁾ Составилось изъ пере-правы и *Не-самы*. Можно читать „за не Волгою," „не за Волгомъ:" описаніе отрицательное (тамъ и ниже).—³⁾ Знакомый намъ отрицательный оборотъ.—⁴⁾ Вѣдето „жизни и службы боарской," или въ старшихъ образцахъ, „жизни уже барская воля, отдавшая широкостнаго въ рекруты.—⁵⁾ Которые отданы неволею.—⁶⁾ Полковникъ.

8.

Што за рѣчкою за быстрою,
 Ни ковыль-трава зашаталася:
 Зашатался добрый мѣлодецъ
 По чужой-дальней сторонущкѣ.

5. «Сторона ль ты моя, сторонущка,
 «Чужедальная, незнакомая ¹⁾!
 «Да не самъ же я на тебя зашолъ,
 «Да не вѣронъ меня конь занёсъ:
 «Завела жь меня нужда крайняя,
 10. «Нужда крайняя, служба царская,
 «Служба царская, государская.»

*

9.

(Губ. Орловской).

За рѣчкою за рѣчинькой,
 За рѣкой-то было за быстрою,
 Ни ковыль-травка зашаталася:
 Зашатался тамъ добрый мѣлодецъ,

5. На чужой-дальней сторонущкѣ.
 «Сторона ль ты моя, сторонущка,
 «Сторона моя чужа-дальная,
 «Чужа-дальная, незнамая,
 «Незнамая, незнакомая,
 10. «Незнамая, сподмосковная ²⁾!

¹⁾ Такъ начинаются уже многія другія лѣсни, примененныя ко всевозможнымъ мѣстностямъ, какъ скоро затерявъ историческій заголовокъ.

²⁾ Какъ и выше, вѣсто Петербурга явилась уже стороною чужою Москвы (гляди въ Орла).

- «Ни самъ жа я на тебе зашолъ,
 «Ни своей волей-охотою:
 «Занесла мене неволюшка,
 «Неволюшка—служба царская,
 15. «Служба царская, государская.»

* *

Съ другой стороны, то же самое начало о разстилавшейся степной ковыль-травушкѣ, свойственное, какъ мы знаемъ, многимъ пѣснямъ козацкимъ, а потому известное при Краснощокѣ (ср. выше), ведетъ за собою еще образецъ, гдѣ Донцы жалуются на глупость войны Шведской, при Петрѣ и Елизаветѣ, а кочибѣ на далекую сторону Прусску (ср. вын. 8, стр. 87; вын. 9, стр. 113—116). Вотъ еще примѣръ такой козацкой жалобы „подъ Шведомъ“:

Подъ Шведомъ.

1.

(Губ. Оренбургск., у. Бузул.).

- Ахъ, не шатайся ты, не валяйся ты,
 Въ полѣ травушка!
- Какъ подъ Шведомъ простояли мы
 Ровно три годочка,
 5. Не пиваючи, ахъ, да не ѣдаючи
 Ровно три денѣчка.
 Нѣтъ ни вѣсточки, нѣтъ ни грамотки,
 Съ Руси нѣту!
- На четвертый-то на годочекъ-то
 10. Вѣстка пала;
 Пришла вѣсточка, пришла грамотка
 Съ Руси невесѣла:
 Мого батюшки, моей маушки
 Въ живѣ нѣту;
15. Молодая-то жена, шельма-разбестя,
 Давно за мужъ вышла;

Малы дѣтушки, голубятушки,
Всѣ осиротѣли.

Ахъ, никто-то по мнѣ, по мнѣ по молодцѣ,
20. Никто не потужить:
Только тужить-плачетъ по мнѣ, по молодцѣ,
Душа красна дѣвка.

(Доставлено В. И. Далемъ).

* *

Такимъ образомъ, по многимъ примѣрамъ, особенно послѣднимъ, мы нашли и разъяснили въ области народнаго пѣснотворчества совершенно особую силу, которой отвѣчаютъ свои особыя явленія и которую успѣли мы назвать постояннымъ техническимъ словомъ—*примѣнение*: одни и тѣ же начала, издревле идущія, даже опредѣленные образцы, по нимъ сложенные, постепенно развѣтвляясь, примѣняются къ разнымъ эпохамъ и лицамъ историческимъ, къ разнымъ случаямъ и даже чувствамъ бытовымъ. Иногда, на семь пути, они снова *специализуются* по какому ни будь новому поводу, такъ что одинъ образъ, заглавье, заголовокъ, одно слово, одна какая ни будь черта—становятся *признакомъ* такого-то именно образца, а не другаго, такого-то событія, лица и имени, хотя дѣльный составъ и весь корпусъ пѣсни гораздо старше и нѣсколько разъ примѣнялся прежде къ другимъ явленіямъ. Порою въ семь видѣ образецъ *окрѣпнеть* на всегда, вновь уже не измѣняется и только лишь повторяется: порою снова готовъ разломиться и служить образованію новыхъ, за ново специализованныхъ образцовъ. Такъ иныя пѣсни, казалось бы совсѣмъ уже приуроченныя къ XVIII вѣку, мы встрѣтимъ еще послѣ въ примѣненіи къ явленіямъ вѣка XIX-го. Все это дѣло самого творчества, его силъ, стихій и экономического распоряженія: здѣсь мы нисколько не выходимъ изъ области пѣснотворческой, хотя и не можемъ опустить изъ виду, что этимъ свидѣлствуется известное ослабленіе силы творческой въ ея производительности! Если нужно подбирать старыя осколки и пользоваться ими въ новомъ примѣненіи, то очевидно, что сама сюда къ новой производительности становится бессильна и вывертывается, замѣняя прежнюю крѣпость и плодотворность свою оборотливостью и ловкостью.

Не такова другая сила, которую мы также успѣли уже отвѣтить и указать, хотя пока еще и рѣже первой: это сила *употребленія*. Здѣсь само творчество ни при чемъ, пѣсня не *замѣняется* и не *примѣняется*, ни на юту ничего вновь не творится: напротивъ, жизнь обиходная и практическая, вовсе не творческая и не притязая на творчество, беретъ образецъ совсѣмъ готовый и *употребляетъ* его въ данномъ случаѣ, смотря по известному требованію. Стбитъ только держать пѣсню

въ памяти либо даже держать передъ глазами книжку, пѣсенникъ, да и зацѣть сложенную прежде пѣсню, повинаясь вызову какого либо явленія или имени въ окружающей жизни. Такъ и въ языкѣ есть законы ассимиляціи, уподобленія, осмысленія и примѣненія, сверхъ силы творящей и основной, первобытной и коренной, — это скорѣе назовуъ силы творческой, рутина проложеннаго прежде пути, варіація существенныхъ началъ: но есть и другая сила, употребленіе, паиз. Мы видѣли, на примѣръ, что при взятіи Праги и Варшавы употребили пѣсню, старшую и готовую, „Ахъ на что бы огородъ городить, Ахъ на что было запусту садить:“ пѣсню *сдѣлали* историческою, но она все-таки не историческая въ нашемъ техническомъ смыслѣ, по существу пѣсно-творчества; пѣсню, казалось, примѣнили, и очень ловко (когда смяли огороды и разрушили ограду, городскія укрѣпленія): а все-таки она не получила *примененія* въ области творчества и творчествомъ не нацѣнена противу окрѣпшаго образца нисколько. Приведемъ и другой подобный примѣръ, совершенно умѣстный въ настоящемъ изданіи.

Именно, въ 30-хъ годахъ жилъ въ Москвѣ, подъ конецъ старшимъ сторожемъ при строящемся Храмѣ Спасителя, *Яковъ Иаковъ*, бывший крѣпостной человекъ Лобанова и начавшій службу въ Потѣшной ротѣ Петра. Ему было слишкомъ 130 лѣтъ, но онъ все еще былъ бодръ и свѣжъ, а умеръ въ Ромнахъ по дорогѣ на богомолье. Въ особенности любилъ онъ цѣть пѣсни и вспоминать старшія. Мы сами по малолѣтству не могли хорошеняко воспользоваться этимъ случаемъ: но почтенный пріятель нашъ, цѣведъ и создатель своеобразнаго хора, И. Е. Молчановъ успѣлъ многое запомнить изъ разсказовъ, передать намъ и даже записать. Между прочимъ, по свидѣтельству старика, *при закладкѣ Кронштадта* пѣли пѣсню—

Я посю ль, млада-молоденъа,
Цвѣтиковъ маленько:
Стали цвѣты разцвѣтати,
Сердце обмирати.

Пѣсня тогда считалась еще „новою:“ крайне важное показаніе, какъ о времени происхожденія самой пѣсни, весьма хорошей между народными, хотя уже дѣйствительно „Петровской,“ богѣ новой по языку и оборотамъ сравнительно съ образцами древними; такъ и о томъ, какъ ловко умѣли тогда пользоваться сложенною народною пѣсней при крупномъ историческомъ событіи. Въ самомъ дѣлѣ, подобныхъ дорогихъ цвѣтиковъ было тогда у помолодѣвшей Россіи еще очень маленько, и сколько разъ приходилось послѣ обмрять Русскому сердцу за судьбу нашего расцвѣтшаго морскаго дѣла: а какіе дѣды съ тѣхъ поръ! Тѣмъ не менѣе, заноса теперь эти строки въ рядъ судебъ историческихъ, мы конечно не относимъ самой пѣсни къ творчеству историческому и. *стѣмъ дѣла. историческое ея употребленіе, не пѣтаемъ заѣтъ подлиннаго.*

относя его къ послѣдующимъ нашимъ отдѣламъ, гдѣ помѣстится и пѣсня Суворовская, Праго-Варшавская. Подъ конецъ изданія у насъ наберется такихъ довольно.

Наконецъ третья еще сила, обозначившаяся при изслѣдованіи въ нашихъ изданіяхъ, есть та, которая *не творитъ, не примыкаетъ и не употребляетъ* пѣсни народной, а напротивъ сама себя ставитъ на мѣсто *творчества народнаго*, хотя дѣйствуетъ совершенно различными отъ него средствами, исходитъ изъ другихъ началъ и идетъ путемъ обратнымъ, зачинаясь тамъ, гдѣ въ творествѣ народномъ предѣль, прерываясь на томъ рубежѣ, гдѣ пѣснотворчество еще длится: эта сила, съ соответственными ея явленіями, есть, мы знаемъ уже по нѣсколькимъ примѣрамъ и сравненіямъ, — *сочиненіе*. Всего яснѣе мы ее увидали и всего ярче отличили въ XVIII вѣкѣ, при пѣсняхъ, какъ назвали мы, „сочиненныхъ,“ при походныхъ, военныхъ, солдатскихъ произведеніяхъ, выступившихъ на сцену преимущественно со времени Екатерины. Не повторяя сказаннаго однажды, напомнимъ только, что въ началѣ, при томъ рубежѣ, съ котораго сочиненіе пошло отъ пѣсни народной, оно, подобно сей послѣдней, не то чтобы не знало, — а не выставляло и не сохраняло именъ своихъ сочинителей: лишь постепенно стали они опредѣляться и даже приобретать громкую извѣстность съ послѣднихъ годовъ Екатерины и Павла, возобладали же въ нашемъ вѣкѣ, а потому мы и посвящаемъ особый отдѣлъ имъ въ слѣдующемъ выпускѣ, именно въ 10-мъ: ибо имена эти также точно предають сочиненной пѣснѣ извѣстный признакъ и отцвѣтъ историческій, хотя въ сущности не дѣлають ея историческою народною пѣсней, сколько бы ни восхваляли о самыхъ крупныхъ историческихъ дѣятеляхъ и самыхъ важныхъ событіяхъ.

Иногда же, случается, подобная сочиненная пѣсня вертится около дѣйствительнаго, исторически засвидѣтельствованнаго явленія и принадлежитъ сочинителю съ определеннымъ именемъ: но, или само явленіе слишкомъ мелко, а потому не заслуживаетъ мѣста въ серьезной исторіи (и здѣсь противоположность народу, у котораго въ творествѣ нѣтъ ничего мелкаго), или же имя сочинившаго не достаточно кружо, а талантъ не слишкомъ силенъ. Пусть извѣстная эпоха и извѣстный слой общества въ запускъ повторяютъ полюбившееся произведеніе: ему нѣтъ мѣста у насъ, въ области всеобщей и всенародной. Такъ, на примѣръ, когда при Екатеринѣ знаменитый Гр. Гр. Орловъ сочетался съ дворянскою сестрою, г-жею *Зимовьевою*, послѣдняя, въ минуты упоенія, сочинила, говорятъ, пѣсню или романсъ—

Желанія наши совершились

И всѣ напасти тѣ прошли,—

произведеніе, крайне любимое въ свою эпоху и распространеннѣе по множеству пѣсенниковъ. Но, съ одной стороны, тогда же, съ 1780 года; у Новикова и Шнора, оно напечатано въ особомъ видѣ, совсѣмъ не

въ томъ, какой на примѣръ приводить гр. Блудова, разсказывая о семъ подробно въ своихъ „Воспоминаніяхъ и запискахъ („Зоря“);“ такъ что можно еще сомнѣваться въ историческомъ происхожденіи образца и видѣть въ немъ только примѣненіе или даже простое употребленіе старшаго готоваго произведенія. Съ другой же стороны, давать здѣсь мѣсто подобнымъ явленіямъ значило бы, въ слѣдъ за ними, печатать и стихи Пушкина объ Истоминной. Позднѣе у насъ будетъ къ тому и больше времени, и бумаги.

Совсѣмъ не того заслуживаетъ пѣсня, сочиненная въ наше время, и лицомъ весьма извѣстнымъ, но широко распространенная въ народѣ, хотя бы по его испорченнымъ классамъ и вкусамъ, а главное—воспѣвающая событіе, важное для насъ въ настоящемъ дѣлѣ,—*Полтаву и Петру походу*. Объ ней стоить сказать и миновать ея нельзя ради того уже, чтобы неопытные не соблазнились и ще приняли этого за произведеніе чисто-народное (какъ и случилось къ сожалѣнію въ недавній юбилей Петровскій). Дѣло вотъ въ чемъ. Помянутый не разъ, столь заслуженный въ дѣлѣ исполненія народной пѣсни, почтенный пріятель нашъ *И. Е. Молчановъ* жилъ когда-то съ хоромъ своимъ въ Калугѣ: жилъ долго и посмучивалъ. Случилось, что на торгу подалась ему какая-то разбитая книжка о Петрѣ Великомъ; вчитавшись, онъ настроился строемъ народнымъ и постепенно сложилъ пѣсню, разучилъ ее въ своемъ хорѣ, исполнилъ,—и пошла она гулять по Россіи. Правда, ее полюбили больше на фабрикахъ, въ харчевняхъ и трактирахъ, но все-таки, и этимъ путемъ, она разошлась по народу и принята „за свою“ выдаваясь личнымъ талантомъ и искусствомъ пѣнія, сочинитель по крайности не выдается и не исключается изъ народа ни по своимъ основнымъ воззрѣніямъ, ни по воспитанію, образу жизни и одеждѣ, языку и рѣчи, — и вотъ объясненіе того пути, которымъ пѣсня, сложенная хотя бы лицомъ единичнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ принимается народомъ какъ его общее достояніе. Не знай мы этого происхожденія и не разскажи намъ о томъ самъ сочинитель, а теперь не занеси мы этого случая въ лѣтопись пѣсни, почтенный старецъ могъ бы скончаться, и пѣсня, оставшаяся въ народѣ, пожалуй сочлась бы чисто-народною, безъ имени и памяти ея слагателя. Вотъ она:

Было дѣло подѣ Полтавой.

(Пѣсня, сочиненная Иваномъ Евстратовичемъ Молчановымъ).

1.

Было дѣло подѣ Полтавой,

Дѣло славное, друзья:

Мы дрались тогда со Шведомъ

XXXVIII.

Подъ знамѣнами Петра.
Нашъ могучій императоръ,—
Память вѣчная ему,—
Самъ родимый предъ полками
Словно сѣколъ онъ леталъ,
Самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ,
Самъ и пушку заряжалъ.
Бой горѣлъ. Герой Полтавы,
Нашъ державный великанъ,
Ужъ не разъ грозюю грянулъ
На могучій вражій станъ.
Пули облакомъ неслися,
Кровь горячая лилась.
Вдругъ одна злодѣйка пуля
Въ шляпу царскую впиалась:
Видно Шведы промахнулись,
Императоръ усидѣлъ,
Шляпу снялъ, перекрестился,
Въ битву снова полетѣлъ.
Много Шведовъ, много Русскихъ
Подъ Полтавою легло.
Вдругъ еще злодѣйка пуля
Въ его царское сѣдло:
Не смутился императоръ,
Взоръ какъ молнія блисталъ,
Конь не дрогнулъ отъ удара,
Но быстрѣе поскакалъ.
И какъ разъ, и третья пуля
Повстрѣчалася съ Петромъ,
Прямо въ грудь ему летѣла
И ударила какъ громъ:
На груди его высокой
Чудотворный крестъ сіялъ.
Пуля съ визгомъ отскочила
Отъ чудеснаго креста,
И спасенный побѣдитель
Славилъ Господа Христа.

Было дѣло подъ Полтавой,
Сотни лѣтъ еще пройдутъ:
Эти царскія три пули
Въ сердцахъ Русскихъ не умрутъ.

(При распространеніи пѣсни получила уже много вариантовъ и искаженій: подлинникъ ея въ печатныхъ сборникахъ Молчановскихъ пѣсенъ, изданныхъ не разъ самимъ пѣвцомъ; но изъ скромности онъ называетъ ее тамъ „Пѣсня Русскаго народа“).

Мы въ одномъ только можемъ упрекнуть почтеннаго друга: имѣя возможность изъ запаса своей музыкальной памяти извлечь напѣвъ чисто-народный и даже воссоздать его своимъ искусствомъ до нѣкоторой спеціальной оригинальности, онъ вмѣсто того удовольствовался голосомъ старинной одной Канты, который извѣстенъ позднѣе по романсу, весьма дикому въ содержаніи и въ семинарскомъ языкѣ своемъ:

Въ одинъ день, лишь очень рано,
Въ постъ великій, на страшной,
Разъ прекрасная Діана
Вдругъ явилась чернецу.

Впрочемъ о вкусахъ спорить не должно: голосъ этотъ нравится извѣстнымъ (конечно порченымъ) слоямъ народа, давая возможность во 2-мъ колѣнѣ сильно вскрикивать басомъ, а альтомъ взвизгивать. Въ недавній юбилей Петра, на народныхъ гуляньяхъ и даже крупныхъ торжествахъ, въ исполненіи самого Молчановскаго хора и разныхъ кружковъ, пѣсня фигурировала на передней сценѣ. И вездѣ, всѣми признавалась за народную, никто не растолковывалъ и не возражалъ: въ добрый часъ.

*

По этому поводу мы не можемъ не вспомнить, что, за исключеніемъ пѣсни Молчановской, Петровское торжество прошло въ совершенномъ молчаніи со стороны самой громкой и звучной, со стороны музыкальной. Народнаго, Русскаго и даже сколько ни будь самобытнаго въ національномъ родѣ не выступило ровно ничего на готовую обширную сцену, подъ открытымъ счастливымъ резонансомъ, въ слухъ жадныхъ слушателей, домашнихъ и пріѣзжихъ. Тутъ не нужно было даже придумывать что ни будь новое, не бывалое и не слыханное: въ текстѣ и напѣвѣ народныхъ произведеній изъ эпохи Петровской, въ тогдашней музыкѣ и даже въ сохранившихся нотахъ было такъ много готоваго, что не только искуснымъ воспроизведеніемъ, но даже самымъ легкимъ, лишь бы порядочнымъ, исполненіемъ однажды созданнаго можно было

занять цѣлыя ряды музыкальныхъ торжествъ, цѣлыя недѣли къ ряду, тысячи голосовъ и инструментовъ, сотни тысячъ слушателей. Къ сожалѣнію „Общество любителей Русскаго народнаго пѣнія,“ имѣвшее въ виду эти работы и успѣхи, ревностно приготовлявшееся къ нимъ съ обильными своими матеріалами, не получило, какъ и доселѣ еще, утвержденія своему, представленному давно, уставу. Попытки его, въ лицѣ избранныхъ нѣсколькихъ членовъ, сойтись сими цѣлями съ Комитетомъ Выставки, оказались безплодны; переписка о томъ съ Музыкальной Комиссіей въ Петербургѣ весьма скоро затихла; горячо принимавшій участіе въ ней Г. Е. Ларошъ также замолокъ; Народный Театръ не понуждался въ музыкѣ народной; Молчановъ, дожидавшійся того съ своимъ опытнымъ хоромъ, послѣ народнаго гулянья предпочелъ вовсе удалиться изъ Москвы; кн. Ю. Н. Голицынъ (теперь уже покойный) ничего не успѣлъ поставить въ этомъ родѣ и ограничился однимъ концертомъ музыки такъ называемой „общей;“ г. Славянскій, ожидаемый многими, вовсе не явился къ торжеству. Открытое письмо наше къ Вл. Н. Кашперову, предлагавшее народные матеріалы для исторической музыкальной кантаты съ хоромъ, въ текстѣ, напѣвахъ, инструментахъ или инструментовѣхъ Петровскаго времени, не возбуждая творчества ни къ комъ, должно было укрыться обратно въ портфель. Даже одна изъ многихъ пѣсней народныхъ, сотая доля изъ цѣлага, современная Петру пѣсня объ его рожденіи, нами аранжированная къ исполненію, и та не нашла себѣ нигдѣ удобнаго мѣста и радушнаго приглашенія. Наконецъ, въ безнадежности такого исхода, подготовлявшійся нами съ Н. М. Потуловымъ: радъ пѣвческихъ концертовъ „духовныхъ,“ имѣвшихъ воспроизвести музыку XVII и XVIII вѣка, въ воспоминаніе совпадавшаго двухсотлѣтняго и столѣтняго юбилея нашихъ лучшихъ пѣснопѣній церковныхъ (о чемъ были статьи наши въ „Православномъ Обзорѣніи,“ точно также встрѣченъ былъ, какъ прозекъ, безучастною холодностію тѣхъ, кому о семъ вѣдать надлежало и кому бы это ближе всѣхъ было къ уму и сердцу. Короче, Русское слово, творчество, искусство и техника въ данномъ случаѣ ни съ какой стороны не потерпѣли такого забвенія, невниманія и полнѣйшаго неуспѣха, какъ со стороны пѣсенной, музыкальной, вокальной и инструментальной. Разумѣется, за отсутствіемъ пѣсни, не явилось на сцену и народныхъ образовъ вообще, ни красокъ и картинъ, ни возможныхъ представленій, игръ, зрѣлищъ, увеселеній и тому подобной обстановки, сколько ни будь запечатлѣнный характеромъ подлинной народности и историческою печатью Петровскаго вѣка. Даже, наконецъ, изданный нами томъ народныхъ произведеній великой эпохи (8-й выпускъ), еще въ 1870 г. посвященный ей двухсотлѣтію и потому предназначенный для входа на Выставку, на самомъ дѣлѣ—за неимѣніемъ особаго павильона и богатыхъ средствъ для оцѣнки помѣщенія, — послѣ первыхъ дней торжества принужденъ былъ ретироваться, хотя и значился въ объявленіяхъ. По прежнему не ознакомилась съ нимъ и литература наша, ревниво искавшая до-

XLI.

всюду „слѣдовъ Петра.“ Такъ юбилей великаго героя послѣ долгихъ двухъ сотъ лѣтъ okazaлся все-таки слишкомъ раннимъ и преждевременнымъ.

*

За то каждый шагъ нашего изданія впередъ безпрестанно радуеть насъ, принося оправданіе нашимъ разысканіямъ и даже предположеніямъ. Это случилось особенно съ *князю Е. О. Лопухиной*, напечатанной у насъ въ 8-мъ выпускѣ по нѣсколькимъ вариантамъ, смѣло отнесенной нами къ лицу знаменитой исторической героини, хотя и не упомянуто ея имя въ самой пѣснѣ, что объяснили мы тайною и страхомъ. И точно, послѣ того, „Зоря“ 1870 года за Сентябрь мѣсяцъ напечатала такую выдержку изъ бумагъ покойнаго историка И. П. Шульгина:

„При Петрѣ Великомъ, по случаю постриженія царицы Евдокии, сложена была (и запрещена) слѣдующая пѣсня:

(6).

- «Постригись, моя немилая,
«Посхипись, моя постылая!
«На постриженіе дамъ сто рублевъ,
«На посхименеіе дамъ тысячу.
5. «Поставлю келейку во Суздамѣ,
«(Во Суздамѣ) красномъ городѣ,
«Тонѣшеньку ¹⁾, малѣшеньку ²⁾»

- Князья и бояре съѣзжались,
И той келейкѣ дивовались:
10. ««И что это за келейка,
««И тонѣшенька, и малѣшенька?
««И что это за старица,
««Что пострижена молодѣшенька?»»

За эту пѣсню при Петрѣ II канониръ Носовъ, пѣвшій ее, былъ битъ шпидрутеюномъ.“

Такимъ образомъ она документально извѣстна уже съ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка.

* *

¹⁾ Тонѣшеньку?—²⁾ Это слова мужа.

При такомъ положеніи нашего дѣла, постепенно раскрывающагося предъ взорами Русскихъ людей, хотя бы наши изданія, объясненія и примѣчанія къ народнымъ памятникамъ были несносны для „обертонной критики,“ мы обязаны нѣсколько разъ еще возвращаться къ прежнему съ дополненіями. А если отлагаемъ это до слѣдующихъ выпусковъ, то не ради криковъ, насъ сопровождающихъ на пути, а ради недостатка времени и мѣста, всего же болѣе по существу нашихъ вопросовъ, безпрестанно возникающихъ и все далѣе простирающихся.

Часть III.

Выпускъ 9.

Пѣсни о *Допухинѣ* и *Безсчастномъ Королѣ Прусскомъ* получаютъ еще слѣдующіе варианты, хотя примѣненные уже къ Французамъ:

Допухинъ.

(8).

(Губ. Арханг.).

Заводилася война
 Среди бѣла ¹⁾ дня:
 А что начато палить,—
 Только дымъ столбомъ валить;
 5. Каково есть красно солнышко,
 Не видно во дыму.
 Только видно во дыму:
 Не ясѣнъ соколъ летить ²⁾,
 Добрый молодецъ гуляетъ,
 10. Онъ по крутой по горѣ,
 Самъ на вѣрономъ конѣ.
 ³⁾

¹⁾ Должно быть, какъ въ другихъ образцахъ, „бѣлдо.“ — ²⁾ Д. б. „летаетъ.“ — ³⁾ За сими пѣснями примѣнена къ Французскому походу на Москву.

На лужку, было, лужку
 Стоит армія въ кружку:
 Лапуховъ ѣздитъ ⁴⁾ въ полку,
 15. Курить трубку табаку.
 Для чего намъ не курить,
 Зелена вина не пить?
 Свинца-пороху довольно,
 Сила во полкъ стоитъ ⁵⁾.

20. Ужь мы билися-рубился
 Четырнадцать часовъ:
 Съ пяти на десять пробило ⁶⁾,—
 Стали силу разбирать.
 Стали силу разбирать,

25. Стали полковничковъ считать:
 Не нашли такихъ убитыхъ
 Полковничковъ до семи,
 Енераловъ до восьми.
 Мелкой солдатской силы

30. Сосчитать мы не могли:
 Которые на горѣ,
 По колѣнъ стоять въ рудѣ ⁷⁾;
 Которы подъ горой,
 Тѣхъ засыпало землей.

35. Одинъ такой ⁸⁾ лежитъ,
 Таку рѣчь говорить:
 «Вы подайте-ко, ребятушки,
 «Чернилицу съ перомъ,
 «Чернилицу съ перомъ,

⁴⁾ ѣздилъ?—⁵⁾ Лббопитное оправданіе собственному образу, созданному самимъ же народомъ—солдатами. Между прочимъ замѣтное участіе современниковъ, сложившихъ пѣсню (хотя на самомъ дѣлѣ, на примѣръ, свинца-пороху вовсе не было довольно).—⁶⁾ Прекрасный народный оборотъ вмѣсто «на пятнадцатомъ часу.»—⁷⁾ Въ крови.—⁸⁾ Видно уже позднѣйшее желаніе скрыть имя изъ страха; притомъ здѣсь изъ Лопухина видимо сдѣланъ простой солдатъ, отъ лица котораго въ другихъ образцахъ высказываются горькія жалобы.

40. «Листъ бумаги со гербомъ!
 «Напишу я такую просьбу
 «Государю самому,
 «Государю самому—
 «Императору царю ¹⁾);
45. ««Еще нашо-тъ ¹⁰⁾ генераль
 ««Много силы издержалъ,
 ««Ужь онъ пропилъ-промоталъ,
 ««Добталъ въ карты проигралъ,
 ««Онъ удары раздавалъ ¹¹⁾»»

(Записано С. В. Максимовымъ; ср. сборн. П. И. Якушкина 1865 г.).

* *

Разбесчастный король Прусскій.

(3).

(Губ. Орловск., у. Малоарханг., Сабурово).

- Разбесчастненькой, безталанненькой
 Французъ ¹⁾ зародился!
 Онъ сы вечера рано спать ложился,
 Долго почивать ²⁾);
5. Ничего жъ ли то я, Французикъ ли,
 Ничего не знаю ³⁾);
 Што побили его, его армию
 Донскіе козаки.

¹⁾ Это можетъ относиться, какъ мы знаемъ, одинаково и къ государынямъ.—
¹⁰⁾ Нашъ-тъ.—¹¹⁾ Да еще иногда солдатъ билъ-наказывалъ.

¹⁾ Участіе Французовъ, извѣстное и по прежнимъ нашимъ образцамъ, обратило самого Короля во Француза, отозвалось въ послѣдующихъ пѣсняхъ о Суворовѣ и повторилось на своемъ мѣстѣ подобными же выраженіями въ пѣсняхъ о нашествіи Французовъ.—²⁾ Должно быть: „почиваетъ.“—³⁾ Д. б. „онъ ничего не знаетъ.“

- «Што мнѣ жаль-то, мнѣ жаль свою армію,—
10. «Есть еще жалчѣя:
«Што вотъ сняли мому, мому родному,
«Да родному братцу,
«Што вотъ сняли ему, сняли ему головку,
«Да головку ⁴⁾!»
15. «Што мене ль то, мене, всё Французика,
«Въ полонѣ мене ваяли;
«Посадили мене, всё Французика,
«Въ тѣмную темницу:
«Што вотъ тошно ли мнѣ, всё Французику,
20. «Въ темницѣ сидѣти.
«Если бѣ зналъ-то бы, зналъ, Французикъ ли,
«Я бѣ того не дѣлалъ ⁴⁾!»

(Ср. тамъ же).

* *

Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.

(14).

(Губ. Орловской, у. Болховск.).

- Во саду было, во вишенью,
Что подь бѣлою березою,
Тамъ стояла нова свѣтлица,
Нова свѣтлица королевская.
5. Что во той во новой свѣтлицѣ,
Новой свѣтлицѣ королевскія,
Засажонъ сидитъ Росейской графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ,

⁴⁾ Въ прежнихъ нашихъ образахъ „племянничекъ родной Блатовъ.“—⁴⁾ Не затѣвалъ бы войны.

- Со Росейскими солдатами,
 10. Со Росейскими офицерами.
 Онъ по свѣтлицѣ похаживаетъ
 Бѣлымъ ручками помахиваетъ,
 Головкою покачиваетъ ¹⁾:
 «Ой таланъ ли мой, таланъ плохой,
 15. «Иль несчастье мое горькое!
 «На роду ли мнѣ написано,
 «Или жеребьемъ мнѣ выпало,
 «Что сидѣть молодцу въ неволюшкѣ,
 «Со Росейскими солдатами,
 20. «Со Росейскими офицерами?!»

- Лучилось ли туту ѣхати
 Мимо той ли новой свѣтлицы
 Самому Королю Прусскому:
 — И ну что тутъ часовой стоять,
 25. — Или кто тутъ посажонъ сидить?—
 И какъ взгóворить Росейской графъ:
 «Ты-но ²⁾ о еси ³⁾), Пруской Король!
 «Прикажи графа поить-кормить,
 «Иль на волю графа выпустить!»
 30. — Ты-но о еси, Росейской графъ,
 — Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ!
 — Послужи-ка ты съ вѣрой съ правдою,
 — Какъ служилъ ты царю Бѣлому,
 — Катеринѣ Алексѣевной ⁴⁾! —
 35. «Ты-но о еси, Пруской Король!
 «Отпишу я своей матушкѣ,
 «Катеринѣ Алексѣевной:
 «Наша матушка разсердится,
 «Вся Росеюшка подыметъ,
 «Всѣ козаки возвоюются,

¹⁾ Придирка къ тому, чтобы вставить здѣсь, какъ въ другихъ образцахъ, пѣсню о „Головъ-головушкѣ.“—²⁾ Ты-ка.—³⁾ Гой еси.—⁴⁾ Новое доказательство, что имя „царя“ относилось и къ государницамъ.

XLVII.

«Твой Кистринъ-Берлинъ ⁵⁾ наскрозь пройдемъ,
«Самого Пруса въ полонъ возьмемъ!»

(Доставлено намъ М. П. Лисицкимъ, а записано отъ той же поманутой
Болховской мѣщанин дѣвцы).

* *
*

Конецъ 9-го выпуска, пѣсней и дополненій.

чул.

⁵⁾ Соединеніе двухъ мѣстъ, славныхъ тогда въ исторіи и въ пѣснѣ, Кистрина Чернышовскаго и Берлина Краснощокковскаго.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Ч А С Т Ъ III.

В Ы П У С К Ъ 9-й.

Выписка изъ протоколовъ общества л. р. сл.

Русь Петровская.

Восемнадцатый вѣкъ
въ Русскихъ историческихъ пѣсняхъ.

	<i>Стран.</i>
Отдѣлъ I. Послѣ государя Петра Алексѣевича	1—75
Шереметевы и Долгорукіе. Шереметьевъ дворъ	1 — 5
Князь Ваня Долгорукій и молодая жена его боярыня (Наталья Борисовна). Казнить князя Долгорукаго	5 —14
Иванъ Осиповичъ, по прозванію Ванька Каинъ.—Похожденіа Ивана Осипова.—Дуняша, любовь Ванюшкина.—Камчатка съ Балчуга.—Жалоба на Ивана-Ваньку Каинова.—Свадьба Каинова.—Забавы Каиновы.—Каинова гора.—Игра о царѣ Саломонѣ.—Ванька Каинъ и Лжехристъ Андрюшка.—Каинъ увозитъ дѣвушку.—Русскіе бродяги, безшапортны молодцы.—Послѣдняя пѣсня Ивана Осиповича, по прозванію Ваньки Каина	14—75
Отдѣлъ II. Государыни	77—209
Осадили Азовъ-городъ. Генераль Левашовъ и Фельдмаршалъ.	79— 80
Война Шведская (Елизавета)	80— 90
Донцы на границѣ Шведской, оттуда въ Саксоніи	90— 92
Война Пруская.— Походъ въ землю Прусскую.—Битва при	

Гроссъ-Егерсдорффъ, смерть Лопухина.—Переправа черезъ Вислу; Кистринъ, Ферморъ.—Ссора Голицына съ Прозоровскимъ; осада Кистрина.—Разбезсчастный Король Прусскій.—На границѣ Прусской, въ самой Пруссіи и вернувшись изъ похода Пруссаго.	92—120
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.	120—145
Генералъ Краснощокъ, Атаманъ Донской.—Краснощокъ съ Петромъ Лессеномъ.—Краснощокъ и Король Шведскій.—Краснощокъ и Король Прусскій.—Тѣ же и Берлинъ съ Королевной.—Возвратъ войска изъ похода съ Краснощокъ.—Взята дѣвушка на границѣ.—Краснощокъ и полонянка.—Краснощокъ въ неволѣ.—Краснощокъ умираетъ	145—182
Казнь Васки Ремезова. Местъ предательницъ Аннушкѣ. . .	183—184
Танька Растокинская	184—195
Пѣсня Государыни Елизаветы (ея сочиненная).—Покровское село и Юза.—Пѣсня Царевны Елизаветы (ея сложенная, народная)	197—209
Отдѣлъ III. При Государынѣ Екатеринѣ.	
211—266	
Работы на линіи	213
Первая Турецкая Война.—Румянцевъ (и Суворовъ).—Черезъ Турецкое поле.—Средиземное море; Спиридовъ.—Зоричъ въ бѣдѣ; память о Краснощокѣ.—Долгоруковъ; Переконъ; Кафа.—Неудача подъ Силистріей.—Каменскій съ Донцами за Дунаемъ.—Нападеніе на Шумень и отпоръ Турокъ. Сборы подъ Бендеры	213—226
Пруссія; Енералушка; жена офицерская.—Румянцевъ въ Пруссіи; полонянка; сватовство за Россійскаго генерала.—То же подъ Бендерами.—Обрученіе Павла Петровича и Маріи Федоровны въ Берлинѣ; Румянцевъ сватомъ и сходатаемъ	227—243
Милиція въ войскѣ Янцкомъ.—Пугачевъ.—Въ Оренбургѣ, на Яикѣ и Самарѣ.—Судъ надъ Пугачевымъ; Панинъ.—Повѣздъ въ Москвѣ; Пугачевъ и сообщники.—Судьба Пугачева.—Пугачъ-Мигачъ въ Астрахани и въ Москвѣ	243—252
Война союзниковъ противъ Турокъ.—Вторая Турецкая война.—Очаковъ; Потемкинъ.—Сборы Донцовъ къ Бендерамъ; Потемкинъ.—Бендеры и Суворовъ	252—260
Донцы при Екатеринѣ	261—262
Гудовичъ противъ шаха Персидскаго	262
Взять Костюшко	263
Плачь войска по Государынѣ Екатеринѣ	264—266

Отдѣлъ IV. Пѣсни Военныя, Солдатскія, сочиненныя (при Екатеринѣ).....	267—329
Первая Турецкая война.	269—271
Перекопъ; Крымскій ханъ; Пушкинъ, Прозоровскій, Голицы- ны	271—277
Море Средиземное, флотъ	278—279
Буджакъ, движеніе къ Кагулу.—Румянцевъ, Долгоруковъ	279—283
Бендеры, Панинъ	283—285
Крымская линія, Перекопъ, Долгоруковъ	285—288
Румянцевъ.	288—290
Хоръ на миръ съ Портою	290—291
Война Шведская. — Татищевъ. Пушкинъ. — На возвратъ изъ похода Турецкаго и Шведскаго	291—299
Полковыя пѣсни	299—302
Чума	302—305
Опять война Турецкая.—Союзники.—На Турецкой границѣ.— Кинбурнская коса; Суворовъ. — Очаковъ, Потемкинъ (три образца).—Море Средиземное.—Поскорѣй бы взяты Бендеры.—Бранловъ; Гассанъ; Суворовъ-Рымникскій.— Измаилъ (два образца)	305—320
Мачинъ.—Черезъ Дунай.—Репнинъ, Голицынъ, Бутузовъ, Вол- конскій, Рибасъ	320—321
Хоръ на миръ съ Портою	323—324
Польша, Прага, Варшава, Суворовъ	324—326
Отдѣлъ V. Канты XVIII вѣка послѣ Петра	330—354
Анна	334—338
Елизавета	338—350
Екатерина; и Павелъ	350—354
Отдѣлъ VI. Пѣсни Малорусскія.....	355—392
Посылка на Ливію.—Пикинеры.—Кистривъ.—Гостинъ, Хо- тинъ.—Степанъ Жадченко, Ялта	358—368
Пугачъ—Пугачевъ	368—369
Пропала Сѣчь Запорожская.—Галка.—Чайка	369—381
Кинбуръ. Очаковъ.	381—387
Измаилъ.	387—388
Таманъ. Гетманъ Потемкинъ. Пѣсня Черноморская	388—389
Костюшко.—Потоцкій.—Костюша	390—392
Отдѣлъ VII. Историческія пѣсни Сербовъ, связанныя съ Русскими послѣ Петра, въ XVIII вѣкѣ	393—404
Москва подарилъ, Турки отдарилъ (времена Елизаветы и Ека- терины).	395—404

LI.

	<i>Стран.</i>
Отдѣлъ VIII. При государь Павлѣ.	414—420
Суворовъ въ Италиі и противъ Французовъ.	414—416
При Требиі.	416—417
Хоръ Павлу.	417—418
Умеръ Павелъ императоръ.	419
Отдѣлъ IX. Графиня Прасковья Ивановна Шереметева, урожденная крестьянка села Кус-	
кова.	1— 94
Ея народная пѣсня	48—65
Связи Е. С. Сандуновой съ Кусковымъ и съ Кусковскими преданіями: пѣсня, ею сочиненная, обработанная и пѣ- тая	65—70

Дополненія

къ 8-му и 9-му выпуску пѣсней.

	<i>Стран.</i>
Стрѣльцы и крестьянинъ	III—V
Петровы новобранцы на горахъ Воробьевыхъ	V—VI
Походы въ земли Шведскія и Турецкія, уроны и по- тери	VI—XXII
Петербургская дорожка и сторонка	XXII—XXV
Петербургъ и Нева со времянь Петра	XXVI—XXXIII
Подъ Шведомъ	XXXIII—XXXIV
Пѣсня при закладѣ Кронштадта	XXXV
Было дѣло подъ Полтавой	XXXVII—IX
Пѣня Е. Ѳ. Лопухиной	XLI
*	
Лопухинъ	XLII—IV
Разбѣсчастный король Прусскій	XLIV—V
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ	XLV—VII
Оглавленіе 9-го выпуска	XLVIII—LI

Опечатки.

ГЛАВНѢЙШИЯ ОПЕЧАТКИ 9-го ВЫПУСКА.

		Напечатано:	Исправить:
Стран.	4, строка	5: печалующиуса	печалующихся
"	12, "	17: наказывваъ	наказывагь.
"	15, "	8: молодець	молодецъ,
"	55, "	18: послѣ, дуущихъ	послѣдующихъ
"	77, "	8 снизу: выходи	выхода
"	78: "	18 „ окончаніе	окончаніе,
"	107, "	11: ввущавшіа	внушавшіа
"	109, "	1: ранн;	ранн);
"	113, "	8 снизу: вып. 8	вып. 8;
"	124, "	11: эго	это
"	147, "	3 снизу: врагъ	врагъ,
"	153, "	8: Муромнѣ	Муромцѣ
"	159, "	9: Глядюч	Глядючи
"	166, "	8: знаемъ	знаемъ,
"	182, "	7: героическая	героическая
"	187, "	15: нмѣло	нмѣль
"	197, "	9: Кускова	Кускова:
"	203, "	5 снизу: Не удивител по	Не удивительно
"	229, "	11: полонянокъ	полонянокъ
"	233, "	2 и 8 снизу: То же и объ Корогѣ, вышптнвають выше,	То же вышптнвають выше и объ Корогѣ,
"	256, "	17: Молодецкихъ“	Молодецкихъ,“
"	267, "	14 снизу: даль ше	дальше:
"	309, "	6 снизу:	и приведенной
"	322, стихъ 44:		Со десантомъ
"	323, "	68:	Послушаніе великой
"	324, строка 2 снизу: смнслахъ		смнслахъ:
"	325, "	7 и 8: черезъ чуръ, лите- раторамъ	черезъ чуръ лите- раторамъ,
"	328, "	7: сидѣль	сидѣль
"	332, "	17: п едстояю	предстояю
"	333, "	1: по робиѣ	подробнѣ
"	— "	8: завлечены е началось	завлечены ея; нача- лось
"	— "	19: были тоа	были тогда

25
Q. 19 | V 58

85

